ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ РККА
имени М. В. ФРУНЗЕ

ВЛАД. МЕЛИКОВ

МАРНА ВИСЛА СМИРНА

★

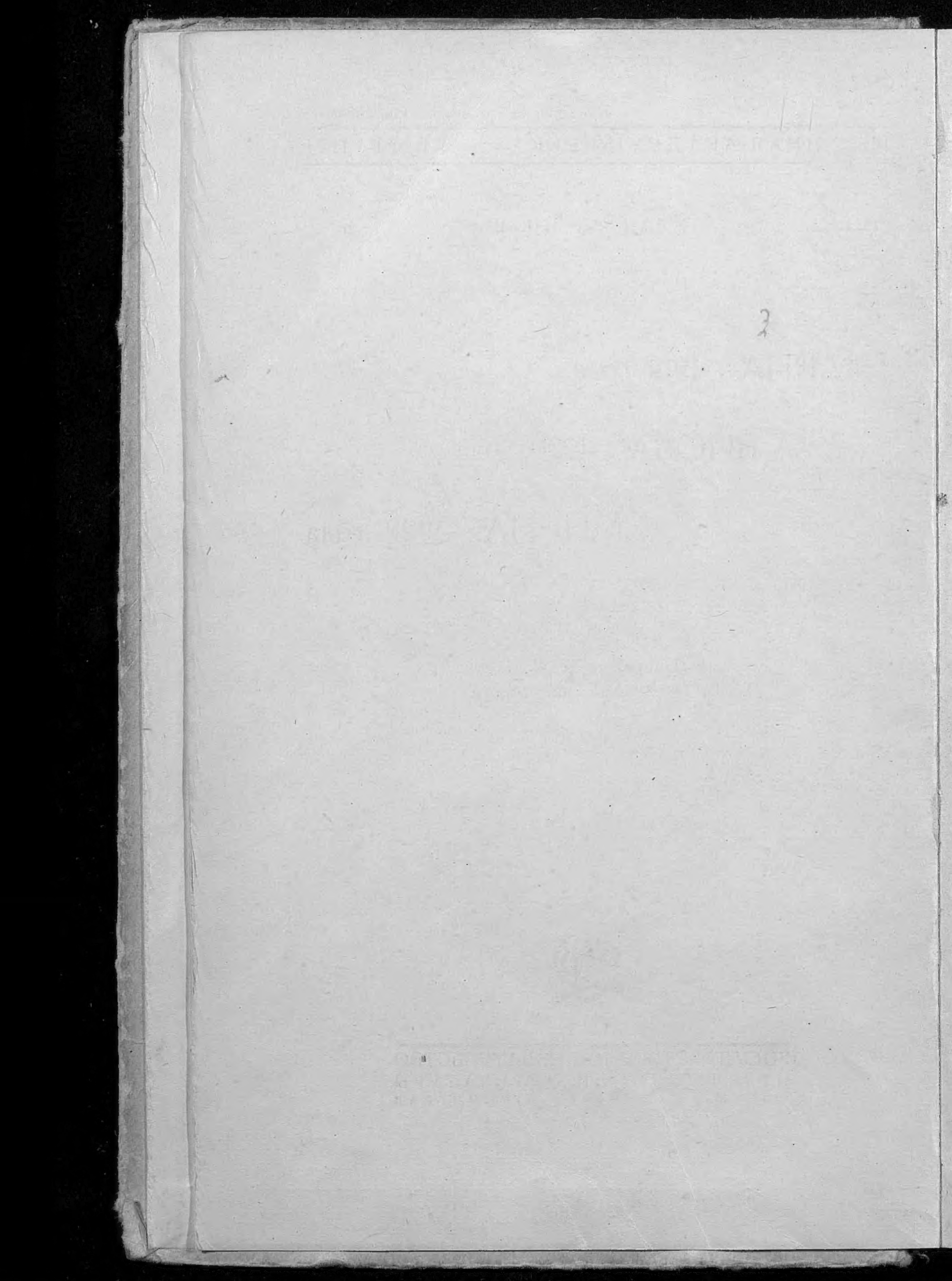
1928

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Борису Ефимовичу
Штейну
в знак искреннего
уважения

7/I 1928 г. В. Шишков

Дом отдыха ЦИК'а СССР
«Марьино»

СССР *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*

ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ РККА им. М. В. ФРУНЗЕ

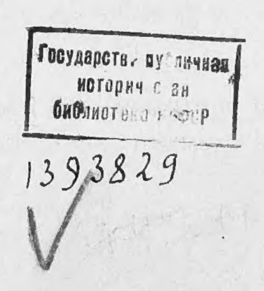
ВЛАД. МЕЛИКОВ

МАРНА—1914 года.
ВИСЛА—1920 года.
СМИРНА—1922 года.

(с 9 чертежами в тексте
и 14 схемами вне текста)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОТДЕЛ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1928 ЛЕНИНГРАД

Главлит 98279. Гиз 23908. Тираж 5200.

Типо-Литография Воен. Акад. Р.К.К.А им. М. В. Фрунзе.
Москва, Зубовская ул. 14. Телеф. 4-79-55.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стран.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Сражение на Марне.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Выводы.

ЧАСТЬ II. ВИСЛА.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

От Западной Двины и Березины к Нареву и Западному Бугу.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Политическая и военная обстановка перед сражением на Висле.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

От Нарева и Западного Буга к Висле.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Оперативная работа Главного и фронтового командования перед сражением на Висле.

Стран.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Бои на Висле и начало отхода красных армий.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Развитие наступления белопольских армий на Западном фронте.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Действия XII-й и I-й конной армий в период с 14-го августа по 6-е сентября.

Стран.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Выводы.

ЧАСТЬ III. СМИРНА.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Старая и Новая Турция.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Политическая и военная подготовка В.Н.С. Турции к наступательной операции в 1922 году.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Оперативный план Мустафы-Кемаля.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Переход турецкой армии в решительное наступление.

Стран.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Выводы.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Политико-экономические выводы в результате победы турецкой армии.

Боевым товарищам армий Западного и Юго-Западного фронтов в кампанию против белополяков в 1920 году посвящает свой труд

Автор.

1. „К науке ведет неширокая военная дорога (route royale), и только тот может рассчитывать достигнуть ее сияющих вершин, кто, не страшась трудов, карабкается по ее каменистым тропам".

Карл Маркс. *„Капитал", т. 1, стр. VIII.*

2. „Марксизм требует безусловно исторического рассмотрения вопроса о формах борьбы. Ставить этот вопрос вне исторически-конкретной обстановки — значит не понимать азбуки диалектического материализма... Пытаться ответить да или нет на вопрос об определенном средстве борьбы, не рассматривая детально конкретной обстановки данного движения на данной ступени его развития,—значит покидать совершенно почву марксизма".

Ленин. *Собр. соч., т. VII, часть 2-я, стр. 78.*

3. „Лучшее поучение на будущее время мы извлекаем из личного опыта, но так как этот опыт ограничен, то мы должны воспользоваться и опытом других".

Мольтке. *„Военные поучения".*

4. „Перед каждым намеревающимся сделаться полководцем лежит книга, озаглавленная: „Военная История"... Чтение ее, признаюсь, не всегда дается без труда. Приходится разобраться в массе сложного материала, но через него добираешься до сути; она часто заставляет сердце биться сильнее. В самом же конце узнаешь, какой оборот события приняли, какой оборот они должны были бы принять и как они будут складываться в будущем".

Шлиффен *(из речи на празднике 100-летия германской Военной академии).*

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Наша переходная эпоха выдвинула три типа войн—империалистическую, революционно-классовую и национально-освободительную. Тот разнообразный, громадный и своеобразный материал, который мы имеем в результате этих войн, требует самого тщательного исследования и изучения. Тут перед военным историком еще стоят грандиозные, мало осуществленные задачи.

Военное дело обогатилось целым рядом новых факторов и средств борьбы, которые внесли значительное изменение во все отрасли и области военного знания. Споры в области оперативного искусства, все еще волнующие нашу военно-научную мысль, перестанут носить отвлеченно-схематический характер лишь тогда, когда на помощь исследователю современных проблем стратегического и оперативного искусства придет военный историк с его изучением влияния новых политических и экономических факторов, нового человека и нового оружия на военное искусство.

Вот почему нельзя не приветствовать появление военно-исторического труда тов. В. А. Меликова „Марна—1914 г., Висла—1920 г., Смирна—1922 г.“.

Автор со всей тщательностью и знанием большого материала занялся исследованием трех чрезвычайно поучительных периодов войн последнего десятилетия. Он анализирует под углом зрения организации управления и командования три замечательных сражения: на Марне в 1914 году (империалистическая война), на Висле в 1920 году (революционно-классовая война) и операции в Малой Азии в 1922 году (национально-освободительная война).

Работа, как нам кажется, по своему построению и содержанию представляет большой интерес как для военного, так и для гражданского читателя. Посредством марксистского метода автор пытается вскрыть и анализировать не только

военно-техническую сторону, но и социально-экономическую обстановку, в которой протекали боевые действия и оперативная работа командования.

Наконец, мы считаем появление труда В. А. Меликова „Марна—Висла—Смирна“ весьма отрадным и достойным внимания нашей общественности явлением еще и потому, что этот труд является первой диссертационной работой адъюнкта Военной Академии РККА имени М. В. Фрунзе, свидетельствующей о том, что в стенах нашей Военной Академии вырастает новая смена военно-научных работников.

Р. Эйдеман.

ОТ АВТОРА.

В настоящем труде мы даем исследование трех периодов из более близкой нам исторической эпохи. Мы рассматриваем три сражения последнего десятилетия из мировой империалистической войны (Марна—1914 г.), из социалистической классовой войны нашего государства пролетариата и крестьянства с государством капитала буржуазно-шляхетской Польши (Висла—1920 г.[1]) и из национально-революционной, освободительной войны в Турции (Смирна—1922 г.).

Раз всякая война и армия не мыслятся *вне* социально-экономической обстановки и раз война и армия по своей природе являются диалектическим процессом общественного развития, в коем политика, экономика и стратегия переплетены между собою,—то правильно понять военные события, *вне* социально-экономической обстановки, невозможно, а поэтому совершенно естественно, что данная историческая трилогия пропитана политико-экономическими факторами.

Следует указать, что такое лаконическое заглавие труда нами дано еще потому, что мы хотели особенно подчеркнуть, *какие основные этапы* политического, экономического и оперативного порядка надо было пройти, чтобы история запечатлела на своих страницах „Марну“, „Вислу“ и „Смирну“.

Маневренным характером ведения операций наполнены эти три сражения и *предшествующие* этим сражениям боевые события, а потому они более близки к предстоящим социалистическим, классовым войнам. Последние не мыслятся со *сплошными* железо-бетонными фронтами от моря до моря, от нейтральных до нейтральных границ.

„Классовая борьба, говорил М. В. Фрунзе, настолько глубоко раздирает современные буржуазные государства, что в чистом виде национальная война является теперь делом невозможным. Всякая будущая война будет войной классовой. В частности для нас, для Союза Советских Социалистических Республик, всякая большая война, которую нам придется вести, будет в той или иной форме, в той или

---

[1]) Главы „Сражение на Висле“, которые мы писали два года тому назад в труде „Война с белополяками“, в настоящем издании значительно переделаны и дополнены.

иной степени связана с проявлениями борьбы классов, как в лагере наших противников, так, возможно, и у нас самих". (Собр. соч. т. II, стр. 167).

Предстоящие социалистические, классовые войны, а также национально-освободительные войны в колониях и полуколониях автором настоящего труда мыслятся, как широко активные, наступательные, маневренные войны с классовыми взрывами в тылах у врагов пролетариата и крестьянства, с жизненными и мертвящими районами, с рядом последовательных операций (внутри каждой из этих последовательных операций, естественно, будут не только наступательные, но и временно оборонительные действия) на путях распространения мировой пролетарской революции

Под свежим впечатлением минувших побед и неудач, которые мы имели в нашей гражданской войне и в социалистической, классовой войне с белой Польшей, мы горячо продолжаем работу над усовершенствованием и укреплением наших красных вооруженных сил.

Но несмотря на то, что мы неуклонно двигаемся вперед во всех отношениях, мы еще не можем сказать, что мы *уже* осознали и выработали единый взгляд, единую точку зрения на все вопросы стратегического и оперативного искусства и, в частности, на такой вопрос, как *организация управления и командования в условиях боевой обстановки.*

Учитывая, что без однообразного решения в последнем вопросе будет затруднена наша общая дружная работа в военное время, мы решили на опыте трех замечательных сражений разобрать, уточнить, подытожить *некоторые* важнейшие моменты этого кардинальнейшего вопроса—организации управления и командования в современной войне.

Политико-экономическая конъюнктура перед мировой войной, рассмотренная в первой главе нашего труда, в коей вскрыта природа и сущность современного империализма, по мысли автора, является как бы преддверием к фактам аналогичного порядка, которые в дальнейшем проходят по всей книге, развиваясь и углубляясь в период мировой войны и в период после так называемого Версальского „мира".

Далее, имея в виду ту роль, которую играл английский империализм в исследуемых нами событиях, мы уделили его политике и дипломатии особое внимание. Бешеная борьба и конкуренция между современными империализмами и главным образом между английским, французским и итальянским выявлены в труде с возможной полнотой.

Читатель здесь наглядно поймет смысл фразы, некогда сказанной английским королем Эдуардом VII, что „лучшими английскими дипломатами являются английские тайные агенты"...

Автор считает нужным здесь оговорить, что несколько большее количество обработанного фактического материала им дано в „Висле“ потому, что данная большая стратегическая операция для нас крайне важна, ибо она развивалась на той местности, которая является театром наивероятнейших действий в будущем.

Например, автору не представляло труда дать только основные выдержки из оперативного разговора от 10-го августа между Главкомом, т. Каменевым, и командзапом, т. Тухачевским, и тем ограничиться. Но он считал, что, сделав так, он не только „погрешит“ против динамичности изложения, но и заставит читателя согласиться только с этими выдержками и личными выводами из них автора и тем самым не даст самому читателю сделать, возможно, и иной вывод, но уже на основании полного оперативного разговора, который, как известно, происходил в самый решающий период развития военных действий.

Мы предлагаем читателю этот оперативный разговор изучить самым тщательным образом, так как он—фокус, в коем преломились все наши большие недостатки при выполнении этой большой стратегической операции.

Исследуя сражение на Висле, мы стремились развернуть более полно, день за днем, оперативную работу главного и фронтового командования обеих сторон и из этой работы сделать соответствующие выводы о методах вождения и управления войсками. Конечно, некоторые вопросы требуют еще детализации и дополнений, но это дело будущего, и, будем надеяться—ближайшего... Кроме того, важно было в данной исторической трилогии не нарушить единства ее основного замысла, т.-е. говорить в „Висле“ только о тех вопросах, над которыми автор работал в „Марне“ и в „Смирне“.

В одном труде с ограниченным объемом дать целый ряд больших оперативных вопросов невозможно, ибо это значит расплыться и сказать все и ничего.

При изучении „Смирны“ у читателя может явиться вопрос, не слишком ли автор похвалил высшее турецкое командование и его руководство операциями на полях Анатолии?

Мы должны здесь сказать, что хорошо помним умную мысль, что очень часто блестящий исход большой кампании может просто ослепить исследователей. Забывая о должной оценке сил, средств и качеств противной стороны, не замечая ошибок в управлении данной победоносной армии, историки спешат возвести на пьедестал счастливцев-руководителей, хотя, может-быть, в обыденной жизни им и в голову не пришло бы восторгаться силой взрослого человека, победившего ребенка...

Греческая двухсоттысячная оккупационная армия, *всемерно* поддерживаемая могущественным британским империализмом, на наш взгляд, далеко не была „ребенком“, как и молодая национально-революционная армия Новой Турции не была „великаном“. Те материалы, коими располагал автор при исследовании греко-турецкой борьбы, наглядно говорили за то, что в соотношении сил и средств превосходство было всецело на стороне англо-греческой интервенции.

Возможно, что в будущем новые источники по кампании в Малой Азии в 1922 году и откроют для исследователя новые моменты, но пока приходится довольствоваться тем, что есть. Мировая военная литература пока что не знает не только подробного, но даже более или менее связного научного исследования оперативных действий обеих сторон на Ближнем Востоке в 1922 году.

На протяжении всего нашего труда мы стремились достигнуть максимальной простоты изложения и говорить о проблемах современной войны простым языком. Мы вполне присоединяемся к мысли ф.-дер-Гольца, сказавшего в своем „Вооруженном народе“, что на войне приходится иметь дело с простейшими вещами—с людьми, лошадьми, повозками, различным оружием, дорогами и т. п; поэтому и говорить о ней можно самым простейшим образом и разъяснять все необходимое без искусственных словосочетаний.

Равным образом мнение немецкого философа Шопенгауэра, говорившего: „Было бы хорошо, если бы немецкие писатели мыслили, как великие гении, а выражались, как простые смертные“, в полной мере относится ко всем лицам, которые пишут или думают писать по военным вопросам.

Мы не скрываем, что для того, чтобы добиться простоты изложения, нам потребовалась долгая, кропотливая работа над тем большим, часто плохо удобоваримым, противоречивым, сырым материалом, который мы оперировали своим ножом критического анализа.

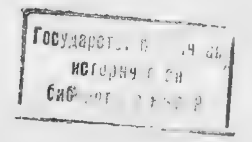
Автор нашел более полезным фактический материал оперативных планов сторон включить в таблицы, оставляя собственный анализ этих планов за пределами этих таблиц. Такой метод оказался, на наш взгляд, более удачным так как он дает не только сжатость изложения, но и бо́льшую ясность при изучении.

Повторяем, что не все вопросы в данном труде выявлены с той полнотой, с какой этого хотелось бы, ибо для того, чтобы охватить такое историческое явление, каковым являются эти три сражения последнего десятилетия, необходима известная перспектива во времени. Время—великий мудрец; оно даст возможность и уточнить, и дополнить те моменты, которые в этом нуждаются. А сейчас нам необхо-

димо хорошо помнить одно,—что целым морем человеческих переживаний, исключительных по своей силе и многогранности, наполнена современная нам эпоха—эпоха пролетарских революций, социалистических, гражданских и национально-освободительных войн. Ее основной лейт-мотив — борьба классов, борьба многомиллионных угнетенных масс с незначительной капиталистической кучкой угнетателей, борьба подлинного мира с империализмом, борьба со всеми, кто против будущего счастья человечества. И в этой могущественной, героической эпохе, которую впервые за все свое существование переживает человечество, три нижеисследованных события также нашли свое место. Изучить и осознать их, принять во внимание ныне существующее и происходящее—уже значит несколько приподнять завесу будущего.

Автор приносит свою благодарность профессору Военной академии РККА Василию Федоровичу Новицкому за его указания оперативного порядка, которые он дал в рецензии на наш труд.

Влад. Меликов.

Часть I.

МАРНА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Политическая и экономическая конъюнктура перед мировой войной.

Некоторые предпосылки. Вопросы политико-экономического соотношения сил Англии, Германии, Франции и др. перед империалистической войной 1914—18 г.г. настолько обширны, что всестороннее исследование их в настоящей главе не представляется возможным.

Здесь мы постараемся выявить те основные политико-экономические вопросы, которые имеют прямое значение для нашего дальнейшего оперативного исследования.

Война есть продолжение политики, только иными (именно: насильственными) средствами.

„Это знаменитое изречение, говорит В. И. Ленин, принадлежит одному из самых глубоких писателей по военным вопросам—Клаузевицу. Марксисты справедливо считали всегда это положение теоретической основой взглядов на значение каждой данной войны. Маркс и Энгельс всегда именно с этой точки зрения смотрели на различные войны“ [1]).

После всестороннего анализа громадного материала по мировой войне 1914—18 г.г. мы пришли к определенному общему выводу, что мировую войну вызвала *экономическая политика главнейших империалистических держав в последний 40-летний период перед 1914 годом и что война 1914—18 г.г. была ничем иным, как орудием в политике и экономике империалистических государств.*

Для того, чтобы уяснить себе причины возникновения мировой войны, современный военный исследователь не может обойти и не проанализировать мировую политическую и хозяйственную конъюнктуру, которая сложилась перед этой войной.

Оставляя этот анализ в стороне, военный исследователь не только не поймет основных причин грандиозного размаха и тех боевых усилий, которые были в этой войне, но и останется человеком, который, живя в век пара, электри-

---

[1]) Ленин, Собр. сочин., том XIII, стр. 97.

чества и радио, продолжает еще пользоваться орудиями производства эпохи средневековья.

Эпоха современного империализма характеризуется диктатурой финансового капитала.

В конце XIX и в начале XX столетия банки с накопившимися в них сотнями миллионов рублей выступали, как самостоятельные предприниматели, во всех отраслях промышленности и торговли.

Эти банки стягивали капиталы своих вкладчиков из мелких, средних, крупных фабрикантов и рантье с тем, чтобы эти вклады применить для сооружения химических фабрик, сахарных заводов, металлообрабатывающих и машиностроительных заводов, для постройки мореходных линий и железных дорог.

Такая концентрация и централизация капиталов не могла не ускорять *перехода производства* в руки крупнейших капиталистов, которые и делались через концентрацию промышленности полными хозяевами последней.

Но параллельно концентрации промышленности усиленно развивалась и концентрация банков.

Например, пять крупнейших банков в Германии:

1) Deutsche Bank, 2) Dresdner Bank, 3) Disconto-Gesellschaft, 4) Berliner Handelsgesellschaft, 5) Darmstadter Bank не только держали в руках все остальные банки, но и управляли огромной частью промышленности.

Среди крупнейших французских банков, которые распространяли свою власть как на метрополию, так и на колонии и иностранные банки, укажем на: 1) Crédit Lyonnais, 2) Société Générale, 3) Banque Ottomane, 4) Union Parisienne, 5) Banque de France, 6) Banqued'Indo-Chine, 7) Crédit Industrial, 8) Banque Transatlantique, 9) Banque Russo-Chinoise, в которых Ротшильды, Шнейдер, Крезо, Кармо, Эйнар, Ростан и др., владевшие этими мировыми банками, фактически решали вопросы войны и мира в Европе.

Эти представители финансового капитала владели 108 французскими банками, 105 крупнейшими предприятиями тяжелой индустрии, 101 железнодорожной компанией, 117 другими промышленными и финансовыми предприятиями, из которых каждое распоряжалось сотнями миллионов.

Не менее характерной для этой эпохи финансового капитала, который и является ничем иным, как банковым капиталом, проникшим в промышленность, руководящим ею и контролирующим ее, является работа двух важнейших банков С. Штатов Сев. Америки — 1) National City Bank (Рокфеллер) и 2) National Bank of Commerce (Мор-

ган), которые клиентировали и хранили резервы 6.507 национальных, штатных и других банков и через них управляли почти *половиной* американских капиталов и громадным количеством промышленных предприятий Северо-Американской Республики.

Таким образом, этот *финансовый капитал*, концентрировавший производство в тресты, синдикаты и комбинированные предприятия, организовывавший все национальное хозяйство в одно гигантское предприятие, руководимое несколькими сильнейшими банками, — и является движущей пружиной завоевательной политики современных государств, т.-е. основным фактором империализма [1]).

Уяснив себе природу финансового капитала, перейдем теперь к анализу внутреннего его содержания.

Сущность политики финансового капитала можно свести к трем основным целям:

а) Создание возможно более обширной хозяйственной территории [2]).

б) Ограждение этой хозяйственной территории от иностранной конкуренции таможенными странами.

в) Превращение ее в область эксплоатации для национальных монополистических союзов [3]).

Отсюда ясно, современный империализм есть продукт финансового капитала, ибо он не может не требовать таможенной войны (протекционизм) с соседними государствами [4]), ибо он не может не требовать войны с оружием в руках за расширение владений данного государства, за счет соседних стран, а также и на других континентах (колониальная политика).

Таблица о разделе мира рабовладельческими державами, составленная тов. Лениным и приведенная на 23-й стр., дает наглядную цифровую картину колониальной политики перед мировой войной 1914—18 г.г. [5]).

---

[1]) М. Павлович, „Империализм“, изд. 1923 г.

[2]) Один из важнейших представителей классического английского империализма, Чемберлен, в речи, произнесенной 17-го января 1903 года в Иоганесбурге, сказал: „Время маленьких королевств и маленьких соревнований миновало. Будущее принадлежит великим державам“.

[3]) Рудольф Гильфердинг, „Финансовый капитал“, стр. 368.

[4]) Это положение подтверждается следующими фактами: например, десятилетнюю таможенную войну вела Франция с Испанией (с 1887 г.), Россия с Германией (1892—1894), Франция с Испанией и Швейцарией (1893—1895), Германия с Канадой (1903—1910), Австро-Венгрия с Сербией (1906—1911), Болгария с Турцией, Австро-Венгрия с Румынией (1886—1890), она же с Черногорией (1908—1911), Германия с Испанией (1894—1899) и т. д.

[5]) Ленин, Собр. сочин., том XIII, стр. 96.

Таблица № 1.

„Великие" державы.	Колонии. 1876 г. Кв. кил.	Колонии. 1876 г. Жителей.	Колонии. 1914 г. Кв. кил.	Колонии. 1914 г. Жителей.	Метрополии. 1914 г. Кв. кил.	Метрополии. 1914 г. Жителей.	Всего. Кв. килом.	Всего. Жителей.
	Миллионы.							
Англия	22,5	251,9	33,5	393,5	0,3	46,5	33,8	440,0
Россия [1])	17,0	15,9	17,4	33,2	5,4	136,2	22,8	169,4
Франция	0,9	6,0	10,6	55,5	0,5	39,9	11,1	95,4
Германия	—	—	2,9	12,3	0,5	64,9	3,4	77,2
Япония	—	—	0,3	19,2	0,4	53,0	0,7	72,2
С.Штаты Сев. Америки	—	—	0,3	9,7	9,4	97,0	9,7	106,7
Шесть „великих" держав	40,4	273,8	65,0	523,4	16,5	437,5	81,5	960,9
Колонии, принадлежащие „не великим" державам (Бельгия, Голландия и др. госуд.)			9,9	45,3	—	—	9,9	45,3
Три страны „полуколонии" (Турция, Китай, Персия) [2])							14,5	361,2
Итого . . .							105,9	1.367,4
Остальные государства и страны							28,0	289,9
Весь земной шар (без полярной области)							133,9	1.657,3

[1]) На первый взгляд кажется, что царская Россия имела только метрополию, а колоний у нее не было, но, конечно, это не так; напр., в капитальном немецком сочинении „Государства Европы" „Die Staaten Europas"—Statist. Darstellung, begründet von d-r H. Brachelle—автор к русским колониям относит Кавказ (472.554 кил.), Центральную Азию (3.551.308 километров), Сибирь (12.518.488 кил.), Хиву и Бухару (вассальные государства—309.457 кил.), в Китае (арендован. владения—3.170 кл.). В настоящее время национальный гнет царского правительства в этих колониях отошел в область истории. Сов. власть передала эти территории в руки трудящихся, последние образовали из них совреспублики и автономные области.

[2]) По данным, взятым из Hübners Geographich-Statistiche Tabellen, площадь и население Турции, Китая, Персии до войны 1914—18 г.г. были:

	Тыс. кв. килом.	Миллионы жителей.
Турция	1.795	21,6
Китай	11.139	329,6
Персия	1.645	9,5
	14.579	360,7

Здесь мы видим незначительную разницу в итоге населения, но если принять во внимание года переписи и что вообще данные о количестве населения этих стран до сего дня крайне разноречивы, то эта разница теряет смысл.

Рассматривая данную сводную работу тов. Ленина, мы видим, как шесть крупнейших империалистических держав, *метрополии* которых занимают 16,5 мил. кв. клм., захватили *колонии*, пространство которых равно 65 мил. кв. клм.

Далее, имея *население* 437 мил., они в то же время эксплоатировали колонии, в которых 523 мил. человек.

Но если к этому прибавить Турцию, Китай, Персию, тогда получим, что империалистические державы с 437 мил. населения поработили колонии и полуколонии с 884 мил. населения.

Как известно, Англия, Германия, Франция и Россия держали в своих руках судьбы всей Европы, а если к ним прибавить Японию и С.-А. Соединенные Штаты, то получим 6 империалистических колоссов, державших в своих руках судьбы *всего мира*. В итоге получается, что 6 держав с населением в 437 миллионов людей поработили 1.220 миллионов, составлявших остальное население мира [1]).

Таким образом, *протекционизм и колониальная политика* являются неизбежными спутниками империализма. Финансовый капитал не может жить и развиваться без завоевательной политики, без империализма. А поэтому он *реакционен* внутри страны и *агрессивен* за ее пределами.

Все империалистические державы стремились к войне. Стоял лишь вопрос, когда ее начать.

Уже в последние годы перед мировой войной политика „великих“ держав выдвинула такие империалистические лозунги, что для всех народов мира совершенно ясно было, что катастрофа неизбежна. Монополистический капитализм стал и сильным и полнокровным, а поэтому его лозунги начали иметь под собой вполне реальную материальную базу.

„Обеспечение путей в Индию для Британии!“ — т.-е. аннексия Малой Азии, Египта, Месопотамии и Персии.

„Место на солнце для Германии!“—т.-е. аннексия Бельгии, балтийских провинций, португальских колоний, Малой Азии и Багдада.

„Северная Африка—Третьей Республике!“—т.-е. Франция не намерена отставать от Англии и Германии в захвате новых колоний.

„Желтый мир—Японии“!—т.-е. аннексия Китая.

„Америка и Тихий океан—американцам!“

„Освобождение славян!“—кричала из Петербурга буржуазно-помещичья и монархическая клика Николая II-го, выдвигая эфемерные планы руссификации Балканского полуострова, несмотря на то, что царский империализм фактически только что начинал вылезать из эпохи торгового капитала.

---

1) Зиновьев, „Война и кризис социализма“, стр. 173, изд. ГИЗ'а 1920 г.

Было бы ошибкой думать, что к осуществлению этих политических лозунгов каждая империалистическая держава стремилась отдельно. Этого быть не могло в силу того, что захватнические аппетиты данной „великой“ державы выходили далеко за пределы ее лозунга и тем самым распространялись на лозунги, которые выдвигала другая „великая“ держава.

И это вполне естественно, учитывая неравномерность развития капиталистических стран, которая как была до мировой войны, так существует и сейчас.

„Эта неравномерность развития, говорит Сталин, исходит из того, что:

1. Капитализм старый, домонополистический, перерос и развился в капитализм монополистический, в империализм.

2. Раздел мира на сферы влияния империалистических групп и держав уже закончен.

3. Развитие мирового хозяйства протекает в обстановке отчаянной смертельной борьбы империалистических групп за рынки, за сырье, *за расширение сфер влияния.*

4. Это развитие происходит не равномерно, а скачкообразно, в порядке вытеснения с рынков *забежавших вперед* держав и *выдвижения вперед* новых.

5. Такой порядок развития определяется возможностью для одних империалистических групп быстрейшим образом развивать технику, удешевлять товары и захватывать рынки в ущерб другим империалистическим группам.

6. *Периодические переделы уже поделенного мира* становятся, таким образом, абсолютной необходимостью.

7. *Переделы* эти могут происходить, таким образом, лишь насильственным путем в порядке проверки могущества тех или иных империалистических групп силой.

8. Это обстоятельство не может не вести к усиленным конфликтам и к грандиозным войнам между империалистическими группами“ [1]).

Эти восемь пунктов со всей четкостью и ясностью вскрывают не только фундамент современного империализма, но также и внутреннюю сущность построек, которые воздвигает на этом фундаменте империалистическая политика.

Два политико-экономических лагеря перед мировой войной.

Из каких же основных моментов сложилась группировка империалистических держав в тройственный союз (Германия, Австрия, Италия) и тройственное согласие (Англия, Франция, Россия), несмотря на громадные политико-

---

[1]) Сталин, „О социал-демократическом уклоне в нашей партии“, стр. 101—102. Курсив везде наш. *В. М.*

экономические противоречия, которые имела каждая из этих держав, входившая в союзы, по отношению к другой?

Следует указать, что процесс образования этих империалистических группировок был не только сложным, но и продолжительным по времени. Он имеет десятки политических ходов и переплетений, эти ходы время от времени ставились под угрозы новых войн, но усилиями тех или иных империалистических держав (Англия, Германия, Франция), для которых эта война была еще не своевременна, обострения смягчались—в виде компенсации той или другой „обиженной" державе обещали или давали „кусочек" земли из тех или других колониальных владений.

Процесс образования *союза* и *согласия* складывался из следующих основных моментов:

1. Сперва был *двойственный* союз Германии и Австрии. После успешных войн, которые вела Германия в 1864, 1866 и 1870—71 г.г., „железом и кровью" [1]) не только были объединены земли отдельных германских государств под главенством Пруссии в единую германскую империю, но также насильственно были отторгнуты две богатейших провинции Франции — Эльзас и Лотарингия. (Франкфуртский мир 10-го мая 1871 года) [2]).

Царская Россия в войне 1870—71 г.г. держала нейтралитет, она как бы отвечала тем же на нейтралитет Пруссии в Крымской войне.

После войны 1870—71 г.г. вместо империи Наполеона III во Франции появилась республика с небезызвестным душителем Парижской Коммуны—Мак-Магоном, который был избран президентом.

В это время всю внешнюю политику в Германии вел Бисмарк. Последний в начале своей деятельности, после объединения Германии, к колониальной политике относился, как „к шелку в одеждах тех польских благородных фамилий, у которых нет достаточно белья", но затем в последние годы канцлерства он заявил: „Впредь германский государственный флаг не пойдет перед частной инициативой, *но он ее и не остановит, куда бы она ни забралась*".

Бисмарк, как никто, умел и ласкать, и грозить, и притворяться, и поражать цинизмом откровенности своих ультрамонархических взглядов и действий.

После победы над императором Наполеоном III он стремился сохранить республиканский образ правления во Франции для того, чтобы не допустить слишком прочного альянса с царской Россией. „Он рассчитывал на то, что *са-*

---

[1]) Слова из формулы Бисмарка: „Великие вопросы разрешаются не речами, и не большинствами, а железом и кровью".

[2]) Кроме этого Германия получила 5 миллиардов контрибуции.

модержавной России гораздо труднее будет жить в ладу с *республиканской* Францией".

Он всячески поощрял после захвата Эльзас-Лотарингии колониальную политику Франции в Африке, т. к. экспортирование французских капиталов и войск в далекие внеевропейские колониальные области затрудняло для Франции вести активную политику реванша в Европе.

2. У Германии эпохи Бисмарка было большое стремление жить пока в мире с царской Россией, в то время как для последней не было выгодным иметь соседом Германию, которая с каждым днем делалась все более и более могущественной.

Натянутость политических отношений после Франкфуртского мира между Германией и Францией (которые к 1875 году обострились настолько, что угроза войны стала опять реальной) была крайне выгодна для политики царской России, которая начинала завязывать „дружбу" с Францией.

Понятно, смысл этой „дружбы" заключался в том, чтобы иметь на всякий случай „помощника" на западной границе Германии. Роль такого помощника с удовольствием могла выполнить (конечно, исключительно в своих интересах) Франция, которой идея реванша за Эльзас - Лотарингию не давала покоя.

3. Русско-турецкая война 1877 года, явившаяся продолжением захватническсй политики царского правительства на Балканах, ускорила процесс группировки держав в тройственный союз и политический альянс между царской Россией и Францией.

Статьи мирного договора, заключенного в Сан-Стефано с побежденной султанской Турцией, не могли не встревожить двух империалистических держав—Англии и Германии.

Первая не могла допустить, чтобы царская Россия, уже граничащая через Афганистан с Индией, слишком ослабила султанскую Турцию, Малая Азия которой расположена в центре мировых торговых путей, идущих также в Индию, в эту „жемчужину британской короны".

Для Германии также не было выгодным усиление царской России, которая является ее соседом в восточном углу Европы.

Учитывая сложившуюся политическую ситуацию и зная, что Германия и Австро-Венгрия (которая далеко не жила в мире с балканскими государствами) будут на ее стороне, Англия начинает развивать активную политику по отношению к царской России. В виде же реального подкрепления этой политики английское правительство мобилизует флот и начинает военные приготовления, о которых заговорила вся европейская пресса.

Встал основной вопрос: или пересмотр Сан-Стефанского мирного договора, или же объявление войны Англией царской России.

Такой ультиматум со стороны Англии был весьма выгоден Бисмарку, который постарался убедить всполошившуюся и растерявшуюся царскую дипломатию, что сила, конечно, на стороне Англии и что прямой расчет для Петербурга пересмотреть Сан-Стефанский договор. Так и было сделано. Берлинский конгресс выработал новый трактат, который был подписан 1-го (13) июля 1878 года; он перечеркнул $^3/_4$ статей Сан-Стефанского договора, оставив для России только Карс, Ардаган и Батум.

Австро-Венгрия с помощью Бисмарка не осталась в обиде и получила фактический протекторат над Боснией и Герцеговиной. Престижу царской дипломатии был нанесен громадный удар. Ее военные успехи в 1877 году совершенно растворились в послевоенных дипломатических неудачах и были сведены почти к нулю.

„В августе 1879 года Александр II обращается с письмом к Вильгельму, заявляя ему открыто, что раз Германия не хочет поддерживать восточной политики России, это неизбежно приведет к войне России с Германией. Но для Германии уже нет возврата. Интересы немецкого капитала предписывают ей определенный путь. Этот путь—сближение с Австрией на предмет отпора России и проведения своей собственной балкано-турецкой политики. 7-го октября 1879 года двойственный союз — союз между Германией и Австрией— заключен [1]“.

Как видим, этот союз вырос из империалистических соревнований отдельных так называемых „великих держав“. Он вырос из политических противоречий между Англией и Россией, с одной стороны, и Германией и Россией, с другой.

На Берлинском конгрессе Англия обещала Франции Тунис, но на него давно рассчитывала Италия.

В 1881 году Тунис был занят французскими войсками, а французский капитал постарался быстро соответствующими финансовыми вкладами закрепить его за собой. Это был удар по итальянской политике, которая объявила во всеуслышание, что в этом виновна лишь одна Англия.

20-го мая 1882 года Италия официально переходит на сторону Германии и Австрии, и тем образуется тройственный союз.

Но для Англии, как владычицы морей, данный союз в то время не был политически чувствительным. Мало того, она вполне присоединяется к формуле тройственного

---

[1]) Зиновьев, „Война и кризис социализма“, стр. 179, изд. 1920 г.

союза—„Англия дает флот, а тройственный союз дает сухопутные войска“.

Англия заверяет Италию, что в случае, если Франция откроет против нее агрессивные действия, британский флот окажет ей соответствующую поддержку.

4. Но не в интересах Франции (которая издавна стремилась обратить Средиземное море во Французское озеро) было открыто ссориться с Италией, раз еще были пути для „мирного“ установления „дружбы“ с Италией и соответствующего нажима с тем, чтобы последняя автоматически порвала с союзом, т.-е. вырвалась из империалистических объятий Германии и тем самым установила равновесие в западной половине Европы.

Африканские колонии пока еще полностью не поделены, а это ведь верный путь приблизить к себе Италию, которая была обойдена на Берлинском конгрессе. Франция ведет активную захватническую политику в Африке, Марокко переходит в ее руки. Она готова захватить и Триполи, но франко-итальянское сближение уже начинало принимать реальные формы, и вот, чтобы их окончательно закрепить, Франция открывает для Италии ворота в Триполи. Маневр оказался весьма удачным. Италия покидает Германию и Австро-Венгрию, ее место в дальнейшем, как известно, заняла Турция.

Империалистическая Германия превосходно знала, что сближение Франции и Италии куплено ценою Триполи, и великолепно понимала, что это означает громадную трещину в тройственном союзе. Но ей ничего не оставалось, как сделать „веселую мину при плохой игре“. На запросы депутатов рейхстага тогдашний имперский канцлер Бюлов отделался следующим замечанием. Он сказал: „И в счастливом браке муж не должен слишком возмущаться, если его жена протанцует с кем-нибудь другим несколько сверхсметных туров (экстратуров). Все дело в том, чтобы жена не обманывала его, а она не станет его обманывать, если ей живется у него хорошо“.

Но Италии не так уже хорошо жилось в объятиях сильного германского империализма. Надежды Бюлова, что Италия опять вернется в тройственный союз не оправдались. Италия осталась с французским империализмом и за своевременно данный триполитанский подарок, вместе с Англией и Францией, провела почти всю империалистическую войну 1914—18 г.г. [1]).

Это участие Италии в мировой войне опять же было исключительно построено на ее империалистических поползновениях на новые области, в виде Албании, Далмации,

---

[1]) Италия вступила в войну 20-го мая 1915 года.

Истрии, портов Адриатики, на Смирнский вилайет Малой Азии [1]), на владения в Африке. Еще до войны и во время вступления в мировую войну все эти области Англией и Францией были записаны в приходную книгу Италии.

Но вот мировая война кончилась, обещания забыты, и Италия, фактически, не получила ничего.

5. Империалистическое соревнование и политические противоречия между Францией и Германией, а также между Францией и Англией были основным материалом для образования *франко-русского союза*. Мировая и европейская политика складывалась для царской России таким образом, что ходом политических событий, которые варились в империалистической кухне Англии и Германии, царская Россия должна была искать „верного друга" на берегах Сены.

Помимо этого, обстоятельства чисто экономического порядка складывались для царской России так, что для нее был выгоден союз с Францией, т. к. этот союз гарантировал определенные и выгодные в процентном отношении финансовые займы со стороны французского капитала, в то время как для Франции и ее промышленных магнатов русский рынок открывал также большое поле деятельности.

„Для Франции союз с Россией был желанным избавлением от постоянной угрозы — остаться одной в случае войны с Германией. К тому же миллиарды французских денег нашли себе выгодное и верное помещение в русских государственных бумагах. Что касается России, то в этом союзе она также приобрела большую свободу действий, освобождаясь одновременно от политического влияния берлинского кабинета и *экономической зависимости от берлинской биржи*" [2]).

Образование тройственного союза (Германия, Австрия, Италия) оказалось для политики Франции и России тем основным фактором, который заставил ускорить разрешение и официальное оформление *союза* между этими двумя государствами.

Уже в 1882 году был сооружен финансовый канал, который прочно соединил царскую казну, а также торговых и промышленных дельцов России с парижскими банками. В 1882 году Россия заказала во Франции 500 тысяч ружей, а в 1888 г. заключила заем в Париже на 500 миллионов франков. Затем в 1889 году состоялось 2 русских займа во Франции на 2 миллиарда франков, в 1890—91 г.г. — 5 займов на $1^1/_2$ миллиарда.

---

[1]) Об этом подробно в третьей части настоящей работы — „Смирна".

[2]) Г. Н. Трубецкой, „Россия, как великая держава" „Великая Россия", кн. 1, стр. 29—30.

Таким образом, результаты Берлинского конгресса, а также и распоряжение Бисмарка берлинской бирже о прекращении ломбирования русских ценностей в 1887 году и целый ряд других политико-экономических моментов были теми факторами, которые создали франко-русский союз в 1893 году.

Политическая атмосфера в Европе опять начинала все более наэлектризовываться. Победитель Франции в 1870—71 г.г.—Мольтке-старший открыто заявил, что возможность войны Германии на два фронта после заключения франко-русского союза, а также после тех усиленных вооружений, которые стала производить оправившаяся после Седанского разгрома Франция, становится реальной. Но ни для политики Бисмарка, ни для царской России, да и ни для Франции открытие военных действий еще было невыгодным.

Отсюда в противовес оперативным вариантам Мольтке, „который математически точно высчитывал, что он может сколько угодно раз побить Францию, Бисмарк придерживался мнения, что генеральный штаб армии существует для интересов политики, а отнюдь не политика для генерального штаба“ [1]).

Итак, реальное соотношение сил с наличием франко-русского союза для Германии еще не нарушено. А поэтому обстановка диктовала сохранить тот гарантийный договор, который заключил Бисмарк в 1887 году с царской Россией, учитывая то обстоятельство, что последняя также не прочь была пока жить в „мире“ с Германией.

6. Но вот на политической арене Германии появился новый человек — Вильгельм II, который был со многим не согласен, что до него делали Вильгельм I, Роон и Бисмарк.

Первое слово Вильгельма после его вступления на престол в июне 1888 года говорило о том, что уже в ближайший период времени Германия поведет другую внешнюю политику, а страна начнет жить более усиленной милитаристической подготовкой.

„За славу и честь армии, говорил Вильгельм II в своем первом приказе по германской армии, я должен отвечать перед предками, которые смотрят на меня с того света“.

За этими словами потянулись еще более энергичные выражения, которые подхватывались европейской прессой и били прямо в империалистическое сердце Англии.

„Я не успокоюсь, пока не поставлю флот на высоту армии“, или: „Что мой дед сделал для армии, я сделаю для флота“ (из тронной речи 1-го января 1900 года).

Такие слова, что „наше будущее на воде“, что германский империализм требует „место под солнцем“, конечно,

---

[1]) Гракх, „Война и революция“, стр. 17.

не могли не сигнализировать кое-чего владычице морей — Англии и тем не встревожить политиков с Даунинг-Стритт[1]) в Лондоне.

Ведь на „бронированный кулак“, который начинал быстро отливаться на заводах Круппа, и на прогулки по европейским и внеевропейским водам императорской яхты „Гогенцоллерн“ (которая стала второй резиденцией Вильгельма) Лондон как-то должен был реагировать с тем, чтобы не потерять акций своего мирового престижа.

И вот начинается новое плетение империалистической паутины. Политики, дипломаты, банкиры, промышленники, буржуа, подкупленные журналисты и т. д.—каждый ткет свою нить для этой паутины, в которой спустя несколько лет трудящееся человечество не только Европы, но и всего мира будет задыхаться и гибнуть.

Первым долгом для Англии необходимо было притянуть к себе Германию и через некоторые колониальные подарки *прощупать ее реальную силу.*

Бисмарка, который вел паллиативную колониальную политику Германии, да и то только в самые последние годы своего канцлерства, уволили в отставку.

На его место вступил сторонник англо-германского сближения Каприви, который для того, чтобы показать, что он действительно стоит спиной к Петербургу и лицом к Лондону, решил не возобновлять бисмаркского гарантийного договора с Россией, срок которого истек в 1890 году.

Англия—старый недруг царской России. Военные проекты Павла I, Скобелева и др. для похода в Индию она хорошо знает и помнит.

На место бисмаркского гарантийного договора в июле 1890 года появился англо-германский договор. Кое для кого из царских дипломатов он явился громом на безоблачном небе. Но, как известно, дипломатия не любит тех, кто слишком открыто показывает свое удивление или возмущение. Так и поступила царская дипломатия, она заявила, что „первый ее друг“—Франция.

И вот, в то время как Англия и Германия „на радостях“ заключенного договора делили кое-какие области и пункты и устанавливали так называемые „сферы влияния“[2]), Франция продолжала давать царскому правитель-

---

[1]) „Downing street—Даунинг-Стритт“—улица в Лондоне, на которой помещается английское министерство иностранных дел.

[2]) „Англия уступает Германии Гельголанд. Султан Занзибарский уступает Германии побережную полосу против острова Занзибар. За это Германия платит султану деньгами и признает протекторат Англии над султаном. Англия соглашается признать за Германией остров Мафия и границу на севере до Конго, а на юге до Чиассы. Таким образом, за Гельголанд Англия получила Занзибар и Уганду“,—или оказалась опять в двойном выигрыше.

ству финансовые займы на новые вооружения и постройку новых стратегических железных дорог.

Поместив до 50 миллиардов франков за границей, Третья Республика, республика рантье, через вывоз капитала в Россию, в колонии и т. д. стремилась к созданию обширного колониального государства. „Целью Франции было создание великой французской Северной Африки, африканской колониальной империи между Средиземным морем, Атлантическим океаном и Конго. А в Марокко, Того, Камеруне—всюду Третья Республика на пути к своей добыче встречала угрожающую ей Германию. Захват Африки не мог похоронить память о 1870 г. Наоборот, во всей колониальной политике Третьей Республики все напоминало, что рано или поздно наступит новый решительный Седан. Германия была и оставалась ее врагом“. Поэтому, помимо царской России, Франция старается „дружно“ работать с могущественной Англией, учитывая, что последняя также не прочь установить с ней более тесное взаимодействие перед лицом нового поднимающегося германского империализма.

7. Прощупав действительную силу германского империализма, Англия решает, что ей выгоднее, во-первых, ни на минуту не выпускать из поля своего зрения Германию, а, во-вторых, поближе подойти к франко-русскому союзу, так как, войдя в этот союз и сделав его тройственным согласием, Англия могла играть руководящую роль в этом триумвирате.

Если у Англии были соответствующие старые счеты с Россией из-за Индии, то и с Францией на протяжении последних двух столетий было больше войн, чем мирной жизни.

Хотя бы взять вопрос о Египте. Допустить в него Францию, значило дать ей возможность встать на путях в Индию,—вот почему, когда французский капитал ссудил деньги на постройку Суэцкого канала, а французские инженеры принялись за работу, Англия одним жестом прикончила эту затею.

„В 1885 году Англия купила у хедива 176.602 акции Суэцкого канала и тем самым получила канал в свои руки. Этим было положено начало финансовому, а потом и территориальному подчинению Египта Англией“.

Но, несмотря на эти неудачи, французский империализм продолжал вести свою колониальную политику и, посматривая в сторону коварного Альбиона, за короткий срок захватил Конго, Мадагаскар, Сиам, Тимбукту и т. д.

В противовес германскому империализму, который развивался с громадной быстротой, для Англии было выгодным, чтобы Франция, а не Германия шла второй за Брита-

нией. Решив, что более выгодные условия находятся на стороне франко-русского союза, Англия принимает целый ряд испытанных и надежных мер (т.-е. расплата с соперниками чужой территорией, независимостью и т. д.). Во-первых, Англия соглашается, чтобы Франция играла в Марокко главную роль (1904), во-вторых, чтобы показать, что к царской России (которая к этому времени проиграла русско-японскую войну) английская политика настроена „доброжелательно", она заключает с царским правительством знаменитый договор 1907 года. Последний предоставлял царской России право хозяйничать в северной части Персии, оставляя в то же время пути в Индию (южная часть Персии, Афганистан, Белуджистан) за Великобританией.

„Дружба" с франко-русским союзом установлена, и Англия спокойно садится председателем за стол так наз. тройственного согласия (antente cordiale).

Таким образом, вся эта политическая и дипломатическая паутина, окутавшая земли и моря земного шара, построенная „великими державами" за два-три десятка лет до мировой войны, на первый взгляд кажется и сложной и запутанной, но когда начинаешь анализировать и отделять одну нить от другой, то картина, показывающая лицо империализма, становится не только ясной, но и весьма наглядной, так как основные краски, положенные на полотно—это чудовищное лицемерие, коварство, подкуп, плохо прикрытый грабеж и полная беспринципность в выборе средств.

Политико-экономическая конкуренция английского, германского и французского империализмов была основной причиной возникновения мировой войны.

„Развитие производительных сил Германии после 1870 года можно сравнить лишь с развитием в Северной Америке и Японии. В течение нескольких десятилетий Германия превратилась в страну, капиталистические силы которой шли во главе мира. На мусоре и на навозе феодализма выросли тысячи заводов, возвещавших, что новая германская нация объединилась под знаком капитализма, что новый способ производства вновь создал нацию в Средней Европе после тысячелетней несчастливой истории" [1]).

Уже перед мировой войной со всей ясностью определилось, что натиск германской индустрии за последние годы, т.-е. за период 1900—1913 г.г., настолько усилился, что королю железа и стали на европейском континенте—Великобритании—пришлось уступить место Германии.

---

[1]) Гракх, „Война и Революция", стр. 97.

Следующая таблица наглядно показывает процесс развития германской металлургической промышленности:

Таблица № 2.

Производство железа в тоннах[1]).

СТРАНЫ.	1900 г.	1910 г.	1913 г.
	В тысячах тонн.		
Великобритания	9.100	10.200	10.500
Германия	8.500	14.000	19.000
Россия	3.000	3.000	4.475
Франция	2.700	4.000	5.225
Бельгия	1.000	1.800	2.319
Австро-Венгрия	800	2.000	2.335

О чем говорит эта таблица? Она показывает, что к началу мировой войны молодой капитализм Германии настолько вырос, что стал производить железа почти в *два раза* больше, чем Англия.

Если мы здесь еще покажем производство чугуна за эти годы в Соединенных Штатах Америки[2]), которые в 1900 году дали 14.000 тысяч тонн, в 1910 году—27.000 тысяч тонн и в 1913 году—31.200 тысяч тонн, то картина станет весьма наглядной, а именно, что к 1914 году в мировом производстве могущественному империализму Англии дано только *третье место.*

А если принять во внимание участие главных железопроизводящих стран в мировом производстве железа в процентах[3]), то получим:

[1]) Павлович, „Империализм", стр. 97.
[2]) См. исследование Эрнст Гюнтер, „Die internazionale Stellung der deutschen Eisenindustrie, „Schmollers Jahrbuch", 38 Jahrgang, 1914, Heft 3, стр. 319. „Международная позиция германской железоделательной промышленности".
[3]) Там же.

Таблица № 3.

СТРАНЫ.	1860 г.	1880 г.	1900 г.	1912 г.
Англия	52,6	43,0	21,7	12,6
Германия	6,5	14,7	20,2	24,8
Соед. Штаты	11,3	21,3	33,4	41,0
Франция	12,1	9,4	6,5	6,8
Бельгия	4,3	3,8	2,4	3,3
Россия	4,0	2,5	6,4	5,0

Как видим, некогда первенствующее положение Англии в мировом производстве отошло на *третье место.* Уже к 1912 г. Англия, будучи до войны 1914—18 годов бесспорным гегемоном на мировом рынке в железоделательной промышленности, принуждена ходом исторического процесса уступить свое место Сев.-Американским Соединенным Штатам и Германии.

А это было событием первостепенной важности.

История мировой промышленности до 1900 годов ничего подобного не наблюдала. И такой скачок новых производительных сил не мог при существовавшей системе империалистической конкуренции не произвести переворота во всех областях политической и социально-экономической жизни народов всего мира.

Цифры—это факты, а факты—упрямая вещь. И вот это-то реальное соотношение экономических сил заставило Бирмингам—эту столицу угля и железа—заговорить устами первых английских империалистов—Сесиля Родса и Чемберлена, что настало время осуществить заранее задуманный план окружения Германии с тем, чтобы приостановить ее бурный экономический рост. Английская политика имеет громадный и многолетний опыт.

От Даунинг-Стритта в Бирмингам идет прямой телеграфный провод. И если в задачу *первого* входит делать мировую политику, то основные функции *второго* — через гигантские фабрики и заводы приготовлять тяжелые орудия, снаряды, блиндированные автомобили, дредноуты и т. д., т.-е. защищать империалистическую политику через милитаризм действием.

Политика заключила англо-германский договор в июле 1890 года. Основная цель этого договора—оттянуть на некоторое время войну и на место ее поставить проблему

дальнейшего раздела мира на сферы влияния (в первую очередь португальские колонии) между Германией и Великобританией.

И это было осуществимо, несмотря на то, что разрешение этой проблемы сильно било по франко-русскому союзу. Но Германия времен Бисмарка и Германия Вильгельма II—это две различных величины во всех отношениях. Вильгельм повел такую политику в вопросе создания могущественного морского флота, что „владычица морей“—Британия—уже не могла иметь *общего языка* с Германией.

Еще в 1900 году Вильгельм говорил депутатам рейхстага, что „германская империя стала мировой державой, в самых отдаленных частях земного шара живут тысячи наших земляков, германские капиталы, германские знания и предприимчивость стремятся за океан,—на вас лежит несомненная обязанность помочь мне связать это великое германское государство с нашим родным“.

Промышленникам Крефельда в 1902 году он говорит: „Для вас должно явиться необходимостью иметь сильный флот, который будет могучей защитой торговых судов, чтобы вы могли спокойно повсюду продавать продукты своего производства“ [1]).

14-го июля 1900 года рейхстаг принимает морскую программу Вильгельма, рассчитанную на 16 лет. За этот период германский флот должен был возрасти до 34 линейных кораблей, 8 бронированных крейсеров, 24 крейсеров и 80 миноносцев.

Англия, конечно, все это знала, но она не предполагала, что индустриальная промышленность Германии будет итти настолько быстрым темпом, что осуществление данной морской программы станет реальным в ближайшие годы.

Если в 1888 году соотношение морских сил говорило о том, что германский флот имеет пятое место, т. к. первое занимал английский, а около $^2/_3$ его водоизмещения имел французский, а $^2/_5$ французского флота равнялись флоты

---

[1]) Небезынтересно здесь указать, как характеризует политику Вильгельма II долголетний германский атташе в Лондоне—Экардштейн в своих „Воспоминаниях“. Он говорит, что „политика эпохи Вильгельма II со времен отставки Бисмарка и до начала мировой войны заслуживает названия самой смешной и самой опасной политики, когда-либо имевшей место в мировой истории. Она была гораздо больше, чем гнусной. Она была идиотской“. В этой аттестации есть, конечно, громадная доля правды. Но смешно думать, что германскую политику делал только Вильгельм, скорее последний только ловко плыл по течению той разбушевавшейся империалистической стихии, которую мы наблюдаем в Германии после Седанской победы. Империалистическую политику делали германские банкиры, промышленники, буржуазия и бюргеры, т.-е. тот класс, который делал политику и в Англии, и во Франции, и в царской России.

итальянский и русский [1]),—то в 1913 году германский флот уже был на втором месте после английского.

И этот момент был пределом, дальше которого Англия не могла допустить развитие германского флота, но последний продолжал развиваться. Чаша терпения британского империализма была уже наполненной до краев. Требовалось еще несколько новых капель, чтобы империалистический круг был замкнут и разразилась мировая катастрофа.

„На линии Белград — Багдад, пишет Гракх [2]), скрещиваются географические пути всех частей света. Этот путь представляет собой историко-политическую земную ось многовековой борьбы и сменяющихся судеб в глухом, темном и кровавом соревновании народов. (Народы здесь не при чем, а господствующие классы этих народов—здесь все. В. М.). Через эту линию идет путь России к Средиземному морю, путь Европы в Азию, путь Азии к Индийскому океану. И, наконец, путь Англии в Египет и Индию. Эта ось—спинной мозг Британии, отсюда исходят и сюда ведут тонкие нервы, оживляющие Британскую империю. Здесь уже много столетий тому назад боролись персы с греками. Здесь выросла Византия, здесь возник новый Рим, здесь шла борьба между Востоком и Западом".

Вот этот-то спинной мозг британского империализма и замыслила разрушить Германия.

Мысль о постройке железной дороги Берлин—Белград—Багдад с целью прочно встать на Ближнем Востоке и тем создать себе неоспоримую политическую мощь в мировом масштабе била в самое чувствительное место британского империализма.

Вильгельм лично посетил султана Абдул-Гамида [3]), он назвал его своим лучшим другом и добился концессий для постройки Багдадской железной дороги, которая должна была привести Германию к берегам Персидского залива.

В 1902 году был заключен германо-турецкий договор, пять крупнейших германских банков (о которых мы говорили раньше) подсчитали расходы на постройку этой железной дороги и ассигновали средства. Но закончить эту работу германскому империализму не удалось.

Мир был уже мобилизован и милитаризован, каждый посвоему понимал эту мобилизацию, один,—как защиту путей к Индии и сохранение могущества на море, другой,—как реванш за 1870—71 г.г. и как возможность обратного отторжения Эльзас-Лотарингии, третий,—как возможность руссификации Балканского полуострова, захвата Дарданелл—Бос-

---

[1]) Reventlow, „Deutschlands auswärtige Politik", стр. 62.
[2]) Гракх, „Война и Революция", стр. 45.
[3]) См. III-ю часть настоящей работы—„Смирна".

фора, новой более удачной войны, чем русско-японская, с ее революцией 1905 года, и т. д. и т. п.

Мировое хозяйственное накопление должно было вызвать громадный и продолжительный размах войны.

Если мировое хозяйственное накопление при мировом социалистическом строе, естественно, должно было бы повлечь за собой наилучшее существование человечества на этой земле, то другой оборот принимает данное накопление, когда существуют господствующие классы и империалистическая политика этих классов. Существование империализма без войны немыслимо, а раз так, то мировое хозяйственное накопление в условиях империализма, милитаризма и маринизма, вызвав войну, тем самым гарантировало ей громадный и продолжительный размах. Отсюда господствующие классы, которые думали, что мировая война закончится *в несколько месяцев*, тем самым не понимали сущности империализма XX столетия, несмотря на то, что сами его так старательно создавали и оберегали.

„В течение последних пятнадцати лет перед мировой войной капиталистическое развитие всего мира переживало период бури и натиска, эпоху давно не имевшего места хозяйственного подъема необычайной интенсивности и длительности. Хотя при этом хозяйственная жизнь потряслась внезапными кризисами 1900 и 1907 годов, все же общая линия хозяйственного развития подымалась вверх, так что этот период все-таки должен быть охарактеризован, как период необычайно сильного подъема“ [1]).

Если мы возьмем цифры мирового производства *угля*, *чугуна* и *стали* за 13 лет до империалистической войны 1914—18 г.г., то этот подъем мирового хозяйства станет для нас совершенно ясным.

Следующая таблица будет выражением этой ясности:

Таблица № 4.

Мировая добыча угля.		Мировая выплавка чугуна.			Мировое производство стали.	
В мил. тонн.		В миллионах тонн.			В мил. тонн.	
1900 г.	1913 г.	1880 г.	1900 г.	1913 г.	1900 г.	1913 г.
768	1.350	18,5	40,2	70	12,4	75,5
Возросло на 75%.		Возросло за 13 лет на 30 мил. тонн.			Возросло на 53,1 мил. тонн.	

[1]) Нахимсон (Спектатор), „Мировое хозяйство“, стр. 100.

Средняя выплавка других металлов (в 1.000 метрических тонн) развивалась следующим образом [1]):

Таблица № 5.

МЕТАЛЛЫ.	1891—1900 г.	1901—1910 г.	1911—1913 г.
Свинец	705	987	1.177
Медь [2])	383	697	980
Цинк	422	665	958
Олово	72	103	125
Алюминий	3	17	59

Эти цифры сами за себя говорят о громадном промышленном подъеме.

Но если мы затронем еще важнейшую область для войны, область машиностроения и машинной техники, то увидим, что в 1896 году в машинах насчитывалось 66 миллионов лошадиных сил, в 1911 году, т.-е. спустя всего лишь пятнадцать лет, этот эквивалент увеличился до 200 миллионов лошадиных сил, при чем распределение последних было рассосредоточено таким образом: на железные дороги — 100 мил., на индустрию — 75 мил. и на водный транспорт — 25 мил., т.-е. всего 200 миллионов лошадиных сил.

Совершенно ясно, что данный грандиозный хозяйственный подъем не мог в должной мере не отразиться на мировом обороте, в коем главнейшими факторами являются расширение железнодорожной сети и рост мировой торговли [3]).

---

[1]) По сведениям Франкфуртского металлургического общества. „Мировое хозяйство", стр. 124.

[2]) Расширение электрической промышленности заставило расти потребление меди, мировое потребление которой с 1904 по 1913 год возросло вдвое: с 662,5 до 1044,5 тыс. тонн, при чем потребление электростали возросло с 1908 по 1912 год в пять раз, с 12,8 тысяч тонн до 64 тысяч тонн.

[3]) „Мировое хозяйство", стр. 124.

Следующая таблица показывает рост железнодорожной сети всего мира с 1890 по 1913 год (в 1.000 клм.):

Таблица № 6.

ЧАСТИ СВЕТА.	1890 г.	1913 г.
Европа	223,9	346,2
Америка	331,4	570,1
Азия	33,7	108,1
Африка	9,4	44,3
Австралия	18,9	35,4

О чем говорит эта таблица? Во-первых, она показывает, что за 23 года вся мировая железнодорожная сеть возросла на 79%, во вторых,—империалистическая политика, выкинув в колонии капиталы, заставила расшириться и там железнодорожную сеть, столь необходимую в случае войны для перебросок войсковых частей. Протянув свои щупальцы в сторону Африки и Азии, капитализм в первой поднял железнодорожную сеть почти в пять раз, а во второй—более чем в три раза.

Анализируя вопросы колониальной политики и экспорта капиталов, тов. Ленин говорит, что „вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение". И действительно, начало XX столетия определяло собой новую стадию в развитии капитализма. Многие аграрные государства превратились в промышленные, производство товаров непрерывно росло, перегоняя их спрос. Образовывались могущественные тресты, синдикаты, картели, концерны, которые монополизировали производство. Начинается вывоз капитала в более бедные капиталистические страны, в аграрные государства и колонии. Финансовый капитал стал хозяином в промышленных государствах. Америка, Англия, Германия и Франция через свою финансовую диктатуру полностью управляли всем миром перед войной 1914—18 г.г.

В 1910 году общая сумма ценных бумаг во всем мире доходила до 600 миллиардов франков [1]). При чем на долю

---

[1]) Гракх, „Война и Революция", стр. 21.

Англии приходилось 142 миллиарда франков, Соединенных Штатов — 132 миллиарда франков, Франции—110 миллиардов франков и Германии — 95 миллиардов франков [1]), т.-е. из 600 миллиардов *четыре государства* располагали 479 миллиардами, или 80% всемирного финансового капитала.

Эти цифры становятся еще более интересными, если учесть тот момент, что два совершенно молодых империализма Соединенных штатов и Германии в финансовом отношении равнялись по старым колониальным державам— Англии и Франции, при чем Соединенные Штаты даже перегнали вторую.

Следующая таблица говорит, какие капиталы три главнейших европейских державы поместили вне своей метрополии (в миллиардах франков):

Таблица № 7.

ГОД.	Англия.	Франция.	Германия.
1902	62	27—37	12,5
1914	75 -100	60	44

О чем говорят эти цифры? Они наглядно показывают, что благодаря этим 175—200 миллиардов франков, которые давали чистый доход в 8 — 10 миллиардов франков в год (если взять только 5%), три империалистических государства поработили бо̀льшую часть населения земного шара.

И если финансовый капитал, накладывая свою тяжелую лапу на то или другое европейское государство, все-таки считался по необходимости с некоторыми правилами „приличия", то в колониях он был совершенно бесконтролен. „Если когда-либо, пишет Гракх, колониальные народы напишут свою историю, это будет самая ужасная книга человечества. Европа знакома с историей колонизации лишь теоретически, из книг по политической экономии. Но негры с берегов Конго, арабы, марокканцы, сиамцы, китайцы—те знают колониальную историю с другой стороны. Они знают ее, как путь своей гибели, как ряд бесконечных мучений. В колониальной политике, в ее практических методах и

---

[1]) У царской России—31 миллиард, Австро-Венгрии—24 миллиарда, Италии—14 миллиардов, Японии—12 миллиардов, Бельгии— 7,5 миллиардов и т. д.

опытах все государства, все великие державы, все финансовые группы постарались превзойти друг друга в подлости".

Бурный рост *мировой торговли* перед войной 1914—18 г.г. выражался в следующих цифрах (данные статистических ежегодников германской империи за 1909 и 1918 г.г.):

Таблица № 8.

В миллиардах марок.				
1890 г.	1900 г.	1910 г.	1912 г.	1913 г.
73,80	91,80	136,85	168,13	178,19

Эти данные нам говорят, что мировая торговля возросла в 2,4 раза, при чем, по данным Statistical Abstract of the U. States, 1919, стр. 840, общая сумма мировой торговли составляла в 1890 году 17,5 миллиардов долларов,
в 1913 „ 40,4 „ „
или на душу населения 11,8 и 24,47 долларов.

Если эти цифры сравнить с теми цифрами, которые мы приводили по вопросу о производстве, то значение их станет еще более наглядным.

Мы не приводим здесь данных о развитии мирового земледелия до войны, которые ясно показывают, что оно развивалось *быстрее*, чем прирост населения [1]).

Мы полагаем, что все вышеуказанные цифры в достаточной мере определяют собой то грандиозное хозяйственное накопление, которое не могло не вызвать громадного и продолжительного размаха войны.

Мы просим читателя вспомнить эти цифры, когда он подойдет к изучению оперативных планов войны Шлиффена и Мольтке и пр., и тогда ему станет ясным, почему эти планы включали в себе столь смелые оперативные замыслы. *Богатейшая экономика страны, развитая железнодорожная сеть, которая способствовала быстрому разрешению вопросов стратегического развертывания и сосредоточения на границах и т. д., — были прямо пропорциональны оперативным планам войны, которые читатель найдет во второй главе.*

---

[1]) „Мировое хозяйство", стр. 112—113.

Хозяйственный кризис 1913 года, как прелюдия к мировой войне.

Мы не можем обойти один из интереснейших моментов в предвоенной жизни империалистических государств, а именно—вопрос о хозяйственном кризисе 1913 года.

„В настоящий момент трудно сказать, пишет Спектатор [1]), пришел бы к концу хозяйственный подъем в том случае, если бы не грянула война. Факт, однако, тот, что в *середине* 1913 года началась заминка на мировых рынках, а в некоторых странах, как во Франции, России, а отчасти и в Англии и Америке даже кризис.

Последний период подъема, начавшийся с 1909 года, продолжался только несколько лет, приблизительно *до первой четверти 1913 года включительно* [2]).

С этого момента кривая хозяйственного развития пошла вниз. Внезапная перемена в хозяйственной конъюнктуре в 1913 году может быть установлена на основании следующих фактов.

Почти безошибочным признаком хозяйственной конъюнктуры является движение *частного учетного процента.*

В периоды хозяйственного подъема растет, естественно, *и спрос на капитал,* а значит, и поднимается учетный процент, т.-е. *процент, уплачиваемый за занятый капитал.*

В моменты *кризиса* он достигает особенно большого уровня, *ибо обмен товаров прерывается, выравнивание платежей нарушается, и появляется спрос на платежные средства, повышающий цену денег*".

Для того, чтобы показать правильность этой мысли, мы имеем возможность проследить эволюцию *частного учетного процента* в Берлине перед мировой войной.

Следующая табличка говорит об этой эволюции:

Таблица № 9.

Февраль 1913 года	5,14%
Март	5,88%
Сентябрь	5,48%
Октябрь	4,72%
Ноябрь	4,42%
Декабрь	4.41%
Апрель 1914 года	2,37%

---

[1]) „Мировое хозяйство", стр. 131. Курсив везде наш. *В. М.*

[2]) Следует помнить, что подъемы и кризисы—неизбежные спутники капиталистического производства, природа которого анархична и построена на непрерывной конкуренции. Например, как только прошел кризис, как только все товары, которых было произведено слишком много, распроданы, начинается полоса оживления в промышленности. Начинается снова конкуренция, снова анархия производства и опять кризис. Современная экономика установила, что промышленные кризисы более или менее правильно повторяются через каждые 10—12 лет.

Эти цифры наглядно говорят, что в сентябре 1913 года на денежном рынке предложение капиталов *превышает* спрос на них.

Но надо заметить, что в течение последующих месяцев *учетный процент* снова немного поднялся, составляя в июле 1914 года $2{,}55^0/_0$, — здесь несомненной причиной были надвигавшиеся военные тучи.

В этот же период *движение цен* на важнейшие товары было следующим:

Таблица № 10.

а) Литейный чугун (Бреславль)	Январь — Август 1913 г.	88,08	марок 1 тонна.
	Сентябрь	86,25	„ „
	Октябрь	84,25	„ „
	Декабрь	81,75	„ „
б) Мансфельдская медь.	Сентябрь 1913 г.	150	„ „
	Октябрь	159,75	„ „
	Декабрь	140,50	„ „
в) Американская электрическая медь	Сентябрь 1913 г.	155	„ „
	Октябрь	157	„ „
	Декабрь	137	„ „
г) Свинец	Август 1913 г.	42,62	„ „
	Декабрь	37	„ „

Эта таблица со всей определенностью показывает ослабление хозяйственной конъюнктуры Германии в 1913 году.

Цифры говорят о наступившем кризисе производства на внутреннем рынке, несмотря на то, что „клапан“ на внешние рынки был открыт полностью, а внешняя торговля Германии в 1913 году достигла рекордного уровня, *но чрезмерно разроставшиеся производительные силы страны* требовали новых и новых рынков сбыта.

Если в Германии этот кризис разворачивался еще не так широко и без особо сильных потрясений, то в других странах он принял более резкие формы. „Во Франции он начался, отчасти, с роста спекуляции с южно-американскими ценностями, в России — с биржевого и банкового кризиса, так что в этих обеих странах правительства принуждены были вмешаться в ход биржи, чтобы предотвратить катастрофу“ [1]).

Является вопрос, как эта перемена в хозяйственной конъюнктуре могла отразиться на том мировом политическом положении, которое наблюдалось в 1913 году, и могла ли она иметь для него роковое значение.

Известно, *что „в периоды подъема предприниматели всячески восставали против политических осложнений, которые отразились бы пагубно на их делах“*.

---

[1]) „Мировое хозяйство“, стр. 132—133.

Так, например, на свой запрос, обращеный к банкам в период марокkского кризиса,—„готовы ли они к возможной европейской войне“—Вильгельм II получил отрицательный ответ. Он предложил им в следующий раз дать другой ответ, т.-е. *укрепить положение банков.* Это было отчасти выполнено: рейхсбанк начал концентрировать золото в своих кассах и производить давление на частные банки, чтоб побудить и их укрепить свое положение. *Как бы, однако, ни было, этот ответ банков означал, что в период подъема они и слышать не хотели о политических осложнениях.*

Однако после наступления кризиса это сопротивление ослабело, так как банки и промышленный мир ожидали в связи с новой войной нового подъема, как это открыто признавал в начале войны в „Берлинер Тагеблатт“ один из крупнейших банковых специалистов—Гехт.

К этому надо прибавить еще и то, что *кризис* при всеобщем обострении социальных противоречий, вызванных *понижением реальной заработной платы,* легко мог бы *привести к социальным потрясениям,* если бы война не явилась спасительным клапаном.

Кризисы, приходящиеся на периоды дороговизны, т.-е. падения реальной заработной платы и всеобщего обнищания, действуют на массы революционизирующе. Это было издавно хорошо известно в Европе, и потому стремились надвигающиеся социальные тучи отвести в другую сторону.

Таким образом, вышло, что потребность в расширении рынка совпала с необходимостью сохранения рабочего класса в подчинении, ослабления или устранения социальной борьбы, и эта связь оказывалась роковой для судеб Европы [1]).

К 1914 году, как мы видели выше, весь мир был поделен между несколькими державами, их объединенными монопольными компаниями (тресты, картели и т. д.), которые бешено конкурировали между собою. Пути сообщения развились до громадных размеров, а по ним шла переброска различных товаров конкурирующих монополистов. Таким образом, шла борьба за рынки сбыта, за рынки сырья, за пути сообщения, за проценты вывозимого капитала, за передел поделенных колоний и т. д. и т. п.

Политические и экономические противоречия вызывали рост вооружений с целью в нужный момент эти противоречия разрешить силой оружия.

И достаточно было в этой до предела сгущенной империалистической атмосфере, в этом бурном росте и развитии

---

[1]) „Мировое хозяйство“, стр. 133.

капитализма появиться одной искре, в виде револьверного выстрела 18-ти летнего юноши Принчипа в Сараеве, чтобы произошел мировой взрыв.

Кто же виновник войны? Государственные и общественные деятели, видные дипломаты, крупнейшие представители науки буржуазных стран, а также и представители II Интернационала частенько любят поговорить о виновниках возникновения войны 1914—18 г.г., стремясь, в большинстве случаев, обвинить то или другое лицо империалистической державы, то или другое капиталистическое государство (Англия—Германию, Германия—Англию и Францию и т. д.).

Эта тема в послевоенной литературе живет и поныне, но крупные финансисты и промышленники, эти рычаги военных и морских налогов мирного времени и собиратели колоссальной военной прибыли в военное время, *как правило*, всегда остаются в „*таинственной*“ тени.

Они не только не играют соответствующей роли в этой теме, но, за исключением марксистской литературы (конечно, не горе-марксистской), о них забывают совершенно.

На вопрос, кто же несет ответственность за войну— ответ совсем не труден и не сложен. Вышеизложенное— тому убедительный материал.

Как мы видели, мировая война вытекала из самой сущности капитализма.

„Безумие“ не руководило средней и крупной буржуазией, ибо она также получала свою долю прибыли и кормилась около крупного капитала.

„А за этими классами, говорит Герман Гортер [1]), за королями, монархами и парламентами, за всеми армиями стоят скрытые и видимые лишь научно просвещенному глазу: крупные финансисты стального и железного производства и рудников, мировые картели, транспортные синдикаты, крупные концессионеры и владельцы монополий. От них зависят те или иные перемещения капитала, они, следовательно, являются господами положения и в обществе. Численно они не велики. Но им все покорно. Невидимые и хладнокровные, не зная ни сочувствия, ни сожаления, руководимые лишь рассудком, управляют они движением капитала.

Развившееся производство побудило их принять участие в этой войне, чтобы дать возможность капитализму своей страны достичь большей экспансии, сделать его более

---

[1]) Герм. Гортер, „Империализм, мировая война и социал-демократия“, стр. 12. Книга написана в октябре 1914 г. Русский перевод М. И. Ульяновой, изд. ГИЗ, 1920 г.

сильным и могущественным, превратить его в единственную мировую силу“.

И теперь, говоря о виновниках войны, те, кто этого не хотят понять, пусть знают, что ответственность за эту войну несут только капитализм, империализм, маринизм и все капиталистические классы, т. к. никому другому эта война не была нужна.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Оперативные планы Шлиффена, ген. Мольтке и ген. Жоффра.

Оперативный план Шлиффена [1]). *Схема № 1.*

„Нашим учителем и воспитателем для великой современной войны, пишет Куль, *был фельдмаршал Шлиффен.* Основываясь на опыте и указаниях своего великого предшественника, Мольтке старшего, он стремился овладеть искусством управления современными миллионными массами войск для уничтожения противника“ [2]).

„Автором оперативного плана, который чуть не погубил нас в августе—сентябре 1914 года, был Шлиффен“— пишет начальник оперативного отдела французского генерального штаба ген. Дюпон [3]).

И действительно, став во главе германского генерального штаба в 1891 году, Шлиффен в продолжение 13 лет, т.-е. до 31-го декабря 1905 года, вел самую усиленную работу по качественному улучшению вооруженных сил Германии и по подготовке их к будущим боевым столкновениям.

Оперативная работа этого выдающегося деятеля, создавшего целую школу учеников и последователей его оперативных поучений, заслуживает полного внимания.

---

[1]) Здесь мы не будем рассматривать оперативные планы Мольтке старшего и ген. Вальдерзее, это не входит в нашу задачу. Мы останавливаемся и анализируем планы войны, которые так или иначе были осуществлены в первый период мировой войны 1914—1918 г.г. Читателя, интересующегося эволюцией оперативных планов войны у германского и французского командования, мы отсылаем к трудам: Куль, „Германский генеральный штаб“; „Der Weltkrieg“, Band I, Reichsarchiv; A. Boucher, „Les doctrines dans la préparation de la grande guerre“; „Les armées françaises dans la grande guerre“; В. Новицкий, „Мировая война“, том I.

[2]) Куль, „Германский генеральный штаб“.

[3]) Ген. Дюпон, „Высшее германское командование“. Ген. Дюпон до войны 1914—1918 г.г. был начальником 2-го бюро (оперативного) франц. генерального штаба. Во время войны он работал в ставке французского главного командования по вопросам оперативного характера и, по отзыву ген. Жоффра, „был одним из полезнейших и самых дальновидных помощников командования“.

Обладая высокими творческими способностями и громадной силой воли, он с большим искусством сумел эти качества претворить в свои оперативные замыслы.

Трудоспособность Шлиффена была исключительной. „Он не знал ни отдыха, ни развлечений. Он любил повторять слова Мольтке: „гениальность требует знаний и работы“. На празднике военной академии, обращаясь к офицерам, он сказал, что это положение подтверждается целым рядом великих полководцев, которые гигантски работали все, вплоть до Александра Великого, не только укрощавшего Буцефала, но и сиживавшего у ног Аристотеля“ [1]).

Анализируя его продолжительную работу на посту начальника германского генерального штаба, приходишь к убеждению, что это действительно был настоящий сын эпохи начинавшегося расцвета молодого германского империализма.

Он великолепно осознал внутреннее содержание и характерные особенности этой эпохи—эпохи широко развитой индустрии и техники, где *экономическая политика империализма* с ее рынками сбыта и сырья не только играла определенную роль в мирной жизни государства, но и вызывала империалистические войны.

На его глазах быстро поднималась экономическая мощь Германии, которая становилась с каждым днем все более грозным конкурентом Англии и Франции на мировом хозяйственном рынке.

А ведь эта возраставшая экономическая мощь заставляла делать соответствующие ходы и в политике, которая является ничем иным, как концентрированной экономикой.

Поднимая завесу будущей мировой войны, Шлиффен следующим образом характеризовал обстановку: „Посередине открыто стоят Германия и Австрия, а вокруг за валами и окопами расположены остальные державы. Военному положению соответствует и политическое. Между окружающими и окруженными державами существуют трудно устранимые противоречия. Франция с 1871 года остается заклятым мстительным врагом. Значительный подъем промышленности и торговли в Германии только усилил непримиримое враждебное чувство со стороны Франции. Ненависть к конкуренту, к которому чувствовалось ранее пренебрежение, не может быть ни ослаблена уверениями в истинной дружбе и сердечной симпатии, ни обострена едким словом. Неприятель определяется не побуждениями чувства, *но размерами дебета и кредита*“ [2]).

---

[1]) Куль, „Германский генеральный штаб“, стр. 132.

[2]) Цитирую по Риттеру, „Критика мировой войны“, стр. 64.

Далее, упоминая о возможности участия в войне царской России, он говорит, что она пойдет на стороне своего союзника, Франции, которая продолжает субсидировать ее соответствующим количеством финансовых займов.

Такой анализ заставлял иметь и соответствующую военную доктрину.

Стратегическая доктрина Шлиффена носила стремительный и энергичный характер, признавая лишь решительные цели уничтожающего значения. „Продолжительность войны в современную эпоху тяжко отзывается на всем государственном организме, говорил он, ибо существование государства зависит от непрерывного развития торговли и промышленности, и быстрое решение борьбы должно вернуть к деятельности фабричные станки; *война на истощение* (измор) не может иметь места, когда содержание миллионов солдат требует миллиардных расходов [1])“.

Все эти умозаключения Шлиффена со всей наглядностью говорят, что для этого замечательного военного деятеля *уже в то время* оперативный план войны был прямо пропорционален политическому и экономическому положению Германии.

Политическая и хозяйственная обстановка страны и ее материальное накопление довлели над оперативными замыслами германского генерального штаба.

Весь этот анализ создавшегося положения в Европе не мог не говорить Шлиффену и о том, что Германии придется вести войну на два фронта; а потому данная обстановка побуждала создать один, но четкий и твердый стратегический путь.

Еще задолго до мировой войны, в период 1894—1899 г.г. Шлиффеном был разработан оперативный план для действий как на восточном, так и на западном фронте. В этом плане центр внимания был отнесен Франции. Русско-японская война убедила Шлиффена в правильности этого решения. Царская Россия действительно оказалась „колоссом на глиняных ногах“. Конечно, брать ее в расчет и после поражения в войне 1904—05 г.г. необходимо, но уделять ей внимание, равнозначущее Франции, нецелесообразно. Кроме того, простой стратегический расчет указывал, что каждый из этих двух противников имеет свои характерные территориальные особенности, от которых зависит их оперативная готовность по сосредоточению и развертыванию армий на государственной границе.

Франция, эта густо населенная страна с хорошо развитой сетью железных и грунтовых путей большой провозоспособности, имела по оперативной готовности одни

[1]) В. Ф. Новицкий, „Мировая война“, том 1, стр. 115.

возможности, в то время, как у *России* с ее громадной территорией и ничтожным количеством путей сообщения возможности по сосредоточению были совершенно другие.

Свою законченную форму план Шлиффена получил в декабре 1905 года. Учитывая громадный интерес, который представляют собой вложенные в него оперативные замыслы, постараемся остановиться на нем более подробно.

После внимательного изучения политико-экономического положения в Европе, а также анализа организации и состояния армий России и Франции, их мобилизационной способности, Шлиффен пришел к твердому решению в случае войны на два фронта действовать главными силами на западе (против Франции) и затем, по достижении быстрого и решительного успеха, перебросить освободившиеся силы на восток против России.

Таким образом, приняв это решение, необходимо было главную массу войск сосредоточить для наступления против Франции и оставить незначительные силы на востоке.

Но как же распределить намечаемую массу войск на этом громадном по протяжению западном фронте (в 320 клм., исключая нейтральную границу Бельгии), где сосредоточить ударную группу для достижения решительного успеха?

На фронте Бельфор—Верден французы располагали почти сплошною системою сильных крепостей и фортов (Верден—Туль—Эпиналь—Бельфор), а пограничная полоса местности представляла здесь ряд серьезных естественных преград, заполненных двойным барьером хребтов трудно доступных и проходимых Вогезских гор с малым количеством путей.

Если обойти этот сильно укрепленный и неудобный для развертывания и организации вторжения массовых армий участок фронта, то где же? В каком направлении расширить театр военных действий?

Итти через Швейцарию было нельзя, принимая во внимание трудность преодоления естественных преград и наличие швейцарской армии (1-й вариант). Охватить противника между Верденом и Люксембургом опять неудобно, т. к. армии, форсировавшие Маас севернее Вердена, при захождении к югу, имея в тылу Бельгию, а на левом фланге сильнейший крепостной район Вердена, могли подвергнуться опасности не только потерять свою коммуникационную линию, но и обнажить свой правый фланг, получить удар во фланг и тыл со стороны „родственной“ Франции бельгийской армии (2-й вариант).

Оставался еще 60-ти километровый участок бельгийской границы, где не было, за исключением реки Мааса и устаревших бельгийских крепостей (Льеж—Намюр), трудно

одолимых препятствий, а сама территория Бельгии представляла собою чрезвычайно удобную местность для маневрирования и действия крупными силами. Отсюда ясно, внимательное изучение свойств границы и ее характерных особенностей подсказывало выбор района для сосредоточения и развертывания ударной группы армий.

„Уничтожающее сражение“ — идеал Шлиффена, оно красной нитью проходит через все его военные поучения и организуемые им полевые поездки, военные игры, маневры, а раз так, то ее единственной оперативной целью и должна быть живая сила неприятельской армии.

Поэтому проход через нейтральную Бельгию был самым целесообразным вариантом для дальнейшего наступления главных сил против Франции.

„Короткий прыжок пантеры“ через бельгийскую территорию обеспечивал возможность найти живую силу противника в полосе северной границы Франции.

Таким образом, немецкие армии, обойдя сложную и сильно укрепленную крепостную систему французов и хребты Вогезских гор, имели возможность достигнуть первых решительных результатов, а в дальнейшем отбросить противника фланговым ударом к французским крепостям и швейцарской границе, где и покончить с его живой силой.

Германии необходимо было использовать каждый час, чтобы добиться решительного результата на западе.

„Моральный ущерб, говорит Риттер, который брала на себя Германия при нарушении бельгийского нейтралитета, неоспорим, но так как вторжение в Бельгию являлось не больше, не меньше, как жизненно-военным вопросом, то в этом случае направление внешней политики должно было итти рука-об-руку с требованиями войны. Раз конфликт был уже неизбежен, то делом тонкой дипломатии было установить, что Германия являлась атакованной страной. Сила вместе с тем является также и правом. Когда враги применяют эту силу, то в этическом отношении это низко, в политическом—умно“.

Но для успеха проведения в жизнь этого решительного плана необходимо было, чтобы противник не упредил в мобилизации и стратегическом развертывании Германию.

Неприятель не должен был получить возможность совместно с англичанами и бельгийцами достигнуть линии Антверпен—Намюр ранее немецких армий, ибо в противном случае внезапность охвата с севера потеряла бы свой смысл.

На этом третьем варианте и остановился Шлиффен.

Основная цель—это полное уничтожение живых сил противника. Для ее осуществления средствами будут хорошо подготовленные в стратегическом и тактическом отношениях

германские армии; способы — упреждение в мобилизации, решительный марш-маневр через территорию Бельгии и Франции с широким стратегическим охватом с севера левого крыла неприятельских армий.

Осталось разработать и обдумать детали, а также распределить силы и сосредоточить их для наступательной операции. Последнее приняло следующий вид:

1) *Северная группа* должна быть наиболее сильной и состоять из 9 армейских корпусов и 5 кавалерийских дивизий. Для прикрытия ее правого фланга, а в дальнейшем и осады Антверпена, за ней следуют 7 эрзац-резервных корпусов. Кроме того, сюда должны быть возможно скорее подтянуты по железной дороге еще два корпуса, предназначенных с началом развертывания в числе других сил для Лотарингии.

Таким образом, здесь можно было располагать в общей сложности 18 корпусами. Приходилось также принять меры против бельгийцев и англичан, так как последние могли свободно оказаться после высадки в районе Антверпена. А поэтому Северная группа должна возможно быстрее достигнуть линии Брюссель—Намюр, в то время как продвижение от правого фланга влево должно было соответственно замедляться.

2) *Средняя группа* из 6 корпусов, одной резервной и одной кавалерийской дивизий должна была выдвинуться к линии реки Маас на участке от Намюра до Мезьера.

3) *Южная группа* из 8 корпусов и двух кавалерийских дивизий должна была выйти к линии реки Маас от Мезьера до Вердена.

4) С целью обеспечить левый фланг наступающей главной массы немецких армий со стороны крепостных районов противника (Верден—Туль) опорным пунктом будет служить район Меца, куда и сосредоточивается 5 резервных корпусов.

5) Средняя и Южная группы также должны во всякое время быть готовы встретить атаки противника.

6) 16 ландверных бригад обеспечивают фланги и тыл главной массы.

7) Для прикрытия фронта Мец-Базель (исключительно) сосредоточивается вспомогательная группа войск, в составе 5 армейских и резервных корпусов, 3 кавалерийских дивизий, 4½ ландверных бригад. (См. табл. на стр 55).

8) Для обеспечения успеха операции к участию должны быть привлечены части ландштурма и находившийся в крепостях ландвер. Последний предназначался для оккупации тылового района и охраны железных дорог, а также для формирования тотчас же после мобилизации 8 резервных корпусов. Эти вновь сформированные корпуса предпо-

Таблица № 11.

Оперативный план Шлиффена.

Наименование групп.	Линия развертывания.	Оперативное назначение.	Численный состав. Арм. пех. к-са.	Резер. пех. к-са.	Резер. пех. див.	Кав. див.	Бригады ландвера.	Всего. Арм. и рез. к-сов.	Кав. див.	Бригад ландвера.
А. Главная масса.	Крефельд—Мец.	Наступление на линию Дюнкерк—Верден. .	—	—	—	—	—	—	—	—
1) Северная группа.	Крефельд—Аахен.	а) Наступление на фронт Брюссель—Намюр .	9	—	—	5	—	—	—	—
		б) Для обеспечения правого крыла и осады Антверпена. .	—	7 эрзац	—	—	—	—	—	—
2) Средняя группа.	С. Вит—Люксембург.	Наступление на фронт Намюр—Мезьер	6	—	1	1	—	—	—	—
3) Южная группа.	Люксембург—Мец.	а) Наступление на фронт Мезьер—Верден . .	8	—	—	2	—	—	—	—
		б) Для обеспечения левого крыла и осады Вердена	—	5	—	—	—	—	—	—
4) 2-я линия.		Для обеспечения флангов и тыла главной массы севернее и южнее Мааса.	—	—	—	—	10 + 6	35 1/2	8	16
Б. Вспомогательная группа.	Мец—Базель (искл.).	Прикрытие левого крыла стратегического фронта. а) В Лотарингии (кроме гарнизонов Меца и Страсбурга) . .	3 1/2	1 1/2	—	3	—	—	—	—
		б) На верхнем Рейне	—	—	—	—	3 1/2	—	—	—
		в) В нижнем Эльзасе.	—	—	—	—	1	5	3	4 1/2
		Итого	—	—	—	—	—	40 1/2	11	20 1/2

Примечание: Для Восточного фронта (Россия) Шлиффеном было назначено 10 армейских и резервных дивизий и 7 ландверных бригад.

лагалось также перебросить на правый фланг или в его тыл, как только железные дороги были бы в состоянии это выполнить.

К 22-му дню мобилизации сосредоточенная главная масса германских армий должна была выйти на линию Гент—Мобеж — Мезьер — Монмеди — Диденгофен, а к 31-му дню мобилизации достигнуть фронта Амьен—Ла-Фер—Ретель—Диденгофен.

„Если бы неприятель создал укрепленный фронт на реке Уазе от Парижа до Ла-Фера, то, развлекая его внимание на этом участке частью сил, остальные 7 корпусов следовало двигать далее, *в обход Парижа с запада и юга*, а эрзац-резервными корпусами, которые должны были наступать за ними, обложить столицу Франции; 7 корпусов, обошедшие Париж, продолжают наступление на Труа, все время охватывая левое крыло противника. Остановка французов на реке Сомме считалась мало вероятной, но если бы это произошло, то германский правый фланг пошел бы на Амьен и даже на Абенвиль“ [1]).

Далее, после того, как противник сдаст Уазу и будет продолжать отходить за Марну или Сену, следует наносить удары по его левому флангу в восточном направлении.

Таким образом, тесня его к укреплениям на Мозеле или к швейцарской границе, взять в клещи и совместной операцией с немецкими войсками, действующими из Эльзас-Лотарингии, уничтожить.

Таков план Шлиффена, его идея до крайности проста, но в то же время величественна по замыслу.

Мы видим, что главная масса сил, $35^1/_2$ корпусов и 8 кавалерийских дивизий, опирается своим левым флангом у Меца и, катясь грозной лавиной через Бельгию и северную Францию, совершает большой стратегический охват в то время, как остальные силы фронта (5 корпусов и 3 кавалерийских дивизии), обороняясь и демонстрируя, предназначены для ведения вспомогательной операции. Соотношение сил между крыльями стратегического фронта равно 7 : 1.

Шлиффен мало беспокоится о том, что противник может повести крупными силами наступление в Эльзас-Лотарингию, ибо здесь промежуток между Эпиналем и Тулем является позицией, защищенной самой природой.

Но если бы даже это и случилось и если бы противник здесь имел успех и продвинулся в восточном направлении, то это было бы еще выгоднее для обходящей с севера главной массы немецких армий.

---

[1]) В. Ф. Новицкий, „Мировая война“, т. I и Foerster, „Graf Schlieffen und der Weltkrieg“.

Как видим, оперативные размышления Шлиффена получили здесь не только свою законченность, но и твердый стратегический путь.

В этом грандиозном плане театр военных действий был смело расширен за счет территории нейтральной Бельгии. Решение получить столь необходимое пространство для ведения операций современной массовой армии взяло верх над вопросами так называемого международного права и его этики.

Оперативный план ген. Мольтке. *Схема № 2.*

Шлиффен вышел в отставку в 1906 году, его преемником явился ген. Мольтке, племянник знаменитого стратега, Мольтке старшего.

В дальнейшем мы увидим, как этому маленькому человеку, но с большой фамилией, было трудно воспринять то грандиозное, по оперативному замыслу, наследство, которое ему было оставлено Шлиффеном. Несмотря на современную высокую стадию военного искусства и искусства вождения войсковых масс, снабженных и вооруженных по последнему слову техники, все же лучше, если творец плана войны, плана операции, будет и руководить процессом их выполнения. Особенно это важно при осуществлении крупнейшего по замыслу плана, для которого, естественно, нужны и соответствующие люди.

Современная эпоха—эпоха коллективизма, но это не значит, что время от времени не может появиться отдельная выдающаяся индивидуальность, которая данную отрасль человеческого знания не только осознает лучше, чем работающие рядом с ней, но и выдвинет целый ряд новых проблем. И этот индивидуум не будет в противоречии к современной эпохе коллективизма, если он поймет, что истинная гениальность и заключается в том, чтобы уметь создать дисциплинированный коллектив, уметь использовать в нем все таланты, уметь сорганизовать и координировать энергию отдельных лиц, входящих в данный коллектив, и т. д.

Безусловно Шлиффен был одним из прекраснейших выразителей эпохи германского империализма, империализма, который с каждым годом становился все более и более полнокровным. Генерал Мольтке был уже не тот, но развитие германского империализма заставляло и Мольтке итти в ногу с ним. Бодро ли шел Мольтке или же он плелся и спотыкался,—об этом речь будет дальше.

„Когда Шлиффен вышел в отставку, говорит ген. Баумгартен [1]), германская армия надеялась на назначение Гинденбурга или Бюлова.

---

[1]) „Deutsche Heerführung im Marne Feldzug 1914".

Воля императора решила иначе. На место, которое должен был занимать достойнейший, он поставил этого отличного человека, но посредственного генерала за то, что он носил самое славное имя в армии. Мольтке не был тем человеком, который мог бы осуществить план Шлиффена. У него не было веры в свое назначение, он был очень впечатлителен и чувствителен к второстепенным фактам“

И действительно, на протяжении всей его десятилетней службы на посту начальника германского генерального штаба он показал себя не более, как хорошим работником, добросовестно выполнявшим свои обязанности. Но его скромные военные способности не соответствовали столь высокому посту, и они еще менее соответствовали осуществлению того оперативного плана войны, который передал ему Шлиффен.

Примерно, до 1908 года ген. Мольтке совершенно не изменял плана Шлиффена, но в дальнейшем началось *постепенное усиление левого крыла* стратегического фронта. До начала войны он остался верен как самой идее Шлиффена, положенной в его план развертывания немецких армий (главный удар на западе), так и ее осуществлению (первый удар на Францию в обход с севера через Бельгию).

Но в соотношении сил между флангами стратегического фронта он расходится с Шлиффеном. Он не может согласиться, чтобы Эльзас - Лотарингия осталась почти оголенной.

Над ним довлеет мысль, что французы поведут крупное наступление как между Мецем и Вогезами, так и от Бельфора.

Таким образом, что для Шлиффена было оперативно-выгодным (контр-наступление французов на левый фланг немецких армий), то ген. Мольтке считает опасным.

В силу этого он предполагает не только наносить главный удар своим правым флангом, но и активно действовать на левом.

В то время, как Шлиффен предполагал, что, если противник в районе Эльзас - Лотарингии не будет проявлять активность, можно было бы произвести с имевшимися здесь силами диверсию на Нанси, а в случае активного наступления французов—отходить на немецкий Нид и здесь обороняться, перебросив с этого участка два корпуса на активный правый фланг,—у Мольтке постановка вопроса несколько иная. Усиление левого фланга, по его мысли, оправдывалось следующими моментами:

1) Франция и Англия могут дать бо́льшую помощь Бельгии, чем это предполагал Шлиффен.

2) Главная ударная масса правого фланга может задержаться в Бельгии и северных департаментах Франции.

3) Французское командование, воспользовавшись этим, поведет решительное контр-наступление через Эльзас-Лотарингию в южную Германию.

Последнее как раз обратно пропорционально основному замыслу Шлиффена, который считал, что, чем глубже бы вторглись на восток, за трудно проходимые Вогезские леса, французские армии, тем дальше бы эти силы находились от района, где должно было произойти сражение, решающее всю кампанию на Западном фронте.

Указанные выше возражения ген. Мольтке заставили германский генеральный штаб изменить задачу левого фланга.

Теперь уже он должен был оказать противодействие неприятельскому наступлению на линии реки Брейши на верхнем Рейне и на реке Нид.

Пассивный участок по плану Шлиффена превращается генералом Мольтке в *активный*.

„Обе армии (VI-я и VII-я) должны были атаковать противника, если бы он наступал к реке Саару, VI-я—с севера, со стороны Меца и р. Нида, а VII-я—с юга. Кроме того, V-я армия в первые дни наступления должна была оставаться на месте, находиться в готовности броситься к югу, в Вевр или Лотарингию, против левого фланга французов. А в том случае, если бы наступление французов в Эльзас - Лотарингию не осуществилось, обе армии наступали бы к рекам Мозелю и Мерте, с целью воспрепятствовать противнику перебрасывать свои силы к северу“ [1]).

Таким образом, в то время, как даже в предсмертной агонии последними словами Шлиффена были „подкрепляйте правое крыло“ [2]), ген. Мольтке стоял за сильный состав VI-й и VII-й армий левого фланга. В дальнейшем боевая действительность показала прозорливость Шлиффена. Там, где он предполагал лишь ограничиться пограничной обороной, разреженной до пределов возможного, ген. Мольтке сосредоточил сильные по численности две армии, которые, не принеся большой пользы делу, поочередно болтались с места на место в течение первого года войны.

Стратегическое развертывание германских армий по плану ген. Мольтке к 5-му августа 1914 года представляется в следующем виде:

1) *Главная маневренная масса*, в составе 26 пехотных и 3 кавалерийских корпусов, развернулась на участке Крефельд—Мец.

2) *Активное боковое обеспечение*—8 пехотных и 1 кавалерийский корпус—на участке от Меца до швейцарской границы.

Отсюда, соотношение сил между флангами, как 3 : 1.

---

[1]) В. Новицкий, „Мировая война“, т. I, стр. 105.

[2]) Эта фраза была передана зятем Шлиффена, ген. Ганке, который в момент смерти Шлиффена находился при нем.

Сводная таблица состава и расположения германских армий по плану ген. Мольтке.

Таблица № 12.

НАИМЕНОВАНИЕ.	Корпуса.		Колич. корпусов.	Кавалер. корпуса.	Бригады ландвера.	Районы сосредоточения.	Штабы армий.	Численность армий.	Группировка.	Примечание.
	Армейские.	Резервные.								
I-я армия ген. Клука	II-й, III-й, IV-й.	III-й, IV-й.	5	—	10-я, 11-я, 27-я.	Крефельд — Эркеленц — Юлих — Бернгейм.	Гревенбройх.	210 тыс. 796 оруд.	*Главная маневренная масса:* 26 пехотных корпусов, 3 кавал. корпуса, 12 бригад ландвера.	1. С окончанием стратегического развертывания главная квартира 17-го августа перешла в Кобленц. 2. К 20 му августа на Зап. фронте в тыловых районах армий еще были сосредоточены $6^1/_2$ эрзац-резервных див. (для VI-й и VII-й армий), 4 пех. и 7 пионерных ландв. полков, несколько тяж. ландв. батарей (для всех армий), всего около 200 тыс. человек. 3. В период развертывания кавкорпуса в опер. отнош. были подчинены непосред. главному командованию. 4. К 17-му авг. разверт. герм. арм. было закончено, упредив противника на 2—3 дня. Изменения в развертывании: а) IX-й и II-й кав. к-са приданы I-й армии Клука, б) I-й Бав. корп. передан в VII-ю армию. 5. При развертывании на 1 клм. фр. приходилось: В I-й арм. 12.000 чел. „ II-й „ 8.500 „ „ III-й „ 8.000 „ „ IV-й „ 4.000 „ „ V-й „ 3.500 „ „ VI-й „ 2.000 „ „ VII-й „ 2.000 „ 6. Восточный русский фронт: VIII-я армия ген. Притвица в составе I-го, XVII-го, XX-го и 1-го рез. корпусов, 1 кав., 3 рез., 3 эрзац-рез. див., нескольких ландв. бриг. = 220 т. ч.
II-я армия ген. Бюлова	VII-й, IX-й, X-й, Гвард.	VII,-й X-й, Гвард.	7	II-й (33 ор.) —2-я, 4-я, 9-я кав. див.	25-я, 29-я.	Аахен — Эйпен — Мальмеди—Бланкенгейм—Эйскирхен—Дюрен.	Монжуа.	260 тыс. 848 оруд.		
III-я армия ген. Гаузена	XI-й, XIX-й, XII-й.	XII-й.	4	I-й (24 ор.) гвард. и 5-я кав. див.	47-я.	С. Вит — Нейербург — Витлих — Прюм.	Прюм.	160 тыс. 602 оруд.		
IV-я армия герцога Вюртембергского	VI-й, VIII-й, XVIII-й.	VIII-й, XVIII-й.	5	—	49-я.	Дикирх — Люксембург — Ремих — Вадерн—Трир.	Трир.	180 тыс. 645 оруд.		
V-я армия кронпринца германского	V-й, XIII-й, XVI-й.	V-й, VI-й. 33-я рез. див. и рез. див. Меца.	5	IV-й (24 ор.) —3-я и 6-я кав. див.	13-я, 43-я, 45-я, 53-я и 9-я Баварск.	Бетенбург—Диденгофен—Мец—Саарбрюкен.	Саарбрюкен.	230 тыс. 698 оруд.		
VI-я армия кронпринца Баварского	I-й, II-й, III-й Бав., XXI-й.	I-й Бавар.	5	III-й (36 ор.) —7-я, 8-я и Баварск. кав. див.	5-я Бав.	Курцель — Шато Сален — Диец — Саарбург—Саargемюнде.	С. Авольд.	200 тыс. 586 оруд.	*Активное боковое обеспечение:* 8 пех. корпусов, 1 кав. корпус, $5^1/_2$ бригад ландвера.	
VII-я армия ген. Геерингена	XIV-й, XV-й.	XIV-й и рез. дивизия крепости Страсбурга	3	—	60-я.	Цаберн — Страсбург—Фрейбург—Мюльгейм.	Страсбург.	140 тыс. 728 оруд.		
Эльзасский отряд ген. Гедэ	—	—	—	—	1-я и 2-я Баварск., 55-я и ландв. пех. полк.	Верхний Эльзас (от Шлетштадта до швейцарской границы).	—	20		
ИТОГО	22	12	34	4 3)	$17^1/_2$	—	—	1.400	—	

Таблица составлена по данным:
1. Reichsarchiv. „Der Weltkrieg 1914—18“, t. I.
2. General Arthur Boucher, „Les doctrines dans la préparation de la grande guerre“.
3. В. Ф. Новицкого, „Мировая война 1914—18 г.г.“, т. I.
4. Edmonds. „History of the Great War“, t. I.

В задачу главной маневренной массы, состоящей из пяти армий, входило:

1) Сосредоточившись в районах Крефельд — С. Вит — Люксембург — Мец, наступать в обход через Бельгию и Люксембург, вторгнуться во Францию, имея укрепленный район Диденгофен—Мец на своем левом фланге. После форсирования реки Мааса продолжать наступление в промежутке между Шельдой и Маасом к северной границе Франции и далее к Парижу. Таким образом, обходя союзные армии с севера, стараться отбросить их в юго-восточном направлении в тыл крепостям Франции, т.-е. к нижнему Мозелю или к швейцарской границе.

2) В задачу двух армий (VI-й и VII-й) бокового обеспечения левого крыла фронта входило, развернувшись на фронте Курцель—Мюльгаузен, активно обеспечивать марш-маневр главных сил правого фланга, приковать противника, не дать ему возможности перебрасывать силы против обходящей группы немецких армий и быть готовыми к отражению наступления со стороны Бельфора.

Все вышесказанное еще раз подтверждает мысль, что основное расхождение между оперативными планами Шлиффена и Мольтке заключается в том, что силы в Эльзас-Лотарингии последний значительно увеличил. Поставщиком для этого увеличения фактически оказалась главная охватывающая масса правого крыла стратегического фронта.

Основная идея плана Шлиффена продолжает оставаться в силе, но твердый стратегический путь ослаблен, оперативно он как бы преломился в двух направлениях.

Мольтке предполагал, что если французские армии не поведут большого наступления через Эльзас-Лотарингию в южную Германию, то тогда он усилит за счет левого свой правый фланг.

Но, как известно, ошибки, допущенные в стратегическом развертывании в начале войны, несмотря на развитие железных дорог, трудно поправимы. *Ибо не всегда стратегическую проблему можно исправить проблемой транспортной.*

Боевая действительность на полях Бельгии и Франции не дала случая осуществить эту возможно и ценную мысль ген. Мольтке.

Оперативный план ген. Жоффра. *Схема № 2.*

Ослабление правого фланга на несколько корпусов, нарушение твердого стратегического пути и расщепление его на два направления, общая половинчатость в использовании оперативного наследства Шлиффена вполне характеризуют ген. Мольтке, как полководца, на которого обстоятельства возложили руководство современной многомиллионной армией.

Кратко говоря, выполнитель плана войны против Франции по своим индивидуальным способностям (воля, энергия, решимость, умение рисковать) оказался обратно пропорционален тому, кто создал этот план.

Таким образом, французскому генеральному штабу и его руководителю Жоффру обстоятельства сильно благоприятствовали. И достаточно кратко анализировать развертывание армий неприятеля и ход боевых операций первого месяца войны, чтобы в этом окончательно убедиться.

Заключение мира с Францией в Париже в сентябре 1914 г. фактически зависело от наличия лишь нескольких лишних корпусов на правом фланге немецких армий, но их не оказалось—они без особой пользы действовали в других направлениях.

В этом основное нарушение оперативного замысла Шлиффена и в этом счастье для французского генерального штаба.

В нашу задачу не входит подробный анализ всех оперативных планов, которые разрабатывал французский генеральный штаб до мировой войны. Здесь мы только кратко остановимся на последнем так называемом плане № 17.

Следует указать, что после разгрома французской армии в войне 1870—71 г.г. и до 20-го мая 1913 [1]) года французский генеральный штаб ни разу не имел плана войны, строго сообразованного с материальными ресурсами страны и четкого по своему оперативному замыслу. Крайности и беспринципность были непрерывными спутниками всех многочисленных вариантов по плану войны. Насколько быстро сменялись начальники французского генерального штаба, настолько скоро и видоизменялись или совершенно перекраивались планы войны.

Почти каждый новый руководитель французского генерального штаба считал своим долгом составить свой план войны. Отсюда такое большое их количество.

Предшественник ген. Жоффра—начальник французского генерального штаба ген. Мишель—оказался представителем так называемой „старой школы“, которая проповедывала мысль, что в первый период войны с Германией французской армии необходимо действовать оборонительно.

Железо-бетонный пояс ген. Серэ-де-Ривьера на восточной границе Франции в виде сильнейших по оборудованию крепостей (Верден, Туль, Эпиналь, Бельфор) был тому лучшим залогом.

Старая школа не нашла поддержки для своей оборонительной доктрины. В 1911 году ген. Мишель ушел в от-

---

[1]) День утверждения французским правительством плана войны № 17.

ставку, и на пост начальника генерального штаба был назначен генерал Жоффр, будущий главком французских армий [1]).

И, как ни странно, ген. Жоффр, предыдущая служба которого на две трети прошла в работах по возведению и укреплению различных построек и вообще в руководстве работами инженерно-технического порядка [2]), явился представителем и главой так называемой „новой школы“, где оперативная мысль слагалась из того, чтобы окончательно победить „гипноз германского превосходства“, и где французская военная доктрина имела „смелый, самостоятельный и активный характер, а наступательная идея была признана первенствующей“.

Военная доктрина этой новой школы к августу 1914 года сводилась к идее наступления во что бы то ни стало, ибо только беспрестанное наступление сокрушает все до конца.

„Великим магом этой доктрины, говорит Jean de Pierrefeu, был полковник Гранмезон. Его вера в мощь наступления доходила до того, что он подвергал жестокой критике Майяра, Боналя, Фоша, Ланглуа, всех осторожных

---

[1]) Декрет от 28-го июля 1911 года одновременно передает в руки Жоффра руководство Высшим военным советом (Conçeil Superieur de la guerre) и генеральным штабом армии (L'Etat Major de l' armee) и упраздняет пост заместителя председателя (Vice president) Высшего военного совета.

А декрет Мильерана от 20-го января 1912 года упраздняет должность начальника французского генерального штаба, таким образом, вся полнота военной власти фактически остается в руках одного Жоффра.

[2]) Жоффр родился в 1852 году. Окончил среднюю школу (colledge) в Перпиньяне. В 1869 г. поступил в Ecole polytechnique; но во время франко-прусской войны до окончания курса вышел офицером в артиллерию и участвовал в обороне Парижа.

По заключении мира окончил курс в Ecole d'application de l'artillerie et du genie в Фонтенебло, откуда в 1872 г. выпущен лейтенантом в инженерные войска. Он участвовал в работах по исправлению фортов Парижа и в 1876 г. за особый успех был произведен президентом маршалом Мак Магоном в капитаны. В 1885 г. принял участие в экспедиции на Формозу, после чего ему поручается укрепление Верхнего Танкина.

В 1892 году он был командирован в Судан для руководства работами на Сенегал-Нигерской железной дороге. Тут он отличился, произведя смелое наступление на Тимбукту для выручки колонны Бонье. Впоследствии Жоффр служил на Мадагаскаре под начальством Галлиени и укрепил один из важнейших опорных пунктов французского флота—Diego Suarez.

В 1901 году он произведен в бригадные генералы и вскоре назначен военным губернатором крепости Лилль. Затем он директор инженерного отдела в военном министерстве, начальник дивизии, командир 2-го корпуса. В 1910 году Жоффр был назначен членом Высшего военного совета (Conceil Superieur de la guerre), а в 1911 году, как уже мы сказали, состоялось его назначение начальником французского генерального штаба.

военачальников, которые считали, что армия в походе должна закреплять за собой занятые территории, захватывать опорные пункты впереди себя и на флангах, чтобы отражать возможные атаки противника и обеспечить тактическую связь с соседними частями, и т. п.

„Ничто не может быть пагубнее этого", восклицает полковник Гранмезон. Весь этот ряд предосторожностей, диктуемых разумом и логикой, по существу, расшатывает дух наступления. Дойдя до почти религиозного экстаза, он восклицает: *„Дух наступления неделим!"*

В этой атмосфере и был создан план № 17, который, не учитывая ни планов противника, ни собственных сил и материальных средств страны, должен был бросить французскую армию в отчаянное, сокрушительное, решающее исход войны наступление.

Но все эти звонкие фразы, решительные замыслы и победные порывы, которые впитала в себя французская военная доктрина перед мировой войной, остались только на бумаге. План № 17 и стратегическое развертывание французских армий лучшее тому доказательство. (См. табл. на стр. 66).

Как видим, данный план войны говорит сам за себя, не требуя многих комментариев:

1) План № 17 не хочет четко поставить вопрос о возможности нарушения немцами бельгийского нейтралитета и движения их армий через территорию Бельгии, в то время как этот вопрос был хорошо известен французскому генеральному штабу еще спустя 10 лет после Седанского разгрома, когда Мольтке старший писал: „Наступление на Париж должно быть организовано через Бельгию, но главной целью операции будет французская армия".

Кроме того, известные французские и немецкие писатели (Эжен, Тено, Бональ, Буше, Ланглуа, Метро, Бюа, Бернгарди и др.), начиная, примерно, с 1882 года, подробно разбирали этот вопрос, а, например, в своем труде „Германия и будущая война" Бернгарди не только оправдывает нарушение нейтралитета Бельгии, но считает это совершенно необходимым и неизбежным.

Все это как будто прошло мимо французского генерального штаба, и в его оперативном плане, кроме расплывчатых и малозначащих директивных указаний—„если противник пойдет через Бельгию" и. т.д., мы ничего не находим.

2) Данный план в отношении четкости и оперативных намерений ни в какой мере не может быть сравниваем с оперативным планом немецкого генерального штаба. Ибо последний, несмотря на изменения, внесенные в него Мольтке, продолжает иметь, как правильно говорит В. Ф. Новицкий, отчетливость стратегического замысла, кипучую энергию

Таблица № 13.

Оперативный план № 17 ген. Жоффра.

Наименование групп.	Район развертывания.	Оперативное назначение.	Численный состав.			Примечание.
			Арм. к-са	Кав. див.	Пех. див.	
1) Южная группа. (1-я и 2-я армии).	Туль—Бельфор.	а) *1-я армия*—наступление на Бакара—Саарбург—Саргемюнде. На 4-й день мобилизации выделяет отряд (корпус с кавдивизией) для захвата Эльзаса. б) *2-я армия*—наступление с линии Люневиль—Нанси на Шато-Сален—Саарбрюкен.	10	4	—	1. Все пять армий развертываются на фронте Бельфор—Гирсон. 2. Общее наступление начинается на 12-й день после объявления мобилизации. 3. Действия на бельгийской территории французской армии разрешаются только после особого распоряжения главного командования. 4. План № 17 действий бельгийской армии не предусматривает.
2) Центральная группа. (3-я армия).	Верден—Маасские высоты—Вевр.	Армия стратегической связи между Южной и Северной группами. Задача—оборона Маасских высот со стороны Меца и Диденгофена. При благоприятных условиях—наступление с целью обложения крепости Меца.	3	1	—	
3) Северная группа. (5-я армия и отд. кавкорпус).	Сюип—Гирсон.	Действует против правого фланга немецких армий. Наступает на Диденгофен и Люксембург, если противник не пойдет через Бельгию. При наступлении герм. армий через Бельгию наступает к северо-востоку в бельгийский Люксембург. Уступ за левым флангом в обоих случаях. Отдельный кав. корпус (3 кав. див. плюс пех. бригада) содействует левому флангу 5-й армии, но если противник нарушит бельгийский нейтралитет, наступает с разведывательной целью в Бельгию.	5	4	—	
4) Стратегический резерв. (4-я армия).	Шалон.	Во второй линии. В случае движения 5-й армии в Бельгию выдвигается на ее место с целью наступления на Арлон.	3	1	—	
5) 1-я группа резервных дивизий.	Везуль.	2-я линия за правым крылом франц. стратегического фронта.	—	—	3	В распоряжении главкома.
6) 2-я группа резервных дивизий.	Гирсон.	2-я линия за левым крылом франц. стратегического фронта.	—	—	3	
7) Приложение к плану №17 „Армия W“ (англ. эксп. армия).	Мобеж—Ле-Като.	После высадки на франц. территории сосредоточивается на левом фланге франц. армии.	—	1	6	
		ВСЕГО	21	11	12	

исполнения, железную волю полководца, вложившего в этот план все силы своего ума. Бурно наступательная французская военная доктрина последних лет перед мировой войной фактически не нашла своего отражения в плане № 17.

Эта доктрина в плане преломилась как-то своеобразно и „вылилась в форму развертывания полунаступательного-полувыжидательного характера“.

Анализируя мало решительный характер плана французского генерального штаба, В. Ф. Новицкий говорит: „Этот недостаток французского плана тем более удивляет, что сильно укрепленная восточная граница давала французам возможность, сделавши эту часть фронта пассивным участком и оставивши на ней минимальное количество войск, сосредоточить все свои силы к северу от Вердена для того, чтобы двинуть их навстречу главным силам противника и здесь в решительных столкновениях с ними или решить судьбу этой войны, или дать последующим операциям выгодное для себя направление.

Но, повидимому, французский генеральный штаб не был расположен к такому решительному способу действий, предпочитая ему сомнительные диверсии в пределы Эльзаса и Лотарингии, которые должны были угрожать левому флангу и тылу германских армий при их наступлении через Люксембург или бельгийские Арденны“.

И, действительно, эти сомнительные диверсии при такой группировке французских армий, где на небольшом пространстве были нагромождены внушительные силы, а резерв главного командования (4-я армия), находясь сзади, был отделен от первой линии армий трудно проходимой лесисто-гористой местностью Аргонн, едва ли могли обещать успех французскому оружию.

3) Небезынтересно указать, как сам автор французского плана войны—Жоффр—отзывается о своем детище. Например, он говорит, что *„план № 17 вовсе не оперативный план, потому что план операций—это идея, которую полководец держит в своей голове, но не доверяет бумаге“*.

Мысль хорошая, вложена в красивую форму, близка к тому, что когда-то сказал Наполеон, а именно: „Je n'ai jamais eu un plan d'opération [1]), но в данном случае ничего конкретного не выражает.

---

[1]) Наполеон, как известно, в эту фразу вкладывал тот смысл, что нельзя составить план, который был бы рассчитан на все случаи, и предусмотреть в нем все мелочи, ибо кому неизвестна та напряженная и колоссальная оперативная работа, которую всегда вел Наполеон перед тем, как начать ту или иную кампанию или дать сражение. Он говорил: „Не гений мне внезапно, по секрету, подсказывает, что я должен сказать в обстоятельствах, которые для других являются неожиданностью; нет, это есть результат моего образования и моих размышлений. Я всегда работаю“.

Сводная таблица состава и расположения французской армии по плану Жоффра. *Таблица № 14.*

СОЕДИНЕНИЯ.	Состав. Армейские корпуса.		Кавалерийские дивизии.	Резервн. дивизии.	Резервные дивизии в крепостных гарнизонах.	Район расположения.	Штабы армий [1]).	Численность в тысячах.	Группировка.	ПРИМЕЧАНИЕ.
1-я армия ген. Дюбайля	7-й, 8-й, 13-й, 14-й, 21-й.		6-я и 8-я.	58-я, 63-я, 66-я (1-я группа)	57-я и 71-я Бельфор—Эпиналь.	Бельфор—Везуль—Дарне—Шарм—Ремиремон,	Эпиналь.	320	Главная масса 945 тыс. против Эльзас-Лотарингии.	1. Главная квартира Жоффра — Витри-ле-Франсуа. 2. Неудачное развертывание по плану № 17 заставило Жоффра с первых же дней наступления немцев в Бельгию начать перегруппировку частей своих армий: а) 4-го августа прибывшие с юга 37-я и 38-я африканские дивизии в Лаон передаются в 5-ю армию—район Филипвиль—Рокруа, б) 2-й, 9-й и 11-й корпуса—в 4-ю армию, которая расположилась между 5-й и 3-й фр. арм. в) 18-й корп.—в 5-ю арм. г) для действий в районе Меца с 16-го авг. начинала формироваться новая лотарингская арм. Монури с составом частей, надерганных отовсюду: из 3-й армии (54-я, 55-я, 56-я, рез. див.), 67-я из Шалона, гарнизоны Вердена и Туля, 64-я, 65-я, 74-я, 75-я рез. див. плюс рез. див. из 2-й армии, т.-е. *вся новая перегруппировка имела назначением усилить левый фланг франц. стратегического фронта.*
2-я армия ген. Кастельно	9-й, 15-й, 16-й, 18-й, 20-й.		2-я и 10-я.	59-я, 68-я, 70-я. (2-я гр.).	73-я Туль.	Туль—Нефшато—Мирекур—Везелис.	Нефшато.	300		
3-я армия ген. Рюфэ .	4-й, 5-й, 6-й.		7-я.	54-я, 55-я, 56-я (3-я гр.).	72-я Верден.	Монфокон—Этен—Комерси—Вобекур.	Верден.	200		
4-я армия ген. Лангль-де Кари	12-й, 17-й, Колон.		9-я.	—	—	Шалон—Витри-ле-Франсуа—С. Дизье—Линьи—С. Менегу—Монтуа.	С. Дизье.	125		
5-я армия ген. Ланрезака	1-й, 2-й, 3-й, 10-й, 11-й.		4-я.	52-я и 60-я.	—	Гирсон—Синьи—Бюзанси—Сюзан—Ретель.	Ретель.	250	На бельгийской границе 380 тысяч.	
4-я группа резервн. дивизий	—		—	—	51-я, 53-я, 69-я.	Вервен—Нефшатель.	—	60		
1-й кав. корпус	—		1-я, 3-я, 5-я.	—	—	Мезьер—Седан—Кариньян.	—	10		
	Арм. к-са.	Дивизии.								
Группа территориальных войск д'Амада .	—	81-я, 82-я, 84-я.	—	—	—	Армантьер—Аррас—Дуэ—Лилль.	Штаб группы Аррас.	60		
В распоряжении воен. министра	—	—	—	61-я, 62-я, 67-я.	—	Лагерь Мальи, оборона Парижа.	—	—		
В распоряжении главкома	—	37-я, 38 я африкан., 44-я альпийск.	—	—	—	—	—	—		
ИТОГО . .	21	6	10	14	7	—	—	1325		

Таблица составлена по данным:
1. Corda, „La guerre mondiale 1914—1918", ch. I, изд. 1922 г.
2. Gen. Polat, „La grande guerre sur le front occidental", изд. 1917 г.
3. Gabriel Honataux, „Histoire Illustre de la guerre de 1914", ch. 2, 1917.
4. В. Ф. Новицкий, „Мировая война 1914—18 гг.", т. I.
5. Gen. Ar. Boucher, „Les doctrines dans la préparation de la grande guerre", изд. 1925 г.

Раз план № 17, по словам Жоффра, не есть оперативный план, то, значит, этот план говорит о мобилизации и развертывании армии, т.-е. о наиболее важнейших проблемах и факторах после объявления войны.

Важнейшие они потому, что вопросы мобилизации армии при современных условиях являются наилучшим и всесторонним экзаменом для всего государственного организма в целом.

Не менее ответственен и сложен в жизни страны и тот момент, когда происходит стратегическое развертывание армии, ибо ведь фактически происходит целое перемещение народа в силу того, что к границе враждебного государства сосредоточиваются миллионные массы со всем необходимым для жизни и ведения боя.

Кроме того, эта фраза Жоффра не оправдывает себя в силу того, что в плане № 17 мы видели, как после стратегического сосредоточения и развертывания армий указываются *и направления для их дальнейшего наступления.*

Таким образом, план № 17 был именно оперативным планом войны, *где бумаге было доверено все*, что следует, но что внутреннее содержание плана было далеко от совершенства, что французский генеральный штаб лелеял слишком большие надежды на союзные русские армии, которые вторгнутся с востока в Германию [1]), и что в силу всего этого важнейшие проблемы оперативного порядка (например, непреклонное желание Жоффра всеми силами наступать по обе стороны Вердена) расползлись, как плохие чернила на бумаге, — это факт, не подлежащий никакому сомнению.

Таблица № 14 нам говорит о составе и расположении французских армий к 13-му августа 1914 года.

Стратегическое развертывание является полным выражением плана № 17, как известно, утвержденного в мае 1913 года, т.-е. почти за год до начала мировой войны.

Точные данные, которые имел французский генеральный штаб перед войной, об интенсивной постройке немцами новых подъездных жел.-дор. путей к границе Бельгии не внесли никаких изменений в план № 17, все так же четыре армии развертывались на фронте Бельфор—Гирсон, а пятая, составляя резерв, располагалась за горными хребтами Аргонн. (См. табл. на стр. 68 и 69).

Как видим, вся эта масса войск равномерно распределена по фронту, готовая наступать от швейцарской гра-

---

[1]) Более подробно по этому вопросу см.: а) Кто должник? б) Н. Валентинов, „Военные соглашения России с иностранными государствами до войны 1914—18 г.г.“, в) А. Зайончковский, „Подготовка России к мировой войне в международном отношении“.

ницы до Меца, спокойно выжидая событий на бельгийской границе. Для последнего момента и приготовлена резервная 4-я армия, но она отделена от фронта горами и лесами Аргонн.

А все это говорит о том, как мало было уделено внимания ген. Жоффром и его помощниками изучению трудов представителей германского генерального штаба и опубликованных оперативных работ Шлиффена перед войной. А ведь в этих работах и трудах французы не только нашли бы данные о том, что Германия еще задолго до войны решила не стесняться с нейтралитетом Бельгии, но также имели бы поучительные дополнения к стратегическому развертыванию французской армии.

Например, разве не была бы полезна для ген. Жоффра следующая мысль Шлиффена, сказанная в 1909 году: „Фронтальное наступление приводит к последовательным ударам, постепенно ослабевающим и остающимся безрезультатными. Вследствие этого современное сражение сведется, еще больше, чем раньше, к борьбе за фланги.

В этой борьбе за фланги победит тот, кто будет иметь последние резервы *не за серединой фронта,* а на его крайнем фланге".

Если ген. Жоффр своим кордонным расположением войск по границе рассчитывал вести фронтальное наступление без больших оперативных выгод и результатов, *то он, по „совету" Шлиффена, мог бы с успехом сосредоточить 4-ю армию, как стратегический резерв, на своем крайнем левом фланге,* где местность весьма благоприятствовала для будущего маневра и была выгоднее, чем лесистые горные хребты в центре фронта.

Но недолго пришлось ждать событий на бельгийской границе. Слабая бельгийская армия (175 тысяч) с первых же дней вторжения германской ударной группы была опрокинута.

Это заставляет Жоффра приступить к новой перегруппировке и подтянуть свои армии к северу с целью связаться с отступающими бельгийцами, а также сосредоточивавшимися в районе Ландреси — Мобеж английскими войсками [1]).

---

[1]) Мы не останавливались на разборе бельгийского и английского планов войны по причинам второстепенного значения этих планов. Фактически и та и другая армии, будучи малочисленными по своему составу, носили вспомогательный характер в борьбе двух военных колоссов — Германии и Франции.

Здесь лишь укажем, что сущность бельгийского плана заключалась в том, что он рассчитывал, что его полевая армия удержит линию реки Мааса, опираясь на крепости Льеж—Намюр, и в дальнейшем будет иметь тесную связь с французской и, после высадки на участке Кале—Дюнкерк или в Остенде на 10-й—13-й день после объявления войны, 150—160-тыс. армией англичан.

Для этого 5-я армия была направлена в угол между Самброй и Маасом, а ее место было приказано занять 4-й французской армии.

Перегруппировка заняла 6 дней и была закончена к 21-му августа, т.-е. к тому времени, когда германские армии прошли почти всю Бельгию и завязывали бой у Шарлеруа и Динана (с 21-го по 25-е августа) и у Монса (23-го—24-го августа).

Так боевая действительность беспощадно платит за бездейность и робость в первоначальном стратегическом развертывании, и надо искать какие-то новые методы критики, чтобы снисходительно оценить приведенный выше оперативный план войны Жоффра и развертывание его армий.

В случае же неудачи бельгийский генеральный штаб предполагал отвести армию на линию Диест—Тирлимон—Намюр и далее в район Антверпена, выжидая, когда обстановка позволит англо-французским армиям освободить их из последнего пункта.

На что рассчитывала бельгийская армия, так в дальнейшем и произошло. Осажденный Антверпен пал 10-го октября, а с 15-го бельг. дивизии приняли участие в боях во Фландрии.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Марш-маневр германских армий к Марне.

Краткий очерк боевых действий до Марнского сражения. *Схема № 3.*

Быстрое приведение немецкой армии с мирного на военное положение по четким и заранее разработанным расчетам дало возможность Германии, под прикрытием пограничных корпусов, закончить сосредоточение своих армий на два дня раньше, чем во Франции.

В силу гибкости и продуманности плана войны маневренная масса из пяти армий, развернувшись на фронте Крефельд—Диденгофен, к 5-му августа была в полной готовности вторгнуться в пределы Бельгии, Люксембурга и северной Франции.

В ночь с 3-го на 4-е августа германские войска переходят границу Бельгии. Отряд, сформированный из немобилизованных бригад ген. Эмиха и ген. Людендорфа (последний во главе бригады), энергично атакует крепость Льеж. К 6-му августа, после ожесточенных боев и бомбардировки из двух 21-сант. мортирных батарей, восточные форты крепости в руках германских войск, которые и занимают город [1]).

В директиве ген. Мольтке от 10-го августа говорилось:

„Главные силы германской армии должны наступать во Францию через Бельгию и Люксембург.

Их наступление будет захождением вокруг оси, находящейся в районе Диденгофен—Мец.

После овладения Льежем и после того, как I-я и II-я армии будут готовы к наступлению в районе этой крепости, будет дано приказание для общего наступления.

II-я армия будет наступать правым флангом на Вавр.

I-я армия,—в общем направлении на Брюссель, прикрывая правый фланг остальных армий.

Движение 1-й армии, в связи с наступлением II-й, должно способствовать захождению всего фронта“ [2]).

---

[1]) Подробности по овладению крепостью Льеж см. труды В. Ф. Новицкого, „Мировая война“, т. I и Людендорфа, „Мои воспоминания о войне 1914—18 г.г.“, т. I.

[2]) Крейтер, „От Седана к Марне“. Военн. сборн., кн. 3, Белград, 1922 г.

С падением крепости участок от Льежа до голландской границы оказался свободен; сюда и устремилась правофланговая І-я армия Клука.

„Клочок бумаги“ [1]) смело разорван, и бельгийская территория становилась ареной борьбы. К 16-му августа под огнем 42-сант. орудий падают все западные форты Льежа, а к этому времени корпуса ген. Клука продолжали свое стремительное движение вперед. Задержка у Льежа дает возможность ген. Жоффру обдумать создавшуюся обстановку и принять меры к новой перегруппировке своих армий.

Чтобы прикрыть тыл и задержать ударную группу германской армии, 5-я французская армия начинает отдельными корпусами подниматься к реке Самбра, а 4-я армия приступает к движению для заполнения промежутка между 3-й и 5-й французскими армиями. Цель перегруппировки ясна; ген. Жоффр, видя охватывающий маневр немцев, желает связаться не только с бельгийской армией, но и с английской, которая после сосредоточения с 20-го августа в районе Ландреси двигалась к Монсу.

Таким образом, новая стратегическая перегруппировка французских армий была серьезной поправкой к оперативному плану № 17. Боевая обстановка заставила растянуть расположение французских армий в тонкий кордон до предела.

Перегруппировка поглотила резерв главного командования — 4-ю армию. Ошибки стратегического порядка в дальнейшем открыли широкий путь для тактических неудач в пограничном сражении.

Во исполнение директивы от 10-го августа пять германских армий правого крыла, опираясь на маневренную крепость Мец, продолжают развивать наступление.

І-я, ІІ-я и ІІІ-я германские армии с І-м и ІІ-м кавалерийскими корпусами, образуя единый оперативный фронт большой плотности и силы, заходя правым крылом, стремительно двигаются к франко-бельгийской границе.

1-я армия Клука уже отбросила бельгийскую армию к Антверпену и, заслонившись ІІІ-м резервным корпусом, стала спускаться на юг, в направлении северных департаментов Франции. 20-го августа падает столица Бельгии — Брюссель, а к 23-му вся территория Бельгии почти пройдена, и право-фланговые германские армии, имея громадный успех, были готовы вторгнуться в северо-восточную Францию.

---

[1]) Слова германского канцлера Бетман-Гольвега о бельгийском нейтралитете. См. его труд „Мысль о войне“, стр. 108—109, изд. Гиз, Москва, 1925 г.

Желание Жоффра наступать по всему фронту пока продолжает оставаться.

Еще 14-го августа, определив, что главные силы немцев действуют на северном участке фронта, 1-я и 2-я французские армии с целью контр-удара вторгаются в Эльзас-Лотарингию. По директиве Жоффра они переходят в наступление. Последнее ведется почти без всякого плана, армии действуют вне правильной связи друг с другом, проявляя каждая полную самостоятельность.

Имея задачей нанести удар по левому флангу общего германского фронта, отвлечь и приковать возможно большее количество немецких сил, в действительности, кроме больших потерь в продолжение трех недель упорных боев, французы ничего не достигли.

В силу оперативной согласованности в действиях VI-й и VII-й германских армий, на протяжении всех боев в верхнем Эльзасе и в районе Мюльгаузена—Саарбурга, стратегическая и тактическая победа осталась на стороне немцев.

Еще неудачнее протекали бои на фронте 3-й, 4-й и 5-й французских армий. Директива Жоффра на 21-е августа ставила весьма серьезные, а при сложившейся обстановке трудно выполнимые задачи.

Сущность наступательного плана заключалась в следующем [1]): главный удар должны были нанести 3-я и 4-я армии, наступая через великое герцогство Люксембургское и бельгийский Люксембург, на сообщения германских армий, направлявшихся через Маас между Намюром и голландской границей.

Вспомогательное наступление возлагалось на 1-ю и 2-ю армии между Мецом и Вогезами, с целью отвлечь на себя те силы противника, которые могли угрожать флангу 3-й и 4-й армий; наконец, 5-я армия, английская и бельгийская армии получили задачу служить заслоном в Самбро-Маасском районе против неприятельских войск на левом берегу Мааса, для того, чтобы, задерживая их движение, предоставить французским армиям необходимое время для развития наступления в Люксембурге.

В силу плохо поставленной разведки французская главная квартира, отдавая данную директиву, имела весьма неточные сведения о силах противника.

В то время, как подходившие к бельгийско-французской границе пять немецких армий имели 18 корпусов, 7 кавалерийских дивизий и 4 корпуса во второй линии, французская разведка определяла силы этих армий в 13 корпусов и 7 кавалерийских дивизий. Такие данные о против-

---

[1]) Жоффр, „Подготовка войны и ведение операций“, стр. 15 и В. Ф. Новицкий, „Мировая война“, т. I, стр. 301.

нике с уменьшением его численности почти вдвое ставили осуществление плана наступления с главным ударом в центре в трудные условия.

Но эта директива Жоффра осталась в силе. Она и привела обе стороны к большому пограничному сражению с его замечательной серией встречных столкновений.

В этом сражении 5-я французская и английская армии были атакованы I-й, II-й, III-й германскими армиями в районах Монса, Шарлеруа, Динана, а 3-я и 4-я французские армии столкнулись на р. Самуа и у Лонгви в походных колоннах с IV-й и V-й немецкими армиями.

Союзные армии приступили к выполнению указанной директивы Жоффра.

3-я [1]) и 4-я французские армии 21-го августа начинают наступление в Аргоннах и у Лонгви и, двигаясь без охранения, в лесисто-пересеченной местности, нарываются на сильный германский кулак из корпусов V-й и IV-й немецких армий, после короткого боя с которыми они отбрасываются в западном и юго-западном направлениях.

5-я французская армия спешит на помощь бельгийской армии. Плохая организация разведки заставляет как бы с закрытыми глазами подвести войска этой армии к переправам на реке Самбре. В результате 5-я армия в первых же боях попадает в клещи немецких корпусов.

II-я армия ген. Бюлова, упредив армию ген. Ланрезака на переправах, без труда прорывает растянутую кордоном линию французских корпусов у Шарлеруа, в то время, как III-я германская армия, опрокинув сильно растянутый 1-й французский корпус, проходит ей в тыл у Динана.

5-я армия почти окружена. Она несет большие потери, ее деморализованные остатки с большим трудом откатываются на юг [2]).

К этому времени по сосредоточении в районе Ландреси английская армия, под управлением ген. Френча, подошла к Монсу.

На протяжении всех операций на Западном фронте действия английской армии носили весьма своеобразный характер. Еще при высадке на французской территории ген. Френч получил от военного министра Англии, лорда Китченера, следующее приказание:

— „Вы согласуете свои действия с операциями французской армии, не забывая, однако, что Вы являетесь *самостоятельным* верховным главнокомандующим, стало быть,

---

[1]) Командарм 3-й ген. Рюффе за операцию в районе Лонгви был смещен, в конце пограничного сражения его место занял ген. Сарайль.

[2]) Ген. Ланрезак был отрешен от должности, и в дальнейшем его место занял ген. Франше-д'Эспере.

Вы не должны допускать, чтобы Вас ставили под начало к какому бы то ни было французскому генералу“ [1]).

Данная инструкция вполне определяет собой, какую оперативную помощь будет иметь в дальнейших боевых столкновениях французское командование в лице английской армии. И ген. Френч, действуя совместно с французской армией, постоянно стремился выполнить это весьма характерное по своему содержанию распоряжение английского военного министра.

С подходом в район Монса английская армия приступила к развертыванию своих сил.

Вытянув кордоном свои два корпуса, поставив кавалерию на фланге, ген. Френч таким расположением частей переносится к боевым порядкам эпохи глубокой древности. Он был уверен в успехе своих частных начальников, но, к сожалению, их подготовка оказалась не соответствующей требованиям современной войны. Английской армии после сосредоточения не суждено было получить первую победу, так необходимую для морального состояния войск. Германские корпуса І-й армии Клука на марше стремительно обрушиваются на английский кордон.

Левый фланг расположения англичан обойден, конница Марвица, двигаясь на правом крыле армии Клука, обходит расположение английской армии.

В этот решающий момент в руководстве операцией английской армии случилось нечто непонятное. Распоряжения, отдаваемые английским командованием корпусов, с точки зрения управления современными крупными силами, просто анекдотичны. Например, распоряжение Смис-Дорьена и ответ Хега вполне оправдывают ранее высказанную мысль, что английское командование, начиная от Китченера и ниже, не было подготовлено к ведению современной войны. В момент, когда несколько германских корпусов обрушиваются на боевую линию английской армии, командир 2-го корпуса Смис-Дорьен обращается к своему соседу комкору 1-го Дугласу Хегу: „Сражение будет выиграно, если пришлете только один или два батальона“ [2]). Хегом было послано целых три баталиона, сражение не только не было выиграно, но английские части, будучи опрокинуты 1-й германской армией, начали свое стремительное и почти безостановочное отступление к югу, включительно до фортов Парижа.

Этот безудержный отход не только потянул за собой левофланговую группу дивизий ген. д'Амада, но и поста-

---

[1]) Жан де Пьерфе, „Плутарх солгал“, стр. 64.

[2]) Карл Эглн, „Стратегическое развертывание и наступление армий Франции, Англии и Бельгии“, стр. 119.

вил в тяжелое положение левый фланг 5-й французской армии.

4-х дневное пограничное сражение было окончено не в пользу союзных армий: они отступили по всему фронту.

Крупные ошибки в первоначальном стратегическом развертывании французских армий, плохая организация французской разведки, а в силу этого уменьшение действительной численности противника, неподготовленность частных начальников к управлению современными массовыми армиями и в особенности к ведению встречных столкновений, из которых и складывалось это большое сражение,—были основными причинами неудач как в Эльзас-Лотарингии, так и на франко-бельгийской границе.

Напротив, на протяжении бегло рассмотренных операций, мы видим у германских армий высокое умение вести современную маневренную войну.

Некоторые шероховатости, которые наблюдались в первый период, скорее относятся к вине главного немецкого командования.

Здесь я хочу упомянуть о действиях I-й, II-й и III-й германских армий. Как сказано выше, эти армии образовывали единый оперативный фронт. Ген. Мольтке не мог не видеть с первого же момента наступления (после развертывания) проявление чрезмерной инициативы и самодеятельности в действиях Клука, Бюлова и отчасти Гаузена. В их стремительном движении вперед очень часто замечалось, что один командарм мало думал о другом и вел свои войска почти вне связи с соседом.

Желание как можно быстрее достигнуть пунктов, заранее расписанных по плану войны, наглядно выявляется у командующих I-й и II-й герм. армиями.

Отсюда, коль эти три немецких армии образовывали единый оперативный фронт, то, казалось бы, они и должны были иметь одного общего начальника. И, нам думается, последнее обстоятельство сильно способствовало бы еще большему успеху. Так, например, взятая в огненные клещи 5-я французская армия Ланрезака едва ли вырвалась бы из них, а бельгийская армия не так бы благополучно отошла в район Антверпена и не обосновалась бы там, потребовав выделения к себе сил ударной группы (III-й резервный корпус), а ведь это произошло в силу не совсем полного взаимодействия частей I-й и II-й немецких армий.

На 5-ю французскую армию фактически обрушились только II-я и III-я немецкие армии, в то время, как I-я армия ген. Клука к 23-му августа, опрокинув англичан, увлеклась этим успехом и гнала их на юг.

Для окончательного окружения и ликвидации сил 5-й французской армии необходимо было содействие и охват

со стороны I-й германской армии, и тогда-то армия ген. Ланрезака, атакованная справа III-й немецкой армией, с фронта II-й армией Бюлова и глубоко охваченная с левого фланга левофланговыми корпусами Клука, по всей вероятности, принуждена была бы сдаться.

Этого не случилось в силу того, что ген. Мольтке в этот период фактически выпустил из рук управление армиями; он только наблюдал за ними.

Вместо того, чтобы из этих трех армий теперь же создать группу или фронт во главе с авторитетным начальником, он применяет полумеру, подчиняя крайне самостоятельного и крайне самолюбивого Клука командиру II-й немецкой армии Бюлову (по чину и по работе в мирное время оба они были равные).

Ясно, что такая амальгама, кроме вредного соревнования, дать ничего не могла. Мы умышленно остановились на этой оперативно-организационной ошибке ген. Мольтке, ибо она имела и в дальнейших операциях, и особенно в сражении на Марне, громадное значение.

После окончания пограничного сражения к 25-му августа положение на фронте союзных армий было следующим:

Потерпев полную неудачу в своем наступлении против германских армий в Эльзас-Лотарингии, правый фланг французов здесь постепенно становился пассивным.

Левое крыло англо-французского фронта, после боев у Монса, Шарлеруа, Динана, на реке Самуа и у Лонгви, было в полном отступлении на юг.

Стратегический маневр Жоффра.

Взвесив причины столь больших неудач, проанализировав общую стратегическую обстановку на фронте, проверив еще раз основные идеи, положенные в германский план войны[1]) Жоффр задумывает новое контр-наступление, а вечером 25-го августа отдает директиву о дальнейшем отходе в южном направлении.

Обстановка диктовала необходимость скорейшего отрыва от наседавшего противника для того, чтобы не только вернуть себе оперативную свободу действий, но и получить необходимое время для перегруппировки с целью осуществить после пограничного сражения новое контр-наступление.

„Прежде всего, говорит Жоффр[2]), нужно было приступить к новой группировке наших сил, в целях производства

---

[1]) Сотрудники главной французской квартиры говорят, что в эти тяжелые для страны дни Жоффр потребовал к себе все имеющиеся данные, которые бы говорили о немецких планах войны против Франции.

[2]) Жоффр, „Подготовка войны и ведение операций“, стр. 18.

стратегического маневра, стремящегося избежать охвата, и вновь занять, в пределах возможности, охватывающее положение; сформировать к западу от англичан одну французскую армию и тем усилить все расположение нашего левого крыла".

Этот новый маневр зафиксирован в общей инструкции № 2 от 22 часов 25-го августа [1]), в которой говорится: „Т. к. предположенный наступательный маневр не смог быть осуществлен [2]), то последующие операции будут вестись с целью воссоздания на нашем левом крыле, путем соединения 4-й и 5-й армий, английской армии и новых сил, взятых из восточного района (т.-е. из Эльзас-Лотарингии. *В. М.*), группы (masse), способной вновь перейти в наступление, в то время, как остальные армии будут сдерживать натиск противника.

В своем отступательном движении 3-я, 4-я и 5-я армии должны каждая считаться с движением соседних армий, с которыми и поддерживают связь" [3]).

Общая линия, с которой предполагалось начать наступление, была, примерно, линией Амьен-Ла-Фер—Лаон—р. Эн—Верден.

Для создания новой группировки сил на левом фланге в районе Амьена было предположено сосредоточить сюда 7-йарм. корпус и 66-ю резервную дивизию из Эльзаса, 55-ю и 56-ю рез. дивизии из Лотарингской армии, 61-ю и 62-ю резервные дивизии из Парижского укрепленного лагеря, а затем взять 4-й армейский корпус из состава 3-й армии и 45-ю пехотную дивизию, которая прибывала из Африки.

Территориальные дивизии ген. д'Амада остаются на левом фланге новой группы с задачей выполнить роль завесы по наблюдению за противником, а также не пропускать на юг неприятельскую конницу, действующую вместе с I-й армией Клука.

Все эти силы должны были составить новую 6-ю армию, подчиненную ген. Монури.

---

1) Там же, стр. 37.

2) Жоффр здесь имеет в виду директиву от 21-го августа, следствием которой явилось пограничное сражение.

3) Здесь необходимо указать, что ценная мысль о создании новой группы на левом фланге, которая в дальнейшем на р. Марне сыграла весьма полезную роль, отчасти принадлежит и ген Галлиени. Ибо в результате беседы Галлиени, на которого военный министр Мессими предполагал возложить оборону столицы, утром 25-го августа послал Жоффру следующее распоряжение: „Если усилия наших войск не увенчаются успехом и армия будет вынуждена отступать, то в укрепленный район Парижа должна быть послана армия в составе не менее трех боеспособных корпусов для обеспечения его охраны".

В задачу 6-й армии входило ударом в северо-восточном направлении обрушиться и охватить правое крыло германских армий.

Как видим, несмотря на непрерывные неудачи, Жоффра не покидают наступательные тенденции. Потерпев поражение в пограничном сражении, он решает дать ближайший бой немецким силам в 2—3-х переходах южнее.

О результатах этого нового контр-наступления мы скажем позже, а теперь обратимся к другой стороне.

Ослабление правого крыла немецкого фронта.

Решительный успех в пограничном сражении не прошел бесследно для германского главного командования. Он открыл ему путь к новому нарушению оперативного плана Шлиффена.

Донесения о временном отходе немецких войск под Гумбиненом 20-го августа, вторжение русской армии Самсонова с юга в Восточную Пруссию, мысль, что над англо-французами уже достигнут решительный успех и что достаточно еще незначительного нажима и победа на западе обеспечена,—все эти данные и предположения как-то своеобразно преломились в оперативном творчестве германской главной квартиры.

И это понятно, в ней не было сильного волею человека, здесь не было творца германского генерального штаба, Мольтке старшего, как не было и талантливого его ученика, ген. Шлиффена. Здесь был Мольтке, но... другой.

Теоретически он был хорошо подготовлен, но для полководца этого еще мало, а оперативная самостоятельность, воля и решительность были в нем развиты слабо.

Трудно предположить, чтобы он не знал основного положения стратегии—анализировав обстановку и взвесив силы обеих сторон, сосредоточь собственные в районе главного удара для скорейшего решения задачи.

Этот принцип он знал, но, оглянувшись далеко в сторону, на восток, к Гумбинену и Танненбергу, он забыл его. Тревожные сведения из Восточной Пруссии сломили волю полководца. 22-го августа ген. Мольтке отдано распоряжение о переброске корпусов в Восточную Пруссию [1]), а 26-го августа эти корпуса берутся из охватывающей группы Западного фронта: гвардейский резервный корпус из II-й армии Бюлова и XI-й армейский корпус из III-й армии Гаузена, а также 8-я кавалерийская дивизия из VI-й армии [2]).

---

[1]) Начальник штаба VIII-й немецкой армии ген. Людендорф этого подкрепления не требовал. Это была личная инициатива ген. Мольтке.

[2]) Кроме того, V-й армейский корпус V-й армии был выведен к Диденгофену для посадки, но 30-го августа, в виду изменения обстановки на Русском фронте, перевозка этого корпуса была отменена.

Но не успели эти войска достигнуть и центра Германии, как обстановка изменилась победой для немецкого оружия в Восточной Пруссии. Отсюда ясен весь смысл поспешности в данном распоряжении. Завет Шлиффена об усилении правого крыла теперь теряет всякий смысл. Ибо, кроме этих $2^{1}/_{2}$ корпусов, были выделены III-й резервный корпус из I-й армии Клука к Антверпену, VII-й резервный (II-й армии) остался в районе Мобежа до 7-го апреля и V-й корпус (V-й армии) — у Диденгофена.

Разбор сражения на Марне вполне подтвердит, что такое систематическое ослабление ударной массы правого фланга оказалось роковым в дни боев с 6-го по 11-е сентября.

Стратегический маневр Мольтке.

Безответственный оптимизм, что англо-французским армиям уже нанесен смертельный удар, что они деморализованы и бегут к Марне, заставляет Мольтке не только выделить корпуса на восток, но и отдать 27-го августа директиву следующего содержания:

„Необходимо быстрым движением германских армий не давать неприятелю передышки, воспрепятствовать ему создавать новые формирования и, по возможности, лишать страну средств сопротивления.

Общая задача—наступление к Парижу. Для чего:

а) 1-я армия со II-м кавалерийским корпусом наступает западнее р. Уазы к нижней Сене, обеспечивая правый фланг остальных армий,

б) II-я армия с I-м кавалерийским корпусом идет на фронт Ла-Фер—Лаон к Парижу,

в) III-я армия—в общем направлении на Шато-Тьери,

г) IV-я армия через Реймс на Эспернэ,

д) V-я армия с IV-м кавалерийским корпусом—на линию Шалон—Витри-ле-Франсуа, окружая Верден,

е) наступление армий развивается в тесной связи одна с другой.

В случае сильного противодействия противника на Эне или Марне возможно изменение направления с юго-западного на южное.

Левофланговым армиям указано:

а) VI-й армии—наступать на участок Мозеля между Тулем и Эпиналем в общем направлении на Нефшато, с целью обеспечения левого фланга армий и обложения Туля и Нанси.

б) VII-й армии—не переходя Мозеля, воспрепятствовать неприятельскому наступлению между Эпиналем и швейцарской границей“.

Как видим, между директивой Жоффра от 26-го августа и директивой Мольтке от 27-го августа есть много общего.

Как первый, так и второй создают весьма решительные по замыслу наступательные планы.

Разница только в том, что Жоффру приходилось создавать свой маневр под непрерывным давлением наступательной воли германских армий в то время, как Мольтке находился в неизмеримо лучшем положении. Отсюда такой смелый замысел, отсюда и стремление посредством охвата противника с двух флангов полностью уничтожить его живые силы.

Учитывая, что данная директива Мольтке являлась одной из основных и фактически последней, в которой главная немецкая квартира давала своим армиям смелые задачи, рассчитанные на большой период (во времени и пространстве), остановимся на ней подробнее.

В этой директиве мы видим, как оперативный оптимизм, выросший под влиянием побед на полях Бельгии и в пограничном сражении, рождает новую идею, которая преследует цель, пройдя только полпути, выполнить не только план Шлиффена по окружению неприятельских сил, но и удивить мир новыми стратегическими Сверх-Каннами. И этому есть свои основания. Во-первых, под влиянием донесений, что противник окончательно сломлен и бежит по всему фронту, Мольтке приходит к определенному выводу, что „на западе уже достигнуто решение в главной своей части в пользу немецкого оружия“.

Во-вторых, этот вывод в дни до 27-го августа был подкреплен еще и тем, что к нему поступило настойчивое предложение командарма VI-й, кронпринца Баварского, по выполнение прорыва фронта Туль—Эпиналь и наступлению в западном направлении на правый фланг отходящих англо-французских армий (Нефшато).

Последнее предложение было не только одобрено, но VI-й и VII-й армиям были приданы 6 запасных дивизий, которые только что поступили в распоряжение главного командования, а также некоторое количество крепостных орудий.

Таким образом, стратегические Сверх-Канны заключались в том, что Мольтке решил одним маневром с одновременным охватом левого фланга англо-французских армий и их правого из района Туль—Эпиналь покончить с союзниками.

Но заложенная в этот план смелая оперативная идея была мало жизненной по следующим причинам:

Во-первых, для успеха в прорыве VI-й армии на Мозеле последней недоставало тяжелой артиллерии, введенной уже в дело в Бельгии (Льеж—Намюр) и северной Франции (Мобеж).

Во-вторых, ослабленные I-я и II-я немецкие армии, в силу систематического выделения из них сил на другие направления, уже не имели крупных резервов для выполне-

ния этого охватного движения и обеспечения себя со стороны крепости-лагеря—Парижа.

И, как увидим ниже, боевые события на Западном фронте не дали возможности ни Жоффру, ни Мольтке претворить в жизнь эти решительные оперативные замыслы.

Отход союзных армий за Марну.

После пограничного сражения I-я германская армия Клука и кавалерийский корпус Марвица, делая с боями около 35 километров в сутки, продолжали преследовать английскую армию через Камбре—Ле-Като — С.-Кентэн (26-го августа) — Суассон—Мец (1-го сентября) и далее за Марну [1]).

Новая армейская группа Монури, собиравшаяся, согласно директивы от 26-го августа, в районе Амьена с задачей усилить левый фланг союзников, в силу быстрого отхода англичан оказалась в чрезвычайно тяжелом положении. 31-го августа ее главные силы собрались в районе Клермона, но затем ей было приказано отходить далее на юг. К 3-му сентября войска, входящие в ее состав, остановились в районе Парижа на левом берегу Марны.

II-я германская армия продолжала преследовать 5-ю французскую армию. Отойдя в район С.-Кентэн, последняя, выполняя директиву Жоффра, 29-го августа при поддержке войск Амьенской группы перешла в контр-наступление.

После весьма упорных боев, обойденная I-й германской армией с левого фланга и потеряв связь с 4-й французской армией, 5-я французская армия, преследуемая армией Бюлова, к вечеру 30-го августа стала отходить через Лаон—Суассон за Марну.

Эти бои в районах С.-Кентэн и Гиза (29-го—30-го августа) оказались выгодными для Жоффра, ибо, задержанные в районе верхней Уазы, германские армии дали возможность ему сформировать новую 9-ю армию. Состав последней образовался из корпусов и дивизий, выделенных из 3-й и 4-й французских армий. Командование 9-й французской

---

[1]) Быстрый отход на юг английской армии Френча заставил Жоффра 29-го августа созвать совещание в Компьене, где присутствовали и английские комкоры. Весьма упадочное настроение английского командования убедило Жоффра согласиться, что английские войска будут отходить на Париж.

1-го сентября в Париж приехал по просьбе французского правительства военный министр Англии Китченер, который указал Френчу, что необходимо иметь более тесное взаимодействие с французской армией и держать более тесный оперативный контакт с Жоффром. Другими словами, коль единый общесоюзный фронт, то нельзя так поспешно отходить, часто даже не ставя об этом в известность своих соседей и главное французское командование.

Как видим, боевая обстановка убедила Китченера в нецелесообразности той инструкции о полной самостоятельности английской армии, которую он дал Френчу еще в начале операций англичан.

армией было передано командиру 20-го корпуса ген. Фошу. 9-я армия разместилась между 5-й и 4-й французскими армиями, она заполнила образовавшийся 40-клм. разрыв между этими армиями и также разредила тяжеловесность состава 4-й армии, которая к этому времени состояла из 5 корпусов и 5 отдельных дивизий, управлять которыми при обстановке быстрого отхода было трудно.

4-я и 3-я французские армии после неудачных боев в районах Мезьера и Вердена под давлением IV-й и V-й немецких армий также были принуждены к отступлению, при чем части 4-й французской армии отходили через Монтуа к нижней Марне, а 3-я армия Сарайля, сохраняя на своем правом фланге тактическую связь с крепостным районом Вердена, левым упрочилась в районе Триокур.

Таким образом, после оставления союзными армиями среднего стратегического рубежа Амьен—Ла-Фер—Лаон—р. Эн они принуждены были быстро отходить к р. Марне и на ее левый берег.

Вслед за ними спешат германские армии ударной группы и особенно энергичный Клук, делающий по 30—40 килом. в сутки.

Этот стремительный бег имеет и свой стратегический смысл, ведь необходимо было скорее покончить с Францией прежде, чем Россия соберет все свои силы.

И, действительно, стратегия ударной германской группы I-й, II-й, III-й армий, в тесной связи с IV-й и V-й армиями, уподобляется смерчу.

Все сокрушая на своем пути, не жалея ни материальных, ни моральных средств и сил, этот свирепый вал смерти и разрушения уже давно оставил за собой маленькую Бельгию. Несмотря на страшную жару, которая стояла все время, он уже несется по территории северной Франции, вот уже виднеются берега Марны, правофланговые корпуса у сердца страны, и могучий лозунг: Nach Paris! [1]) вырвался с особой силой у жаждавших победы немецких армий.

„Великое решение близко—все зависит от завтрашнего дня“—так кончались многие оперативные приказы по германским войскам.

---

[1]) В Париж!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Германское главное командование перед сражением на Марне.

Анализ оперативной работы главного немецкого командования в августе—сентябре 1914 г.

Стратегический и тактический успех на полях Бельгии и в пограничном сражении, а в силу этого преувеличенного успеха ошибочное *ослабление* правого ударного крыла; неудача в выполнении смелого маневра по взятию в *стратегический мешок* отступающих союзных армий южнее линии Амьен—С.-Кентэн—р. Эн—Верден; образовавшийся *недостаток сил,* чтобы в дальнейшем преследовании искать живую силу противника посредством охватывающего маневра западнее Парижа, а отсюда ударом в восточном направлении к его крепостям (Туль—Эпиналь—Бельфор) покончить с живой силой союзных армий,—все это факторы первостепенной оперативной важности. Эти же моменты определяют собой, что основные руководящие указания Шлиффена, которые были положены в его оперативный план, теперь в корне нарушены германским главным командованием.

Стратегические опорные пункты, в виде крепостных районов Парижа и Вердена, остались в руках неприятеля, мало того, они оказались крепким оплотом в новом расположении его фронта.

Немецкие армии своим правым крылом не только не окружили Парижа с обеих сторон, но, как увидим ниже, это крыло пошло в юго-восточном направлении от Парижа, благодаря чему союзники получили выгодную конфигурацию в расположении своих сил, где их фланги укрепились на мощных крепостных районах Парижа и Вердена.

А это дугообразное расположение противника к моменту завязки решительного сражения, где на концах этой стратегической дуги были крепкие опорные пункты, было роковым предзнаменованием для армий, бурно наступающих в промежуток между Парижем и Верденом.

Ибо при своевременном и удачно рассчитанном сжатии концов этой дуги мог получиться стратегический мешок, но уже для немецких армий.

Стремительное преследование союзников за Марну продолжалось.

Впереди всех шла I-я армия ген. Клука, она увлеклась погоней за английской армией, основное стремление ее командарма—скорее покончить с англичанами и далее ударить в тыл французскому фронту.

Здесь необходимо оттенить, что движение этой армии было настолько энергично по быстроте, что она *оставила за собой* отходящую из района Амьена армейскую группу Монури.

Командарм I-й и ген. Марвиц как будто *не заметили*, как эта стратегическая группа союзников, отступая по правому берегу Уазы, постепенно собиралась к востоку от Парижа.

Как известно, директива от 27-го августа Мольтке ставила задачей армиям правого крыла безостановочное преследование противника. Она же предписывала I-й армии со II-м конным корпусом Марвица наступать западнее Уазы к нижнему течению Сены, II-й армии с I-м конным корпусом итти через Лаон на Париж, держа тесную связь с III-й армией, идущей на Шато-Тьери.

Далее эта директива, как бы заглядывая вперед, говорила, что сильное сопротивление противника на Марне может вызвать изменение движения армий *с юго-западного* направления *на южное*.

Другими словами, армии, сделав поворот влево, оставят Париж на своем правом фланге.

Эта оговорка в изменении направления была крайне выгодна ген. Клуку, который шел уступом вперед и который видел, что ко 2-му сентября англичане ускользнули за Марну.

Если до сих пор I-я армия была в оперативном отношении подчинена командарму II-й Бюлову, то теперь, благодаря директиве от 27-го августа, Клук мог опять самостоятельно действовать, так как главная германская квартира отменила это подчинение.

Энергичному и порывистому ген. Клуку, которого, как никого, следовало бы вести на вожжах, была дана полная инициатива действий.

Это была большая ошибка немецкого главного командования, и прав командарм II-й Бюлов, который в своем донесении писал, что „этой мерой связь между двумя правофланговыми армиями была сильно расшатана. Она уже одно время пошатнулась из-за того, что III-я армия 17-го августа пожелала отделиться от II-й и податься к югу от Мезьера“.

Например, когда 1-го сентября Клук узнает об отходе англичан за Марну и о том, что противник сворачивает на

юго-восток, то, будучи впереди всех, он также меняет свое направление и приказывает своему IX-му корпусу нагнать французов, отходящих перед II-й армией, и захватить Шато-Тьери.

Таким образом, то, что должна была, по директиве Мольтке, захватить III-я армия Гаузена, было выполнено I-й армией.

А ведь от движения Клука в юго-восточном направлении все правое крыло должно было податься влево. Но факт уже совершился. Армия Клука частично уже перешла Марну.

Директива от 27-го августа начинает терять свой оперативный смысл.

Получив об этом донесение, ген. Мольтке теряется, он не знает, что предпринять.

Напрашивалось два решения: или задержать I-ю армию, или же, учитывая, что ближнему виднее, предоставить инициативу действий командарму I-й Клуку.

Мольтке не решается отдать категорическое приказание Клуку, он ждет приезда Вильгельма в Люксембург. Молчание главной германской квартиры продолжается два дня. И только на 3-е сентября Мольтке отдает директиву следующего содержания:

„Главнокомандующий имеет намерение отрезать французов от Парижа, отбросив их к *юго-востоку* от столицы.

I-я армия пойдет уступом за II-й. На нее возлагается задача, кроме того, прикрыть фланг армии. Желательно чтобы конница I-й армии появилась перед Парижем и разрушила все ведущие к нему железнодорожные пути.“

Эта директива является не только полным отказом от плана Шлиффена—обойти Париж, но она наглядно показывает, что главное командование с этого момента не управляет движением своих армий, а идет у них на поводу.

Стратегический путь правого крыла германских армий начинает уподобляться маятнику—его направление за весьма короткий срок менялось трижды: с юго-западного на южное и далее на юго-восточное.

Кроме того, идущему уступом вперед командарму 1-й Клуку, согласно этой директивы, надлежить приостановить наступление и выждать то время, когда II-я армия окажется впереди его.

Учитывая, что II-я армия была на один переход сзади, Клук считает нецелесообразным и не соответствующим той обстановке, которая создалась в виду отхода противника на фронте его армии, останавливаться на два дня и выполнить предписанное уступное расположение.

Поэтому, не выполняя директивы главного командования, которое, по его мнению, плохо представляет себе действи-

тельную обстановку на фронте, в виду большой удаленности (Люксембург), Клук оставляет на своем фланге IV-й резервный корпус, а остальными силами переходит Марну и к 4-му сентября занимает фронт Ребе—С.-Бартелени—Монмирай. В этот же день он посылает донесение Мольтке, в котором говорит, что „1-я армия сегодня переходит Марну. Имеются частичные признаки деморализации противника; армия завтра продолжает свое движение вперед от Марны через Ребе—Монмирай“.

В приказе по армии он указывает: „IV-му рез. корпусу прикрывать Парижское направление, оставаясь у Нантейль, *но 5-го сентября он должен также присоединиться к общему движению правого крыла.* Конный корпус двумя дивизиями идет на Ферте—Су-Жуар, оставив пока одну кавалерийскую дивизию с IV-м резервным корпусом“.

Полное игнорирование последнего распоряжения главной немецкой квартиры совершенно сбило с толку командарма II-й Бюлова, который, получив указания, что 1-я армия будет уступом назад за его армией, не мог понять, как Клук оказался опять впереди II-й армии.

Но 4-го сентября, когда он получает последний приказ Клука о движении 1-й армии за Марну, он вполне понял происходящее. „1-я армия, говорит Бюлов[1]), вместо того, чтобы стать уступом за II-й, приняла свое направление гораздо юго-восточнее. Ее левофланговый IX-й корпус стал прямо перед моим правофланговым VII-м, что было очень стеснительно. Я был оттеснен на скверное направление, и это способствовало увеличению разрыва, образовавшегося позднее между обеими армиями“.

К 4-му сентября II-я армия также перешла Марну и находилась к востоку от Парньи.

Ранее мы говорили, что необъединение в руках одного командующего 1-й, II-й и III-й армий, которые выполняли обходный марш-маневр, было большим упущением главного немецкого командования. Вышесказанное вполне подтверждает это, и вполне прав ген. Бюлов, который резко подчеркивает нарушение оперативной связи между 1-й и II-й армиями, а также и с III-й.

Относительно последней мы можем сказать, что она после форсирования 11-го августа реки Эн переживала трудные дни.

Двухдневные упорные бои при страшной жаре на р. Эн в районе Ретеля стоили больших жертв. При чем IV-я армия герцога Вюртембергского, будучи соседом слева, несмотря на просьбы ген. Гаузена о содействии, фактически осталась молчаливой.

---

[1]) von Bülow, „Mein Bericht zur Marneschlacht“.

Несмотря на совет Наполеона, что управлять больше как пятью соединениями одному командующему весьма трудно, ген. Мольтке, как видим, руководил семью армиями на западе и восьмой на востоке.

Результаты такого управления налицо.

Например, когда командарм III-й решил 1-го сентября дать отдых и привести после трудных переходов свои войска в порядок, он получает в этот день категорическое приказание Мольтке: „Без замедления, не принимая во внимание никаких других соображений, продолжать движение вперед".

Когда 4-го сентября III-я армия достигает Марны и Шалона и когда, по словам Баумгартена, войска были истощены от непрерывных маршей и боев, а арьергарды противника, поддержанные артиллерией, наносили большие потери, то ген. Гаузен, рассчитывавший на 5-е сентября дать армии дневку, получил второй приказ: „Завтра, 5-го сентября направляйтесь на Труа (Troyes)".

Регулирование хода боевых операций IV-й и V-й армий, в виду бо́льшей близости этих армий от пункта размещения главной немецкой квартиры (Люксембург), было более удовлетворительным, и к 4-му сентября эти армии вышли на линию Шалон—Менегу—Малянкур.

Дни 4-го и 5-го сентября главное германское командование живет отрывочными сведениями, идущими с правого фланга немецкого фронта.

Две следующие директивы будут говорить, что Мольтке окончательно теряет связь и управление своими правофланговыми армиями.

Донесение Клука, что он бесповоротно всеми силами своей армии ушел на юг за Марну, заставляет Мольтке от имени Вильгельма 4-го сентября в 19 часов отдать следующую директиву: „Противник ускользнул от охватывающей атаки I-й и II-й армий и продолжает оставаться в связи с Парижем. Различные донесения указывают на перевозку на запад войск из района Туля и Бельфора; противник также снимает силы перед фронтом наших III-й и IV-й армий. Оттеснение массы французских армий к швейцарской границе в юго-восточном направлении более невозможно. Нужно допустить, что противник для обеспечения столицы и угрозы правому германскому флангу сосредоточивает в районе Парижа большие силы.

Его величество приказывает:

1) 1-я и II-я армии остановятся фронтом к востоку от Парижа, чтобы активно противодействовать атакам, идущим от Парижа.

2) 1-я армия—между Уазой и Марной, удерживая переправы на Марне к западу от Шато-Тьери.

3) II-я армия остановится между Марной и Сеной, удерживая переправы на Сене между Ножан и Мери.

4) Левое крыло II-й армии двинется через Вертю и Фер-Шампенуаз на Мери.

5) III-я армия продвинется на Труа.

6) Для разъяснения общего положения посылается подполковник Хенч [1])".

Эта директива ген. Мольтке произвела на Клука не большее впечатление, чем все предыдущие.

Согласно приказа по армии, все его корпуса, за исключением IV-го резервного, уже действуют на южном берегу Марны.

Для того, чтобы выполнить директиву главной немецкой квартиры, нужно было после отрыва от противника еще пройти 2—3 перехода назад на правый берег Марны. „Правда, говорит Клук, неприятель понес потери, но он не расстроен. Если его оставить, он быстро оправится. До того, как указанные силы, собирающиеся у Парижа, будут достаточно сильны, мы успеем довести до благоприятного конца наше наступление на Сену".

Данные соображения для ген. Клука оказались достаточными, чтобы не выполнить последней директивы ген. Мольтке и оставить в силе свои приказания корпусам 1-й армии о действиях на левом берегу Марны.

Но для того, чтобы главное немецкое командование поняло его идею операции, которую он так настойчиво проводит, Клук посылает ему донесение. В последнем его соображения носят весьма категорический характер, а некоторые части указывают на недисциплинированность этого высшего войскового начальника. Но мы уже знаем, что во главе главной немецкой квартиры стоял человек, полководческие способности которого, и в особенности в отношении волевых качеств, были весьма условны.

Содержание донесения от 10 ч. утра 5-го сентября, адресованного ген. Мольтке, было следующее: „Во исполнение предыдущих приказов главной квартиры, 1-я армия продвигается к Сене через Ребе, Монмирай. Два армейских корпуса прикрывают Парижское направление по обоим берегам Марны. Противник до сих пор отброшен, но не выведен из строя. Его отступление ведется на Ножан. Около Куломье мы ведем бой приблизительно с 3-мя английскими дивизиями; у Монмирай—с левым французским крылом. Французы своими арьергардами оказывают сильное сопро-

---

[1]) Подполковник Хенч прибыл в штаб 1-й армии после 12 часов 5-го сентября.

Директива Мольтке от 4-го сентября 19 ч. была получена в 7 ч. 15 минут 5-го сентября, т.-е. после того, как Клук уже отдал приказ по армии о преследовании на 5-е сентября.

тивление. Преследование их до Сены нанесет им значительные потери. Сосредоточение значительных сил у Парижа вполне вероятно. Части оперирующих армий могут быть переброшены туда. Но все это потребует много времени. *Я считаю очень неудобным упускать еще вполне боеспособную армию противника и вносить в такой момент беспорядок в действия 1-й и 2-й армий.* Я предлагаю преследовать противника до Сены и только после осуществить обложение Парижа. Если осуществить это обложение сейчас, как Вы приказываете, то противник остается свободным в своем движении на Труа“.

Как видим, ген. Клук в этом донесении не только заботится о своей 1-й армии, но с беспокойством говорит, что главная квартира своими директивами вносит беспорядок и в операцию II-й армии.

Свидание с Хенчем и старание последнего осветить общую стратегическую обстановку не дали никаких результатов по изменению оперативных решений, принятых в это время ген. Клуком, как и не достигло цели сообщение от 17 ч. 20 м. 5-го сентября командарма II-й Бюлова, адресованное ген. Клуку, в котором первый писал: „Вторая армия достигает сегодня вечером линии Фонтенель, к северо-западу от Монмирай, Вертю. Повидимому, в намерение противника не входит принять здесь решительное сражение. Кажется, он хочет перебросить по железной дороге все свои свободные силы в Париж и к северо-западу от него для сосредоточения их на нашем правом фланге и искать благоприятных решений, перейдя в наступление с этой стороны. Сейчас донесения летчиков указывают мне на крупные железнодорожные переброски через Ромильи и Ножан к западу“.

Все это очень мало трогает командарма I-й, и он остается попрежнему верен идее операции своей армии, которую он вел на фронт Куломье—Эстерне в общем направлении через Провен к реке Сене.

Неизвестно, как долго продолжался бы этот бешеный натиск ген. Клука в южном и юго-восточном направлениях, но надвигающиеся тучи, в виде удара из Парижского района на правый фланг 1-й армии (IV-й резервный корпус) и на ее тыл, заставили ген. Клука оглянуться назад и принять новое решение.

Получив оперативные соображения ген. Клука от 10 ч. утра 5-го сентября, ген. Мольтке был поставлен в весьма тяжелое положение. Он не соглашается с доводами Клука, т. к. агентура и воздушная разведка продолжают ему доносить, что крупные силы из района 1-й и 2-й французских армий поспешно перевозятся к левому флангу и центру союзного фронта, т. е. к Труа и к Парижу.

Для Мольтке становится ясным, что французское главное командование выработало новый план операции[1]).

Вечером 5-го сентября ген. Мольтке передает по радио новую директиву. Эта директива оказалась последним оперативным распоряжением главной немецкой квартиры. В дальнейшем связь и управление с армиями правого крыла окончательно теряются, все предоставлено инициативе частных начальников.

Содержание этой директивы следующее:

„План отбросить все союзные армии в юго-восточном направлении к швейцарской границе становится невыполнимым.

1) I-й и II-й армиям занять фронт к Парижу.

2) III-й, IV-й и V-й армиям стремиться прорвать французский центр и, двигаясь в юго-восточном направлении, дать возможность VI-й и VII-й армиям выйти к верховьям р. Мозеля".

Это приказание Люксембурга также осталось на бумаге; немецкие армии его прочли и приняли к сведению уже в канун сражения на Марне.

Стратегия сокрушения и „стратегия ва-банк".

Ознакомившись с оперативной работой главного немецкого командования перед сражением на Марне, прежде, чем перейти к разбору последнего, нам хотелось бы задать себе вопрос:

Не было бы более выгодным для германских армий после сражения в районе С.-Кентэн (30-го августа) приостановить дальнейшее движение всей охватывающей группы I-й, II-й, III-й армий и временно задержаться на выгодных по своей конфигурации водных рубежах Соммы и Уазы и далее на линии Ретель—Верден.

---

[1]) 4-го сентября, пишет Пюжан, первые сведения, извещавшие о переброске французских войск, открыли глаза Мольтке и привели его к решению отозвать из Эльзаса XV-й корпус и 7-ю кавалерийскую дивизию, с целью использовать их на правом фланге.

Следующий разговор, происходивший 4-го сентября вечером, отражает настроение, бывшее в Люксембурге.

Гельферих рассказывает, что Вильгельм сказал ему: „Вот прошло уже 35 дней с начала мобилизации. Реймс взят, французское правительство переехало в Бордо, наши кавалерийские разъезды в 50 километрах от Парижа; победа за нами".

Но Мольтке, серьезный и печальный, ответил: „У нас сейчас нет в армии ни одной лошади, которая могла бы бежать скорее, чем рысцой. Не надо ничего преувеличивать; правда, у нас были успехи, но мы еще не победили. Когда миллионы людей сражаются, победитель берет пленных. Где наши пленные? Какие-то 20.000 в боях в Лотарингии, 10.000 здесь и, может быть, еще 20.000 где-то там. Такое же число захваченных орудий показывает, что французы отступали по приказу. Но еще остается выполнить самую трудную задачу". (Revue Militaire Française, 1922 г., № 17, статья ген. Пюжана).

Задавая такой вопрос, мы хорошо помним хотя и умную, но не для всякого случая пригодную фразу: *„Порыв не терпит перерыва“*.

Мы видели, как правое крыло, проделав 280-ти километровый (С.-Кентэн) форсированный марш с боями, в силу этого не могло не быть численно ослабленным, помимо выделений различных сил к Антверпену и в Восточную Пруссию.

А от района С.-Кентэн до Парижа еще оставалось 120 километров не менее трудного марша, чем пройденный до линии Соммы и Уазы.

Опыт последних войн со всей убедительностью говорит, что от такой быстроты движения не только тают войсковые единицы, но и весь современный сложный войсковой механизм в своей организационно-материальной части теряет эластичность.

Для лучшего вождения массовых армий, которые, благодаря своей громоздкости, и без того трудноуправляемы, гибкость управления теперь необходима, как никогда.

Кроме того, работа современного тыла армий со всеми его ресурсами, необходимыми для боя и жизни войск, должна быть настолько динамичной, чтобы не было такого положения, когда войска, находящиеся в боевой линии, безнадежно оглядываются назад.

Заслуживает внимания следующая мысль ген. Клука, которая имеется в его труде: „Der Marsch auf Paris und die Marneschlacht“, о возможности приостановки движения на юг.

„Приказ от 27-го августа говорил о движении на нижнее течение Сены, но он также предвидел возможность поворота к югу. К тому же *сила войск была недостаточна* для такого движения к нижней Сене для обложения Парижа с северо-востока и северо-запада и для охраны коммуникаций. *Главная квартира должна была бы к концу августа остановить движение, дать армии отдохнуть, подкрепить правое крыло, атаковать северо-восточный фронт Парижа тяжелой артиллерией I-й и II-й армий, заменить на охране коммуникаций перволинейные и резервные войска частями ландвера и ландштурма и только тогда возобновить маневренную войну.*

Главное, не надо было бы отправлять войска на Русский фронт. Если бы я знал общую обстановку, если бы у меня явилось малейшее подозрение о возможности атаки на мой правый фланг, я бы никогда не перешел Марну.

Когда 29-го августа 1-я армия завернула к Уазе, чтобы достичь ее 31-го августа у Нойона и Компьена, главная квар-

тира дала свое одобрение[1]). Приказ от 2-го сентября предписывал отбросить противника к юго-востоку от Парижа. Это-то и привело меня к движениям, предпринятым мною 3-го, 4-го и 5-го сентября.

Приказ 4-го сентября ставил все вверх дном".

Зная о тех оперативных распоряжениях, которые были отданы ген. Клуку в последние дни перед сражением на Марне, мы не можем полностью присоединиться к его мнению относительно правильности его действий.

Его архисамостоятельность в оперативных решениях, которые имели громадное значение для всей боевой работы армий правого крыла, и настойчивое проведение этих решений в жизнь в период с 1-го по 5-е сентября не только ложились тяжелым камнем на оперативную работу II-й и III-й армий, но также не мало вносили путаницы в работу главного командования.

В других условиях и при волевом полководце, нам думается, что ген. Клук не решился бы на такую оперативную самостоятельность или, в противном случае, был бы отстранен от управления армией.

Но здесь нас интересует другой вопрос, затронутый Клуком, относительно приостановки движения германских армий во вторую половину августа.

Победа в районе С.-Кентэна, можно сказать, была в стратегическом отношении кульминационным пунктом успеха для германского оружия.

Боевая обстановка, как никогда, диктовала, чтобы главное немецкое командование тщательно анализировало общее стратегическое положение на Западном фронте, складывавшееся после 26 дней марша, т.-е. к 30-му августа.

Но, видно, умение своевременно делать крутые повороты как в политике, так и в стратегии не каждому по плечу.

История скорее говорит, что такая прекрасная способность свойственна только звездам первой величины.

Мы видели, что англо-французская армия, опрокинутая по всему фронту, поспешно отступала за Марну.

Это был чрезвычайно выгодный момент для принятия ген. Мольтке не эфемерных планов о стратегических Сверх-Каннах, а решения, которое бы более соответствовало как

---

[1]) Действительно, 30-го августа вечером ген. Клук доносил о своем движении. В этом донесении говорилось: „I-я армия поворачивает к Уазе и двигается 31-го на Нойон—Компьен".

На это донесение Мольтке 31-го августа отвечал:

„Движение, намеченное I-й армией, отвечает видам главного командования". Ответ Мольтке ген. Бюлов считает неправильным, ибо этим „отказывались от движения на юго-запад, что объясняется полной неосведомленностью главного командования о грозе, собиравшейся на западе".

общей стратегической обстановке, так и, особенно, первоначальной идее похода.

Мы думаем, что если бы Мольтке крепко держал в руках управление армиями в этот период, если бы он возложил на VI-ю и VII-ю армии в Эльзас-Лотарингии совершенно пассивную задачу [1]), если бы он далее при помощи и утилизации всевозможных транспортных средств перебросил в район I-й, II-й и III-й армий как можно больше сил и удержал эти армии, примерно, на рубежах Соммы и Уазы и далее на Ретель—Верден до подхода подкреплений, взятых из VI-й и VII-й и даже из V-й армий,—то положение при переходе правофланговыми армиями в новое наступление было бы, по всей вероятности, другим.

Во-первых, части I-й, II-й и III-й армий привели бы свою материальную часть в порядок и пополнили бы себя огнестрельными припасами.

Во-вторых, с прибытием новых сил, правда, и до этого высокое моральное состояние войск еще более бы поднялось и окрепло.

В-третьих, опрокинув в районе С.-Кентэна левый фланг союзников и принудив его к поспешному отступлению на юг, германские армии не только имели бы время для перегруппировки, но и, выполняя ценное указание Шлиффена, что в современной войне необходимо иметь сильные фланги и резервы за ними, могли бы с еще большей уверенностью вести дальнейшую операцию по уничтожению живой силы союзных армий.

Военное искусство в наши дни не есть „игра ва-банк“, так как оно со всей решительностью требует *предвидения.* Игру ва-банк может вести каждый, но результаты от такой игры не всегда одинаковы.

Автор настоящей работы является большим поклонником учения об уничтожающем сражении, где основная и единственная оперативная цель — полный разгром неприятельской армии (стратегия уничтожения).

Будущая война — война классовая. Классовая война, как мы уже сказали во введении, с укрепленным железобетонным фронтом от моря до моря и от нейтральных до нейтральных границ, совершенно немыслима.

Стратегия сокрушения с ее решительными уничтожающими маневрами, есть душа революционной классовой войны.

---

[1]) Мы знаем, что упорные бои без больших результатов в этом районе продолжались до 27-го августа, понесенные крупные потери за проход Шарм, дававший путь в обход укрепленным линиям Верден—Туль, не привели к желаемым результатам, этот проход остался в руках французов.

Но, воспитывая свое военное мышление на основных положениях стратегии сокрушения, мы говорим, что она должна быть наполнена *методичностью* и *удобоуправляемостью* при ведении операций.

Смешно отождествлять стратегию германских армий первого периода маневренной войны со стратегией сокрушения.

Ибо нет *стратегии сокрушения* в то время, когда, ведя ответственную операцию на внешнем фланге фронта, ген. Клук и его армейская конница Марвица даже не замечают, как сформирована ударная группа Монури, отходящая *медленнее*, чем наступала I-я армия, в силу чего эта группа оказалась у ней на правом фланге и в тылу.

Стратегия сокрушения отсутствует, *если* главное немецкое командование теряет оперативную связь со своими армиями и не может руководить ими в момент начала генерального сражения, а посылает для этой цели своего представителя подполковника Хенча, *если* нарушена связь между командармами ударной группы правого немецкого крыла и каждый из них действует по своему усмотрению, *если* растянувшиеся тылы не дают жизненных ресурсов для успешного ведения операций действующей армии и т. д. и т. п.

Все это отнюдь не есть стратегия сокрушения, ибо последняя здесь трансформировалась в *стратегию ва-банк*, т.-е. в такой образ действий, который для современной войны совершенно не пригоден.

Стратегия сокрушения требует от полководца очень многого, но, главное, умения вести стремительную операцию так, чтобы в каждый момент быть готовым к производству такой перегруппировки, к такому крутому повороту, которые еще более обеспечивали бы гибкость маневрирования на поле сражения для достижения цели.

Движение к последней никогда не может быть графически прямолинейным, надо уметь преодолеть целый ряд разнообразнейших препятствий политического и военного порядка на пути к раз поставленной цели [1]).

---

[1]) В дальнейшем мы еще вернемся к этому вопросу, который представляет большой оперативный интерес.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Сражение на Марне.

Политическая обстановка во Франции перед Марнским сражением.

Время, когда французское правительство, желая затушевать перед общественным мнением страны бесталанное стратегическое развертывание своих армий, бросило фразу, „что оно будет уважать бельгийский нейтралитет до тех пор, пока его не нарушит неприятель“—прошло.

Тяжелое, а временами и катастрофическое положение на фронте союзных армий требовало принятия соответствующих решительных мер.

Вся Франция видела, что двинувшаяся с севера лавина германских войск уже прокатилась по территории Бельгии, оставила за собой северные департаменты Франции и неслась к сердцу политической и экономической жизни страны—Парижу. Победоносное шествие противника от Льежа до Реймса уже завершилось взятием Шалона, в то время, как удар французских армий в Эльзас-Лотарингии оказался ударом по воздуху.

Революционные правительства в такие исторические моменты жизни страны говорят с виновниками поражений более определенным языком, а именно: „Цена ваших ошибок—ваша голова“.

Появившееся сильное течение в пользу *заключения сепаратного мира с Германией* было прямым отзвуком непрерывных неудач на фронте. Последнего было достаточно, чтобы британская дипломатия решительно вмешалась в дело войны.

Призрак нового Седана, со всей силой нависший над Францией, несомненно таил в себе роковые последствия и для всей империалистической политики Англии.

Последняя это великолепно понимала.

Роль грозного сторожа морей, банкира и поставщика англо-французским армиям оказалась слишком не пропорциональной тем целям, которые ставила Англия, вступая в мировой военный конфликт.

И, действительно, перед чем встала в эти дни ее политика? Она встала перед *фактом*, когда английская сухопутная армия почти разбита, когда английский гласис на

материке, в виде бельгийской территории, в руках Германии, когда англо-французская коалиция в смертельной опасности, когда мировые железнодорожные пути и рынки сырья и сбыта могут „безболезненно“, по праву победителя, перейти в руки Германии и т. д. и т. п.

А поэтому допустить сепаратный мир с Германией значило бы не только отказаться играть первую скрипку в мировой политике, но и нанести тяжелый удар своему мировому экономическому могуществу.

Все эти моменты диктовали британской политике необходимость потребовать радикальных мер от французского президента Пуанкаре.

А это как раз было не трудно сделать, так как сильные французские политические круги были полностью на стороне таких мер, которые видоизменили бы лицо французского правительства и включили бы в его состав людей, соответствующих сложившемуся моменту. А момент был действительно ответственным.

В дни перед Марнским сражением не только французскому буржуа, но и всему миру казалось, что „циклонический милитаризм Германии беспощадно раздавит Французскую республику, как он раздавил уже Бельгию. Накануне битвы на Марне население Франции пережило „неделю великого страха“. Наяву и во сне все видели над собой пушечный зев 42 сантиметра“ [1]).

В этих условиях, под соответствующим давлением британской дипломатии, во Франции пришло к власти новое правительство, которое сменило кабинет, бывший наиболее слабым и бесцветным из всех многочисленных кабинетов Франции.

Следует указать, что в этой смене немалую роль играл и ген. Жоффр, которому, благодаря политической неустойчивости ушедшего правительства, часто приходилось итти на различные компромиссы с тем, чтобы не усложнять и без того весьма тяжелой обстановки.

При поддержке британской дипломатии он добивается права невмешательства нового правительства в дела оперативного характера и обеспечивает себе в военных вопросах полную свободу действий. А это было очень важно для Жоффра, так как при старом правительстве главнокомандующий был подчинен военному министру и французскому кабинету [2]).

---

[1]) Троцкий. „Годы великого перелома“. (Война и техника).

[2]) Следует заметить, что эту отвоеванную „свободу“ для своих оперативных распоряжений Жоффр хранил весьма бережно. И, например, когда Галлиени, как командующий парижской армией, стал непосредственно сноситься с правительством, информируя последнее об обстановке на фронте, то Жоффр в своем письме от 7-го сентября писал Галлиени следующее: „Я буду Вам очень признателен, если

После отставки французского министерства, новое правительство „национальной обороны“ во главе с председателем совета министров Вивиани, министром иностранных дел Делькассэ и военным министром Мильераном обратилось с воззванием к французскому народу, в коем говорилось, что война не будет прекращена до полной победы над Геманией.

По линии соглашения нового французского правительства с Англией „было принято решение предоставить в распоряжение союзных армий все неисчерпаемые средства Британской империи, взяв обязательства с Франции ни в коем случае не прекращать войны“.

Таким образом, вопрос о сепаратном мире отпал, а Англия, углубив и упрочив свою империалистическую политику на материке, сделалась центром коалиции, направленной против Германии.

Получив чрезвычайные полномочия с предоставлением полной ответственности за все оперативные мероприятия, ген. Жоффр предложил правительству переехать в Бордо.

2-го сентября французское правительство и члены обеих палат покинули Париж и переехали во временную столицу Бордо.

Согласно дальнейших директив Жоффра, все ценное из Парижа было эвакуировано, а форты крепости и город были заняты новыми войсками.

Генерал-губернатором Парижа был назначен один из наиболее способных и энергичных генералов французской армии—Галлиени, которому была подчинена 6-я французская армия Монури.

Французская главная квартира из Парижа перешла в Бар-сюр-Об, в центр расположения союзных армий. Таким образом, необходимые меры были приняты, а населению было предложено сохранить спокойствие и следить за теми событиями, которые должны были развернуться в эти исторические дни первой половины сентября 1914 года.

Вы не пошлете правительству сведений, касающихся операций; в отчетах, которые я ему посылаю, я никогда не ставлю его в известность ни о целях ведущихся операций, ни о своих намерениях. Или, по крайней мере, в том, что я ему передаю, я не указываю те части, которые должны остаться в секрете. Поступая иначе, можно было бы дать возможность своевременно узнать противнику некоторые наши операции.

Вот почему я считаю необходимым, чтобы я один обсуждал эти вопросы совместно с правительством, т. к. я больше, чем другие, в состоянии судить, что может быть сказано без вреда“. (См. Жоффр, „Подготовка войны и ведение операций“, стр. 51).

Данная выдержка из письма, говорящая о разнобое между политикой и стратегией, весьма характерна дла буржуазных правительств и их государственных систем.

Состояние армий союзников перед Марнским сражением.

Перед тем, как отдать общий приказ по армии, в котором говорилось, что „настал час держаться во что бы то ни стало, погибнуть, но не отступать“, французским главным командованием была проделана большая организационно-оперативная работа по приведению отступающих союзных армий в такое состояние, после которого они могли бы выполнить задуманное контр-наступление.

До принятия этих мероприятий в период отступления дисциплина в войсках сильно пала, последние, бросая снаряжение, целыми тысячами оставляли строй и самостоятельно уходили не только в прифронтовую полосу, но далеко в глубь страны.

„Такая разлагающая обстановка продолжалась включительно до первых чисел сентября“[1]).

Для оздоровления и поднятия на соответствующую высоту боевого состояния армии главное командование приняло целый ряд решительных мер.

Началась решительная чистка командного состава. За несоответствием было отстранено от занимаемых должностей до 30% строевого генералитета. В этот реорганизационный период в распоряжение военного министерства поступило 2 командующих армиями (Рюффе, Ланрезак), 7 командиров корпусов, 20 начальников пехотных дивизий, 4 начальника кавалерийских дивизий, с аттестацией неподходящих для командования на фронте.

2-го сентября Главнокомандующий ген. Жоффр отдает следующий приказ по армиям:

„Часть наших армий отходит, чтобы занять более сосредоточенное расположение, пополнить свои силы и подготовиться к общему наступлению.

Приказ о наступлении я отдам через несколько дней. Спасение страны зависит от этого наступления, последнее, согласуясь с натиском наших русских союзников, должно разорвать германские армии, и без того серьезно потрепанные нами в различных пунктах. Каждый должен знать об этом и напрячь все силы для достижения окончательной победы.

Будут приняты самые драконовские меры, чтобы отступательное движение совершалось в полном порядке.

Беглецы, если таковые найдутся, будут преследоваться и расстреливаться.

Командующие армиями дадут приказы запасным частям (депо), чтобы последние прислали необходимое количество людей для пополнения.

---

[1]) Lanrezac, „Le plan de campagne français et le premier mois de la guerre“.

Таблица № 15.

Сводная таблица боевого состава обеих сторон на фронте Париж—Верден.

АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИЕ АРМИИ.

НАИМЕНОВАНИЕ АРМИЙ.	Армейские корпуса.	Отд. пехотн. дивизии.	Резервн. дивиз.	Кавалерия.	Переброска со 2-го но 3-е сент. с правого фланга (1-я и 2-я фр. армии).	Численность.
6-я ген. Монури *)	7-й, 4-й [1])	45-я Алжирская.	55-я, 56-я, 61-я, 62-я	1-й кав. корпус Сорде.	1) Из 3-й фр. армии.	Около 1 миллиона челов., боевой состав не более 700 тыс.
Английская **) ген. Френча . .	1-й, 2-й, 3-й	—	—	1-я кав. дивиз., 5-я кав. бриг.	—	
5-я Франше д'Эсперэ . . .	1-й, 3-й, 10-й, 18-й	38-я, 37-я,	51-я, 53-я, 69-я	10-я кав. дивизия, 1-я бриг. 2-й кав. див. [2]), 4-я кав. див., 8-я кав. див., 2-й кав. корп. Конно.	2) Из 2-й фр. армии.	
9-я ген. Фоша . .	11-й и 9-й [3])	42-я и Марокканская.	52-я, 60-я	9-я кав. див.	3) Из 2-й фр. армии.	
4-я ген. Лангль-де-Кари	2-й, 12-й, 17-й, Колониальн. и 21-й [4])	—	—	—	4) Из 1-й фр. армии.	
3-я ген. Сарайля	5-й, 6-й, 15-й [5])	—	54-я, 65-я, 67-я, 72-я и 75-я	7-я кавал. дивиз.	5) Из 2-й фр. армии.	
ИТОГО . . .	19	5	14	2 кавалер. корпуса 7 кавалер. дивизий.	—	

ГЕРМАНСКИЕ АРМИИ.

НАИМЕНОВАНИЕ АРМИЙ.	Корпуса.		Кавалерия.	Численность.	Примечания.
	Армейские.	Резервные.			
I-я ген. Клука .	II-й, III-й, IV-й, IX-й	IV-й	II-й кав. корпус Марвица.	Около 950 тыс., из них 650 тыс., боев. состава.	*) 1-го сент. 6-я армия подчинена губернатору Парижа ген. Галлиени. В состав Парижского гарнизона входили 83-я, 85-я 86-я, 89-я, 92-я рез. дивизии, 166-я и 185-я территор. бригады и морская бригада. **) 3-й англ. корпус был сформирован из 4-й дивизии и 19-й пех. бригады во время отступления. 28-го августа он был в районе Нойона.
II-я ген. Бюлова	Гвардейский, VII-й, X-й	X-й	I-й кав. корпус Рихтгофена.		
III-я Гаузена . .	XII-й, XIX-й	XII-й и 23-я резервная дивиз.	—		
IV-я герц. Вюртембергского .	VIII-й, XVIII-й	VIII-й, XVIII-й	—		
V-я кронпринца Германского .	VI-й, XIII-й, XVI-й, V-й	V-й, VI-й	—		
ИТОГО . . .	15	$7^1/_2$	2 кавалер. корпуса.		

Необходимо, чтобы наличный состав был по возможности полным, командный состав воссоздан посредством производства и дух поднят на должную высоту для новых трудов, для возобновления наступления, которое нам даст окончательный успех“ [1]).

Вернув беглецов, поставив во главе войсковых соединений энергичных и знающих начальников, влив новые свежие пополнения, армия союзников вернула свою боеспособность для выполнения новых задач, диктуемых обстановкой.

Расположение сторон к началу сражения на Марне.

К 5-му сентября 6-я, английская, 5-я, 9-я, 4-я и 3-я союзные армии развернулись на фронте Домартен—Провен—Сезанн—Сомсу—Сомпюи—Сермез—Бовэ—Верден.

Левофланговую группу армий фактически составляли три армии: 6-я, английская и 5-я, но объединенного командования для этой оперативной группы установлено не было.

9-я французская армия Фоша, расположившись в центре фронта, была как бы армией связи между западным и восточным флангами союзных армий.

К этому же времени пять наступающих германских армий (I-я, II-я, III-я, IV-я, V-я) достигли, примерно, линии: Мо—Эстерне—Монмирай—Вертю — южнее Шалона — Малянкур—район севернее Вердена.

Заслоном в сторону Парижа, а также обеспечением правого фланга I-й германской армии Клука служил IV-й резервный корпус, расположившийся на правом берегу р. Урка.

Таблица, приведенная на стр. 102 и 103, говорит о боевом составе обеих сторон на всем протяжении фронта Париж — Верден.

Таким образом, на этой 240-километровой стратегической дуге, которая как бы повисла на двух опорных точках в виде мощных крепостей Вердена и Парижа, на площади этой знаменитой дуги и должно было разыграться Марнское сражение, где в ожесточенных пятидневных боях столкнулись пять германских и шесть союзных армий, или более полутора миллиона бойцов с превосходством в силах на стороне союзников.

Маневр ген. Жоффра Париж—Верден. *Черт. № 1.*

В общей инструкции ген. Жоффра от 1-го сентября говорилось, что обходное движение, которое вели германские армии против левого крыла 5-й армии, в виду быстрого отступления английской армии и отхода к реке Сене восточнее Парижа 6-й армии, вынудило весь фронт союзников, при

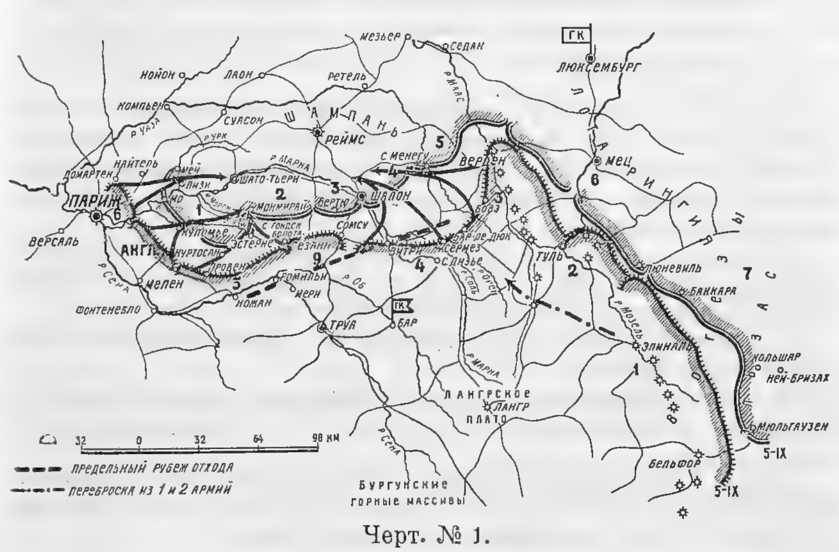
[1]) Жоффр, „Подготовка войны и ведение операций“.

отступлении с севера на юг, заходить вокруг своего более устойчивого правого крыла.

Далее указывалось, что 5-я французская армия при дальнейшем отступлении ни в коем случае не должна допустить охвата ее левого фланга со стороны неприятеля.

Не имея возможности при данных условиях остановить противника на линии реки Марны, чтобы создать на ней оборонительную линию, ген. Жоффр этой же инструкцией устанавливает *предельный рубеж* для отступления союзных армий, а именно линию: Ножан на Сене (Nogent sur Seine)—Бар-ле-Дюк (Bar-le-Duc).

С целью создать на этом рубеже крепкую оборонительную линию, с которой в дальнейшем англо-французские армии перейдут в наступление, было решено взять необходимые силы с фронта 1-й и 2-й французских армий.

Черт. № 1.

Маневр ген. Жоффра между Парижем и Верденом.

Следует указать, что в стратегическом отношении эта предельная линия отхода—Ножан—Бар-ле-Дюк—была целесообразной, так как при дальнейшем отступлении ген. Жоффр должен был бы уступить противнику важнейшие железнодорожные магистрали, а, кроме того, связь с укрепленной позицией на Маасе и Мозеле терялась, и тыл ее был бы открыт.

Если, как предполагал Жоффр, отход на выбранный рубеж должен был бы закончиться, примерно, *8-го—10-го сентября* и к этому времени левый фланг был бы усилен за счет сил, выделенных из 1-й и 2-й французских армий, то в период с *1-го по 4-е сентября* общая стратегическая обстановка резко меняется.

Ударная группа немецких армий прошла мимо столицы Франции в промежуток между Парижем и Верденом и переправилась на левый берег Марны.

Теперь отходить на фронт Ножан — Бар-ле-Дюк значило потерять крайне выгодное охватывающее положение, которое неожиданно получила 6-я французская армия и гарнизон крепости Парижа.

Кроме того, оперируя в тесном взаимодействии с Верденом, командующий 3-й армией ген. Сарайль к 4-му сентября удержал боевую связь с крепостью.

Таким образом, конфигурация фронта союзников к 4-му сентября оказалась настолько удачной (дуга с опорными точками Парижа и Вердена), что произвести охват правого крыла немецких армий теперь не представляло больших затруднений.

Как видим, тяжелые ошибки, допущенные в первоначальном стратегическом развертывании французских армий, начинают искупаться в силу больших оперативных ошибок победителя — Германии.

Учтя создавшуюся стратегическую обстановку и то крайне невыгодное положение, в котором после перехода Марны оказались I-я, II-я и III-я германские армии, ген. Жоффр решает, что настал благоприятный момент дать генеральное сражение.

Сущность всех директивных распоряжений главной французской квартиры за 4-е и 5-е сентября может быть охарактеризована следующим образом:

1) Главные силы 1-й германской армии перешли на левый берег Марны.

Ее левый фланг со стороны Парижа и армии Монури обеспечен незначительными силами (IV-й резервный корпус).

Необходимо воспользоваться этим рискованным положением I-й германской армии и ударом превосходными силами во фланг и тыл уничтожить ее живую силу.

2) Утром 6-го сентября 6-я, английская, 5-я армии перейдут в энергичное наступление.

3) 6-я армия ген. Монури, форсировав реку Урк между Лизи и Мей, атакует в общем направлении на Шато-Тьери. 1-й кавалерийский корпус Сорде передается в распоряжение 6-й армии.

4) Английская армия Френча у района Куломье будет наступать в общем направлении на Монмирай.

5) 5-я армия ген. Франше д'Эсперэ, развернувшись на линии Сезанн — Эстерне—Куртасон, атакует противника в северном направлении.

2-й кавалерийский корпус ген. Конно будет обеспечивать связь между английской и 5-й армиями.

6) 9-я армия ген. Фоша, обеспечивая правый фланг 5-й армии, будет удерживать южные выходы из Сен-Гондских болот. Командованию выделить часть сил на плато, что севернее Сезанна.

7) 4-й и 3-й армиям выждать результаты наступления левофланговых армий и атаковать противника в общем направлении на запад.

Данные директивные распоряжения ген. Жоффра еще раз со всей убедительностью говорят, что маневр есть душа стратегической операции. Действительная боевая обстановка вызывает маневр к жизни, только она и может способствовать его осуществлению.

План войны можно и должно составить заранее, но план операции нельзя предусмотреть задолго вперед. Поэтому мы не можем согласиться с мыслью ген. Жоффра, что „план сражения, завязанного 6-го сентября, результатом которого должна была быть победа над германскими армиями, был составлен еще *25-го августа*, но благоприятные обстоятельства для исполнения его наступили только 6-го сентября“ [1]), ибо, если бы боевая обстановка не дала возможности 6-й армии Монури остановиться к востоку от Парижа (предусмотреть эту обстановку 25-го августа Жоффр не мог по той простой причине, что в период 25-го—30-го августа задуманное им контр-наступление потерпело полную неудачу) и если бы ген. Клук, выполняя директивы Мольтке, не перешел на левый берег Марны, то, конечно, общее положение было бы другим.

Кроме того, если бы союзные армии отошли на фронт Ножан—Бар-ле-Дюк, то даже при наиблагоприятнейших условиях маневр с новой линии был бы другим, и еще неизвестно, имела ли бы эта линия на своих концах крепости Верден и Париж [2]).

Отсюда ясно, стратегический маневр прямо пропорционален боевой обстановке, которая складывается к данному моменту.

---

[1]) Жоффр, „Подготовка войны и ведение операций“, стр. 23.

[2]) Выше мы говорили, что Жоффр, устанавливая новую линию отхода, фактически жертвовал Верденом, но его опасения за возможность удержания Парижа были не меньшими.

Депутат Фердинанд Ангран в книжке „Бриэ“ пишет: „1-го сентября 1914 года во время наступления немцев на Париж ген. Жоффром был отдан приказ уничтожить все документы, находившиеся в несгораемых шкафах членов высшего военного совета, а также планы, предшествовавшие плану № 17. Не было составлено никакой описи уничтоженных документов. Поэтому отсутствует важный документальный источник“.

Ген. Персен в своих „Очерках о войне“ по этому поводу добавляет: „Уничтожение документа, касающегося национальной обороны, является столь же тяжелым преступлением, как и подделка. Ген. Жоффр виновен в этом преступлении“. (См. „Война и Революция“, кн. II, стр. 23—24).

Задумать задолго вперед можно всякий маневр, но позволят ли обстоятельства его осуществить, это вопрос, который разрешает только боевая действительность. Последняя при обстановке решительных боев в маневренной войне быстро видоизменяется.

Как видим, идея маневра Париж—Верден до крайности проста, и в этом заслуга ген. Жоффра, который, не мудрствуя лукаво, сообразовал свой план операций с той обстановкой, которая сложилась к данному моменту.

Этот маневр складывается из трех основных положений:

1) Центр стратегического фронта союзников твердо отстаивает 9-я армия Фоша.

2) Три армии (6-я, английская, 5-я) энергично атакуют I-ю германскую армию ген. Клука и правый фланг II-й ген. Бюлова.

3) Две армии (4-я и 3-я), активно обороняясь и выждав успех на левом фланге союзных армий, обрушиваются в западном направлении, с целью завершить маневр окружением и замкнуть огненное кольцо.

И как бы дополнением к этой смелой и решительной идее маневра Париж—Верден является тот общий приказ по союзным армиям, который мы приведем здесь полностью.

ОБЩИЙ ПРИКАЗ.

6-го сентября 1914 г.

В момент, когда завязывается сражение, от которого зависит спасение страны, необходимо напомнить всем, что нельзя больше оглядываться назад; все усилия должны быть направлены на то, чтобы атаковать и отбросить неприятеля; часть, которая не может двигаться вперед, должна будет, чего бы это ни стоило, сохранить захваченное пространство и скорее дать убить себя на месте, чем отступить. При настоящих обстоятельствах не может быть терпима никакая слабость.

Жоффр.

Кажется, все учтено, решительные бои в ближайшие дни должны показать, насколько удачно продуман план операции и своевременно ли начато его выполнение.

Казалось бы, все говорит за то, что успех обеспечен, а при хорошем оперативном взаимодействии высших частных начальников и при самоотверженной работе их войск могут вновь перевоплотиться и „Канны“ великого Аннибала.

Сражение на Марне. *Схема № 4.*

Приступая к разбору сражения на Марне, мы сочли более поучительным вести изложение операций, как и прежде, под углом зрения анализа организации управления и командования обеих сторон.

Это одно из величайших сражений в военной истории развернулось на громадном фронте в 300 километров.

Его пространство ограничивается с запада р. Сеной, а с востока рекой Маасом и серией укреплений по ее течению.

Между этими водными преградами и должен был решиться вопрос, кто же будет победителем в этом грандиозном столкновении сотен тысяч бойцов.

В стратегическом отношении на этом пространстве имели громадное значение два укрепленных лагеря из маневренных крепостей Парижа и Вердена.

Крепость Верден, находящаяся на левом фланге железного пояса Сере-де-Ривьера, имела семь фортов и несколько различных укреплений, вооруженных батареями из орудий разных систем.

Этот большой крепостной район, расположившийся на обоих берегах Мааса, запирал важнейший в стратегическом отношении железнодорожный путь Мец—Шалон—Париж.

Крепость Париж раскинулась на обоих берегах Сены, она имела две линии фортов, старую внутреннюю, обводом в 50 клм. из 15 фортов, 3 редутов и 2 отдельных укреплений, и новую внешнюю—150 клм. в окружности с 22 фортами, 31 редутом, вооруженными батареями и расположенными, главным образом, на правом берегу Сены. Гарнизон крепости состоял из 5 резервных дивизий, 2 территориальных бригад и одной морской бригады.

В общем, Париж к моменту подхода к нему правого немецкого крыла представлял собой обширный маневренный крепостной район, готовый к упорной длительной обороне.

Устройство поверхности предстоящего поля сражения было чрезвычайно разнообразным. Оно было густо заселено многочисленными местными пунктами, которые также могли способствовать упорству боевых столкновений.

Операция 6-й французской армии ген. Монури.

К 5-му сентября армия ген. Монури расположилась в районе Домартен—Лувр—Кле.

Поступивший в ее распоряжение кавкорпус ген. Сорде со стороны Парижа направлялся к Нантейлю.

Против 6-й армии в районе Барси—Пеншар находился IV-й резервный корпус, обеспечивавший правый фланг первой армии со стороны Парижа.

К вечеру 5-го сентября I-я германская армия (II-й, IV-й, III-й, IX-й корпуса), продолжая энергичное наступление на левом берегу Марны, подошла к р. Б. Морэну и расположилась на линии Мезонсель—Куломье—Эстернэ, имея впереди II-й кавалерийский корпус ген. Марвица.

Располагая большим численным превосходством, 6-я французская армия, несмотря на директиву Жоффра, которая

определяла общее наступление на 6-е сентября, согласно приказания ген. Галлиени, 5-го сентября переходит в наступление и завязывает бой с IV-м резервным корпусом.

К вечеру этого дня она отбрасывает немецкий корпус к р. Урк, имея задачей на 6-е сентября, форсировать этот рубеж между Лизи—Мей с целью удара в общем направлении на Шато-Тьери.

Этот первый успех французских войск, после столь крупных и продолжительных неудач, являлся как бы прелюдией к началу великого сражения на Марне.

Удачные бои армии Монури против IV-го резервного корпуса и оттеснение его заставляют командарма I-й Клука серьезно взвесить создавшееся положение, в котором его армия из *охватывающей* сама оказалась *охватываемой*.

Чтобы избежать для I-й германской армии Седана на Марне, ген. Клук принимает смелое решение, свойственное его энергичному характеру.

В 23 часа 5-го сентября он отдает приказ на 6-е сентября, который оказался началом замечательного флангово-отступательного марша I-й армии от Б. Морэна к р. Урк.

За день 6-го ген. Клуку удается в район действий IV-го резервного корпуса перебросить части II-го корпуса, а к утру 7-го сюда же сосредоточивается и IV-й германский корпус.

Таким образом, имея приблизительное равновесие в силах, германские войска получают приказ о переходе в энергичное контр-наступление на правом берегу Урка.

Отход этих двух корпусов безусловно заслуживает внимания, как смелая операция с целью восстановить пошатнувшееся положение наступающей армии. И надо здесь учесть, что II-й и IV-й корпуса, начиная с момента стратегического развертывания на границе, участвовали в целом ряде боев и делали почти непрерывные переходы, величина которых доходила до 50 километров, а теперь они должны были также совершить фланговый марш в 30—40 километров и снова вступить в бой. Усилие, проявленное этими войсками, говорит о их высоком качестве.

7-го и 8-го сентября идут упорные бои в районах Бетц—Этавиньи—Варед.

В силу стремительных немецких контр-атак, положение армии Монури *временами* становится чрезвычайно тяжелым, несмотря на энергичную деятельность ген. Галлиени, который почти непрерывно посылал этой армии подкрепления из Парижа (61-я резервная дивизия и части 4-го корпуса).

Эти подкрепления все-таки давали возможность 6-й армии парировать яростные атаки германских корпусов, которые стремились обойти ее левый фланг.

К 8-му сентября, согласно приказания ген. Клука (несмотря на неоднократные возражения командарма II-й Бюлова), вся

I-я германская армия была сосредоточена против 6-й французской армии на правом берегу Урка, а взамен ушедших четырех корпусов на южном берегу Марны была оставлена лишь кавалерия Марвица [1]). Эта переброска, конечно, не могла пройти безболезненно для II-й германской армии, т. к. с уходом I-й армии образовался разрыв от 35 до 40 километров. Но эта переброска поставила в критическое положение 6-ю французскую армию. Ген. Клук теперь обрушивается на нее всеми своими корпусами, желая охватить ее с севера. Левый фланг армии Монури откатывается к Нантейлю.

4-му левофланговому французскому корпусу приказано „держаться до последнего человека“; несмотря на искусную переброску ген. Галлиени на „такси“ 62-й резервной дивизии, положение 6-й армии продолжает быть тяжелым.

Под напором превосходных сил левый фланг армии Монури, чтобы избежать охвата и окружения, к 9-му отходит, примерно, на линию Сенлис Лувр, ее центр и правый фланг также в полном отступлении в Парижском направлении.

Казалось, еще небольшое напряжение со стороны I-й германской армии, и окруженные войска Монури будут разбиты, а путь в столицу открыт.

Но случилось „чудо у Парижа“ [2]), которое является частицей общего „чуда на Марне“—германские атаки замирают, и в ночь с 9-го на 10-е сентября, согласно приказания главного немецкого командования, войска I-й германской армии отходят на север, в район Суассона.

Действия английской армии ген. Френча.

На протяжении всех операций от франко-бельгийской границы до Марны действия английских войск были весьма неуспешными. Нерешительность командования, малое знание способов ведения современной войны, а отсюда и плохая устойчивость частей были постоянными, даже при незначительном давлении неприятеля.

6-го сентября, когда немецкие корпуса I-й армии действовали на южном берегу Марны, положение англичан было настолько тяжелым, что, казалось, обойденная с флангов и потерявшая связь с 6-й и 5-й французскими армиями, армия Френча или прекратит свое существование, или

---

[1]) По поводу этого флангового марша I-й германской армии Дюпон говорит следующее: „Я позволю себе привести здесь одно личное воспоминание. За несколько лет до мировой войны, примерно в 1910 г., на императорских маневрах сторона под командой Клука очутилась в подобном же положении. Клук произвел такой же маневр. В течение ночи он преобразил свой фронт так, что его правый фланг стал левым“. „Высшее германское командование“ с предисловием Жоффра, стр. 58.

[2]) Об оперативной роли полк. Хенча в этом „чуде“ мы будем говорить ниже.

откатится далее на юг за Сену, обнажив фланги своих соседей.

Но к 14 часам 6-го сентября обстановка на северном берегу Б. Морэна резко меняется, атаки I-й немецкой армии прекращаются, и против трех английских корпусов остается только кавалерия Марвица.

Пехотные части I-й германской армии ушли к Урку.

Но, будучи почти деморализованной, английская армия продолжает не замечать этой смены немецких частей. Последнее можно отнести к блестящим действиям частей не только I-го кавалерийского корпуса ген. Марвица, но и II-го кавалерийского корпуса ген. Рихтгофена, которые, даже не имея объединенного командования, все же искусно скрывали уход корпусов I-й армии.

II-й кавалерийский корпус задерживал англичан на переправах Б. Морэна в то время, как 1-й кавалерийский корпус прикрывал арьергарды уходящих на северо-запад III-го и IX-го корпусов. Здесь *ошибка германского командования заключалась в том, что оно не объединило действий обоих кавкорпусов, которые действовали каждый по своему усмотрению, и не дало им вполне определенного задания— закрыть образовавшийся разрыв между I-й и II-й германскими армиями.*

Но ген. Френч уже получил директиву Жоффра, в коей английской армии была поставлена задача из района Куломье наступать в общем направлении на Монмирай.

Английское командование высылает крупные разведывательные части, последние с боем теснят германские арьергарды, но сами продвигаются черепашьим шагом.

Не обнаружив крупных сил противника, английская армия, все еще находясь под гипнозом германских побед, пройдя незначительное расстояние, к вечеру 6-го сентября занимает левый берег Б. Морэна от Шуази до Вийе.

Весь день 7-го сентября ушел на фронте английской армии на закрепление указанной линии и занятие оставленного немецкой конницей Мезонселя. И прав начальник штаба I-й немецкой армии ген. Куль, который сказал: „К счастью для нас во главе английской армии стоял не Блюхер“.

Конница Марвица, продолжая сохранять соприкосновение с англичанами, своим ядром отошла в район Ла-Фертэ-су-Жуар.

Учитывая крайнюю медлительность в действиях английской армии, ген. Галлиени посылает ген. Френчу 6-го и 7-го сентября настойчивые просьбы о более энергичных действиях. В этих телеграммах он ставит его в известность о немецких частях, двигающихся с юга против 6-й французской армии. Он говорит, что эти дивизии стояли против фронта английской армии, а поэтому „настоятельная просьба к маршалу

Френчу двинуть свою армию вперед, чтобы общее наступление было действительно общим“ [1]). Далее он говорит: „Принимая во внимание концентрическое положение вокруг германских сил, которые мы имеем фронтом перед собой, наша общая операция должна увенчаться успехом, *если мы все хорошенько* будем содействовать конечной цели“ [2]).

Получив сведения об уходе германских сил на правый берег Марны, ген. Френч решает перейти в „энергичное“ наступление.

В результате этого решения английские корпуса к вечеру 8-го сентября, *осторожно двигаясь* в северном направлении и как бы цепляясь за естественные рубежи, занимают левый берег р. Морэна, выйдя передовыми частями на линию Вьель—Ла-Фертэ-су-Жуар.

Другими словами, ген. Френч выбрал такое направление для движения своих корпусов, где было почти пустое пространство, переложив на 5-ю французскую армию направление на Монмирай.

Эта до крайности безыскусная и вялая оперативная деятельность английского командования усугубляется еще тем, что в самый критический момент на фронте армии Монури ген. Френч настойчиво просил Жоффра о подкреплениях [3]).

Он писал о тяжелой обстановке, которая сложилась на его участке фронта.

Поверив этому, ген Жоффр выделяет 8-го сентября 8-ю дивизию из подвезенного для 6-й армии 4-го корпуса в распоряжение ген. Френча. В силу этого указанная дивизия не приняла участия ни в районе операции 6-й армии, ни на участке английской армии.

9-го сентября конница Марвица отошла на северный берег Марны [4]).

---

[1]) Телеграмма ген. Галлиени от 6-го сентября.

[2]) Тоже от 7-го сентября.

[3]) Ранее он просил подкреплений непосредственно у Галлиени, но тот остался безмолвным; так, например, в письме от 2-го сентября Галлиени писал Жоффру: „Маршал Френч просит у меня поддержки войсками из Парижского укрепленного лагеря. У меня создалось впечатление, что он отступит еще, не заботясь ни о Париже, ни о той задаче, которую бы возложили на него“.

[4]) Состояние немецкой конницы во время сражения на Марне и отхода от этой реки к Эну может быть охарактеризовано следующей радиотелеграммой командира II-го кавалерийского корпуса Марвица от 11-го сентября в 2 ч. 45 минут, адресованной Клуку: „Противника в Суассоне нет; каково положение? Куда мы идем? Я не способен к дальнейшим действиям, так как благодаря загромождению дорог вчерашний день был *четвертым,* в течение которого я не получал продовольствия ни для людей, ни для лошадей. У командира 9-й кавалерийской дивизии пало 167 лошадей от истощения. В случае перехода реки Эна, необходимо сменить нас пехотой“.

Положение 1-го конного корпуса по состоянию конского состава и утомлению людей было аналогичным II-му кавал. корпусу.

Английская армия медлит с дальнейшим наступлением, ее левый фланг остается как бы прикованным к устью М. Морэна, а правый фланг с той же вялостью выходит к левому берегу Марны в районе Шато-Тьери.

Таким образом, к концу 9-го сентября, т.-е. за четыре дня наступления, армия Френча не только не сумела облегчить положение своих соседей (особенно 6-й армии—ударом во фланг и тыл I-й германской армии, оперировавшей на правом берегу Урка), но и не нанесла никакого ущерба находившейся перед ней германской коннице, как и не облегчила положения своего правого соседа—5-й французской армии.

К моменту отхода I-й германской армии на север к р. Эн английская армия расположилась у прочного естественного рубежа р. Марны на участке Ла-Фертэ-су-Жуар—Шато-Тьери.

Операции 5-й французской армии ген. Франше д'Эсперэ.

Согласно директивы Жоффра, 5-й армии была поставлена задача после занятия линии Куртасон — Эстернэ — Сезанн вести наступление в общем направлении на север.

Выполняя данную директиву, командарм 5-й ставит задачей выход армии к М. Морэну с овладением Монмирайлем.

Утром 6-го сентября 5-я французская армия с приданным ей кавкорпусом ген. Конно переходит в контр-наступление. К этому времени на левом берегу Б. Морэна против ген. Франше д'Эсперэ действовали III-й и IX-й корпуса I-й германской армии, VII-й и X-й резервные корпуса (правофланговые) II-й германской армии, которые вели энергичное наступление в южном направлении.

Завязались упорные встречные бои.

После ожесточенного боя Эстернэ занято французами. 5-й армии удается выйти на линию Куртасон—Сезанн.

Наступает тяжелый для обеих сторон день 7-го сентября.

Согласно приказания командарма I-й Клука III-й и IX-й корпуса уходят на север в район Урка.

По просьбе ген. Бюлова, 6-го сентября ген. Клук согласился после ухода II-го и IV-го корпусов передать во временное подчинение II-й армии свои III-й и IX-й корпуса в виду их большой удаленности от нового района действий I-й армии (р. Урк).

В 23 часа 6-го сентября Бюлов отдает приказ: „Завтра 7-го наступление II-й армии продолжается с участием III-го и IX-го корпусов I-й армии. IX-му корпусу продолжать атаку на рассвете. III-му корпусу — обеспечить охрану фланга II-й армии“.

Но обстановка в районе действий IV-го резервного корпуса становилась все более серьезной. Это заставляет ген.

Клука, в разрез данному согласию о подчинении своих двух корпусов ген. Бюлову, в 22 часа 6-го сентября отдать следующий приказ: „III-му и IX-му корпусам расположиться к северу от М. Морэна на линии Монмирай, где прикрывать западный фланг II-й армии, наступающей к югу".

III-й и IX-й корпуса, получив один за другим два противоречивых приказа, выполнили приказ своего командарма Клука и стали подниматься к северу. Разрыв между двумя армиями начинал открываться.

На правом фланге армии Бюлова остается только конница Марвица и Рихтгофена. Несмотря на это, ген. Бюлов продолжает энергичное движение на юг и яростно атакует левый фланг 9-й французской армии Фоша.

Он стремится ударом на стык в районе Шарлевиль—С.-При нарушить взаимодействие этих двух французских армий.

Центр тяжести боевых действий переходит на правый фланг 5-й французской армии, в то время как левый фланг (два корпуса) ведет упорные бои за обладание Монмирайлем.

Учитывая создавшуюся обстановку, командарм 5-й отдает частям армии приказ о поддержке 9-й французской армии в районе С.-При. В этот район направляются 1-й и 10-й корпуса.

Но 35—40-километровый разрыв между I-й и II-й германскими армиями, хотя и заполненный конницей II-го и I-го кавкорпусов, дает о себе знать. Английская армия, хотя и медленно, но теснит конницу; в силу этого, совершенно обнажается правый фланг Бюлова.

Обстановка на фронте последнего становится весьма рискованной, а в силу успешных действий 5-й и 9-й французских армий к 8-му сентября—безвыходной.

18-й и 3-й французские корпуса, несмотря на сильное сопротивление немцев, штурмуют и занимают Монмирай. Продвигаясь к М. Морэну и отбросив на север VII-й и X-й резервный корпуса, 1-й и 10-й французские корпуса, облегчив положение 9-й французской армии Фоша, занимают Вошан.

Таким образом, правый фланг и центр I-й германской армии опрокинут; прикрываясь конницей Марвица и Рихтгофена, под непрерывным давлением частей 5-й французской армии, она принуждена отходить на север к Марне.

В ночь с 9-го на 10-е сентября, согласно приказания главного командования, командарм Бюлов начинает общее отступление на север к р. Эну.

Операция 9-й французской армии.

9-я французская армия Фоша, к началу Марнского сражения, развернулась на фронте Сезанн — Сомсу. Эта армия была еще молодым армейским организмом. Как известно, ее состав образовался после реорганизации 3-й и 4-й французских армий.

С этими войсками она отходила за Марну, с ними же ей пришлось вести бои, выполняя директиву Жоффра.

Фошу поставлена ответственная задача: „Прикрывать правый фланг 5-й французской армии и удержать во что бы то ни стало проходы С.-Гондских болот“, т.-е. быть прочным звеном в центре 300-километрового фронта союзных армий.

Желая выйти из рамок оборонительных действий, поставленных директивой, и не ожидать, когда атакует его армию противник, а самому перейти в наступление и тем взять инициативу в свои руки, Фош на утро 6-го сентября ставит следующую задачу частям своей армии:

1. 42-й и Марокканской дивизиям выступить из района С.-При—занять Вошан.

2. 9-му корпусу атаковать противника севернее С.-Гондских болот в направлении Шампобер.

3. 11-му корпусу действовать в районе стыка между II-й и III-й германскими армиями.

4. 52-й и 60-й резервным дивизиям быть в армейском резерве за центром.

6-го и 7-го сентября завязываются встречные бои в районе Шарлевиля — С.-При и С.-Гондских болот. Левофланговые корпуса, Х-й и гвардейский, II-й армии Бюлова и правофланговый XII-й корпус III-й армии Гаузена проявляют максимальную настойчивость. В силу этого энергичного натиска и неоднократных контр-атак, части 9-й армии принуждены не только прекратить наступление, но и потерять С.-При и Сомсу. Создавшаяся обстановка заставляет Фоша просить содействия у своего соседа командарма 5-й.

8-го сентября бой продолжается. Мы уже знаем, что направленные ген. Франше д'Эсперэ 1-й и 10-й корпуса восстановили ле ый фланг 9-й французской армии у С.-При.

Положение Фоша попрежнему остается весьма тяжелым, он ободряет войска, говоря им, что „если противник начал проявлять такую ярость, стараясь во что бы то ни стало сломать наш фронт, значит, в других местах дела у него идут плохо“.

И, несмотря на то, что 8-го сентября противник занимает Сомсу и Майе и обходит в силу потери связи с 4-й французской армией правый фланг Фоша, последний не теряет бодрости.

Первые слова его приказа о контр-атаке на 9-е сентября гласят: „Положение превосходно, приказываю снова начать энергичное наступление. Предстоит разыграть сложный маневр в районе С.-Гондских болот и Мондемонского замка“.

Генералу Фошу хорошо известен этот район, он знает, что Мармон не решился подступить к этим болотам, а На-

полеон 10-го февраля 1814 года проходит через них и выигрывает сражение при Шампобере [1]).

Сущность этого смелого маневра заключалась в следующем: необходимо было противника, прорвавшегося в стык между 9-й и 4-й армиями, не только отбросить к северу, но и пропустить его через С.-Гондские болота.

Для этого:

1) 42-я дивизия атакует германский гвардейский корпус в Фер-Шампенуаз со стороны Мондемонского замка, в то время как 9-й корпус будет наступать восточнее Фер-Шампенуаза, держа связь с 11-м корпусом.

2) 11-й корпус наступает на Сомсу, и остальные части армии содействуют фланговой атаке.

10-е сентября является замечательным днем в оперативной работе 9-й армии.

Приказ точно выполнен войсками.

Германские части откатываются к северу. При чем опрокинутый в С.-Гондские болота немецкий гвардейский корпус теряет почти всю артиллерию и оставляет на месте более 8.000 человек. К вечеру 10-го сентября 9-я французская армия выходит за линию Шампобер - Вертю—Витри. В это время II-я германская армия Бюлова уже очистила поле боя, а корпуса III-й германской армии, свернувшись в колонны, также уходили к Эну, выполняя директиву главного командования.

Операция 4-й и 3-й французских армий.

К вечеру 5-го сентября 4-я французская армия ген. Лангля-де-Кари в составе четырех корпусов (17-го, 12-го, 2-го, Колониального) развернулась на линии Эмбовиль—Сермез.

К этому же времени к востоку от нее в районе Аргоннских гор и у Вердена расположилась 3-я армия ген. Сарайля на фронте Сомейе — Нюбекур — Суйи — форт Тройон, в составе 5-го и 6-го корпусов (из 6-го корпуса одна только дивизия), трех резервных дивизий и 7-й кавалерийской дивизии.

Против этих двух французских армий в тесном соприкосновении находились IV-я германская армия герцога Вюртембергского (VIII-й, XVIII-й, VIII-й резервный, XVIII-й резервный корпуса) и V-я кронпринца германского в составе VI-го, XIII-го, XVI-го, V-го, V-го и VI-го резервных корпусов.

Таким образом, и на этом 105-километровом участке фронта, прорезанном шестью значительными речными рубежами, столкнулись громадные силы противников в 15 кор-

---

[1]) Конечно, если Фош и выиграл бой 10-го сентября, то это не потому, что он теоретически ранее мог изучить этот район и действия его предшественников (см. его „Principes de la guerre“), ибо ясно: *„люди самых обыкновенных способностей могут изучить и говорить об основах военного искусства“*, но это еще не значит, что они в состоянии эти основы претворить в нужный момент в жизнь. *В. М.*

пусов и 4 дивизии, которые были также одушевлены скорейшим достижением победы на фронте от Парижа до Вердена.

На этом участке от верхней Марны до Мааса развернулась целая серия встречных столкновений, весьма поучительных как по оперативному замыслу сторон, так и по тактическому их разрешению.

Задача, поставленная директивой Жоффра для 3-й и 4-й французских армий, была *сложной*, она кратко указывала атаковать противника в западном направлении, когда выявится благополучный результат наступления левофланговых армий. Такой неопределенный характер директивы требовал от командования правого крыла стратегического фронта союзников максимального напряжения по установлению полнейшей связи с соседями (левое крыло и центр), а также непрерывного (изо дня в день) пребывания в курсе всей стратегической обстановки на этом громадном боевом фронте, чтобы уметь своевременно нанести удар в направлении, указанном директивой главкома.

Как I-я, II-я, III-я германские армии, захватив инициативу в свои руки, продолжали стремительное движение на юг, так и IV-я и V-я армии немцев, равняясь по своим соседям, продолжали к началу сражения на Марне (6-го сентября) вести ожесточенные атаки на части противника, преграждавшие им путь к дальнейшему движению.

День 6-го сентября прошел для 4-й французской армии сравнительно спокойно, армия удачно отразила атаку XVIII-го германского корпуса у Сермеза.

Но в этот же день в районе 3-й французской армии происходило следующее:

Учитывая свое выгодное положение (правый фланг находился в тесном соприкосновении с сильным крепостным районом Вердена), ген. Сарайль решил наступлением частей своего правого фланга атаковать и тем охватить левый фланг V-й германской армии в районе между Верденом и р. Эн.

Для выполнения задуманного плана ген. Сарайлем на 6-е сентября были отданы следующие распоряжения:

1. 1-я бригада 5-го корпуса демонструирует и обеспечивает наступление частей правого фланга действиями в районе Сомейе.

2. Правый фланг 3-й армии в составе шести дивизий, при содействии войск, находящихся в районе Вердена, атакует противника между Трионкуром и Верденом.

Надо заметить, что идея этого маневра появилась не только потому, что ген. Сарайль хотел проявить инициативу, вопреки директивы главнокомандующего, которая ставила армии задачу выжидательного характера, но и благодаря

тому, что на левом фланге 3-й французской армии положение было уже весьма тяжелым в силу прорыва немцев и их одновременного удара (VI-го и V-го рез. корпусов) в направлении Бар-ле-Дюк, стремясь этим маневром на стык разобщить 4-ю и 3-ю французские армии.

Таким образом, ген. Сарайль, отдавая это распоряжение, проявляет разумную инициативу и на охват немцев в районе Бар-ле-Дюк сам желает ответить охватом последних в районе Юбекур.

Весь день 6-го на фронте 3-й армии идут упорные бои. XIII-й и XVI-й германские корпуса с замечательной стойкостью удерживают натиск шести дивизий французов, и в то время, как части 5-го французского корпуса уже отброшены за р. Орнэн, положение Сарайля делается еще более тяжелым.

В тех трудах, коими пользовались мы для изложения данной операции, мы не нашли ответа, учел ли ген. Сарайль, приступая к выполнению своего плана, то, что мог приготовить ему противник. Но мы полагаем, что он этого не учитывал, т. к. удачное завершениео перации 6-го сентября на его правом фланге поставило бы армию перед дилеммой принять бой с перевернутым фронтом. Ибо план германского наступления в этом районе, как говорит В. Ф. Новицкий, заключался в нанесении удара по левому флангу Сарайля с тем, чтобы разобщить его армию от 4-й французской и оттеснить ее к р. Маасу, в то время как войска V-го германского корпуса, направленные из-под Меца к Вердену, должны были угрожать тылу французских войск с правого берега Мааса от Тройона или С.-Миеля.

День 7-го и 8-го сентября проходит в упорных боях на фронте 4-й и 3-й французских армий.

2-й французский корпус 4-й армии, под напором двух немецких корпусов, отброшен за р. Соль к Шоминону; под давлением XII-го резервного и XIX-го корпусов III-й германской армии 17-й французский корпус отходит от Сомпюи к югу. На левом фланге III-й французской армии дела попрежнему весьма плохи, но центр и правый фланг ее продолжают упорно отстаивать свои позиции.

Германские атаки по всему фронту не прекращаются. Шоминон уже занят противником. Левый фланг 4-й армии отступил к Эмбовилю [1]).

---

[1]) Западнее Вердена основная цель германского наступления заключалась в том, чтобы прорваться к С.-Дизье и тем облегчить VI-й и VII-й армиям выйти на фронт Нанси—Эпиналь. Восточнее Вердена также шли ожесточенные атаки на форт Тройон и знаменитый Шармский проход (между Нанси и Эпиналь). В результате этих боев к 9-му сентября немцам удалось почти разрушить ф. Тройон, захватить Понт-а-Муссон, потеснить 2-ю французскую армию к Нанси, а 1-ю задержать сильными боями на р. Мортань.

Германская тяжелая артиллерия бомбардирует форт Тройон с целью открыть путь для немецкого удара в тыл армии Сарайля. Последний, чтобы отвлечь внимание противника и тем выиграть время, бросает сюда 7-ю кавалерийскую дивизию. Этот тактический прием имел стратегический результат и успех (кавалерия была принята немцами, как подход новых сил к армии Сарайля).

В общем, к вечеру 8-го сентября положение на фронте 4-й и 3 й французских армий было настолько затруднительным, а атаки немецких армий настолько ожесточенными, что все внимание командующих 4-й и 3-й французских армий было сосредоточено на парировании непрерывных ударов со стороны противника.

Задуманные „Канны“ ген. Жоффра оказались неосуществимыми, так как стратегическое положение на правом фланге союзников не имело той благоприятной обстановки, чтобы „выждать успешного наступления 6-й, английской, 5-й и 9-й французских армий и затем уже атаковать противника в западном направлении“, как говорила директива Жоффра перед Марнским сражением.

Это понял французский главнокомандующий, и он разрешает командарму 3-й отходить на юг, не обращая внимания, что оставленный Верден будет обложен немецкими войсками и подвергнется той же участи, что Льеж и Намюр.

Но Сарайль и слышать не хочет о потере тактической связи с крепостью, он решил бороться до последней возможности.

Но вот наступает для германской армии день 9-го сентября. Немецкие командармы уже получили приказ об общем отходе. В их штабах уже началась усиленная деятельность, но уже не по разработке дальнейшего наступательного плана, а по выводу частей из боя. Отданы предварительные распоряжения, войска приступают к их выполнению.

Как известно, умение хорошо организовать отступление— умение крайне ценное и по своему значению не уступает умению хорошо организовать наступление.

Атаки в районе Витри-ле-Франсуа затихают, и здесь войска переходят к обороне. К правому флангу союзных армий идут подкрепления: пришла 13-я дивизия, которая совместно с 17-м корпусом берет обратно Сомпюи, 2-й корпус и прибывший новый 15-й корпус атакуют район Сермез— Ревиньи и отбрасывают немцев к Сомейе.

Основное выполнено. Нарушенное равновесие между флангами 9-й, 4-й и 3-й армий восстановлено.

Наступательный порыв германских войск окончательно сорван. 10-го сентября V-я и VI-я немецкие армии отошли на север, инициатива действий и на этом 105-километровом фронте также передана французским армиям.

Роль подполковника Хенча в операциях I-й, II-й и III-й германских армий.

При разборе оперативной работы главного немецкого командования перед сражением на Марне мы упоминали имя подполковника Хенча, который, прибыв в 12 часов 5-го сентября в штаб I-й армии, передал ген. Клуку директиву от ген. Мольтке, в коей последний приказывал I-й армии встать между Уазой и Марной.

Эта директива ген. Клуком выполнена не была. Хенч уехал обратно в Люксембург, но через несколько дней опять вернулся на фронт.

Последний его приказ был решающим для дальнейших операций германских армий. Приказ об общем отступлении был передан подполковником Хенчем от имени главного немецкого командования.

Учитывая, что имя Хенча тесно связано с Марнским сражением и что эта поездка дает много поучительных моментов из оперативной деятельности командующих германскими армиями, постараемся кратко выявить ту роль, которую сыграл Хенч в операции трех правофланговых немецких армий.

8-го сентября Хенч получил приказание от ген. Мольтке отправиться в автомобиле в V-ю, IV-ю, III-ю, II-ю и I-ю армии и привезти точные данные об этих армиях. Кроме того, ему разрешалось от имени Мольтке отдать распоряжение, которое он найдет нужным, в соответствии с сложившейся к его приезду обстановкой на фронте.

Последнее положение для германской армии являлось вполне нормальным. По установившейся традиции, офицер генерального штаба, посылаемый в войска для связи, являлся не только передатчиком приказаний, но также, будучи ориентирован в намерениях командования, имел право развить или видоизменить данное приказание именем главнокомандующего [1]).

Подполковник Хенч начал свой объезд с левофлангового крыла армий на фронте Верден—Париж. 8-го сентября он побывал в V-й, IV-й и III-й армиях. Здесь он увидел, что положение их благоприятно и операции развиваются нормально. Мы знаем, что к этому времени все корпуса I-й армии были уже переброшены в район Урка, а поэтому, прибыв в штаб II-й армии, он нашел его в следующем состоянии:

„Я всесторонне обсудил положение дел с генералом Бюловым и его начальником штаба ген. Лаунштейном вечером 8-го сентября в замке Монмор. Мы взвесили все возможности для того, чтобы избежать отступления; настроение в штабе армии было спокойное и уверенное. 9-го сентября в 5 час. 30 мин. утра я снова ознакомился с положением дел совместно с ген. Лаунштейном по донесениям

---

[1]) Подробно см. труд Руссета „Le haut commandement allemand en 1870 71“. (Германское высшее командование в 1870—71 г.г.)

поступившим в течение ночи. После того, как I-я армия перебросила III-й и IX-й корпуса с Марны на свой правый фланг, не могло быть никакого другого решения, как только немедленно отойти за Марну. Там, за Марной, армия могла и должна была остановиться. Основным условием для выполнения этого являлось, однако, обеспечение I-й армией правого фланга II-й и воспрепятствование англичанам перейти Марну к западу II-й армии".

Мы уже знаем, что 9-го сентября английская армия вышла на правый берег Марны. Бывший между 5-й армией и англичанами для связи 2-й кавалерийский корпус Конно к этому времени был в районе Шато-Тьери. Кроме того разрыв от 35 до 40 километров, образовавшийся между I-й и II-й германскими армиями на южном берегу Б. Морэна, поставил последнюю в положение обойденной с правого фланга частями 5-й французской армии, а I-я армия всеми силами боролась на правом берегу Урка (к востоку от Парижа.)

Поэтому II-я армия вряд ли при такой обстановке могла удержаться на Марне, а I-я армия обеспечить ее правый фланг со стороны англичан и 5-й французской армии.

Помимо всего сказанного, II-я армия в период 8-го и 9-го сентября вела главную операцию на своем левом фланге. В связи с уходом III-го и IX-го корпусов I-й армии и наметившимся разрывом, настроение ген. Бюлова было крайне удрученным. А энергичное наступление корпусов 5-й французской армии окончательно надломило психику этого 68-летнего старика-командарма, и ген. Бюлов уже решил отходить всей армией на север.

„Оставаясь верным привычкам командования, приобретенным на императорских маневрах, он проводил время в разъездах в тылу фронта; во время своих прогулок он получал впечатления мало приятные, которые он сейчас же превращал, пожалуй слишком поспешно, в решения и приказы" [1]). А тылы были в это время в весьма тяжелом положении. Появились уже признаки паники в тылу фронта, а, как говорит Хенч, этот беспорядок в тылу заставил его проделать 90-километровое расстояние между штабом II-й армии (Монмар) и I-й армии (Марей) в 7 часов, т.-е. по 15 километров в час.

„Я не знаю, продолжает Хенч, какой обмен сведениями и намерениями произошел между I-й и II-й армиями во время моего переезда. Во всяком случае, ген. Куль встретил меня на улице селения следующими словами: „Хорошо. но если II-я армия отойдет, то мы не можем остаться здесь". Следовательно, намерения II-й армии в это время, около 12 ч. 30 м. дня 9 сентября, были уже известны I-й армии" [2]).

„Положение I-й армии, около полудня 9 сентября, было таково, что левое ее крыло уже получило приказание отойти на линию Круи—

---

[1]) Пюжан, „Разрыв между армиями Клука и Бюлова". Revue militaire française № 17, 1922 года.

[2]) Как известно, Бюлов сообщил о своем отступлении в I-ю армию по радио.

Куломье. Следовательно, теперь исключалась всякая возможность для II-й армии удерживать линию Марны, она должна отойти далее, если только англичане не обойдут ее фланга и не зайдут ей в тыл, что должно было произойти не позже 10-го сентября".

„На мой вопрос, не может ли II-я армия рассчитывать на немедленную поддержку, я получил отрицательный ответ, мотивированный положением левого фланга.

Затем ген. Куль сказал, что положение правого фланга благоприятно: IV-й и IX-й корпуса атакуют и имеют шансы на успех. Кроме этого, пока ничего не известно".

„Однако, я знаю наверное, что в это самое время было получено донесение IV-го корпуса, что он не может выполнить атаки, потому что сам атакован значительными силами. Я знаю также, что когда я спросил ген. Куля, не будет ли I-я армия в состоянии на следующий день (10 го сентября) всеми своими силами поддерживать II-ю армию, если ей удастся 9-го нанести поражение противнику, находящемуся перед ней, то это было признано невозможным, в виду положения, в котором находилась армия".

А положение последней после стольких испытаний было весьма неутешительным, и сам Клук [1]) говорит, что *дивизии и бригады перемешались, огнеприпасов и продовольствия нехватало, части утомились от боев и маршей и т. д.*

В силу указанного, Хенч считал, что продолжать дальнейшие активные операции значило отдать армии на волю случая.

Таким образом, выход один—считать сражения к югу от Марны неудачными, прекратить активные действия и всем пяти армиям совместно отойти:

„V-й и IV-й, содействуя друг другу, на Клермон (в Аргоннах) и к Вердену; III-й—к северу от Шалона; I-й—отойти на Суассон—Фэран-Тардену, возможно и далее до линии Лаон—Ла-Фер.

В районе С.-Кентэна в ближайшее время должна собраться новая армия, лишь тогда возможна и новая операция.

Ген. Куль заметил, что I-я армия в разгаре боевых действий, а поэтому отступление сейчас крайне опасное предприятие, в виду сильного утомления и перемешанности войск.

На это подполковник Хенч заметил, что в настоящих условиях другого выхода нет, что он получил от главного командования указанные полномочия и что все армии должны выполнить отход. При этом подполковник Хенч провел на карте ген. Куля линию, куда должны во что бы то ни стало отойти все пять армий.

После этого подполковник Хенч уехал обратно в Люксембург, и армии отошли на север к р. Эн.

Таким образом, второй приезд на фронт Хенча в роли официального представителя главного немецкого командования должен был иметь решающее влияние на характер дальнейших операций. Совокупность неблагоприятных обстоятельств, сложившихся для германских армий, требо-

---

[1]) 123 страница его труда.

вала от Хенча принятия определенного решения. Из чего же складывались эти обстоятельства. Мы полагаем так:

1. Главная квартира, находясь в Люксембурге (200—225 клм.), не могла руководить армиями.

2. Действующие армии лишились управления свыше и оперировали вразброд, передача радиограмм требовала от 8 до 12 часов.

Командование тремя армиями правого фланга объединено не было, как и не было организовано промежуточного пункта для сбора донесений и отдачи приказаний между главной ставкой и наступающими армиями, особенно армиями правого крыла.

В период генерального сражения это равносильно полному отсутствию связи главного командования с его армиями.

3. Две правофланговых армии (I-я, II-я) утомлены боями, их командование действует каждое по своему усмотрению; вместо тесного боевого взаимодействия громадный разрыв и полное отсутствие оперативной связи.

Армии не имеют необходимых припасов для ведения боя. Тылы не в порядке, части перемешаны. Противник энергично наступает и теснит части правого фланга и центра стратегического фронта.

4. V-я немецкая армия задержана французами у Вердена, VI-я и VII-я продолжают бороться на линии Нанси—Эпиналь.

Отсюда решение, принятое подполковником Хенчем, было *вполне целесообразным*, ибо вести дальнейшие операции с обойденными флангами, с прорванным центром, с неприятельской конницей в тылу, без огнеприпасов, без устроенной линии сообщений, без надежды на скорое подкрепление [1]) и т. д., при обстановке, когда противник собрал все свои силы и ведет решительную операцию,—значит поставить вопрос уже не о планомерном отходе, а о дальнейшем разгроме своих же армий.

На подполковника Хенча много было несправедливых нареканий за принятое им весьма своевременное и умное решение. Но, видно, уж такова судьба людей, когда они решительно действуют в период кризиса и приносят не эффектные и радостные моменты, а горькую действительность, созданную усилиями других.

Для того, чтобы закончить рассмотрение значения оперативных распоряжений Хенча и его роль в Марнском сражении, мы приведем здесь полный текст приказа по германским армиям за № 2229 от 24-го мая 1917 года [2]).

---

[1]) Как известно, на р. Эн VII-й резервный корпус подошел из-под Мобежа лишь 13-го сентября, а за ним XV-й из Эльзаса, таким образом, к моменту решительных боев на Марне они не поспели, а других подкреплений не было.

[2]) См. Militär Wochenblatt от 18/IX 1920 г.

„Полковник Хенч, в то время подполковник и начальник отделения главной квартиры германских армий, 8-го сентября 1914 г. получил устное приказание от начальника штаба верховного главнокомандующего (ген. Мольтке) отправиться в автомобиле в V-ю, IV-ю, III-ю, II-ю и I-ю армии (путь протяжением до 600 клм.) и привезти точные сведения о том, что делается в армиях. В случае, если бы отступательное движение на правом фланге уже началось, Хенчу было указано направить его так, чтобы разрыв между I-й и II-й армиями мог быть заполнен, для чего I-я армия, если будет возможно, должна быть направлена к Суассону.

Подполковник Хенч был уполномочен, при наличии особых обстоятельств, дать обязательные к исполнению указания именем верховного командования.

8-го сентября 1914 г. он посетил штабы V-й, IV-й, III-й армий и в ночь с 8-го на 9-е был в штабе II-й армии. Командующий этой последней уже принял самостоятельное решение отойти за Марну рано утром 9-го.

Полковник Хенч согласился с этим решением и уехал в I-ю армию.

Там после обсуждения обстановки с начальником штаба, после полудня 9-го, он, ссылаясь на данное ему полномочие, отдал от имени верховного командования приказ об отступлении. Он считал себя вправе сделать это, потому что то обстоятельство которое было ему указано, как повод для общего отступления, именно уже начавшийся отход, было теперь налицо.

Действительно ли решение командующего II-й армией и приказание полковника Хенча, отданное им в штабе I-й армии, об отступлении вызывалось обстановкой — это должно быть выяснено будущими историческими исследованиями.

Полковник Хенч лично не заслуживает никакого упрека за то, что он превысил свои полномочия. Он поступил в полном согласии с указаниями, данными ему начальником штаба верховного главнокомандующего.

Я считаю необходимым, чтобы это заключение было сообщено во все штабы, до дивизионного включительно.

Людендорф".

Здесь же мы укажем на один из интересных фактов работы главного немецкого командования.

После отъезда подполковника Хенча в Люксембург, в первый раз за пятидневное сражение на Марне и в первый раз за все операции от начала развертывания на границе и до Марны, 11-го сентября в город Реймс приезжает ген. Мольтке. Как известно, кроме Хенча, за все время из главной квартиры на фронт действующих армий никто не выезжал. Отсюда, немецкие армии были предоставлены сами себе, и живое общение, столь полезное на войне, было заменено сухими директивными распоряжениями, к тому же часто устаревшими, в силу быстрого развития операции и изменений в боевой обстановке.

В Реймсе ген. Мольтке встретился с командующим II-й германской армии ген. Бюловым. На месте он увидел всю безотрадность положения германских армий. Хенч, отдавший приказ об отступлении правофланговых армий, остался прав. И генералу Мольтке теперь оставалось уточнить линию отхода для трех левофланговых, т.-е. III-й,

IV-й и V-й, армий. Он приказывает III-й армии отойти на линию Тюизи—Сюипп; IV-й—на линию Сюипп—С.-Менегу; V-й—от С.-Менегу к востоку.

Это был последний приказ ген. Мольтке. На другой день, 12-го сентября, он был уволен в отставку.

Временно, до вступления (14-го сентября) военного министра ген. Фалькенгайна на пост начальника штаба главного командования, за ген. Мольтке оставался ген. Штейн (1-й генерал-квартирмейстер ставки).

Германские армии отходили к р. Эн и к 16-му сентября расположились, как показано на схеме № 4.

Здесь разыгрались новые ожесточенные бои, после которых этот участок фронта замер и окаменел, положив начало новому, позиционному периоду войны, с его многочисленными прочными фортификационными укреплениями и железо-бетонными постройками, с колоссальным количеством технических средств.

Динамика маневра уступила место статике с накоплением потенциальной энергии.

Сражение закончено. „Чудо на Марне“ совершилось.

Марш-маневр правого крыла германских армий представлял собой гигантскую машину, бесперебойно работавшую до Марны.

Но эта машина не выдержала данной ей нагрузки. Уставшие винты развинтились, и до этого плавно работавший механизм заскрипел со всей силой. Приводные ремни оборвались, и с сильно надтреснутой конструкцией эту маневренную машину пришлось отвести в ремонт на р. Эн.

Для преследования германских войск *у союзных армий* не оказалось ни сил, ни стремительного Блюхера.

12-го сентября англо-французские войска получили приказ Жоффра:

Общий приказ № 15.

11 сентября 1914 г.

Сражение, длящееся уже 5 дней, заканчивается несомненной победой. Отступление 1-й, II-й и III-й германских армий перед нашим левым крылом и центром ускоряется. IV-я армия противника, в свою очередь, начинает отход к северу от Витри и Сермез.

Всюду противник оставляет многочисленных раненых и большое количество огнеприпасов.

Всюду захватывают пленных.

Выигрывая пространство, наши войска находят следы интенсивности борьбы и серьезности тех средств, которые немцы выставили, чтобы попробовать сопротивляться нашему порыву.

Решительное возобновление наступления закрепило успех.

Жоффр.

15-го сентября начальником штаба верховного главнокомандования германских армий был назначен ген. Фалькенгайн, который сохранил эту должность в течение 2-х лет, а в августе 1916 года передал ее дуумвирату Гинденбург—Людендорф.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Выводы.

На протяжении всей работы мы старались после описания и анализа каждого периода подвести итоги и сделать соответствующие выводы. А поэтому в заключении, для того, чтобы *не повторяться,* нам остается еще раз кратко оттенить те положительные и отрицательные моменты в вождении войск, которые наблюдались как в немецком, так и в англо-французском командовании.

Но, приступая к оценке сражения на Марне с точки зрения оперативной работы обеих сторон, нам приходится особо подчеркнуть, что данное грандиозное сражение безусловно является одним из величайших в военной истории, как по числу столкнувшихся в нем миллионных масс, так и по длительности боев (5 суток) и размеру территории поля сражения (около 300 километров).

Кроме того, оно является весьма поучительным в силу тех крупнейших стратегических ошибок, которые допустили с начала развертывания и до генерального сражения обе стороны, благодаря чему это замечательное сражение и превратилось в так называемое „Чудо на Марне". Будучи крайне энергичным по выполнению, оно фактически дало весьма скромные оперативные результаты и поэтому не решило участи всей кампании.

Положительные и отрицательные стороны в оперативной работе германского и союзного командования могут быть охарактеризованы следующим образом:

1.

Ошибки, допущенные в способах управления армией со стороны Мольтке - старшего в франко-прусскую войну 1870—71 г.г., где, по словам самого же Мольтке, „армия совершила маневр по собственной инициативе", не были детально изучены и учтены.

В силу этого эти ошибки повторились и в 1914 году у Мольтке-младшего, но в более резкой форме по причинам вполне понятным (массовые армии + развившаяся техника + организация тыла = сложности управления).

Фактически, как война 1870—71 г.г. была одним непрерывным походом на Париж, так и в 1914 году движение к

французской столице было таким же одним походом с той лишь разницей, что марш-маневр в 1914 году принял более стремительный характер.

И мы видели, как с переходом франко-бельгийской границы масса германских войск была предоставлена сама себе и этот стремительный поток несся к Парижу уже самостоятельно, лишь изредка получая запоздалые директивы главного командования.

Отсюда, как в войну 1870—71 г.г., так особенно в 1914 году, вожжи управления главного немецкого командования, вместо того, чтобы быть натянутыми до предела, на самом деле беспомощно волочились по земле.

2.

Как мы уже говорили вначале, оперативное творчество Шлиффена создало целую школу последователей его учения.

Кратко это учение складывалось из следующих основных моментов:

а) Германия принуждена будет сражаться на многих фронтах, поэтому система небольших успехов и требование экономии сил с началом войны отпадают. Надо научиться решаться только на большие и окончательные успехи.

б) Необходимо создание для противника нового Седана не только на французском фронте, но такой же Седан нужен и на востоке (Россия). В виду невозможности разгромить живую силу врага одновременно на двух фронтах, надо сперва покончить с Францией, а затем с Россией.

в) Каждая из этих двух больших кампаний должна заканчиваться уничтожающим сражением, которое кончает все военные действия на данном фронте, освобождая силы для другого.

Ген. Мольтке был учеником Шлиффена. В критическом описании своей последней полевой поездки до мировой войны в качестве начальника генерального штаба он пишет [1]):

„Никакие данные опыта военной истории не дают нам оснований судить о том, в какую форму выльются столкновения таких масс, каковыми являются наши армии и армии наших противников [2]). Но из неясности, в которой мы находимся в отношении кровавых действий будущей войны, ясно вытекает лишь следующее: *главная операция должна иметь решающее значение*“.

Данная мысль весьма характерна для Мольтке, как полководца. Он прав, что опыт военной истории никогда не рассчиты-

---

[1]) К. Майер, „Германская военная доктрина и мировая война“.

[2]) Несколько другое мнение относительно значения военной истории мы находим у Шлиффена, см. эпиграф на 1-й стр. нашего труда.

вал и не мог претендовать на *точный прогноз того*, какой будет будущая война. Ибо для того, чтобы определить хотя бы канву будущей войны, необходимо, помимо хорошего знания военной истории, еще тщательное, непрерывное и всестороннее изучение состояния военного дела в период мирного времени как у себя, так и в других армиях.

Но, будучи последователем шлиффеновского оперативного искусства, ген. Мольтке также стоял за разрешение хода событий на Западном фронте посредством одного уничтожающего удара. И разница лишь в том, что организацию этого удара он весьма сильно исказил и видоизменил по сравнению с тем, чему учил и что оставил ему в наследство Шлиффен.

А это еще раз говорит о том, что значение опыта прошлого (хотя бы вопросы управления в войну 1870—71 г.г.) и теории военного дела для *практической деятельности*, конечно, не следует преувеличивать, но и недооценивать и плохо изучать их также не менее вредно.

3.

Ошибки, допущенные немецким главным командованием с момента стратегического развертывания его армий и до Марнского сражения, помимо большого оперативного интереса, имеют и большое практическое значение для будущего.

После блестяще проведенной мобилизации и стратегического сосредоточения к границе Бельгии и Франции немецкие армии бурным потоком вторглись на бельгийскую территорию.

Главная германская квартира, находясь в Кобленце, имела полную возможность бесперебойно руководить операциями правого ударного крыла трех германских армий.

Но быстрое падение крепостей Льежа и Намюра и стремительное развитие марша I-й и II-й германских армий по территории Бельгии, а отсюда и удаление от Кобленца (удлинение телеграфной линии) заставляют Мольтке для большей оперативной увязки действий этих армий подчинить командарма 1-й Клука ген. Бюлову. Мы считаем, что *17-е августа*, т. е. день этого подчинения, явился началом раздора между этими командующими. 18-го и 22-го августа ген. Клук со свойственной ему энергией и быстротой в принятии оперативных решений пытается вырваться из тисков этого подчинения и выйти на поле самостоятельной деятельности, но командарм II-й Бюлов, напоминая о директиве главного командования, ограничивает эти попытки к самостоятельности.

Рознь между командармами, ведущими ответственнейшую операцию, увеличивается, и до 27-го августа[1]) ген. Клук

[1]) Директива Мольтке о выходе 1-й армии из подчинения II-й.

остается в открытой оппозиции к ген. Бюлову, а после 27-го включительно до конца Марнского сражения мы видели, что жесткое оперативное взаимодействие между этими командармами продолжало оставаться.

Последнего не мог не знать Мольтке хотя бы по тем донесениям, которые он получал от этих командующих.

И нам кажется, этот момент в самом начале должен был бы поднять в главной германской квартире вопрос о создании *единой группы* в составе I-й, II-й и III-й немецких армий под командованием одного лица, с непосредственным подчинением его главному командованию. Кроме того, создание такой группы освободило бы Мольтке от руководства *сразу* 8[1]) армиями, и создалась бы удобоуправляемость.

Подчинение же командармов, равных по положению, одного другому, хотя бы в оперативном отношении, с *самого начала* развития военных действий, являлось ни больше, ни меньше, как паллиативом, совершенно не разрешавшим *коренного вопроса* об удобоуправляемости правофланговой группой армий.

Отсутствие объединенного командования для I-й, II-й, III-й германских армий, образовывавших единый оперативный фронт, при постоянно плохой технической связи с этими армиями у Мольтке, было ошибкой главного немецкого командования, а эта ошибка, как уже известно, имела весьма существенное значение в период подхода этих армий к реке Марне и в период решающих боев на южном ее берегу.

4.

Выше мы много говорили, что искажение и отступление от плана Шлиффена со стороны Мольтке имело существенное значение для создания твердого стратегического пути наступления.

Желая добиться цели, поставленной оперативным планом Шлиффена, ген. Мольтке не дал нужных средств для ее осуществления.

Усиление левого крыла за счет правого, наносящего главный удар, *отправка двух корпусов* с решающего направления в самый ответственнейший период операций из правофланговой маневренной группы армий были серьезной ошибкой Мольтке.

При полном отсутствии стратегического резерва решение выделить силы с главного направления от Антверпена к Мецу и в Восточную Пруссию нельзя считать целесообразным. Обстановка скорее подсказывала (если уж было необходимо это выделение) произвести его с левого второстепенного фланга (VI-й и VII-й армий).

---

[1]) VIII-я на русском фронте.

И если бы это было так, то, вероятно, ген. Мольтке не нужно было бы думать 4-го сентября о переброске из Эльзаса VII-й армии в район Парижа, с целью образования из данной армии резерва уступом за правым ослабленным флангом фронта.

Конечно, трудно предугадать, чем бы кончилось наступление германских армий на Париж, если бы ген. Мольтке ближе держался подлинника оперативного плана Шлиффена. Но что план Шлиффена против Франции гарантировал больший успех, чем тот видоизмененный, который был у Мольтке, в этом нет сомнения.

Но вышли ли бы окончательно союзные армии из войны с захватом Парижа—это вопрос другого порядка, ибо для этого необходимо было бы произвести *полный разгром живой силы противника и по возможности в первые дни наступления.*

5.

Стремительное движение к цели с задачей найти живую силу противника и в „уничтожающем сражении“ решить участь компании, таков лейт-мотив оперативного плана Шлиффена. Командующие немецкими армиями и их начальники штабов, будучи воспитаны на этой шлиффеновской стратегической доктрине, еще задолго до войны знали сущность этого плана.

Наступающее правое крыло и центр стратегического германского фронта из пяти армий, имея точкой опоры район Меца, быстро двигаясь параллельными концентрическими путями, оставив за собой Бельгию и северные департаменты Франции, непрерывно гнали союзнические войска в южном направлении. Этот бурный поток, этот наступающий смерч был той грозной лавиной, которая сметала все на своем пути. Упустив случай сделать Седан для 5-й французской армии в излучине Самбры и Мааса, немецкие армии спешили к Марне и Сене или Мозелю, чтобы там покончить с противником.

Казалось, что, несмотря даже на разжижение шлиффеновского плана генералом Мольтке, основная идея Шлиффена близка к разрешению. Правое крыло, о котором так много любил говорить Шлиффен, вело решающую операцию и имело громадный успех.

I-я, II-я и III-я германские армии быстротой своих маршей полностью оправдали выводы из маневров 1909 года, где говорилось: *„Превосходство в способности к большим переходам для нас является средством победы, которое мы должны сохранить за собой во что бы то ни стало“.* Казалось, что подготовка войск в мирное время была прямо

пропорциональной тем 30—40 километрам марша в сутки, которые делали I-я и II я немецкие армии.

До первых чисел сентября ген. Мольтке, читая донесения с фронта, продолжает верить в успех. Но плохо учтенные ошибки в вопросах управления войсками в войну 1870—71 г.г. начинали давать себя чувствовать[1]). Чрезмерное проявление инициативы командармами и разрозненные их усилия, в силу жесткого оперативного взаимодействия друг с другом, отсутствие для них „мундштука" от главного командования, у которого к моменту завязки генерального сражения образовалось разжижение воли и которое все чаще и чаще начинало позволять своим командармам не повиноваться в основных вопросах оперативного руководства,— все это начинало создавать кризис управления.

6.

Но кризис управления достигает своей высоты, когда главное командование теряет связь со своим маневрирующим правым флангом.

Его основные директивы о перемене фронта наступления для I-й армии Клука и II-й Бюлова, как мы видели, не выполняются.

Главное командование продолжает находиться в Люксембурге, т.-е. более чем в 225 километрах от армий правого крыла. Телеграф и радио работают плохо; несмотря на

---

[1]) Мольтке старший, который являлся главным организатором наступления в войну 1870—71 г.г, изучая после войны процесс и результаты этого похода, пришел к выводу, что „его армия совершила поход по собственной инициативе".

Он сам осудил некоторые приемы в руководстве операциями. И, действительно, что мы видим в эту кампанию?

1) Сражение у Коломбей Нуильи (14-го августа) произошло по инициативе младшего начальства.

2) 17-го августа положение на фронте действующих армий для главного командования совершенно неясно, и вместо того, чтобы постараться проникнуть в него и выяснить создавшуюся обстановку, главное командование пишет I-й и II-й армиям: „Дальнейшие распоряжения его величества будут зависеть от действий врага".

3) 18-го августа завязывается сражение у Гравелот—С. Прива. Координирующего управления армиями со стороны Мольтке не было, а командарм II-й получает коротенькую директиву:

„Главная квартира спокойно ожидает естественного хода операции".

В общем, как в этих операциях, так и от Меца и до Седана главное командование предоставляет полную свободу действий и редко вмешивается в распоряжения своих командармов, последние— своих комкоров, и армия совершает поход по собственной инициативе.

Хорошая подготовка немецкого командного состава и неумелые действия противника помогли первым успешно закончить поход.

Но в отношении оперативного руководства эта кампания заслуживает большого внимания и изучения по наличию тех промахов в управлении, которые она имеет.

громадное расстояние ставки от войск, промежуточный орган связи отсутствует, в силу чего директивные распоряжения запаздывают; личного общения с войсками, вступившими в решительное сражение, нет совершенно.

Мольтке, его 1-й обер-квартирмейстер ген. Штейн и начальник оперативного отдела ставки ген. Таппен продолжают оставаться в Люксембурге. Биения пульса армий правого крыла они не слышат.

Кризис управления трансформируется в паралич, а призрак надвигающейся катастрофы получает реальные формы.

7.

Желание получить сведения от I-й, II-й, III-й армий и особенно от первых двух в главной ставке огромно.

И вот на сцену оперативного руководства появляется суррогат управления, в виде посылки офицера связи (Хенч), в задачу которого вошло не только привезти в Люксембург сведения о положении на фронте, но и поднять волочившиеся по земле вожжи управления главного командования и от имени последнего отдать распоряжения, которые он найдет нужными.

Заветы Шлиффена и его учение об организации управления к моменту уничтожающего сражения вылились в карикатурные формы.

Стратегия сокрушения ушла назад, а стратегия ва-банк получила широкое поле деятельности.

8.

Имя полковника Хенча навсегда будет связано с Марнским сражением. И этот одаренный офицер, прослуживший до войны бо́льшую часть своей жизни в большом генеральном штабе, был отличным знатоком службы последнего.

Занимая ответственный пост начальника разведывательного отдела главной квартиры, Хенч пользовался большим доверием у главного немецкого командования.

Лица, которые желают обвинить Хенча в несвоевременной отдаче распоряжения об отступлении к р. Эну правого крыла германских армий, плохо разбираются в тех событиях оперативного порядка, которые застал Хенч после своего второго приезда на фронт.

Хенч, как офицер генерального штаба, действовал правильно, и его категорическое распоряжение от имени главного командования фактически ослабило то катастрофическое положение, в котором находились I-я и II-я германские армии. Это распоряжение и дало им возможность избегнуть полного разгрома и даже пленения и отойти в северном направлении.

При наличии полного отсутствия оперативной связи между армиями правого крыла и ставкой Хенч оказался единственной живой связью между войсками и главным командованием.

Инструкция для Хенча ген. Мольтке была отдана 8-го сентября в присутствии начальника оперативного отдела ставки Таппена и начальника политического отдела Доммеса.

По тем традициям, которые существовали в германской армии со времен Мольтке-старшего, офицер генерального штаба, прибывающий в войска из главной квартиры—лицо не только вполне авторитетное, но и лицо, которое является выразителем планов и действий главного командования.

Ошибка ген. Мольтке заключалась в том, что он не выехал к армиям лично.

Но раз он этого не сделал, то для такого ответственного поручения больше подходили лица из оперативного управления ставки, ген. Штейн или же Таппен, но не начальник разведывательного отдела, каковым являлся Хенч.

Как весьма умный и прозорливый человек, Хенч знал, что он будет козлом отпущения в случае неудачи, выполняя в такой критический момент *устную инструкцию* начальника штаба главного командования. Об этом он откровенно говорил в автомобиле по дороге на фронт двум своим товарищам, сопровождавшим его (капитаны Кэппен и Кённинг).

При рассмотрении роли Хенча в Марнском сражении надо иметь в виду, что как ген. Мольтке, так и Штейн и Таппен, не зная истинного положения дел на правом фланге, даже 8-го и 9-го сентября, все-таки надеялись пережить надвинувшийся кризис и избежать отступления.

В своем первом рапорте от 15-го сентября 1914 года Хенч заявлял, что он был уполномочен ген. Мольтке в случае необходимости предписать отступление пяти армиям за р. Вэль и к северной опушке Аргонн.

Нападки, которые посыпались на него в 1915—16 г.г., заставили его написать в 1917 году второй рапорт, где он говорит, что от начальника штаба ген. Мольтке он получил достаточно полномочий для принятия решений, которые диктовались боевой обстановкой. И, соблюдая интересы немецких армий, он должен был решить, является ли отступление необходимым или нет.

Приказ Людендорфа, который мы привели выше, вполне реабилитирует Хенча и правильно определяет, что Хенч действовал именно в интересах немецких армий.

Ген. Мольтке, находясь в отставке, не мог не знать о тех слухах, которые носились вокруг имени Хенча, и, казалось бы, его *долгом* было разъяснить общественному

мнению армии истинное положение вещей, *но он этого не сделал.*

Находясь в 225 километрах от фронта[1]) и не имея технической связи в момент решающего сражения, он должен был бы эту связь заменить личным общением, т.-е. *выехать на фронт.* Так делали всегда не только *действительно* крупные полководцы военной истории, но так требовали те уставы и наставления, которые были составлены до войны при непосредственном участии самого же ген. Мольтке.

Заканчивая, хочется сказать:

В *оперативном аспекте* фигура и деятельность ген. Мольтке еще долго будут тем отрицательным примером, на котором необходимо учиться и учиться.

В *историческом же разрезе* это был безусловно случайный гость высокого поста фактического начальника немецких вооруженных сил, который мелькнул падучей звездой на небосклоне германского генерального штаба, оставив всех с недоуменным вопросом, зачем же он на нем появился? Разве только для того, чтобы учиться на его ошибках?!

9.

Когда начинаешь в деталях изучать французский план войны № 17, а также ту военно-политическую обстановку, в которой он создавался и которая, казалось бы, должна была влиять на основные оперативные замыслы, вложенные в этот план, то, как ни странно, приходишь к весьма оригинальному заключению.

В итоге получается, что французский генеральный штаб до войны жил как бы совершенно обособленно не только от той военно-политической обстановки, которая его окружала, но и от жизни и боевой подготовки немецкой армии, с которой он думал воевать.

Никто не говорит, что в мирное время можно составить *полное и точное представление* о противнике и о картине будущей войны. Как показал опыт последних войн, это вещь почти совершенно невозможная. Но если невозможно получить полные и точные данные, то вполне возможно изучить тот материал, который является контуром для плана войны.

И вот, когда изучаешь работу немецкого генерального штаба до войны и начинаешь сопоставлять ее с работой французов, то разница получается весьма значительная.

---

[1]) Такое расположение ставки на правом фланге, а не в центре фронта еще более затрудняло налаживание связи. Вопрос о переходе ставки в Реттель (80 километров от фронта) поднимался Мольтке, но остался без разрешения.

Фактически немецкий генеральный штаб, разрабатывая свой план войны, находился в тех же условиях, в которых был и его будущий противник—французы. Для этого достаточно изучить хотя бы работы ген. Куля и Людендорфа. И это не могло быть иначе. Здесь разница даже не в основных методах составления плана войны, а скорее в той продуманности и тщательности изучения различного материала, который служит канвой для оперативного плана войны.

„Наблюдение за иностранными армиями в мирное время— пишет Куль—является очень важным. Оно дает необходимые сведения для стратегических расчетов по подготовке к войне. Обработка этих сведений делалась в большом генеральном штабе в строгой тайне. Таким образом, большой генеральный штаб являлся ответственным за оценку противника лишь в той мере, в какой это вообще возможно сделать.

Материалом ему для изучения иностранных армий служили: пресса, официальные печатные издания, парламентские прения и вообще весь парламентский материал, сметные предположения, доклады комиссий и совещаний, военная литература и донесения военных агентов. С военными представителями за границей мы поддерживали тесную связь, осведомляя их постоянно о наших соображениях и обмениваясь имеющимися сведениями“. То, что здесь сказал ген. Куль, является элементарным, и всю эту работу также делал и французский генеральный штаб. Но качественно он делал ее не так, как немецкий. Хотя бы взять тот же вопрос о проходе немецких армий через территорию Бельгии.

Мы уже говорили выше, что германская военная литература совершенно откровенно заявляла, что нарушение бельгийского нейтралитета и проход германских армий через Бельгию есть удобнейший стратегический путь к Парижу. Мало того, она в достаточной мере подробно анализировала самый характер марша немецких войск через Бельгию. С этим, казалось бы, французский генеральный штаб должен был считаться.

Говорить, что ген. Жоффр, который является создателем и выполнителем плана войны № 17, был неожиданно удивлен нарушением бельгийского нейтралитета, в то время как и французская пресса и французские официальные деятели до войны открыто дебатироволи этот вопрос, — значит просто не желать разобраться в сущности этого вопроса.

Вот что писала в 1911 году „Armée et Démocratie“: „Германии не только выгодно, но она прямо-таки принуждена вести наступление через Бельгию“.

В том же смысле высказался 23-го сентября 1908 г. в „Temps“ Рейнгольд Канн. Он указывал на то, что восточная граница Франции, благодаря укреплениям, совершенно неприступна.

„Нельзя допустить, что немцы будут пробовать прорваться через два узких прохода между люксембургской границей и Верденом и между Тулем и Эпиналем, в то время как они могут, пройдя через Люксембург и Бельгию, без труда обойти линию французских крепостей. Стоит только посмотреть на карту, чтобы убедиться в том, что юго-восточная Бельгия является естественным путем наступления для большей части германских корпусов“. Кажется, более разумной мысли и объяснения, как пойдут немецкие армии, и не придумаешь. Об этом не мог не знать французский генеральный штаб, в задачу которого входило изучение прессы и военной литературы, с целью учета разумных и практических мыслей для повседневной сложной работы по службе генерального штаба в мирное время.

Можно было бы привести еще массу аналогичных практических доводов, но это лишний труд, все это прошло мимо французского генерального штаба, он как-то не хотел и слушать об этом, он был болен idée fixe’ом сокрушительного наступления в Эльзас-Лотарингию, с целью восстановить потери 1870 года, мало обращая внимания на свою северную государственную границу[1]).

Безыдейность стратегического развертывания французских армий по плану № 17 с нагромождением армий за укрепленным поясом Серэ де-Ривьера, с резервом главного командования (4-я армия), отделенным от войск фронта горными массивами, с почти полным отсутствием войск там, где это нужно (северная граница),—есть лучшая аттестация работы французского генерального штаба до мировой войны.

---

[1]) О плане войны № 17 Jean de Pierrefeu говорит следующее: „Перед войной во Франции была очень модна философия Бергсона, проповедующая полное презрение к разуму.

Идеи Бергсона были в расцвете своего влияния, они учили, что единственным способом познания является интуиция, т.-е. что-то в роде откровения, проистекающего из области подсознательного, которое при столкновении с реальностью заставляет нас внезапно воспринять истину.

К 1914 году Франция обладала генеральным штабом, который, можно сказать, был в полном смысле слова бергсонианским. Его доктрина отрицала роль разума и во главу угла ставила культ интуиции.

Был подготовлен реванш за 1870 год, совершенно не прибегая к помощи разума при разрешении этой сложной задачи.

Если можно так выразиться, то стол генерального штаба, на котором был выработан знаменитый план № 17, был вертящимся столиком спиритов. „В этой атмосфере и был, говорит далее J. de Pierrefeu, создан план № 17, который, не учитывая ни планов противника, ни собственных сил и материальных средств, должен был бросить французскую армию в отчаянное, сокрушительное, решающее исход войны наступление или, по крайней мере, в наступление, которое должно было быть таковым“.

К этому плану как-то не подходит и мысль Мольтке-старшего, который сказал, что „одна ошибка, сделанная при первоначальном сосредоточении, вряд ли может быть исправлена в течение всей кампании". Ибо здесь была не только одна ошибка, а их было много, и все они носили характер какого-то непонятного упорства и нежелания вникнуть глубже в то, что делалось с началом немецкого наступления, и сразу же сделать переоценку своему плану войны.

Доказательством к последнему может служить следующее.

8-го августа Жоффр считает, что главные силы немцев сосредоточиваются в районе Меца—Диденгофена и Люксембурга и лишь одна немецкая армия из 5 корпусов собирается вступить в Бельгию.

Эта недооценка протяжения немецкого правого фланга заставляет Жоффра не только оставить в силе задачу для своих 1-й и 2-й армий по плану № 17, но и надеяться, что с одной германской армией, идущей через Бельгию, вполне справится бельгийская армия совместно с английской.

13-го августа Жоффр получает сведения о наступлении немцев севернее р. Маас, он остается спокойным и уверенным и продолжает разрабатывать вопрос о прорыве центра германского фронта с тем, чтобы ликвидировать войска правого немецкого фланга.

Развитие наступления ударной группы немецких армий через Бельгию заставляет Жоффра все больше и больше подтягивать свои армии к северу и изменить первоначальную группировку, введя свою резервную 4-ю армию в общую линию фронта между 5-й и 3-й армиями.

Начавшееся 14-го августа французское наступление в Эльзас-Лотарингии (1-я и 2-я армии) к 20-му терпит неудачу. Бельгийская армия разгромлена, идет к Антверпену, и, вместо того, чтобы подумать о переброске войск со своего правого фланга, Жоффр приказывает продолжать наступательные действия в Эльзас-Лотарингии.

Потеряв бельгийскую армию, которая заперлась в Антверпене, Жоффр продолжает быть уверенным, что в пограничном сражении он нанесет поражение противнику.

А его донесение в Париж от *23-го августа*, где он пишет, что „стратегическое развертывание закончено. Главная масса противника будет поражена в самом уязвимом месте, дело только в том, как это будет выполнено подчиненным командованием", лишний раз говорит о чрезвычайно ложном представлении, которое имел Жоффр в отношении как группировки сил, так и намерений противника.

И лишь после того, как немецкие армии, выйдя победителями из пограничного сражения, продолжали успешное

движение по северным департаментам Франции, Жоффр, наконец, понял ошибки своего первоначального стратегического развертывания и загадку правого немецкого фланга, где и была сосредоточена вся наступательная сила немцев [1]).

Приказ о быстром отходе в южном направлении с целью перейти к обороне, опираясь на французские крепости и укрепленные районы, был *единственным* выходом из положения.

Таким образом, мы видим, что мысль Мольтке-старшего об ошибках в первоначальном стратегическом сосредоточении и развертывании остается и поныне верной.

И если побежденный в августе Жоффр оказался победителем в сентябре, то это произошло благодаря грубейшим стратегическим ошибкам немецкого командования.

Мольтке-старший говорит, что *трудно* поправить в дальнейшем ошибки, допущенные в начальном развертывании. И это глубокая правда, несмотря на появление нового могущественного фактора — железнодорожного маневра, т. е. маневра на колесах, т. к., повторяем, *не всегда* удается ошибки в проблеме стратегической поправить проблемой транспортной. И если это относительно удалось русским под Люблином, а Жоффру в Марне, то, *во-первых,* какой ценой, а, *во-вторых,* не всегда победитель будет так помогать побежденному, чтобы последний посредством железных дорог, *к моменту решения,* преподнес сюрприз победителю.

Отсюда основной вывод—первоначальное сосредоточение (развертывание) есть искусство величайшей важности, требующее к себе самого внимательного и детального отношения.

Интересны мысли начальника штаба армии Клука ген. Куля, который пишет: „В конце августа обстановка складывалась во всех отношениях благоприятно. Противнику на всем фронте от Эльзаса до Монса было нанесено поражение; наши главные силы левого фланга в Лотарингии, благодаря победе у Саарбурга и отступлению французов, были в безопасности. Если бы мы своевременно отправили и перевезли части 6-й и 7-й армий на правый фланг и если бы мы его не ослабили отправкой двух армейских корпусов в Россию и двух других корпусов к Антверпену и Мобежу, для каковой цели должны были быть наготове другие формирования, то, несмотря на численный перевес противника,

[1]) Командующий 5-й армией Ланрезак еще в начале боевых действий не раз предупреждал Жоффра о силе правого фланга немцев, он писал доклады и спорил с Жоффром о вопросах усиления этого направления или же быстрого отхода всего левого французского крыла. Но все его доводы оставались безуспешными. Мало того, такая критика распоряжений главного командования была одной из причин к отстранению Ланрезака от командования армией.

Марнская битва в сентябре стала бы для нас большой победой".

Величайшая *стратегическая* победа французов на Марне в полной мере обязана ошибкам немецкого главного командования, но отнюдь не немецким командирам корпусов, дивизий, полков и т. д., ибо в *тактическом* отношении немцы как на протяжении всего похода, так и в 5-ти дневном сражении на Марне оставались победителями.

И если, действительно, ген. Жоффр был страстным поклонником философии Бергсона (в чем сомневаемся), все же отпадает тот момент, что он *интуитивно* еще с пограничного сражения *предопределил свой будущий стратегический контр-маневр Париж—Верден.* Почему это не могло быть, мы уже говорили раньше. А основное в том, что характер современной войны со всей наглядностью говорит, что с точностью определить, что будет делать противник через две-три недели, а в силу этого, что буду делать я— дело абсолютно *метафизическое.* Ибо во второй половине августа сам Мольтке не знал, что в дальнейшем I-я армия Клука пойдет *юго-восточнее* Парижа и тем самым сдвинет всю ударную группу немецких армий *влево.*

Откуда же об этом мог знать Жоффр, чтобы предопределить за три недели маневр для 6-й армии Монури и т. д.?!

Будет великолепно, если главнокомандующий, после постоянного детального изучения боевой обстановки, сумеет правильно решить, что ему диктует боевая действительность в ближайшую неделю.

Создание армии Монури на левом фланге было разумным решением для того, чтобы *прикрыть зияющую рану, в виду стремительного и непрерывного бегства в южном направлении английской армии Френча.* И кто знает, как бы использовал в Марнском сражении ген. Жоффр 6-ю армию Монури, если бы в вопросах ее боевой жизни не принял горячего участия талантливый ген. Галлиени. Ведь последний, как только узнает о том, что I-я германская армия, изменив направление, двинулась восточнее Парижа за Марну, с 3-го сентября начинает непрерывно „атаковать" главную французскую квартиру и требовать от Жоффра *перебросить армию Монури на север от Марны в направлении Урка.* Уже в это время у него явилась идея удара во фланг и тыл немецкого фронта. И, не ожидая согласия Жоффра, он приказывает ген. Монури начать подготовительные меры к предстоящему маневру. 4-го сентября главная квартира соглашается на продвижение армии Монури, но с оговоркой, что оно произойдет по левому берегу от Ланьи (Lagny). Было семь часов вечера, когда Галлиени вернулся из штаба Френча, к которому он ездил с желанием убедить англий-

ского командарма остановить отступление и принять участие в задуманном им маневре, но Френча он не застал.

Получив паллиативный ответ главной квартиры, Галлиени вызывает к телефону ген. Жоффра. Он детально ориентирует последнего о положении, создавшемся на левом фланге французского фронта, а также о I-й армии Клука. Он горячо защищает свой план удара с Урка, он дает мысль Жоффру, что обстановка требует решительных действий от 6-й и английской армии, и т. д.

И надо полагать, что этот разговор не прошел даром для Жоффра, т. к. вслед за ним последовало распоряжение об остановке общего отступления и о начале организации контрманевра Париж—Верден.

И если Jean de Pierrefeu говорит, что „победа на Марне представляется чем-то вроде разрезанного на ломтики пирожного, от которого и Галлиени перепадает *кусочек*“, то мы думаем, что здесь должна речь итти о чем-то большем, чем кусочек.

Галлиени оказался ценным помощником для главного французского командования, он проявил разумную и вполне отвечающую обстановке инициативу.

Умение брать на себя ответственность в решительный момент ставит его в ряд с выдающимися военачальниками. А боевая деятельность Галлиени в период Марнского сражения еще раз говорит об его оперативных способностях.

В заключение следует сказать, что стратегическая победа союзников, возможно, *не была бы такой полной*, если бы своевременно и искусно не была организована переброска сил с правого фланга (1-й и 2-й армии) *к левому крылу и центру* стратегического фронта англо-французов; в этом заслуга Жоффра.

Но не только одного Жоффра, как главного представителя англо-французского командования, но „заслуга“ и русского царского правительства и его командования, которое для того, чтобы победа Жоффра под Парижем была более полной, пожертвовало под Сольдау (Восточная Пруссия) около 110 тысяч человеческих жизней.

10.

Переходя к краткому разбору и оценке оперативной деятельности командующих немецкими и союзными армиями, мы можем сказать, что операция I-й германской армии под управлением ген. Клука заслуживает полного к себе внимания.

Действия этой армии и ее командарма—это фокус, где преломились многие положительные и отрицательные стороны подготовки германских войск мирного времени, а также вопросы вождения крупных войсковых соединений.

Отличительные качества ген. Клука—это необычайная деятельность, несмотря на его 68-летний возраст. Но его энергия и быстрота в принятии оперативных решений шла часто даже в ущерб общему стратегическому положению фронта других немецких армий.

Часто не имея общего представления о том, что происходит на всем фронте, и не выполняя директив главного командования, а проявляя безудержную инициативу только в пределах своих разграничительных линий, не считаясь с соседом (Бюлов), он вносил путаницу в управление всего правого крыла.

Его стремительный марш на внешнем фланге стратегического фронта, без сомнения, имеет много положительных качеств, но он изобилует также и недостатками.

Основные недостатки, помимо неподчинения распоряжениям ген. Мольтке,—это жесткое оперативное взаимодействие в процессе движения со своим соседом—II-й армией—и плохое использование, в целях разведки, конницы Марвица, которая своевременно не нащупала Амьенскую группу Монури. Эта группа осталась как бы незамеченной, и I-я армия Клука с конницей, скользнув перед ее флангом, продолжала марш к югу, *обгоняя* отходящую в этом же направлении группу Монури. Результатом такого бурного движения без разведочных фонарей и было, что группа Монури оказалась *уступом назад за I-й армией Клука*, а когда последний проскользнул восточнее Парижа за Марну, она уже была в тылу I-й немецкой армии.

Таким образом, смелые мысли большого германского генерального штаба в выводах о немецких маневрах 1909 года, где говорилось: „Начальник, ожидающий известий о противнике, которые он считает необходимыми для отдачи своих распоряжений, попадает в зависимость от противника, пропускает удобные случаи и отказывается от того, чтобы навязать противнику свою волю. Собственная воля или данная задача и лишь затем сведения о противнике должны определять действия начальника“,—получили при выполнении их в боевой действительности уродливое отображение.

Отсюда, необходимо стремиться, чтобы система подготовки войск и командования в мирное время возможно больше приближалась к тому, что придется делать на войне. И если трудно предопределить характер будущей войны, то необходимо стремиться выявить ее основной контур. Управлять в мирное время—это предвидеть.

Как мы уже знаем, в процессе генерального сражения, не выполнив приказания Мольтке об уступном движении за II-й армией Бюлова и смело уйдя за Марну, Клук опять действует совершенно самостоятельно, абсолютно не счи-

таясь ни с соседом слева, ни даже с положением противника. После того, как он сделал львиный прыжок всей армией, за исключением IV-го резервного корпуса и кавалерийской бригады, к Б. Морэну, боевая обстановка заставляет его обернуться назад. Но, увидя создавшуюся опасность правому флангу своей армии и ее тылу (отход IV-го резервного корпуса), он не теряется. Он хочет исправить ошибку и быстро принимает решение, перебрасывая корпус за корпусом своей армии на правый берег Марны к Урку.

Со свойственной ему энергией и решительностью он обрушивается на 6-ю французскую армию Монури.

Этот флангово-отступательный марш Клука сделан, как мастерской ход. Он ярок и блестящ по своему техническому выполнению. Противник 6-го и 7-го сентября находится в крайнем недоумении, как, мол, незначительные силы (1 корпус) могут с таким упорством не только отражать натиск превосходных сил, но даже и наступать.

Удивить—это победить! Но здесь победа оказалась временной. Галлиени и Монури через воздушную разведку выявили, что это переходят обратно Марну главные силы I-й немецкой армии, и они еще более напрягли энергию для контр-наступления.

В последующие дни упорных боев в районе Урка мы видим, как маневр—это высшее проявление живого начала в боевой деятельности войск—продолжает гореть особой яркостью у обоих борющихся противников и особенно в дни 8-го и 9-го сентября.

Здесь стратегический маневр I-й германской армии, ее желание охватить левый фланг 6-й французской армии начинает господствовать над противником, открывая широкие возможности к тактическим комбинациям на поле боя для немецких частей.

И мы видим, как на протяжении всех боев в районе к северо-востоку от Парижа 6-я французская армия 8-го и 9-го сентября делается игрушкой в руках армии Клука.

Непрерывные просьбы о помощи к ген. Галлиени, парирование, по возможности, немецких ударов—таковы были действия армия Монури.

И когда 10-го утром к своему большому удивлению армия Монури видит исчезновение армии ген. Клука, она спокойно теряет с ним боевое соприкосновение, и командарм ген. Монури с „облегченным сердцем“ ничего более не находит, как обратиться к войскам с приказом, в котором он благодарит обстоятельства „за ту величайшую честь, которая выпала ему за долголетнюю службу—командовать такими бойцами, из которых состоит 6-я французская армия“.

Таким образом, вместо того, чтобы искать противника и использовать его отступление энергичным преследованием,

ген. Монури считает свою задачу выполненной и приступает к организации отдыха.

В чем заключается еще ошибка Клука, несмотря на прекрасно организованный и удачно выполненный фланговоотступательный марш? А в том, что он опять, не считаясь с общим стратегическим положением немецких армий правого крыла, перебрасывает все свои пехотные части в район Урка.

Такая поспешность, такое самостоятельное оперативное творчество без увязки с соседом (Бюлов), с вредным душком „патриотизма I-й армии“ было стратегически неправильным. Нельзя было так равнодушно и смело оголять фронт к югу от Марны, когда там есть противник (англичане). Маневры такого порядка не всегда проходят безнаказанно. Необходимо было бы оставить часть пехотных сил и соединить их с конницей Марвица и Рихтгофена, и тогда рана, в виде разрыва флангов I-й и II-й армий, не была бы такой зияющей.

Эти силы облегчили бы тяжелое положение II-й германской армии и дали бы бо́льшую устойчивость ее правому флангу.

Инициатива и энергия на войне совершенно необходимы, но эти чудесные качества лишь тогда приносят пользу, когда они разумно влиты в формы требований боевой обстановки.

В действиях ген. Монури мы не усматриваем чего-либо замечательного. Фактически это был человек, который старательно выполнял выдающуюся энергию способного ген. Галлиени. Последний, по всей вероятности, получил бы более солидные результаты от операции 6-й французской армии, если бы не начал наступления ранее срока, указанного в директиве Жоффра. Поспешность в переходе в наступление 6-й французской армии оказалась сигналом для Клука к переброске корпусов в северо-западном направлении от Б. Морэна А ведь могла бы получиться операция более интересная, если бы армия Клука, ввязавшись 6-го сентября в бой с англичанами и левым флангом 5-й французской армии, получила удар во фланг и тыл со стороны 6-й французской армии. Огненные клещи, в каковые попала бы I-я германская армия, затруднили бы маневрирование для ее корпусов.

Управлять—значит предвидеть.

Факты, приведенные из операции английской армии, являются достаточным материалом для характеристики нерешительности действий как английского командующего ген. Френча, так и его командиров корпусов.

Их оперативная подготовка сильно отстала от требований, которые предъявила к высшим войсковым начальникам современная война.

Мы видели, что ни численное превосходство, ни свежесть английских войск в период их высадки на французской территории не могли остановить движение немецких частей.

Потерпев неудачу в пограничном сражении, английские войска продолжали безостановочное движение на юг. Много раз в процессе этого отхода, не считаясь со своим соседом— 5-й французской армией, а затем Амьенской группой [1]), английское командование ставило в критическое положение своих союзников-французов.

Стремление ген. Френча иметь полную независимость в оперативных решениях и не считаться с директивами французского главкома ген. Жоффра заставляло последнего тратить много энергии для того, чтобы упросить ген. Френча действовать так, как это диктуют события на всем фронте союзных армий.

Желание английского командования принести действительную пользу французам становится проблематичным, когда читаешь, что ген. Френч пытался совершенно отказаться от участия в операциях на французском фронте. *Он дважды хотел оттянуть свои корпуса к побережью и, погрузив их на суда, отправить обратно в Англию.*

Гипноз германской непобедимости постоянно довлел над английской армией, вызывая оперативную немощь у ее командования в целом.

Более детальный анализ операций английской армии в этот период на французском фронте говорит, что участие англичан для Франции носило скорее „моральный" и финансовый характер. Ибо боевой существенной поддержки французские армии от них не видели [2]).

С точки же зрения военного искусства эти операции от начала развертывания в районе Монса и до конца Марнского сражения носят исключительно отрицательный характер.

„Трудно себе представить—пишет Пюжан—две более противоположных натуры, два темперамента более различных, чем Клук и Бюлов; они сотворены не так, чтобы могли сговориться между собой, и их отношения никогда не были проникнуты той взаимной симпатией, которая сглаживает всякие затруднения".

Это правильная мысль еще раз говорит о том, что главное немецкое командование плохо знало качества своих

---

[1]) Амьенская группа была создана для того, чтобы упрочить левый фланг французского стратегического фронта, который в силу непрерывного отхода англичан оказывался открытым.

[2]) Если не считать того, что, *если бы* англичане действовали в период Марнского сражения более активно, Клук не решился бы так смело перебросить свою армию к северу от Марны, а раз так, то не было бы и разрыва между I-й и II-й армиями, а отсюда— более сложная операция для 5-й французской армии.

высших войсковых начальников или, в противном, мало обращало внимания на этот важнейший вопрос *организации командования*. Как Клук, так и Бюлов были лучшими представителями германского генерального штаба. Но было у этих командующих то *но*, о котором пишет Пюжан и которое должен был знать Мольтке. *Ибо Главное командование, которое детально не знает качеств высших исполнителей его планов,—плохое командование.*

Оставлять работать плечом к плечу эти две совершенно противоположных натуры — значит открывать для них широкое поле конкуренции. И мы видели, как с момента первых же боев в Бельгии и включая Марнское сражение эта конкуренция вносила большую путаницу в общий ход оперативной работы как для штабов I-й и II-й армий, так и для главной квартиры.

Вопрос организации командования и подбора лиц для выполнения решающей операции—старый и вечно новый вопрос. Разница лишь в том, что сложность современной войны предъявила к этому вопросу особо жесткие требования, невыполнение которых может открыть путь *к полному провалу операции.*

Основные ошибки, допущенные в Марнском сражении командармом II-й Бюловым, заключаются в том, что этот спокойный, уравновешенный и осторожный по своему характеру человек в первых числах сентября подпал под полное влияние бурного движения за Марну I-й германской армии.

Он всеми силами старался не отстать от левофланговых корпусов армии Клука и держаться плечом к плечу с ней. А бурно рвущемуся в юго-восточном направлении Клуку это и было нужно. Когда же правофланговые корпуса I-й армии сделали поворот на 180 градусов и стали уходить на север, Бюлов продолжает движение на юг и только просит оставить ему два левофланговых корпуса I-й армии. Клук обещает, но потом это распоряжение, к удивлению Бюлова, берет обратно.

II-я армия остается за Марной с совершенно открытым правым флангом. Одно время Бюлов хотел, чтобы I-я армия, удаляясь к северо-востоку от Марны, присоединилась к нему, но этого не случилось.

Нервы Бюлова не выдерживают, и он начинает обращать взоры к северу.

В образовавшемся разрыве остаются два кавалерийских корпуса. Вместо того, чтобы быстро объединить работу Марвица и Рихтгофена, Бюлов предоставляет им возможность действовать разрозненно.

С переходом противника в контр-наступление расстроенный правый фланг Бюлова становится под угрозу окружения.

В этот период величайшей путаницы и полного отсутствия оперативного взаимодействия между I-й и II-й армиями приехал вторично Хенч.

Последний отдал известное уже нам приказание об отходе к р. Эн. Клук с большим неудовольствием принимает это приказание Хенча, и по-своему он был прав, так как его армия 9-го сентября имела полный успех в районе к западу от Урка. Но Хенчу приходилось принимать решение сообразно общему положению всех армий правого крыла.

И, уходя к р. Эн, ген. Клук мог с полным правом сказать, что на войне не только от торжества до падения один шаг, но и от великого до смешного точно также один шаг.

Действия командующего 5-й французской армией в период Марнского сражения вполне целесообразны.

Проявленная им активность отвечала задаче решительного контр-наступления, как и была согласована с маневром Жоффра в промежутке Париж—Верден.

Заставляет обратить на себя внимание его умелое взаимодействие с вяло действующими корпусами английской армии и особенно своевременная поддержка 1-м и 10-м корпусами его армии частей 9-й французской армии Фоша, как известно, энергично атакованных левым флангом II-й германской армии.

Но здесь же следует указать, что активные действия Фоша и его непрерывное стремление использовать маневр на своем трудном по местным условиям участке фронта облегчили операцию, которую выполнял командарм 5-й французской.

При наличии такого соседа (Фош), который разумно вышел из рамок директивы, поставленной ген. Жоффром— когда 9-я французская армия оборонительную задачу трансформировала в наступательную и не дала немцам расколоть союзный фронт в центре на две части, — всем этим, ясно, была облегчена и задача для 5-й французской армии.

В операциях III-й и IV-й немецких армий мы также видели неодолимое стремление к маневру и желание посредством удара в центр разделить фланги неприятельских армий.

Крупные тактические успехи V-й германской армии в неудобной и трудно проходимой лесисто-гористой местности Аргоннских хребтов полностью объясняются высокой способностью германских частей к маневрированию и непреодолимым желанием на маневр противника ответить энергичным контр-маневром.

Оперативная заслуга командующего 3-й французской армией ген. Сарайля заключалась в его упорном стремлении *сохранить тактическую связь с укрепленным крепостным районом Вердена.*

Это решение было вполне целесообразным. Кроме того, такое умелое и правильное использование мощной крепо-

сти в современной войне дало ему возможность выйти из тяжелого положения, где он был обойден с фланга, энергично тесним с фронта и угрожаем с тыла (действия V-го немецкого корпуса).

Данный пример в действиях ген. Сарайля говорит о том, что *современная крепость может принести большую пользу, если умело ее использовать и если она будет иметь тесное оперативное и боевое взаимодействие с полевой армией.*

11.

То тяжелое стратегическое положение, в котором оказались германские армии в Марнском сражении и особенно 1-я и II-я армии, которые осуществляли важнейший оперативный маневр по форсированию Марны без твердого управления, стушевало все тактические победы немецких корпусов в период 6-го—9-го сентября.

Стратегический маневр Жоффра—Галлиени победил великолепную тактическую подготовку немецких частей, как победил и плохую стратегию германского верховного командования и стратегию его отдельных командармов.

Стратегическая машина ген. Мольтке развалилась, и ее неудачливый механик потерял свое место.

Победа французов в Марнском сражении хотя и не может считаться законченной, ибо германская армия полностью разбита не была и ее живая сила организованно отошла к р. Эн, но эта победа имела громадное значение для Франции и ее оружия в *моральном отношении.* Ибо удачно завершенный маневр в промежутке Парижа и Вердена сбросил с французских армий повязку германской непобедимости, которую они носили не только до Марнского сражения, но которую помнили еще с 1870 года.

Это сражение замечательно еще тем, что оно напомнило вопрос о *Канномании.*

Ибо как та, так и другая сторона всемерно стремились „воскресить“ Канны великого Аннибала.

Но в результате, ни у немцев, ни у союзников этих „Канн“ за разобранный нами период не было.

Это сражение еще раз указало на то, что *кампания может быть закончена лишь тогда, когда разбита или пленена живая сила врага.*

И это же сражение, после боев на Эне, у Вердена и „Бега к морю“, положило начало новому явлению в военном искусстве — позиционной войне, в коей вопросы скорого ее окончания отошли на второй план. Маневренная война была скована железо-бетонным фронтом, и пресловутая стратегия измора с ее лейт-мотивом *постепенного* истощения сил стала господствовать на полях сражений.

Часть II.

ВИСЛА.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

От Западной Двины и Березины к Нареву и Западному Бугу.

Некоторые предпосылки.

Шестилетие отделяет сражение на Висле от Марны. За этот, казалось бы, незначительный промежуток времени произошли события величайшей исторической важности. Четырехлетняя мировая война повлекла за собой не только уничтожение российского царизма, австро-венгерского и германских тронов, но и полное поражение германского империализма [1]) и торжество англо-французского.

На мировой политико-экономической арене появился новый величайший фактор—Октябрьская революция, которая не только вырвала с корнем феодально-крепостнический и уничтожила буржуазный строй в России, но и подняла знамя для новых социалистических революций во всем мире против международного капитализма.

---

[1]) Слова немецкого поэта Вольфганга Гете:

„Будь проклят тот, кого, как вал,
гордыни буйство одолеет,
кто, немцем будучи, затеет,
что корсиканец затевал!
И вспомнит он, поздней иль ране,
мои слова, поверит им:
он обратит весь труд страданий
во зло себе и всем своим“

оправдались полностью. Тяжелые труды рабоче-крестьянских масс Германии были искалечены отечественным империализмом, последний, мечтавший о всесветном могуществе, сам развалился под напором более сильного своего соперника.

Но история идет вперед, а не назад. Уже с конца XIX и особенно в XX столетии она выдвинула на сцену мировых событий нового могучего гегемона—пролетариат и крестьянство, в миссию коих и входит смести с лица земли временного победителя—капитализм, который немыслим без империализма.

И если оправдались слова Гете, то оправдаются и слова французского писателя старика Жоржа Сореля, что „новый Карфаген продажной социал-демократии и буржуазии не может и не должен одержать верх над Римом современного пролетариата“. („Размышления о насилии“, глава „В защиту Ленина“).

Она была сигналом для мирового пролетариата к формированию ленинских партий с ленинской тактикой и организацией. Непримиримая активно-враждебная политика международной буржуазии к Советской России организует открытую интервенцию против последней.

Весь период с октября 1917 и до 1920 года наполняется беспримерной по героизму борьбой обнищавших и разоренных в результате только что кончившейся царской войны 1914—1917 г.г. рабоче-крестьянских масс новой Советской России против отечественной буржуазии и иностранной интервенции.

И в то время, когда происходила революционная борьба на этой громадной территории, равной $^1/_6$ суши всего земного шара, политика империалистической дипломатии, как бы с развязанными руками, лихорадочно работала в Европе.

Победившие в мировой войне государства, под верховным руководством правительства Англии, принялись за территориальный передел побежденных центральных государств в Европе и отторжение и распределение между собой их колониальных владений.

История международной дипломатии быстро обогатилась целым рядом так называемых „мирных договоров", важнейшие из которых: *Версальский договор* с Германией (28-го июня 1919 г.); *Сен-Жерменский* с Австрией (10-го сентября 1919 года); *Нейльинский* с Болгарией (27-го ноября 1919 года); *Трианонский* с Венгрией (4-го июня 1920 года) и *Севрский* с Турцией (10-го августа 1920 года).

Таким образом, уже к 1920 году большинство земель и морей Старого Света, за исключением территории Советской России, которая еще продолжала борьбу, были поделены и распределены между державами победившей Антанты.

Таблица, приведенная на стр. 153, наглядно говорит об общем территориальном увеличении так называемых „великих держав": Англии, Франции, Италии, Соединенных Штатов Северной Америки и Японии, главным образом, за счет территориальных владений Германии, Австро-Венгрии и Турции.

Эти драконовские договорные постановления совершенно видоизменили территориальное лицо Европы. Последняя получила новую распланировку государств с лейт-мотивом бесцеремонного насаждения буферов и политических блоков, с целью иметь для англо-французского империализма лучшую возможность проникновения и господства над этими небольшими в большинстве случаев, с перемешанным национальным составом, буферными государствами (например, Чехо-Словакия, Юго-Славия и т. д.). Но эта хитроумная система в новом построении государств Европы слишком наполнена

Таблица № 16.

Государства.	Метрополия.		Колонии.		Всего.	
	Тысяч кв. кил.	Милл. жит.	Тысяч кв. кил.	Милл. жит.	Тысяч кв. кил.	Милл. жит.
До мировой войны 1914—1918 г.г.						
Англия . . .	314	46,6	34.635	393,9	34.949	440,5
Германия . .	541	64,9	2.953	12,4	3,494	77,3
Франция . .	536	39,6	10.578	56,3	11.114	95,9
Италия . . .	287	35,6	1.590	1,4	1.877	37,0
Турция . . .	1.795	21,6	—	—	1.795	21,6
С. Шт. Сев. А.	9.369	98,9	324	10,4	9.693	109,3
Япония . . .	383	53.0	291	19,7	674	72,7
После мировой войны 1914—1918 г.г.						
Англия . . .	230,6	42,9	37234,7	415,0	37465,3	457,9
Германия . .	466,1	57,6	Нет.	Нет.	466,1	57,6
Франция . .	552,9	42,1	11416,4	61,2	11969,3	103,3
Италия . . .	307,5	ок. 37,5	1591,0	1,6	1898,5	39,1
Турция . . .	727,5	12,8	—	—	727,5	12,8
С. Шт. Сев. А.	9351,4	105,7	403,6	14,8	9755,0	120,5
Япония . . .	600,2	73,3	74,0	4,6	674,2	77,9

Примечание: 1) Учитывая, что на территории довоенной Австро-Венгрии образовано три отдельных государства: Австрия, Венгрия и Чехо-Словакия, а Сербию и Черногорию объединили в одно государство Сербо-Хорвато-Словенское, или Юго-Славию, чтобы не расширять таблицы, мы опустили их. Следует лишь указать, что за счет территории довоенной Болгарии и Австро-Венгрии получили новые владения Италия, Румыния, Юго-Славия и Греция.

2) Метрополия Англии уменьшилась в силу того, что Ирландия (83.409 кв. кил. с 4.470 тыс. жителей—перепись 1921 года) объявлена доминионом, т.-е. колониальным владением Англии.

3) Большое увеличение метрополии Японии объясняется тем, что в 1919 году японское правительство постановило Корею считать не колонией, а интегральной частью Японии.

взрывчатым материалом и не может иметь долголетнее существование. Мы видим уже сейчас, как каждая проведенная рукой версальцев новая граница является лучшим залогом для серии ближайших как внутренних, так и внешних классовых войн.

Военные победы Октябрьской революции на многочисленных внутренних фронтах и разгром белогвардейских организаций имели громадное влияние на рабочий класс и крестьянство всего мира, давая ему моральную поддержку и укрепляя сознание, что он с таким же успехом может бороться против своих классовых врагов.

Последний момент, а также еще далеко не успокоившиеся народы Европы, неожиданно получившие такие государственные границы, которые принесли им суровый режим политической и экономической атрофии и блокады, заставляет империализм Антанты принять ряд мер с целью построения прочного барьера от „разлагающей“ агитации, идущей с востока Европы.

Создаются новые государственные организмы, в виде Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы, политическое нутро которых оставлено на хранении в Лондоне и Париже.

Для скорейшего создания „равновесия“ в восточном углу Европы выдвинут империалистический буфер в виде „Великой Польши“, который вклинился между Германией и Советской Россией.

Румынскому королевству предложено жить в полном мире и взаимодействии с Польшей, за что первое компенсируется Бессарабией.

Все эти шесть пограничных с Советской Россией государств, получая денежные займы, вооружение и военный инструктаж от англо-французского империализма, по мысли последнего, должны играть роль железо-бетонной стены, отделяющей капиталистическую Европу от социалистической России.

Итак, на восточной стороне шахматной доски Новой Европы поставлены новые шесть пешек, передвигать кои будут в зависимости от обстановки мировые шахматисты в лице Англии и Франции.

Целью дальнейшего изложения будет анализ борьбы наиболее активного государства - буфера Польши с Советской Россией в 1920 году [1]).

---

[1]) Здесь мы не будем касаться военных действий, которые нам пришлось вести в течение 1919 года против Польши. Следует только указать, что эти операции в нешироком масштабе явились как бы естественным следствием отхода германцев из оккупированных западных областей и империалистических тенденций белой Польши.

Находясь под всемерным покровительством Франции [1]), распухнув территориально, в силу непрерывного стремления к аннексированию чужих областей и провинций, не имея организационно - хозяйственных навыков, благодаря своей исторической жизни последних десятилетий (доминирующую роль в торговле и промышленности Польши всегда играла иностранная буржуазия—французы, немцы, русские и т. д.), империалистическая политика новой „Великой Польши“, *при полной поддержке* той же Франции, двинула свои белые легионы на Киев. По своей сущности это наступление явилось ничем иным, как продолжением англо-французской интервенции в Сов. России в 1918—19 г.г.

Внезапный переход в наступление 6-го марта 1920 года польской армии и захват ею г. Мозыря и г. Речицы был как бы пробным камнем и сигналом к дальнейшему развитию военных действий в более широком масштабе в апреле.

К 25-му апреля сосредоточив 10 пехотных и 2 кавалерийских дивизии, польское командование бросает главную массу этих сил в Киевском направлении.

Большая активность, проявляемая со стороны противника, заставляет красное командование организовать переброску сил с других фронтов гражданской войны на неожиданно образовавшийся новый Польский фронт.

Последний к 6-му мая (день захвата поляками Киева) [2]) уже имел протяжение около 750 верст и включал в себя три основных района боевых действий:

Белорусский (от Дриссы до Бобруйска), *Полесский* (от Бобруйска до г. Овруча) и *Волыно-Подольский* (от Овруча до Днестра включительно).

В оперативном отношении весь Польский фронт был подразделен на два фронта: *Западный* (от г. Дриссы до Пинских болот включ.) и *Юго-Западный* (от Пинских болот до Днестра включительно) [3]).

---

[1]) В настоящее время в политическом и экономическом отношениях Польша находится под тяжелой пятой не только французского империализма, но и английского. Майский переворот 1926 года Пилсудского был организован с помощью английского консервативного правительства.

[2]) 3-го мая английский король Георг V послал Пилсудскому поздравительную телеграмму, в которой он выражал „от своего имени и от имени всего английского народа“ (читай: от лордов, графов, принцев, крупной буржуазии, шахтовладельцев, банкиров и социал-шовинистов) „горячее и сердечное пожелание лучшего будущего и уверенность в том, что с наступлением новой эры в Польше воцарится неограниченное благосостояние и мир“. Король Георг V получил ответную благодарственную телеграмму от Пилсудского („Таймс“ от 11-го мая 1920 года. Бюллетень НКИД № 16 от 8-го июня 1920 г.).

[3]) Кроме борьбы на польском участке фронта, командование Юго-Западного фронта руководило еще операциями против остатков южной контр-революции Врангеля.

С целью ослабить определившийся успех противника в Киевщине и на Волыни, 14-го мая красное командование организует первое большое наступление из района Полоцк—Лепель в общем направлении на Вильну [1]).

Эта майская операция Западного фронта первоначально имеет успех, в результате которого красные войска к 30-му мая продвинулись на 120 километров от исходной линии наступления.

Выбранное нами оперативное направление к древней столице Литвы—Вильне, которую Польша захватническим порядком присоединила к своей территории, а также наш успех и быстрое продвижение на запад заставляют польское командование организовать контр-наступление на его левом фланге фронта.

С целью локализовать наш успех и тем обеспечить для себя в дальнейшем нейтралитет со стороны Литвы и Латвии, польское командование начинает переброску и сосредоточение значительных сил как из резерва, так и за счет других участков своего фронта, группируя их, главным образом, на Свенцянском направлении и в районе северо-западнее Борисова.

Несмотря на целый ряд упорных боев, красные части были принуждены под напором превосходных сил противника отойти в район Дисны и на линию реки Березины, где бои с переменным успехом продолжались почти вплоть до второго решительного наступления (4-го июля) армий Западного фронта.

Победа польской армии в Киевском направлении была временной, уже 12-го июня мы берем обратно город Киев, а к 20-му июня наши XII-я, I-я конная и XIV-я армии Юго-Западного фронта, опрокинув сопротивление противника, занимают Овруч, Житомир, Летичев, Ямполь и др. города.

Оперативный план командования Западного фронта перед вторым наступлением 4-го июля 1920 года. *Черт. № 2.*

Несмотря на то, что майская операция Западного фронта закончилась отходом красных частей от Козян и Постав (линия старых германских окопов) в район Дисны и от гор. Игумен к переправам на Березине, все же мы получили определенные оперативные выгоды.

Последние складываются из следующих основных моментов:

1) Нами было занято выгодное озерное пространство севернее Лепеля с многочисленными озерными дефиле (между оз. Б. Ельня, оз. Жада, оз. Сшо) и речной рубеж Березины,

---

[1]) Более подробно см. труд Н. Какурина и В. Меликова, „Война с белополяками“.

2) мы обеспечили за собой важный железнодорожный узел гор. Полоцка и обезопасили постоянно находившийся под угрозой Витебск,

3) на боевом опыте проверили все особенности молодого польского империализма и его армии и

4) сделали соответствующие выводы о работе тыла в период быстрого наступления в полосе местности на правом фланге Западного фронта.

В конце июня месяца Западный фронт получил несколько новых дивизий, а также различных пополнений, которые и были влиты в его армии.

К 1-му июля четыре армии (IV-я, XV-я, III-я, XVI-я) и Мозырская группа занимали фронт по линии: Западная Двина (юго-восточнее Дриссы)—оз. Б. Ельня — оз. Сшо—Борисов и далее по левому берегу Березины на Мозырь.

Силы противника к этому времени против армий Западного фронта исчислялись следующим образом: против фронта наших IV-й, XV-й и III-й армий— 9 дивизий общей численностью в 32.600 штыков и 2.200 сабель и против XVI-й армии и Мозырской группы—около 7 дивизий численностью в 26.800 штыков и 5.200 сабель. Всего же противника вместе с запасными частями, готовыми к влитию во фронтовые части, против Западного фронта было не менее 86.400 штыков и 8.600 сабель.

По данным войсковой и агентурной разведки, главные силы противника группировались в районе: Германовичи—Глубокое—Докшицы, а остальные части были растянуты кордоном по правому берегу Березины.

С целью захватить инициативу у польского командования, которое под влиянием неудач в Киевском направлении могло со дня на день развить наступление на Полоцк—Лепель и Витебск, наше главное и фронтовое командование решает в начале июля начать активную операцию против левого крыла Польского фронта.

В конце июня командующий Западным фронтом тов. Тухачевский посетил всех командующих армиями [1]). Он

---

[1]) Автор настоящей работы в это время был помощником командующего IV-й армией. Присутствуя на этом оперативном совещании в Полоцке, автор пользуется случаем подчеркнуть здесь то громадное значение, которое имеет личное общение. Никакие переговоры по прямому проводу, ни директивы и приказы не могут дать столько ясности, как личное общение. К сожалению, условия современной войны, дав прекрасные средства сообщения до воздуха включительно, не всегда дают возможность командующему часто применять личное общение (отрыв от пункта, куда стекаются все донесения). Но, несмотря на это, командующий всегда должен стремиться найти эту возможность и особенно перед и во время больших оперативных решений.

Таблица № 17.

Оперативный план наступления 4-го июля 1920 года командующего Зап. фронтом М. Н. Тухачевского.

Наименование.	Состав		Район сосредоточения к 3-му июля [3]).	Оперативное назначение [3]).	Численность.			Группировка.	Примечание.
	Стрелк. див.	Кавал. див.			Штыки.	Сабли.	Вообще бойцы.		
IV-я армия[1]) Сергеева.	18-я, 12-я, 53-я, 164-я бригада.	10-я и 15-я [2]).	Главные силы на правом фланге на участке южнее р. Зап. Двина—оз. Жада (вкл.).	С рассветом 4/VII атаковать противника, нанося главный удар из района севернее оз. Б. Ельня в юго-западном направлении, и отрезать его главным силам путь отступления на Свенцяны. Не позже 5/VII достигнуть линии Шарковщизна—Лужки. Конную массу Гая двинуть по левому берегу р. Зап. Двины на Свенцяны.	4.168 ок. 2.500 2.047 „ 1.000 — 9.715	220 — 252 — 3.644 4.116	ок. 7.005 „ 5.000 „ 4.500 — 4.911 21.416	*Главная маневренная масса правого фланга* 12½ стрелковых и 2 кав. дивизий. 50.792 шт. 9.133 сб. 99.972 вообще бойцов.	1) В IV-ю армию еще входила 48-я стр. дивизия и была расположена на латвийской границе. 2) 10-я кав. и 15-я кав. дивизии составляли 3-й конный корпус. 3) По директивам командзапа от 30/VI и 2/VII 1920 г. за № 0224/коф. и № 01896/оп/сек. 4) Перегруппировка частей на фронте XVI-й армии несколько задержала ее готовность к переходу в наступление, последнее началось 7/VII.
XV-я армия Корка.	4-я, 11-я, 16-я, 33-я, 54-я. Разные части	—	Главные силы в районе севернее жел. дороги Полоцк—Молодечно. Линия фронта: оз. Жада—оз. Сшо.	4/VII прорвать фронт противника и движением вперед отрезать ему путь отступления от Германовичи на Глубокое. 6/VII выйти в район ст. Парафианово силою не менее четырех дивизий.	ок. 5.000 5.441 4.417 3.060 4.401 885 23.204	258 207 837 1.289 171 — 2.762	ок. 10.000 8 854 9.660 7.569 8.596 2.254 46.933		
III-я армия Лазаревича.	5-я, 6-я, 21 я, 56-я. Разные части	—	Главные силы (не менее трех дивизий) в районе тракта Косари—Докшицы.	4/VII стремительным ударом опрокинуть противника и 5/VII занять район Докшицы, отрезав пути отступления противнику вдоль жел. дор. на ст. Парафианово. В дальнейшем иметь целью наступление в общем направлении на Молодечно—Минск.	ок. 7.000 „ 3.500 „ 4.000 3.222 151 17.873	509 50 1.424 272 — 2.255	ок. 10.000 6.386 8.805 5.987 445 31.623		
XVI-я армия Соллогуба.	2-я, 8-я, 10-я, 17-я, 27-я. Разные части	—	Главные силы в районе устья р. Бобр, устье р. Клева. Сосредоточение закончить к 4/VII.	Форсировать р. Березину в ночь с 5 на 6/VII и развить стремительное наступление на Смолевичи—Минск [4]).	4.282 4.194 4.370 5.624 ок. 5.000 575 24.045	— 324 130 249 ок. 250 — 953	8.354 7.842 7.637 12.920 ок. 9.000 575 46.328	*Активная группировка центра и левого фланга фронта* 6½ стр. дивизий. 30.150 шт., 1.436 сб., 58.766 вообще бойцов.	
Мозырская группа Хвесина.	57-я. Сводный отряд. Разные части.	—	Продолжать наступление по правому берегу р. Березины в Бобруйском направлении.		3.142 1.547 1.416 6.105	170 313 — 483	6 438 ок. 3.000 „ 3.000 12.438		

подробно изложил командармам свой оперативный замысел [1]) для второго решительного наступления, предложив каждому детально его проработать, в соответствии с теми силами и средствами, которые имел каждый командующий армией, и сообразно той оперативной задаче, разрешение которой ложилось на данную армию.

Таблица, приведенная на стр. 158 и 159, наглядно говорит об этом оперативном замысле командующего фронтом.

Как видим, оперативная идея командующего Западным фронтом преследовала задачу—*в первые же дни наступления* найти живую силу противника и посредством комбинированного удара IV-й, XV-й и III-й армий уничтожить и рассеять его основную группировку в районе: Германовичи—Глубокое—Докшицы.

Главная маневренная масса была сосредоточена на правом фланге Западного фронта (см. таблицу № 17 и чертеже № 2), IV-я армия с приданным ей 3-м конным корпусом должна была наступать к северу от оз. Б. Ельня и к 5-му июля выйти к Шарковщизне, т.-е. в тыл основной группировке противника, выбросив конницу по левому берегу Зап. Двины на Свенцяны, в то время как III-я армия ударом из района верховья Березины на запад и северо-запад (ст. Парафианово), перерезывая неприятелю путь отхода на Молодечно (вдоль дороги Полоцк—Молодечно), тем самым замыкает с юга кольцо окружения.

XV-я армия, действуя в промежутке между обходящими армиями своими тремя правофланговыми дивизиями, прорвав укрепленную позицию, вытесняет противника на местечко Глубокое.

Ясно, этот смелый и решительный оперативный замысел требовал от командования армиями искусной организации маневра и внезапности самого удара, а от стрелков и кавалерии—большого порыва и исключительной быстроты действий.

Оперативная задача, которая выпадала в первые дни наступления на XVI-ю армию (удар главными силами в направлении Игумен—Минск) и Мозырскую группу (наступление на Глуском направлении), в стратегическом разрезе должна была носить характер активно-вспомогательный (связывание центра противника) по отношению к главной операции правого крыла Западного фронта, в районе которого было сосредоточено почти двойное превосходство сил, по отношению к силам белополяков.

---

[1]) В основу его была положена та же идея, что и в майской операции, т.-е. упирание правого фланга Западного фронта в Литву и Восточную Пруссию с целью отбросить польские силы к болотистому Полесью.

Таким образом, в ближайшие дни весь громадный район боевых действий от Дриссы (искл.) на Свенцяны—Минск—Глуск и далее к линии нашего фронта, наполненный грохотом орудий и борьбою живой силы двух противников, должен был нам показать, примут ли активное участие в этой операции все имеющиеся здесь силы противника или же, наоборот, ошеломленные нашим мощным ударом, они всемерно будут стремиться ускользнуть из клещей и искать свое спасение в быстром отходе на линию Вильно—Лунинец [1]).

От Зап. Двины и Березины к Нареву и Зап. Бугу.
Черт. № 2 и схема № 5.

К 3-му июля, во исполнение директив командзапа, все командующие армиями отдали необходимые оперативные распоряжения. День перехода в общее наступление для ударной группы армий (IV-я, XV-я и III-я) был установлен на 4-е июля [2]).

Артиллерийский огонь, открытый по всему фронту трех наших армий, встретил наступающее утро 4-го июля. Войска правого крыла Западного фронта перешли в дружное наступление на всем 110-километровом участке фронта [3]).

Укрепленная позиция противника прорвана.

Красные войска приступили к выполнению обходного маневра.

Наш удар имел большой моральный успех.

Белополяки бросают свою укрепленную полосу и к вечеру 4-го июля отходят на 5—10 клм. к западу.

Сведения, в сильно преувеличенных размерах, о глубоком обходе с севера 3-го конного корпуса, который двигался в направлении Свенцян, с быстротой электрического тока разносятся по отступающим частям всей северной группировки противника.

Сильный удар XV-й армии в направлении Глубокое и двигающиеся с севера и юга стрелковые дивизии IV-й и III-й армий вносят замешательство в неприятельские ряды.

---

[1]) См. крайне важное оперативное решение польского главного командования от 2-го июля 1920 г. (приложение № 1). Следует здесь указать, что переход 4-го—7-го июля армий Западного фронта в общее наступление заставил поляков ввязаться с нами в бои, которые продолжались пять дней. Но эти бои не носили решительного характера, противник если и переходил в некоторых местах в контр-наступление, то только для того, чтобы дать возможность главным силам отойти в западном направлении.

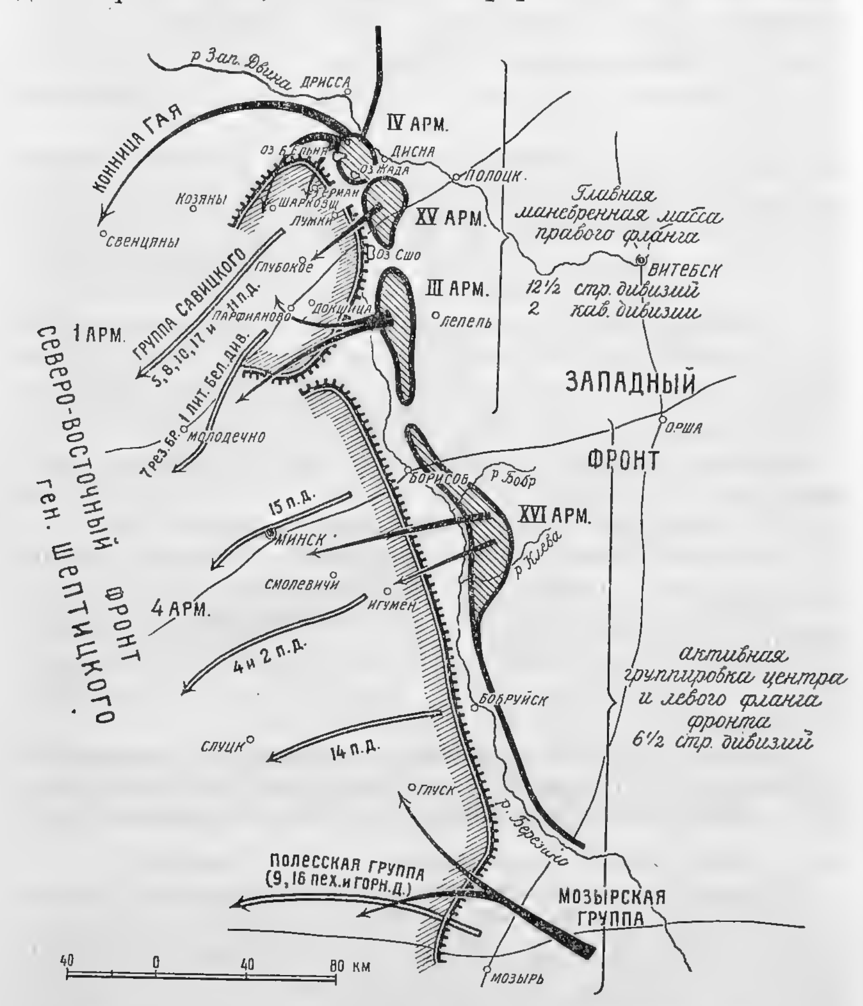
[2]) XVI-я армия перешла в наступление 7-го июля (см. табл. плана командзапа).

[3]) В нашу задачу не входит подробное описание всех боев и передвижений, которые имели место с начала этого наступления армий Зап. фронта и до подхода их к линии Нарева и Зап. Буга. В дальнейшем мы коротко остановимся на этом периоде, как на естественном преддверии к сражению на Висле.

5-го и 6-го июля он подтягивает к району боевых действий части из своих резервов. Идет короткий бой.

Но психика неприятеля уже надломлена.

Окончательно потеряв волю к сопротивлению и желание дать хороший бой, он бежит. Непрерывно подталкиваемый

Черт. № 2.
План наступления Зап. фронта 4-го июля 1920 года.

сильными ударами XV-й армии из центра, противник тем самым уходит из объятий готовящихся ему клещей.

Полное окружение не удается, ибо процесс движения наших обходящих стрелковых колонн IV-й и III-й армий оказался более медленным, чем отступательное движение

противника в западном и юго-западном направлениях из района главной группировки.

7-го июля XVI-я армия успешно форсирует реку Березину и отбрасывает противника в Минском и Игуменском направлениях. Мозырская группа продвигалась на Глуск.

В результате первых дней нашего решительного наступления противник не только понес потери, но и на долгое время потерял способность к серьезному сопротивлению.

12-го июля его сильно потрепанные дивизии, под непрерывными ударами красных частей, оказались далеко на западе у Вильна, Барановичи и Лунинец [1]).

Но прошло только семь дней, как все эти важные железнодорожные узлы и административные пункты оказались в руках быстро наступающих красных армий.

14-го июля, после короткого боя на реке Вилия, IV-я армия занимает Вильна. 19-го июля части XVI-й армии уже в Барановичах, а 18-го июля весь район станции Лунинец занят Мозырской группой.

Мы приближались к сильному естественному рубежу рек Немана и Шары. Польское командование решает здесь организовать сопротивление.

И, действительно, начинается новая серия сильных боев. Но отданная нам противником в период 4-го—7-го июля инициатива оказалась в слишком крепких руках.

Блестящий порыв бойцов 3-го конного корпуса, действовавшего в полном взаимодействии со стрелковыми дивизиями IV-й армии, к 24-му июля комбинированным ударом занимает Гродно.

К этому же времени части XV-й, III-й, XVI-й армий, форсировав р.р. Неман и Шару, а также трудно проходимые Пинские болота, выходят на линию Волковыск—Пинск.

Вдали виднелись Нарев, Западный Буг, а далее и Висла. К ним-то и двинулись с лозунгом: „Даешь Варшаву" и с тем же воодушевлением красные полки, уже преодолевшие с боями в столь незначительный промежуток времени (20 дней) громадное пространство (более 350 километров).

---

[1]) Мы не приводим директив командзапа, которые в период нашего наступления почти до Зап. Буга фактически носили характер только регулирующих движение вперед. Эти несколько директив (см. труд „Война с белополяками") давали полную свободу оперативному творчеству для командующих армиями, и, кроме коротенькой общей обстановки и сведений о противнике для оперативных решений, в них указывались только общие направления и разграничительные линии для достижения тех или иных рубежей, а все остальное, как-то проявление инициативы при осуществлении души операции—маневра и т. д., предоставлялось уже частным начальникам. Всему этому еще способствовало то обстоятельство, что быстро отходящие на запад силы противника были вытянуты кордоном по всему фронту, и, только начиная, примерно, с меридиана Гродно, неприятель начал усиливать свой левый фланг.

И вот об этом-то наступлении, где полное самоотвержение и сознание революционного долга стояли выше всех суровых трудностей боевой жизни, Пилсудский пишет следующее:

„Победоносный поход красных армий к Варшаве произвел могущественное влияние. У нас было впечатление калейдоскопа, вызывавшего хаос в расчетах, в приказах и донесениях.

Этот калейдоскоп непрерывно вращался, и в нем сегодняшний день был совсем не похож на завтрашний. А фигуры этого калейдоскопа,—отступающие польские дивизии и полки, перемешанные с географическими названиями, представляли собой какую-то путаную кадриль“.

Итак, четыре армии и одна армейская группа Западного фронта продолжали свое движение к линии Нарева и Западного Буга.

К концу июля они достигли этих рубежей.

Группировка наступающих сил фактически не видоизменялась и оставалась такой же, как и 4-го июля. В графическом отношении она имела вид железного молота, ударная часть которого состояла из тех же IV-й, XV-й и III-й армий, а рукоять этого молота—из XVI-й армии и Мозырской группы.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Политическая и военная обстановка перед сражением на Висле.

Международное положение.

Классовая война есть продолжение классовой политики, но только с оружием в руках.

Наша политика и дипломатия, тесно объединившись с боевой работой Красной армии, на протяжении всех операций в июле и августе 1920 года также господствовала на полях сражений.

Политические и экономические моменты оставили свой глубочайший след на оперативной деятельности обеих сторон,—кратким освещением этих моментов и послужит настоящая глава, как одна из основных ступеней к оперативному исследованию замечательного сражения военной истории, сражения на Висле.

„Наш противник, т.-е. *мировой империализм*, т.-е. в действительности все капиталистические правительства всего мира действуют против нас *не только насилием*, не только *военным наступлением*, но и *дипломатическими маневрами*, не только открытым нападением, но и *видимостью миролюбия*, видимостью *дружелюбных действий*, требующих с нашей стороны постоянной *осторожности*, величайшей *бдительности*“ [1]).

„*Коммунистическая дипломатия* вооружена той боевой силой, которую дает ей представляемый ею пролетариат, одушевленный классовой ненавистью к своим врагам.

Коммунистическая дипломатия вооружена тем реализмом, не поддающимся ни на какие уловки, который дается представляемым ею рабочим классом, единственным классом, стоящим лицом к лицу с действительностью борьбы против природы.

Коммунистическая дипломатия ни на минуту не отступает от своей бдительности, от своей твердости. *Она отвечает на удар—ударом, на махинации отвечает их разоблачением*, она отвечает *на коварство — апелляцией к широким массам других стран.*

---

[1]) Стенограмма доклада тов. Г. В. Чичерина на заседании ВЦИК от 17-го июня 1920 года. Вестник Н.К.И.Д. № 4—5, 1920 года.

Она отвечает, *разоблачая* перед рабочим классом всех стран *те коварные планы,* которые против него направляют господствующие классы всех стран“.

Эти две выкладки из доклада тов. Чичерина в достаточной мере характеризуют сущность нашей *международной политики.*

Последняя сложилась для нас в период июльской операции (т.-е. до подхода к линии Нарев—Зап. Буг) из следующих основных моментов.

1. Факт разгрома нашей отечественной контр-революции (Колчак, Деникин, Юденич и др.), которая получала всемерную поддержку от держав Антанты, нанес громадный удар по мировому престижу Англии и Франции. Последние, будучи непримиримыми врагами советского строя, приложили все усилия, чтобы не дать возможности нам перейти с фронтов гражданской войны на фронты мирного внутреннего строительства.

2. Основная цель в политике британского правительства, во главе которого стояли искусные представители господствующего капиталистического класса Англии — Ллойд-Джордж, Керзон, Черчилль[1]), сводилась к тому, *чтобы, воз-*

[1]) Если Черчилль является с первых дней своей политической карьеры крайним милитаристом и ярым защитником самой широкой колониальной политики Англии, если лорд Керзон, как бывший вице-король Индии, этой „жемчужины“ британской короны, являлся верным и постоянным защитником интересов империалистической политики господствующего класса капиталистов, к которому он принадлежал с первого дня своего появления на свет, — то иначе обстоит дело с Ллойд-Джорджем.

Громкое *слово* у маститого английского премьера на протяжении всей его политической деятельности всегда расходилось *с делом.*

Вот один из характерных примеров. В одной из своих речей (см. H. Du Parcq, „Life of David Lloyd-George“) Ллойд-Джордж гордо заявлял: „Я человек народа, рожденный и выросший в его среде, и величайшей радостью моей жизни является возможность принять активное участие в борьбе того класса, принадлежностью к которому я горжусь. Я вырос среди народа. Я знаю его печали. И бог не позволит мне прибавить хотя бы одно зернышко к тому бремени, которое он несет с таким мужеством и терпением“.

Таковы *слова* этого человека „из народа“. И чтобы доказать всю искренность этих слов, мы напомним одно из *дел* Ллойд-Джорджа, которое вошло самой черной страницей в историю Англии.

В 1920 году по распоряжению Ллойд-Джорджа арестовывают одного из вождей синн-фейнеров Ирландии, мэра гор. Корка—Мак-Суини. Последний, чувствуя свою правоту и борясь за независимость Ирландии, объявляет в тюрьме голодную забастовку. На 19-й день голодовки Мака-Суини виднейшие деятели различных политических направлений Англии обращаются к Ллойд-Джорджу с требованием освободить Мака-Суини.

Но все эти запросы и требования безрезультатны. Ллойд-Джордж упорно решил настоять на своем и, говоря, что „мы не можем допустить гражданской войны у наших дверей“, замучить представителя того народа, своей принадлежностью к которому он так гордился.

буждая одного врага за другим, заставить трудящиеся массы Советской России находиться в непрерывном боевом напряжении до тех пор, пока они не истекут кровью на фронтах.

Логика такой политики к концу гражданской войны в России требовала *найти* для последней *нового врага*, и он нашелся в лице буржуазно-шляхетской Польши.

3. Октябрьская революция была сигналом к началу национально-освободительного движения для многомиллионных народов Востока.

Развитие же национально-революционной борьбы на Востоке наносило удар по британской дипломатии и в Индии, и в Персии, и в Турции, и в других странах Востока. Таким образом, после Деникина и Колчака Польша для английской политики *являлась ничем иным, как защитницей* британских интересов на Востоке, ибо, в случае ее победы над Советской Россией, эта победа тем самым развязывала руки для британского империализма не только на территории Советской России, но и в странах Востока.

4. Если *Англия* — мировая политика с самым широким кругозором и далекими перспективами, которые развивают и поддерживают ее могущественные капиталистические круги, то несколько другое—Франция.

Франция — это уже, начиная с Наполеона I, континентальная европейская политика.

„Франция — это банкир, нажившийся мелкий буржуа, заботящийся о своих прибылях и своих сбережениях. Но, кроме того, политика Франции диктуется также вечным страхом перед возрождением Германии“ [1]).

А поэтому империалистическая политика Пилсудского для Франции была крайне важна, ибо, в случае ее побед, французские держатели царских займов были бы удовлетворены с большими процентами. Французский сенатор де-Монзи в 1920 году подсчитал, что сумма французских вкладов в России достигает 25 миллиардов франков.

Прошло 74 дня голодовки (Вестник Н.К.И.Д. № 9—10, 1920 г.), и Мак-Суини умер. Таковы слова и дела Ллойд-Джорджа.

Во время англо-бурской войны Ллойд-Джордж был депутатом в палате от Карнарвона, он выступил с грозной обвинительной речью, пропитанной ненавистью к британскому империализму на юге Африки. Он говорил: „Я благодарю небо за зрелище маленькой крестьянской нации (буры), борющейся против могущественнейшей империи в мире,—нации, предпочитающей лучше умереть, чем припасть к ногам вульгарнейшего Мамона“. В дальнейшем (Смирна) читатель увидит, какими беспощадными мерами боролся Ллойд-Джордж, чтобы окончательно погубить в 1919—22 годах турецкую „крестьянскую нацию“, которая также боролась за свою независимость.

[1]) Доклад тов. Чичерина на пленарном заседании ВЦИК по поводу договора с Эстонией. Вестник НКИД № 3, 1920 г.

Но французские буржуа, подсчитывая свои капиталы, забывают о тех миллиардных разорениях, которые они нанесли посредством трехлетней интервенции трудящимся Советской России.

5. Таким образом, главными инициаторами наступления на нас белой Польши были именно эти две державы, кровно заинтересованные в победе Пилсудского.

И здесь слова тов. Ленина, который говорил: „Когда польская армия под присмотром французских, английских и других специалистов-инструкторов, на их капиталы, с их амуницией пошла, но была разбита“ [1]), вполне оправдываются. Ибо еще в *феврале* 1920 года из доклада по военному бюджету, представленного французской палате, было видно, что Франция имела в Польше: 9 французских генералов, 28 полковников, 63 батальонных командира, 109 капитанов, 496 поручиков и подпоручиков и 2120 рядовых французских солдат [2]).

К августу, с приездом в Варшаву англо-французской миссии во главе с Вейганом, эти цифры значительно увеличились. Таким образом, Англия и Франция в нашей войне с белой Польшей не только были основными вдохновителями, но и играли главную роль, размеры которой будут ясны из дальнейшего изложения.

6. Наши международные отношения в июле 1920 года с другими странами складывались следующим образом:

С Италией у нас было чисто торговое соглашение. Советский Центросоюз открыл торговую контору в Италии (кооперативное соглашение), то же право имели у нас итальянцы. Будучи членом Антанты, в коей главную роль играли Англия и Франция, итальянская международная политика не имела самостоятельности, а когда начинала проявлять таковую, то под соответствующим давлением главных держав Антанты стушевывалась и брала свою активность обратно.

Германия в то время не имела никакой политики, боязнь усиления репрессий со стороны держав-победительниц заставила отложить до более благоприятного времени желание Германии заключить с нами экономическое соглашение. 20-го июля по отношению к советско-польской войне Германия объявила нейтралитет.

---

[1]) Том XVIII, часть 1-я, стр. 93.

[2]) Согласно сведениям, опубликованным английским военным министерством за 1926—27 г.г., Франция предоставила Польше за время войны с Советской Россией: 185.000 винтовок, 100.000 гранат, 2.320 пулеметов, 288 орудий, 135 самолетов, свыше 100 миллионов патронов. Эти сведения, конечно, далеко неполные. Пройдет еще некоторое время, и мы узнаем полную картину материальной помощи для буржуазной Польши.

С Швецией, Норвегией и Данией наши попытки к прочному экономическому соглашению начинали принимать все более и более успешный характер.

С *Эстонией* мы уже заключили договор, с *Латвией, Литвой* и *Финляндией* вели успешные переговоры на принципах признания их полной независимости.

С Румынией у нас не было ни фактического мира, ни войны.

Турция в эти дни, как увидим ниже („Смирна"), вела национально-освободительную войну против константинопольского султана, которого поддерживала Англия, сорганизовавшая греческую оккупационную армию для борьбы с ангорским правительством Мустафы-Кемаля.

В Москве в это время был турецкий деятель Халил-паша, который являлся для нас представителем революционного правительства Малой Азии. Посылка нашего официального представительства в Ангору была актом, говорившим о нашем полном дружественном отношении к турецкому национально-революционному движению.

С Персией и *Афганистаном* [1]), которые боролись в это время с британским империализмом, наши дружественные отношения все более развивались. Широкие массы *Китая* с величайшим напряжением и симпатией следили за ходом нашей борьбы и, несмотря на давление европейских империалистов, организовывали митинги, резолюции которых являлись для нас лучшим доказательством, как угнетенные национальности реагируют на нашу героическую борьбу.

В то время, как империалистические круги *Японии* замышляли интервенционный поход в Восточную Сибирь с целью занятия Приморья, широкие трудящиеся массы Японии и даже японская буржуазия начинают всемерно бороться против этого империалистического замысла. В дальнейшем все-таки военная клика победила, Англия в лице Японии нашла после Польши *нового врага* для Советской России.

Но конечные результаты борьбы в Приморье *еще раз* показали империалистическому миру, что ни организацией

---

[1]) В это время в Персии, в противовес правительству шаха в Тегеране, образовалось в гор. Реште персидское советское правительство, правда, недолго просуществовавшее, в виду сильного нажима английского империализма. В Хиве также начинало развивать свою деятельность революционное правительство советского типа. Трудящиеся массы Афганистана, которые в эти дни вели борьбу с Англией, следя за политикой Советской России, на фактах видели, что единственное правительство в мире, которое стоит за полную национальную независимость восточных народов, есть советское правительство. Последний момент являлся решающим, и наши дружественные отношения с Афганистаном все более упрочивались.

похода 14 государств (план Черчилля), ни трехлетней интервенционной политикой, ни различными другими кознями *победы Октябрьской революции* поколебать невозможно. Ибо последняя является *мировой силой исторического процесса,* против которой беспомощны все могущественные империализмы.

И если Октябрьская революция в *ходе борьбы* и имела отдельные частные неудачи, *то сотни новых побед перетягивали и будут перетягивать ту чашку весов мировой истории,* на которой пока еще продолжает лежать старая, гниющая, хищная капиталистическая система угнетения человечества.

Нота Керзона и ответ Н.К.И.Д.

12-го июля отступающая бело-польская армия своими частями заняла фронт по линии: Вильна—Новогрудок—Барановичи—Лунинец—Сарны—западнее Каменец-Подольска.

Красная армия продолжала преследовать отходящего на запад противника. Серьезность военного положения Польши была налицо. Наш успех не мог не встревожить империалистических кругов Антанты за судьбу белой Польши.

12-го июля британский министр иностранных дел лорд Керзон от имени своего правительства передал ультимативную ноту советскому правительству. Здесь мы остановимся только на основных моментах этого ультиматума.

Англия готова *начать* переговоры для заключения *торгового соглашения* и прекратить взаимные враждебные действия, но для того, чтобы это осуществить, британское правительство предлагает следующее:

1. Заключить с польским правительством Пилсудского перемирие и *немедленно* приостановить военные действия, чем и способствовать восстановлению мира в Восточной Европе.

2. Польские войска отходят на линию: Гродно — Яловка — Немиров—Брест-Литовск — Дорогуск — Устилуг — восточнее Грубешова, через Крылов и далее западнее Равы-Русской, восточнее Перемышля до Карпат.

Севернее Гродно граница с Литвой идет вдоль железной дороги Гродно—Вильна и затем на Двинск.

Красные войска должны остановиться на расстоянии 5—10 километров к востоку от этой линии.

В Восточной Галиции обе стороны должны остановиться на линии, которую займут ко дню подписания перемирия.

3. В кратчайший срок в Лондоне должна быть созвана конференция под покровительством мирной конференции (т.-е. держав Антанты. *В. М.*) из представителей Советской России, Польши, Литвы, Латвии, Финляндии для переговоров об их окончательном мире между Советской Россией и ее соседями.

Представители Восточной Галиции должны быть также приглашены в Лондон для защиты своих интересов.

4. При посылке своих представителей Советская Россия должна обязаться не вмешиваться в политические или внутренние дела Британской империи и не вести пропаганды.

5. Британское правительство, кроме этого, *предлагает* советскому правительству *подписать перемирие с армиями Врангеля,* при чем последний после подписания перемирия должен отвести свои силы в Крым, а крымский перешеек будет служить *нейтральной зоной.* Генерал Врангель приглашается также в Лондон на конференцию для обсуждения судьбы своих войск и беженцев.

6. Британское правительство *обязалось* по договору Лиги Наций защищать неприкосновенность и независимость Польши в пределах ее законных этнографических границ.

7. Незаключение перемирия, на которое готово польское правительство [1]), и продолжение военных действий на территории Польши *обязывает британское правительство и его союзников помочь Польше всеми средствами, имеющимися в их распоряжении.*

8. Британское правительство ожидает ответа в недельный срок.

Таково содержание ультиматума Англии.

На первый взгляд кажется весьма странным, почему он был послан именно Англией, а не Францией, которая все время играла роль главного военного руководителя и вдохновителя во всех интервенционных делах белой Польши. Ответ совершенно прост. Несмотря на то, что из войны 1914—18 г.г. победительницами вышли все державы Антанты, основные плоды этой победы остались в руках Англии, которая на всех заседаниях по выработке Версальского договора играла первую скрипку, в то время как Франция, хотя и сидела рядом, играла на второй. Такова уже природа дипломатического искусства, накопившегося в течение многих десятков лет у английского империализма.

А сущность этой природы совсем проста, она только требует, чтобы политические каштаны, находящиеся в данное время в огне, вынимали *чужие руки* для того, чтобы после

---

[1]) Насколько было искренне „готово“ правительство Пилсудского установить с нами перемирие, явствует из следующей мысли самого же Пилсудского, который в своем труде „1920 год“ на стр. 119 пишет: „Ни наши войска, ни их командиры никак не могли справиться с победоносным противником. Кроме того, над всей Варшавой висел призрак мудрствующего бессилия и умничающей трусости. *Ярким доказательством этого была высланная с мольбой о мире делегация*“. Просто и откровенно, как и многие другие страницы его труда.

Попутно здесь следует указать точку зрения французского правительства на авантюру Врангеля. 20-го июля во французской палате депутатов от имени правительства Мильеран заявил: „Я позволю себе указать на положение Врангеля в Крыму, который в настоящее время мужественно, *при счастливо складывающихся обстоятельствах,* ведет успешную борьбу с большевиками. Там, в Крыму, фактически образовалось *настоящее правительство,* обеспечившее себе поддержку и симпатии населения. Оно введет в действие аграрный закон и распределит землю между крестьянами. В данный момент оно занято выработкой закона о народном представительстве, и в тот день, когда это *фактическое правительство* потребовало бы, как таковое, признание, ему, разумеется, будет поставлено предварительное условие, а именно: чтобы оно со своей стороны объявило себя солидарным и ответственным по всем прежним обязательствам России, в отношении других стран“. Мы полагаем, что данная часть речи Мильерана настолько ясна и возмутительна по своему содержанию, что комментариев не требует.

охлаждения их спокойно съедал господствующий капиталистический и буржуазный класс Англии.

Данный ультиматум, составленный под руководством лорда Керзона чиновниками Форрейн-Оффиса, по своему внутреннему содержанию и характеру есть явление весьма знаменательное. Он со всей наглядностью подчеркивает, что старательные английские ученики значительно превзошли своего талантливого учителя, флорентинца Николо Макиавелли. Характер требований Англии изложен в этом ультиматуме таким образом, как будто британская дипломатия адресовывала его провинившимся вассалам одной из своих колоний.

Но через пять дней эта ошибка с адресатом была разъяснена в ответной ноте от 17-го июля Народного Комиссариата по иностранным делам Советской России.

Основные моменты в ответе тов. Чичерина были следующие:

1. Советское правительство с большим удовлетворением принимает к сведению заявление великобританского правительства о его желании установить мир в Восточной Европе. Но, к сожалению, британское правительство не проявило этого желания к восстановлению мира в Восточной Европе в тот момент, когда Польша начала свое наступление на Россию и Украину.

2. Кроме того, вместо действительного содействия в достижении мира, к которому все время стремится советское правительство с окраинными государствами,—британское правительство, например, в декабре 1919 года через Верховный Совет предостерегало Эстонию от заключения мира с Советской Россией.

3. Предложение британского правительства созвать мирную конференцию в Лондоне при участии России, Польши, Литвы, Латвии и Финляндии является результатом неосведомленности Англии о взаимоотношениях между Советской Россией и ее соседями.

Без всякого постороннего вмешательства Советская Россия уже заключила мир с Эстонией (2-го февраля 1920 года), с Литвой (12-го июля), а также ведет самостоятельно и успешно мирные переговоры с Латвией и Финляндией [1]).

4. В отношении заключения перемирия с Польшей наблюдаются следующие характерные моменты:

а) Со стороны польского правительства не было *непосредственного* обращения к советскому правительству с заявлением о заключении мира [2]).

---

[1]) Мирный договор с Латвией был заключен 11-го августа 1920 г., с Финляндией—14-го октября 1920 года.

[2]) Польша обратилась за содействием непосредственно к союзникам, через своего представителя Грабского, который в начале июля ездил в Спа на заседание Верховного Совета.

б) Англия взяла на себя роль посредника тогда, когда военные успехи Польши пошатнулись, и была в роли наблюдателя, когда Польша подготовляла нападение и перешла в наступление против Российской и Украинской республик.

в) Посредничество Англии является посредничеством *третьей державы* между борьбой Советской России и панской Польши, в то время как при действительном желании Польши заключить мир и непосредственном обращении об этом к советскому правительству это посредничество третьей сильной державы отпало бы и с пользой для дела.

В силу этого, „Советское правительство полагает, что примирение с Польшей может быть в том случае успешно доведено до конца, если при этом будут исключительно приниматься во внимание интересы обеих сторон, между которыми, по его мнению, полное примирение легко допустимо, *и оно будет лишь до крайности затруднено*, если эти интересы займут подчиненное положение по отношению к интересам третьей державы“, а поэтому достижение мира с Польшей возможно лишь путем непосредственных ее переговоров с советским правительством.

5. Вмешательство группы правительств, именуемых *Лигой Наций*, в дело нашего примирения с Польшей советское правительство считает недопустимым, по простой причине, ибо никоим образом нельзя „согласиться на то, чтобы какая-нибудь группа держав принимала на себя *роль какой-то верховной инстанции над всеми государствами земного шара, и*, стоя на страже полной неприкосновенности суверенных прав российского трудящегося народа, Советское правительство *безусловно отвергает* притязания каких бы то ни было посторонних группировок держав, принимающих на себя роль верховных вершителей судеб других народов. Оно безусловно отвергает, поэтому, и какое бы то ни было вмешательство этого сообщества в дело примирения между Россией и Польшей“.

6. Если Польша обратится к Советской России о начатии переговоров о мире, то вопрос о перемирии будет разрешен в самом благоприятном для нее смысле. В таком случае „Советское правительство изъявляет вместе с тем готовность согласиться *на более выгодную для польского народа территориальную границу, чем та, которую наметил Верховный Совет в декабре прошлого года и которую снова предлагает Великобританское правительство в своем ультиматуме от 12 го июля.*

Советское правительство не может не принять во внимание того обстоятельства, *что эта граница была установлена Верховным Советом в известной части под давлением контр революционных русских элементов, приверженцев буржуазии и помещиков и что, например, в Холмской области решение по данному вопросу Верховного Совета явно отразило на себе влияние этих контр-революционных элементов и пошло по следам анти-польской политики царизма и империалистической великорусской буржуазии в этом вопросе.*

Советская Россия готова вообще в отношении условий мира в тем большей степени итти навстречу интересам и желаниям польского народа, чем дальше в своей внутренней жизни польский народ пойдет по такому пути, который создаст прочную основу для *действительных братских отношений трудящихся масс Польши, России*

и Украины, Белоруссии и Литвы и создаст гарантию, что Польша перестанет быть орудием нападения и интриг против рабочих и крестьян Советской России и других наций".

7. В отношении вопроса о *Врангеле*, который был затронут в ноте лорда Керзона, необходимо отметить, *что*:

а) активные действия Врангеля совпали с наступлением польских войск на Украине,

б) державы Согласия оказывают самую активную помощь обеим сторонам,

в) с ведома Антанты существует неразрывная связь между операциями Врангеля и кампанией белой Польши,

г) войска и администрация Врангеля, совершенно лишенные собственных источников дохода, целиком существуют на средства некоторых держав Антанты,

д) материальная помощь и военное снаряжение подвозится на великобританских судах или из гаваней, находящихся в великобританской оккупации,

е) факт приглашения в Лондон Врангеля подтверждает мысль, что он является агентом Великобритании и ее союзников, т. к. это приглашение принимается в ультиматуме за него,

ж) оставление в неприкосновенности Крымского полуострова будет не только убежищем для белогвардейских мятежников, но и будет служить поводом к осуществлению старого замысла Великобритании аннексировать этот полуостров и подчинить его территорию Англии, как когда-то это было сделано с Архангельским и Мурманским краем.

Учитывая все эти моменты, „Советское правительство еще раз подтверждает свою готовность гарантировать личную безопасность мятежному бывшему генералу Врангелю и всем входящим в состав его армии лицам и покровительствуемым им беженцам под *условием их немедленной и полной капитуляции и сдачи советским властям всей занимаемой ими территории и всех имеющихся в их руках военных материалов, складов, зданий, путей сообщения и т. д. на тех же основаниях, как это предполагалось Советским правительством по отношению к Северному правительству бывшего ген. Миллера*".

8. Имея в виду, что нота Керзона в своей вводной части говорила о желании Англии установить мир с Советской Россией и возобновить торговые отношения и что эта деловая вводная часть была как бы прелюдией к последующим за ней пунктам ультимативных требований,—то, хорошо зная по опыту 1917—1919 г.г. настоящую цену керзоновской гуманности, черчиллевского миролюбия и ллойд-джорджевской искренности, нота тов. Чичерина формулировала ответ на это „желание" Англии следующим совершенно конкретным предложением: „Будучи одушевлено самым горячим желанием устранить всякие конфликты между Россией и Великобританией, положить конец ведущейся между ними борьбе и достигнуть окончательного мира между ними, Советское правительство возлагает свои надежды на отправляемую в Лондон делегацию

в пополненном составе [1]), имеющую целью на основе меморандума 1-го июля и ответной ноты Советского правительства 7-го июля вести переговоры с Великобританским правительством в целях достижения соглашения с ним. Эта цель будет достигнута с тем большим успехом, если будут устранены всякие новые посторонние обстоятельства, могущие лишь нанести ущерб начавшему уже налаживаться улучшению отношений между Россией и Великобританией".

Как видим, нота тов. Чичерина, отвечая на все требования Великобритании, попутно выдвинула четыре основных и кардинальнейших вопроса.

1) Для скорейшего прекращения военных действий и установления мира Польша, как первая начавшая войну, сама должна позаботиться об этом и предложить свои условия.

2) Англия, как *третья держава,* не должна вмешиваться в вопросы мира, в котором и без нее более заинтересованы две воюющих державы.

3) Полная капитуляция Врангеля.

4) Разрешение вопроса о торговых взаимоотношениях между Советской Россией и Великобританией.

Как и следовало ожидать, все эти наши предложения оказались обратно-пропорциональными политике империалистических держав. Не в их интересах было разрешить эти важнейшие вопросы. Ибо восстановление настоящего мира в Европе, мира, который бы должным образом отвечал на насущные вопросы населяющих ее народов, такой мир был невыгоден державам Антанты и в первую голову Англии и Франции. Выдвигая свои конкретные и жизненные предложения и отвергая посредничество Англии в вопросах нашей войны с Польшей, мы знали, что единственная цель, которую преследует нота Керзона,—это спасти своих вассалов Пилсудского и Врангеля от полного разгрома. Этот маневр опытного британского империализма для нас был абсолютно ясен. И, отвергая посредничество Англии, мы тем самым говорили, что этот маневр, преследующий цель дать возможность с помощью Англии и Франции армиям Пилсудского и Врангеля оправиться, переформироваться, укомплектоваться и вооружиться,—не в интересах мира на востоке Европы.

Зная, что наш ответ услышат трудящиеся массы Польши, мы говорили, что затронутый в ноте Керзона территориальный вопрос не может представлять для Советской России никаких затруднений.

---

[1]) В состав советской делегации были назначены: председателем тов. Каменев, заместителем тов. Красин и членом тов. Милютин (член президиума ВСНХ).

19-го июля тов. Каменев и Красин выехали из Москвы в Ревель с тем, чтобы оттуда на английском миноносце проследовать в Лондон.

Мы требовали, чтобы польское правительство, минуя Париж и Лондон, обратилось с предложением о мире непосредственно в Советскую Москву. Этот прямой путь быстрее бы разрешил вопрос о мире и границах. Ибо те границы, которые предложил ультиматум Керзона, есть граница французского ген. Фоша, которую он провел на заседании Высшего Совета Антанты в декабре 1919 года в согласии с представителями великорусской белогвардейщины—Сазоновым и Маклаковым.

Эта граница, которая идет по живому телу Польши в районе Холмщины, должна была бы сигнализировать трудящимся массам Польши, что в установлении этой границы заинтересованы скорее представители русского царизма, чем Советская Россия.

„Действительные границы Польши [1]), которые мы, Советская Россия, установим совместно с представителями польского народа, будут *восточнее тех границ*, которые из Лондона и Парижа начертали империалисты, одинаково враждебные и ненавистные труженикам как Польши, так и России“.

Таковы были наши искренние предложения по вопросу о мире, и если на них не пошли Пилсудский, Врангель и их вдохновители—Англия и Франция, то здесь только их вина перед лицом истории трудящегося человечества [2]).

---

[1]) Из обращения Совета Народных Комиссаров от 20-го июля 1920 г.

[2]) Следует указать, что после нашей ответной ноты от 17-го июля *22-го июля* польское правительство и командование обратилось к нам с предложением прекратить военные действия и начать переговоры о мире и перемирии, прося дать ответ к 30-му июля. Мы дали свое согласие немедленно, не ожидая предоставленных нам *восьми* дней, с указанием места встречи делегатов обеих сторон. Только *30-го июля* приехали польские делегаты, но этот приезд был первой пробой оттяжки переговоров. Оказалось, они имели полномочия только от военного командования и не получили таковых от правительства. Они готовы говорить только о вопросах перемирия, не больше. Мы предложили им связаться по радио с Варшавой с тем, чтобы получить необходимые полномочия от правительства Польши. Но польские делегаты уехали обратно. В дальнейшем началась умышленно организованная Англией и Францией дипломатическая волокита. *До 12-го августа* шла переписка с польским министром иностранных дел Сапегой, польские делегаты саботировали. Было ясно, что под давлением Мильерана и Ллойд-Джорджа Польша уклоняется от переговоров под разными предлогами. В ее интересах было, чтобы красные армии перешли линию, установленную ультиматумом лорда Керзона, с тем, чтобы развязать руки Англии и Франции для открытой интервенции против Советской России. *27-го июля* в Булони произошло совещание между Мильераном и Ллойд-Джорджем, на нем обсуждался вопрос об ответной ноте тов. Чичерина. Был выработан общий план действий по вопросу о помощи Пилсудскому. *4-го августа* Ллойд-Джордж и Бонар-Лоу вызвали к себе т.т. Каменева и Красина и заявили им, что раз до сих пор не начались мирные переговоры и в виду того, что красные армии продолжают развивать наступление, то *„через три дня будет готов флот, отдан приказ о возобновле-*

II-й Конгресс Коммунистического Интернационала.

В тот момент, когда на всем протяжении Польского фронта Красная армия победоносно отражала внезапное нападение белополяков, на заседании 19-го июля 1920 года II-го Всемирного Конгресса Коммунистического Интернационала было принято два воззвания—к Красной армии и к рабочим и крестьянам всех стран.

Следующие основные моменты из этих двух политических деклараций вполне определяют отношение собравшихся со всех концов земного шара лучших представителей рабочего класса и крестьянства к той тяжелой борьбе, которую вела Советская Россия с буржуазно-помещичьей Польшей.

1. Конгресс приветствовал Красную армию, которая боролась на Западном и Юго-Западном фронтах. Он говорил, что такая война есть самая справедливая война, какую когда-либо знала история, ибо борьба шла не только за интересы Советской России, но и за интересы всего трудящегося человечества, за коммунистический интернационал.

2. Всемирный Конгресс констатировал, что „Красная армия есть сейчас одна из главных сил всемирной истории" и что она не одна, ибо на ее стороне рабочие и крестьяне всех стран.

3. Просьбы белой Польши о помощи нашли живой отклик в капиталистических и буржуазных кругах Англии и Франции.

Англия грозит новым общим нападением всех союзников, если Советская Россия не заключит перемирия со вторгнувшимися в Россию белополяками.

В то время как сама Англия, вот уже два столетия, непрерывно торгует народами всего мира, в 1920 году она начинает обрабатывать общественное мнение под лозунгом, что Советская Россия угрожает независимости Польши [1]).

нии блокады и приступлено к выгрузке снаряжения и вооружения в Данциге". Такой категорический ультиматум совершенно раскрыл политические карты, которые держали в своих руках в отношении нашей войны с белой Польшей правительства Англии и Франции.

Ллойд-Джорджа заявил, что „советское правительство не намерено уважать свободу и независимость Польши", но, как увидим ниже, английские рабочие через свой „Совет Действия" думали совершенно наоборот.

Приведенная выше выкладка из труда Пилсудского „1920 год" о смысле посылки делегации и такое поведение польских делегатов и т. д.—все это говорило, что белая Польша с помощью союзников решила вопросы мира завоевать оружием.

[1]) Здесь не мешает подчеркнуть, что английские и французские дельцы, играющие при помощи своих капиталов судьбами народов, как пешками, в 1920 году выступали, как защитники независимости Польши. Но французское правительство в 1917 году относительно политических судеб Польши думало иначе, оно было готово оставить

4. На эту клевету Англии Всемирный Конгресс категорически заявил всему миру, что:

а) Советская Россия не питает ни малейших завоевательных планов по отношению к польскому народу.

б) Напротив, она всемерно отстаивала независимость Польши в Брест-Литовске перед лицом палачей польского народа, перед лицом Гофмана и др.

в) Она была готова заключить мир даже с польскими капиталистами для того, чтобы добиться мира.

г) Она не только признавала независимость Польши, но и предоставляла последней широкие пограничные области.

д) Советская Россия насчитывает в своих рядах тысячи лучших польских борцов, она тесно связана с польскими рабочими массами десятками лет общей борьбы против царизма.

е) А поэтому самоопределение польского народа—неприкосновенное право, и если бы ни один польский солдат не защищал капиталистических авантюристов и помещиков, которые втянули Польшу в преступную военную авантюру, польская земля осталась бы собственностью польского народа, и польский народ решал бы свободно сам свою судьбу.

5. Но пока идет борьба, пока Англия и Франция снабжают Польшу оружием, деньгами и посылают своих офицеров, Советская Россия находится в состоянии оборонительной войны.

6. Если белогвардейская Польша падет и польские рабочие захватят власть в свои руки, то и германским, австрийским, итальянским, французским рабочим будет легче освободиться от своих эксплоататоров, то за ними последуют также рабочие Англии и Америки.

7. Задача пролетариев всех стран в том, чтобы всеми силами воспрепятствовать правительствам Англии, Франции, Америки и Италии оказать какую бы то ни было помощь белой Польше.

8. Далее Конгресс указывал пролетариату всех стран не поддаваться обманным сведениям, уговорам, обещаниям своих правительств, а также речам предательских или колеблющихся рабочих вождей.

9. Белая Польша, созданная руками Антанты, стала одним из столпов ее господства, ее мирового строя реакции, эксплоатации и угнетения, а поэтому она наш враг, который должен быть сокрушен.

10. Учитывая сказанное, Всемирный Конгресс указывал пролетариату быть на страже для того, чтобы:

а) ни один поезд, ни одно судно с жизненными припасами и с оружием не были отправлены в Польшу;

Польшу царскому правительству России, если последнее признает претензию французского империализма на левый берег Рейна.

В свою очередь, английское правительство в течение войны много раз конфиденциально заявляло через своих агентов германскому правительству, что оно отдаст Польшу центральным державам, если только германский империализм очистит Бельгию, где он составлял угрозу метрополии Англии.

б) на всех границах и в портах тщательно проверять направления грузов, ибо последние окольным путем могут транспортироваться в белую Польшу;

в) там, где правительства и частные капиталисты не уступают протестам, устраивать стачки и действовать силой, но ни в коем случае не допускать иностранной помощи для Польши;

г) имея в виду, что Германия находится под властью победителей-союзников и она также может быть превращена в базу и аванпост для борьбы против Советской России, германский пролетариат должен строго следить за всеми поездами, идущими на Восток, и особенно за тем, что делается в Данциге [1]), с тем, чтобы ни один вагон и судно не прошли из Германии в Польшу.

Таковы боевые директивы, которые дал мировому пролетариату его генеральный штаб—II-й Конгресс Коммунистического Интернационала.

Последний, ведя строгий учет своим живым силам, великолепно понимал, что внутри Польши положение рабочего класса было крайне тяжелым. В исторической перспективе развития рабочего класса Польши Пилсудским был удачно выбран момент для захвата власти. Опираясь на всемерную помощь Франции, а внутри страны на помещиков и мелкобуржуазные слои населения, Пилсудский и его сподвижники оказались хозяевами положения в силу того, что империалистическая война рассосала польский пролетариат, а сотни тысяч польских рабочих были эвакуированы и в Россию и в Германию.

Что касается польского пролетариата, оставшегося внутри страны, то польское буржуазно-шляхетское правительство посредством систематических репрессий его терроризовало, а более активных и передовых загнало в тюрьмы.

К чему же звал в эти исторические июльские дни II-й Конгресс Коминтерна, т.-е. в те дни, когда белополяки быстро отходили к Варшаве и Львову и когда силы классового врага были сильно надломлены?

---

[1]) Согласно § 102 Версальского мирного договора, принадлежащий Германии город Данциг (находящийся в нижнем течении и устьи Вислы) с окрестною территориею был выделен в особую независимую область под покровительством Лиги Наций. Этот „вольный ганзейский город Данциг" (Free Hanseitic city of Danzig) фактически подпал под полное влияние Польши. Экономическое и стратегическое значение Данцига для Польши огромно, через него она обладает морским портом и имеет выход к морю, что выгодно и для Англии и Франции, у которых Польша на правах вассала. Площадь и население Данцига весьма противоречивы, но наиболее вероятные цифры определяют площадь около 2.000 кв. кил. с населением около 350 тысяч человек. На одной из последних сессий Лиги Наций Польша еще более упрочила свое положение в Данцигском коридоре. Лига Наций постановила передать в распоряжение Польши западную часть порта Вестерплатте, к которому вплотную подходит рукав Вислы. Таким образом, помимо строящегося в Гдыне (немецкий Гдинген) военного порта, Польша получила новую военную базу, через которую в случае войны потекут боевые припасы от ее хозяев—Англии и Франции, как и в 1920 году.

Он звал к освобождению Польши от тех цепей, которыми она была прикована к колеснице вышедшего победителем из мировой войны империализма Англии и Франции.

Он звал пролетариат всего мира к блокаде белой Польши для того, чтобы капиталисты Лондона и Парижа через посланную правительству Пилсудского материальную помощь окончательно не сделались вершителями судеб польского народа.

Он звал к пресечению организации нового наступления против Советской России, он призывал многомиллионный европейский пролетариат к настоящей классовой солидарности, посредством активного воздействия на свои правительства, на капиталистические банки, тресты, синдикаты с тем, чтобы в трудные минуты для белой Польши всякую помощь *извне* свести к нулю.

Основная же цель, к которой стремился II-й Конгресс Коминтерна, направляя все классовое внимание и усилия мирового пролетариата—это, чтобы на месте панской Польши *создать независимую республику польских рабочих и крестьян.*

К сожалению, европейский пролетариат в те дни 1920 г. не был так силен, как теперь, мировая война сильно обескровила его, предательская политика некоторых из так называемых „вождей“ социал-демократии путала его, и он не мог *единым фронтом* и во всеоружии выступить против могущественных представителей финансового капитала Антанты.

Выступление западно-европейского пролетариата и „Совет Действия“ в Англии.

20-го июля радиоволны разнесли по всему миру директивные указания II-го Конгресса Коминтерна, которые он давал своим классовым братьям. В это время белопольские части под напором Красной армии отходили на запад и были уже на линии Гродно—Пинск—Каменец-Подольский.

Указания Коминтерна нашли живой отклик в рядах западно-европейского пролетариата. Во многих местах Европы рабочими был организован бойкот военных заказов, предназначенных для польской армии

С большим напряжением следил пролетариат Германии за нашим продвижением к сердцу белой Польши—Варшаве, а также за движением поездов с оружием, снаряжением и продовольствием, шедших из Франции через Германию в Польшу. Среди немецких железнодорожников, рабочих при каналах и моряков начинается широкое движение. *Оно идет с низов.* Транспортники выбирают *специальные контрольные комиссии* и поручают *фабрично-заводским комитетам* непрерывно следить за проходящими грузами. Сак-

сонские железнодорожники отцепляют и переводят на запасные пути громадное количество грузов для Польши, создавая тормоз в движении.

Рабочие важнейших железнодорожных узлов Эрфурта, Магдебурга, Галле и др. устанавливают действительную связь, благодаря которой военные грузы, случайно пропущенные на одной станции, задерживаются на следующей.

Этот подъем в рабочих массах встревожил социал-демократов и желтые профсоюзы; последние всемерно поддерживают *призыв* буржуазии к *строгому контролю* над транспортом. Реформисты, выступая за установление „порядка“ на железных дорогах, в свое оправдание перед рабочими массами выносят формулу: „поддержание нейтралитета Германии в русско-польской войне“.

Конечно, в германских условиях 1920 года это выступление соглашателей не могло не тормозить желания рабочих масс более широко развить свою деятельность. Как на пример пролетарской солидарности, можно указать на эрфуртских рабочих, которые взорвали ряд вагонов с военным снаряжением для Польши, при чем, в силу сплоченности рабочих и симпатии населения, судебным властям не удалось открыть организаторов взрыва.

Кроме этих выступлений в конце июля и во второй половине августа, портовые рабочие и транспортники Данцига также бастовали с целью помешать выгрузке оружия и боевых припасов в Польшу. Они вскрывали подозрительные грузы с невинными надписями (лимоны, шоколад, рыба, стекла и т. п.) на тюках и ящиках, в которых оказывались разобранные пулеметы, винтовки и орудия.

В начале августа, т.-е. в тот момент, когда Красная армия завязала бой на линии Нарев - Западный Буг—Брест-Литовск—Ковель—Тарнополь—Залещик,—в историю рабочего движения Англии рукою английского пролетариата были вписаны следующие прекрасные страницы.

Внимательно следя за активной дипломатией Ллойд-Джорджа и Черчилля, английский рабочий класс был охвачен серьезной тревогой. Политика английского правительства, которое заявляло, что оно помогает слабой Польше исключительно из соображений гуманного порядка, была правильно расшифрована английским пролетариатом. Он делает сильнейший нажим на своих представителей в парламенте и требует, чтобы тред-юнионы повели активную борьбу с империалистическими замыслами английского правительства, которое не прекращает содействовать Франции и само продолжает организовывать вмешательство в советско-польскую войну.

6-го августа группа членов Палаты Общин и других видных членов рабочей партии обратилась с манифестом по поводу советско-польской войны.

Содержание этого манифеста указывало, что угроза новой войны чрезвычайно серьезна и что рабочий класс не примет участия в войне в угоду капризам и настроениям французской военной партии, которая является вдохновительницей всего польского наступления [1]).

9-го августа состоялось объединенное заседание парламентской фракции рабочей партии совместно с парламентским комитетом конгресса тред-юнионов и исполнительного комитета английской рабочей партии. На этом заседании была принята следующая резолюция:

„Объединенная конференция, видя, что из-за польского вопроса между союзными державами и Советской Россией может возникнуть война,—считает своим долгом заявить, что подобная война явилась бы преступлением против всего человечества. Конференция предупреждает правительство, что вся промышленная сила организованных рабочих будет направлена против этого плана".

Далее манифест сообщает, что готовится созыв *национальной конференции* в Лондоне и что немедленно образуется „Совет Действия" для принятия мер, необходимых для осуществления принятой резолюции. В „Совет Действия" были выбраны следующие лица:

а) От парламентской группы рабочей партии—Адамсон, Клайнс, О'Греди, Робертсон и Виджвуд.

б) От парламентского комитета конгресса тред-юнионов—Госслинг, Перселль, Суэльс, Уолкер и мисс Маргарет Бонфильд.

в) От исполнительного комитета рабочей партии—Камерон, Ходжес, Вильямс и Бромлей.

За три дня до открытия конференции в Лондоне рабочая делегация, представлявшая „Совет Действия", была принята английским премьером 10-го августа на Даунинг-Стрите.

В виду большого исторического значения данной беседы приводим наиболее интересную часть диалога между председателем делегации Бевином и Ллойд-Джорджем (подробный отчет в „Таймс" от 11-го августа 1920 года).

„Мы убеждены, сказал Эрнест Бевин, что мрачные реакционные силы заняты в Европе (особенно во Франции) раздуванием ненависти к России и стараются продлить войну с ней. Наша делегация, посетившая Россию [2]), убедилась, что последняя во всяком случае стремится к установлению мира с другими государствами. Мы убеждены, что польская авантюра есть авантюра с посторонним влия-

---

[1]) Вестник НКИД № 8, 1920 года.

[2]) В начале мая 1919 года Советскую Россию посетила делегация английских тред-юнионов. Пробыв около 1½ месяцев, делегация, кроме центра, побывала на Волге, Украине и детально ознакомилась с положением дел у нас. В ее состав входили как представители самого правого течения, начиная с фабианцев, так и представители „центра" левых. Среди делегатов были Том Шоу, мистрис Сноуден, Скиннер, Бекстон, христианский коммунист Рессель, председатель британской независимой рабочей партии Уолхед и в то время коммунист Роберт Вильямс и другие.

нием. Реакционные силы все время работают над тем, чтобы создать неблагоприятное дипломатическое положение для Советской России и выставить ее в невыгодном свете".

Далее Бевин указал, что, в то время как Ллойд-Джордж делал свои „миролюбивые" заявления, один из его коллег (намек на военного министра Уинстона Черчилля. *В. М.*) открыто призывал к войне.

„Если война будет объявлена, рабочие будут рассматривать это не как решение правительства, а как победу, одержанную реакционными элементами внутри правительства".

„Совет Действия" и все объединяемые им организации, еще раз подтвердил Бевин, постановили оказать самое энергичное противодействие не только прямой и открытой войне, но и всякой косвенной помощи Польше и Врангелю.

На эти слова Бевина Ллойд-Джордж заявил:

„Неужели, если бы большевистская Россия решила проделать с Польшей то, что проделывали с ней в течение полутора веков предшествовавшие русские правительства [1]), они считали бы, что Англия не имеет права послать и пары сапог на помощь сражающемуся за свободу народу" [2]).

На это Бевин ответил:

„Мы считаем вашу гипотезу неудовлетворительной и несоответствующей действительности и уверены, что польской *независимости не угрожает опасность*".

Когда премьер вторично задал вопрос аналогичного содержания, Бевин сказал: „Если это произойдет, рабочая партия обсудит создавшееся положение".

К выраженному делегацией пожеланию посетить т.т. Красина и Каменева [3]) Ллойд-Джордж отнесся отрицательно:

„Каменев и Красин, сказал он, прибыли в Лондон с обещанием не вести пропаганды в нашей стране. Дать вам возможность видеться с ними, значит помочь им освободиться от обещания".

Вся эта беседа продолжалась $1/2$ часа. Ллойд-Джордж все время держал себя крайне вызывающе. Он непрерывно говорил, что ему „некогда" и что ему надо скорее кончать свидание и перейти к делу.

---

[1]) Ллойд-Джордж забывает здесь добавить, что Англия в течение этих 150 лет давала не мало деловых советов царскому, германскому и австрийскому правительствам относительно закабаления польского народа, а, например, в настоящее время, будучи в полной финансовой зависимости от Англии, правительство Пилсудского является ничем иным, как игрушкой в руках Форрейн-Оффис.

[2]) Ниже мы в анализе борьбы турецкого народа за свою независимость наглядно еще раз увидим, как этот „коварный Альбион" защищал турок в их борьбе за свободу в Малой Азии.

[3]) Тов. Каменев выехал в Лондон для переговоров с английским правительством в то время, когда наш успех на Белопольском фронте был наибольшим.

Первое свидание Красина и Каменева с кабинетом Ллойд-Джорджа произошло 4-го августа. На этом заседании Ллойд-Джордж потребовал прекращения нашего наступления против белой Польши. В противном случае он угрожал выступлением английского флота. Но по мере продвижения Красной армии все ближе к Варшаве Ллойд-Джордж в переговорах делался все более уступчивым. Когда же мы отходили

Такое несерьезное поведение премьера и его реплики в полной мере определяли, как английское правительство реагировало на новую организацию английских рабочих. Так, например, когда Бевин просил Ллойд-Джорджа более определенно высказаться и сделать заявление, которое бы было официальным мнением правительства по отношению к „Совету Действия",—Ллойд-Джордж ответил, что считает себя обязанным делать такие заявления только в Палате, а не делегации, т. к. „в Англии пока еще нет советов"...

13-го августа открылась национальная конференция тред-юнионов и рабочей партии в Лондоне.

На нее прибыло 1044 делегата, которые представляли собой 6½ миллионов рабочих от различных организаций Великобритании.

Центр внимания в работе этой конференции был обращен в сторону санкционирования тех задач, которые стояли перед „Советом Действия".

Председателем был избран Адамсон, который, открывая заседание, заявил:

„Мы посылаем Уинстону Черчиллю свою благодарность за то, что он объединил британскую демократию" [1]. Несмотря

от Варшавы, английское правительство резко изменило свое отношение к нашим официальным представителям, а затем и решило оборвать переговоры.

1-го сентября т. Каменев был выслан из Англии, правительство последней нашло для этого предлог в провокационном обвинении, что советское правительство через Каменева субсидирует рабочую газету „Дейли Геральд" и продает царские бриллианты. На самом деле причина высылки была та, что „Совет Действия" игнорировал предложение Ллойд-Джорджа и оставался в тесном контакте с нашим представителем.

[1]) 14-го августа „Манчестер Гардиан" писала, что в этот день в работах конференции было полное единодушие. И, действительно, вполне уместно было выразить во всеуслышание благодарность английскому военному министру Черчиллю. Замыслы этого крайнего милитариста с каждым днем становились все решительней. Его статья в „Ивнинг Ньюс" является лучшим образчиком, который в полной мере выявляет направление деятельности английского военного министра. „Интересы Франции и Англии и все плоды победы, писал Черчилль, пойдут на смарку, если Польша будет изнасилована красными войсками или поддастся большевистской пропаганде. Ибо тогда будет разрушена преграда, поставленная союзниками между Россией и Германией. В этих условиях становится страшный и необычайный выбор: или толкнуть свою собственную цивилизацию во всеобщий большевистский хаос, или путем наивысшего мудрого усилия построить плотину для того, чтобы остановить напор воли красного варварства. Если германцы докажут, что они способны оказать Европе такую услугу, то они, несомненно, совершат этим самым большой шаг по пути к искуплению своих грехов, и это сможет предоставить им снова место в общей культуре и облегчить искреннее сотрудничество Англии, Франции, Германии, от которого зависит спасение Европы". Я думаю, что данное откровение комментариев не требует; мы его процитировали по „Журналь" от 30-го

на то, что состав участников конференции по своим политическим стремлениям и партийному составу был далеко неоднородным, все же в работе наблюдалось большое единогласие.

А, что характерно, при голосовании резолюции такие лица, как Томас, Клайнс и Шоу, которые являлись типичными „конституционалистами“ [1]), и те примкнули к ней безоговорочно.

Вопрос об угрозе „независимости“ Польши в силу нашего наступления, который, как известно, был главным козырем в руках английского правительства, при обсуждении резолюции был окончательно затушеван и стерт, в виду его необоснованности и полного несоответствия сущности политики Советской России.

Принятая резолюция в главной своей части гласила: „Конференция представителей тред-юнионов и рабочей партии приветствует заявление о признании независимости Польши, сделанное Советским правительством в своих мирных условиях. Сознавая всю серьезность положения, конференция обязуется всемерно бороться против всяких враждебных действий на суше или на море, направленных против Советского правительства“.

„Совету Действия“ конференцией было поручено продолжать активную деятельность с целью достижения следующих основных положений:

1) полной гарантии, что вооруженные силы Англии не будут использованы для оказания помощи Польше и барону Врангелю или каким-либо другим противникам Советской России;

2) отозвания всех морских английских сил, прямо или косвенно осуществляющих блокаду России;

3) признания советского правительства и скорейшего установления в полной мере торговых и дипломатических сношений между Англией и Советской Россией.

июля 1920 года. Адамсон, как и делегаты конференции, верно, были уже осведомлены о характере конспиративных переговоров Черчилля, через британского поверенного в делах в Берлине лорда Кильмарнака, которые велись с немецкими националистическими и реакционными группами, во главе которых стояли Гофман и Людендорф, относительно активного наступления против Советской России. Программная статья английского военного министра в „Ивнинг Ньюс“ и эти переговоры—содержание политики Черчилля Эта политика Уинстона Черчилля строилась на старых традициях британского империализма, на старой островной привычке всемерно ослаблять силу континента с наименьшими для Англии издержками и восстанавливать одни национальные силы против других, не считаясь с их качеством и моральным уровнем.

[1]) Следует указать, что образование и организация „Совета Действия“, с точки зрения английской конституции, были актом совершенно анти-конституционным по причинам вполне понятным, ибо рабочий класс через Советы Действия становился решающим фактором во внешней политике Англии.

Далее конференция давала право „Совету Действия“ в случае осложнений при выполнении данных директив объявить „какую-угодно забастовку и в какой-угодно форме“.

После принятия этих решений председатель Адамсон предложил делегатам встать в знак своей готовности осуществить это „торжественное обещание“.

Более минуты все делегаты конференции стояли в глубоком молчании.

После этого были произнесены заключительные слова.

Адамсон и Бевин отметили, что английское правительство продолжает вести свою двойственную политику и что независимости Польши никогда не угрожала действительная опасность. Они указывали, что некоторые лица полагают, что „Совет Действия“ выражает *минутное настроение рабочего класса*, но это не так, ибо „Совету Действия“ предстоят долгие годы работы.

Томас (умеренный вождь железнодорожников) заявил, что никакие избирательные листы не способны предотвратить войну в настоящее время. Болезнь настолько серьезна, что только решительные средства излечат ее.

По отношению к политике и действиям французского правительства конференция была настроена крайне враждебно. При громких аплодисментах депутат *Смайли* (умеренный вождь шахтеров) сказал, что если ген. Врангелю с помощью Франции удастся отрезать Советскую Россию от Донецкого бассейна и вообще от угольного сырья, то английские рабочие должны приостановить отправку угля во Францию.

В заключение Роберт Смайли заявил, что „никакая власть, никакое правительство, никакой Черчилль в мире не в силах противостоять силе организованных рабочих нашей страны.

Каждый мужчина и каждая женщина в Англии, каких бы политических взглядов они ни придерживались, несомненно, сочтут наше решение справедливым“ [1].

Следует указать, что подъем настроения был настолько высок, что, вместо обычных песен, коими обычно кончались конференции, на этот раз депутаты пропели „Интернационал“.

Мы несколько дольше остановились на этой конференции по двум причинам: *во-первых*, ее решения представляют большую историческую ценность, *во-вторых*, нам хотелось, чтобы читатель сделал соответствующий вывод для будущего. В те дни, когда я пишу эти строки, английское консервативное правительство Болдуина и Чемберлена, разорвав с нами дипломатические и торговые отношения, как никогда, занято усиленной организацией интервенции

[1]) Дейли Геральд от 14-го августа 1920 года.

против СССР. Она мобилизует все реакционные и фашистские силы Европы, снабжает, вооружает и субсидирует своих вассалов и в первую голову пограничные с нами на западе шесть государств.

1920 год был годом наивысшего расцвета британского империализма, тогда он был гегемоном не только в Европе, но и почти во всем Старом Свете и в прилегающих к его суше морях и океанах.

В те дни трудящиеся массы Советской России в ответ на организацию „Совета Действия“, помимо благодарности рабочему классу Англии, также оказывали ему „помощь“, но она выражалась в том, что мы первые показали всему пролетариату пример героической борьбы и победы.

Сейчас в 1927 году обстановка в соотношении сил несколько иная, и сила британского империализма уже не та.

Классовая солидарность пролетариата во всех странах вышла из своего школьного возраста и стала могущественной реальной силой.

Забастовка английских горняков, равной по длительности и упорству которой не знает история рабочего движения, кончилась не в пользу английских рабочих.

За весь ее долгий период рабочие и крестьяне СССР дали наибольшую моральную и, несмотря на свою еще громадную бедность, материальную помощь горнякам. Так вот, учитывая опыт прошлого, мы уверены, что если провокация войны осуществится, то европейский пролетариат, и в частности английский, предпримет более реальные меры, чем это было семь лет тому назад, когда он создавал „Совет Действия“. Конечно, не следует забывать, что пролетариату в его революционных начинаниях будут всемерно мешать так называемые „рабочие вожди“, т.-е. все эти Макдональды, Томасы, Вильямсы, Хиксы и проч. (опыт всеобщ. забастовки в Англии в 1926 году, Эдинбургский конгресс в 1927 г. и пр.), которые являются сейчас верными помощниками английской и международной буржуазии. Но пролетариат имеет достаточно сил и сумеет справиться со всеми препятствиями, стоящими на его пути к овладению государственной властью.

Обратимся теперь к краткому рассмотрению вопроса, как расценивала английская пресса идею создания „Совета Действия“ и ту политику, которую должны были проводить его члены, вошедшие в этот Совет.

„Конференция рабочей партии, писал орган либералов [1]), наметила политику, которая, естественно, должна была встретить поддержку страны. Рабочая партия своей стойкой оппозицией по отношению к диктаторскому тону английского правительства, который был по отношению к Советской власти в момент поражения польской армии,

---

[1]) „Манчестер Гардиан“ от 20-го августа 1920 года.

оказала большую услугу. Надо заметить, что эту оппозиционность разделяли очень многие лица Англии. Подобный тон английского правительства действительно создавал угрозу войны. Но когда состоялась конференция, опасность, главным образом, благодаря примирительной позиции русского правительства и искренним заявлениям весьма искусных русских нот, уже миновала. Полное единогласие конференции и то, что такие лица, как Клайнс и Томас, заявили о своем полном согласии с провозглашенными принципами, уже одно показывает, что предпринимаемые меры не могли создавать прямой опасности для Англии".

Далее „Манчестер Гардиан" указывал, что *несовершенство правительственного аппарата* было причиной этого выступления представителей рабочего класса.

На основании количества полученных голосов, говорит английская пресса, рабочая партия должна была бы получить втрое больше мест в парламенте. Парламент не представляет более страны, а правительство не контролируется более парламентом.

Это—больше не демократическое правительство, это—скрытая олигархия, которая абсолютно не считается с желанием страны, ибо в таких умелых руках, как руки Ллойд-Джорджа, правительство чрезвычайно приближается к единоличному управлению.

Примерно, в таких же тонах критики деятельности английского правительства выступала почти вся английская пресса [1]). И в этом, конечно, большая заслуга конференции и первых выступлений членов „Совета Действия".

В дальнейшем деятельность „Совета Действия" была направлена на установление связи с французской Всеобщей Конфедерацией Труда.

С этой целью во Францию были отправлены Адамсон и Госслинг, которые утром 17-го августа прибыли в Париж. Английские делегаты, посетив Всеобщую Конфедерацию Труда, имели продолжительную беседу с французскими синдикалистами и социалистами. Эта беседа с Жуо, Марсель, Лоран, Лопьер, Браке, Фроссар, Лафон, Рену, Морен и Эврар выявила, что французский и английский пролетариат готов совместно действовать и вести кампанию против войны.

Социалисты высказались за немедленное создание в Париже „Совета Действия", но синдикалисты оттягивали решение этого вопроса и просили первых дать время для обсуждения.

---

[1]) Например, даже консервативный „Таймс"—орган английской крупной буржуазии говорил: „В силу того, что парламент перестал быть на страже народных интересов, а также благодаря тому, что за последнее время политикой английского правительства не руководили высокие и твердые принципы,—новое направление английского рабочего класса вступило на вредный путь для Англии (читай: для лордов, банкиров, шахтовладельцев и пр. *В. М.*)".

Вечером 17-го августа по требованию французской полиции Адамсон и Госслинг принуждены были покинуть Францию.

По поводу этого акта французская социалистическая парламентская фракция приняла следующую резолюцию:

„Фракция решила сегодня же внести в Палату запрос о гнусной провокации по отношению к нашим английским товарищам и о всех беззаконных и преступных действиях, совершаемых уже 3-го года против русской революции“[1]). Дальше этой резолюции и желания организовать „Совет Действия“ во Франции у социалистов не пошло.

От желания до выполнения большое расстояние, и опыт показывает, что оно еще больше увеличивается, если в выполнении замешаны французские социалисты, синдикалисты и пр. Итак ни Париж, ни другие города Франции не имели „Советов Действия“. Несмотря на то, что широчайшие круги французских рабочих имели большое желание последовать за своими английскими товарищами, эта попытка была затушевана и смята, сорвана теми же так называемыми социалистическими партиями Франции.

Беседа с Ллойд-Джорджем 10-го августа не удовлетворила членов „Совета Действия“ Англии, в дальнейшем в своем письме к премьеру они категорически требовали опубликования *условий,* на основании которых Англия могла бы заключить мир с Советской Россией.

В ответ на это письмо Ллойд-Джордж заявил:

„В настоящее время, до выяснения результатов минских переговоров, я считаю преждевременным входить в обсуждение *условий мира* с Советской Россией. Я напоминаю Вам, что британским правительством было предложено советскому правительству созвать конференцию в Лондоне [2]) для ведения мирных переговоров между Советской Россией и союзниками только с одним условием, чтобы на этой конференции также велись переговоры между Россией и Польшей. Советское правительство отклонило это предложение, и естественно, что теперь все внимание перенесено на минские переговоры; *я хотел бы остановить Ваше внимание на том, что советское правительство всячески препятствовало быстрому заключению мира. Несмотря на все попытки польского правительства снестись с Москвой по радио, русские власти отказывались принимать польское радио и не предпринимали никаких шагов с целью заявить польскому правительству о своей готовности принять польскую мирную делегацию для открытия переговоров 11-го августа*“ [3]).

---

[1]) „Информасион“ от 19-го августа 1920 года.

[2]) Телеграмма Керзона от 12-го июля была составлена от имени „Лиги Наций“, которой советское правительство не признавало и с которой сами-то члены Лиги (Англия, Франция, Италия, Япония, Америка) всегда мало считались.

[3]) Лучшим ответом на подчеркнутый нами абзац в этом письме премьера будет статья в „Юманите“ от 18-го августа 1920 года, под заголовком: „Двойная ложь“. В ней читатель убедится, как умеет работать в трудные дни буржуазная дипломатия. „Французское правительство и с ним вся капиталистическая пресса, пишет автор, постоянно утверждают, что переговоры в Минске между польскими и русскими представителями постоянно затруднялись русскими, которые якобы даже отказывались принимать радиотелеграммы из Варшавы.

В отношении проведения всеобщей забастовки, в случае если английское правительство решится прибегнуть к действительной интервенции в пользу Польши, „Совет Действия“ колебался.

Члены „Совета“ полагали, что всеобщая забастовка прежде всего нанесла бы неисчислимый вред самой Англии и что забастовка не может длиться более трех дней, после чего правительство опять было бы хозяином положения. В общем в успех всеобщей забастовки члены „Совета Действия“ мало верили. Ими все же было решено, что в случае надобности они распространят забастовку на те фабрики и заводы, которые производят необходимые для войны изделия и предметы военного снаряжения.

Это решение не держалось в секрете, так, например, член „Совета“ Бромлей 19-го августа на митинге в Шеффильде, при образовании местного совета, заявил, что „Совет Действия“, конечно, не объявит забастовки, которая бы грозила голодом британскому народу. „Наша политика, говорил он, будет направлена на приостановку производства военного материала и перевозки амуниции и войск“.

Подобные заявления были сделаны в Лидсе, Брадфорде и других местах.

Дальнейшая деятельность „Совета Действия“ была направлена на организацию местных советов, на которые возлагалась обязанность следить за производством военного материала и его отправкой. К концу августа „Советы Действия“ были созданы в Шеффильде, Плимуте, Нортэмптоне, Лейстере, Лидсе и других городах и местечках Англии.

После отхода красных армий из-под Варшавы деятельность „Советов Действия“ заметно ослабевает, а после подписания мирного договора в Риге прекращается совершенно.

На VIII-м съезде советов, подводя итоги нашей внешней политике за год и взаимоотношениям с Англией, которая,

---

Эта ложь тем более возмутительна, что как раз то, в чем упрекали русских, проделывалось, по приказу французского, правительства, поляками. Вот доказательство. Депеша британской радиостанции в Карнарвоне, направленная варшавской станции:

„По распоряжению британского правительства, просят варшавскую станцию прекратить бойкот московской станции и принять радиотелеграмму крайней срочности“.

Но Варшава, по чьему-то совету, оставалась глуха, и Карнарвон не получил ответа.

А через час Варшава, как и всегда, вызывала Прагу и преспокойно сообщала ей курсы европейских бирж и политические события дня.

Пусть попробуют опровергнуть этот факт, который подтверждает наша парижская телеграфная станция“.

И Ллойд-Джордж и Черчилль, конечно, были осведомлены об этой очередной махинации.

вместо торгового договора, устами правительства Ллойд-Джорджа, предполагала выслать свой военный флот к Петрограду для содействия отходившим к Варшаве белополякам,—Ленин сказал:

„В ответ на эту угрозу вся Англия покрылась „Советами Действия“. Мы видели, как наиболее крайние сторонники оппортунистического настроения, их вожди, под давлением рабочих должны были стать на этот путь совершенно неконституционной политики, которую они сами осуждали вчера. Оказалось, что сила давления трудящихся масс, вопреки всем меньшевистским предрассудкам, до сих пор господствовавшим в английском профессиональном движении, настолько проложила себе дорогу, что обламывала острие у воинственной политики империалистов (том XVII)“.

Как видим, за все время существования английских „Советов Действия“ бо́льшую часть своих усилий им приходилось направлять в сторону или организационную, или пропагандистскую. Несмотря на то, что им не удалось взять бо́льших побед у английского правительства, чем этого хотелось бы, и что в конечном результате они не могли повлиять на исход нашей войны с белой Польшей,—*все же история рабочего движения не может не оценить честного и энергичного выступления западно-европейского пролетариата в момент нашего подхода к цитадели реакционной буржуазии—Варшаве.*

Временный Революционный Комитет Польши.

Красная армия, ведя *оборонительную войну* против белой Польши, не имела никаких завоевательных тенденций.

Красная армия была и остается верной защитницей интересов рабочего класса и крестьянства, и если она принуждена вести войну, то эта война может быть только *классовой войной*, войной против своих классовых врагов.

Красная армия—это орудие социалистической революции, а поэтому в своем наступательном движении на белую Польшу она *не могла не опираться* на революционную активность рабочих и крестьянских масс в процессе занятия новых территорий.

А раз так, *то не разрушение* несла на своих знаменах Красная армия, а эмблему *социалистического строительства*, политической формой которого является *советский строй*, передающий *всю власть* рабочему классу, а также середняцким и бедняцким массам крестьянства.

Этот последний момент в период нашего июльского наступления встал во всю ширь, а когда мы перешли Нарев и Западный Буг и вступили в пределы коренных земель Польши, то этот вопрос получил самое актуальное значение.

Колоссальнейшая и ответственнейшая работа выпадала на долю местных революционных комитетов (ревкомов), основная задача коих заключалась не только в упразднении местных буржуазно-помещичьих административных аппаратов, а, главное, в планомерной советизации всей занятой Красной армией территории.

Трудящееся население занятых территорий должно было посредством четкой и правильной политики ревкомов ясно себе уяснить, что пришли *не завоеватели* с военной диктатурой, *а освободители*, основной целью которых является передать в руки трудового населения местные административные учреждения и *научить*, как их перестроить по классовому советскому принципу.

Мы здесь можем только кратко затронуть ту работу, которую проделали ревкомы за свое месячное существование.

Следует указать, что в этой работе, помимо больших достижений, было и много недостатков. Чрезвычайно незначительное количество опытных работников - руководителей с *знанием местного национального языка* часто создавало тормоз в работе. Агитационно-пропагандистская работа—это только один из важнейших факторов в *советизации тыла*, главным же является подбор работников для перестройки местных административных аппаратов, конечно, опираясь в этой работе на местную организацию коммунистов, как на передовой классовый актив.

Работа ревкомов сильно облегчалась в тех случаях, когда Красная армия, приходя в данную местность, входила в контакт с нашей партийной организацией, существовавшей до этого нелегально.

В таких случаях работа быстро закипала, т. к. прекрасное знание местных условий товарищами, находившимися на нелегальном положении, значительно облегчало *начало* работы.

И здесь-то мы и видели, как быстро создавались отделы: образования, земельные, жилищные, продовольственные и т. д., во главе которых вставали испытанные и энергичные работники, хорошо знакомые местному трудовому населению.

Часто бывали и такие случаи: не успела еще вступить в данную местность Красная армия, а в тылу противника уже действовал ревком, тогда переход к нормальному советскому строю значительно ускорялся. А скорейший переход к нормальному управлению есть главнейшая задача в советизации тыла, т. к. она создавала для местного населения условия к *началу выборов в советы и* к организации исполкомов, которые и становились постоянной формой власти в данной области.

После организации советов, ревкомы, как временная форма власти, как „походная боевая Советская власть“, должны были прекращать свое действие.

На ряду с работой местных ревкомов, начинал развертывать свою деятельность Временный Революционный Комитет Польши, который образовался в конце июля.

В состав его вошли т.т.: Мархлевский — председателем, Дзержинский, Кон, Прухняк, Уншлихт — членами.

„Красная армия,—пишет И. Степанов,— освободила Белосток 29-го июля. А уже 2-го августа на площади Костюшко был устроен большой митинг, на котором тов. Мархлевский, председатель Временного Революционного Комитета Польши, возвестил об организации последнего и осветил стоящие перед ним задачи. Т.т. Полуян, Тухачевский (командующий Западным фронтом, приехавший в эти дни в Белосток) и я приветствовали *Красное Правительство Польши* от имени Советской России, Р.К.П., Красной армии“ [1]).

Этот митинг прошел с большим успехом и подъемом. Еще больший подъем был на митинге рабочих белостокского железнодорожного узла. 8-го августа белостокские рабочие вручили Польскому Ревкому сделанное ими красное знамя, после чего была организована демонстрация, в коей участвовало 12 тысяч из 70—80 тысяч населения города.

Польский Революционный Комитет только что начинал приобретать широкую популярность и надежную поддержку у трудового населения и в первую голову у фабрично-заводских рабочих занятых областей.

К сожалению, крупно-промышленные центры Польши— Белосток, Варшава, Лодзь, Домбров—находятся друг от друга в значительном удалении, к тому же прослоены обширными чисто сельско-хозяйственными земледельческими областями.

Кроме того, *пролетариат* Польши был *распылен*, благодаря империалистической войне (мобилизация, полная разруха промышленности, вследствие эвакуационной политики царской России и грабительской политики вильгельмовской Германии), *не сорганизован* (коммунистическая рабочая партия Польши, возникнув в декабре 1918 года, только начинала развиваться) и *отуманен* социал - предательской политикой П.П.С. Последняя оказала в конце июля и в первой половине августа большую услугу польской буржуазии и помогла предотвратить и ликвидировать значительные выступления тех групп рабочих, нормальная работа которых имела первостепенное значение для ведения войны (например, выступления углекопов, железнодорожников, металлистов, работающих на „оборону“, и т. д.). Не будь всего этого, работа Польского Ревкома по введении Советской власти протекала бы в совершенно других условиях. Этим обстоятельством полностью воспользовалось

---

[1]) И. Степанов, „С Красной армией на панскую Польшу“, стр. 22.

шляхетско-буржуазное правительство Польши, которое, усилив полицейский режим в фабрично-заводских центрах, непрерывно посылало в тюрьмы сотни рабочих. В то время как в красном Белостоке начинала развертываться самая интенсивная работа по созданию нового общественного советского строя, всякие попытки к организации рабочего движения по ту сторону Вислы были беспощадно пресекаемы правительством Пилсудского.

„10-го августа пустили в ход крупнейшие текстильные фабрики Белостока, *уже как национализированные фабрики.* По этому случаю утром опять была устроена большая манифестация. Представители рабочих Белостока вручили членам Польского Ревкома портфели. Отныне они—*Временное правительство* „помазанием" рабочих Польши" [1]). Несмотря на крайне незначительное время, все же большая работа была проделана как местными ревкомами, так и Польским Ревкомом, который фактически являлся временным правительством будущей рабоче-крестьянской Польши.

Эта работа по советизации тыла была бы *еще более* продуктивной, если бы для этой крайне сложной и трудной задачи имелся значительный кадр работников - руководителей, которые *закрепляли* бы захват власти пролетариатом. Все воззвания-приказы Временного Ревкома Польши о тщательной охране фольварков и крупных культурных хозяйств выполнялись трудовым населением занятых местностей. Создавались фольварочно-батрацкие комитеты, которые брали на себя заведывание хозяйством и связывались с земельными отделами уездных ревкомов и тем самым с самого же начала включались в общую систему советского социалистического строительства.

Но для большей и лучшей планомерности в работе, повторяю, нужны были и *люди и время.* В условиях же бурного продвижения вперед и быстрого занятия Красной армией все новых и новых областей, людей, знающих принципы советского строительства, не хватало; а для подготовки местных работников нужно было *время.*

Хозяйственное положение Советской республики в 1920 году.

Выше мы указывали, что оперативный план войны Шлиффена был прямо пропорционален не только империалистической политике Германии [2]), но и тому хозяйственному накоплению страны, которое наблюдалось в Германии в период 1905—14 г.г.

---

[1]) И. Степанов, „С Красной армией на панскую Польшу", стр.47.

[2]) Оперативная *немощь* в плане войны у французского империализма была не потому, что богатство Франции было на много меньше, чем у Германии, а потому, что оперативные способности у французского генерального штаба были на много ниже.

Сильная и полнокровная экономика страны давала возможность построить этот план в грандиозных формах и вложить в него смелый и решительный оперативный замысел. Собрать миллионные массы на границе, их вооружить, одеть, обуть, а в процессе военных действий непрерывно пополнять всем необходимым для жизни и боя, без богатейшей экономики в стране вещь совершенно немыслимая.

Характер современной войны требовал и сильно развитую индустрию и хорошо развитую и полнокровно работающую железнодорожную сеть и не менее богатую сельскохозяйственную обстановку в стране и многое другое.

Ничего подобного не было у Советской России в 1920 году во время войны с белой Польшей.

Во-первых, мы вели *оборонительную войну*, т. к. на нас неожиданно напали. Тов. Ленин по этому поводу говорит так: „Все вы помните, что на предыдущем партийном съезде (т.-е. IX-м [1]). *В. М.*) мы все свои расчеты строили на переходе к мирному строительству, полагая, что огромные уступки, которые мы в то время делали Польше, обеспечат нам мир. Но в апреле началось наступление польской буржуазии, которая вместе с империалистами капиталистических стран истолковывала наше миролюбие, как нашу слабость, за что жестоко и поплатилась, получив мир более невыгодный [2])“ (том XVIII, часть 1-я, стр. 92).

Во-вторых, хозяйственная жизнь Советской страны, благодаря гражданской войне 1917—1920 годов (которая не могла не задержать восстановление производительных сил), протекала в условиях, далеких от нормальных. *Истощенная страна* после мировой войны была сейчас же принуждена контрреволюционными силами начать *новую* гражданскую войну. Поэтому пролетариату, взявшему в октябре 1917 года власть в России, чтобы окончательно победить, пришлось строить экономику страны на принципах так называемого „военного коммунизма“.

Если в первый период существования Советской власти основными экономическими мероприятиями были национализация крупной промышленности, транспорта, банков и установление хлебной монополии, то все развивавшаяся гражданская война в отношении организации хозяйства требовала принятия новых мер.

Основное и внутреннее содержание „военного коммунизма“ может быть охарактеризовано следующими моментами.

1. Учитывая, что богатейшие хлебные районы страны были в руках армий Деникина и Колчака, пришлось через

---

[1]) IX-й съезд РКП (б.) происходил в марте 1920 года, т.-е. за месяц до начала наступления главных сил поляков на Киев.

[2]) Это—выкладка из речи тов. Ленина на X-м съезде РКП (б.) в марте 1921 года. Тогда уже с Польшей мы заключили Рижский договор. По Рижскому договору Польша получила границу хотя и восточнее своих этнографических пределов, но значительно худшую, чем ей предлагала Советская Россия до начала войны.

так называемую „продразверстку“ изъять все излишки у крестьянства для получения хлеба для Красной армии и пролетарских центров.

2. Как ни тяжела была для деревни эта форма организации хозяйства, но в условиях невиданно тяжелой гражданской войны „продразверстка“ оказалась единственной *возможностью* для сосредоточения в руках государства хлебных запасов.

Введение „продразверстки“ давало возможность пролетарскому государству при отсутствии рынка правильно распределить хлеб между своей армией и рабочими центрами.

3. Тов. Ленин говорит: „Когда нас блокировали, осадили со всех сторон, отрезали от всего мира, затем от хлебного Юга, от Сибири, от угля, *мы не могли восстанавливать промышленность.* Мы должны были не останавливаться перед „военным коммунизмом“, не испугаться самой отчаянной крайности: вытерпим полуголодное, и хуже, чем полуголодное существование, но отстоим, во что бы то ни стало, несмотря на самое неслыханное разорение и отсутствие *оборота*, отстоим рабоче-крестьянскую власть“ (том XVIII, часть 1-я, стр. 214).

И действительно, те минимальные запасы, которые имела после разрушительной мировой войны наша промышленность [1]), потребовали введения в ней еще большей концентрации с тем, чтобы в тех условиях иметь больший контроль и учет.

Таким образом, если первым этапом была *национализация* промышленности, то вторым — явилась ее *концентрация*, давшая в руки блокированному пролетарскому государству возможность быстрее и лучше:

а) милитаризировать промышленность;

б) создать различные главки;

в) ввести обязательную трудовую повинность;

г) перебросить квалифицированных рабочих, а также запасы сырья и топлива на те фабрики и заводы, которые работали для снабжения Красной армии, и т. д.,

д) произвести полную ликвидацию частной торговли, которая бы *сорвала* продразверстку, а главное, *нарушила бы правильное распределение продуктов.*

4. Отсюда продразверстка и концентрация промышленности в условиях разоренной страны и гражданской войны, сведя к минимуму потребности тыла и переведя последний на карточки (выдача продуктов по классовому принципу), тем самым передали в руки пролетарского государства возможность быть, если так можно выразиться, *диктатором* над всеми запасами страны и распределять эти запасы, как этого требовал ход революции в тот или иной период ее развития.

---

[1]) Состояние нашей промышленности в 1920 году характеризуется следующими цифрами: железодобывающая давала 2,25% довоен продукции; хлопчато-бумажная—6,6%; сахарная—6%.

5. Следующими словами тов. Ленин вскрывает внутреннюю сущность „военного коммунизма“.

„Своеобразный—военный—коммунизм состоял в том, что мы фактически брали от крестьян все излишки и даже, иногда, не излишки, а часть необходимого для крестьянина продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и на содержание рабочих. Брали, большей частью, в долг за бумажные деньги. Иначе победить помещиков и капиталистов в разоренной мелкобуржуазной стране не могли.

И тот факт, что мы победили (вопреки поддержке наших эксплоататоров могущественнейшими державами мира), показывает не только, на какие чудеса героизма способны рабочие и крестьяне в борьбе за свое освобождение. Этот факт показывает также, какую роль лакеев буржуазии играли на деле меньшевики, эс-эры, Каутский и К°, когда они ставили нам в вину этот военный коммунизм. Его надо поставить нам в заслугу. Но не менее необходимо знать настоящую меру этой заслуги.

„Военный коммунизм“ был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. *Он был временной мерой.*

Правильной политикой пролетариата, осуществляющего свою диктатуру в мелкобуржуазной стране, является *обмен хлеба на продукты промышленности, необходимые крестьянину* [1]).

Только такая продовольственная политика отвечает задачам пролетариата, только она способна укрепить основы социализма и привести к его полной победе“. (Том XVIII, ч. 1-я, стр. 214).

6. Таким образом, когда мы вели борьбу с белой Польшей, „военный коммунизм“ был в Советской России единственно возможной формой организации народного хозяйства, т. к. *эта навязанная нам война последовала сейчас же* после ликвидации основных фронтов отечественной контрреволюции.

На VIII-м московском губернском съезде профсоюзов т. Бухарин следующими словами охарактеризовал состояние экономики Советской России.

„К 1920 г. экономически дело обстояло у нас так, что промышленность по своей валовой продукции упала примерно в 5 раз против 1917 г., а ведь и 1917 г. вовсе не был блестящим. По углю с 1917 года производство пало с 31 млн. тонн до 8, по нефти—с 8.718 до 3.833, по чугуну и прокатке металла мы к 1920 году вообще почти ничего не производили, хотя производство чугуна и металла есть основа промышленности. К 1920 г. мы производили настолько мизерное количество нового чугуна, что оно обычно не включалось в наши статистические расчеты. У нас оставались старые запасы, но новый чугун не выплавлялся. По хлопчатобумажной пряже мы с 8,2 млн. пуд. пали к 1920 г. до 0,8 млн. пуд. По ткани, если сравнивать с цифрой 1913 г., уменьшение почти в 30 раз. с 2.900 млн. метров до 110 млн., что составляет по сравнению с 1917 г. уменьшение ровно в 10 раз. Если мы возьмем выработку одного рабочего, то она тоже чрезвычайно сократилась. Число рабочих упало больше чем вдвое: *почти с 3 млн.* до 1.340.000. Зарплата, несмотря на социа-

---

[1]) Тов. Ленин так говорит потому, что в то время государство через продразверстку „брало в ссуду“ у крестьянина хлеб, но не давало крестьянскому хозяйству продуктов промышленного производства, т. к. последние шли на фронт гражданской войны.

листическую диктатуру, в силу голода и всего прочего, с 25 руб. в среднем в товарных руб., вычисляя по бюджетному индексу, пала до 6,6 руб. С 25 руб. до 6,6 руб.! Валюта наша совершенно обесценилась. Наша государственная промышленность разбазаривалась. Крупные заводы занимались производством зажигалок. Вот такова была картина".

Война с Польшей началась в апреле 1920 года. В хозяйственном отношении этот год для нас был весьма неблагоприятным.

Засуха сильно повредила урожай в Тульской, Рязанской, Орловской, Брянской и других центральных губерниях и тем самым вызвала бескормицу и падеж скота. В 1920 году посевная площадь сократилась до 68% довоенной нормы.

Подвоз гужевым транспортом главного в то время топлива — дров осложнялся. Размеры же войны требовали новых и новых усилий.

Недостаток топлива для железнодорожного транспорта, отсутствие нужных материалов для ремонта паровозов (процент больных паровозов в 1920 году доходил до 61), вагонов и для технического оборудования заводов, работавших для снабжения борющейся Красной армии, ставили размах военных перевозок и ведение операций в крайне тяжелые условия.

Таким образом, все наши оперативные замыслы должны были быть прямо пропорциональными той хозяйственной обстановке, в которой находилась на третьем году гражданской войны Советская страна.

И, учтя вышесказанное, приходится удивляться тому героическому скачку, который сделала в столь непродолжительный срок от Березины к Западному Бугу Красная армия.

Состояние красных армий Западного фронта на линии р.р. Нарева и Зап. Буга.

К первым числам августа выгодные рубежи р.р. Бобра, Нарева и Западного Буга были уже в руках Красной армии [1]). Четыре армии и армейская группа Западного фронта проделали с начала наступления (4-го—7-го июля) уже около 500 километров. До меридиана Варшавы еще оставалось более 120 километров.

„В польской войне, говорит тов. Ленин, мы имели энергичную, смелую Красную армию, *но пошли несколько дальше, чем нужно—к воротам Варшавы,* а потом откатились почти к самому Минску" (том XVIII, часть 1-я, стр. 92).

При разборе Марны (глава 4-я) мы задавали вопрос, не было ли более целесообразным, чтобы наступавшие немец-

---

[1]) Таким образом, Западный фронт овладел своим правым флангом болотистой долиной Бобра и обоими берегами верхнего течения Нарева и опирался на крепость Осовец и Вост.-Прусскую границу, левый овладел 1-го августа крепостью Брест-Литовском и западной оконечностью Полесья.

кие армии *временно* задержались на выгодных по своей конфигурации естественных рубежах р.р. Соммы—Уазы и Ретель—Верден.

Этот вопрос ставился в силу того, что до Парижа трем правофланговым армиям, прошедшим 280 километров, еще оставалось проделать 120, и, далее, в силу того, что в вопросы управления и в вопросы работы тыла германских наступающих армий боевая действительность внесла много осложнений, благодаря которым такая бурная стратегия сокрушения, без внесения в нее соответствующих поправок, начинала превращаться в „стратегию ва-банк“.

Мы говорили, что эта временная приостановка—дело тяжелое, она как бы противоречит умному положению мысли, что „порыв не терпит перерыва“, что, остановившись на этой линии и значительно усилившись *во всех отношениях* для дальнейших операций, тем самым немцы давали бы *время* французам также для усиления своих *потрепанных* армий.

Так вот, учитывая все сказанное, мы здесь также задаем вопрос, не было бы лучшим *временно* приостановить на выгодных рубежах болотистой долины Бобра, верхнего течения Нарева и Западного Буга красные армии Западного фронта с тем, чтобы *сильную волю к победе* соразмерить с важнейшим материальным фактором, каковым является *тыл армий*, и, кроме этой соразмерности, окончательно устранить уже начинавшее все более и более выявляться *жесткое оперативное взаимодействие* между *командованием* Западного и Юго-Западного фронтов.

Тов. Тухачевский пишет [1]: „Вопрос о том, нужно было или не нужно останавливаться на этнографической польской границе—является одной из любимейших полемических тем. Бо̀льшая часть наших писателей указывает на то, что на этом рубеже (мы берем линию устье Бобра—верхнее течение Нарева и Зап. Буг. *В. М.*) было бы выгодней нам остановиться, сорганизовать свои тылы, исправить связь и *достроить железные дороги*, влить в части *пополнения*, которые в *количестве 60.000* уже находились в эшелонах и следовали за наступавшими войсками, а после этого подремонтированными, окрепшими начать новое наступление для окончательного уничтожения польской армии“.

Выдвигая здесь этот вопрос, мы, конечно, не предполагаем *длительную* остановку с *постройкой новых железных дорог* [2]).

---

[1]) „Поход за Вислу“, стр. 33.

[2]) В отношении исправления мостов и жел. дорог, наши головные ремонтные отряды („горемы“) за время наступления положительно ставили рекорды; там, где инженеры специалисты строили расчеты для восстановления движения по ж. д. на несколько недель, „горемы“ часто выполняли такую работу в несколько дней; как примеры—постройка моста через Березину (5—6 суток), у Ошмян (4—5 суток), 50-ти саженный мост через р. Вакку в 10 в. от Вильно (14 суток) и т. д. Такова была быстрота работы, и если бы была приостановка, то продуктивностьработы от этого бы не пала, а, развиваясь таким же темпом, дала бы требуемые результаты.

Если мы и выдвигаем этот *крутой поворот* в нашей военной стратегии, то не более как на *двухнедельную* приостановку, чтобы влить пополнения, дать передохнуть людям[1]) и коням, а также восстановить и урегулировать вопросы стратегической связи, из-за недостатков в которой „в конечном счете и погибла самая операция“[2]).

Кроме того, вопрос о *временной приостановке* в обоих случаях мы задаем потому, что *с самого начала* решительного наступления ни немцы, ни красные армии не *уничтожили живой силы* противника, а лишь серьезно ее *потрепали* и в силу этого *выиграли* большое *территориальное пространство.*

Как в Марне, так и здесь основные неприятельские силы отступали к центрам своих материальных баз и густой сети железных дорог, в то время как победитель все более *удалялся* от своих источников пополнений.

Каково же было состояние тыла Западного фронта, когда его армии подошли к болотистой долине Бобра, верхнему течению Нарева и далее к линии реки Западный Буг?

Тов. И. И. Степанов-Скворцов, нынешний редактор „Известий ЦИК СССР“, почти непрерывно следовавший с войсками с начала нашего второго наступления (4-го—6-го июля), будучи командирован партией на Западный фронт для агитационно-пропагандистской работы, в своих воспоминаниях[3]) пишет:

„Расстояние между пополнениями и быстро продвигающейся боевой линией скорее растет, чем уменьшается. Были недели, когда Красная армия с боем проходила в среднем по 25—30 верст в день. Для нее это—погоня за подбитым, но не уничтоженным противником. Основная причина (трудности пополнениям догнать боевую линию. *В. М.*) этого явления—порча всех путей сообщения не только железнодорожных, но и шоссейных, на которых до Белостока сжигались не только мосты, но и мелкие мостики в 5—6 бревен шириной. Исправление ведется с лихорадочной энергией и поспешностью. В сущности, до Немана все восстановлено, к югу от Немана тоже.

У меня, как и у всех, кто здесь бывал в это время, тысячи раз вставал вопрос: не правильнее ли и не осторожнее ли будет

---

[1]) Следует отметить, что за всю июльскую операцию армии Западного фронта потеряли значительное количество бойцов, в силу значительной дизентерийной эпидемии, которая в это время свирепствовала среди городского и деревенского местного населения. Антисанитарная обстановка (гниение лошадиных трупов в реках, плохое закапывание убитых, недоброкачественность питьевой воды и т. д.) была главной причиной заразы, а быстрые передвижения и переходы войск, ослабляя человеческий организм, создавали благоприятные условия для заболеваний.

[2]) Так говорит тов. Тухачевский в своей работе „Поход за Вислу“, стр. 15., о значении связи, но в конечном счете причиной гибели операции была, ясно, не только связь, а целый ряд оперативных упущений и недостатков, которые мы наблюдаем в этом походе.

[3]) Цитируем из его работы „С Красной армией на панскую Польшу“, глава „От Белостока до Ломжи“, стр. 26—27.

временно приостановить наступление и преследование и, избрав стратегически наиболее выгодную линию, стать на ней и стоять до тех пор, пока не подойдут пополнения, пока по исправленным дорогам не подтянется тыл.

Я много раз ставил этот вопрос лицам командного состава и получал один и тот же ответ: наша остановка будет выигрышем и для противника. Он успеет собраться с духом, передохнуть, оправиться и не только набрать, но и организовать новые силы.

И нелегко решить, кому больше на пользу пойдет остановка, хотя бы она была довольно кратковременной [1]).

С другой стороны, настроение в Красной армии таково, что ее не без труда удалось бы остановить, и основания остановки были бы для нее неясны и непонятны.

Усталая и обносившаяся, она рвется вперед и вперед, в старую Польшу, которая должна сделаться новой Красной Польшей крестьян и рабочих.

Остается одно: направить величайшие усилия на быстрейшее восстановление дорог, на поспешное подтягивание отставших тылов, на доставку снарядов и патронов, хотя бы посредством гужевой перевозки.

Постоянно приходится обгонять обозы со снарядами, патронами, полевым телеграфом, походными кухнями и т. д., догоняющие Красную армию.

Порожние подводы, составив громадные вереницы движутся в обратном направлении.

Но все обозы, какие я видел до Ломжи, показались ничтожными по сравнению с той сплошной вереницей подвод, которые, растянувшись местами на 10—15 верст, иногда в два ряда, подтягиваются к Остроленке.

В Литве и Белоруссии легионеры, отступая, угоняли лошадей у крестьян, паны и их управляющие уводили их из имений. Тем тяжелее ложится подводная повинность, да еще в разгар полевых работ, на местное население".

Эта выкладка из труда тов. И. И. Степанова-Скворцова весьма и весьма характерна.

Она наглядно показывает, как наступательный порыв трансформировался в *бурное движение по инерции.*

И нужна *была особая сила воли*, чтобы, спокойно взвесив и проанализировав создавшуюся обстановку на всем протяжении фронта, *решить за или против* приостановки движения вперед.

Сигнал к временной остановке на линии долины Бобра—верхнего течения Нарева—Зап. Буг явился бы *крупным и смелым поворотом* для новых решений *в стратегии* командования Западного фронта.

Сигнал же к дальнейшему непрерывному наступлению к „воротам Варшавы" был бы в данных условиях еще и еще бо̀льшим развитием *силы инерции*, где при состоянии войск и их тыла *быстрота движения* должна была бы

---

[1]) Так думало Главное командование и командование Западным фронтом, большинство же командующих армиями, начальников дивизий, бригад и т. д. были за *временную приостановку.* См. об этом книгу тов. Путна (начальника 27-й дивизии), „К Висле и обратно", стр. 88—96.

оказаться обратно пропорциональной *натиску* на основной объект действий.

Хозяйственное положение Советской Республики, как мы видели выше, было весьма тяжелым. Последнее не могло не отразиться и на ходе операций против Польши[1]).

По состоянию IV-й армии, которая двигалась все время уступом вперед, можно в той или иной степени определить состояние и других армий. Правда, IV-я, III-я и Мозырская группа были материально и численно более слабыми еще с начала наступления, чем XV-я и XVI-я армии, но состояние и последних с подходом к Нареву и Западному Бугу стало немногим отличаться в лучшую сторону от трех первых.

Командующий IV-й армией тов. Сергеев, касаясь этого периода, пишет[2]): „Обмундирование, снаряжение, вооружение, обоз, средства связи,—все требовало хотя бы недели или двух для пополнения и приведения в порядок. Все тылы неимоверно растянулись и отстали, пустые парки и бездействовавшие радиостанции плелись где-то в хвостах обозов, авиационные отряды могли бы поспеть за армией только по воздуху, но их базы требовали железных дорог.

Наконец, и это *главное*, конница отказывалась служить на коне; а пехота, и без того слабого состава, окончательно обращалась в слабые численно кадры.

Правда, эти слабые кадры закалились в боях, все негодное морально и физически отстало и заполнило собой тыловые госпитали, *остался только цвет армии—ценнейшие кадры*, но тем более жаль было не использовать их, как скелет, для создания мощной армии".

Мы думаем, что эти соображения командующего IV-й армией, действовавшего на правом фланге, *не случайно совпадают* с мнением командарма I-й немецкой Клука, наступавшего также на правом крыле германского фронта. Сделав скачок в 300 километров, обернувшись назад и проанализировав состояние своей армии, ген. Клук был непрочь на недельку - другую остановиться, чтобы привести расстроенный тыл и состояние своих войск в порядок[3]). Кроме того, не мешало бы урегулировать вопросы оперативной

---

[1]) „Учитывая недостаток транспортных средств в наших войсковых частях, пришлось (в начале наступления. *В. М.*) пойти по пути широкой мобилизации обывательских подвод; 4-я армия мобилизовала их до 8.000 штук, 15-я и 3-я—до 15.000 и 16-я около 10.000. Конечно, это легло тяжелым бременем на местное население, но его страх перед панским нашествием позволил нам без труда осуществить эту меру. Такое большое количество транспортных средств позволило нашим войскам развить свои быстрые и смелые операции с сохранением постоянно действующего и работающего тыла. Правда, в этой работе было много хаотического, но вместе с тем, вплоть до подхода к Бугу и Нареву, наши войска были довольно хорошо обеспечены всеми необходимыми им припасами". Тухачевский, „Поход за Вислу", стр. 15.

[2]) Сергеев, „От Двины к Висле", стр. 80.

[3]) См. главу четвертую настоящего труда.

связи с своим соседом ген. Бюловым, как необходимо было договориться и с Мольтке о дальнейшем наступлении на Париж.

Конечно, это не случайность, а естественная потребность, которую в таких случаях диктует неумолимая боевая обстановка, т.-е. сама жизнь.

Боевой пульс армий ведь только тогда может правильно биться, когда в его жилах имеется кровь.

С подходом к Нареву и Западному Бугу тылы всех армий сильно растянулись, транспорты армий не успевали подбрасывать необходимые для боя и жизни припасы[1]). Непрерывное движение и бои начинали обескровливать красные армии во всех отношениях, а пополнения медленно шли позади. *Отсюда ясно, боевая работа войск не была соразмерена с работой тыла.*

Тов. Тухачевский, будучи противником внести *перерыв* в порыв своих армий, говорит: „Куда приятнее наступать, когда железные дороги исправны, когда связь работает без перебоев, когда войска пополнены до положенного им по штату и когда противник вместе с тем разложен и деморализован[2])".

Но и элементарная диалектика говорит, что, когда организм армий истощен, нельзя от него требовать невозможных усилий. А кроме того, полное разложение и деморализация противника сами стояли под вопросом, о чем со всей очевидностью показали бои в период 12-го—18-го августа.

„Обстановка позволяла вывести в резерв целую армию, пишет тов. Сергеев, из 4-х—5-ти дивизий (XV-ю), а по прибытии пополне-

---

[1]) Я не имею возможности касаться подробно, в дальнейшем изложении, состояния тыла армий Западного фронта в период наступления на Варшаву, а также тактики их пополнения и снабжения, ибо это слишком расширило бы размеры моего труда.

Но мы полагаем, что этот вопрос первостепенной важности в современных операциях должен, как можно скорее, получить свое разрешение посредством особого всестороннего и детального анализа.

Здесь мы только укажем, что с подходом к Нареву и Западному Бугу состояние тыла IV-й и III-й армий и Мозырской группы было почти аналогичным тому, что говорит командарм IV-й тов. Сергеев: „Весь тыл армии, растянувшийся до Полоцка и Великих Лук от Белостока, был забит всем тем, чего так жаждали войска. Тянулись заново сформированные телеграфные роты, авио-отряды, поезда с патронами и снарядами, в Вильне уже 12-го августа выгрузился 1-й армейский запасный полк в составе 6.000 человек, и непрерывно из Полоцка прибывали эшелоны с маршевыми ротами, которых ожидалось до 30.000 человек. Броне-отряды, бесполезные до района Гродно, теперь могли бы следовать чуть ли не за любой бригадой, имея грандиозную сеть привислинских шоссе". Повторяем, такая же картина шедших к боевой линии пополнений наблюдалась почти во всех армиях, но эти пополнения не могли своевременно подойти к Нареву и Бугу, благодаря бедности железнодорожного транспорта.

[2]) М. Тухачевский, „Поход за Вислу", стр. 33.

ний, также и III-ю армию, и тогда любая новая комбинация была бы возможна для армий Западного фронта, отдохнувших, снабженных, опирающихся на оборудованный тыл и пополненных до 120.000 штыков.

Последующие события показали, что на двух-трехнедельный срок полного покоя можно было свободно рассчитывать. Наличные на фронте польские армии не могли бы предпринять ничего серьезного; сосредоточение резервов, перебрасываемых с Юго-Западного фронта, требовало не менее 2—3 недель, и, наконец, польские депо пополнений могли бы дать не более того, что они дали к 12-му августа (т.-е. через две недели)—всего 25.000 человек (что увеличило их армию до 80.000 чел.)".

Обстановка на весьма выгодном рубеже болотистой долины Бобра (с крепостью Осовец), верхнего течения Нарева и Западного Буга (с крепостью Брест-Литовск) имела еще ту выгоду, что несколько отставшие *армии Юго-Западного фронта* за это время *поднялись* бы к данной линии.

Мы были победителями, и эта временная остановка оставила бы инициативу действий в наших руках, как и оставляла бы моральную подавленность от непрерывного отступления в стане белополяков.

За время этой приостановки противник безусловно бы усилился, и в этом усилении ему значительно помогли бы союзники, но ведь и мы, влив все имевшиеся у нас пополнения, усиливались.

Тов. Тухачевский, будучи совершенно несогласен[1]) с временной приостановкой своих армий, еще раз подчеркивая это, говорит, что *„задача была трудная, смелая, сложная, но задачами робкими не решаются мировые вопросы"*.

Трудно согласиться с этой мыслью тов. Тухачевского, так как раз была такая величественная задача, то она требовала к себе и такого же отношения.

С переходом линии Нарева и Западного Буга на Вислу фактически пошли только героические кадры, а пополнения так и остались в тылу *до окончания результатов* боев на Висле.

В далеко неравных по численности условиях сражались под Плоцком, на р. Вкра и под Радимином красные бойцы.

Вот почему мы и ставим этот вопрос о временной остановке, как о *крутом повороте* для новых решений в стратегии Западного фронта.

Военная история таких своевременно и удачно выполненных *крутых поворотов* имеет весьма и весьма немного.

В большинстве случаев она пестрит такими фаталистическими фразами: „Порыв не терпит перерыва"[2]) или „Чую, меня влечет к неведомой цели. Если не достигну ее, довольно будет одного атома, чтобы низвергнуть все дело. *Но надо довершить начатое"*...[3]) и др.

---

[1]) См. его работу „Поход за Вислу", стр. 33 и 34.
[2]) Поход немцев на Париж в 1914 году.
[3]) Слова Наполеона во время похода на Москву в 1812 году.

Но вот в *политической стратегии* мы имеем гениальные и своевременно (вопреки многим внутрипартийным колебаниям и возражениям) *крутые повороты.* Их показал нам великий стратег классовой борьбы тов. Ленин: 1) вопрос о моменте захвата власти в октябре 1917 года; 2) Брест-Литовский мир 1918 года („передышка“); 3) переход от продразверстки к продналогу, или от „военного коммунизма“ к новой экономической политике—1921 год и др.

Анализируя генеральные *крутые повороты* для новых решений тов. Ленина и изучая его обширное творческое наследство, я пришел к определенному выводу, что этому великому стратегу классовой борьбы они удавались потому, что он великолепно знал *прошлое* (т.-е. историю борьбы классов), постоянно задумывался и тщательно анализировал *настоящее* (т.-е. совокупность окружающих его политико-экономических фактов) и на *синтезе* этих двух китов, устремляя свой взор в *будущее* (т.-е. ставя прогноз), он делал новый *крутой поворот,* который и являлся тем, что требовала реальная действительность, т.-е. сама жизнь.

Верно, политическая ситуация говорила *о необходимости* скорейшего занятия цитадели польской буржуазии—*Варшавы.*

Но раз дела чисто военно-стратегического порядка к началу августа ставили под вопрос выполнение этой возможности, то об этом приходилось тысячу раз подумать.

Величественность задачи, которую должны были разрешить Главное командование и командование Западным фронтом, требовала в эти дни (конец июля) самого тщательного анализа состояний армий Западного фронта после 500-километрового непрерывного форсированного марша.

Никто не будет утверждать, что в результате такого похода в тылу противника могло быть все в порядке, нет, у него было там весьма и весьма неважно, а если и было что хорошо, то только то, что польские армии шли к своим базам и садились на них.

Кроме того, раз главная живая сила противника не была уничтожена на Двине и Березине, то, *проиграв пространство,* он тем самым *выигрывал для себя время,* с целью организовать контр-наступление.

А поэтому надо было *тщательно разобраться* в сведениях, что поляки потеряли *„всякую“* [1]) боеспособность, что их тылы полны дезертирами, что в среде их высшего командования неустойчивость, что действительно серьезных боев поляки избегают, что вся европейская буржуазная пресса похоронила для себя Варшаву и т. д. и т. д.

---

[1]) Тухачевский, „Поход за Вислу“, стр. 33.

Вот в такие-то *переломные моменты* знание фактов из прошлого, т.-е. знание военной истории, абсолютно необходимо.

Ведь то же было и во время похода немцев на Париж, тогда также весьма серьезные политические и военные деятели, обозревая происходящие события, электризуя свою фантазию и забросив в сторону анализ общего положения вещей или же не имея конкретных, проверенных, фактических данных для такого анализа, чуть ли не каждый день заканчивали свои статьи словами: „Когда эти строки выйдут из-под станка, судьба несчастной Франции будет уже решена“...

Дальнейшее исследование покажет, *была* ли правильной мысль тов. Тухачевского, когда он говорит, что *„основной вывод из нашей кампании 20 года необходимо сделать тот, что ее проиграла не политика, а стратегия. Политика поставила Красной армии трудную, рискованную и смелую задачу. Но разве может это означать неправильность“* [1])?!

Итак, пространство почти в 500 километров осталось позади боевой линии армий Западного фронта. Четырехдневные бои на линии Нарева и Западного Буга были вписаны опять в боевой актив Красной армии. Ни на минуту не приостанавливая движения, они двинулись к Висле, до которой оставалась еще четвертая часть того пути, который уже был пройден.

Приближались решающие дни в беспримерном по героизму походе молодой революционно-классовой армии.

Красный серп продолжал резать и трепать крылья белого орла, а молот уже нацеливался нанести смертельный удар по его голове.

---

[1]) „Поход за Вислу“, стр. 53.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

От Нарева и Западного Буга к Висле.

Директива Главного командования о взятии Варшавы.

Как мы уже знаем, во второй половине июля польское правительство сделало нам *предложение* начать мирные переговоры и заключить перемирие. Но последующие затем события и непрекращающийся приток всевозможных материальных средств из Англии и Франции[1]), а также интенсивная организационная работа в тылу фронта по набору и формированию добровольческих частей наглядно показали, что это предложение есть своеобразный стратегический маневр, с целью выиграть время для приведения своей действующей армии в порядок.

Все же, несмотря на это, мы даем свое согласие на ведение переговоров о перемирии. Но, не имея абсолютно никаких гарантий в серьезности предложения и видя, как польская армия все более начинает усиливаться, Главное командование красныхармий было принуждено вести операции с прежним напряжением и энергией.

19-го июля Главнокомандующий отдает командзапу т. Тухачевскому директиву следующего содержания:

„Обстановка требует энергичного нашего продвижения вперед в общем направлении на Варшаву, дабы нанести противнику окончательное поражение. В виду изложенного приказываю:

1. Продолжать энергичное преследование противника и не позднее 4-го августа армиям Западного фронта пройти линию: Ломжа—Брест-Литовск и *не позже 12-го августа* выйти на линию: Прасныш—Новогеоргиевск и далее по реке Висле на юг, до Ново-Александрии (вкл.), *овладев городом Варшавой.*

2. С выходом правого фланга Западного фронта на бывшую границу Восточной Пруссии к северу от Граево войскам фронта отнюдь указанной границы не переходить, имея за ней лишь наблюдение".

---

[1]) „Франция, пишет Кунц, почувствовала момент угрозы своему военному бастиону на востоке Европы. Она широко стала снабжать поляков орудиями, огнестрельными припасами, танками и пр., прибывшими через Данциг. Многочисленная французская миссия срочно прибыла в Варшаву и занялась обучением польской армии на основах опыта мировой войны 1914—18 г.г.". Capitaine Kuntz, „L'offensive militaire de l'Etoile rouge contre la Pologne". (Наступление Красной Звезды против Польши).

Далее указывалось XII-й армии Юго-Западного фронта продолжать выдвижение своих дивизий на фронт Ковель—Влад. Волынский, а разграничительная линия между Западным и Юго-Западным фронтами была продолжена на Ратно—Влодава—Ново-Александрия.

Как видим, данная директива ставит задачу по овладению столицей противника за 23 дня вперед и в то время, когда красные армии находились от нее еще в 300 верстах на востоке.

Мы не будем сейчас останавливаться на целесообразности такой смелой постановки задачи с целью овладения пока еще слишком удаленным, но главным объектом кампании, укажем только, что опыт ближайших к нам войн со всей очевидностью говорит, что боевая обстановка на войне крайне изменчива и если полководец имеет способность правильно предвидеть ход стратегической операции, хотя бы за неделю вперед, то он уже владеет в высшей степени ценным даром. Ибо правильно предвидеть—удел очень немногих. Обычно же человеческий ум не создан так, чтобы никогда не ошибаться.

Оперативный план Пилсудского для сражения на Висле

Схема № 6.

Упорные бои на Нареве и Западном Буге и ожесточенные контр-атаки противника за удержание переправ через эти водные рубежи имели свой смысл. Здесь характер боев резко отличался от боев на Березине, Немане и Шаре. Слишком резкий подъем боевого пульса у противника со всей наглядностью говорил, что неприятель почувствовал приближение кризиса кампании. Он старался из всех сил не допустить красные войска к форсированию этой предпоследней мощной естественной преграды, пока польский тыл фронта, интенсивной работой по формированию и организации новых частей, не окрепнет настолько, чтобы суметь отстоять главный рубеж—Вислу.

В своем труде „1920 год“ Пилсудский говорит, что когда 2-го августа он вернулся из Холма в Варшаву, то нашел ее в весьма тревожном состоянии. Окружавшие его политические и военные деятели требовали принятия новых решений с тем, чтобы отвести нависшую над столицей угрозу.

„Все без исключения считали, что именно Варшава, а не что-либо другое, является целью операции Тухачевского. Состояние всех руководящих органов, как военных, так и гражданских, было весьма нервное. Постоянные, в течение целого месяца, неудачи со всеми моральными и материальными последствиями неимоверно сильно угнетали всех нас. Поэтому то я сразу же отстранил всякое давление на себя, обещав вынести решение 6-го августа“.

Как видим, приближение кризиса кампании неприятель ощущал со всей силой.

Имея в виду крупнейшую стратегическую ценность, которую представляют собой оперативные замыслы для сражения на Висле у командования обеих сторон, мы постараемся детальнее остановиться на них.

В своей работе „1920 год“ Пилсудский со всей категоричностью защищает тот момент, что *творцом плана сражения на Висле был только лично он* и что все оперативные предложения, которые делали ему начальник штаба Фоша ген. Вейган, начальник польского генерального штаба ген. Розвадовский и военный министр ген. Соснковский, совершенно не имели влияния на ту *основную идею*, которую он вложил в свой оперативный замысел [1]).

В нашу задачу не входит исследование всей правильности этого утверждения польского главнокомандующего, ибо нам важен анализ самого оперативного плана для решительного сражения и тех результатов, которые повлек за собой этот план польского главнокомандования. Кроме того, нам небезынтересен с психологической точки зрения самый процесс принятия решения в той чрезвычайно трудной обстановке, в которой ходом событий оказалось польское главное командование и о которой достаточно откровенно говорит Пилсудский.

Он пишет, что когда вернулся в Варшаву, то застал своего начальника штаба Розвадовского в непрерывных спорах с ген. Вейганом по поводу создавшейся тяжелой обстановки на фронте.

„Примирителем же противоречий и добрым опекуном над этой вечно спорящей парой был военный министр Соснковский. Во всех разговорах *Марна упоминалась весьма часто*, при чем двое из этих лиц—ген. Вейган и ген. Соснковский—к Марне имели специальное предрасположение.

Как некогда маршал Жоффр хотел иметь речную преграду Марны или Сены, за которой мог бы произвести пе-

---

[1]) Ген. Розвадовскому Пилсудский дает следующую характеристику: „Избрал я его в качестве своего начальника штаба не потому, чтобы он был для этой должности наиболее подходящим, а потому, что являл собою счастливое и почетное исключение среди большинства тогдашних старших генералов. Никогда он не терял присутствия духа, энергии и моральных сил; хотел верить в нашу победу в то время, когда многие и очень многие потеряли уже всякую надежду, а если и работали, то с надломленной волей. Это примиряло меня с его крупными для начальника штаба недостатками, ибо не знаю, существовало ли вообще для него какое-либо мнение, которого он сумел бы придерживаться в течение хотя бы одного часа. Поэтому-то нисколько я не удивлялся, что, привыкший к систематической работе в штабах, ген. Вейган вынужден был прибегнуть даже к дипломатическому методу для поддержания взаимных отношений“.

регруппировку отступавших войск к левому своему флангу, где находилась столица—Париж, так и в данном случае за речной преградой Сана и Вислы искали возможности маневра сильным левым флангом—в столице Варшаве и в ее районе--Новогеоргиевске. Как там, так и здесь изыскивали возможность контр-удара левым флангом, выходящим из столицы". Далее Пилсудский пишет, что лично он мало принимал участия в этих дискуссиях, он только к ним прислушивался и не находил ответа на *два основных вопроса,* которые его тогда, как главкома и начальника польского государства, сильно волновали. Это вопрос о мире и вопрос о полной реорганизации всего командования, в виду принятия решения перейти в контр-наступление и взять инициативу обратно в свои руки, как это было сделано в майской операции против армий Западного фронта.

Приступая к анализу создавшейся обстановки на всем протяжении стратегического фронта, Пилсудский решает, что польская делегация по мирным переговорам не должна выехать в Минск иначе, как с полной уверенностью, что польские войска сумеют отстоять столицу Варшаву, в район которой польское командование и соберет возможно больше сил.

Над этими двумя вопросами и над оформлением своего оперативного замысла с целью перейти в контр-наступление в период 5-го и 6-го августа работал Пилсудский.

Он с большой откровенностью описывает все те „муки творчества", которые он переживал перед принятием решения. (См. „1920 год", стр. 119—123).

И вот, вопреки всем оперативным поучениям, которые оставили нам выдающиеся военные деятели, о том, чтобы к моменту и месту *решительного удара* сосредоточить возможно большее количество сил, Пилсудский принимает несколько другое решение.

Учитывая, что процесс принятия этого решения дает определенную характеристику Пилсудскому, как полководцу, мы считаем небесполезным кратко остановиться на нем.

В эти дни, 5-го и 6-го августа, „не на каком-либо совещании, а в уединенной комнате в Бельведере, пишет он, я перерабатывал самого себя, чтобы вынести решение. Существует замечательное определение величайшего знатока души на войне—Наполеона [1])

---

[1]) Следует указать, что на протяжении всей своей книги Пилсудский очень часто обращается к авторитету Наполеона І-го, к которому он весьма неравнодушен и которому он часто силится подражать. Вообще же труд Пилсудского каждому старшему войсковому начальнику следует хорошенько проштудировать, ибо для того, чтобы знать слабые и сильные стороны своего противника, надо его изучить.

который говорит о себе, что когда он приближается на войне к вынесению важнейшего решения, то становится comme une fille qui accouche—„как бы девушкой, собирающейся рожать“. Не раз после этой ночи я думал о большой гибкости и тонкости мысли Наполеона, который, несмотря на слабость прекрасного пола, себя, великана воли и гения, сравнивает со слабой девушкой, мучающейся на родильном ложе. Он говорит о себе, что в таких случаях бывает pusillanime—малодушным. В состоянии этого мучительного малодушия я дольше всего не мог разобраться в бессмыслице создававшейся для боя обстановки, в бессмыслице пассивности большинства моих сил, собранных в Варшаве. Вести контр-атаку из Варшавы и Новогеоргиевска, по моему мнению, было нельзя. Всюду она наносила бы противнику фронтальный удар, натыкаясь на его главные силы, стягиваемые, как мне казалось, всей своей массой к Варшаве, а до этого времени ни наши войска, ни их командиры никак не могли справиться с победоносным противником. Кроме того, над всей Варшавой висел призрак мудрствующего бессилия и умничающей трусости. *Ярким доказательством этого была высланная с мольбой о мире делегация.* Варшаву я заранее обрекал на пассивную роль, на вынесение надвигавшегося на нее натиска. Но даже в том случае я не хотел предназначать для пассивной роли значительного большинства своих сил. Когда же я думал об уменьшении количества пассивных сил, я начинал беспокоиться о том, выдержит ли это Варшава и не вызовет ли сам факт выступления из Варшавы хотя бы части введенных в нее войск упадка слабых моральных сил и сомнения в возможности обороны.

Я отлично знал из прошлого наблюдения над Львовом, что значит большой город, когда на его периферии идет бой. В таких случаях солдат вынужден жить с городом общей жизнью, и малейшие колебания в ту или другую сторону настроений города подрывают или же поддерживают его силы.

Я отлично помнил, что большинство наших сил, сосредоточенных в Варшаве, прибывало в столицу после целого ряда поражений, после длительных и беспрерывных неудач. Уменьшить число этих сил, вывести из Варшавы уже побывавшие в ней части казалось мне опасным.

Значит, обрекать на пассивность десять дивизий—почти половину польских сил. Вот вопрос, который себе я ставил. Я перебирал без конца силы гарнизонов, предназначавшихся для Варшавы и Новогеоргиевска. Благодаря чрезвычайной энергии, которую развил в отношении Варшавы ген. Соснковский [1]), сразу же бросалось в глаза огромное и небывалое еще у нас на войне сосредоточение артиллерии. Приближалось оно в значительной степени к тому идеалу, какой наметил опыт мировой войны.

Артиллерия, следовательно, могла развить действительно ураган огня. Поэтому-то, исходя из логики войны и тактики, мне вновь казалось возможным заменить хотя бы часть живой силы пехоты, способной маневрировать, усиленной мощностью артиллерийского огня. Но сколько раз я ни делал попытки убедить себя в необходимости этого, столько раз я отступал от решения, придавленный ответственностью за государство и его столицу. Я не мог заставить себя надеяться ни на моральные силы войск и жителей столицы, ни на стойкость руководителей тех и других.

Эта бессмыслица обстановки настолько сильно меня мучила, что в самом деле, по временам, казалось мне, что из всех углов

---

[1]) Пилсудский обходит здесь молчанием ту материальную помощь, которую передали французы и англичане ген. Соснковскому.

что-то хихикает и издевается надо мною, когда очевидную нелепость обрекать свои главные силы на пассивность я брал за основу своих расчетов и своего решения.

Когда я продумывал вопрос о необходимости инициативы, первое, что сразу же бросалось мне в глаза, была медленно отступавшая с р. Буга 4-я армия. Кратчайшее направление, в котором теснил ее противник, вело на Вислу между Варшавой и Ивангородом. Не было там ни мостов, ни удобных переправ. При более сильном натиске противника она очутилась бы в критическом положении.

Необходимо было двинуть ее или к Варшаве, или к Ивангороду. Некоторое опасение вызывало и моральное состояние 4-й армии.

Проделала она почти такой же путь отступления, как и 1-я армия, имея за собой, быть-может, и меньшие бои, но поспешная и неожиданная потеря Бреста, столь свежая еще в моей памяти, нисколько не склоняла меня к уверенности в этом отношении.

Вторым источником сил для меня мог явиться юг, откуда уже была снята 18-я дивизия. Юг находился в положении более счастливом, нежели север, а усиленная боевая работа и неутомимая деятельность командиров давали большую гарантию моральной силы снятых оттуда войск".

Дальше Пилсудский говорит, что, по его предварительным расчетам, для контр-маневра с р. Вепржа у него набиралось уже 3—4 дивизии и кавалерия, а с переброской 1-й и 3-й дивизий легионеров с нашего Юго-Западного фронта на линию Вепрж—еще больше. Но эти незначительные силы по отношению к собиравшимся в районе Варшавы и Новогеоргиевска говорили о наличии „чрезмерного риска, перед которым отступала логика. Все представлялось для меня в мрачных красках и безнадежным. Единственными же светлыми пятнами на моем горизонте являлись *отсутствие на тылах конницы Буденного и бессилие 12-й красной армии*[1]), которая после поражения на Украине не была в состоянии оправиться" [2]).

Реорганизация командования для Пилсудского намечалась сравнительно ясно, выразилась она в том, что многие из командующих армиями были сменены. В этом отношении Пилсудский взял пример с *Жоффра* по реорганизации

---

[1]) Курсив Пилсудского.

[2]) Таким образом, строя свой контр-маневр с линии р. Вепржа на том моменте, что его тыл обеспечен в виду отсутствия конницы Буденного и бессилия XII-й армии, Пилсудский дальше говорит, что сознавал всю рискованность этого положения. Ибо, снимая с юга 1-ю и 3-ю дивизии легионеров, он тем самым как бы открывал ворота в тыл своей группировки на Вепрже. *„Я мог бы в короткое время ожидать, говорит он, марширующую по моим тылам от Сокаля и Грубешова конную армию Буденного, или часть ее, что в значительной степени может сделать напрасными все мои усилия. На Буге, против 12-й советской армии я оставлял очень слабые силы— 7-ю дивизию в районе Холма и к югу от нее весьма слабую 6-ю украинскую дивизию".*

армии перед Марнским сражением [1]) и с *ген. Галлиени*— трансформировать реку Вепрж в Урк (см. главу пятую).

Непосредственное командование над ударной группой, которая должна была собраться на линии р. Вепрж, он оставлял за собой.

6-го августа Пилсудский отдает, в развитие своего оперативного замысла, соответствующие распоряжения начальнику штаба Розвадовскому и начальнику оперативного управления Пискору.

Таблица № 18 на стр. 214 и 215 и схема № 6 характеризуют оперативный план польского главнокомандующего.

Как видим, основная мысль в оперативном плане Пилсудского преследует две цели:

1) Упорную оборону Варшавы и сосредоточение на линии р. Вепрж ударной маневренной группы, которая перейдет в контр-наступление, когда наши красные армии завяжут бой на предмостных укреплениях Варшавы, и

2) Прикрытие гор. Львова и галицийского нефтяного бассейна.

Для достижения *первой* цели в район Варшавы и Новогеоргиевска собирается главная масса сил польской армии, а для второй—оставляется минимум сил, как для второстепенного участка по отношению к главной операции, которая будет происходить на Висле.

Пилсудский следующим образом говорит о намеченной им группировке сил: „*Во-первых,* из 20 дивизий, которые должны были принять участие в решающем сражении за нашу столицу Варшаву, *почти 15,* следовательно $^3/_4$, будут играть *пассивную роль,* и едва лишь $^1/_4$, или $5^1/_2$ дивизий, получают *активную* задачу.

Варшава, кроме сосредоточенных в ней $10^1/_2$ дивизий, располагает еще огромным количеством артиллерии, а поэтому полагаю, что даже одним артиллерийским огнем, в соединении с авиацией, сосредоточенной также в Варшаве, сравнительно легко будет задержать противника“.

Красные армии Западного фронта, по замыслу Пилсудского, посредством упорных боев, должны были быть свя-

---

[1]) Как на один из примеров, можно указать, что во время стягивания 1-й польской армии к Варшавскому укрепленному району губернатор Варшавы ген. Латиник (подчинявшийся до этого военному министру ген. Соснковскому) вступил в командование 1-й армией с сохранением должности военного губернатора Варшавы. То же фактически было и с Галлиени, который являлся в дни Марнского сражения не только губернатором Парижа, но и прямым начальником над 6-й армией Манури. Галлиени перед Марной также вышел из подчинения французского военного министерства.

Оперативный план ген. Пилсудского для сражения на Висле. *Таблица № 18.*

Командование фронтом и оперативное назначение фронтов.	Наименование армий.	Состав.	Оперативные задачи армиям.	Группировка сил.	ПРИМЕЧАНИЕ.
Северный фронт—ген. Галлер. От немецкой границы до Ивангорода (искл.). Не допускать охвата вдоль немецкой границы и не дать возможности красным армиям форсировать р. Вислу севернее и южнее Варшавы. Энергичными контратаками парализовать наступательный размах неприятеля и не допустить его в район варшавских предмостных укреплений.	5-я—ген. Сикорский.	9-я, 17-я, 18-я, Добровольческая пехот. дивизии, Сибирская бригада пехоты, 3-я кав. дивизия.	На участке от немецкой границы до Пултуска (вкл.) удерживать переправы через Нарев и с помощью кавалерии наблюдать за р. Наревом и р. Оржиц, действуя активно на правый фланг красных армий.	Главная масса сил для обороны района Варшавы. $13\frac{1}{2}$ (15) [1]) дивизий.	[1]) Если прибавить к составу армий *Северного фронта* различные добровольческие и резервные части, которые были влиты в действующие польские дивизии в период с 7-го по 13-е августа, а также небольшие части, действовавшие в Данцигском коридоре, то получим на Сев. фронте не менее 15 дивизий. [2]) Он же военный губернатор Варшавы. [3]) Общее руководство операцией ударной маневренной группы принял на себя лично ген. Пилсудский. [4]) Настоящий оперативный план зафиксирован в отданных польским главным командованием распоряжениях от 6-го августа.
	1-я—ген. Латиник [2]).	8-я, 10-я, 11-я, 15-я, 19-я (Литов. - Белорусская) пех. дивизии, 7-я резервная и крепостная пех. бригады.	На участке от Сероцка до Карчева (вкл.) отбивать атаки на предмостные варшавские позиции и нанести возможно бо́льшие потери красным дивизиям и тем понизить их боеспособность и активность.		
	2-я—ген. Рышевский.	2-я (легионеров) и 4-я пех. дивизии.	На участке от Гура-Кальвария до Ивангорода (искл.) наблюдать и удерживать правый берег Вислы.		
Средний фронт — ген. Рыдза-Смиглый [3]). От Ивангорода до Броды (искл.). Собрать маневренную ударную группу за р. Вепрж. Воспользовавшись изнурением неприятеля, атакующего Варшавский тет-де-пон, перейти в наступление в северном и северо-восточном направлении. Основная задача—уничтожить противника посредством флангового удара в тыл его основной северной группировки.	4-я—ген. Скерский.	14-я, 16-я, 21-я (горная) пех. дивизии на фронте; 1-я бригада 6-й пех. дивизии, крепостная бригада в Ивангороде.	На участке от Ивангорода до Коцка (вкл.) объединить в себе вновь поступающие части с других направлений, *составить ударную группу*, коей сосредоточиться в районе Ивангород—Коцк. Резервы эшелонировать в глубину, группируя их за левым флангом с таким расчетом, чтобы развить успешный удар в общем направлении на Ново-Минск.	Ударная маневренная группа с линии реки Вепрж. $5\frac{1}{2}$ дивизий.	
	3-я—ген. Зелинский.	1-я и 3-я пех. дивизии легионеров, 7-я пех. дивизия, 6-я украинская пех. див., 4-я и Донская кав. бригады, отряды Яворского и Булак-Балаховича.	Подняться главными силами к северу и занять участок от Коцка (искл.) до Броды (искл.) Прикрывать сосредоточение частей 4-й армии, а когда последняя начнет выполнение поставленной ей задачи, 3-я армия в составе 1-й и 3-й пех. див. разовьет удар в общем направлении на Луков, прикрываясь с востока кавалерией (4-я кав. бригада и кавалерия Яворского).		
Южный фронт. Основная задача—оборона Галиции с ее нефтяным бассейном и столицей—гор. Львовом.	6-я—ген. Иашкевич. 7-я украинская—ген. Павленко.	$3\frac{1}{2}$ дивизии и украинские части.	Оборона линии: Рава-Русская—Львов—Рогатин—верхнее течение Днестра и его притоков (Серет, Стрыпа).	Пассивный участок.	

занными перед Варшавским тет-де-поном до тех пор, пока он со своей маневренной группой с Вепржа, перейдя в наступление по правому берегу Вислы, не ударит в левый фланг армиям Западного фронта.

12-го августа Пилсудский выехал из Варшавы в Ново-Александрию. Над ним продолжала довлеть мысль, что вышеуказанной группировкой своих сил перед решительным сражением на Висле он нарушил „логику и здравый смысл законов военного искусства". Но обстановка на войне всегда крайне изменчива. И, как увидим ниже, эта „бессмыслица" в оперативном плане Пилсудского и спасла от полной катастрофы белопольскую армию.

Оперативный план командзапа тов. Тухачевского. *Схема № 6.*

Бои за овладение линией Нарева и Зап. Буга закончились полной победой армий Западного фронта. Согласно оперативного плана Пилсудского, в промежутке между этой линией и р. Вислой польское командование не имело намерения задерживать для больших боев свои войска. Напротив, планомерный отход всех армий был назначен на 7-е августа. Отданная инструкция, в развитие плана Пилсудского, требовала в первую же ночь проделать возможно больший переход с линии Нарева—Буга, оставляя в арьергардах слабые кавалерийские части и пехоту на подводах.

В виду ограниченного количества переправ на Висле и Вепрже было приказано все тыловые учреждения и обозы срочно перебросить за эти рубежи и там освободить пути для отступления польских частей. Далее указывалось, что с приходом в намеченные новые районы сосредоточения на Висле и Вепрже польские войска должны быть в полном порядке и свою бодрость передать новым пополнениям из добровольческих и мобилизованных частей, имея в виду невтянутость в боевую жизнь и короткий срок обучения последних.

Директива нашего главного командования о взятии Варшавы к 12-му августа хотя и была отдана заблаговременно, но в то же время этим самым она передавала в руки командзапа тов. Тухачевского *оперативную свободу действий* на его участке фронта для достижения поставленной задачи.

Последний, учитывая продолжавшееся отступление польских армий за Вислу и их численность, которая с линии Нарева и З. Буга с каждым днем все возростала, решает продолжать наступление тремя армиями, главным образом по правому берегу Зап. Буга, с целью нанести удар не в лоб Варшавскому укрепленному району, а *севернее его,* для того, чтобы уравновесить *маневром* общее неравенство наших сил (на этом направлении) с польскими. Кроме того, тов. Тухачевский рассчитывал этим маневром создать

угрозу питанию польской армии *извне* через Данцигский коридор.

Надо заметить, идея этой смелой и решительной операции по форсированию Вислы северо-восточнее Варшавы базировалась еще на том моменте, что к началу завязки боев в районе Варшава—Новогеоргиевск в распоряжение Западного фронта должны были перейти полностью XII-я и 1-я конная армии Юго-Западного фронта. *Такое усиление Западного фронта двумя новыми армиями, было санкционировано Главнокомандующим тов. Каменевым еще в начале августа.*

Последнее обстоятельство имело для развития оперативного замысла командзапа тов. Тухачевского громадное значение. Получение новых двух армий давало возможность по мысли командзапа не только не бояться за операцию левого фланга Западного фронта, но и еще более заострить решительность действий в варшавском районе, подняв XVI-ю армию для форсирования Вислы также севернее Варшавы.

Таблица № 19, помещенная на стр. 218 и 219 и схема № 6 вполне наглядно рисуют смелый оперативный замысел командзапа тов. Тухачевского.

Анализируя планы командования обеих сторон и имея в виду, что соответствующие распоряжения в развитие этих планов были отданы каждым командованием почти одновременно, невольно задаешь себе вопрос, во что могли бы вылиться в действительности эти оперативные замыслы (если бы распоряжения по планам были в точности выполнены) и кто был бы в этом случае из противников победителем на Висле.

Оба плана до предела наполнены и волей, и решительностью, и энергией, и особенно риском.

Оба плана устремляют свои главные усилия *к флангам*, оставляя слабые силы в центре. Группировки сил на флангах у той и другой стороны не равны. Соотношение направляемых на фланги сил выражается, как 19 дивизий к $13^1/_2$ (15) и $10^1/_2$ к $5^1/_2$ дивизиям, т.-е. количество войсковых единиц на флангах у красной стороны значительно больше. Кроме того, у последней в продолжение более, чем месяца—непрерывные победы, а отсюда большой моральный подъем, в то время как у белополяков, пришедших к своим базам и источникам пополнений, решимость дать последний бой на Висле и за столицу также имеется налицо.

Трудно предугадать то, что не случилось, но если бы все директивные распоряжения были в точности выполнены, а планы воплотились в жизнь так, как задумала каждая из сторон, то можно с объективной уверенностью сказать, что победа на Висле, положенная на Красные

Таблица № 19.

Оперативный план тов. Тухачевского для сражения на Висле.

Наименование армий.	Состав.	Оперативные задачи армиям [1]).	Группировка.	ПРИМЕЧАНИЕ.
IV-я Шуваева [2]) . .	12-я, 18-я, 53-я, 54-я стр. дивизии, 3-й конный корпус (10-я и 15-я кав. див), 164-я бриг. (в Гродно), 143-я бриг. (Вильно).	Обеспечить правый фланг фронта, частью сил овладеть районом Яблоново — Грауденц — Торн, форсировать остальными силами 15-го августа р. Вислу в районе Влоцлавск—Добржин. В районе Цеханов—Плонск оставить одну стрелковую дивизию во фронтовом резерве.	Главная маневренная масса на нижней Висле и в Варшавском направлении. 19 дивизий.	[1]) Разграничительные линии были назначены следующие: а) между IV-й и XV-й—Ойржен—Плоцк—Пионтек (вкл. для XV-й). б) между XV-й и III-й—Насельск—Длутово—Вышгород—Сохачев (вкл. для III-й армии). в) между III-й и XVI-й — Новогеоргиевск—Блоне (вкл. для III-й армии), г) между XIV-й армией (пока остававшейся на Юго-Западном фронте) и Западным фронтом—Дубно—Топоров. [2]) Командарм IV-й тов. Сергеев *6-го августа* сдал командование армией своему начальнику штаба т. Шуваеву. [3]) Настоящий оперативный план наступления был зафиксирован в директивах командзапа тов. Тухачевского по армиям от 10-го августа за № 236/оп, от 15-го августа за №№ 359/оп и 361/оп
XV-я Корка	4-я, 11-я, 16-я, 33-я стр. дивизии.	Не позже 15-го августа форсировать р. Вислу на участке Плоцк (вкл.)—Вышгород.		
III-я Лазаревича . .	5-я, 6-я, 21-я, 56-я стр. дивизии.	Не позже 15-го августа форсировать р. Вислу на участке Вышгород (вкл.) — Новогеоргиевск (вкл.). Попутно частью сил из района Залубице ударом в направлении Прага отбросить от Варшавы противника, отходящего перед XVI-й армией.		
XVI-я Соллогуба . .	2-я, 8-я, 10-я, 17-я, 27-я стр. дивизии.	14-го августа главными силами форсировать р. Вислу севернее Варшавы.		
Мозырская группа Хвесина	57-я, 58-я стр. дивизии и сводный отряд.	14-го августа овладеть районом Козенице—Ивангород.	Активное обеспечение главной операции в Варшавском районе и для форсирования Вислы примерно на участке Козенице — Ново-Александрия. 10½ дивизий.	
XII-я Васканова . .	7-я, 24-я, 25-я, 44-я и группа тов. Голикова.	Сосредоточить главные силы (7-ю, 25-ю, 44-ю див. и группу Голикова) в районе Корытница—Грубешов и атаковать противника в общем направлении на Седлище. Далее сменить части 1-й конной армии до района Топоров. В подчинение XII-й армии поступает кав. группа Осадчего.		
1-я конная Буденного	4-я, 6-я, 11-я, 14-я кав. дивизии и отдельная кав. бригада.	Вывести свои конные части в район Топоров и всей конной армией (4½ кав. дивизии) четырьмя переходами перейти в район Владимир-Волынский для дальнейшего наступления в направлении Люблин.		

и Белые чашки весов, имела несколько больше шансов для Красной армии.

Мольтке - старший говорит, „что без большого риска большие успехи на войне невозможны“.

Командование обеих сторон, приняв такие решения, где не только полное отсутствие какого-либо шаблона, но где наличие риска в каждом стратегическом маневре бьет в глаза, с избытком оправдало мысль Мольтке.

Мало того, сущность оперативных замыслов у командования обеих сторон заострена настолько, что в таких случаях *„один дюйм стратегической ошибки сводит к нулю целые мили самых блестящих тактических успехов“*.

Большой стратегический риск имеется в обоих планах. Достаточно взглянуть на схему № 6, чтобы увидеть, что Пилсудский *собирал свою ударную группу* в тот район (линия р. Вепрж), куда по замыслу тов. Тухачевского должны были ударить главные силы XII-й и 1-й конной армий. Конечно, если бы это случилось, то 10½ красных дивизий опрокинули бы все наступательные тенденции из района Вепрж 5½ польских дивизий.

Но боевая действительность в оперативный план командзапа тов. Тухачевского внесла весьма существенное изменение. Как увидим ниже, XII-я и 1-я конная армии в период боев правого крыла Западного фронта под Варшавою *не поступили в распоряжение тов. Тухачевского.* Наоборот, *главные силы* этих двух армий, вместо удара в Люблинский район, были отклонены на 140 градусов к югу, в направлении Рава-Русская—Львов. Отсюда, громадный риск плана тов. Тухачевского заключается в *просчете подтяжки этих двух армий; как следствие этого, оголенность и плохая обеспеченность своего левого фланга, против которого собиралась оперативная „бессмыслица“ Пилсудского.*

Кроме этого за исключением *одной дивизии* IV-й армии (см. таблицу № 19), которая должна была бы остаться в районе Цеханов—Плонск во *фронтовом резерве*, на всем более чем 300-километровом протяжении Западного фронта [1]) *на случай какой-либо стратегической неожиданности со стороны противника в плане командзапа ничего не предусмотрено* (т.-е. нет резерва). А 60.000 идущих пополнений были в слишком большом удалении от боевой линии, состояние же транспорта Западного фронта было таково, что рассчитывать, что эти пополнения подойдут *во время*, было нельзя.

---

[1]) Линия фронта с 10-го на 11-е августа. (Схема № 7).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Оперативная работа Главного и фронтового командования перед сражением на Висле.

Приступая к изложению оперативного творчества Главного и фронтового командования красных армий, а также боевой работы наших войск, мы сочли более поучительным исследовать развитие событий день за днем.

Как мы уже говорили выше, противник до 7-го августа в продолжение пяти дней с большим напряжением и ожесточенными боями отстаивал переправы реки Зап. Буг.

Соотношение сил на р.р. Нарев и Зап. Буг командование Западным фронтом определяло так, как показано на чертеже № 4 на стр. 255, т.-е. *соотношение сил почти одинаковое с общей разницей в нашу пользу в 869 штыков и 634 сабли.* Учитывая эти силы неприятеля и наши директивы командзапа от 3-го августа[1]) и телеграмму наштазапа от 5-го августа[2]), армиям фронта была поставлена задача решительным наступлением окончательно разбить противника, *обратив особое внимание на правый фланг фронта,* где он, бросая новые части и формирования, оказывал упорное сопротивление.

Для овладения к 8-му августа линией Прасныш—Вышков—Седлец—Парчев было приказано: *IV-й армии Сергеева* [3]) иметь для наступления севернее р. Нарева не менее трех стрелковых дивизий; *XV-й армии Корка* —выполнение директивы от 1-го августа[4]), т.-е., развивая достигнутые успехи, продолжать наступление в западном направлении; *III-й армии Лазаревича* наступать главными силами севернее р. З. Буг; *XVI-й армии Соллогуба,* направив не менее трех дивизий из района Дрогичин, продолжать наступление для овладения районом Венгров - Седлец.

Мозырской группе Хвесина стремительным ударом овладеть районом Влодава, с целью облегчить продвижение

---

[1]) Воен.-уч. архив, дело № 2154.
[2]) Там же.
[3]) Командарм IV-й тов. Сергеев руководил армией включительно до 6-го августа, в дальнейшем сдал командование своему начальнику штаба т. Шуваеву.
[4]) Воен.-уч. архив, цело № 2154.

вперед XII-й армии, одновременно развивая удар на Парчев.

Выполняя поставленные задачи, армии Западного фронта *7-го августа* находились в следующем положении:

IV-я армия и 3-й конный корпус (12-я, 18-я, 53-я стр., 10-я и 15-я кав. дивизии, а также переданная в подчинение командарму IV-й из XV-й армии 54-я стр. дивизия [1]), 164-я бригада в Вильно) 3-го августа приказом командарма получили задачу занять район Прасныша [2]).

К вечеру 7 августа эта задача конным корпусом была выполнена, облегчив стрелковым дивизиям выдвижение на линию: Красносельцы—8 килом. восточнее м. Рожан, 54-я стр. дивизия сосредоточивалась в районе Новогрод.

XV-я армия (4-я, 11-я, 16-я и 33-я стр. дивизии), продвигаясь в полосе между р. Наревом (левый берег) и Зап. Бугом, успешно вышла на линию севернее м. Рожан — 10 километров западнее г. Острова.

III-я армия (5-я, 6-я, 21-я, 56-я стр. дивизии) вела упорные бои в районе ст. Малкин, части ее левого фланга, форсировав Зап. Буг в районе Нур, продвигались на Коссов.

XVI-я армия (27-я, 2-я, 17-я, 10-я и 8-я стр. дивизии), захватив район Соколова, к этому времени продолжала развивать наступление на левом берегу Зап. Буга, отражая контр-атаки противника в районе Янов и западнее Брест-Литовска.

Части *Мозырской группы* (57-я стр. дивизия и сводный отряд) к 8-му вагуста, заняв фронт Пищац—Славатичи—Влодава, развили наступление на Парчев.

Таким образом, до 8-го августа первая часть директивы Главкома от 19-го июля, в коей указывалось к 4-му августа пройти линию Ломжа—Брест - Литовск,—была выполнена. *Оставалась вторая часть—к 12-му августа занять Варшаву.*

XII-я армия Юго-Западного фронта, соприкасаясь своим правым флангом (58-я стр. дивизия) с Мозырской группой, медленно выходила к Зап. Бугу.

На левом фланге XII-й армии действовала 1-я конная армия. Директивой 6-го августа [3]) Главнокомандующий указал командующему Юго-Западным фронтом тов. Егорову, чтобы он потребовал более решительного продвижения XII-й армии вперед для того, чтобы облегчить положение 1-й конной армии, маневрирующей в районе восточнее м. Брод. Вместе с тем, Главнокомандующий подтвердил, что *„необходимо дать отдых 1-й конной армии и подготовить ее для нового удара, для чего теперь же нужно принять такую группировку на польском участке Юго-Западного фронта, чтобы пехотой сменить 1-ю конную армию и вывести ее в резерв для отдыха и будущего решительного удара"*.

---

[1]) Воен.-уч. архив, дело № 2154, телеграмма командзапа от 3/VIII № 286/к. ф.

[2]) Сергеев, „От Двины к Висле", приказ № 17, стр. 137.

[3]) Воен.-уч. архив, дело № 1742.

Окончательное решение Главнокомандующего передать XII-ю, 1-ю конную и XIV-ю армии Западному фронту.

Окончательное решение Главнокомандующего объединить все армии Польского фронта в руках командзапа тов. *Тухачевского* мы находим в директиве командъюзу 6-го августа[1]), где указывалось, что для объединения операций на всем Западном фронте против белополяков вместе с XII-й и 1-й конной армиями в состав Западного фронта будет включена и XIV-я армия, а поэтому необходимо подготовить и эту передачу, а командующему Западным фронтом подготовить и установить надежную связь со штабом XIV-й армии. Разграничительная линия между Юго-Западным и Западным фронтом намечается *г. Черкассы—Могилев—р. Днестр* до желдороги (с.-з. Залещик) и далее на м. *Снятын—Куты—станц. Ворохта* и далее *по Карпатскому хребту* до *р. Ословы*[2]) (все для Западного фронта включительно). Эта разграничительная линия в достаточной *мере говорит, что на новый участок Юго-Западного фронта также ложится ответственная задача по охране линии р. Днестра со стороны возможного нападения Румынии и наблюдению за побережьем Черного моря.*

Но главное, это напрячь все усилия для уничтожения Врангелевского нарыва, в то время как на армиях Западного фронта остается одна задача—продолжать операции по разгрому армий белой Польши[3]).

В ответ на это решение Главного командования командующий Западным фронтом, считая, что передача в его распоряжение одновременно трех армий со стороны оперативной представляет только одни выгоды, но в то же время ставит много затруднений со стороны *организации тыла и связи*, в своей телеграмме от 7-го августа[4]) просил Главкома[5]) оказать ему помощь за счет Юго-Западного фронта следующим:

1) Оставить на месте пребывания базу для питания всех трех армий видами довольствия с тем, чтобы она в дальнейшем служила промежуточной базой Западного фронта.

---

[1]) Воен.-уч. архив, дело № 1742.

[2]) См. карту 25 вер. в дюйме.

[3]) Врангелевская авантюра была организована на средства французского правительства. Врангель должен был, по замыслу французского генерального штаба, нанести фланговый удар по тылам красных армий, действовавших против белой Польши.

Эта новая белогвардейская авантюра потребовала от нас выделения значительных сил на Крымский участок Юго-Западного фронта.

(Справка, составленная полевым штабом Р.В.С.Р. к 1-му августа, ясно говорит о количестве перебросок войсковых частей, которые мы принуждены были организовать с тем, чтобы не дать возможности Врангелю сильно распространиться из Крыма на север. (См. приложение № 2).

[4]) Воен. уч. архив, дела №№ 2154 и 1742.

[5]) Копия этой телеграммы была вручена и командъюзу.

2) Запасные части, принадлежащие армиям, должны оставаться при таковых.

3) Все средства связи, обслуживающие *три армии*, не должны быть от них изъяты, особенно в отношении телеграфно-строительных и эксплоатационных рот. В районе расположения полевого штаба Юго-Западного фронта оставить оперативный пункт такой мощности, чтобы иметь возможность поддерживать через него непрерывную связь со всеми тремя армиями вплоть до момента, пока с ними не будет установлена надежная связь из Минска (штаб Западного фронта), что потребует 10—14 дней.

4) В известный период времени, пока не наладится циркуляция снабжения из основных баз Западного фронта до промежуточной, необходима обязательная помощь снабжения от Юго-Западного фронта.

При удовлетворении всех этих условий командзап тов. Тухачевский считал вполне возможным немедленно принять XII-ю, I-ю конную и XIV-ю армии в состав Западного фронта, будучи вполне уверен, что такое объединение фронтов сделает в дальнейшем характер операции более успешным и решительным.

Эти условия, выставленные командующим Западным фронтом в отношении снабжения, связи и управления при передаче в его распоряжение трех новых армий, Главное командование признало вполне целесообразными и согласилось провести их в жизнь.

Но командование Юго-Западным фронтом сочло, что эти требования командзапа приняты быть не могут, так как „удовлетворение требований командзапа неизбежно повлекло бы за собой разбивку аппарата полевого управления Юго-Западного фронта, полное его ослабление и вытекающий отсюда явный паралич в деле управления остальными войсками фронта, выполняющими ответственную задачу ликвидации ген. Врангеля“. Оно считало необходимым „фактическую передачу армий Западному фронту приурочить к моменту установления оперативного пункта средствами Западного фронта, т. к. таковых средств у Юго-Западного фронта нет, а что касается снабжения указанных трех армий, то аппарат снабжения Юго-Западного фронта мог бы служить временно промежуточным пунктом передачи всего получаемого этими армиями из центра“. Со вторым и отчасти с третьим пунктами требований командзапа командование Юго-Западным фронтом соглашалось, т. к. полагало естественным, что „армейские запасные части и аппараты связи должны оставаться при армиях“. Всякое другое решение вопроса Р.В.С. фронта считал „вредным для дела вообще и в частности для достижения успеха над Врангелем“ (телеграмма от 8-го августа за № 150/сек. 4526/оп)[1]).

Будучи не согласен с некоторыми организационными требованиями командующего Западным фронтом, командъюз, все же выполняя директиву Главкома от 6-го августа, на другой день приказал приступить к подготовительным мерам

---

[1]) Воен.-уч. архив, дело № 1820.

фактической передачи XIV-й армии, при чем командарму XIV-й *т. Молкочанову* было приказано установить связь со штабом Западного фронта (Минск) по указаниям начальника связи Юго-Западного фронта и *немедленно* командировать в Минск соответствующих лиц для детального информирования командования Западным фронтом по всем вопросам полевого управления армий.

Вопросы передачи XII-й и I-й конной армии были согласованы ранее.

Развитие оперативного плана командующего Западным фронтом.

Еще в начале августа командующий Западным фронтом поставил своим разведывательным органам задание установить, где группируются резервы польской армии и куда отходят ее главные силы[1]—на *северо-запад*, в район Ломжа—Плоцк—Варшава, или на *юго-запад*, в район Варшава—Люблин—Львов—Краков—Петроков, т. е. где Польша предполагает иметь главную базу обороны: в *Познани* или в *Галиции*. Оперативные документы фронта говорят за то, что командующий Западным фронтом в конечном итоге к 7-му августа пришел к выводу, *что с главными силами противника должны будут встретиться войска его правого фланга (IV-я, XV-я и III-я* армии), и после анализа процесса всего отхода противника он направляет эти три армии севернее р. Зап. Буг, *будучи уверен, что при изменившейся обстановке на левом фланге и в центре его фронта он всегда сумеет снизить XV-ю и III-ю армии примерно из района устья Нарева на юг*[2]).

Те же документы говорят[3]), что *Главнокомандующий не возражал против этого варианта командзапа в этот период операции* (до 7-го августа). Не желая связывать инициативу действий командующего фронтом, Главком все же настоятельно обращал внимание последнего на необходимость *разбить живую силу противника на линии Зап. Буга или же за линией этой реки, но не допуская отхода неприятельских армий за Вислу.*

В директиве 7-го августа[4]) Главком напоминает, что в силу группировки трех армий в районе севернее Зап. Буга задача XVI-й армии, благодаря большему протяжению ее фронта, становится непосильной, а поэтому может повториться та же история, какая имела место при первом наступлении XVI-й армии на Минск. „Задержка XVI-й армии на З. Буге

---

[1]) Воен.-уч. архив, дело № 2154, телеграмма наштазапа № 366, разв.

[2]) Разговор по прямому проводу с Главкомом 8-го августа. Воен.-уч. архив, дело № 1856.

[3]) Директива № 1008/оп. от 7-го августа, которая являлась результатом обмена мнений по прямому проводу с Главкомом.

[4]) Воен.-уч. архив, дело № 2154.

уже сигнализирует“, что все опасения Главнокомандующего основательны. *„Обстановка настоятельно требует хотя бы временной помощи III-й армии в направлении и на фронт Седлец—Н. Минск для того, чтобы правый фланг XVI-й армии мог свободнее выдвинуться на фронт Седлец—Луков“.*

Учитывая численную слабость Мозырской группы[1]), а также, что при создавшейся обстановке на Юго-Западном фронте на помощь со стороны XII-й армии XVI-я армия и Мозырская группа рассчитывать не могут, *ибо XII-й армии приходится главными силами сворачивать на Владимир-Волынский—Томашов,* Главнокомандующий предлагал командзапу принять соответствующие меры, учитывая, что при дальнейшем наступлении *Ивангородское направление не безопасно для частей XVI-й армии“.*

В разговоре 8-го августа[2]) по прямому проводу с Главкомом командующий Западным фронтом, оставляя в силе свой оперативный замысел о движении IV-й, XV-й и III-й армий севернее р. Зап. Буг с целью удара в дальнейшем во фланг и тыл группе противника, *„собирающейся в Варшавском районе“,* — просит Главкома не беспокоиться и повторяет ту же мысль, *„что всегда сможет по обстановке двинуть XV-ю и III-ю армии из устья Нарева в южном направлении“.* Из дальнейшего изложения читатель увидит, что это предположение командующего Западным фронтом не оправдалось, т. к. *после форсирования р. Зап. Буг активное сопротивление наши армии встретили лишь на Висле.*

Далее в этом же разговоре с Главкомом он указывает, *что „общая стратегическая обстановка требует срочного объединения всех армий в одних руках,* а поэтому считает необходимым выделить на месте расположения полевого штаба Юго-Западного фронта сильный оперативный пункт со средствами связи, обязательно за счет Юго-Западного фронта“, ибо Западный фронт всестороннюю связь с армиями Юго-Западного фронта установить и организовать пока не может [3]).

Учитывая этот оперативный замысел командующего Западным фронтом, а также складывающуюся для нас боевую

---

[1]) М. Тухачевский определяет ее численность в этот период операции, по нашему мнению, максимальной цифрой в 4193 штыка. „Поход за Вислу“, стр. 38.

[2]) Воен.-уч. архив, дело № 1856.

[3]) Необходимо указать, что к общей материальной бедности тыла Западного фронта в это время присовокуплялось еще большое несчастье, в виде сгоревшей до тла одной из лучших баз Западного фронта в Вязьме. Огонь уничтожил не только громадное количество 3-дм. снарядов, более трех миллионов винтовочных патронов, тысячу единиц обоза, 60 тысяч пар обуви, но и большое имущество связи— столь необходимое для командования Зап. фронтом. Воен.-уч. архив, дело № 1856.

обстановку, Главнокомандующий, еще раз подтвердив свое окончательное решение о передаче всех армий польского участка Юго-Западного фронта командзапу, в директиве от 8-го августа за № 4681/оп. 1023/ш. постарался расшифровать и наметить те мероприятия, которые необходимо было осуществить для обеспечения успеха операции. В виду большой оперативной важности этой директивы приводим ее полностью [1]).

Командзапу Тухачевскому. Москва, 8 августа 20 г. 16 час. 20 мин.

Передача армий Юго-Западного фронта, действующих на Польском фронте, в Ваше управление уже решена. Все условия передачи, выставляемые Вами в отношении снабжения, связи и прочее, конечно, будут соблюдены. Считаю, что непосредственное командование каждой из этих трех армий лично Вами окончательно Вас перегрузит работой, почему необходимо на Юго-Западном участке иметь не только оперативные пункты, как Вы говорите, но и полное оперативное управление группой. Командиром такой группы я бы считал вполне подходящим тов. Фрунзе, к сожалению, только он не может прибыть быстро, почему Вам необходимо подыскать кандидата из числа Ваших командиров. *Указание Ваше на то, что быстрейшей передачей будут достигнуты более решительные действия, неправильно, так как Юго-Западный фронт абсолютно не тормозит Ваших решительных действий и даже вопреки моих ожиданий вовсе не отстал от линии Вашего фронта* [2]), и если Вы считаете, что на Вашем фронте действия недостаточно решительны, то я против этого не возражаю и приписываю последнее обстоятельство тому, что к Бугу Вы подошли, не приняв соответствующей группировки и не учтя, что это—все-таки достаточно серьезный рубеж, за который польская армия отступала в достаточной мере планомерно, приняв твердое намерение нас задержать на этом рубеже, что Вам было известно. Последней директивой я Вам указал некоторое уклонение от Вашего плана, которое необходимо принять в отношении III-й армии, которое диктуется и общей обстановкой, так как для нас сейчас существенно необходимо молниеносным ударом разбить армию противника, прикрывающуюся р. Бугом, что нам даст больше выгод, чем длительный и глубокий обход Вашего правого крыла. *Я считал бы, что Вы вправе отметить недостаточную согласованность действий между Мозырской группой и XII-й армией, но Вы из последней директивы должны видеть, что обстановка в центре Юго-Западного фронта вынуждает XII-ю армию временно уклониться к югу.* Лично считаю, что это снижение XII-й армии даст нам, наконец, возможность вывести части Буденного за пехоту и этим самым оторвать его от лобового удара, в который он втянулся, для *дальнейшего его направления в более выгодном направлении, которое к тому времени определится. Каменев, Данишевский, Лебедев.*

В этой директиве необходимо отметить два основных положения: *первое*, это—уклонение к югу сил XII-й армии, что было крайне невыгодно для левого крыла Западного фронта, *второе*—желание скорее вывести 1-ю конную армию за пехоту для удара и использования конной массы в более выгодном направлении, чем Львовское, и *третье*—утверждение Главкома, что к 8-му августа Юго-Западный фронт

---

[1]) Воен.-уч. архив, дело № 2154.
[2]) Курсив везде наш. *В. М.*

не отстал от линии Западного фронта, что, конечно, неверно (см. схему № 7).

Но в действительности этот вывод 1-й конной армии осуществился только *25-го августа*, т. к. последняя продолжала до этого момента вести бои в районе Дубно—Броды и маневрировать в Львовском направлении по причинам, которые подлежат дальнейшему изложению.

Оперативная работа Главного и фронтового командования. (в период с 8-го по 12-е августа).

Надо указать, что в это время последовала просьба о переброске двух дивизий из состава армий Западного фронта на Врангелевский фронт, которая исходила от командующего Юго-Западным фронтом т. Егорова; последний в телеграмме 4-го августа [1]) просил командзапа учитывать *„элемент большой срочности переброски“* и здесь же намечал для этого 7-ю и 25-ю стр. дивизии XII-й армии. Но вследствие все усиливающегося сопротивления противника и подтвердившегося факта формирования им в районе Варшавы *добровольческих частей*, а также вследствие потерь, понесенных в беспрерывных боях, и общего утомления войск, командзап считал такое ослабление своего фронта при сложившейся обстановке *„совершенно невозможным“* (тел. № 283/к. ф. [2]), адресованная Главкому).

Учитывая тяжелое положение на Врангелевском фронте и соглашаясь с доводами командзапа, Главное командование решило усилить Крымский участок как путем использований тех формирований, которые производились внутри страны (напр., Запасная армия Гольдберга), так и выделением частей из 48-й стр. дивизии, которые находились в тылу наступающей IV-й армии. В телеграмме 6-го августа *Главнокомандующий подтвердил командъюзу, что передача двух дивизий может быть осуществлена только после сражения на Висле*, и далее указал, что решил в ближайшие дни направить с согласия командзапа 2 бригады 48-й стр. дивизии (из состава IV-й армии), а также принять меры к смене 55-й стр. дивизии VII-й армии с карельского участка. Но, как увидим ниже, *под влиянием боевой обстановки перебрасываемым на юг частям 48-й стр. дивизии с полупути пришлось опять свернуть на запад* [3]).

В виду стремительного продвижения вперед 3-го конного корпуса и пехотных частей IV-й армии в коридоре между границей Восточной Пруссии и линией р. Нарев, командзап 8-го августа просил Главнокомандующего указать линию,

---

[1]) Воен.-уч. архив, дело № 1742.

[2]) Воен.-уч. архив, дело № 2154.

[3]) Этот характерный момент можно сопоставить с распоряжением Мольтке о переброске двух корпусов в Восточную Пруссию.

которую надлежит считать границей между Польшей и Восточной Пруссией, и точно установить, могут ли поляки занимать полосу местности Восточной Пруссии, которая находилась еще в плебисцитарном разрешении.

Действительно, это был сложный вопрос, который не только входил в сферу дипломатии, но и был вопросом большого политического такта. Согласно Версальского договора, граница Польши и плебисцитарного округа Восточной Пруссии шла через Виленберг — Зимнавода—южнее Остероде — Дейч-Эйлау — Бишофсвердер — севернее Грауденца и далее по Висле. Если мы эту линию сравним с границей Восточной Пруссии до войны 1914—18 г.г., то увидим, что железнодорожная магистраль: Новогеоргиевск—Млава—Дейч-Эйлау — Яблоново — Грауденц — Данциг фактически отошла к Польше. Но актуальным для нас являлся тот момент, что наше наступающее правое крыло Западного фронта принуждено было в дальнейшем соприкоснуться с сильнейшей железнодорожной системой Грауденц—Торн. Учитывая это, командующий Западным фронтом передал Главнокомандующему, что, должен будет перейти границу Восточной Пруссии, которая была с Россией и которую Главное командование запретило переходить. В ответ на это Главнокомандующий директивой 9-го августа [1]) подтвердил командзапу, что „воспрещается переходить прусскую границу, существовавшую до войны 1914 года за исключением переданного Польше коридора на Данциг“. *Далее было указано, что ввод в Данцигский коридор наших войск командзапу разрешается.*

Последнее указание Главного командования весьма важно, т. к. этим распоряжением о Данцигском коридоре Главком *как бы санкционирует возможность выдвижения далеко на запад правого фланга армий тов. Тухачевского.*

10-го августа в 4 часа командующий Западным фронтом отдает директиву, в коей армиям фронта ставятся задачи форсировать реку Вислу между 14-м и 15-м августа. Эта директива есть осуществление того плана, который мы рассматривали выше.

В ней говорилось, *что противник по всему фронту продолжает отступление*, а поэтому командзап приказывает окончательно разбить его и, форсировав Вислу, отбросить к юго-западу (т.-е. как показано на схеме № 6).

Далее следовали оперативные задачи по армиям и разграничительные линии для них (см. таблицу № 19).

Кроме того, подчеркивалось, что „*политическая обстановка требует немедленного полного разгрома живой силы противника*“.

---

[1]) Воен.-уч. архив, дело № 2151.

Несмотря на то, что *в большей своей части этой директиве не удалось осуществиться*, все же, анализируя в ней весьма решительно и смело поставленные армиям задачи, мы усматриваем здесь некоторую непосильность задачи для IV-й армии. Согласно директиве, она должна *„только частью сил“* овладеть мощной железнодорожной системой и узлами Грауденц—Торн (крепость)—Яблоново. Учитывая, что главные силы противника, по мысли командзапа, находились против его правого крыла фронта, по верному заключению Главнокомандующего, для занятия крепости Торн и овладения Грауденц—Яблоново *„сил IV-й армии“* было далеко недостаточно [1]). А поэтому здесь должна речь идти не столько *об овладении*, сколько *о заслоне*, с целью дать возможность главными силами форсировать Вислу на участке Влоцлавск—Добржин.

По всей вероятности, командующему Западным фронтом при постановке оперативной задачи для III-й армии об ударе частью сил из района Залубице в направлении Прага не было еще известно, что противник с помощью французских инженеров сооружает довольно существенные фортификационные постройки в Варшавском районе. Ибо, заглянув несколько вперед, мы видим, что 17-го августа командзап телеграммой командарму XVI-й сообщил, что обнаруженные сооружения требуют значительных сил для их преодоления и приказывал главные силы армии во изменение задачи, поставленной 10-го августа, перенести опять к стороне левого фланга, т.-е. фактически отменил форсирование р. Вислы севернее Варшавы.

После передачи армиям настоящей директивы № 236/оп. (см. таблицу № 19) командующий Западным фронтом был вызван в этот же день Главнокомандующим к прямому проводу, где между ними произошел большой разговор.

Этот разговор между Москвой и Минском со стратегической точки зрения представляет громадный интерес.

Внимательное изучение этого разговора открывает целый ряд весьма важных оперативных моментов. Имея в виду, что в стратегическом разрезе он является *прелюдией* к сражению на Висле, приведем его полностью [2]).

---

[1]) В своем труде „Поход за Вислу“, стр. 38, М. Тухачевский определяет общую численность IV-й армии в 14.429 штыков и сабель.

[2]) В своей очень ценной книге Б. М. Шапошников приводит этот разговор в выдержках и затем каждую отдельную выкладку рассматривает со своей точки зрения. Метод, возможно, и правильный, но получается некоторая недоговоренность, а учитывая, что читатель не знает и других весьма важных мест из этого разговора, получается некоторая неясность и не совсем точное представление об этом ценном оперативном документе.

Оперативный разговор Главкома с командзапом 10-го августа.

Командзап: Наступление продолжается успешно. С 3-го по 9-е августа противник с 50 *000 штыков и сабель* возрос на нашем фронте до 70.000, частью за счет тылов, частью за счет Юго-Западного фронта.

Для создания прочного левого фланга считаю необходимым подчинить Мозырской группе 58-ю стр. дивизию XII-й армии, которая из района Любартов—Остров могла бы двинуться на Коцк — Ивангород; это необходимо потому, что в связи с усилением польской армии я не хочу форсировать Вислу двумя группами, и *потому XVI-й армии приходится группироваться к северу.* Относительно значения Зап. Буга я считаю, что Вы ошибаетесь, так как *свои главные силы поляки определенно стягивают к фронту IV-й, XV-й и III-й армий, а на всем фронте вообще принимают группировку к северо-западу* [1]), в частности и с Юго-Западного фронта к моему фронту. Кроме того, я в директиве поставил IV-й армии задачу овладеть районом Яблоново — Груденц — Торн, т. к. это польская территория. В связи с этим прошу указать разграничительную линию между Восточной Пруссией и IV-й армией.

Главком: То, что Вы сообщаете, все говорит в мою пользу, а не в Вашу. Ведь противник, если он и усилился, то только на р. Зап. Буг, *и если Вы задержались там, на чем я настаиваю, т.-е. разбить живую силу неприятеля, то такого усиления не могло бы быть,* так как усиление ведет за собой приведение польских частей в порядок, а Вы дали ему на это время. Вы говорите, что главная масса на фронте IV-й, XV-й и III-й армий, но дело не в армиях (?!), а в том, *что главную массу Ваших сил Вы направили севернее Зап. Буга по относительно пустому пространству* [2]), а с главной массой пришлось драться только Вашей XVI-й армии, так как из частей III-й армии только одна 56-я стр. дивизия переправилась через Зап. Буг, увлекаясь направлением севернее Буга.

Как результат такого решения, очевидно, 70.000 человек противника нам суждено встретить на Висле, тогда как Вы могли бы на линии Зап. Буга их так же *потрепать,* как это удалось Вам сделать на р. Березине. *С Юго-Западного фронта Вам ничего буквально не перешло,* т. к. 101-й и 105-й полки дерутся на своих местах [3]). Правота моего предположения, именно, необходимость вопрос решать скорейшим разгромом, а не длительным маневром, подтвердилась. *Я не могу себе объяснить, отчего поляки начали общий отход, как Вы вчера*

---

[1]) Курсив везде наш. *В. М.*

[2]) Группировка главных сил противника в период отхода с линии Нарева и Зап. Буга к Висле к 10-му августа, по данным разведывательных органов Западного фронта и польским источникам, определялась к его *левому флангу,* т.-е. к стороне наибольшего нажима нашей ударной группы IV-й, XV-й и III-й армий.

[3]) По данным разведывательных органов штаба Западного фронта, в группу полк. Загорского входили: 105-й, 109-й, 201-й пех. полки, а в группу Енджиевского—101-й и 205-й пех. полки. Названные части были обнаружены до 9-го августа в районе Остроленка и в боях под Маковом и Рожанами. *Здесь же действовала двухполковая 1-я резервная бригада поляков, в состав которой по боевому расписанию сил противника к 25-му августа входили 101-й, 105-й, 106-й полки (Воен.-уч. архив, дело № 1042.* Разведсводки с 25/VII по 25/VIII и боевое расписание № 1536 р.). Таким образом, в виду отсутствия точных польских оперативных документов, *местоположение 101-го и 105-го полков определить трудно, но все-таки все говорит за то, что к 10-му августа они были на левом фланге фронта поляков.*

сообщили [1], *но если этот факт подтвердится, то считаю, наша обстановка ухудшается, так как мы упустили момент разгромить противника.*

За счет тылов противник усилился и на Юго-Западном фронте.

58-ю стр. дивизию Мозырской группе передать можно, распоряжение сделаю.

Вы высказываете Ваше соображение относительно форсирования Вислы, но мне было бы интересно знать, как Вы думаете разгромить противника *в районе к востоку от Вислы,* дабы за Вислу отошли лишь остатки.

Командзап: Главные силы противника находятся не южнее, а севернее З. Буга, их там до 40.000. Поэтому, наступая главными силами севернее реки, я имел целью именно разбить эти силы, но после поражения на Нареве противник определенно ускользает от ударов. *Задержка на Буге произошла не в силу упорства противника, а в силу ошибочной разброски XVI-й армии и удаления ее от главных сил фронта.* После поражения на р. Немане и р. Шаре и, наконец, на Нареве мне было ясно, что *противник не даст генерального сражения до Вислы, и для меня логически ясен отход противника от З. Буга. С этим необходимо считаться, и обольщать себя надеждой разбить его восточнее Вислы я не могу. Как это ни неприятно, приходится признать, что главные бои будут на р. Висле,* а потому я не могу напрасно снижать III-ю армию. На фронте XVI-й армии противник определенно отступает, почти не оказывая сопротивления ее левому флангу и сопротивляясь только вдоль железной дороги на Седлец и слабее севернее ее. Сегодня ожидается занятие линии Венгров—Седлец.

С Юго-Западного фронта у нас обнаружены пленные 101-го и 106-го полков, также 109-й, 44-й, 45-й, 18-й полки, 2-й и 3-й уланские полки и не выяснены полки 18-й пех. дивизии, т.-е. части 1-й и 3-й резервных бригад, 13-й пех. и 18-й пех. дивизий, кроме обнаруженных кав. частей, пленные показывают на скорое прибытие 12-го, 14-го и 9-го уланских полков [2].

Словом, главные силы отступали севернее Зап. Буга, *противник, по всем признакам, не желает давать генерального сражения, имея в тылу Вислу* [3], *и обнаруживается усиление противника с Юго Западного фронта к нам.*

Главком: На Ваш фронт вливаются запасные польские части с тыла, и появление этих номеров я так и понимаю.

Когда Вы примете в свое управление армии Юго-Западного фронта, в чем надо поспешить, Вы лично убедитесь в ошибочности Вашего суждения относительно *усиления* Вас за счет Юго-Западного фронта [4].

Относительно логичного объяснения отхода поляков от Зап. Буга, я больше присоединяюсь к мнению, что здесь просто сказалось на

---

[1] Главком говорит „вчера сообщили“ потому, что настоящий разговор по прямому проводу происходил в ночь с 10-го на 11-е августа, т.-е. когда директива № 236/оп была уже отдана. Она начиналась так: „Противник по всему фронту продолжает отступление“.

[2] 12-й и 14-й улан. полки входили в состав 3-й кав. бригады 2-й дивизии кав. группы ген. Савицкого, действовавшего против нашего Юго-Западного фронта.

[3] Польские и французские источники это предположение командзапа оправдывают.

[4] В действительности, как ниже увидит читатель, противник принимал все меры для того, чтобы как можно больше сил перебросить именно с Юго-Западного фронта в район главных действий, т. к. по разработанному плану операции защиту Львовского направления к этому времени поляки ставили уже на второе место.

висание Вашего правого фланга над поляками. *Считаю, что если Вы так категорически настаиваете, что главные силы поляков севернее З. Буга, с чем я никак не могу согласиться по имеющимся в штабе данным, но, полагаю, что Вы более детально в этом вопросе осведомлены, предоставляю Вам свободу действий, но оставляю задачу скорейшего разгрома польских сил без увлечения глубокой стратегией, т. к. в этом отношении опасаюсь, что у нас не будет времени, необходимого для такого рода решений.*

Я не имею сведений, в каком состоянии сейчас крепость Торн, но если она в полном вооружении, то не рекомендую приступать к ее овладению. Здесь лучше заслониться, *так как у IV-й армии для этой задачи не хватит сил.* Границы Вост. Пруссии сегодня Вам переданы.

Прибыли ли польские делегаты?

Командзап: О польских делегатах сведений еще нет. Еще считаю необходимым указать, что поляки перестали взрывать мосты и, угоняя наш состав, перешили на широкую колею дорогу на Ивангород [1]).

Самым характерным моментом в этом разговоре Главного и фронтового командования является:

1-е—вопрос об увеличении численности противника на Зап. фронте с 50 тысяч до 70 тысяч,

2-е—полемика о том, где группируются главные силы белополяков,

3-е—предложение Главкома постараться разбить силы противника в районах к востоку от Вислы и

4-е—вопрос о начале переброски неприятельских сил с нашего Юго-Западного фронта на фронт против армии т. Тухачевского.

Если мы возьмем положение сил противника и оперативный план Пилсудского *от 6-го августа*, то мы можем получить совершенно ясный ответ на все эти вопросы.

Увеличение сил противника к моменту этого оперативного разговора по прямому проводу вполне естественно, ибо, как мы видели выше, противник развил самую интенсивную работу по сбору новых сил посредством мобилизации и вербовки добровольцев.

Согласно оперативного плана Пилсудского, главные силы белополяков сосредоточивались в районе Варшава—Новогеоргиевск, сюда Пилсудский, как мы уже знаем, сосредоточивал $13^1/_2$ дивизий+2 дивизии на фронте от Гура-Кальвария до Ивангорода, в то время как на Вепрже Пилсудский рассчитывал иметь $5^1/_2$ дивизий, которые произведут контрманевр по левому флангу армий т. Тухачевского, в момент, когда они завяжут бои в районах Варшавского тет-де-пона и Новогеоргиевска. Таким образом, главная, группировка сил противника действительно была против *правого* фланга Западного фронта.

---

[1]) Эта перешивка дороги на Ивангород, ясно, была в тесной зависимости от оперативного плана контр-маневра неприятеля с линии р. Вепрж.

7-го августа все польские армии и группы получили приказ Пилсудского об отходе с линии Нарева и Зап. Буга за Вислу, а потому желание разбить противника в период с 10-го августа и до подхода красных армий к Висле, т.-е., как говорит Главком, „к востоку от Вислы", вещь была безнадежная, так как белополяки, начав отход в новые районы сосредоточения, совершенно не желали ввязываться в серьезное дело до линии Вислы. Поэтому мысль тов. Тухачевского, что *„главные бои будут на р. Висле"*, была при сложившейся к 10-му августа боевой конъюнктуре совершенно правильной. Другой вопрос, что эти бои на Висле армии Западного фронта, проделавшие много сотен километров без пополнений и подкреплений, должны были вести в крайне трудных условиях, в силу физического истощения и с ничтожными запасами для ведения этих решительных боев.

Долго останавливаться на вопросе о переброске сил с Юго-Западного фронта на Западный не приходится, т. к. эта переброска была естественным развитием оперативного плана Пилсудского, который он задумал в ночь с 5-го на 6-е августа. И было бы странным для белополяков *оставлять на Львовском направлении много сил,* раз это направление по оперативному плану польского главнокомандующего в это время было *второстепенным.* Далее нам кажется, что мысль Главкома, что „главную массу своих сил тов. Тухачевский направил севернее Зап. Буга по относительно пустому пространству, а с главной массой пришлось драться только XVI-й армии, т. к. из частей III-й армии только 56-я стр. дивизия переправилась через Зап. Буг, увлекаясь направлением севернее Буга", — в этот период операции (10-го августа) опять же не могла быть кардинальной. Детальный анализ нам говорит о том, что если бы силы Западного фронта шли южнее, а не севернее Зап. Буга, то все равно обстановка от этого не изменилась бы.

Двигаясь южнее Зап. Буга, правофланговые армии Зап. фронта, при всем их желании, не могли бы остановить и дать решительный бой противнику, который получил директивы и инструкции *о скорейшем отходе в новые районы за Вислу.*

И в том и в другом случае армиям тов. Тухачевского в это время приходилось драться не с главными силами противника, а *с арьергардами главных сил.*

Пилсудский 6-го августа вполне правильно определил, что правофланговая группировка армий Западного фронта осталась неизменной с начала наступления 4-го июля, а поэтому он разумно предполагал своими 13½ дивизиями встретить в районе Варшавы и Новогеоргиевска IV-ю, III-ю, XV-ю и часть XVI-й армии тов. Тухачевского.

Кроме того, из разговора мы видим, что командующий Западным фронтом, правильно уловив наличие отхода белополяков за Вислу, пока еще не чувствовал того момента, *что в польском плане новой операции уже господствовала линия реки Вепрж*[1]*), за которую начинали стягиваться свободные и свежие силы противника.*

Возможно, объясняется это еще тем, что Люблинский район в это время входил в состав Юго-Западного фронта.

Значение армий Юго-Западного фронта для сражения на Висле.

Решив, впредь до передачи всей XII-й армии Западному фронту, усилить состав Мозырской группы 58-й стр. дивизией, Главнокомандующий директивой 10-го августа[2]) указал командъюзу осуществить это с 24 часов 11-го августа и с этого же момента установил разграничительную линию между фронтами к востоку от м. Ратно прежняя, а к западу от этого пункта: Ратно—Опалин—Бискупице—Глуск—Опале—Солец (все пункты для Зап. фронта включительно).

Общая стратегическая обстановка на Западном фронте к 11-му августа была следующей: армии продолжали выполнение ранее поставленных им задач, при чем:

части IV-й армии, преследуя отступающего противника, вышли на линию 10 километров юго-восточнее *Нейденбурга—Кучборк—Бежунь—Радзаново*—5 кил. восточнее *Цеханов—Сонск* (искл.);

XV-я армия, двигаясь уступом за левым флангом IV-й армии, заняла линию: *Сонск—Пржеводово*—5 километров западнее *Пултуск—Пнево* (искл.);

III-я армия, оперируя на обоих берегах Зап. Буга, вышла на линию: *Пнево—Вышков—Лохов;*

части XVI-й армии, занимая фронт в *90 километров* с более сгущенным правым флангом, достигли линии: *Лохов* (искл.)—по р. *Ливец—Венгров—Мокободы*—5 километров западнее *Седлец—Луков.*

Наступая почти на 100-километровом фронте, 57-я стр. дивизия и небольшой сводный отряд *Мозырской группы*, преследуя непрерывно отходящего противника, вышли на линию *Луков* (искл.)—*Коцк—Парчев—Мечелка.*

Равняясь по левому флангу Западного фронта, войска *XII-й армии* к этому времени выходили на линию *Савин*—10 километров восточнее *Холма—Грубешов—Крылов.*

Таким образом, если мы сравним линию фронта, занятую к 7-му августа армиями тов. Тухачевского, с линией фронта к 1-му августа, то как в том, так и в другом случае армии Юго-Западного фронта тов. Егорова в значительной степени отставали, а поэтому вопрос об обеспечении левого фланга Западного фронта армиями Юго-Западного фронта становился весьма острым.

---

[1]) Линия, с которой впоследствии начался контр-маневр неприятеля.

[2]) Воен.-уч. архив, дело № 2154.

Учитывая слабый состав Мозырской группы[1]), которая растянувшись заняла фронт, не соответствующий ее численности (более 95 километров), *уже начинал остро* чувствоваться разрыв между Западным и Юго-Западным фронтами.

Этот момент убедил Главнокомандующего в необходимости срочного установления самой теснейшей оперативной связи между XII-й армией и левым флангом Западного фронта. В разговоре по прямому проводу 11-го августа[2]) Главнокомандующий предлагает командующему Западным фронтом не ограничиваться только одной 58-й стр. дивизией XII-й армии, *а взять целиком в свое управление все войска XII-й армии,* в противном случае, говорит он, „центр Западного фронта не справится с задачей и может лопнуть даже *при легком нажиме,* как перетянутая струна“[3]).

На это предложение Главкома командующий Западным фронтом ответил, что по условиям связи он *сейчас же может принять XII-ю армию, и в этом же разговоре просил 1-ю конную армию направить к северу, дабы эти две армии могли принять активное участие в главной операции.*

Относительно 1-й конной армии здесь необходимо указать, что предложение командующего Западным фронтом тов. Тухачевского о поднятии ее к северу было чрезвычайно своевременным, т. к. после тяжелой операции в районе Броды 1-я конная армия, перегруппировавшись к северу от Брод, уже вела наступление с фронта р. Стыри в общем направлении на Каменку. Имея обеспеченный фланг у Стоянова (24-я стр. дивизия XII-й армии), она в дальнейшем благополучно достигла фронта Радзихов—Топоров (14-го августа).

Итак, совокупность всех вышеизложенных оперативных данных наглядно говорит, что мы входим в самый ответственный период операции.

А потому, для достижения успеха и правильного выполнения кануна боев на Висле, *как никогда, было необходимо полное взаимодействие как между командармами и фронтовым командованием, так и между фронтовым и Главным командованием, что могло быть при тщательном анализе общей стратегической и политической обстановки.*

---

[1]) Тов. Тухачевский определяет численность Мозырской группы (57-я стр. див. и сводный отряд) максимальной цифрой в 4.193 штыка. „Поход за Вислу“, стр. 38.

[2]) Воен.-уч. архив, дело № 1856.

[3]) Как видим, все время идет разрешение одного и того же вопроса о передаче армий Юго-Западного фронта на Западный. Главком в каждом разговоре по прямому проводу и в директивах предлагает эти армии тов. Тухачевскому; последний охотно их берет и ни разу от них не отказывается, а на самом деле передача все же не осуществляется. *В. М.*

С момента отдачи первой директивы Главкома (3-го августа) о новой группировке на Польском фронте прошло восемь дней. Передача I-й конной и XII-й армий в состав Западного фронта по всевозможным причинам задерживалась. Необходимо было еще раз подтвердить командующему Юго-Западным фронтом необходимость скорейшего осуществления этого вопроса.

К 11-му августа с нашей стороны, вместо сосредоточения и объединения всех усилий Западного и Юго-Западного фронтов в одном важнейшем направлении, начинали наглядно вырисовываться две самостоятельных операции с расходящимися направлениями (Варшава – Львов).

Когда начинаешь глубже анализировать причину этих расходящихся оперативных направлений на Львов и Варшаву, то приходишь к следующему заключению:

Командующий Юго Западным фронтом тов. Егоров помимо Польского участка фронта имел еще и Врангелевский. Еще 2-го июля он писал Главкому, что с выходом армий фронта на линию Сарны—Ровно—Проскуров—Каменец-Подольский заканчивается *первый этап* боевых операций Юго-Западного фронта. Эту линию он считал исходной для решения *основной задачи фронта*—удара на Брест-Литовск.

По условиям лесисто-болотистой местности тов. Егоров (учитывая Коростенский опыт) считал направление I-й конной армии прямым путем на Ковель—Брест-Литовск невыгодным. А поэтому, будучи вполне солидарен с необходимостью полного оперативного взаимодействия между фронтами, он *еще 2-го июля* наметил ход дальнейших действий следующим образом[1]):

1) Конная армия пойдет (после 4—5-дневного отдыха в районе Дубно — Луцк) в обход Ковеля — Брест-Литовска в общем направлении Луцк—Владимир-Волынский—Холм—Луков;

2) XII-я армия (ударной группой) получает направление Ковель—Брест-Литовск;

3) XIV-я армия будет прикрывать главную операцию с общей задачей удара на Львов.

Как видим, оперативный замысел командующего Юго-Западным фронтом тов. Егорова был *весьма целесообразен*, но, к сожалению, к 11-му августа он сильно видоизменился, и развитие главной операции Юго-Западного фронта начинало итти по линии не взаимодействия двух фронтов, а осуществления занятия только района Львова.

Основная причина изменения оперативного замысла командъюза, нам кажется, заключается в том, что тов. Его-

---

[1]) Доклад тов. Егорова от 2-го июля 1920 года за № 511/сек. 3516/оп на имя тов. Каменева. Воен.-уч. архив, дело № 1742.

ров рассчитывал, что Западный фронт, столь успешно гнавший противника, сумеет и собственными силами занять Варшаву, а в таком случае на Юго-Западный фронт ложится задача занятия района Львова и ликвидация Врангеля.

Но к 11-му августа общее стратегическое положение красных армий на Польском фронте уже настойчиво требовало помощи со стороны армий Юго-Западного фронта, т. к. для ведения двух самостоятельных операций на Варшаву и Львов у нас не было сил. А имея в виду, что противник уже 6-го августа начинал Львовское направление считать второстепенным, объединение всех усилий исключительно на нашем Западном фронте было бы крайне удачным и своевременным.

С целью установить полное оперативное взаимодействие фронтов Главнокомандующий 11-го августа отдает директиву [1]) командъюзу следующего содержания:

„*Западный фронт приступает к нанесению решительного удара для разгрома противника и овладения Варшавским районом. В виду этого теперь приходится временно отказаться от немедленного овладения на Вашем фронте Львовским районом и для оказания содействия тов. Тухачевскому направить возможно больше сил для удара, примерно, на Люблин — Ново-Александрия [2]), дабы всемерно поддержать левый фланг Западного фронта.* Это обстоятельство требует изменить основные задачи XII-й и I й конной армий, при чем *XII-я армия* должна главными силами наносить удар в общем направлении на Люблин, а 1-я конная армия главными силами должна выйти в район *Замостье—Томашов—Грубешов.*

Вместе с тем является существенно необходимой скорейшая передача сперва XII-й, а затем 1-й конной армий в непосредственное подчинение командующему Западным фронтом, последний указывает срок передачи XII-й армии—*13 е августа,* а 1-й конной армии—*15-е августа.* Срочно прошу Вашего заключения по изложенному, а равно сообщить, какую группировку сил Вы намерены сделать в связи с новой задачей, вытекающей из сложившейся обстановки. № 4738/оп 1041/ш“.

Эта директива Главного командования, предварительно согласованная с командзапом тов. Тухачевским, является одной из важнейших директив за всю кампанию, и мы считаем, что если бы она была выполнена фронтами *сейчас же* по ее получении, то дальнейший ход операций на Польском фронте был бы совершенно другим, чем он был на самом деле.

События как будто бы работали за нас в этот ответственнейший период операции, когда было необходимо окончательно установить *один определенный план действий. Нам посчастливилось перехватить приказ неприя-*

---

[1]) Воен.-уч. архив, дело № 1742.

[2]) Район удара здесь определен чрезвычайно удачно, т. к. район Люблин — Ново-Александрия был как раз районом сосредоточения сил ударной группы Пилсудского, предназначенной для контрманевра с юга на север.

теля, в котором указывалась основная линия его отхода. Получив эти данные, Главнокомандующий в телеграмме за № 4752/оп 1044/ш [1]) *командующему Юго-Западным фронтом в этот же день, 11-го августа, еще раз подтверждает, что этот факт неизмеримо облегчает Юго Западному фронту необходимость произвести группировку по предыдущей директиве, т. к. ясно, что направление главных сил XII-й армии на Люблин дает возможность разобщить северную группу противника от южной, базирующейся на Галицию.* Все это говорит за то, что необходимо было *как-то срочно* продвинуть XII-ю армию вперед для выполнения новой задачи и наступать в тесном боевом взаимодействии с левым флангом Мозырской группы, которая в это время находилась на высоте Коцка.

Главнокомандующий, отдавая эти распоряжения, как говорят оперативные документы полевого штаба Реввоенсовета Республики, был более чем уверен, что если Мозырская группа не будет поддержана XII-й армией (хотя бы 58-й стр. дивизией) при форсировании р. Вислы и овладении Ивангородом, то эта операция, по всей вероятности, должна будет потерпеть неудачу. Отсюда и понятно, почему он требовал энергичного продвижения вперед XII-й армии для овладения ею районом: Холм—Люблин, так как „естественно, при стоянии XII-й армии на месте“ [2]) получился бы широкий разрыв между Мозырской группой и правым флангом Юго-Западного фронта, где сильный удар противника в этот промежуток разрыва мог бы повлиять на всю операцию на Висле [3]).

На протяжении всей операции против Польши Румыния сохраняла относительный нейтралитет. Но мы, конечно, не могли быть уверенными, что политика Румынии и ее командования сохранит и в дальнейшем status quo ante. Все это заставляло нас держать необходимое количество войск на линии р. Днестра и особое внимание обращать на левый фланг наступающей XIV-й армии.

12-го августа тов. Раковский в телеграмме [4]) на имя председателя Реввоенсовета Республики тов. Троцкого сообщил, что „поляки сосредоточивают значительные силы в районе Станиславова, в то время как после новой перестрелки румынские разведчики пытались перейти на левый берег Днестра“. Конечно, все эти сведения в разгар операции против Польши были для нас чрезвычайно невыгодными. Учитывая политические настроения в Румынии, которые име-

---

[1]) Воен.-уч. архив, дело № 1742.
[2]) Там же, директива № 4752/оп 1044/ш.
[3]) Что фактически и случилось позже.
[4]) Воен.-уч. архив, дело № 1856.

лись по отношению к нам, мы стали еще более бдительными. Но эти данные более резко преломились у командования Юго-Западным фронтом в телеграмме на имя Главнокомандующего от 12-го августа [1]); командующий Юго-Западным фронтом предлагает Главному командованию новый вариант по использованию 1-й конной армии.

„Складывающаяся боевая и военно-политическая обстановка,— говорит командъюз.—вызывает необходимость рассмотреть вопрос о дальнейшем использовании 1-й конной армии. Считаю вполне возможным: 1) Боевой участок, занимаемый ныне 1-й конной армией, передать XIV-й армии вместе с частями 45-й и 47-й стр. и 8-й кав. дивизий. 2) *1-ю конную армию без одной кавалерийской дивизии сосредоточить немедленно в районе Проскурова, где она, оставаясь в резерве фронта, составит маневренную группу для действия на случай выступления Румынии.* Наиболее вероятным районом первоначальных действий румын можно считать участок р. Днестра—Хотин—Сороки. 3) С другой стороны, сосредоточение 1-й конной армии в резерве фронта позволяет базироваться на ней, как бы на ближайшем источнике для усиления конницей Крымского участка. 4) Одну кавалерийскую дивизию (желательно шестую) нахожу необходимым начать перебрасывать по железной дороге в район Каховка безотлагательно. Прошу срочного ответа“.

Настоящая телеграмма не может служить ответом на замысел Главнокомандующего, изложенный в директиве от 11-го августа за № 4738/оп 1041/ш, так как здесь не упоминается о плане сосредоточения 1-й конной армии в район Замостье—Томашов—Грубешов, как это настоятельно требовала общая стратегическая обстановка на Западном фронте. Здесь предлагается новая группировка для 1-й конной армии—в тылу Польского фронта (Проскуров), и не упоминается о соображениях командующего Юго-Западным фронтом относительно скорейшей передачи этой армии в распоряжение командующего Западным фронтом.

Получив эти соображения командъюза, а также имея уже телеграмму от 10-го августа за № 021/р [2]) Реввоенсовета 1-й конной армии с другим решением этого вопроса, где последний ходатайствовал о совершенном выделении 1-й конной армии из состава фронта *и подчинении* ее непосредственно Главкому, мотивируя свое ходатайство трудностью работы всех учреждений армии, а особенно органов снабжения при переходе армии из фронта во фронт, Главное командование, учитывая, что при сложившейся обстановке ослабление намеченного удара невыгодно, решило следующее: а) не согласиться на выделение 6-й кав. дивизии, так как эта дивизия составляла основное ядро 1-й конной армии как по численности, так и по своему качеству, и фактически равнялась трем остальным кавдивизиям (11-й, 4-й, 14-й) конной

---

[1]) Воен.-уч. архив, дело № 1742.
[2]) Воен.-уч. архив, дело № 1820.

армии[1]), и б) полагая, что конная армия, как боевая сила, может быть использована исключительно лишь в составе фронта, не брать ее в непосредственное свое распоряжение.

Подчинение 1-й конной армии центру по вопросам снабжения было также нецелесообразно, так как, учитывая дальность расстояния, снабжение для армии всегда запаздывало бы.

Как видим, эти последние оперативные предположения командования Юго-Западным фронтом говорят о том, что в биении боевого пульса на всем протяжении Польского фронта последнее не чувствовало *той силы,* с какой он в это время бился.

Имея в виду сказанное, Главное командование оставляет выполнение директивы от 11-го августа в силе.

Распоряжение Главного и фронтового командования перед сражением на Висле.

В результате наступательных усилий по всему Западному фронту 13-го августа на всем его протяжении красные армии занимали следующее положение [2]) (см. схему № 7):

IV-я, XV-я и III-я армии выдвинулись на фронт: 15 километров юго-западнее *Нейденбург*—3—5 километров западнее *Сольдау—Журомин—Серпец—Рационж—по реке Вкра—Сохоцин—Сероцк—Залубице.*

XVI-я армия вела бои правым флангом в районе *Радимин*—10 километров восточнее *Окунев,* ее центр и левый фланг растянулись по фронту восточнее (5 килом.) *Станиславов—Ново-Минск—Лятович—Сточек*—западнее *Лукова.*

Мозырская группа к этому времени занимала линию (прерывчато) *Крживда—Адамов—район Коцк,* ведя бои на переправах правого берега р. Вепрж и в районе *Любартов.*

Части XII-й армии Юго-Западного фронта продолжали оставаться уступом назад, ведя упорные бои на левом берегу Зап. Буга, примерно по линии *Савин*—район восточнее *Холма*—5 километров западнее *Дубенка—Степанковице,* а также в районах несколько восточнее *Грубешова, Крылова* и правого берега З. Буга.

Таким образом, красные армии подходили все ближе и ближе к основным районам сосредоточения противника, в генеральном штабе которого продолжалась большая работа по осуществлению задуманного 6-го августа контрманевра.

За день 13-го августа Главнокомандующим были отданы две руководящих директивы в отношении действий правого крыла Западного фронта. Имея в виду непрекращающееся снабжение Польши Антантой через Данциг, в коридоре которого (т.-е. на железных дорогах, ведущих из него

---

[1]) 13-го августа телеграммой за № 4773/оп 1053/ш об этом решении Главного командования было сообщено командованию Юго-Западным фронтом (Воен.-уч. архив, дело № 1742).

[2]) Воен.-уч. архив, дело № 37. Оперативные сводки, стр. 524—578.

в Польшу) по всем данным имелось значительное количество военного имущества, служившего для подкреплений как находящимся там польским войскам, так и частям Варшавского и Новогеоргиевского района,— Главнокомандующий в директиве 13-го августа [1]) указал командующему Западным фронтом, что „при продвижении армий на запад, в Данцигский коридор, вследствие своего флангового положения к главным направлениям может потребоваться нежелательная растяжка наших сил для него, а потому, дабы затруднить противнику возможную переброску сил для указанного коридора, а также, чтобы лишить неприятеля помощи извне как войсками, так и снабжением, с постепенным продвижением на запад производить серьезные разрушения железных дорог из Польши в Данцигский коридор в пределах старой польской территории".

Далее, усматривая из директив за 12-е августа [2]), что командъюз продолжает требовать от командующего XII-й армией скорейшего овладения районом *Томашев — Рава-Русская* и переправами на р. Сан (участок Синява—Радымно), в то время как правый фланг армии будет вести наступление из района Холма на Красник—Аннополь к Висле, Главнокомандующий, учитывая, что его руководящая директива от 11-го августа пока далека от осуществления, т. к. задачи, поставленные XII-й армии еще более увеличивают разрыв между фронтами (см. карту 10 вер. в дюйме), после переговоров по проводу с командзапом [3]) отдает 13-го августа командъюзу (копия командзап) следующую директиву [4]): „Для развития решительного наступления Западного фронта приказываю:

1) с 12 час. 14-го августа командъюзу передать в оперативное подчинение командзапу XII-ю и 1-ю конную армии без 8-й кав. дивизии с разграничительной линией, установленной в настоящее время между 1-й конной и XIV-й армиями.

2) Для управления передаваемыми армиями командующему Западным фронтом выделить в Киев оперативный пункт, установив с ним надежную связь; впредь до прибытия в Киев оперпункта Западного фронта командзапу все распоряжения передавать через штаб Юго-Западного фронта, при чем на последний возлагается личная ответственность за своевременность и аккуратность доставки распоряжений командзапа для XII-й и 1-й конной армий.

3) Впредь до организации Западным фронтом снабжения передаваемых армий вопросы по всем видам боевого и прочего снабжения, а также и пополнения этих армий остаются на обязанности командующего Юго-Западным фронтом".

Это последнее распоряжение Главнокомандующего говорит, что передача этих двух армий еще задержалась в силу *организационных мероприятий.* Командование Юго-Западным фронтом было непрерывно в курсе всех оперативных решений по этому вопросу, как и общей стратегической

---

[1]) Воен.-уч. архив, дело № 2154.
[2]) Воен.-уч. архив, дело № 1742.
[3]) См. приложение № 3.
[4]) Воен.-уч. архив, дело № 1742.

обстановки, которая складывалась к этому времени на Западном фронте.

Поэтому, казалось, наступает момент, когда *семь красных армий* (пока без XIV-й) *Польского фронта под руководством одной воли и одного командующего будут вести решительные бои с целью нанести окончательное поражение неприятелю, группирующемуся на Висле.*

Все оперативно-организационные мероприятия по управлению этими армиями с учетом, что в ближайшем будущем перейдет и XIV-я армия, командованием Западным фронтом были обдуманы.

С целью лучшего решения сложного вопроса по организации связи и управления этими армиями командующий Западным фронтом предполагал организовать *два мощных оперативных пункта: один* для группы армий севернее Полесья, примерно, в направлении *Волковыск—Белосток, второй* для южной группы в направлении: *Киев—Ковель.*

В задачу этих пунктов должны были войти своевременный сбор и обработка оперативных донесений, передача распоряжений в войска и руководство по непрерывному поддержанию связи со всеми армиями Западного фронта.

Основываясь на такой организации управления, *командование Западным фронтом видело прямую возможность создать прочный аппарат для руководства всеми красными армиями на Польском фронте.*

Анализ развития оперативного плана Главного командования. *Черт. № 3.*

Учитывая, что в своем месте мы достаточно подробно остановились на плане командования Западным фронтом, прежде чем перейти к изложению операций на берегах Вислы, мы считаем необходимым также остановиться на развитии оперативного плана Главного командования и тем как бы подвести краткий итог его работе в этот период развития операции против белой Польши.

Нельзя сказать, что оперативный план нашего главного командования имел все время твердый стратегический путь. Этот путь видоизменялся. Так, например, в период 21-го—23-го июля, т. е. в самый разгар боевых действий Западного и Юго-Западного фронтов, он претерпел очередное изменение. По этому новому плану Юго-Западный фронт как будто уже не должен был принимать активного участия *в решающей операции на Висле*, т. к. его задача фактически ограничивалась атакой южной польской армии, дабы, таким образом, создать естественный резерв на случай выступления Румынии. Только XII-я армия должна была частью сил обеспечивать левый фланг Западного фронта [1]).

[1]) См. Какурин и Меликов, „Война с белополяками“, стр. 204—212.

Но вместе с тем в это время на Западный фронт задача единоличного *проведения операции на Висле* возложена также не была. Разграничительная линия между Западным и Юго-Западным фронтами попрежнему шла через Ратно—Влодава—Ново-Александрия, т.-е. фактически Западный фронт должен был выполнять хотя и наибольшую, но все же лишь часть завязывавшегося сражения на Висле. Лишь с 24 часов 11-го августа, т.-е. когда Западный фронт уже приступил к решающей атаке неприятеля своим правым флангом, разграничительная линия между ним и Юго-Западным фронтом была несколько снижена, проходя через Ратно — Опалин — Бискупице, Глуск — Опале—Солец (на Висле) (все пункты для Запфронта включительно).

Но здесь же необходимо указать, что положение Главного командования усложнялось еще тем обстоятельством, что Врангель стал развивать чрезвычайно активную деятельность. Учитывая благоприятное развитие операции Западного фронта, Главнокомандующий предполагал усилить наши войска, действующие против Врангеля (XIII-я армия), за счет Западного и Юго-Западного фронтов. Намечалась переброска двух бригад 48-й стр. дивизии и еще двух стр. дивизий без указания номеров [1]), а также 6-й кавалерийской дивизии из состава 1-й конной армии (разговор

[1]) а) *Командзапу:* Москва 1-го августа. „Мне необходимо будет у Вас взять для Врангелевского фронта 48-ю дивизию, хотя бы двухбригадного состава. Теперь же прошу эту дивизию пополнить до штата и особенно заняться ее боевой обработкой. Для смены этой дивизии высылаю Вам бригаду из Воронежа и несколько отдельных батальонов от Гольдберга (Запасная армия. *В. М.*). Подготовку дивизии начните, не ожидая смены ее с фронта. № 4546/оп 976/ш. Главком Каменев. Военком Васильев. Начальник штаба Лебедев".

б) *Командзапу:* Москва 2-го августа. „Для борьбы с Врангелем необходимо дальнейшее усиление XIII-й армии, почему прошу донести, когда Вы считаете возможным снять с Вашего фронта еще две дивизии, кроме уже указанной мною 48-й дивизии. № 4558/оп 981/ш. Главком Каменев. За члена РВСР Данишевский. Начальник штаба Лебедев".

в) *Главкому:* Белосток 2-го августа на № 4558/оп 981/ш.

„В виду усиливающегося сопротивления противника и постоянного его усиления частями, формируемыми в районе Варшавы из Добровольческой армии, а также вследствие понесенных в беспрерывных боях потерь, общего утомления войск, считаю невозможным выделить из состава фронта указываемые Вашей телеграммой две дивизии № 283/к. ф. Тухачевский. За начальника штаба Виноградов".

г) *Командзапу:* Лозовая 4-го августа. „Прошу незамедлительно сообщить Ваши соображения о переброске двух стр. дивизий, согласно директивы Главкома за № 4578/оп 987/ш. Со своей стороны заявляю необходимость учесть элемент большой срочности переброски, а поэтому намечаю 7-ю и 25-ю стр. дивизии XII-й армии № 704/сек. 4428/оп Командъюгзап Егоров. Член РВС Сталин".

д) *Командъюгзапу тов. Егорову:* Москва 6-го августа. „Две дивизии будут Вам переданы на Крымский участок из Западного фронта после сражения на Висле. В ближайшие дни Вам будут направлены

13-го августа по проводу Главкома и командзапа) [1]. *Но этим предположениям Главного командования, как увидим в дальнейшем, не было суждено осуществиться.*

Последнее обстоятельство говорит о том, что было как-то неестественным при такой обстановке оставлять Врангелевский фронт в ведении командующего Юго-Западным фронтом, *ибо внимание последнего постоянно раздваивалось, а в период наивысшего напряжения кризиса на Польском фронте целиком было поглощено событиями Крымского направления.* По всей вероятности это и послужило причиной тому, что Главное командование уже с 3-го августа стало подготовлять передачу армий польского участка в подчинение командующему Западным фронтом с тем, чтобы управление Юго-Западного фронта перенести целиком на Крымское направление. *Однако эти предположения, к сожалению, не осуществились, и, пожалуй, правильнее было бы сразу же превратить XIII-ю армию, действующую против Врангеля, в отдельную, с непосредственным подчинением Главнокомандующему.*

С момента форсирования армиями Западного фронта р. Нарева и с овладением Брест-Литовском, на запрос командзапа, Главнокомандующий 8-го августа отвечает, что объединение в руках командзапа управления всеми армиями, ведущими борьбу с белополяками, т.-е. передача в первую очередь и в кратчайший срок XII-й и 1-й конной армий из состава Юго-Западного фронта в распоряжение командующего Западным фронтом, уже решено, и предлагал объединить эти армии в группу. В ускорении передачи особенно было заинтересовано командование Западным фронтом, намечавшее решительный поворот XII-й и 1-й конной армий на Люблинское направление.

Предварительные меры по осуществлению этого вопроса указаны в директиве Главнокомандующего от 3-го августа, в которой было приказано [2]):

две бригады 48-й дивизии с Западного фронта, затем приняты меры к смене 55-й дивизии с Карельского сектора VII й армии для направления к Вам № 4635/оп 1002/ш. Главком Каменев. Член РВСР Курский. Начальник штаба Лебедев".

(Воен.-уч. архив, дела №№ 2154, 1742, 1856).

[1]) См. приложение № 3.

[2]) Следует указать: еще ранее, т.-е. директивой от *24-го июля*, командъюз т. Егоров в развитие директивы Главкома ставил такие задачи своим армиям:

XII-я армия должна была овладеть г. Ковелем в кратчайший срок, затем выставить заслоны в сторону Брест-Литовска, развить решительное наступление в направлении Холм — Красник — Аннополь.

Холм надлежало занять 4-го августа, а переправы через Вислу и Сан в районе Аннополь—Низко не позднее 15-го августа.

1) командзапу и командъюзу установить самую тесную связь между войсками Мозырской группы Хвесина и XII-й армии, выяснив точно расположение частей первых,

2) учитывая задержку в продвижении XII-й армии, *командзапу ставилась задача ударом во фланг противнику, примерно, на фронт Люблин—Холм, облегчить ей выход на р. Зап. Буг.*

Далее командзапу было указано принять все меры к скорейшему и надежному обеспечению связи с штармами XII-й и 1-й конной, примерно, через Лунинец на Сарны и Ровно, а командъюзу—отдать распоряжение о срочном переходе штарма XII-й в Сарны. *Здесь также упоминалось о телеграмме от 2-го августа, что выделение двух дивизий для усиления Крымского участка Юго-Западного фронта за счет Западного продолжает оставаться в силе, при чем в видах ускорения этого одна или две дивизии могут быть взяты из состава XII-й армии по соглашению с командъюзом, но обязательно с усилением в таком случае XII-й армии за счет Западного фронта путем соответствующего снижения войск к югу от Брест-Литовска в район Холма*[1]).

При рассмотрении оперативных распоряжений о включении польского участка Юго-Западного фронта в состав Западного фронта невольно встает вопрос: не означает ли этот акт *поворота* во мнении Главного командования в сторону более тесного взаимодействия Западного и Юго-Западного фронтов? Несомненно быстрое приближение к развязке боев на Висле не могло не беспокоить Главное командование в отношении увязки действий обоих фронтов.

В телеграмме от 3-го августа Главнокомандующий мыслит еще армии Юго-Западного фронта на польском участке, как выполняющие самостоятельную задачу. Лишь XII-я армия обеспечивает левый фланг Западного фронта, да и то ей того же числа дается снижение на юго-запад. Поэтому Главнокомандующий рекомендует командзапу самому озаботиться проталкиванием вперед своего флангового обеспечения—XII-й армии—путем снижения части своих сил к юго-западу. Таким образом, из телеграммы *от 3-го августа* мы видим, что перевешивала еще точка зрения *эксцентрического* наступления фронтов.

1-я конная армия не позднее 29-го июля должна была овладеть районом Львов—Рава-Русская, выбросив передовые части для захвата переправ через Сан в районе Синява—Перемышль.

XIV-я армия должна была преодолеть сопротивление противника на р. Збруч, наступая своей ударной группой в общем направлении Тарнополь—Перемышляны—Городок.

Эта директива говорит, что Львовское направление для Юго-Западного фронта есть основное и главное направление.

[1]) 6-го августа телеграммой за № 4635/оп1022/ш Главнокомандующий сообщил, что командъюзу две дивизии будут переданы на Крымский участок после сражения на Висле.

Но в телеграмме от 8-го августа уже заметен перелом. Правда, на указание командзапа о том, что только при быстрейшей *передаче южных армий* Западный фронт, достигнув необходимого взаимодействия, сможет добиться на Висле более решительных результатов, Главнокомандующий указывает, что Юго-Западный фронт не тормозит действий и не отстал от Западного фронта. Но далее все же дополняет, что взаимодействие Мозырской группы и XII-й армии недостаточно удачно, но что объясняется это *временным* снижением XII-й армии, дабы тем помочь вывести армию Буденного в резерв *„для дальнейшего его направления в более выгодном направлении, которое к тому времени определится“*.

Эта заключительная часть телеграммы позволяет нам сделать вывод, что 8-го августа у Главного командования вновь начинает складываться план подтягивания и XII-й армии и 1-й конной армии к левому флангу Западного фронта.

Это намечавшееся решение как нельзя более отвечало обстановке, и приходится только сожалеть, что своевременно его не удалось провести в жизнь.

Можно определенно здесь подчеркнуть, что распоряжение тов. Тухачевского от 10-го августа *о поднятии к северу главных сил XVI-й армии на Западном фронте* было как бы „ответом“ на замысел Главкома о передаче южных армий командзапу (директива от 8-го августа). Лично мы к такому „оперативному ответу“ командзапа далеко не присоединяемся. Ибо мы считаем, что здесь командзап проявил некоторую *поспешность* в решении удара главных сил XVI-й армии севернее Варшавы (см. главу 9-ю). Эта поспешность не оправдывается тем, что командзап ведь видел что вопрос о передаче в его распоряжение XII-й и 1-й конной армий протекал во всех отношениях далеко не гладко. Кроме того, эта передача армий фактически являлась *крупным поворотом в стратегии* и Главного командования и командования Юго-Западным фронтом, раз последнее до этого времени все свои оперативные взоры устремляло на Львов, чему не препятствовало до 3-го августа Главное командование.

В главе 9-й мы в достаточной степени подробно остановились на оперативном плане командующего Западным фронтом, который предполагал этот план осуществить в сражении на Висле.

Здесь мы попробуем остановиться на оперативном замысле и на той группировке сил Западного и Юго-Западного фронтов, которую намечал создать Главнокомандующий тов. Каменев, завязывая сражение на Висле.

Уже 19-го июля Главное командование рассчитывало выйти на Вислу *12 го августа* (см. главу 9-ю). Примерно, так это и случилось, и, примерно, в это же время завязалось и решающее сражение.

С преодолением армиями Западного фронта линии долина Бобра—верхнее течение Нарева—Зап. Буг, мы видели из оперативного разговора от 10-го августа между Главкомом и командзапом, что каждый из них по-своему расценивал группировку сил противника, отходящего за Вислу.

Главком тов. Каменев считал, что 19 тысяч штыков и сабель белополяков отходят *севернее* Зап. Буга в направлении Маков—Цеханов, а 25 тысяч штыков и сабель [1]) группируются *южнее* Зап. Буга в районе Венгров—Седлец—Луков.

Тов. Каменев предполагал *до Вислы* разгромить эти живые силы противника. Мы же говорили, что это желание было совершенно неосуществимо, т. к. противник, получив приказ об отходе в новые районы *за Вислу*, не имел никакого уже желания ввязываться в серьезные бои.

Командующий Западным фронтом тов. Тухачевский предполагал, что главные силы неприятеля отходят *севернее* Зап. Буга, здесь насчитывал их до 40 тысяч из 70-ти (см. разговор по прямому проводу от 10-го августа).

В труде б. начальника оперативного управления полевого штаба Р.В.С. Республики тов. Б. Шапошникова „На Висле" на схеме № 5 показан план наступления Главнокомандующего тов. Каменева в этот период, а также группировка поляков по его сведениям (т.-е. 19 тысяч и 25 тысяч штыков и сабель), в противовес этой схеме дана схема № 4, где показан план наступления тов. Тухачевского и группировка сил поляков по данным штаба Западного фронта, при чем *севернее* Зап. Буга показано 33.500 штыков и сабель и *южнее* в районе Соколов—Седлец—Луков—17.800 штыков и сабель (эти данные тов. Шапошниковым, верно, взяты из таблицы № 4 работы тов. Тухачевского „Поход за Вислу", так как эти цифры сходятся).

Вот таким образом расходились у Главного и фронтового командования сведения о численности и группировке противника, а в зависимости от этого каждый имел свой оперативный план действий. Из разговора по прямому проводу от 10-го августа видно, что Главком не желает дальше продолжать эту полемику и говорит: „Считаю, что Вы более детально в этом вопросе ознакомлены, предоставляю Вам свободу действий". *Или, другими словами, вожжи управления Главного командования начинают опускаться к земле.*

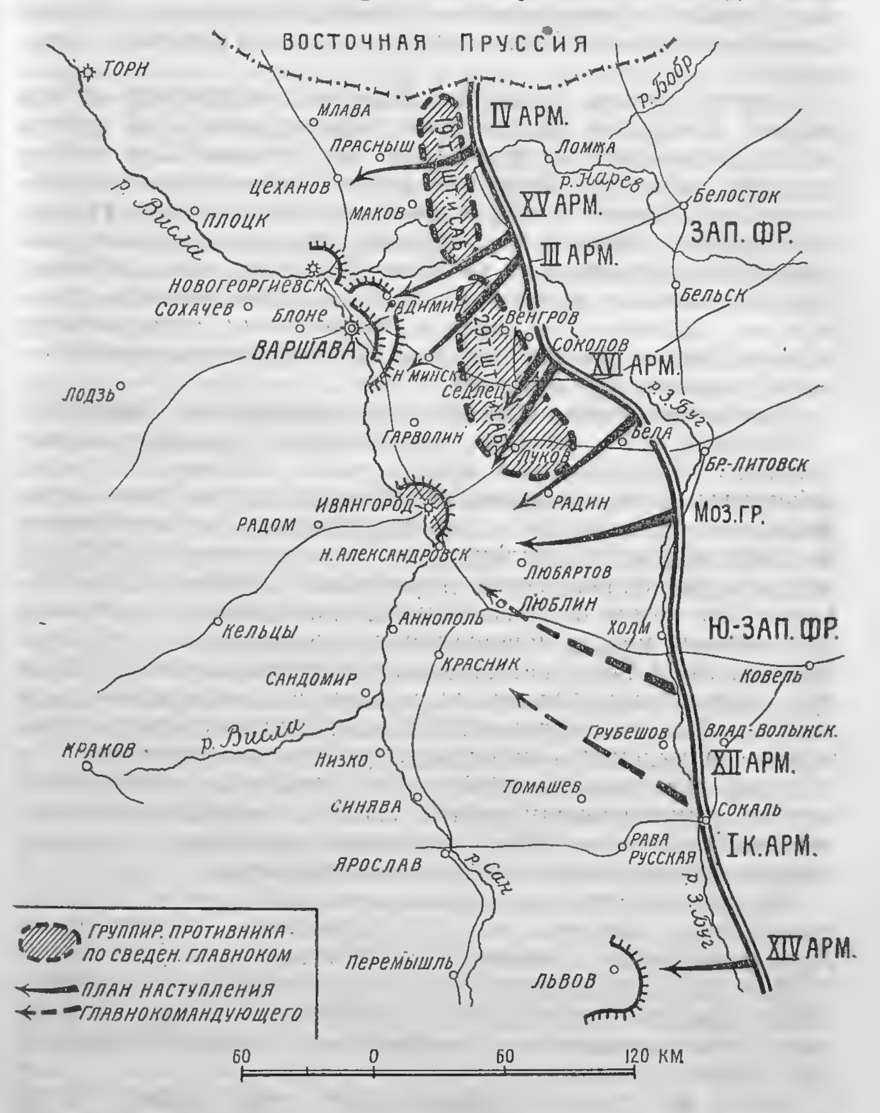
Теперь рассмотрим оперативный план Главного командования, который имелся при завязке сражения на Висле (см. черт. № 3).

Директива Главкома от 7-го августа рекомендует Западному фронту снизить III-ю армию, примерно, на фронт Н. Минск—Седлец, а правый фланг XVI-й армии—на Седлец—

---

[1]) На черт. № 3 ошибочно показано 29 тыс. штыков и сабель.

Луков. Очевидно, предполагалось, что IV-я армия будет наступать севернее Новогеоргиевска, занимая фронт в 60—70 верст. XV-я армия при таких условиях выходила на

Черт. № 3.
План наступления Главного командования.

Варшавское направление на фронте около 50 верст. Фронт III-й армии (Н. Минск—Седлец) около 50 верст и фронт XVI-й армии также около 50 верст. Мозырская группа, оче-

видно, должна была подкреплять левый фланг XVI-й армии. Сопоставляя дату директивы и поставленный срок выхода на Вислу, *мы должны признать, что эта группировка Западного фронта, с равномерным распределением всех его сил, и предназначалась Главнокомандующим для решающего сражения.*

Вместе с тем по директиве Главнокомандующего от 3-го августа командъюз направляет главные силы XII-й армии на Владимир-Волынский и далее на Томашов. *При таких условиях силы Юго-Западного фронта равномерно распределялись на Львовском направлении,* при чем по расчету времени разгар Львовской операции, примерно, должен был совпадать со сражением на Висле. *Отсюда, как следствие, между главными силами Западного и Юго-Западного фронтов на Холмско-Люблинском направлении образовывался большой разрыв, занимаемый лишь незначительными частями правого фланга XII-й армии.*

Такова примерная картина группировки сил Западного Юго-Западного фронтов, слагавшейся в плане нашего Главного командования *в первых числах августа.* Но боевая действительность повелевала, и 8-го августа уже более определенно ставится вопрос о перегрупировке 1-й конной армии на Люблинском направлении, а в ночь с 10-го на 11-е августа это уже фиксируется директивой Главного командования. Директива от 13-го августа, явившаяся результатом переговоров между Главкомом и командзапом (см. приложения №№ 3 и 4), как видели, уже устанавливает точный срок командъюзу (12 часов 14-го августа) для передачи с его участка Польского фронта XII-й и 1-й конной армий в оперативное подчинение командующему Западным фронтом.

Здесь мы не можем обойти и не указать на один важный момент отличия между работой главного германского командования *перед* и *во время* сражения на Марне и нашего главного командования в сражении на Висле.

Мы видели, что перед сражением на Марне ген. Мольтке совершенно выпустил из рук управление своими тремя правофланговыми армиями (Клук, Бюлов, Гаузен) и потерял с ними связь, несмотря на то, что техническими средствами связи немецкое командование обладало в 1914 году в неизмеримо большем количестве, чем имели мы в условиях истощенной страны в 1920 году.

Наше же главное командование, как видим, ни на минуту не остается *вне* пульса борьбы наступающих красных армий.

Другой вопрос, как удавалось нашему главному командованию *регулировать биение этого пульса.*

Вопросы организации тыла наступающих армий, их снабжение всеми необходимыми средствами, которых в силу

чрезвычайно тяжелого экономического положения страны было до крайности мало, играли в работе Главного командования весьма крупную роль. По мере сил и возможности непрерывные запросы снарядов, патронов, обмундирования и т. д., а также людского и конского пополнения выполнялись. И в задачу фронтового командования входило как можно скорее и целесообразнее распределить эти пополнения. В нашу задачу не входит детальный разбор работы фронтовых тылов, но что их работа во всех отношениях была весьма далека от идеала, это несомненно, несмотря на то, *что успех современной операции, помимо многих других оперативных данных, можно без преувеличения сказать, на 2/3 зависит от умелой работы и своевременной подачи материалов для жизни и боя наступающих армий.*

Значительную роль в этом деле сыграла и общая неналаженность молодого аппарата полевого управления Красной армии, а также многие недочеты в технической подготовке кампании.

Распоряжение командующего Западным фронтом XII-й и I-й конной армиям 15-го августа.

Для скорейшей стабилизации *левого фланга* Западного фронта, где обстановка все более усложнялась, командующий Западным фронтом ускорил свои распоряжения в развитие директивы Главкома от 13-го августа.

К 15-му августа противник, группируясь силами до четырех дивизий в районе *Седлище—Красностав* (1-я див. легионеров и 6-я украинская дивизия) и в районе *Дубенка—Холм* (3-я пех. дивизия легионеров и отряд Булак-Балаховича), сосредоточенным ударом оттеснил правый фланг XII-й армии на р. Зап. Буг и занял Грубешов [1]). В связи с этим 15-го августа в 16 час. 55 мин. командзап директивой за № 359/оп. [2]) приказал командующему Мозырской группой силою не менее полутора дивизий ударить с севера по наступаю-

---

[1]) Из перехваченного нашей XII-й армией приказа противника, к которому мы еще вернемся, было видно, что части ударной группы противника были расположены в следующих районах: 3-я пех. дивизия легионеров сосредоточивалась в район Холма, в этом районе и севернее действовал отряд Балаховича; 7-я пех. дивизия оперировала в восточном направлении вдоль желдороги Холм—Ковель; Кубанская кав. бригада, следующая через Красностав, 13-го августа прибыла в район Грубешова для активных действий на Вл.-Волынском направлении; 6-я укр. дивизия, оборонявшая район м. Седлище, 15-го августа прибывает в район Красностав, где и поступает в арм. резерв. К этому сроку в район Пяски должна была прибыть 1-я горная дивизия, а в район Седлище—1-я пех. див. легионеров из Сокаля, сосредоточение последней прикрывали Луцкий и Львовский этапные батальоны.

[2]) Воен.-уч. архив, дело № 1254.

щей группе противника. Учитывая, что части XII-й армии были расположены по отношению к левому флангу Мозырской группы *уступом назад*, командующему XII-й армии было приказано сосредоточить в районе *Корытница—Грубешов* свои главные силы и атаковать противника в общем направлении на Седлище.

Начавшееся сосредоточение сил ударной группы неприятеля и его успех в Грубешовском районе еще раз напоминали нашему командованию, *что с переносом центра тяжести действий армий Юго-Западного фронта с Львовского направления в Холмо-Люблинский район необходимо торопиться. Это учел командующий Западным фронтом.*

15-го августа он отдает директиву [1]) с целью новой перегруппировки на левом крыле Западного фронта, имея в виду, что командъюз тов. Егоров уже сделал со своей стороны соответствующие указания командармам XII-й и 1-й конной по случаю перехода их в подчинение командующего Западным фронтом. *Мы приводим эту директиву дословно в виду крайней оперативной важности ее содержания:*

Командармам XII-й и 1-й конной, копия командъюзу и Главкому.

Минск, 15 августа.

Для сосредоточения главных сил на решающем направлении приказываю:

1) Командарму XII-й сменить части 1-й конной армии до района Топоров (вкл.), продолжая в то же время выполнять мою директиву № 359/оп. В подчинение командарма XII-й с получением сего поступает кав. группа Осадчего.

2) Командарму 1-й конной вывести свои конные части в Топоров, заняв участок от района Топоров и к югу частями 45-й и 47-й стр. дивизий. Означенным дивизиям поступить в подчинение командарма XIV-й. *Всей конной армии, в составе 4-й, 6-й, 11-й, 14-й кав. дивизий, четырьмя переходами перейти в район Владимир-Волынский* [2]).

3) Разграничительную линию между XIV-й армией и Западным фронтом Главком наметил Дубно-Топоров. № 361/оп.

Тухачевский 18 час. 40 мин".

Надо заметить, что как *в техническом*, так и *в исполнительном* отношениях судьба этой директивы была очень неудачной.

Во-первых, по недосмотру дежурного по оперупру штаба Западного фронта, как видим, она передана только с одной подписью командующего Западным фронтом, что вызвало на два лишних дня (15—17) переписку [3]).

---

[1]) Там же.

[2]) Курсив наш, *В. М.*

[3]) Минск 17-го августа 1920 года Наштареспу. На № 4838/оп. Директива № 361/оп была передана в двух экземплярах, подлинном виде и в копии дежурному по оперупру, для передачи адресату. Подлинная за подписями командзапа Тухачевского и за члена РВС комиссара штаба тов. Будкевича и нач. штаба тов. Шварца. Случайно

Во-вторых, части 1-й конной армии, ввязавшись в упорные бои на Львовском направлении, никак не могли от него оторваться, поднявшись к северу уже после результатов борьбы на берегах Вислы.

Соотношение сил сторон в сражении на Висле. *Черт. № 4.*

Несмотря на появление некоторых новых материалов в польской военной литературе по кампании 1920 года, все же сейчас выяснить вопрос о соотношении сил, которые имелись к моменту завязки сражения на Висле, с достаточной точностью и подробностью не представляется возможным. Каждый автор исчисляет силы по-своему, каждая новая статья, давая новые цифры, вносит не только противоречие, но подчас и путаницу.

Ю. Мощенский [1]), рассматривая наш план сражения на Висле, говорит, что „приведенные Меликовым подсчеты в труде „Война с белополяками" приближаются к моим подсчетам". Все наши попытки уточнить и детализировать этот *вопрос числа* пока остаются невыполнимыми, а учитывая, что польские авторы в большинстве случаев берут за основу наши подсчеты, мы не считаем нужным пока вносить в них серьезные изменения.

Объявление мобилизации мужского населения до 35-летнего возраста и организация широкого приема добровольцев безусловно усилили численно польскую армию, которая под нашим натиском пришла к своим базам.

Прибывшие с материальным подкреплением французские генералы Вейган, Гери, Биллот и др., а также значительный штат англо-французских офицеров-инструкторов не могли не повлиять на момент скорейшего восстановления боеспособности сильно дезорганизованной польской армии.

Развившаяся до небывалых размеров шовинистическая агитация польской буржуазии и ксендзов не только заставила польское правительство запрятать в тюрьмы коммунистов и рабочих, но эта агитация помогла польскому главному командованию влить в боевую линию десятки сотен новых добровольцев [2]).

на копии имелась подпись только командзапа. Во время передачи адресату подлинный был взят для справки. Дежурный по оперупру, исполняя по копии, машинально сообщил подпись, имеющуюся на копии, только одного т. Тухачевского. Директива № 361/оп вновь на 17-е авг. подтверждена 1-й конной армии.

№ 4099/РВС Член Реввоенсовета Запфронта Уншлихт.

[1]) „Bellona", том XIX, 1926 г., стр. 140.

[2]) Например, варшавские газеты того времени писали, что директора учебных заведений попросту записывали в добровольцы всех учащихся старше 14-летнего возраста. Приводились внушительные цифры, которые будто бы были выше 60 тысяч, в действительности же их было не более 20-ти, но уже, так сказать, надежных.

Как мобилизованные, так и добровольцы поступали в запасные батальоны, которые, выделив часть кадра из своего состава, формировали полки второй (выше 100) и третьей (выше 200) очереди.

Таким образом, польские полки, начиная с № 100 и выше, включали в себе резервные формирования, с № 200 и выше— добровольческие формирования, и, наконец, зарегистрированные в дальнейшем полки с № 300 и выше являлись ландштурменными формированиями[1]).

В общем эти добровольческие и мобилизованные силы, спешно влитые в ослабевшую польскую армию, не только подняли моральное состояние частей, но и получили *в общей сложности к моменту завязки сражения на Висле сильное численное превосходство над красными войсками.*

Соотношение сил, по данным полевого штаба Реввоенсовета Республики, в этот период наступательной операции Красной армии было, как указано в ниже приводимой *сравнительной* таблице № 20 (см. стр. 256).

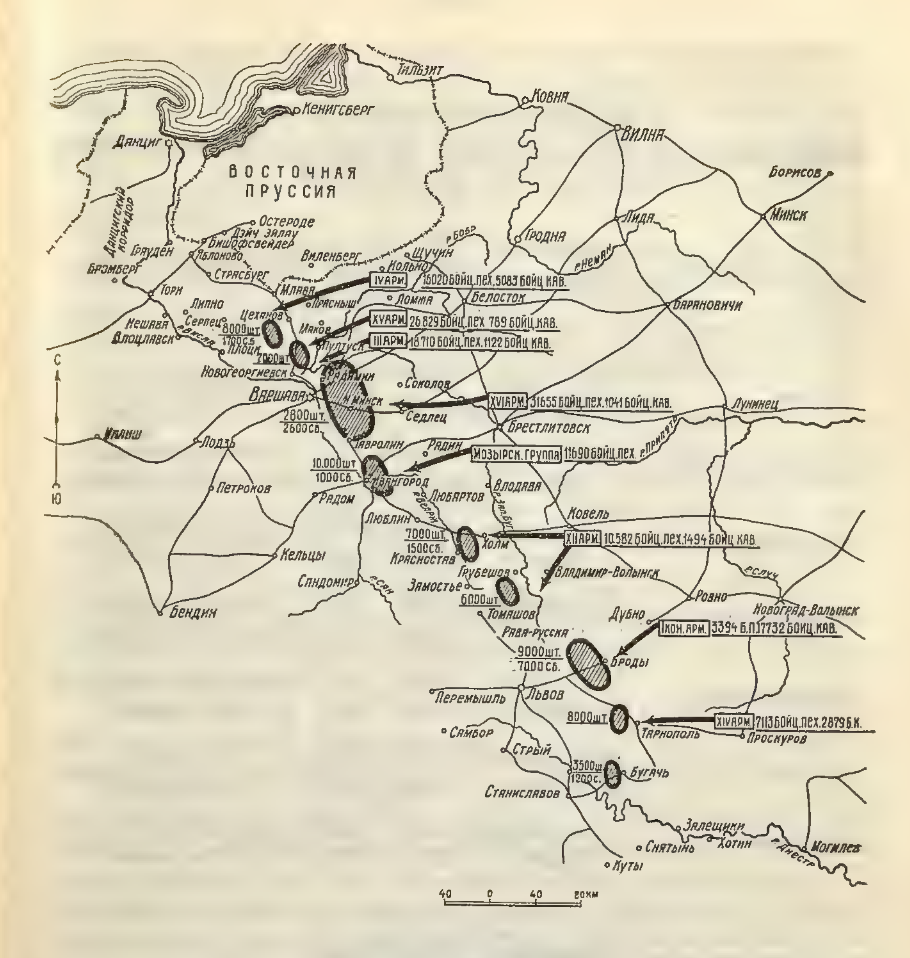
При рассмотрении ее необходимо помнить, что в графах „бойцы пехоты" и „бойцы кавалерии" польские силы полевым штабом подсчитываются на „штыки" и „сабли", наши силы— на „бойцов пехоты" и „бойцов кавалерии" [2]) (см. черт. № 4).

---

[1]) Точно такое же формирование происходило в рядах кавалерии и артиллерии. При этом вновь сформированный полк получал нумерацию выше 100 и 200 с прибавлением номера запасного батальона или соответственного запасного эскадрона и батареи.

Но следует указать, что такой порядок формирования наблюдался не во всех генеральных округах одинаково, т. к. продолжавшееся наше наступление и упорные бои заставляли польское командование отправлять на фронт полки, часто не ожидая, когда они достигнут нормального состава. Это обстоятельство в дальнейшем не позволило свести их в отдельные высшие единицы. Сплошь и рядом вновь сформированные полки принуждены были действоать, как приданные к составу какой-либо дивизии, или составлять втдельные временные группы. Например, были сформированы добропольческая пех. дивизия, 1-я и 3-я резервные бригады и т. д., которые вотом были расформированы, но добровольческая дивизия осталась.

[2]) Относительно метода подсчета полевым штабом Реввоенсовета Республики нашей действующей армии против белополяков с подразделением их на „бойцов пехоты", „бойцов кавалерии" и „бойцов вообще" следует указать, что в понятие „боец пехоты" полевой штаб вкладывал не только стрелков, но и всех других вооруженных бойцов, на которых можно было рассчитывать, как на активную боевую силу, а поэтому сюда входили не только *стрелки в ротах,* но и командный состав, пулеметчики, бомбометчики и пр. Тоже и по отношению к „бойцам кавалерии". Термин „вообще бойцов" определял собой подсчет не только пехоты и кавалерии, входящих в данное соединение, но и артиллерию, инженерные войска и пр. Ясно, при таком учете боевых сил „штыков" и „сабель" всегда было меньше, чем „бойцов пехоты" и „бойцов кавалерии" в одних и тех же соединениях. А раз так, то при подсчете своих сил на „бойцов" и противника на „штыки—сабли" разница всегда должна быть существенной.

Соотношение сил на р.р. Нареве и Зап. Буге.

БЕЛОПОЛЯКИ.	НАШИ ВОЙСКА.
1) Район севернее р. Зап. Буг. всего: 29.600 шт., 3.850 сб.	1) IV-я арм. . . . . . . 9.558 шт., 4.861 сб. 2) XV-я „ . . . . 12.729 „ 465 „ 3) III-я „ . . . . 9.205 „ 914 „ Всего в 3-х арм. . . . 31.492 шт., 6.240 сб.
2) Район южнее р. Зап. Буг. всего: 15.800 шт., 2.000 сб. 3) Резервы—всего: (?)	1) XVI-я арм. . . . . 10.584 шт., 244 сб. 2) Мозырск. группа. . . . . 4.193 „ 3) Резервы—не было, если не считать 2-х бригад 48-й стр. див. на латвийской границе.
С польской стороны участвовало в боях 45.400 шт., 5.850 сб.	С нашей стороны участвовало в боях 46.269 шт., 6.484 сб.

Черт. № 4.

Группировки и соотношение сил на Польском фронте по данным полевого штаба РВСР к 11-му августа 1920 г.

Таблица № 20.

Сравнительная таблица [1])

наших сил и сил польской армии по данным полевого штаба Р.В.С.Р. к 11-му августа 1920 года.

Направления.	Принадлежности.	Бойцов пехоты.	Бойцов кавалерии.	Наименование групп.
Плоцкое	Противник	8.000	1.700	Серпецкая
	Наши	16.020	5.083	IV-я армия
Нововогеоргиевское	Противник	7.000	?	Новогеоргиевская
	Наши	45.539	1.911	XV-я и III-я армии [2])
Варшавское	Противник	28.000	2.600	Варшавская
	Наши	31.655	1.041	XVI-я армия
Ивангородское	Противник	10.000	1.000	Ивангородская
	Наши	11.690	?	Мозырская группа
Сандомирское	Противник	13.000	1.500	Красностав.-Грубешов
	Наши	10.582	1.494	XII-я армия
Львовское	Противник	9.000	7.000	Львовская
	Наши	3.394	17.732	1-я конная армия
Стрыйское	Противник	11.500	1.200	Тарнопольск.иГаличск.
	Наши	7.113	2.879	XIV-я армия
Итого	Противник	86.500	15.000	
	Наши.	125.993	30.140	

Таким образом, на Западном фронте наши силы без армий Юго-Западного фронта (XII-я, 1-я конная и XIV-я армии) Главное командование определяло в 104.904 бойца пехоты и 8.035 бойцов кавалерии, в то время как белополяков— в 53.000 штыков и 5.300 сабель. Отсюда, наше численное превосходство над противником очевидно. Командующий Западным фронтом тов. Тухачевский в своем труде „Поход за Вислу“ (стр. 38), подсчитывая голые штыки и сабли для периода боев на Нареве и Зап. Буге, дает несколько иные цифры. Силы белополяков он определяет без резервов

[1]) Воен.-уч. архив, дело № 1569, стр. 139.

[2]) XV-я армия—26.829 бойцов пехоты и 789 бойцов кавалерии. III-я армия—18.710 бойцов пехоты и 1.122 бойца кавалерии.

в 45.400 штыков и 5.850 сабель, в то время как наши войска— в 46.269 штыков и 6.484 сабли, т.-е. наше превосходство равно 869 штыкам и 634 саблям. Как видим, подсчет сил полевым штабом Реввоенсовета Республики и штабом Западного фронта *имеет весьма существенную разницу в отношении нашего численного превосходства над силами противника.*

На стр. 40-й своей работы „Поход за Вислу" тов. Тухачевский указывает, что ко времени сражения на Висле противник усилился до 70.000 штыков и даже более, а наши войска имели лишь 40.000 штыков. Эти же цифры мы увидим и в разговоре по прямому проводу командзапа и Главкома от 10-го августа.

Подводя итог общей численности сил наших армий и сил белополяков на всем протяжении стратегического фронта обеих сторон, мы видим, что Главное командование красными армиями определяет наши силы в четырех армиях и Мозырской группе Западного фронта в 104.904 бойца пехоты и 8.035 бойцов кавалерии, а в трех наших армиях Юго-Западного фронта—в 21.089 бойцов пехоты и 22.105 бойцов кавалерии (против Юго-Западного фронта белополяков было 33.000 штыков и 9.700 сабель, (см. сравнительную таблицу).

Таким образом, все наши силы на двух фронтах исчислялись в 125.993 бойца пехоты и 30.140 бойцов кавалерии *против* 86.500 штыков и 15.000 сабель белополяков.

Анализируя вышеприведенные цифры полевого штаба и командующего Западным фронтом т. Тухачевского, *приходится констатировать, что к 11-му августа вопрос о разделении фронтов по двум эксцентрическим направлениям на Варшаву и Львов не был уже таким острым и малоцелесообразным, как это нам кажется, когда мы изучаем сражение на Висле.* В самом деле, ведь Западный фронт на своем участке при таком учете даже без помощи армий Юго-Западного фронта *оказывался почти в два раза сильнее белополяков.* А раз так, то невольно и напрашивается мысль, что, располагая такими превосходными силами, Западный фронт мог бы и без помощи правофланговых армий Юго-Западного фронта (XII-й и 1-й конной) сокрушить противостоящего перед ним противника и успешно закончить операцию на Висле. Но, к сожалению, эта мысль оправдывается только на первый взгляд, т. к. если мы проанализируем появившиеся в печати другие цифровые данные, то положение будет несколько иным. Для полноты картины мы рассмотрим и их.

Автор труда „На Висле" Б. Шапошников также расходится с подсчетом сил полевого штаба и притом расходится в диаметрально противоположном направлении. Наши силы он уменьшает вдвое, а силы неприятеля увеличивает

в полтора раза, говоря, что „повидимому, под понятие „штыки“ белополяки подводили и других бойцов, как и мы (см. стр. 12). При этом условии, говорит он, польская дивизия имела 5.000 штыков“. С этой численностью польской дивизии автор труда „На Висле“ подводит итоги численности польских сил на всем протяжении своей книги, при составлении всех таблиц (см. стр. 64, 65, 66, 67, 77, 79, 112, 113, 143, 144). Когда же дело доходит до подсчета сил Красной армии, то в расчет принимаются только штыки со ссылкой на работу М. Тухачевского (стр. 83 и 111). Конечно, применяя такой метод подсчета, мы полагаем, что автор труда „На Висле“ не свободен от ошибок в учете соотношения сил обеих сторон, а поэтому для полноты картины мы дадим *сводную таблицу* всех трех источников [1]) (см. табл. № 21 на стр. 259).

Пилсудский в своей книге „1920 год“ определяет силы Западного фронта перед сражением на Висле в 130.000—150.000, а свои силы, подтянутые к сражению на Висле,— в 120.000—180.000 человек. Очевидно, Пилсудский подсчет ведет на „бойцов вообще“, хотя, вообще говоря, его методы подсчета очень туманны. По крайней мере, разбирая таблицу № 3, приведенную т. Тухачевским в своем труде „Поход за Вислу“, Пилсудский останавливается на цифрах „вообще бойцов“.

Итак, мы стоим перед фактом чрезвычайного колебания численности как наших собственных войск, так и войск противника. Но попробуем определить из этого весьма обильного ряда цифр наиболее приближающиеся к действительности.

За основу подсчета, как видим, принято подразделение на штыки и сабли или бойцов. Вот здесь-то и корень вопроса. Автор труда „На Висле“ т. Шапошников, повидимому, прав, когда он говорит, что в подсчет польских штыков мы вкладывали и бойцов. Так, в пехотной польской дивизии из 5.000 „штыков“ (как мы их называли) штыков, в строгом смысле слова, т. Шапошников насчитывает 3.852, а прочих остается 1.148, которые и составляют около 30% по отношению к числу чистых штыков. Этот метод подсчета, примененный в одинаковой степени как *к нашим силам*, так и к *противнику*, мы считаем более правильным, и при этом условии цифры получились бы более вероятные. Далее, если мы сравним таблицы №№ 1 и 3 труда тов. Тухачевского „Поход за Вислу“, где мы имеем и данные об уком-

---

[1]) Данные тов. Тухачевского мы берем из его книги „Поход за Вислу“, а не из книги тов. Шапошникова, т. к. в книге „На Висле“ численность польских войск, приводимая т. Тухачевским, ошибочно уменьшена на 6.000 штыков (см. Б. Шапошников „На Висле“, стр. 79, и М. Тухачевский „Поход за Вислу“, стр. 45).

Таблица № 21.

СОЕДИНЕНИЯ.	Белополяки. Источники: Полевой штаб РВСР к 11-му авг.	Белополяки. Источники: т. Тухачевский „Поход за Вислу“, стр. 45.	Белополяки. Источники: т. Шапошников „На Висле“.	Соединения.	Наши войска. Источники: Полевой штаб РВСР к 11-му авг.	Наши войска. Источники: т. Тухачевский[1] „Поход за Вислу“, стр. 38.	Наши войска. Источники: т. Шапошников „На Висле“.
Влоцлавская группа . .			9.500	IV-я арм.	21.103	14.429	12.000
	16.700	29.000		XV-я „		13.194	9.000
5-я армия . .			26.500		47.450		
				III-я „		10.119	9.000
1-я „ . .	30.600	40.000	30.000	XVI-я „	32.696	10.828	11.225
2-я „ . .	11.000	16.000	10.000				
				Мозырская группа.	11.690	4.1[illegible]3	4.500
4-я „ . .	14.500	22.000	18.500	XII-я арм.	112.939	52.763	45.725
3-я „ . .			19.500		12.076	—	11.225
6-я „ . .	16.000	—	16.500	I-я кон.	21.126	—	15.000
7-я укр. . . .	12.700	—	18.000	XIV-я ар.	9.992	—	9.000
	101.500	—	148.500	Всего .	156.133	—	80.950

плектовании войск, то увидим, что сумма чистых штыков и сабель составляет около 60% бойцов вообще. Если же мы возьмем там же таблицу № 2, где приведены данные о состоянии войск, потрепанных в операции, то увидим, что число штыков и сабель после ряда боев, примерно, составляет 50% числа бойцов вообще. Точно также и процентное отношение чистых штыков и сабель уменьшается по отно-

[1]) По состоянию на Зап. Буге. При подходе к берегам Вислы эти цифры, конечно, несколько уменьшились.

шению к бойцам пехоты и конницы. Июльскую операцию мы начали со 100.000 штыков и сабель, а Зап. Буг форсировали, имея лишь 50.000 с небольшим. Если в укомплектованной дивизии число штыков и сабель составляет около 70% бойцов пехоты и конницы, то при потерях, выражающихся в 50% и к тому же падающих почти только на чистые штыки и сабли, мы будем иметь в истощенной дивизии около 35% нормального числа бойцов, а число прочих не изменится, т.-е. прочие будут составлять от 40% до 45% наличного состава бойцов пехоты и конницы.

Постараемся применить этот метод и для войск противника и для наших. При этом будем помнить, что польские войска, принявшие пополнения, находятся в более благоприятном положении, чем наши войска, потерявшие половину штыков и сабель и сильно себя истощившие; тогда получится следующая таблица:

Таблица № 22.

Белополяки[1]).				Наши войска[2]).			
Соединения.	Штыков и сабель.	Бойцы пехоты и кавалерии.	Бойцы вообще.	Соединения.	Штыков и сабель.	Бойцы пехоты и кавалерии.	Бойцы вообще.
Влоцлавск. группа .	7.200	9.500	12.000	IV-я арм.	14.000	24.500	28.000
5-я арм. .	19.800	26 500	34.000	XV-я „ .	13.000	23.000	26 000
1-я „ .	22.500	30.000	38.000	III-я „ .	10.000	18.000	20.000
2-я „ .	7.500	10.000	12.500	XVI-я „ .	10.500	18.200	20.700
4-я „ .	13.800	18.500	23.500	Мозырск. группа. .	004.0	7.000	8.000
3-я „ .	15.000	19.500	25.000				
Итого . .	85.800	114.000	145.000	Итого . .	51.500	90.700	102.700
6--я арм.	12.000	16.500	22.000	XII-я арм. .	11.000	20.000	22.500
7--я укр.	13.500	18.000	24.000	1-я кон. .	15.000	27.500	30.000
				XIV-я арм.	9.000	16.500	18.000
Всего . .	111.300	148.500	191.000	Всего . .	86.500	154.700	173.200

1) За основу числа бойцов пехоты и конницы взяты данные тов. Шапошникова.

2) За основу штыков и сабель для IV-й, XV-й, III-й и XVI-й армий и Мозырской группы взяты данные тов. Тухачевского (см. таблицу № 4 „Похода за Вислу“) с некоторым округлением, как наиболее близкие к истине. Для прочих армий взяты данные из труда т. Шапошникова „На Висле“.

По всей вероятности, эти цифры, взятые с большим округлением, наиболее верно изображают соотношение сил перед операцией на Висле.

Пилсудский говорит, что все польские силы, действующие против красных, никогда не достигали 200.000 человек. И, действительно, „вообще бойцов"—белополяков мы имеем около 191.000. Силы Западного фронта перед сражением на Висле Пилсудский определяет в 130.000—150.000 человек. Если он считал XII-ю армию в составе Западного фронта, то последний имел бы „бойцов вообще" около 125.000. Силы белополяков, к этому времени выставленные против Западного фронта, он определяет между 120.000 и 180.000. По нашим подсчетам выходит 145.000.

Для будущего нам следует еще раз отметить, что все вышеприведенные данные, кроме таблицы № 22, наглядно говорят, что полевой штаб Р. В. С. Р. к силам противника применял метод подсчета на „чистые штыки", в то время как к своим войскам—крайне расплывчатое понятие учета на „бойцов". Мы не входим здесь в детали, почему практиковался такой метод подсчета, а лишь констатируем, что он по своей сущности фактически не мог дать ясной картины имеющихся в данный момент и на данном направлении сил, которые будут действительно активно участвовать в бою.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Бои на Висле и начало отхода красных армий.

Группировка армий обеих сторон к 14-му августа на берегах Вислы.
Схема № 7.

Выше мы говорили, что, начиная с линии Нарева и Зап. Буга, отход противника принимает все более организованный характер. Его дивизии, бригады и вновь сформированные полки уже не бегут, как это было до 1-го—2-го августа. Участившиеся случаи перехода арьергардов противника в контр-атаки и упорные усилия задержаться в полосе между р.р. Наревом и Зап. Бугом, мало обращая внимания на нависавшие части нашего 3-го конного корпуса и пехоты IV-й армии, севернее реки Нарева, все это должно было бы говорить, что *помимо защиты района Варшавы неприятель задумал что-то более серьезное.*

В результате всех передвижений и перегруппировок, обе стороны к 14-му августа находились в следующем положении:

Красная армия.

IV-я армия Шуваева (3-й конный корпус (10-я и 15-я кавалерийские дивизии), 12-я, 18-я, 53-я, 54-я стр. дивизии, 164-я бригада в Гродно, 143-я бригада в Вильно).

Согласно приказа командарма IV-й от 13-го августа [1]), 14-го августа дивизии армии должны были находиться в следующих районах: 3 й конный корпус, по овладении переправами через р. Вислу у Влоцлавска, должен был 14-го августа выбросить разведку в район Брест; 12-й стрелковой дивизии к 15-му августа быть в районе Страсбурга; 53-й стрелковой дивизии - район южнее Липно (Островите—Шепанки); 18-й стр. дивизии—район Ясен—Туржа - Вильча—Клобуково; 54-й стрелковой дивизии было приказано сосредоточиться в районе Серпец. В действительности же фронт армии к 14-му августа проходил по линии: западнее Усдау—Лаутенбург—Журомин—Серпец—Дробин и 15 километров юго-восточнее последнего пункта (дер. Мыстково) [2]).

---

[1]) Воен.-уч. архив, дело № 1919.
[2]) Карта оперативного отдела штаба РККА.

XV-я армия Корка[1]) (4-я, 11-я, 16-я, 33-я стрелковые дивизии).

13-го августа 4-я стрелковая дивизия, преодолев линию реки Вкра, развивала действия в направлении Плонск, выдвинувшись к вечеру на линию 10 километров северо-восточнее и восточнее Плонска (Милево—Колозомб). Но противником перед фронтом XV-й армии уже были сосредоточены крупные силы, и к утру 14-го августа 4-я стр. дивизия, не имея сил выдержать натиск неприятеля, с боем отошла на восточный берег р. Вкра, заняв позиции от Сохоцин до Крулево.

Несмотря на интенсивный ружейный и пулеметный огонь, части 16-й стр. дивизии в это же время, выйдя на линию р. Вкра, также приступили к подготовительным мерам по форсированию реки на участке от Попельжин до шоссе Насельск—Плонск. В это время 11-я и 33-я стр. дивизии из района Насельск вели деятельную подготовку, с целью выхода на правый берег р. Вкра, при чем вторая уже двигалась к переправе у Боркова.

III-я армия Лазаревича (5-я, 6-я, 21-я, 56-я стр. дивизии).

Действовала в оперативной связи с левым флангом XV-й армии. 5-я стр. дивизия с рассветом 14-го августа, перейдя в решительное наступление, к 8 часам успешно преодолела упорное сопротивление неприятеля и заняла Нуна, связавшись с 6-й стр. дивизией, части которой к этому времени были на линии 5 километров западнее Сероцк и вели наступление к переправам З. Буга у Зегрже и Загробы.

56-я стр. дивизия, стремясь на правый фланг армии, с утра 14-го августа приступила к переправе через р. Нарев у Вержбица. 21-я стр. дивизия, действуя на левом берегу р. Зап. Буг, преодолевая укрепленные позиции поляков в районе Радимин и захватив в последнем более 300 пленных, продолжала развивать наступление, продвинувшись к 3 часам 14-го августа на 10 километров западнее Радимин. Видя прямую угрозу Новогеоргиевску, противник, сосредоточив крупные силы и при поддержке сильного пулеметного и артиллерийского огня, переходит в энергичное контр-наступление и отбрасывает в этот же день части 21-й стр. дивизии на линию восточная окраина Радимина—Руда.

XVI-я армия Соллогуба (27-я, 2-я, 17-я, 10-я, 8-я стр. дивизии).

13-го августа дивизии армии, выйдя на линию западнее Радимин—Н. Минск—Колбель—Осецк—район Сточек, продолжали свое наступление с целью выхода на линию р. Вислы и занятия Варшавы. Несмотря на упорные бои,

---

[1]) Воен.-уч. архив, дело № 37. Оперативные сводки за 1920 г., август месяц, стр. 524—578.

особенно на правом фланге армии, к 14-му августа дивизии занимали следующее положение.

27-я стр. дивизия: от Радимина—Чарна на Майдан; 2-я стр. дивизия к утру 14-го августа сосредоточилась в районе Липка—Домбровица, имея в виду в дальнейшем развить наступление в западном направлении; 17-я стр. дивизия—на линии 5 километров восточнее Окунева, примерно до Моровиска; 10-я стр. дивизия—на линии Дембе—Порембы—Глинянка; 8-я стр. дивизия, соприкасаясь своим левым флангом с Мозырской группой, растянулась от Глинянка на Осецк—Гарволин.

Мозырская группа Хвесина (57-я, 58-я стр. дивизии и Сводный отряд).

Включив в свой состав с 24 часов 12-го августа, согласно директивы командующего Западным фронтом, части Мозырской группы продолжали вести активные действия. 14-го августа 57-я стр. дивизия вела наступление с линии Желехов—Коцк. Сводный отряд группы вел упорные бои в районе Любартов, в то время как на левом фланге группы 58-я стр. дивизия, получившая задачу овладеть районом Седлище и выдвинуться главными силами дивизии к вечеру 14-го августа на линию Ящов—Бискупице, также начинала развивать свою деятельность.

Как видим, бóльшая часть дивизий Западного фронта сосредоточена с целью овладения районом Новогеоргиевск—Варшава, в то время как *на протяжении 160 километров* (Гарволин—Желехов—Коцк.—по р. Вепрж—Пугачев—Савин Опалин) *мы имеем лишь слабые по численности и средствам 2½ дивизии Мозырской группы, с мало обеспеченным правым флангом, в виду крайней растянутости левого фланга XVI-й армии.*

По этому-то участку левого фланга Западного фронта неприятель и нанес свой первый удар.

Считая, что в этот чрезвычайно сложный и ответственный период операции на Польском фронте армии Юго-Западного фронта играли немаловажную роль, постараемся в кратких чертах обрисовать их положение, оперативные стремления и цели, а также и проявленное взаимодействие по отношению к развивавшимся событиям на берегах Вислы.

К 14-му августа XII-я армия еще выполняла задания командования Юго-Западного фронта и только с 15-го—17-го августа она начинает действовать по указаниям командзапа.

XII-я армия Васканова (25-я, 7-я, 44-я, 24-я стр. дивизии и группа тов. Голикова).

14-го августа из штаба армии (Ровно) Главное командование получило следующую телеграмму: „*Самая крупная дивизия имеет 1500 штыков, самая малочисленная 700 на всю дивизию.*

Части утомлены, нехватает винтовок, плохо одеты.
Захватили приказ противника, знаем его план № 155/с" [1]).

Перехваченный приказ от 8-го августа по 1-й дивизии легионеров [2]) действительно не только говорил о составе действовавших сил противника против стыка Западного и Юго-Западного фронтов и XII-й армии, но и давал *ценные сведения о его перегруппировке.*

Из этого приказа было видно, что здесь мы имеем группу Гозера и 3-ю польскую армию в составе 7-й, 6-й украинской пех. дивизий, 1-й и 3-й див. легионеров, а также 4-ю кав. бригаду конной группы Яворского, 1-й и 2-й уланские полки. Всей этой массе войск было приказано сомкнутыми колоннами отойти в западном направлении, при чем группе Гозера [3]) отойти в район Фирлей, а остальным пехотным дивизиям и 1-й кавалерийской дивизии 6-й польской армии—на линию Ленчна—Бискупице—Красностав — Грабовец — Тышевцы и Радзихов (1-я кав. дивизия).

В нашем распоряжении нет оперативных данных, которые бы говорили о том, как преломился факт захвата приказа противника у командования XII-й армией. Но в приказе по армии от 13-го августа [4]), в развитие директивы [5]) командъюза, ставилась задача: *двум дивизиям армии — удар в направлении Томашев—Рава - Русская, с целью овладения этими пунктами не позднее 15-го августа,* а группе тов. Голикова, объединив под своим начальством 25-ю кав. бригаду, Башкирскую конную бригаду и кавполки 7-й и 44-й стр. дивизий, совершить из захваченного района *„глубокий рейд"* для быстрого овладения переправами через р. Сан на участке *Сенява—Радымно* [6]). Отсюда видно, что *все усилия XII-й армии были направлены в юго-западном направлении,* в то время как главные силы 3-й польской армии, отходя на новую линию, стремились подняться к северу в район *Люблин—Ленчна,* о чем могла, между прочим, дать *намек* и фраза в перехваченном приказе: *„отход сомкнутыми колоннами, дабы сконцентрироваться на новой линии".*

В общем, расположение XII-й армии к 14-му августа было следующим: разграничительная линия между Западным и Юго-Западным фронтами проходила от Ратно на Опалин — Бискупице—Глуск—Ополе—Солец (на Висле); с 1-й конной

---

[1]) Воен.-уч. архив, дело № 1820.

[2]) О перехваченных приказах по 3-й польской армии будем говорить ниже.

[3]) В тесной связи с этой группой здесь еще действовал небольшой отряд Булак-Балаховича.

[4]) Воен.-уч. архив, дело № 1742.

[5]) Директива № 767/сек. 4639/оп. от 12-го августа (воен.-уч. архив, дело № 1742).

[6]) Приложение № 6.

армией левофланговая 24-я стр. дивизия имела разграничительную линию от Здолбуново на Млынов—Берестечко—Добротвор—Магирув [1]).

В пределах этих разграничительных линий на обоих берегах Зап. Буга части XII-й армии занимали фронт от Опалин до Сокаль—25-я стр., группа Голикова, 7-я стр. и 44-я стр. дивизии. По правому берегу от Сокаль и южнее располагалась 24-я стр. дивизия, обеспечивавшая правый фланг 1-й конной армии, последняя в это время продолжала маневрировать в районе Броды—Радзихов.

1-я конная армия Буденного (14-я, 6-я, 4-я, 11-я кав. дивизии и отдельная кав. бригада—охрана полештарма, кроме того, 1-й конной армии были приданы 45-я и 47-я стрелковые дивизии).

В продолжение 13-го и 14-го августа конная армия вела непрерывные бои в направлении Буск—Каменка. Утром 14-го августа 14-я кав. дивизия завязала бой за обладание Дмитров, но под давлением противника отошла на позиции восточнее Дмитров (чертеж № 5).

6-я кавдивизия к этому времени занимала северную окраину района Топоров. 11-я кавдивизия 13-го августа наступаладвумя бригадами на Конюшков (8 кил. севернее Броды) и одной бригадой с юга на Броды, 4-я кав. дивизия к 13-му августа была сосредоточена в районе Оплуцко—Майдан, с целью совместных действий с 14-й кав. дивизией. Не имея сил противостоять нашей конной массе, неприятель с боями стал отходить в западном направлении. Продолжая развивать наступление, части 14-й кав. дивизии, при поддержке всех видов огня, опрокинув противника, к 17 часам 14-го августа выходят к р. Зап. Буг и занимают линию от Тышевцы—Браташе—Будки.

К полудню 14-го августа противник оставляет Броды; преследуя его, остальные дивизии конной армии к вечеру 14-го августа выходят на линию: Грабова—Яблоновка (6-я кав. дивизия); Поставка — Соколовка — Конты (11-я кав. дивизия); 4-я кавдивизия с 14-го на 15-е августа оставалась на ночлеге в прежнем районе.

XIV-я армия Молкочанова (60-я, 41-я стр. дивизии).

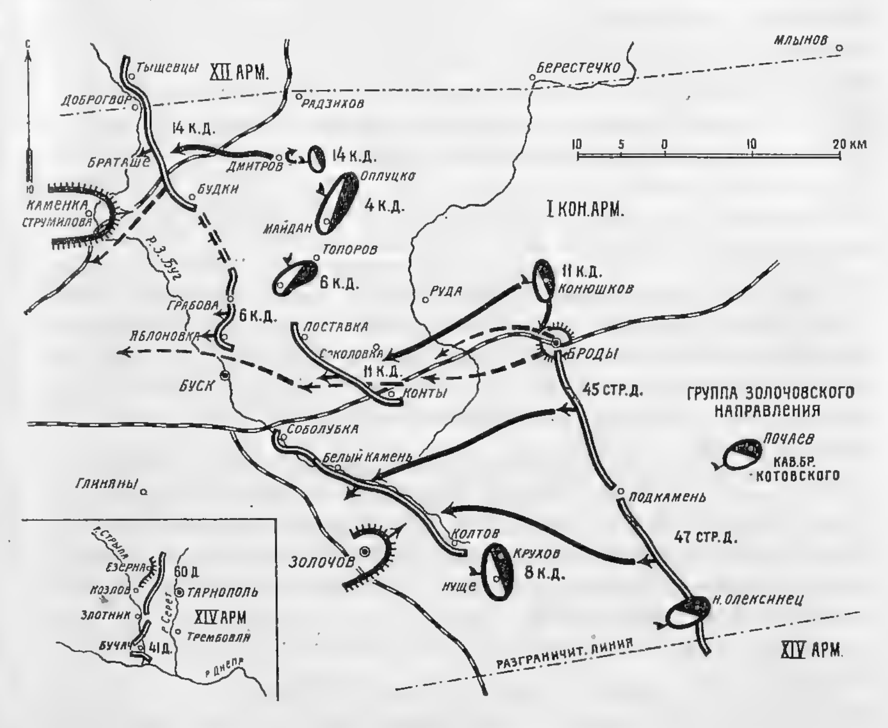
На левом фланге 1-й конной армии в это время действовала группа Золочевского направления (45-я и 47-я стр. дивизии с кавалерийской бригадой Котовского и 8-й кав. дивизией Примакова под управлением т. Якира, который в оперативном отношении был подчинен 1-й конной армии).

Ведя за 13-е августа успешные бои на фронте Броды—Подкамень—Н. Олексинец, к 15-му августа пехотные части группы, преследуя отходящего противника к устью З. Буга,

---

[1]) См. чертеж № 5.

выдвинулись на линию: Соболубка—Белый Камень—Колтов, имея на левом фланге в районе Крухов—Нуще 8-ю кавдивизию и в групповом резерве (Почаев) кавбригаду т. Котовского. После овладения линией реки Серет и Тарнополем, 60-я стр. дивизия продолжала вести наступление с целью захвата укрепленных позиций противника в районе Езерна. К 14-му августа, подойдя к ним вплотную, приступила к овладению, в то время как левый фланг 60-й стр. дивизии, ведя бои на реке Стрыпе, вышел к переправам на участок от Козлов до Злотник.

Черт. № 5.

Наступление 1-й конной армии.

На участке же от Злотник, по реке Стрыпе до ее впадения в р. Днестр действовала 41-я стр. дивизия.

Таково было положение к 14-му августа красных армий на всем протяжении Польского фронта.

В нем усматривается два основных направления, это: *Варшавско-Новогеоргиевское* и *Львовское*, куда и были фактически устремлены все усилия наступающих армий.

И если первое направление, до начала контр-наступления (16-го августа) группы Пилсудского, было важнейшим с точки зрения общей стратегической обстановки, то *Львов-*

ское направление уже было *второстепенным* по отношению к главной операции на Висле. А поэтому срочный удар XII-й и 1-й конной армий в Люблинский район был необходим, так как *он не только мог ослабить остроту с прерывчатым расположением частей левого крыла Западного фронта, но и мог бы расстроить* [1]) *контр-маневр противника с линии р. Вепрж.*

Польская армия.

Выполнив главную задачу и своевременно оторвав свои дивизии от наступающих красных армий, польское командование после окончания стратегического отхода успешно сосредоточило их в новые районы.

Но необходимо указать, что как бы ни был удачно организован этот отход поляков, сравнивая состав их частей до и *во время* отступления с линии р.р. Нарева и Зап. Буга, мы видим к концу отхода все их войсковые части сильно перемешанными, поэтому в период 12-го—15-го августа, кроме регулирования хода боев на фронте и перебросок дивизий из южных армий, польское командование с помощью представителей французского генерального штаба проделывает большую организационную работу по сколачиванию своих частей, преследуя цель к моменту задуманного контр-наступления иметь цельные и доведенные до штатов тактические организмы, строго сведенные в отдельные дивизии и армии.

Согласно первоначального плана операции (см. главу 9-ю) в *Северный фронт* должны были войти три армии под командованием ген. Галлера, в то время как в *Средний* фронт—две армии под командованием Рыдза-Смиглого и личным руководством Пилсудского и в *Южный* (так наз. Украинский) фронт—две армии.

Все эти армии к 14-му августа занимали следующее положение [2]):

Северный фронт—комфронт ген. Галлер.

5-я польская армия ген. Сикорского [3]) (17-я, 9-я, 18-я, Добровольческая пехотные дивизии, Сибирская бригада,

[1]) Учитывая здесь соотношения всех сил: Мозырская группа, XII-я и 1-я конная армии=9 стр. дивизиям и 4½ кавдивизиям, 3-я и 4-я польские армии=8 стр. дивизиям и 1 кавдивизии.

[2]) Для определения состава армий и расположения частей противника в этот период основными источниками нам служили имеющиеся в военно-ученом архиве (дела №№ 1042, 2890 и 2889) разведывательные и агентурные сводки полевого штаба РВСР и штаба Зап. фронта, согласованные нами с печатными материалами: 1) Ст. Кюнстлер, „Наше августовское наступление", 2) Фори, „Битва под Варшавой", 3) Юзеф Заенц, „Сражение 5 й армии на реке Вкра", 4) Перкович, „Сражение под Варшавой", 5) Боркевич, „Концентрация на Вепрже" и др.

[3]) Быв. командующий Полесской группой.

3-я кавдивизия, 8-я кав. бригада). Не имея сил удержать движение на запад нашей IV-й, а также и частей XV-й армии, 5-я польская армия вынуждена была действовать на фронте вдоль желдороги Новогеоргиевск — Цеханов и по линии р. Вкра. К 14-му августа, при рассмотрении операций наших армий в этом районе, мы видели, как польские части успешно отражали наступление XV-й армии, стремившейся, после форсирования р. Вкра, к Плонску и фортам Новогеоргиевска. В задачу 5-й польской армии входило не только удержание Новогеоргиевского укрепленного района, но и способствование отвлечению нашего внимания от главного удара со стороны Ивангород—Люблин. Бо́льшая часть сил этой армии располагалась за фортовым поясом крепости Новогеоргиевска, имея на фронте кавалерию, Добровольческую дивизию, 18-ю пех. дивизию и Сибирскую бригаду, остальные части армии находились в резерве.

1-я польская армия ген. Латиника (11-я, 1-я Литовско-Белорусская (19-я), 8-я, 10 я, 15 я пех. дивизии, крепостная бригада и 7-я резервная бригада).

Части этой армии противника, отойдя за обширный Варшавский тет-де-пон, позиции которого тянулись полукругом по правому берегу р. Вислы радиусом в 15—20 верст от города Варшавы, действовали против левого фланга III-й и XVI-й армий. В задачу этой армии входило во что бы то ни стало удержать за собой политический и экономический центр страны —Варшаву, не допуская красные войска преодолеть линию Зегрже—Радимин—Окунев—Карчев.

Ее части были также расположены за фортификационными сооружениями Варшавского района, откуда с помощью дальнобойной артиллерии и вели упорную оборону, переходя в ежедневные контр-атаки. По имеющимся данным можно установить, что 8-я, 15-я, 11-я пех. дивизии и 7-я резервная бригада находились в первой линии [1]), в то время как другие войска 1-й польской армии оставались в непосредственном распоряжении командарма 1-й для парирования возможных прорывов в укрепленных позициях Варшавского тет-де-пона [2]).

---

[1]) По французским источникам к 19-му августа действующие силы 1-й польской армии были эшелонированы в глубину в следующем виде: В первой линии—с юга на север—7-я резервная бригада, 11-я дивизия, половина 8-й и 15-я дивизия. В резерве—10-я дивизия, 19-я (1-я Лит.-Бел.) дивизия и половина 8-й дивизии. Все эти силы были расположены за укреплениями Варшавского тет-де-пона.

[2]) Относительно состава 1-й и 5-й польских армий необходимо указать, что, кроме поименованных частей, по данным нашей разведки, польская армия в Плонском, Новогеоргиевском и Варшавском районах должна была иметь еще следующие части: 2-ю Белорусско-Литовскую дивизию, 1-ю резервную бригаду, бригаду 6-й дивизии, 3-ю ре-

2-я польская армия ген. Рышевского (2-я и 4-я пех. дивизии) была растянута по левому берегу р. Вислы от Гура-Кальвария до Козенице с передовыми частями, расположенными на восточном берегу Вислы, с общей задачей не допускать красные части (левый фланг XVI-й армии) к устройству переправ и форсированию реки на этом участке.

Средний фронт—командующий фронтом ген. Рыдза-Смиглый, ударная группа с Вепржа под руководством Пилсудского.

4-я польская армия ген. Рышевского (14-я, 16-я, 21-я пех. дивизии; в резерве армии находились 12-я бригада 6-й пех. дивизии и 32-й полк 9-й пех. дивизии, расположенных в Ивангороде).

4-я польская армия заканчивала свое сосредоточение, имея целью до его окончания не допускать наши войска (Мозырская группа) на левый берег р. Вепрж, где были сооружены несложные предмостные постройки в районах у переправ: Коцка—Лысобыки—Бобровники.

3-я польская армия ген. Зелинского (1-я, 3-я дивизии легионеров, 7-я и 6-я украинская пех. дивизии, 4-я кав. бригада, Донская кав. бригада, группа Гозера и отряд Булак-Балаховича)—1-я и 3-я пех. дивизии легионеров и 4-я кав. бригада постепенно поднимались к северу, с целью выйти на одну линию с правым флангом 4-й польской армии.

Остальные части армии были предназначены действовать против нашей XII-й армии с задачей не допустить до полного сосредоточения (16-го—17-го августа) красные войска на левый берег З. Буга к р. Вепрж и в район Любартов, Красностав, Холм.

Таковы были задачи и расположение частей польских армий к моменту резкого перелома событий на Западном фронте. Конечно, до тех пор, пока мы не будем иметь полной истории войны 1920 года, подробно освещенной по архивным документам нашим бывшим противником, мы, естественно, не можем избежать некоторых неточностей (полагаем, незначительных и несущественных) при анализе действий его частей. Но все же, если мы сравним этот организационный состав польских армий с составом, который они имели при отходе с линии р.р. Нарева и Зап. Буга, то можем заметить следующие характерные моменты:

зервную бригаду, группу Тессаро (два полка 2-й див. легионеров и один полк 10-й пех. дивизии), 201-й, 205-й, 131-й, 136-й, 166-й, 150-й, 157-й, 233-й, 147-й, 221-й, 222-й, 223-й, 235-й, 236-й, 41-й, 111-й, 128-й, 134-й, 164-й пехотные полки и 1-й и 4-й поморские полки, 1-й морской полк, 1-й, 3-й, 4-й и 11-й померанские полки, зап. батальон 55-го полка. Некоторые из указанных полков были влиты в упомянутые выше дивизии 1-й, 2-й и 5-й польских армий, но бо̀льшая часть из них действовала в виде отдельных групп по 2—3 полка и бросалась польским командованием на те направления, которые становились угрожающими.

а) Состав 1-й польской армии, имевший в начале августа большое количество различных соединений, теперь фактически расчленился на две армии (1-ю и 5-ю), но с включением новых трех дивизий: 18-й (из 6-й армии), 15-й (из 4-й армии) и 1-й Литовско-Белорусской.

б) Далее мы видим, что состав частей, входивших в Полесскую группу и 4-ю польскую армию, несколько реорганизован, так, например, части 9-й пех. дивизии и 21-й дивизии Полесской группы переходят в 4-ю армию.

в) Расформированная еще ранее в период борьбы на Украине 2-я польская армия восстанавливается, но состав ее теперь другой, она состоит из 2-й и 4-й пех. дивизий.

г) 1-я и 3-я дивизии легионеров, ранее входившие во 2-ю польскую армию, теперь включены в 3-ю польскую армию.

Южный фронт. В состав этого фронта входили 6-я армия ген. Ивашкевича и 7-я украинская армия ген. Павленко.

В виду важнейших и решающих задач и тех оперативных достижений, которые преследовали *Северный* и *Средний* польские фронты, Южный фронт в глазах польского командования стал играть *совершенно второстепенное значение:* из состава 6-й польской армии к 14-му августа уже были изъяты и направлены на север полностью 18-я польская дивизия и др. части противника. *„Отбитие атак и по возможности удержание занимаемой линии“* — такова была в конечном итоге основная задача этого фронта.

Завязка генерального сражения на Висле. *Схемы №№ 7 и 8.*

Приступая к изложению событий, которые разыгрались в период с 15-го августа и до момента начала общего отступления армий Западного фронта, мы должны сказать, что генеральное сражение на берегах Вислы расчленяется на целый ряд решительных столкновений и боев, которые произошли в районах „Нижней Вислы“, Новогеоргиевска, на р. Вкра, у Варшавских предмостных позиций и на линии р. Вепрж.

Операция в районе „Нижней Вислы“. Действия IV-й красной армии.

Кроме группы Залевского, непрерывно отступавшей в полосе между р. Наревом и границей Восточной Пруссии, на левом фланге Польского фронта в районе Яблоново—Голлуб еще оперировали группа майора Мельжинского, состоящая из отделов пограничной стражи, батальонов и батарей Д. О. Д. Познань, и группа „Нижней Вислы“ из запасных и охотничьих батальонов. По реке Висле, от Влоцлавска до Вышгорода, формировалась новая группа Осиковского. *Продвижение частей IV-й армии* к Висле (участок Нешава Влоцлавск—Добржин) со стороны неприятеля особых препятствий не встречало, но на

правом фланге XV-й армии противник, переходя в неоднократные контр-атаки, упорно сдерживал наступление частей XV-й армии, не допуская ко вторичному форсированию линии р. Вкра; его небольшие конные части к этому времени были обнаружены в районе Глиноецк.

15-го августа командующий IV-й армией Шуваев, с целью облегчить положение правого фланга XV-й армии, приказывает:

а) 54-й стр. дивизии вторично наступать в направлении Рационж—Плонск, обеспечивая свой фланг со стороны Глиноецк и обязательно связавшись с 4-й дивизией XV-й армии, правый фланг которой был в районе Кемпа (на р. Вкра); б) 12-й стр. дивизии оставаться в районе Лаутенбург; в) 18-й стр. дивизии энергично наступать кратчайшим путем на Плонск, держа тесную связь с 54-й стр. дивизией; г) 53-й стр. дивизии, занимая фронт Бежунь—Серпец, обеспечивать операцию 18-й и 54-й стр. дивизий; д) 3-му конкорпусу занять фронт Липно—Влоцлавск, прикрыв маневр 54-й и 18-й стр. дивизий со стороны Торна и Вислы, для чего приказывалось тщательно наблюдать участок р. Вислы от Влоцлавска до Полоцка.

Далее указывалось, что полевой штаб армии будет находиться в Цеханове, *но в случае изменения обстановки перейдет в Млаву.*

Трудно предугадать, каковы были бы результаты от точного выполнения дивизиями задач, поставленных им командармом, а также насколько, в случае положительного их разрешения, успех IV-й армии в районе Плонска мог бы иметь влияние на сложившуюся к этому моменту стратегическую обстановку на всем Западном фронте. Но в действительности этим задачам не пришлось в большей своей части осуществиться, так как противник „отменил“ этот приказ, чему командарм не препятствовал. Неприятель, пройдя в образовавшийся разрыв между IV-й и XV-й армиями в районе Глиноецк, в 10 часов 15-го августа занял г. Цеханов, где, *как мы знаем* из предыдущего приказа, находился полевой штаб IV-й армии [1]).

Этот успех *одного конного полка* противника заставил командарма IV-й срочно покинуть город, в силу чего сразу же *„нарушилась связь между штабом фронта и IV-й армией, которая уже больше не восстанавливалась вплоть до начала нашего отступления, что, конечно, произошло благодаря полному отсутствию в нашем распоряжении каких бы то ни было средств стратегической связи* [2]). Но с временной потерей г. Цеханова командарм IV-й, после своего отъезда, потерял связь не только с командующим Западным фрон-

---

[1]) Когда Шуваев покинул свой штаб, то сотрудники последнего сожгли радиостанцию и, не зная, что делать и куда уехал их командарм, отошли на Остроленку.

Таким образом, Шуваев потерял свой штаб, а ведь он мог же перед отъездом приказать отойти штабу на Млаву.

[2]) М. Тухачевский, „Поход за Вислу“, стр. 47.

том, но и со своими дивизиями (кроме 12-й стр.), *которые в течение двух суток*, по сведениям XV-й армии [1]), оставались без управления.

Радиостанция IV-й армии была сожжена в виду того, что начальник ее боялся, что она попадет в плен противнику, захватившему г. Цеханов.

Таким образом, в тот момент, когда на правом фланге XV-й армии неприятель продолжал свои энергичные атаки, в это время главные силы IV-й армии уже были далеко на западе, а поэтому на случай новой перегруппировки, с целью действительного содействия XV-й армии, уже требовался достаточный промежуток времени.

Неудача в районе Цеханова и отход правого фланга XV-й армии заставили командующего фронтом директивой от 16-го августа поставить дополнительные задачи армиям по „окружению зарвавшейся группы противника“ как в районе Цеханова, так и на реке Вкра, для чего командарму IV-й было приказано оставить заслон в западном направлении и главными силами атаковать неприятеля в направлении Сохоцин—Закрочим, сосредоточив армейский резерв в районе Цеханов—Прасныш.

XV-й армии дано было распоряжение перейти в решительное наступление на Плонск, с задачей правым флангом выиграть шоссе Прасныш—Цеханов, III-й армии—сосредоточить к правому флангу ударную группу для оказания содействия XV-й армии, атакующей в направлении Плонск. Здесь же говорилось об ускорении движения 56-й стр. дивизии в направлении Маков.

Командарму III-й еще раз было подтверждено немедленно направить 56-ю стр. дивизию на Маков в распоряжение командарма XV-й, поставив задачей сосредоточиться в указанном районе не позднее 20 часов 17-го августа, имея целью в дальнейшем перейти в район Прасныш. *Далее было приказано вывести в резерв одну из дивизий с упоминанием о 21-й стр. дивизии.* В результате всех передвижений к 16-му августа обстановка на фронте нашей IV-й армии была следующей:

12-я стр. дивизия занимала район Страсбург, 10-я кавалерийская—район Бобровники и 15-я кавалерийская—Влоцлавск, 53-я стр. — район Липно — Влоцлавск — Тулибово, 18-я стр. фланговой бригадой заняла Гослице, а двумя бригадами наступала из района Брудзино—Мыстково на Плонск, 54-я стр. дивизия была разбросана в районе Серпец—Сохоцин.

Таким образом, *вместо организации удара компактной массы из района Рационж на Плонск,* т.-е в тыл 5-й поль-

[1]) Воен.-уч. архив, дело № 37. Опер. сводки за 14-е—16-е авг.

ской армии, расположенной на р Вкра, командарм IV-й Шуваев, не умея чувствовать пульс боя, веером пустил свои дивизии в далекое странствование по Данцигскому коридору и тем ушел от районов, где 15-го и 16-го августа происходили решающие бои XV-й и III-й красных армий.

„Мы должны указать, пишет Юзеф Заенц, что успеху операции 5-й армии на р. Вкра в значительной степени помогла IV-я неприятельская армия. которая *рассыпалась* по всей местности, стремясь отчасти к достижению политических целей (разрыв связи Польши с Данцигом), а отчасти подражая действиям Паскевича в 1831 году, т.-е. стремясь к глубокому обходу Варшавы через Влоцлавск и Плоцк.

Вследствие этого она не встретила на своем пути польских сил и не оказала никакого влияния на ход операций в решительных пунктах (т.-е. на линии р. Вкра)“ [1]).

Нам могут сказать, что командарм IV-й Шуваев, потеряв связь со штабом фронта, продолжал выполнять директиву командзапа тов. Тухачевского от 10-го августа по форсированию Вислы на участке Влоцлавск—Плоцк и овладению Торном.

Но ведь боевая обстановка резко изменилась к 14-му—15-му августа, а элементарная логика говорила, коль потерял связь с командованием фронта, то старайся держать *вдвойне* связь с соседом (XV-я армия), а не уходи от него куда-то далеко на запад с устаревшей директивой в руках.

Бои в районе Новогеоргиевска и на р. Вкра. Действия XV-й и III-й красных армий.

На Плонском и Новогеоргиевском направлениях к 15-му августа неприятелем были сосредоточены значительные силы.

Еще 12-го августа на совещании *в Новогеоргиевске* в присутствии Галлера, Сикорского, Развадовского и Вейгана был выработан план действий для 5-й польской армии. Этот план польского контр-наступления заключался в следующем:

а) главный удар 5-я армия организует против нашей XV-й армии;

б) учитывая, что наша IV-я армия с конным корпусом Гая уже к этому времени обошла левый фланг 5-й польской армии и двигается в направлении Плоцка и Влоцлавска, было решено, как пишет Юзеф Заенц, *„оставить IV-ю красную армию пока в покое, несмотря на значительный риск в силу работы этой армии в тылу 5-й польской“*.

Такое решение основывалось еще на том, что командующий 5-й армией, желая создать сильную группировку против XV-й и левого фланга III-й армий, „не мог выделить на охрану

---

[1]) Юзеф Заенц, „Сражение 5-й армии на р. Вкра“. Bellona, том XIX, стр. 240--241.

фланга и тыла 5-й армии сколько-нибудь значительные силы против IV-й советской армии, т.-е. этим он значительно ослабил бы удар на XV-ю армию неприятеля“ [1]).

На фронте XV-й армии весь день 15-го августа противник вел упорные бои. Наши части, переходя в неоднократные контр-атаки и неся большие потери от сильного огня неприятеля, к 19 часам 15-го августа вынуждены были отойти и продолжали бой на линии (см. карта 10 клм.):

4-я стр. дивизия—Сарнова—Гура—Бандкова—Н. Място.

16-я стр. дивизия, введя в дело все свои резервы, вела бои на фронте Н. Място (искл.)—Андзин.

11-я стр. и 5-я стр. дивизии (III-й армии), успешно достигнув линии р. Вкра и переправившись на правый берег, не выдержав контр-наступления противника, принуждены были отойти 8—10 километров восточнее р. Вкра (ст. Насельск—Вулька—Кикольская), в то время как передовые части удержали Блендово.

33-я стр дивизия XV-й армии, сосредоточившись вечером 15-го августа в районе Коленчин, получила задачу из района 8 клм. юго-вост. Цеханова утром 16-го августа нанести удар и выбить зарвавшегося противника из гор. Цеханова.

На фронте 6-й стр. дивизии противник вел ураганный огонь с фортов Новогеоргиевска и двух бронепоездов, курсировавших от Чарново к фронту дивизии.

21-я стр. дивизия, действуя совместно с частями 27-й стр. дивизии, за 15-е августа стойко отражала яростные атаки неприятеля и, общими усилиями опрокинув его, снова заняла район Радимина.

Всю ночь на 16-е августа фронт XV-й и III-й армий продолжал обстреливаться сильным артиллерийским и пулеметным огнем. *Наши артиллерийские запасы в армиях были настолько незначительны, что о парировании огнем наступающего противника не приходилось и думать. Отсутствие необходимого количества снарядов и патронов в наших чрезвычайно слабых численно бригадах и полках подчас вовсе заставляло отвечать молчанием на огонь частей неприятеля.*

С рассветом 16-го августа польские части перешли в энергичное наступление с сильным нажимом на правый фланг XV-й армии и на стык между XV-й и III-й армиями. В этот же день 33-я стр. див. удачно выполняет поставленную ей задачу. Захватив 1200 пленных и 7 орудий, она врывается в г. Цеханов и к 19 часам очищает этот район от неприятеля. Кавалерийская группа, из сведенных 85-го и 90-го кавполков и приданная начальнику 33-й стр. дивизии, успешно преследо-

---

[1]) Юзеф Заенц, „Сражение 5-й армии на р. Вкра“. Bellona, том XIX, стр. 215—216.

вала остатки отходящего противника в юго-западном направлении.

В результате боев за день 16-го августа дивизии XV-й и III-й армий, отойдя на линию желдороги Цеханов—Насельск и далее к ст. Насельск—Нуна—Сероцк—Мокре, продолжали с большим трудом сдерживать наступающие части противника.

Эти упорные двухдневные бои (15-го и 16-го) в районе Новогеоргиевска и на линии р. Вкра наглядно показали, что инициатива действий и на этом участке фронта постепенно переходит в руки неприятеля.

Бои в районе Варшавских предмостных позиций.

Все наши попытки в течение 14-го и 15-го августа прорваться через укрепленные полосы Варшавского тет-де-пона, а также в районе южнее Окунева (Вионцовка) успеха не имели [1]).

Неприятельский огонь многочисленной артиллерии, а также из бронепоездов и бронеавтомобилей, непрерывно курсировавших по железнодорожным линиям и шоссе, которые окаймляли фронт укрепленных позиций, беспощадно пресекал *каждый шаг вперед наших утомленных и материально ослабленных дивизий.* К 16-му августа противнику удается отбросить части 27-й стр. дивизии за р. Струга, в то время как остальные дивизии XVI-й армии продолжали еще вести бой на линии, занятой в период 14-го—15-го августа.

Но соотношение сил к 16-му августа резко изменилось. Тревожные сведения с левого фланга Западного фронта и перехваченные приказы противника, которые уже выявляли сущность идеи его контр-маневра, заставили командующего Западным фронтом принять соответствующие предупредительные меры по отношению к положению XVI-й армии, командарму которой было приказано [2]) 8-ю стр. дивизию оставить в резерве и пока не вводить в дело, *далее подготовить все расчеты для переброски 8-й стр. и 10-й стр. дивизий к югу, примерно, в район Лукова.*

---

[1]) Наступление противника на Варшаву, пишет Перкович, должно было разбиться об оборонительные линии предмостных Варшавских укреплений (Brükenkopf). Эти укрепления были построены еще во время мировой войны немецким командованием Вся фортификационная система состояла из бетонированных окопов, которые давали прекрасный фланкирующий обстрел. Имелись отличные связанные между собой артиллерийские наблюдательные пункты и т.д. К 13-му августа передовая линия укреплений в районах Карчев — Вионцовка— Окунев — Чарна — Радимин представляла собой трудно одолимое препятствие (Bellona, том XIX, стр. 246). Следует иметь в виду, что эта система была наполнена таким количеством артиллерии (около 50 батарей, из которых на северном участке 11-й дивизии было 32 батареи), которая, по словам Пилсудского, „могла развить действительно ураган огня", см. „1920 год", стр. 120.

[2]) Воен.-уч. архив, дело № 2154, телеграмма наштазапа от 16/VIII за № 372/оп.

Распоряжения польского командования о начале контрнаступления.

Схема № 8.

Безрезультатность нашего наступления на р. Вкра и в районах Новогеоргиевска и Варшавы определила польскому главному командованию момент для отдачи приказа о начале задуманной операции и осуществления контрманевра с линии р. Вепрж. Этот план операции включает в себя следующие директивные указания армиям [1]):

А. *Средний фронт* [2])—ген. Рыдза-Смиглый и маршал Пилсудский.

1) *3-я армия*—окончить свое сосредоточение вечером 15-го августа в районе Холм—Остров.

Группа кавалерии майора Яворского в Фирлее.

2) *4-я армия* группируется на линии р. Вепрж от Деблина (Ивангород) до Коцка (вкл.).

3) Атака обеих армий начнется *на рассвете 16-го августа*; ближайшими задачами на этот день, подлежащими обязательному выполнению, назначаются:

а) 4-й армии линия: Гоньчице—Железхов—Радин.

б) 3-й армии—Парчев.

4) На 17-е августа дальнейшее стремительное наступление в общем направлении на север, согласуя действия с 1-й армией.

Б. *Северный фронт*—генерал Галлер.

1) *2-й армии* (2-я и 4-я пех. дивизии) занять участок по левому берегу Вислы от Ивангорода—Гура-Кальвария до стыка с 1-й армией. Не позднее 16 го августа на рассвете перегруппировать 2-ю пех. дивизию в направлении района Ивангорода. В дальнейшем в зависимости от обстановки на Среднем фронте командованию 2-й армией вместе со 2-й пехотной дивизией легионеров поступить в распоряжение Главнокомандующего [3]).

2) *4-я пех. дивизия* должна по-бригадно разместиться в Пясечно и Гура-Кальвария, откуда по узко-колейке будет переброшена 16-го и 17-го августа, по мере продвижения 4-й армии, или в Варшаву для использования на предмостном укреплении, или же далеко на север [4]).

---

[1]) а) Кюнстлер, „Наше августовское наступление“.
б) Л. Фори, „Варшавское сражение“.
в) Адам Боркевич, „Концентрация на Вепрже“.

[2]) „К 16-му августа, пишет Боркевич, перегруппировка согласно приказа Пилсудского от 6-го августа была полностью закончена. Этот фронт по сравнению с силами Мозырской группы и XII-й армии имел значительное превосходство, располагая 43 тыс. пехоты, 4.500 кавал. при 179 орудиях и 800 пулеметах“ („Концентрация на Вепрже“. Bellona, том XIX, стр. 209).

[3]) Маршал Пилсудский.

[4]) В период сражения на берегах Вислы 2-я польская армия выполняла пассивную задачу по наблюдению левого берега Вислы от

3) *1-я армия*—активная оборона Варшавского предмостного укрепления, обратив особое внимание на Радиминское направление.

16-го августа вечером командованию 1-й армии сосредоточить вблизи позиций на Брест-Литовском шоссе танки и броневые поезда так, чтобы удар 17-го августа был проведен совместно с пехотой, артиллерией и летчиками. Атака должна достигнуть Минска-Мазовецкого (Ново-Минск), а оттуда изменить направление удара в зависимости от обстановки.

Одновременно части 15-й пехотной дивизии должны ударить вдоль Люблинского шоссе для установления связи с продвигающимися войсками 4-й армии.

4) *5-я армия и группа „Нижней Вислы“* (полк. Осиковского)—задача прежняя.

Действия 4-й, 3-й и 1-й армий должны привести в ближайшие дни к разгрому XVI-й красной армии под Варшавой и отрезать ей отход к Бресту, оттеснив ее части к северу.

Основная цель действий: оттеснение красных армий к немецкой границе и уничтожение их.

Как видим, этот план фактически не претерпел никаких существенных изменений по сравнению с ранее разработанным (глава 9-я), здесь только яснее определены удары и более оттенены их направления.

Распоряжения командующего Зап. фронтом в связи с началом наступлений 3-й и 4-й польских армий.

Обстановка на Западном фронте за 16-е августа в достаточной мере обрисована в разговоре [1]) в ночь на 18-е августа (по прямому проводу) командующего Западным фронтом с Главнокомандующим, который приводим здесь в выдержках:

Командзап: 16-го августа на всем фронте противник перешел в наступление, потеснив 4-ю, 16-ю и 11-ю стр. дивизии на линию желдороги Цеханов—Новогеоргиевск, и занял Насельск.

III-я армия сдерживает наступление неприятеля, примерно, на линии Насельск—Нуна—Сероцк—р. Струга. Из Варшавского тет-де-пона наступающий противник отбросил 21-ю и 27-ю стр. дивизии от Радимина за р. Струга.

Мозырская группа, 57-я стр. дивизия оттеснена на линию Магнушев—Ляскаржев—Желехов—Парчев, Сводный отряд—на линии 5 километров восточнее Парчев, 58-я стр. дивизия продолжает наступление и вышла в район 10 километров северо-восточнее Седлище. XII-я армия, заняв Грубешов, выдвинулась 10 километров северо-западнее этого пункта.

По перехваченным приказам противника видно, что в Люблинском районе, между Вислой и Вепржем, сосредоточивается свежая армия

Ивангорода до района Гура-Кальвария. Начиная с 15-го августа, 4-я пех. дивизия по-бригадно была отправлена на усиление 5-й армии, что же касается 2-й пех. дивизии легионеров, то она 16-го августа перешла в общий резерв польского главного командования.

[1]) Воен.-уч. архив, дело № 1856.

для удара на север. При чем задача 3-й польской армии—обеспечить это сосредоточение, выиграв время до 18-го августа.

Таким образом, переброска 1-й конной армии стала полной необходимостью.

В район Лукова подтягиваю 8-ю стр. дивизию, 56-я стр. дивизия втянулась в бой и запаздывает с переброской. У противника появляются все новые добровольческие части, при чем с фронта XVI-й армии сняты четыре познанских дивизии. Сегодня 18-го августа командарм XV-й тов. Корк указывает, что наши части *все-таки* боеспособны. У нас идет уже в эшелонах значительное количество пополнения, и я подготовляю производство этой операции (т.-е. влитие их в части фронта. *В. М.*).

В общем считаю, что Люблинская группа может сыграть неприятную историю и, возможно, будет сильное давление, а поэтому придется растаскивать ударную группу XVI-й армии [1]) (т. е. правый фланг. *В. М.*).

Сведений о переброске 1-й конной армии нет, приказ вручен тов. Буденному сегодня утром. Командарм IV-й находится в Серпец.

Главком: На значение Люблинского района я Вам еще говорил во время моего приезда в Минск и *предостерегал затем после повышения всего Вашего фронта на север, главным образом я опасался подъема XVI-й армии.* Еще 11-го августа отдал распоряжение о перегруппировке Буденного. В силу очень неприятных событий, эта перегруппировка еще не началась, и сегодня нет уверенности, что она начнется завтра, т. к. *Р.В.С. конной армии, получив директиву за одной Вашей подписью, не уверен в ее правдивости и требует заверения члена Р.В.С. фронта,* что и сделайте безотлагательно, дабы это распоряжение получило категорическую твердость. Не одобряю я продвижения IV-й армии на север по коридору. Советую немедленно бригаду из Вильно (143-ю 48-й стр. дивизии. *В. М.*) перебросить в Брест-Литовск. Что Вы рассосете ударную группу XVI-й армии, очень доволен, т. к. абсолютно не сочувствую лобовому удару, который наносила эта группа.

Из этого разговора видно, что не только левый фланг польского стратегического фронта и особенно его 5-я армия начинала успешно развивать активные действия, но и ударная группа стала проводить в жизнь задуманный контрманевр.

Прежде чем перейти к изложению развития наступательной операции польских армий, постараемся, *во-первых,* обрисовать, как эти первые успехи поляков в районе Вепржа преломились в командовании XVI-й армии и Мозырской группы, а также выявить те распоряжения командзапа, которые были отданы в связи с начавшимися активными действиями неприятеля.

Командарм XVI-й, получив донесения об отходе Мозырской группы 15-го августа, совершенно не предполагал, что против последней действуют крупные силы противника. Он был уверен, что от Ивангорода действует одна 14-я дивизия, а поэтому полагал, что отход Мозырской группы—временное явление, случившееся благодаря тому, что малочисленные части Мозырской группы сильно истощены и переутомлены.

---

[1]) Курсив везде наш. *В. М.*

В таком оптимизме пребывал и командующий Мозырской группой в докладе командзапу (по прямому проводу), подтверждая мнение тов. Соллогуба, что против него *небольшие силы* неприятеля.

Командзап, как видели выше, *получив перехваченные приказы противника, уже знает о новой армии неприятеля*, которая собиралась в районе Люблина[1]), в силу чего он и смотрит несколько иначе на положение вещей, сложившееся на его левом фланге, а поэтому в телеграмме от 17-го августа[2]) он указывает левофланговую дивизию (8-ю) сосредоточить во фронтовом резерве в районе Лукова к 8 часам 20-го августа[3]). Правда, этот срок говорит о том, что командующий фронтом пока еще не рассчитывает на ту головокружительную быстроту событий, которые последовали в период 17-го—18-го августа после перехода в наступление ударной группы Пилсудского.

В этот же день командзап совершенно видоизменяет оперативную задачу XVI-й армии. В его телеграмме от 17-го августа к тов. Соллогубу мы находим следующее положение мысли:

„В связи с обнаруженным обширным Варшавским тет-де-поном, представляющим значительные трудности для прорыва, приказываю действия *главных сил* Вашей армии перенести *к стороне Вашего левого фланга.* Одновременно окажите содействие Мозырской группе *в ее наступлении на Ивангород*".

Таким образом, мы видим, что командующий Западным фронтом теперь вполне убедился в *значении* Люблинского района, который, в связи со слабостью левого фланга фронта и запаздыванием с перегруппировкой 1-й конной армии, мог таить в себе большие неприятности.

17-го же августа[4]) командующий Западным фронтом, учитывая упорные встречные бои XV-й и III-й армий на подступах к Новогеоргиевску и полагая, что всякое *дальнейшее* продвижение IV-й армии в северо-западном направлении по Данцигскому коридору, при резко изменившийся общей стратегической обстановке, совершенно бесцельно,—категорически приказывает командарму IV-й прекратить веерообразное движение его дивизий и принять решительное участие главными силами армии в боях Новогеоргиевского района с основной задачей *„отрезать пути отступления*

---

[1]) Воен.-уч. архив, дело № 1856. 18-го августа командзап в очередном докладе по прямому проводу Главкому передавал последнему свой разговор с командармом XVI-й и командующим Мозырской группой о том первоначальном впечатлении, которое было у них при первом ударе противника.

[2]) Воен.-уч. архив, дело № 2154.

[3]) г. Луков противником был занят 17-го августа.

[4]) Воен.-уч. архив, дело № 2154.

противнику, действующему против XV-й и III-й армий“, т.-е. ударом в восточном и северо-восточном направлениях опрокинуть противника, расположенного на правом берегу р. Вкра.

Расценивая этот замысел, мы усматриваем, что 5-я польская армия, переходя в контр-наступление на восток, шла как бы навстречу плану командования Западным фронтом. Но безотрадная обстановка в нашей IV-й армии, обрисованная нами выше, не позволяла нам выиграть это сражение, т. к. дни 14-го—16-го августа были для нас потерянными.

Это учитывает и польское командование, которое, продолжая развивать свой удар с юга на север, всеми силами стремится активными действиями в районе Варшавы и Новогеоргиевска не дать возможности командованию Западным фронтом произвести перегруппировку в правофланговых армиях и снизить к левому флангу некоторые из дивизий наших армий.

К 17-му августа на левом фланге XVI-й армии и на фронте Мозырской группы определяется большой успех противника, им захватываются Колбель, Сенница, Луков и Бела.

Этот успех неприятеля заставляет Главное командование напрячь все усилия, чтобы помочь имеющимися средствами командзапу. В ночь с 17-го на 18-е августа Главнокомандующий решает [1]) перебросить не только 143-ю бригаду 48-й стр. дивизии в район Брест-Литовска, но и остальные две бригады (142-ю и 144-ю стр.), предназначенные, как мы уже знаем, для Врангелевского фронта, направить туда же. Далее, видя, что затянувшаяся перегруппировка XII-й и 1-й конной армий начинает, в связи с создавшимися событиями на левом фланге Западного фронта, терять все более и более свой смысл, Главнокомандующий решает направить командзапу идущую из Петрограда на Крымский фронт 55-ю стр. дивизию, а также Кубанскую бригаду из Запасной армии тов. Гольдберга. Он предлагает командующему фронтом обратить самое сугубое внимание на Люблинское направление и советует не жалеть пополнений для XII-й армии [2]), собрать сильный кулак из 7-й, 25-й и 24-й стр. дивизий для энергичного удара и им постараться опрокинуть части 3-й и 4-й польских армий. В общем Главное командование 18-го августа, как это ни странно, еще не теряло надежды, что усилиями армий Западного фронта в *ближайшие 4—5 дней Варшава будет взята нашими войсками* [3]).

---

[1]) Воен.-уч. архив, дело № 1856.

[2]) 17-го августа Главкомом был дан наряд на отправку 6-ти тысяч винтовок для XII-й армии.

[3]) Разговор командзапа с Главкомом 18-го августа, архив, дело № 1856 где последний сказал: „Я считаю, что обстановка безусловно потребует усиления района Брест-Литовска 48-й стр. дивизией, это воз-

Эти новые переброски для усиления Западного фронта наглядно говорят, что Главное командование, почти потеряв надежду улучшить положение фронта посредством перегруппировки 1-й конной армии, которая в это время продолжала вести бои на подступах к Львову, решило усилить армии Западного фронта за счет перебросок с тыла.

Но состояние тыла Западного фронта во всех отношениях было до крайности тяжелым. Тылы и обозы, штатные и нештатные команды, все это в большинстве своем находилось на колесах и благодаря слабой работе железных дорог не могло своевременно влиться в жадно ожидающие их армии. *Отсутствие достаточного количества паровозов было одной из основных причин инертности движения к фронту свыше 60.000 пополнений, направляемых в ослабевшие действующие армии Западного фронта.* С целью как-либо увеличить скорость движения командующий фронтом принужден был даже решиться на такую меру, как передать для этих пополнений паровозы, предназначенные для *санитарного обслуживания и перебросок штабов.*

Командующий Западным фронтом *17-го августа* по этому поводу дал такое заключение:

„Если на время дальнейшей операции,—говорит он,— наши две магистрали будут доведены до 10 пар паровозов в сутки, это даст полную победу". И он настоятельно просил у Главнокомандующего немедленного содействия и требования у соответствующих органов Республики конкретной помощи в этом чрезвычайно больном для фронта вопросе.

Но общее экономическое состояние нашей Республики в 1920 году было таково, что выполнить скромное желание командзапа иметь на линии Орша—Барановичи 37 паровозов и на линии Полоцк—Лида 30 паровозов не было возможности.

Занятие противником линии Колбель — Сенница — Луков — Бела заставляет командующего Западным фронтом еще раз попытаться приостановить распространение на север ударной группы Пилсудского и локализовать успех

можно было сделать перегруппировкой XII-й и 1-й конной армий, но момент пропущен, надо усилять с тыла. Я очень прошу Вас самым внимательным образом следить за Люблинским направлением. Я готов на это направление еще дать и 55-ю стр. дивизию, которая сейчас идет из Петрограда на Врангеля, немедленно пополняйте XII-ю армию, готовя из нее ударный кулак, для этого не жалейте прекрасные 7-ю, 25-ю, 24-ю стр. дивизии. *Момент благоприятный, и у Вас образуется сразу кулак. Все это обдумайте и завтра утром дайте ответ. 48-ю стр. дивизию ускоряйте разгрузкой. С Варшавой ликвидируйте в 4—5 дней, это Вам должно удаться*".

белополяков в районе Новогеоргиевска. 17-го августа он приказывает:

IV-й армии оставить заслон в Бромбергском направлении, сосредоточить к 20-му августа в районе Прасныш—Цеханов—Маков *не менее 2—3 стр. дивизий* и 3-й кон. корпус, с задачей атаковать по дороге с тыла неприятеля, продолжающего наседать на XV-ю и III-ю армию.

XV-й армии обеспечить перегруппировку IV-й армии и атаковать одновременно с частью ее сил группу противника в районе Плонск.

III-й армии оборонять подступы к реке Нарев, а также течение р. Зап. Буг от устья Нарева до правого фланга XVI-й армии. У Вышкова иметь предмостное укрепление на левом берегу Зап. Буга. *21-ю стр. дивизию тремя переходами перебросить через Коссов в район Дрогичин во фронтовой резерв.*

XVI-й армии отойти за реку Ливец, *вывести две дивизии в резерв за левый фланг.*

Мозырской группе выбить противника из района г. Бела и упорно оборонять районы Янов—Бела—Славатичи.

XII-й армии продолжать решительное наступление главными силами в направлении Холм—Любартов. 58-я стр. дивизия возвращается в состав XII-й армии.

1-й конной армии напрячь все силы и во что бы то ни стало сосредоточиться в назначенный срок в районе Владимир-Волынский—Устилуг, имея целью в дальнейшем наступать в тыл ударной группе противника.

Здесь же необходимо указать, что *дополнительным* распоряжением командующего Западным фронтом IV-й армии было указано, что основной ее задачей является *сосредоточение* к 20-му августа в районе треугольника *Прасныш—Цеханов—Маков,* а удар по флангу противника следует рассматривать лишь как *попутную* задачу.

В данных оперативных распоряжениях командзапа фактически суммирован целый ряд отдельных директивных указаний за период с 15-го по 17-е августа, а поэтому считаем нужным более подробно рассмотреть их.

Учитывая, что 18-я стр. дивизия 17-го августа вела бои в направлении Плонска, а 54-я стр. дивизия из района Воля—Дружье наступала на Сохоцин, в то время как другие четыре дивизии (10-я и 15-я кав., 12-я и 53-я стрелковые) армии были далеко впереди, командующий фронтом рассчитывал, что при выполнении нового марша-маневра IV-я армия должна будет иметь три основных боевых момента:

Во-первых, выход в намеченный ей район, т.-е., другими словами, превращение ее в стратегический резерв командзапа.

Во-вторых, совершая свой марш-маневр в новый район: Прасныш—Цеханов—Маков, войска IV-й армии должны из

района Плонска попутно ударить в тыл Новогеоргиевской группе противника с целью ликвидировать ее нажим на XV-ю и III-ю армии.

В-третьих, при еще более резком ухудшении обстановки на фронте XV-й и III-й армий IV-я армия могла бы ударить в южном направлении где-нибудь между р. Ливец и Зап. Бугом.

И надо заметить, при создавшейся стратегической обстановке на правом крыле Западного фронта эта оперативная задача была одной из целесообразных.

Но расчлененная на *два* решения, которые были к тому же тесно связаны с умением чрезвычайно гибко маневрировать, она требовала не только от войск стремительности действий, но и от *командования армией* высоко развитой самостоятельности, инициативы и вообще не малой доли в искусстве вождения войск.

Что касается отвода XVI-й армии на р. Ливец, то здесь командующий фронтом рассчитывал, что с помощью быстрого отрыва частей от вцепившегося в них противника можно будет выиграть фланг и тем иметь возможность быстрее вывести и сосредоточить, в виде резерва, намеченные дивизии (8-ю, 10-ю, а также и 21-ю стр. III-й армии, которая, после сосредоточения в районе Дрогичин, намечалась к дальнейшему снижению на юг. *В. М.*) на левом крыле фронта, имея в виду сильную потерю боеспособности частей Мозырской группы.

В основном же эти директивные указания армиям надо расценивать, *как результат решения отступить по всему фронту, дабы выиграть маневренную способность. И только XV-я и III-я армии должны были задерживаться, дабы дать возможность отойти IV-й армии.*

Но в отношении XII-й и I-й конной армий можно усмотреть, что им опять повторяется та же задача — разгром Люблинской группы неприятеля, посредством удара в тыл наступающим 4-й и 3-й польским армиям, для чего XII-й армии возвращается 58-я стр. дивизия, а 1-й конной армии еще раз напоминается об ускорении выполнения директивы 361/оп от 15-го августа.

Но этим оперативным указаниям и предположениям командзапа не суждено было осуществиться. *Ибо в тот момент, когда мы, с одной стороны, намечали еще раз атаковать 5-ю польскую армию в районе Новогеоргиевска, а с другой,—стремились во что бы то ни стало овладеть Львовом*[1]*),—*

[1]) В это время 1-я конная армия вела упорные бои на подступах к Львову, при чем передовые ее части были уже в нескольких километрах от города и командарм тов. Буденный писал по трем адресам (командъюз, командзап, Главком), что „армия в данный момент для новой перегруппировки по директиве командзапа № 361/оп.

противник мощным ударом с юга на север разгромил левый фланг Западного фронта и тем нарушил все наши оперативные соображения Своеобразным ответом на распоряжение командзапа от 17-го августа в отношении перегруппировки 1-й конной армии на главное направление может служить разговор 18-го августа Главкома с командующим Юго-Западным фронтом. Содержание его следующее:

Командюз: В связи с контр-ударом поляков на Брест-Литовск и, с другой стороны, по имеющимся агентурным данным, сосредоточением румынами на территории Бессарабии двух армий, приказал командарму XIV-й решительным ударом своего правого фланга в самый кратчайший срок овладеть районом Львова, выбросив конницу на Перемышль и Самбор. При этом, в целях сосредоточения внимания и сил на этой *главной задаче*, реки Днестр до занятия района Львова не форсировать, обеспечив себя со стороны Коломые и Станиславов.

Прошу сообщить вкратце о положении Тухачевского и в частности в районе Варшавы. *Егоров.*

Главком: Задержка в выполнении моих директив Юго-Западному фронту о перегруппировке XII-й и 1-й конной армий в направлении на Люблин, отданных 11-го и 12-го августа, сказалась в полной мере.

Сейчас Тухачевский получил удар от Люблина, и здесь у него складывается очень трудная обстановка, выйти из которой теперь можно только подачей сил из тыла и снятием частей с Варшавского участка, в силу чего мною сворачиваются туда 48-я и 55-я стрелковые дивизии. *Каменев.*

Этот оперативный разговор со всей очевидностью говорит, что командующий Юго-Западным фронтом, имея Крымское и Львовское направления, в эти решающие дни на Висле был поглощен именно этими двумя направлениями.

выйти из боя не может", а боевой приказ ее за № 101 от 17-го августа заставлял предполагать, что она пока еще не считала себя подчиненной Западному фронту, т. к. подзаголовок приказа гласил: „По 1-й конной армии Юго-Западного фронта". (Воен.-уч. архив, дело № 1856, телеграмма № 120/секр. от 17-го августа).

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Развитие наступления белопольских армий на Западном фронте.

Рассмотрев день за днем оперативную работу Главного и фронтового командования в первый момент перехода поляков в контр-наступление, обратимся к более подробному разбору действий противника на Западном фронте.

Согласно директивы польского командования, 3-й и 4-й армиям была поставлена задача, после завершения перегруппировки в районе Ивангород—Люблин, одновременным наступлением 16-го августа выдвинуться на линию Гоньчице—Желехов—Радин—Парчев, 17-го августа, согласуя свои действия с 1-й польской армией, вести дальнейшее наступление в общем направлении на север.

С рассветом 16-го августа дивизии 3-й и 4-й польских армий приступили к выполнению настоящей директивы (см. схему № 8).

Мы уже говорили выше, что этот совместный удар *нескольких дивизий* неприятеля был полной неожиданностью для командования XVI-й армии и Мозырской группы, а это еще более обеспечивало успешное развитие контр-маневра противника с линии р. Вепрж.

3-я польская армия получила задачу наступать на фронт Межиречье—Брест-Литовск, при чем 3-я дивизия легионеров должна была двигаться в направлении Савин—Влодава—Брест-Литовск, а 1-я дивизия легионеров—из района Любартов на Парчев—Межиречье. В промежутке между 1-й и 3-й дивизиями легионеров должна была действовать 4-я кавалерийская бригада в общем направлении на Сосновицы—Вышнице—Янов—Высоколитовск.

В задачи дивизий 4-й польской армии ставилось: 21-й пехотной—направление Луков; 16-й пех.—Желехов; 14-й пех.—Гарволин. Другие дивизии 3-й польской армии (7-я пех., 6-я украинская и Донская кавалерийская бригада) должны были прилагать все усилия, чтобы не допустить нашу XII-ю армию к форсированию Зап. Буга и овладению районами Холм, Красностав и Замостье.

Имея перед собой относительно пустое пространство, заполненное лишь численно слабыми 57-й стр., 58-й стр. диви-

зиями и Сводным отрядом Мозырской группы,—части 3-й и 4-й польских армий, выполняя поставленные им задачи, стремительным переходом с утра 16-го августа в наступление опрокидывают Мозырскую группу и, продолжая развивать успех, к 23 часам 16-го августа овладевают:

3-я польская армия — 3-я дивизия легионеров, отбросив части 58-й стр. дивизии на правый берег З. Буга, занимает Влодаву; 4-я кав. бригада беспрепятственно выходит в район Сосновицы, и 1-я дивизия легионеров, сбив Сводный отряд и левофланговые части 57-й стр. дивизии, овладев м. Парчев, успешно выходит на линию Вогынь—Вышнице.

4-я польская армия—21-я пех. дивизия, преодолев наше сопротивление в районе Коцка, занимает линию р. Быстрица; 16-я пех. дивизия овладевает Железовом, а 14-я пех. дивизия—районом Гарволин.

Получив сведения о беспорядочном отходе и больших потерях своих частей, командующий Мозырской группой в 13 час. 17-го августа [1]) отдает следующий характерный приказ:

„Противник, перейдя в контр-наступление, оттеснил части группы на левый берег З. Буга в районе Влодава и по занятии города приступил к форсированию реки Зап. Буг. Задача группе задержаться *во что бы то ни стало* на линии р. Зап. Буг и привести части в порядок.

Приказываю: 1) 57-й стр. дивизии отойти на правый берег З. Буга, закрепить участок в пределах разграничительной линии, включив в свой состав отряд по обороне крепости Брест-Литовска.

2) Начальнику Сводного отряда занять и упорно оборонять правый берег Буга [2]).

3) Начдиву 58-й стрелковой отвести части на правый берег Зап. Буга, обороняясь в пределах разграничительных линий.

Как мы уже знаем, разграничительная линия между Мозырской группой и XII-й армией в этот момент проходила на Опалин Ратно. *Таким образом, 58-й стр. дивизии ставилась задача оборонять линию З. Буга на протяжении 50 километров; в то время как вся Мозырская группа имела участок в 90 километров с большой крепостью на правом фланге, для защиты которой необходимы были как люди, так и материальные средства.* А поэтому задача, поставленная численно слабой и утомленной от непрерывных боев группе—„*во что бы то ни стало задержаться*“ на линии р. З. Буг, была очень трудной; мало того, характер приказа командующего группой еще раз говорит за то, что он в это время еще очень слабо представлял себе силы противника, которые начинали активно действовать против его частей.

---

[1]) Воен.-уч. архив, дело № 2156. Телеграмма № 164/оп.

[2]) В приказе не указано, какой участок З. Буга будет оборонять Сводный отряд, но из разграничительных линий было видно, что он будет обороняться на участке: Коден—Домачево.

Занятие 14-й польской дивизией района Гарволин—Желехов было чрезвычайно опасным для левого фланга XVI-й армии, а поэтому командующий последней, в развитие распоряжения командующего Западным фронтом о передаче 8-й стр. дивизии во фронтовой резерв в район Лукова, в виду изменившейся обстановки 17-го августа в 6 часов утра приказывает начдиву 8-й стр. тов. Рябинину [1]) с утра 17-го августа перейти в наступление силою не менее бригады на Гарволин от Осецк и Колбель, разбить находящегося в этом районе неприятеля, отбросив его к югу, и овладеть к исходу 17-го августа районом Ляскаржев—Желехов, обеспечивая этим выход остальным частям дивизии первоначально в район м. Сточек, а затем по обстановке и на Луков [2]). Начдиву 10-й было приказано ускорить смену частей 8-й дивизии, вернув начдиву 8-й кавполк 8-й стр. дивизии [3]).

Конечно, одна бригада 8-й стр. дивизии не имела сил выполнить эту задачу (захват Гарволина), но это тоже дает понять, что командующий XVI-й армией не предполагал, что против его левого фланга действуют *силы двух армий противника,* которые уже начинали просачиваться в тыл XVI-й армии.

Создавшееся положение на левом фланге фронта более ясно выявилось у командования Западным фронтом, которое директивой от 17-го августа приказало отвести дивизии армии за р. Ливец и создать за левым флангом резерв из 2-х стрелковых дивизий в районе Дрогичин. Конфигурация реки Ливец и задание образовать резервы за левым крылом наглядно определяют, что с этого момента фронт XVI-й армии с востока резко меняется на юго-запад, т.-е. к направлению наибольшей угрозы со стороны неприятеля.

В развитие этой директивы командзапа 17-го августа в 18 часов 30 мин. командарм XVI-й отдает следующее распоряжение:

„27-й стр. дивизии в ночь на 18-е августа отойти за линию р. Ржондза, а в ночь на 19-е—за р. Ливец и занять участок от дер. Лохов до дер. Ярницы. 2-й стр. дивизии в ночь на 18-е августа отойти за линию

---

[1]) Тов. Рябинин был одним из лучших начдивов XVI-й армии, он был убит 19-го августа в м. Дрогичин при захвате полевого штаба 8-й дивизии польскими повстанцами.

[2]) „Историческо-стратегический очерк XVI-й армии“, стр. 126.

[3]) Н. Какурин, „На пути к Варшаве“, журнал „Революция и война“, № 4—5. Автор, бывший начальник 10-й стр дивизии, указывает, что до полудня 17-го августа он не имел сведений о ширине фронта наступления противника.

Директиву № 520/к от 6 часов утра 17-го августа командарма, в коей указывалась задача о смене частей 8-й стр. дивизии и где говорилось, что противник отбросил 57-ю стр. дивизию Мозырской группы к востоку за Радин и занял Желехов, Адамов, Радин, Гарволин, он получил позднее полудня 17-го августа.

р. Ржондза, а в ночь на 19-е—за р. Ливец и занять участок от Ярницы до устья р. Мухавка, что северо-западнее Седлеца.

10-й стр. дивизии отойти в ночь на 18-е августа за линию р. Ржондза, а на 19 е—за р. Мухавка и занять участок от устья реки Мухавка до дер. Гродзиск (вкл.).

При занятии участков обратить особенное внимание на обеспечение резервом своего левого фланга и удержать в своих руках все важнейшие переправы.

17-й стр. дивизии с подходом к р. Ржондза составить армейский резерв и перейти к 12 часам 18 го августа в район Мокободы, а к 12 часам 19 го августа—в район Морды (восточнее Седлеца).

8-й стр. дивизии, составляя армейский резерв и обеспечивая левый фланг армии, к 12 часам 18-го августа занять район Седлец, а к 12 часам 19-го августа район Лосицы. Дивизиям начать отход в 23 часа 17-го августа; при отходе принять все меры к поддержанию связи и взаимной выручке. Отход прикрыть боем арьергардов. Все тяжелые обозы отправить на восточный берег Зап. Буга"[1]).

При более детальном разборе настоящего приказа мы видим, что за исключением последнего абзаца о „тяжелых обозах" в нем нет резко очерченной мысли—*быстро оторваться от противника и получить в дальнейшем свободу для маневра.*

Как видим, начало отхода приурочено к 23 часам 17-го августа, а сосредоточение резервов за левым флангом—к 12 часам 19-го августа.

В общем 40—50-километровый марш (отход с линии фронта к реке Ливец) во времени растягивался *на два дня.* В силу быстроты наступления противника дивизии XVI-й армии не имели возможности сосредоточиться в районах, намеченных последним приказом командарма XVI-й, а подходя к этим районам войска армии уже встречались с фактом овладения ими противником.

Нам думается, что основная причина этой неудачи в отходе кроется в том, что ранее перехваченные приказы неприятеля своевременно не были известны командарму XVI-й, а потому в период, когда было необходимо наибольшее напряжение всех усилий армии, командующий не знал о плане противника, который, как мы говорили выше, поставил себе целью отрезать отход XVI й армии к Брест-Литовску и ударами во фланг оттеснить ее дивизии к северу.

17-го и 18-го августа 3-я и 4-я польские армии продолжали развивать наступление, нанося удары преимущественно в северном и северо восточном направлениях.

3-я польская армия 3-я дивизия легионеров, действующая по левому берегу З. Буга, преодолев наше сопротивление, 18-го августа захватывает район Славатичи. 4-я кав. бригада, после боя с отходящими частями Сводного отряда и 58-й стр. дивизии в районе Сосновицы, продолжала движение в направлении г. Бела.

[1]) „Историческо-стратегический очерк XVI-й армии", стр. 127.

Более энергичным было наступление 1-й дивизии легионеров: утром 17-го августа она без боя занимает Межиречье, выдвинув к гор. Бела 5-й полк, который к 13 часам этого дня овладевает городом. 18-го августа 1-я дивизия легионеров захватывает район Лосицы, а в 18 часов, выйдя к р. З. Буг, занимает район Дрогичин, выкинув разведку в направлении Мельник.

4-я польская армия своим правым флангом старалась не отставать от стремительного марша 1-й дивизии легионеров. Ее 21-я пех. дивизия 17-го августа занимает Луков—Седлец, она рвется вперед, ищет боя и, вместо того, чтобы итти прямо на г. Соколов, сворачивает к м. Мокободы и атакует двигающиеся колонны нашей 10-й стр. дивизии. К 18 му августа район Мокободы прочно занимается этой дивизией противника. Не менее энергично продвигалась 14-я пех. дивизия, к 12 часам 17-го августа ее передовые части уже были на линии восточнее Гура-Кальвария—Колбель и далее по р. Свидер до района Лятович. Командование 14-й пех. дивизии, учитывая донесения о яростных атаках 15-й пех. дивизии из Варшавского предмостного укрепления на Н.-Минск, по занятии вышеуказанной линии, высылает отряд из всех родов оружия в направлении на Н. Минск. Но содействие этого отряда фактически уже не понадобилось, т. к. 15-я пех. дивизия, преодолев сопротивление частей нашей XVI-й армии, к вечеру 17-го августа занимает Н.-Минск. Этот факт дает возможность еще более усилить напряжение частей 14-й пех. польской дивизии, которая, за день 18-го августа проделав более 25 километров, к вечеру 18-го августа выходит на линию Калушин—Станиславов. В промежутке между 21-й пех. и 14-й пех. дивизиями оперировала 16-я пех. дивизия поляков, будучи обеспечена с двух флангов; за период 17-го—18-го августа ее движение было чрезвычайно неравномерным и медлительным, только к вечеру 17-го августа ее передовые части вышли в район Сточек, здесь она получает приказание увеличить переходы с задачей не позднее 19-го августа достигнуть района Венгров.

Операции 5-й и 1-й польских армий в период 17-го—18-го августа.

Мы оставили правый фланг (IV-ю, XV-ю и III-ю армии) Западного фронта в тот момент, когда дивизии XV-й и III-й армий к вечеру 16-го августа, отойдя на линию Цеханов — Насельск — Нуна — Сероцк — Мокре, непрерывно переходя в контр-атаки, с большим трудом сдерживали превосходные силы противника.

В этот период операции управление армиями Западного фронта, помимо оперативных приказов, в развитие директив командзапа, регулировалось еще отдельными самостоятель-

ными распоряжениями по проводам, исходящими непосредственно от командармов правого крыла Западного фронта.

Это было совершенно необходимо, так как боевая обстановка, в связи с продолжавшимся наступлением противника, менялась ежечасно и не в нашу пользу. В еще более трудных условиях протекала боевая работа ушедших далеко на запад, к нижней Висле, дивизий IV-й армии, об успехах и неудачах которой сведения к командующему Западным фронтом поступали с большими затруднениями. Оперативные документы[1]) определенно указывают на то, что за период боев *17-го августа* командующий фронтом *совершенно не располагал необходимыми сведениями о положении частей IV-й армии, как в этом был плохо ориентирован и сам командующий IV-й армией Шуваев, продолжавший переезжать из штаба одной дивизии в другой.*

15-го августа командарм IV-й тов. Шуваев был в г. Липно, где находился и командир 3-го кавалерийского корпуса т. Гай; они получили из штаба 18-й дивизии (м. Дробин) извещение, что в последний прибыло 3 польских парламентера с предложением от польского командования сложить оружие и сдаться всем дивизиям армии, т. к. она окружена и г. Цеханов уже в руках поляков.

Польским парламентерам дано задание ожидать ответ от командарма IV-й до 17-го августа. По истечении этого срока и в случае несогласия со стороны командования армией последуют концентрические удары польских войск на Серпец—Липно и Млава со стороны крепости Торна, Влоцлавска, Плоцка, Плонска, Цеханова и Сольдау (Дзялдов) *с целью окончательного окружения и уничтожения частей IV-й армии.*

В виде ответа на новый план противника, на другой день перед отъездом в штарм в г. Серпец, командующий IV-й армией Шуваев, совершенно оторвавшийся от операций армий Западного фронта, приказал комкору 3-го кавалерийского *„взять район Влоцлавска и перейти Вислу“*.

В этот момент другие дивизии армии (18-я и бригада 54-й стр.) вели бои с целью овладения Плонском, в то время как 53-я стрелковая и конный корпус (10-я кав. и 15-я кав. дивизии) продолжали оперировать в районе южнее Липно.

12-я стр. дивизия находилась в районе Страсбурга. Создавшаяся обстановка в районе IV-й армии и положение кавалерии (10-й кав. и 15-й кав. дивизий) на „Нижней Висле“ наглядно обрисованы комкором 3-го, который приступил к выполнению приказа об овладении Влоцлавском.

---

[1]) Воен.-уч. архив, дело № 1856. Разговоры по прямому проводу 17-го, 18-го, 19-го августа.

„После ряда неудачных боев,—пишет Гай,—корпусу удалось, наконец, с помощью бригады 53-й стр. дивизии овладеть мостом на р. Висле у Влоцлавска и выбросить несколько разведывательных партий в город и за Вислу. Правый фланг корпуса в это время овладел местечком Бобровники и захватил у Нешавы 2 парохода и несколько барж с консервами, выбросив на лодках разведку на левый берег Вислы.

17-го августа противник, повидимому, прижав правый фланг XV-й армии в районе Цеханова, выбросил по этому направлению несколько дивизий со стороны Новогеоргиевска, часть этих сил противника удерживала наступление левого фланга IV-й армии на Плонск. *Точного положения как всего Западного фронта, так IV-й и XV-й армий в штабе корпуса никогда не было известно, в виду стремительного наступления частей корпуса и отсутствия средств связи.* Кроме скудных *газетных сведений* о Западном фронте, сведений, получаемых из соседних дивизий посредством конного ординарца, а иногда сведений, даваемых командармом IV-й в боевых приказах о противнике, ник ких других в штакоре не имелось. Иногда лишь привозились целые мешки запоздалых оперативных сводок. Радио-станцию 10-й кав. дивизии захватила армия, но потеряла ее в Цеханове. 17-го августа около 18 часов я получил приказ (через штадив 53-й) сдать участок Нешава—Влоцлавск, выделив 60-й казачий полк в район Кикол (полк производил разведку на Торн—Добржин), передав его в распоряжение начдива 53-й стр., и срочно направить 86-й кавполк на Сольдау в распоряжение начдива 12-й, а остальными силами наступать на Плоцк, так как положение XV-й армии крайне тяжелое и необходима помощь“ [1]).

Надо указать, что общее состояние 3-го кавалерийского корпуса к моменту получения им последнего распоряжения командарма IV-й было до крайности тяжелым. Оставив свои тылы более чем за 700 километров (Полоцк) позади и не имея возможности на протяжении всего похода их подтянуть к войскам, корпус, сильно уменьшившись численно от болезней и различных выделений своих кавполков в XV-ю и IV-ю армии, *уже не мог представлять собой при маневрировании той грозной силы, которая была к началу его действий на внешнем фланге Западного фронта.*

Получив приказ о новой перегруппировке с целью удара на Плоцк и отдав соответствующие распоряжения, комкор 3-го, будучи мало ориентирован в положении частей XV-й армии, не мог точно уяснить себе, для чего все это делается.

„До сего времени для меня неясно, пишет он, чем именно вызван этот приказ командарма. Предполагал ли он демонстрировать, будто корпус намерен через Плоцк наступать на Варшаву, или же обходным путем ударить во фланг и тыл противнику, действующему против XV-й армии, дабы этим путем ослабить его нажим на армию. Но командарм, кажется, не учел расчета времени, расстояния, положения корпуса и соотношения сил; этот недосмотр обнаружился в дальнейшем. В приказе командарма говорилось также, что

---

[1]) Настоящую выписку мы сделали из работы тов. Гая, представленной Главному командованию по возвращении его из Германии, куда он был интернирован вместе с корпусом. Копия этой работы в то время также была передана мне, как участнику нашего похода на Варшаву.

на Плоцк будет наступать одна бригада из Бельска (18-й стр дивизии)".

Удар конным корпусом через Плоцк в общем направлении Плонск—Закрочим, а всеми стрелковыми дивизиями IV-й армии из района Рационж—Дробин в направлении Плонск с целью облегчения XV-й армии и правого фланга III-й армии от наседавшей Новогеоргиевской группы противника (т. е. 5-й польской армии) следовало бы организовать не позднее 16-го—17-го августа.

Неприятель, имея уже крупный успех за 16-е и 17-е августа, продолжал напрягать все усилия с целью отбросить еще дальше на восток правое крыло Западного фронта и через непрерывное ведение наступательной операции не допустить задуманных нами переброcок из XV-й и III-й армий на юг к отходящей XVI-й армии. Для большей устойчивости левого фланга 5-й польской армии польское командование направляет 8-ю бригаду 4-й пехотной дивизии из своей 2-й армии в район Плонска.

17-го августа на фронте XV-й, III-й и XVI-й армий неприятель продолжает активное преследование наших отходящих частей. 3-х часовой бой в районе Винницы, где 9-я пехотная дивизия поляков сломила наше сопротивление, открыл противнику прямой путь на Пултуск, который был занят в 20 часов 17-го августа. В это же время 7-я резервная бригада 1-й польской армии, действуя совместно с частями 5-й польской армии, быстрым движением вперед выходит к устью Нарева и захватывает район Сероцка.

Начавшийся отход XVI-й армии к р. Ливец облегчил наступление польским дивизиям, действовавшим в районе Варшавского тет-де-пона. После занятия Ново-Минска 15-я пехотная дивизия получила направление на Ядов, другие дивизии армии (11-я и 1-я Литовско-Белорусская, 10-я, 8-я пех.) к вечеру 18-го августа уже были на линии Гай—Дембинка—Тлущ—район Станиславов, при чем 31-й пехотный полк 10-й дивизии атакой на предмостное укрепление у Вышкова, переправившись на правый берег Зап.Буга, захватил город.

Таким образом, в тот момент, когда части XV-й, III-й и XVI-й армий продолжали свой отход на восток, не имея сил выполнить директиву командующего фронтом об атаке Плонска (XV-я армия) и обороне подступов к реке Нарев (III-я армия), в это время 3-й конный корпус приступил к овладению Плоцком, атакуя его с запада и севера.

Эти эпизодические бои на улицах г. Плоцка еще более усложнили положение IV-й армии и еще более обескровили ее части.

Гор. Плоцк был атакован 3-м конным корпусом в 22 часа 18-го августа. Преодолев ряд проволочных заграждений и окопов, части корпуса ворвались в город, начав бой на

улицах, которые были хорошо забаррикадированы и укреплены по плану французских инженеров.

Мост через Вислу охранялся частями польской группы Осиковского, которая с помощью 4 пароходов, обильно снабженных артиллерией, стойко отбивала атаки 3-го конного корпуса.

К 24 часам 18-го августа войска корпуса овладевают северной частью города, продолжая продвигаться шаг за шагом к мосту через Вислу.

В 4 часа утра 19-го августа комкор 3-го кавалерийского был вызван в штадив 18-й стр. (Гослице) и в 7 час. 35 мин. получил по телефону от командарма IV-й Шуваева следующее приказание:

„Положение XV-й армии крайне ухудшилось, немедленно передать гор. Плоцк бригаде 18-й стр. дивизии, а самому с корпусом, не теряя ни минуты, через Гослице наступать на город Плонск“.

Учитывая, что бригада 18-й стр. дивизии может подойти к Плоцку только к 12 часам дня и удержать его все равно не сумеет, далее, что отход кавалерии днем не может быть не замечен противником, а также имея в виду, что запас снарядов был на две дивизии (10-ю и 15-ю кавалерийские) не более 300 штук, комкор 3-го, не отходя от телефона, запросил командарма:

„*Бросать ли совершенно город, ждать ли наступления темноты или подхода бригады 18-й стр. дивизии*“, на что получил ответ: „*Бросать немедленно город и сейчас же наступать на Плонск*“.

Это распоряжение командарма тов. Шуваева фактически является развитием директивы командзапа от 18-го августа [1]), где последний писал: „Части 18-й стр. дивизии, успешно наступая, вели *вчера* (т.-е. 17-го авг.) бои в районе Плонска. 54-я стр. дивизия наступала на Сохоцин из района Воля Дружья“. Далее, он приказывал:

„IV-й армии, продолжая развивать успех, подтянуть к району главных действий 3-й конный корпус. XV-й армии атаковать противника в направлении Н. Място, а III-й армии, устроив свои части за рекой Нарев, перейти в наступление на Насельск“.

Но обстановка сильно изменилась, и то, что к 17-му августа было приемлемым, то к 19-му августа оказалось совершенно устаревшим.

Состояние же 3-го конного корпуса с каждым днем все более ухудшалось. Запас снарядов и патронов был мизерен, топографических карт для нового марша не было, люди и лошади еле двигались, ибо „в продолжение последних суток спать и есть почти не пришлось [2])“.

---

[1]) Воен.-уч. архив, дело № 2154.

[2]) Мы приводим эти важные выдержки из упомянутой выше работы т. Гая еще потому, что имеющиеся у нас архивные документы скудно освещают положение IV-й армии в этот период, и это естественно, т. к. почти все дела штабов частей, входивших в армию, были интернированы и потеряны в Восточной Пруссии.

Новый марш конного корпуса, который начался в 10 часов 19-го августа с целью атаковать противника в районе Плонска, уже сопровождался непрерывным обстрелом с двух неприятельских аэропланов.

Движение корпуса в направлении Плонска было непродолжительным. В 15 часов 30 минут 19-го августа комкор 3-го тов. Гай получает сведения от комбрига 18-й стр. дивизии, что вся IV-я армия отходит в район Цеханов—Млава, а обозам срочно приказано отходить по новым тыловым дорогам; 53-й и 12-й стр. див. и 3-му кон. корпусу: Серпец—Млава—Хоржеле—Мышинец; 54-й и 18-й стр. дивизиям—на Дробин—Рационж—Цеханов—Прасныш.

В 17 часов 19-го августа комкору 3-го кавалерийского, после больших усилий, удается связаться с командармом IV-й.

„Я просил точно ориентировать меня, говорит комкор, о положении армии и сказать, какова дальнейшая задача корпуса. На мой первый вопрос я точного ответа не получил, а на второй он сообщил, *что ничего серьезного пока нет.* Наступление корпуса крайне облегчило положение 54-й и 18-й стр. дивизий, т. к. противник ослабил натиск на эти дивизии и начал отходить на Плонск.

Несмотря на это, положение XV-й армии настолько ухудшилось, что IV-я армия вынуждена была отступать. Задача корпуса—*прикрывать отход пехоты армии,* главным образом 53-й стр. дивизии, которая по расчету командарма должна была выйти на Липно 19 го августа утром. Вся армия к 21-му августа должна сосредоточиться на линии: Млава—Конопки—Цеханов в три группы: 54-я и 18-я дивизия в районе Цеханов; корпус на правом фланге в районе Млава; 53-я дивизия в армейском резерве в районе Шульмерж—Леснего, что на шоссе Цеханов—Пултуск. Корпусу прекратить дальнейшее наступление на Плонск и оставаться на занимаемой позиции, дабы прикрыть отход армии с запада и с юга.

21-го августа корпус должен отойти на линию Радзаново—Стржегово, а 22-го августа на Млаву и западнее ее. На мой вопрос: „как положение на участке XV-й армии, где 12-я дивизия, кем занят Цеханов", командарм ответил, что связи с XV-й армией нет, но по всей вероятности правый фланг XV-й армии восточнее Цеханова, если не в самом Цеханове. 12-я стр. дивизия из Сольдау (Дзялдов) отходит на Млаву, а штаб IV-й армии переходит в Остроленку".

Этот разговор определяет, что командарм IV-й совсем не имел представления о положении своего соседа, на правом фланге которого Цеханов уже был взят 18-й польской дивизией. Но из разговора видно, что директива командзапа о сосредоточении армии в районе Прасныш—Цеханов—Маков командармом получена.

После этого разговора командарм IV-й Шуваев уезжает через Серпец—Дробин на Остроленку и далее в Гродно.

На севере в это время противник также начинал развивать активные действия. Отход из района Страсбурга нашей 12-й стр. дивизии и отсутствие здесь каких бы то ни было наших частей вполне благоприятствовали наступлению противника в юго-восточном направлении с целью

окончательно отрезать отходившие на восток силы IV-й армии.

К 18-му августа выделенная группа Д.О.Д. Поморья, под командой полк. Александровича, занимает линию р. Дрвенц, установив в районе Голлуб тесную боевую связь с группой Мельжинского, части которой в 20 час. 18-го августа заняли г. Страсбург.

Перегруппировка польских армий и новые направления для их удара.

Мы уже говорили выше, какие мотивы побудили командующего Западным фронтом отдать распоряжение о сосредоточении в районе Цеханов—Маков—Прасныш дивизий IV-й армии.

Полного представления о безнадежности нашей атаки в районе Новогеоргиевска, при условии, что наши войска начали сдавать и время упущено, у Главнокомандующего, повидимому, не было, т. к. в директиве 18-го августа последний предложил командующему фронтом следующий вариант для решения задачи IV-й армии.

„Ваши распоряжения, пишет в ней Главком, о сосредоточении трех дивизий и конного корпуса в районе Цеханов—Прасныш—Маков для меня не совсем ясны. В разговоре [1]) пояснили, что они попутно ударят в тыл противнику и затем выйдут в указанный им район. Само собой очевидно, что если они ударят в тыл противника и разобьют его, то выйти в указанный район этим дивизиям не придется.

В виду изложенного, для IV-й армии напрашивается задача несколько иная, а именно ударить во фланг и тыл противнику, атакующему IV-ю и XV-ю армии севернее Буга—за Вислу“.

На эту директиву командующий Западным фронтом 19-го августа [2]) ответил, что „на указанный район дивизиям и корпусу необходимо сосредоточиться, так как положение левого фланга XV-й и III-й армий неустойчиво, а поэтому *после боя необходимы будут резервы.* Противник с левого берега стремится овладеть Вышковом, и командарм III-й сомневается в том, что ему своими силами удастся ликвидировать эту попытку“.

Мы уже говорили, что г. Вышков без большого напряжения 18-го августа был захвачен 31-м полком 10-й пех. дивизии поляков, а занятие неприятелем линии Цеханов—Пултуск—Вышков говорило за то, что мы не имели уже сил и времени не только отбросить наступающего противника севернее З. Буга за Вислу, но даже благополучно сосредоточить группу дивизий IV-й армии в районе Цеханов—Маков—Прасныш, *так как передовые части 5-й польской армии начинали уже просачиваться и занимать этот район.*

---

[1]) Разговор между Главкомом и командзапом 18-го августа.

[2]) Воен.-уч. архив, дело № 2154.

Новая перегруппировка польских армий и новые направления для их удара еще более усложнили обстановку для отхода красных армий на Западном фронте.

Взяв инициативу действий в свои руки, противник уже не ограничивался захватом недавно потерянной им территории, а стремился во что бы то ни стало окончательно разгромить наши живые силы.

Пилсудский пишет (см. „1920 год"): „После того, как 18-го августа определился успех ударной группы, наступавшей с линии р. Вепрж, назревала необходимость скорее организовать общность действий между этой группой и сосредоточенными польскими дивизиями в районе Варшавы.

С этой целью я решил тотчас же отправиться в Варшаву, чтобы организовать общий удар. В Варшаве нашел настроение несколько иное, чем ожидал. Если, с одной стороны, была радость и чувство облегчения в виду освобождения Варшавы от непосредственной угрозы, то, с другой, царило сильное беспокойство по поводу продвижения противника все далее по Данцигскому коридору и непрерывных атак на города, расположенные по нижнему течению Вислы (Плоцк—Влоцлавск и др.). Из бесед я уяснил, что наше стратегическое положение было не настолько уж благоприятным, как это казалось лично мне. В то время, когда я усматривал, что оборона Буга оставалась единственной возможностью для противника избежать полного поражения, в это время в Варшаве еще явственно ощущалось моральное угнетение, как результат недавних успехов армии Тухачевского.

Варшавским господам (т.-е. Соснковскому, Розвадовскому и Вейгану. *В. М.*) все еще казалось, что левый фланг 5-й польской армии. а также и та часть 1-й польской армии, которая вела наступление по западному берегу Нарева, находятся под угрозой. Дрожь и боязнь за столицу были еще сильны в Варшаве, и всякое движение противника к западу еще более увеличивало эту боязнь. Мой приказ от 18-го августа говорил об объединении усилий и действий Варшавского района с Люблинской ударной группой".

Реорганизация польских армий зафиксирована в приказах № 8875/III и № 8885/III Верховного командования, переданных в войска 18-го августа, сущность коих следующая [1]):

1) Неприятель под давлением нашего наступления с юга, начал отход перед фронтом 1-й польской армии, по перехваченному приказу предполагается организовать оборону на линии р. Зап. Буг—р. Ливец [2]).

2) Имеющая быть перегруппировка должна дать соответственно сильную преследующую армию. Задача этой армии—энергичное преследование, особенно на правом фланге, с целью отрезать противнику отход на Брест-Белосток и Осовец и, таким образом, захватить в мешок для полного уничтожения его силы.

3) С этой целью необходима следующая перегруппировка:

А) *Средний фронт* (2-я, 3-я, 4-я армии)—под личным руководством верховного вождя; командование фронта устанавливается в Седлеце.

---

[1]) Ст. Кюнстлер, „Наше августовское наступление". Полк. Л. Фори, „Варшавское сражение" и др.

[2]) По всей вероятности противником была перехвачена директива командзапа от 17-го августа или же приказ командарма в развитие этой директивы.

а) *2-я польская армия* (3-я дивизия легионеров, 4-я кав. бригада, кавалерия майора Яворского, 1-я дивизия легионеров, 21-я пех. дивизия (из 4-й армии), 1-я Литовско-Белорусская дивизия (из 1-й армии) и 41-й отдельный полк (из 5-й армии).

Общая линия преследования: Межиречье—Белосток.

Задача: быстрое движение в северном направлении с целью занятия Белостока, атака отступающих с запада колонн противника, одновременно обеспечение со стороны Брест-Литовска. Присоединение к 2-й армии 19-й пех. дивизии [1]) и 41-го отдельного пех. полка имеет назначением действия в районе Августов—Волковыск.

б) *4 я польская армия* (14-я, 15-я, 16-я пех. дивизии, 12-я бригада, 32-й пехотный полк и 15-й полк улан).

Общая линия преследования: Калушин—Мазовецк.

Задача: быстрое преследование в северном направлении с целью скорейшей переправы через З. Буг на участке Брок (вкл.)—Гранное (искл.). Занятие Мазовецка и прижатие противника к германской границе с охватом правым флангом.

в) *3-я польская армия* (7-я пех. дивизия и 2-я дивизия предназначаются к переброске к Люблину. Кубанская кав. бригада, Булак-Балахович и группа Гозера).

Задача: прикрытие Люблинской и Холмской областей, наблюдение З. Буга, разведка и развитие действий за рекой З. Бугом с севера против частей XII-й красной армии, не считаясь с разграничительной линией своего участка.

Б) *Северный фронт* (1-я и 5-я армии).

а) *1-я польская армия* (8-я, 10-я и 11-я пех. дивизии, 7-я рез. бригада, дивизия кавалерии).

Задача: фронтальное преследование в северо-восточном направлении; основная линия преследования устанавливается: Варшава—Вышков—Остров—Ломжа. Кавалерию перебросить на левый фланг для быстрого заполнения промежутка между пехотой армии и границей.

б) *5-я польская армия* (состав прежний с включением некоторых групп)

Задача: полная ликвидация 3-го конного корпуса IV-й армии и тех частей XV-й красной армии, которые окажутся отрезанными при движении 5-й армии на север по линии: Прасныш—Млава.

4) Разграничительные линии: а) между 3-й и 2-й армиями-Радин—Вышнице—Славатичи—Мокраны (вкл. для 2-й); б) между 2-й и 4-й армиями: Седлец — Соколов—Гранное (на Буге) — Брянск—Лапы (вкл. для 2-й); в) между 4-й армией и Северным фронтом: Н.-Минск—Брок—Замбров (вкл. для 4-й армии).

5) Верховный вождь ожидает от войск, особо от 2-й и 4-й армий, быстрых продвижений, чтобы не только оттеснить противника, но и уничтожить его через окружение. Дальнейшие операции будут иметь целью прижатие войск красных к прусской границе и отрезание отхода на восток.

Учитывая большое численное превосходство над нашими отходящими частями, армиям противника, при соотношении числа, приблизительно, как 5 : 2, не представлялось большого труда выполнить те задачи, которые ставило им польское командование настоящими оперативными распоряжениями.

---

[1]) По всей вероятности 1-я Литовско-Белорусская дивизия стала носить наименование 19-й пех. дивизии, а 2-я Литовско-Белорусская—20-й пех. дивизии.

Наступление 2-й и 4-й польских армий в период с 18-го по 24-е августа.

Командующий Мозырской группой, видя непрекращающееся давление со стороны противника, который уже овладел г. Бела и к вечеру 17-го августа вел бои на линии Бела—Славатичи—Влодава, получив директиву командующего Западным фронтом, где ставилась задача, передав 58-ю стр. дивизию XII-й армии, выбить противника из г. Бела и упорно оборонять фронт: Янов—Бела—Славатичи, 18-го августа утром (5 час. 55 мин., тел-ма № 166/оп [1]) отдал следующее распоряжение:

1) 57-й стр. дивизии с утра 18-го августа перейти в наступление, выбить противника из района Бела и упорно оборонять линию Янов—Бела—Ломазы, имея два полка в районе Липница—Кийовец.

2) Северный экспедиционный отряд вывести из боя и к вечеру 18-го августа сосредоточить в Брест-Литовске в резерве группы.

3) 2-й кавалерийской бригаде после занятия указанной линии для 57-й стр. дивизии одним переходом перейти в район Домачево, где и поступить в резерв командующего группой.

4) Начальнику Сводного отряда удержать линию: Копытник—Липинки—Ганна.

5) С 12 часов 18-го августа 58-я стр. дивизия переходит в распоряжение командарма XII-й [2]).

Это распоряжение командующего Мозырской группой, отданное в развитие директивы командующего Западным фронтом, отличается от приказания 17-го августа тем, что отход на правый берег З. Буга производится не сразу, а должен иметь еще одну промежуточную линию: Янов—Бела—Ломазы—Славатичи. Группировка же сил Мозырской группы ясно показывает, что главное свое внимание командующий группой обращает на обеспечение и удержание Брест-Литовского направления. *С рассветом 18-го августа войска 2-й польской армии в их новом составе продолжали развивать свое быстрое выдвижение вдоль левого берега З. Буга и с линии Межиречье—Луков на Дрогичин.* Слабый *Сводный отряд* Мозырской группы, которому была поставлена задача удерживать линию: Копытник—Ганна, не выдержал натиска 3-й дивизии легионеров, оставил м. Славатичи и тем открыл путь для удара во фланг другим частям Мозырской группы, отходящим к Брест-Литовску.

К вечеру 18-го августа части 3-й дивизии легионеров уже были в районе Тересполя, приступив к подготовительным мерам по форсированию З. Буга в районе крепости Брест-Литовск.

---

[1]) Воен.-уч. архив, дело № 2156.

[2]) Разграничительные линии устанавливались: а) между XVI-й армией и 57-й стр. дивизией: ст. Жабинка—Янов—Седлец (вкл. для 57-й стр. дивиз.); б) между 57-й стр. див. и Сводным отрядом: Масевичи—Коден—Ломазы (вкл. для 57-й стр. див.); в) между Сводным отрядом и XII-й армией: Ратно—Влодава—Радин (вкл. для XII-й армии). Основной штаб группы Пинск, полевой—Кобрин.

Упорная и самоотверженная оборона фортов и крепости, где со стороны слабых численно частей группы был проявлен высокий героизм, продолжалась до рассвета, после чего, не выдержав непрерывных польских атак, войска группы 19-го августа, оставив крепость и город, отошли в Кобринском направлении.

В этот же день 21-я пехотная дивизия противника, заняв г. Соколов, выдвинулась своими передовыми частями к З. Бугу (у Гранное). Переправы у Дрогичин (1-я дивизия легионеров), Мельник и Янов (4-я кав. бригада) были прочно заняты польскими войсками, чем и поставили в чрезвычайно тяжелое положение отходящие за р. Ливец колонны XVI-й армии, которым приходилось пробивать себе дальнейший путь в буквальном смысле штыками.

Как мы уже указывали выше, 21-я стр. дивизия III-й армии должна была сосредоточиться в районе Дрогичин. К 19-му августа ее колонны, двигавшиеся из района ст. Лохов на Коссов, принуждены были свернуть на Венгров, так как район южнее и западнее ст. Малкин уже был насыщен противником. Непрерывные атаки неприятеля с юга на север также не дали возможности войскам XVI-й армии выполнить директиву командарма о сосредоточении за р. Ливец. Ускоряя марш в восточном и северо-восточном направлениях, к 19-му августа 27-я стр. дивизия находилась в районе южнее м. Цехановец, 2-я стр. дивизия двигалась в промежутке между м. Стердынь—Соколов; 17-я стр. дивизия, расчленившись на две колонны, одной следовала южнее м. Венгров, другой—20 километров северо-восточнее гор. Седлец; 10-я стр. дивизия находилась в 5 километрах севернее Седлеца. Потеряв окончательно связь со штармом XVI-й и со своим штадивом, части 8-й стр. дивизии, не имея общего руководства, также в беспорядке отходили на восток, держа общее направление на Седлец—Дрогичин, в последнем пункте и был убит повстанцами начдив 8-й тов. Рябинин. К 19-му августа „отход войск XVI-й армии происходил в исключительно тяжелых условиях. Малочисленные, утомленные, имея противника с запада, юга и востока [1]), наши части начали терять стойкость. Польские партизаны и регулярные конные части, нападавшие на обозы, внесли полное расстройство в тыл. Обозы начали стихийно откатываться на восток и северо-восток, загромождая дороги на десятки верст. Возможность управлять войсками была в значительной мере утрачена. Отсутствие свежих сил для контр-удара лишало возможности спасти положение“ [2]).

---

[1]) Станиславов—Калушин и линия р. Свидер; Луков—Седлец—Соколов—Гранное (на Буге).

[2]) „Историческо-стратегический очерк XVI-й армии“, стр. 128.

По следам отходящих дивизий XVI-й армии двигались войска 4-й польской армии, выполнявшие задачи, поставленные последней директивой от 18-го августа польским командованием.

16-я пех. дивизия, ускорив медленное до этого движение, к вечеру 19-го августа занимает район Медзна—Венгров. Двигавшийся впереди ее частей 15-й уланский полк захватывает Коссов. 15-я пех. дивизия занимает Брок. Остальные части 4-й польской армии двигаются в армейском резерве за правым флангом.

Занятие Брока, оттеснение на правый берег Зап. Буга Мозырской группы и продолжавшийся отход XV-й и III-й армий заставили командующего Западным фронтом принять срочные меры, чтобы остановить наступление противника и тем дать возможность подтянуть части IV-й армии.

Директива от 20-го августа [1]) командзапа ставила следующие задачи армиям фронта:

1) Командарму IV-й не позже утра 23-го августа сосредоточить три стр. дивизии и конный корпус в районе Ломжа, прикрывая их марш одной стрелковой дивизией.

2) Командарму XV-й, упорно обороняясь, во что бы то ни стало обеспечить марш-маневр IV-й армии и оказать содействие III-й армии.

3) III-й армии выбить противника из района Брок и упорно оборонять линию: Любель—Бранщиков—Брок—Малкин.

4) XVI-й армии оказать поддержку левому флангу III-й армии и, упорно обороняясь, подготовить сильный удар во фланг противнику на Брест-Литовск.

5) 48-й и 55-й стр. дивизиям сосредоточиться в районе Пружаны.

6) Мозырской группе оборонять течение р. Зап. Буг.

7) Моему резерву, 21-й стр. дивизии, XII-й и 1-й конной армиям задача прежняя.

Удаленность штаба Западного фронта (Минск) от района главных действий, невозможность за отсутствием достаточного количества технических средств поставить *связь* на должную высоту ставили работу командующего фронтом в чрезвычайно трудные условия. *Этим мы объясняем 7 пункт настоящей директивы, где 21-й стр. дивизии оставляется прежняя задача, но которая под влиянием боевой обстановки, свернув на северо-восток, уже не могла сосредоточиться, как ей было ранее указано, во фронтовом резерве в районе Дрогичин, так как последний 18-го августа был занят 1-й дивизией легионеров.*

20-го августа наступающие части 2-й и 4-й польских армий, делая форсированные переходы, занимают линию Брест-Литовск (3-я див. легионеров) — Высоко-Литовск — Черемха (4-я кав. бригада)—Боцки (1-я див. легионеров)— Брянск (21-я пех.дивизия) Цехановец—Нур и далее по левому берегу З. Буга до Брока (части 4-й польской армии).

---

[1]) Воен.-уч. архив, дело № 2154.

Отсюда, директива командзапа от 20-го августа в этот период отступательной операции в большей своей части не могла быть выполненной. Быстрое продвижение частей противника в северо-восточном направлении и непрерывные его удары во фланг и тыл отходящим красным войскам *полностью* передали руководство по отступлению в руки частных начальников (командиров дивизий, бригад и полков). Последние же напрягали все усилия, чтобы как можно скорее оторваться от противника и тем уйти от его постоянных фланговых ударов.

Наступление 1-й и 5-й польских армий в период с 18-го по 25-е августа.

Не менее энергично действовали 1-я и 5-я польские армии Северного фронта. Наступая в тесном оперативном взаимодействии с левым флангом 4-й армии, 1-я польская армия к 19-му августа выходит на линию р. Ливец от Руда до устья, имея направление на Остров. Но не доходя до г. Остров и передав 8-ю пехотную дивизию в распоряжение 4-й армии, она круто поворачивает на север в направлении Остроленка.

В это время 5-я польская армия, стремясь окончательно отрезать путь отхода IV-й красной армии, 19-го августа занимает Цеханов (18-я пех. дивизия).

Сибирская бригада успешно атакует Маков—Прасныш. Таким образом, проход на восток для IV-й армии сильно суживался, ибо с занятием Цеханова ей оставался только путь через Млаву.

К 20-му августа наступление 5-й и 1-й польских армий совершенно определяется; нанося удары с юга на север во фланг нашим IV-й, XV-й и III-й армиям в направлении Млава — Остроленка — Ломжа, белопольские войска стремились как можно скорее сократить промежуток между р. Бобром и Наревом и границей Вост. Пруссии с целью *покончить* не только с IV-й армией, но и *отрезать путь отхода частям XV-й и III-й армий,* которые в это время находились на линии Остроленка—ст. Малкин и не могли полностью выполнить директивы командзапа от 20-го августа в виду непрерывных фланговых ударов со стороны неприятеля.

Положение XV-й, III-й и XVI-й красных армий к 25-му августа.

К 22-му августа части XV-й армии сконцентрировались в районе Ломжа, но, в виду нажима противника с юга, принуждены были свернуть на Граево и опять продолжать отход через Августов на Гродно.

III-я армия под ударами с юга отходила от устья Бобра в полосе между Осовцом и Белостоком. К вечеру 20-го августа части XVI-й армии, отбиваясь от непрерывных атак против-

ника, не удержав линии р. Нурец и района Бельска, продолжали отход в район Белостока.

Противник напрягал последние усилия с целью выиграть как можно больше на нашем отходе. Его наступательный порыв в период с 22-го по 24-е августа становится особо интенсивным, *после чего он сразу обрывается и на некоторое время замирает.*

Части 2-й польской армии, преследуя отходящие дивизии XVI-й армии, к вечеру 22-го августа выходят к Нареву и занимают район Страбля (1-я дивизия легионеров)—Заблудово (4-я кав. бригада)—Сураж (21-я пех. дивизия).

19-я пех. дивизия противника, выгрузившись 21-го августа на станц. Плятерово, к вечеру того же дня одной бригадой сосредоточилась в районе Семятичи, другой к 22-му августа прибыла в Бельск.

Ведя концентрическое наступление на Белосток, 2-я польская армия к утру 23-го августа своей 1-й див легионеров, при поддержке 4-й кав. бригады и частей 21-й пех. дивизии, после ожесточенного уличного боя, захватывает гор. Белосток и тем выполняет свою основную задачу, поставленную ей последней директивой верховного польского командования.

4-я польская армия на 22-е августа получила следующую задачу: „15-й пех. дивизии 22-го августа занять Ломжу и передовыми частями овладеть Стависки — Остроленка. 14-й пех. дивизии перейти в район Замбров и обеспечить переправы через р. Нарев у Дроздово с целью, по обстановке, иметь возможность переправить ее на помощь 15-й пех. дивизии.

16-й пех. дивизии перейти для обеспечения фланга в район Менженина. 23-го августа 15-й пех. дивизии перейти в район Кольно и 14-й пех. дивизия — в район Ломжа—Новгород с заслоном Едвабно. 16-й пех. дивизии быть с одной бригадой в Менженине и с другой—в Замброве“ [1]).

Части 4-й польской армии выполнили поставленные им задачи почти в назначенные им сроки, и в тот момент, когда левый фланг XV-й армии находился в районе Ломжа, он получил удар 15-й пех. дивизии с юга, которая к 14 часам 22-го августа заняла город, что заставило дивизии XV-й армии круто повернуть на север в направлении Граево. В тот же день 8-я пех. дивизия, временно переданная 4-й польской армии, захватила Остроленку. 14-я пех. дивизия, выйдя из района Андреево—Чижов (здесь 21-го августа она находилась в армейском резерве), успешно сосредоточивается в районе Коты — Червонный Бор — Замбров, а 16-я пех. дивизия — в районе Менженин—Быки.

24-го августа части 4-й польской армии, поднявшись к северу, ударом от Едвабно и Тыкоцин, совместно с войсками

---

[1]) Ст. Кюнстлер, „Наше августовское наступление“.

2-й польской армии, отбросив задержавшиеся дивизии III-й армии в северо-восточном направлении, захватывают район Кольно.

К 25-му августа дивизии XV-й, III-й и XVI-й армий, выйдя из непосредственных ударов противника, стали устраиваться на новых позициях по линии Липск—Кузница—Свислочь—Беловеж—15 километров восточнее Брест-Литовска. Материальные потери были велики. Из состава XV-й армии только одна 16-я стр. дивизия отошла в порядке, ничего не потеряв. 11-я стр. дивизия потеряла часть артиллерии; части 4-й и 33-й стр. дивизий перешли границу Восточной Пруссии. Но особенно тяжелы были потери в XVI-й армии. Будучи на протяжении всей Варшавской операции связующим звеном между ударной группой армий и левым флангом Западного фронта и получив после отхода Мозырской группы бо́льшую часть ударов со стороны группы Пилсудского, XVI-й армии из 15-ти бригад в организационном и боевом отношениях удалось сохранить: по одной бригаде от 8-й и 17-й стр. дивизий и две бригады из 27-й стр. дивизии. Бо́льшая часть артиллерии была потеряна. *Целиком погибла под Мелейчицами ударная артиллерийская группа армии,* которая была атакована и взята в плен частями 4-й кав. бригады и 15-м полком улан белополяков.

Отход от Вислы IV-й красной армии и интернирование ее в Восточной Пруссии.

Выдвинувшись при наступлении с линии Млава—Цеханов на 100—120 километров к западу и имея по отношению ко всем армиям Западного фронта уступное положение вперед, войска IV-й армии, с выходом поляков к границе Восточной Пруссии, теперь уже не могли думать о планомерном отходе.

Им предстоял ряд прорывов через „барьеры“ 5-й, 1-й и 4-й польских армий.

Процесс отхода для 12-й, 18-й и 54-й стр. дивизий был несколько иным, чем у 53-й и 3-го конного корпуса. Первые три дивизии к 22-му августа находились ближе к району Млава, чем 53-я и конный корпус Гая.

С 21-го августа стала пробиваться 12-я, а затем 18-я и 54-я. Эти дивизии рассчитывали, что им удастся далее пройти на Мышинец. Но противник не допустил их к району последнего, а ударом во фланг отступающих колонн заставил эти три нивизии в период с 21-го по 23-е августа на участке Млава—Хоржеле перейти границу Восточной Пруссии и там интернироваться (незначительным частям 12-й дивизии все-таки удалось пробиться к Августову).

Как мы уже знаем, 3-й конный корпус по приказанию командарма IV-й Шуваева должен был вести бой за овла-

дение Плоцком. Двухдневные бои в районе последнего, кроме еще большего ослабления сил кон. корпуса, ни к чему не привели.

Последнее распоряжение Шуваева перед отъездом в Гродно для 3-го корпуса было: „отходить на Млаву и прикрывать пехотные дивизии армии". Как видим, прикрывать отход трех дивизий т. Гай уже не мог, т. к. они ранее его подошли к Млаве и здесь интернировались.

К 22-му августа передовые части 3-го кон. корпуса и сильно ослабевшая численно 53-я дивизия также подошла к Млаве, которая уже прочно была занята 18-й пех. польской дивизией.

Предстоял прорыв, который после нескольких часов боя удался для красных частей.

Дальнейший путь шел вдоль прусской границы на Хоржеле—Мышинец—Кольно—Граево.

Более быстрому движению, помимо усталости частей, еще мешало громадное скопление тыловых учреждений на этой пограничной дороге. „Начиная с местечка Хоржеле, пишет наштадив 12-й стр. [1]), на единственную дорогу IV-й армии стали выходить с юга обозы XV-й и III-й армий; дорога оказалась забитой учреждениями трех армий на десятки километров, что повело к постоянным задержкам и медлительности движения. Прикрытие этой массы обозов с юга возложено было на 18-ю стр. дивизию, но, в виду неосведомленности частей и самих обозов, появление на флангах даже своих частей вело к панике и уходу отступающих войск и обозов за границу. При движении от Мышинца к Кольно никакого прикрытия дороги с юга не было, хотя это было возложено на 18-ю стр. дивизию (как мы знаем, она уже перешла границу Восточной Пруссии. *В. М.*), чем и воспользовался противник, захвативший гор. Ломжу.

Отсутствие прикрытия и оставление целыми мостовых сооружений на железной дороге и шоссе Ломжа—Кольно позволило противнику выбросить к Кольно броневой поезд с пехотой и обстрелять ружейным и артиллерийским огнем те многочисленные обозы, которые бесконечно тянулись еще далеко к западу от Кольно. Поднявшаяся паника в уставших и издерганных частях была настолько велика, что бо́льшая часть обозов и артиллерии была оставлена тут же на шоссе, другая же часть повернула на север и перешла границу Восточной Пруссии".

О судьбе отступающих дивизий IV-й армии в это время до штаба Западного фронта доходили очень смутные све-

---

[1]) Воен.-уч. архив, дело № 1706. Доклад наштадива 12-й стр. начальнику полевого штаба Реввоенсовета.

дения. Так, напр., командзап 25-го августа [1]) получил радиотелеграмму следующего содержания:

„С громадными трудами и упорными боями 25-го августа подошел к Кольно. Вся пехота...“ радио на этом прерывалось [2]). Командующий Западным фронтом полагал, что если части корпуса пробьются еще километров 20, примерно, до Щучина, то они будут спасены. 24-го августа сильно перемешанные колонны оставшихся частей IV-й армии (3-й кон. к-с и 53-я див.) и отдельные части XV-й армии ведут весь день упорные бои в районе Мышинец—Кольно. 25-го августа, не выдержав сильного огня и ожесточенных атак 15-й и 8-й пех. дивизий и резервной бригады поляков, отдельные части IV-й (53-я и 12-я [3]) стр. дивизии) и XV-й армий (33-я и 4-я стр. дивизии) переходят границу Восточной Пруссии.

10-я и 15-я кав. дивизии 3-го конного корпуса продолжали еще вести бой, но, расстреляв последние патроны и видя, что дальнейшие жертвы будут напрасны, в „4 часа 40 мин. 26-го августа сожгли радио и с тяжелым сердцем, а многие со слезами на глазах, перешли границу под сильным огнем батарей противника... [4])“.

К 25-му августа отступившие с линии реки Вислы части армий Западного фронта устроились, примерно, на линии: Гродна—Волковыск—Пружаны—Кобрин—Зап. Буг. На этом фронте началась энергичная работа по реорганизации красных частей и приведению их в порядок.

Белополяки, выпалив свой наступательный заряд с линии р. Вепрж и из района Варшавы, также остановились, не имея сил развить дальнейшее преследование. Но это затишье было временным, вскоре противник опять перешел в наступление, и военная история запечатлела на своих страницах новые операции в виде Гродненской, Волковыской и пр.

---

[1]) Воен.-уч. архив, дело № 1856. Разговор по прямому проводу между Главкомом и командзапом.

[2]) Радиотелеграмма, посланная тов. Гаем, гласила: „Командармам IV-й, XV-й и командзапу. Тяжелыми боями корпус вышел на линию Кольно. Вся пехота IV-й армии перешла границу. Стараюсь пробиться на Граево. Нет совершенно снарядов и патронов. Срочно сообщите линию фронта. Комкор 3 Гай. Военком Сцибор“.

[3]) 34-я бригада (не полностью) 12-й стрелковой дивизии, прорвавшись на Августов, была спасена от интернирования.

[4]) Гай, „Отход 3-го конкорпуса на Западном фронте“.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Действия XII-й и 1-й конной армий в период с 14-го августа по 6-е сентября.

Действия в Холмо-Грубешовском районе (XII-я красная армия). *Схема № 9.*

Согласно директивы польского командования от 18-го августа 3-й польской армии, оперировавшей частью сил против нашей XII-й армии, была поставлена ответственная задача—прикрытие Люблинской и Холмской областей, наблюдение р. Зап. Буг и развитие действий на правом берегу З. Буга с севера, не считаясь с разграничительной линией своего участка.

Эта задача 3-й армии по охране и прикрытию правого фланга Польского фронта в плане верховного польского командования играла значительную роль, так как 2-я и 4-я польские армии, поднявшись в северо-восточном направлении для преследования наших отходящих дивизий, тем самым ослабляли участок фронта на р. Зап. Буг, а в случае неустойчивости находящихся здесь польских частей открывали нам свободный путь для удара в глубокий тыл наступающих польских армий.

Но активные действия со стороны нашей XII-й армии были сильно ограничены благодаря ее общей слабой численности [1]), что учитывал и противник при вопросе о перенесении своей главной базы.

„Напрашивался вопрос, пишет Кюнстлер, переносить ли базу на запад (Варшава) или пренебречь временным открытием фланга и тылов. Переброска базы в Варшаву привела бы к потере времени и была бы затруднительна в виду недостатка перевозочных средств. Железная дорога доходила только до ст. Плятерово (20-го августа противник воспользовался ею для переброски своей 19-й пех. дивизии. *В М*), грузовых автомобилей нехватало, а мосты на Зап. Буге были уничтожены. Риск оставить временно открытым фланг не был особенно большим в виду того, что тылы большевиков были пусты, а слабые силы прорвавшихся на восток были сильно измучены, чтобы могли найти в себе

---

[1]) См. приложение № 7.

силы для удара; переброска новых сил из глубины края требовала времени, все это давало нам возможность оттеснения и уничтожения сил красных, которые отходили на восток“.

В первой половине августа войсками XII-й армии был перехвачен целый ряд приказов противника. Особенно ценными из них были приказы № 109 и № 110 по 3-й польской армии, *содержание которых в полной мере определяло, что поляками задуман серьезный удар из района Ивангород—Люблин в северном направлении.* Командование XII-й армией, учитывая большую стратегическую важность настоящих приказов, выявлявших дальнейший план действий неприятеля, *немедленно* поставило в известность наше главное и фронтовое командование.

15-го августа Реввоенсовет XII-й армии, в дополнение к своей телеграмме № 155/с (см. главу 11-ю), передал командующему Западным фронтом следующую телеграмму:

„Задача 3-й польской армии выяснилась по вновь перехваченному приказу у убитого майора. 3-я польская армия имеет целью как можно дольше задержать наше продвижение к р. Зап. Буг, по крайней мере с целью концентрации новой армии в район Люблин. Эта армия сосредоточивается для наступления и ликвидирования нас на северном участке. Для концентрации служит жел. дорога Парчев—Рудно. Их обозы спешно направляются в Люблин“.

В этой телеграмме речь шла о перехваченном приказе № 109 [1]). Приказ № 110 по 3-й польской армии от 12-го августа, принятый от захваченных польских офицеров в районе Влодава, в выдержках гласил следующее:

„Для охранения сосредоточения новых сил с целью перехода в общее наступление группируется 3-я армия [2]).

1) 3-й пех. дивизии легионеров не позже 13-го августа сосредоточиться в районе Грубешов, откуда продолжать атаки на Дубенка—Белополье, отражая на западном берегу Буга неприятеля. К 15-му августа дивизии сконцентрироваться в районе Холма.

2) 1-я пех. дивизия легионеров выгружается Рейовец и не позже 15-го августа вечером сосредоточивается в районе Седлище

3) 7-я пех. дивизия, с приданным Волынским полком, 13-го августа выступает из занимаемого района (Холм) и энергичной атакой сбивает за реку З. Буг противника, наступающего вдоль линии: Холм—Люблин. 14-го августа овладеть линией Дорогуск—Сверже, после чего перемещает части и Волынский полк с одной батареей до Дубенка. Задача 7-й пех. дивизии—охранять сосредоточение 3-й и 1-й пех. дивизий легионеров с востока

4) Прикрытие сосредоточения 1-й пех. дивизии легионеров с севера будут выполнять Луцкий и Львовский этапные батальоны.

5) Кубанской казачьей бригаде выступить из м. Пяски через Красностав—Войславице и к 13-му августа прибыть Грабовец [3]). Задача—вместе с батальоном подхолянских стрелков 3-й пех. дивизии оборо-

---

[1]) См. приложение № 5.

[2]) Архив Красной армии, дело № 43831 по описи дел штаба Западного фронта.

[3]) Переход более 75 километров.

нять сосредоточение армии с востока и юго-востока, ведя активные действия в направлении Владимир-Волынский—Сокаль—Замостье.

6) Группа майора Гозера остается в занимаемом районе с той же задачей, держа связь с горной дивизией [1]) в районе Пяски до смены ее частями, обороняющими Холм.

7) 6-я украинская дивизия 15-го августа прибудет в Красностав в резерв армии.

8) Группа ген. Балаховича оперирует в районе Карцево в тылу противника.

9) *Командование подчеркивает, что от пунктуального выполнения этого приказа зависит общее развитие дальнейших операций* [2])".

14-го августа, перейдя в наступление, противник энергичным ударом отбросил от Холма части 25-й стр. дивизии на восточный берег З. Буга, в то время как 3-я пех. дивизия легионеров ударом во фланг нашей 7-й стр. дивизии в районе Грубешова заняла последний.

Командующий XII-й армией, с целью нарушить выполнение плана противника, отрезать пути движения на север 3-й пех. дивизии легионеров и восстановить положение в районе Грубешова, 14-го августа приказал: обороняясь на участке Опалин — Дубенка, остальными частями армии перейти в наступление на линию Войславице — Грубешов, отбросить противника к югу и, при поддержке левофланговых частей армии, нанести решительное поражение противнику [3]).

К 16-му августа части 44-й стр. дивизии выбили противника из Грубешова, но задержать движение на север 3-й пех. дивизии легионеров и других войск неприятеля не могли.

Директивами командзапа № 359/оп и № 361/оп, как мы уже знаем, командарму XII-й была поставлена задача — совместно с Мозырский группой [4]) уничтожить Холмскую группу противника, при чем в состав XII-й армии включалась кавалерийская группа т. Осадчего.

Но, как известно, выполнение директивы № 361/оп 1-й конной армией задержалось; она продолжала вести упорные бои в Львовском направлении.

В развитие указанных директив командзапа, командующий XII-й армией, приказом от 16-го августа [5]), поставил зада-

---

[1]) 21-я пех. дивизия, которая носила наименование „горной дивизии" (см. Пилсудский, „1920 год", глава VIII).

[2]) Место расположения штабов устанавливалось: а) 1-я пех. див. лег.—Седлище, б) 3-я пех. див. лег.—13-го августа Грубешов, 15-го августа Холм, в) 7-я пех. див.—Холм—Рейовец, г) Кубанская кав. бриг.—Грубешов, д) 6-я укр. див.—Красностав, е) штаб 3-й армии—Люблин.

[3]) Архив Красной армии, дело № 43591 по описи дел штаба Западного фронта, телеграмма № 310/оп.

[4]) Части левого фланга Мозырской группы в это время вели бой в районе Любартова и на правом берегу Вепрж.

[5]) Архив Красной армии, дело № 43591.

чей дивизиям армии—не позднее 18-го августа выйти на линию: Савин—Холм—Грабовец—Тышовцы—Белз—Мосты—Каменка, а к 20-му августа занять фронт: Седлище—Красностав—Замостье—Томашев—Рава-Русская—Жолкиев.

Распределение задач по дивизиям было следующим:

а) 25-й стр. дивизии с 12 час. 16-го августа, передав 73-ю бригаду в оперативное подчинение командующему группой т. Голикову, продолжать упорно оборонять занимаемый участок у р. Зап. Буга, а с рассветом 18-го августа перейти в наступление и занять гор. Холм. б) Команд. группой тов. Голикову, объединив под своим руководством: 1) 73-ю стр. бригаду, 2) 25-ю кав. бригаду, 3) Башкирскую конную бригаду и 4) 7-ю стр. дивизию, к 24 часам 17-го августа занять линию: Холм—Дубенка и к вечеру 16-го августа совместно с 25-й стр. дивизией овладеть районом Холм, направив конные части на Красностав—Рейовец с целью перерезать желдорогу Холм—Люблин. По занятии Холма продолжать наступление на Бискупице—Седлище и не позднее 19-го августа выйти на эту линию, продолжая наступление в общем направлении на Томашов, и овладеть им. в) Начдиву 24-й стр. было приказано продолжать наступление на Рава-Русская и занять ее. г) Команд. кавгруппы тов. Осадчего сменить части 1-й конной армии на участке: Радзихов—Топоров и, согласуя свои действия с частями армии, выступить на Каменка.

Как видим, несмотря на ряд перехваченных приказов противника, определяющих его силу и район группировки, *постановка задач* командармом XII-й (армия которого уже перешла в подчинение командования Западным фронтом) говорит за то, что за исключением задачи 25-й стр. дивизии *все части XII-й армии имеют основной целью достижение не Люблинского направления, как важнейшего, а юго-западного, как-то*: *Томашов—Рава-Русская—Каменка* (т.-е. прежние задания по директивам командъюза) [1]).

К 17-му августа на левом фланге Западного фронта, т.-е. на фронте Мозырской группы и левого фланга XVI-й армии, определился серьезный успех противника.

3-я и 4-я польские армии вышли на линию: Колбель—Седлец—Бела—Славатичи, левый фланг Мозырской группы был отодвинут на правый берег З. Буга на линию: Пища—Славатичи. Командующий Западным фронтом директивой 17-го августа приказал XII-й армии главными силами овладеть районом Холм—Любартов, а для более успешного выполнения этой задачи 58-я стр. дивизия была возвращена в XII-ю армию.

В развитие директивы командзапа, командующий XII-й армией отдал распоряжение, которое вносило довольно значительные коррективы в предыдущий приказ. Он ставил задачей для 58-й стр. дивизии овладеть гор. Влодава, войти в связь с Мозырской группой у Славатичи, оборонять район

[1]) Еще 13-го августа, когда командарм XII-й знал о приказах пр-ка, он все же центр тяжести действий переносит к своему левому флангу (приложение № 6).

Влодава — Савин и быть готовой с группой тов. Голикова наступать на Любартов.

25-я стр. дивизия, по занятии Холма, должна была упорно оборонять линию: Савин—Рейовец, имея резервы за правым флангом. Группе Голикова, по занятии Холма, передать 7-ю стр. бригаду в 25-ю стр. дивизию и сосредоточить силы в районе Красностав. Конным же частям освещать район Красностав—Ухане, после чего быть готовыми наступать на Любартов. Задачи для 44-й и 24-й стр. дивизий, а также для кавгруппы тов. Осадчего оставались фактически теми же. Эти $2^1/_2$ дивизии должны были продолжать наступление с целью овладения районом Рава - Русская—Жолкиев, согласуя свои действия с правым флангом XIV-й армии Юго-Западного фронта [1]).

В результате всех напряжений и боев войска XII-й армии, выполнявшие приказы командарма, к 20-му августа занимали следующее положение на берегах Зап. Буга:

58-я стр. дивизия: участок на правом берегу З. Буга от Мельники до Адамчуки.

25-я стр. дивизия: Опалин—Гусынне.

7-я стр. дивизия: на левом берегу З. Буга принимала линию от Гусынне—Пуща—Белополье.

Конные части в районе Лещаны.

44-я стр. дивизия: Кулаковице—Подгорце—Стрыжевцы—Бакиев—Тышовцы—Новоселки и

24-я стр. дивизия: Новоселки—Будынин—Пруспнов—Мосты—Купичволя.

Таким образом, на протяжении всего фронта в 180 километров слабые дивизии XII-й армии были растянуты равномерным кордоном без признаков какой-либо группировки с целью удара и овладения районами по последним приказам (Любартов—Холм—Рава-Русская).

В это время район Брест-Литовска уже прочно был занят 3-й польской дивизией легионеров, которая, оставаясь здесь до 22-го августа, вела глубокую разведку в Кобринском направлении, нависая над правым флангом XII-й армии.

До похода к 25-му августа 1-й конной армии в район Сокаль, на фронте XII-й армии противник, прикрываясь слабыми заслонами в районе Влодава—Холм, беспрестанно производил налеты небольшими партиями, так, например, переправившись через р. З. Буг у дер. Волчино, он захватывает в плен батальон 225-го полка, и до 25-го августа, когда польские армии оттеснили наши части по линии: Гродно—Беловеж—вост. Брест-Литовска и заставили войска IV-й армии интернироваться в Восточной Пруссии, части 3-й поль-

---

[1]) Архив Красной армии, дело № 43591, телеграмма № 2774/оп.

ской армии вполне справились с поставленной им задачей и не допустили диверсии со стороны нашей XII-й армии.

К моменту выхода 1-й конной армии с Львовского направления на север расположение XII-й армии было следующим: 58-я стр. дивизия занимала линию Каменка—Голендры; 25-я стр. дивизия и группа тов. Голикова [1])—по правому берегу З. Буга от Забужье—Опалин—Гусынне—Уханька—Быстраки. 44-я стр. и 24-я стр. дивизии занимали фронт по левому берегу З. Буга от Быстраки на Грубешов—Тышовцы—Телятин—Каменка—Баратынь—Кристынополь—Волевин. На правом фланге XII-й армии части Мозырской группы в это время вели наступление на Клещели и находились в 35 километрах южнее Каменец - Литовска и 8 километрах восточнее Брест-Литовска (Задворцы—Вычулки), 2-я кав. бригада—Черновицы. Сводный отряд—10 кил. юго-восточнее Брест-Литовска.

Подчинение командующему Западным фронтом 1-й конной армии.

Боевая работа 1-й конной армии в составе Западного фронта фактически началась только с 25-го августа.

Директива командзапа от 15-го августа, в коей конной армии ставилась задача четырьмя переходами перейти в район Владимир-Волынский, своевременно выполнена не была. Конная армия, выполняя директивы командъюза, продолжала оперировать в Львовском направлении.

Директиву командзапа от 17-го августа постигла та же участь.

После многих решительных боев на подступах к Львову и больших потерь в людском и конском составе 1-я конная армия, несмотря на все усилия, овладеть районом и городом Львовом не могла.

Наступление по тылам армий Западного фронта ударной группы Пилсудского и ее первоначальный успех заставили предреввоенсовета тов. Троцкого директивой от 20-го августа [1]) поставить следующую задачу Реввоенсовету 1-й конной армии [2]):

„Общая обстановка требует энергичного и немедленного содействия конной армией Западному фронту. Поэтому Реввоенсовет армии должен принять исключительные меры к самому срочному выполнению приказов командзапа по перемене направления действий армии из Львовского направления на северо-запад.

Обращаю особое внимание Реввоенсовета армии на то, чтобы занятие самого Львова не отразилось на сроке выполнения этих

---

[1]) Группа тов. Голикова в это время включала в свой состав: 73-ю бригаду, 7-ю дивизию, 25-ю кав. бригаду и Башкирскую конную армию.

[2]) Воен.-уч. архив, дело № 2154.

приказов, для чего должны быть приняты все меры к тому, чтобы занятие большого города не повлияло на войска. Повторяю, обстановка требует особой операции и срочности в действиях Красной армии".

Следует здесь подчеркнуть, что эта директива предревоенсовета, отданная 20-го августа, в оперативном отношении была уже запоздалой. Раз перегруппировка XII-й и 1-й конной армий по директиве от 11-го августа не была осуществлена, то надобность в данной директиве совершенно отпадала, т. к., увидим в дальнейшем, *удар 1-й конной армии с 25-го августа на Замостье был стратегической ошибкой тех, кто этот удар организовывал.*

На следующий день *21-го августа* командующий Западным фронтом тов. Тухачевский был вызван по прямому проводу командующим Юго-Западным фронтом, который обрисовал сложившуюся обстановку на фронте 1-й конной армии следующим образом [1]):

Командъюз: 1) Командарм 1-й конной доносит на Ваше имя от 19-го августа 23 часа из Баршоница, *что части армии подошли к гор. Львову с востока и юго-востока на 5—6 километров. Противник в огромных силах при поддержке бронепоездов, самолетов и многочисленной артиллерии оказывает отчаянное сопротивление.*

До 19-го августа г. Львов взять не удалось, но через 2—3 дня Львов должен быть взят. Выполнять ли Вашу директиву о выводе частей 1-й конной армии из боя и сосредоточении их в район Устилуг—Владимир-Волынский, не беря г. Львова?

2) Сообщаю, в случае вывода частей 1-й конной армии из боя, не взяв Львова, части XVI-й армии окажутся в весьма тяжелом положении, в виду наличия крупных сил противника [2]).

При этих условиях не только нельзя рассчитывать на овладение Львовом, но возможно иметь „хорошие" результаты, в виде отброса частей XIV-й армии в исходное положение в район Броды, что весьма тяжело, учитывая успехи, достигнутые такими кровопролитными боями.

3) По всей вероятности, для 1-й конной армии остается в силе Ваша директива № 361/оп, и, следовательно, им придется обратно итти за Зап. Буг и вновь его форсировать из района сосредоточения. Со своей стороны, полагал бы дать конной армии возможность овладеть районом Львова и затем, в целях скорейшей ликвидации ударов противника на Брест и Седлец, по овладении Львовом—направить конную армию в район Белз—Унув, который занят частями 24-й стр. дивизии, и отсюда развить удар в общем направлении: Замостье—Люблин, *что в кратчайший срок аннулирует весь удар противника на Брест—Седлец.* Прошу сообщить Ваше решение. Командъюз Егоров.

---

[1]) Воен.-уч. архив, дело № 1820.

[2]) Разведывательные органы штаба Западного фронта определяли пр-ка на Львовском направлении максимальной цифрой в 11.000 штыков и 3.070 сабель. Эти силы были распределены следующим образом: а) 2-я дивизия кав. группы Савицкого—2.070 сабель, б) бригада 6-й пехотной дивизии—2.000 штыков, в) 13-я пехотная дивизия $\frac{\text{4.000 штыков}}{\text{400 сабель}}$, г) 12-я пехотная дивизия $\frac{\text{2.000 штыков}}{\text{600 сабель}}$ и д) 5-я пех. дивизия—3.000 штыков.

Командзап: Конная армия настолько сейчас запоздала, что значительно прошла острота потребности ее на севере, *но все же каждый день дорог.* Сегодня в Минске будет Главком, и я с ним сговорюсь относительно Вашего правого фланга XIV-й армии.

Конной армии при перегруппировке теперь уже не придется двигаться по левому берегу З. Буга. Все. Тухачевский.

Из этого оперативного разговора читателю предоставляется возможность самому сделать соответствующие выводы.

Задача 1-й конной армии. Приняв во внимание большое изменение в общей стратегической обстановке на Западном фронте, а также, что для производства удара во фланг противнику из района Влодава—Грубешов требуется новая серьезная подготовка, командзап директивой от 22-го августа [1]) во изменение ранее отданных распоряжений (директива № 361/оп, № 406/оп) приказал командарму 1-й конной тов. Буденному сосредоточить того же числа дивизии не в районе Владимир-Волынский, а в районе *Сокаль—Добротвор—Стоянов.*

Определение направления удара для 1-й конной армии на Красностав—Люблин, с задачей *в 4-дневный срок* овладеть районом Красностав и указанием, что со стороны частей XII-й армии необходимо решительное содействие, последовало дополнительной директивой [2]) командзапа. Эта директива была отдана по приказанию Главного командования. Командзап тов. Тухачевский же считал рейд на Замостье уже *бесцельным* [3]).

И эта бесцельность усугублялась тем моментом, что совершенно напрасно было в это время отрывать 1-ю конную армию от Львова, раз она подошла к нему почти вплотную.

Какую же пользу она могла принести у Замостья и даже Люблина, когда 22-го августа главные силы противника были далеко на севере на линии Остроленка—Белосток?!

Выполняя последние две директивы командующего Западным фронтом, командарм 1-й конной 25-го августа сосредоточил дивизии своей армии в районе Варенж (4-я кавалерийская)—Скоморохи (14-я кавалерийская)—Зубков—Переспа (11-я кавалерийская)—Сокаль (6-я кавалерийская).

---

[1]) Воен.-уч. архив, дело № 2154

[2]) Там же, телеграмма № 554/оп от 24-го августа.

[3]) Воен.-уч. архив, дело № 1531, а также М. Тухачевский, „Поход за Вислу“, стр. 49 и 53.

У читателя может явиться вопрос, если командзап считал рейд на Замостье *бесцельным,* то зачем же он выполнял распоряжения Главного командования?! На этот вопрос точный ответ автор дать затрудняется. Со своей же стороны он считает, что командзап должен был бы приложить все усилия к тому, чтобы „бесцельный“ рейд не осуществлялся. *В. М.*

С рассветом на 26-е августа кавдивизии должны были перейти в районы, согласно приказа по армии от 24 часов 25-го августа [1]), где закрепиться, выставить сторожевое охранение и выслать разведывательные эскадроны, при чем 14-я кавалерийская дивизия должна была сосредоточиться в районе Модринец—Андреевка—Шиховице. 4-я кавалерийская дивизия, имея общее направление на Комаров, входит в район Чермно. 6-я кавалерийская дивизия, выйдя на линию Добружек — Лящов — Жерники, имеет направление на Томашов. 11-я кавалерийская дивизия, сосредоточившись в районе Лиски—Радков—Реплин, должна была выставить сторожевое охранение на линии Унув—Белз (полештарм 1-й конной—Варенж).

К моменту отдачи этого приказа противник находился на линии р. Гучва; при движении фланги 1-й конной армии обеспечивались 24-й и 44-й стрелковыми дивизиями XII-й армии.

Вследствие сильных дождей, выполнение этого приказа задержалось до 27-го августа, и 26-го августа кавалерийские дивизии оставались в прежних районах сосредоточения.

К этому времени обстановка на фронте 24-й стрелковой дивизии резко изменилась. Противник перешел в наступление и оттеснил части 24-й стрелковой дивизии за р. Западный Буг на линию: Потуржица—Бендуха. Это обстоятельство вызвало новое распоряжение со стороны командующего Западным фронтом, который, учитывая отрыв левого фланга 24-й стрелковой дивизии от XIV-й армии, приказал командарму XII-й снизить части этой дивизии до разграничительной линии и отбросить войска неприятеля на левый берег Западного Буга.

С целью скорейшей ликвидации этого успеха противника командарму 1-й конной было приказано [2]) немедленно передать в распоряжение командарма XII-й особую кавалерийскую бригаду, находящуюся при полештарме, направив ее в район: Витков—Холоюв [3]).

К 28-му августа 24-я стрелковая дивизия занимала фронт: Завишня—Волевин—Добротвор—Бутки, в районе Яблоновка была установлена связь с 45-й стрелковой дивизией XIV-й армии.

---

[1]) Воен.-уч. архив, дело № 1531.

[2]) Воен.-уч. архив, дело № 2154, директива № 614/оп от 26-го августа.

[3]) Передача особой кав. бригады т. Степового в распоряжение командарма XII-й не состоялась по мотивам, изложенным командармом 1-й конной тов. Буденным в телеграмме от 29-го августа № 159/оп/сек. (Воен.-уч. архив, дело № 1856) Главному командованию, где командарм 1-й конной подтвердил, „что в период беспрерывных рейдов и боев охрана полевого штаба армии, находящегося всегда в сфере огня, совершенно необходима“.

Рейд 1-й конной армии на м. Замостье и ее отход за р. Зап Буг.

Приступая к выполнению директивы командзапа от 24-го августа, где 1-й конной армии ставилась задача овладения районом Красностав — Люблин, командующий 1-й конной армией тов. Буденный 27-го августа предложил командарму XII-й перейти всей его армией в решительное наступление, с целью приковать неприятеля и тем облегчить задачу конной армии по захождению в тыл Люблинской группе поляков.

Несмотря на непрекращающиеся дожди, которые в сильной мере затрудняли движение 1-й конной армии, к вечеру 28-го августа, геройски преодолев сопротивление противника, ее дивизии заняли следующие районы: 14-я кавалерийская — Конюхи, 4-я кавалерийская — Снятыче, 6-я кавалерийская—Крынице—Лабуне - Комаров и 11-я кавалерийская—Рахане—Чартовец.

29-го августа, в 1 час ночи, командующий 1-й конной армией отдает распоряжение [1]) продолжать выполнение рейда с задачей к вечеру 29-го августа овладеть районом Замостье, при чем 14-я кавалерийская дивизия должна была занять район Ситно, 4-я кавалерийская дивизия—Вербы—Ситанец, 6-я кавалерийская дивизия—район Солец и 11-я кавалерийская дивизия—Рушов—Лабуне.

В 12 часов дня 29-го августа дивизии приступили к выполнению поставленных им задач. Имея в виду, что армия уже находилась в тылу противника, необходимо было как принять меры по охране своих обозов, придавая им надежное прикрытие, так и иметь тесную связь между всеми дивизиями, с целью оказания взаимной поддержки, в зависимости от обстановки. Учитывая, что база снабжения армии была оставлена на правом берегу З. Буга, и полагая, что в ближайшее время в условиях рейда пополнение огнеприпасами [2]) почти будет невозможно, было приказано расход снарядов и патронов производить экономно.

После июньского и августовского прорывов, когда конная армия действовала на тылы *отходящего противника* и с большим успехом выполняла поставленные ей задачи, этот новый рейд на *Замостье — Красностав — Люблин*, будучи *третьим* в операции конной армии на Польском фронте, уже резко отличался от первых двух прорывов.

Это резкое отличие заключалось в том, что ей теперь приходилось не только иметь дело, как и прежде, *с активно действующим* и хорошо в техническом отношении снабженным неприятелем, но и *преодолеть* на протяжении всего

---

[1]) Архив Красной армии, дело № 43902.

[2]) После Львовской операции, потребовавшей большого расхода огнеприпасов тыловые учреждения армии пополнены не были.

5-ти дневного рейда разбушевавшуюся стихию, которая весь этот лесисто-болотистый район, с помощью непрерывных дождей, превратила в трудно-проходимые участки местности, сильно усложнявшие вопрос с маневрированием.

29-го августа противник продолжал вести непрерывные атаки на фланги наступающих колонн 1-й конной армии, с целью отрезать их не только от тыловой дороги, но и от дивизий XII-й армии.

30-го августа 6-я и 11-я кавалерийские дивизии перешли вновь в наступление и в результате боев к вечеру дня достигли района: Лабуне—Замостье—Ситно, овладев железнодорожной станцией Завада.

В это же время противник с юга переходит в энергичное контр-наступление; располагая численным превосходством, он занимает Вол. Лабунская—Комаров—Тышовцы—Новоселки и тем совершенно отрезает сообщение 1-й конной армии с ее тылами.

Желая окончательно захватить войска 1-й конной армии в огневое кольцо и покончить с ее живой силой, неприятельские части, действуя с севера, выходят на линию: Завада—Ситанец—Грабовец—Гдешин.

Этот успех противника и постепенно сжимавшиеся его клещи в полной мере определяли, что задуманный нами рейд в Люблинском направлении *обречен на неудачу*. Для того, чтобы выйти из создавшегося положения, доблестные войска конной армии, под проливным дождем, двигаясь по совершенно размытым дорогам, ведут в течение всего дня и ночи на 31-е августа упорные бои с окружившим их противником [1]).

Бои носили серьезный характер. Часто одни и те же пункты переходили по нескольку раз из рук в руки. Эскадрильи аэропланов противника содействовали развитию успеха его пехоты. Конная армия была стеснена в расходовании снарядов и патронов, в то время как поляки имели их в достаточном количестве.

Содействия со стороны стрелковых дивизий XII-й армии не было.

„Перед нашей армией стояла задача во что бы то ни стало уничтожить южную группу противника, дабы предоставить себе свободу маневрирования и возможность дальнейшего выполнения основной задачи, в то же время необходимо было удерживать северную Грабовецкую группу противника, чтобы не дать возможности связывать наши дей-

---

[1]) Разведорганы 1-й конной армии определяли, что, помимо действовавших здесь частей 3-й польской армии, еще были обнаружены: 2-я украинская, 10-я пехотная, 13-я пехотная, 1-я кавалерийская и казачья дивизии.

ствия. В то же время и XII-я армия получила приказ[1]) перейти в наступление для оказания содействия нашей армии“ [2]).

К ночи 31-го августа дивизии 1-й конной армии, совершенно не имея помощи от частей XII-й армии и окончательно потеряв связь с последними, сосредоточились в кулак в районе: Жуков (14-я кавалерийская) — Горышев Польский (11-я кавалерийская)—Чесники (6-я кавалерийская)—Горышев Русский (4-я кавалерийская). Учитывая, что дальнейшие бои и маневрирование в узком коридоре, изобилующем болотами и лесами, где нет возможности развернуться, кроме больших потерь в людском и конском составах ничего не дадут, командующий 1-й конной армией отдает приказ об отходе всей армии в район Грубешова и далее за р. Гучва.

Под непрерывным огнем и атаками противника части конной армии к 1-му сентября сосредоточились в районе Грубешов — Вербковице — Малице — Сагрин — Теребин (см. карту 10 километров).

В период с 1-го по 6-е сентября на обоих берегах Западного Буга продолжались упорные бои. Неприятель, перебросив против XII-й и 1-й конной армий освободившиеся части с Львовского направления, продолжал вести активные действия. *Истомленные от непрерывных боев и маршей, сильно обескровленные от потерь, не имея ни сил, ни средств противостоять натиску противника, доблестные войска 1-й конной армии, вписав и здесь в свою историю еще одну замечательную страницу беззаветного героизма и упорства, к 6-му сентября отошли на восток для сосредоточения в районе Владимир-Волынский.*

---

[1]) 30-го августа командармом XII-й тов. Кузьминым был отдан следующий приказ войскам армии: „Конная армия, разбив казачью бригаду Яковлева у Тышовцы, прорвала фронт противника и сегодня в 12 часов продолжает движение для занятия Замостье. 44-я и 24-я стр. дивизии сегодня вели упорный бой в районе гор. Грубешов—Варенж—Кристынополь. Дабы обеспечить фланги 1-й конной армии, приказываю всем частям армии перейти в решительное наступление: а) 25-й, 7-й стрелковым дивизиям и правому флангу 44-й стр. дивизии в направлении Холм—Грубешов, левому флангу 44-й и 24-й стр. дивизиям в направлении Томашов—Рава-Русская. № 2957/оп 1214/ш“. Архив Красной армии, дело № 43591.

[2]) Материалы В.И.О. Штаба РККА. „Описание боевых операций 1-й конной армии“.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Выводы.

Учитывая наш метод исследования, при котором на протяжении всей работы мы стараемся не расставаться с критическим анализом и делать соответствующие выводы из него, т.-е. не только фотографируем оперативные факты прошлого, но их именно исследуем, в этой главе, так сказать итогового порядка, нам остается оттенить и подчеркнуть некоторые моменты, которые заслуживают особого внимания.

Выше при разборе и оценке операций на французском фронте в мировую войну мы видели, какое большое количество недостатков, с точки зрения вопросов организации управления армейскими соединениями, имелось как у союзников, так и у немцев.

Мы видели также большие недочеты и у главного командования обеих сторон в вопросах управления их армиями как в период до решающего сражения, так и во время генерального сражения, каковым является Марна.

Мы знаем, что германские высшие начальники до войны 1914 года прошли школу своих крупнейших учителей—Мольтке-старшего и Шлиффена, которые внесли много нового и поучительного в искусство вождения крупных войсковых соединений.

И, несмотря на это, немецкие военачальники Мольтке-младший, Клук, Бюлов и др. фактически лучшие представители большого германского генерального штаба все-таки оказались не на все 100% подготовленными к управлению массовыми армиями в современной войне.

А ведь времени для подготовки у них было куда больше (20—30 лет), чем у тех командиров Красной армии, которым пришлось участвовать в решительном сражении на берегах Вислы в 1920 году.

Правда, наши командующие армиями Западного фронта Сергеев (затем Шуваев), Корк, Лазаревич, Соллогуб также были офицерами старого генерального штаба, но им приходилось действовать в совершенно иных условиях и неизмеримо труднейших, чем, скажем, Клуку, Бюлову, Гаузену.

Ибо нельзя сравнивать подготовку молодой Красной армии в 1920 году с подготовкой германских армий к 1914 году, а тем более нельзя отождествлять материальную обеспеченность тех и других армий.

Отсюда, если немецкие командующие армиями и их частные начальники в период своего грандиозного похода с бельгийской границы к Парижу наделали массу оперативных промахов, которые в конце концов и вылились в провал генерального сражения на обоих берегах Марны,—то нашей молодой революционной армии с командным составом, прошедшим в *большинстве своем* только суровую и блестящую школу гражданской войны и совершившим не менее грандиозный поход с линии Западной Двины и Березины к Варшаве,—многие ошибки при рассмотрении их в этом разрезе как-то „сходят" со счетов. И сила наша еще в том, что мы умеем не скрывать своих ошибок, а говорить о них с тем, чтобы учиться не повторять их в битвах будущей классовой войны. Относительно последнего момента, т.-е. не затушевывания своих ошибок, а внимательного их учета для дальнейшей работы по их исправлению, у нас есть великие заветы нашего учителя и вождя В. И. Ленина.

И здесь следует оттенить, что на протяжении всех веков и народов не было еще такого политического деятеля, который, стоя во главе государства, столько раз говорил бы о тех ошибках, которые мы делаем. И в этом громадная сила.

Великий стратег классовой борьбы, подмечая ошибки, был тысячу раз прав, говоря о них во всеуслышание, ибо ошибки неизбежны, они естественны и вполне оправдываемы, когда их делает тот класс, который был вечно эксплоатируем и который взял государственную власть в свои мозолистые руки, чтобы построить новое общество.

Пролетариат, взявший государственную власть на территории, составляющей $^1/_6$ часть всей суши, никогда не зазнавался, так как такое „положение довольно глупое, позорное и смешное" (том XVII, стр. 112).

А поэтому „мы не дадим себя во власть *ни иллюзиям, ни унынию.* Не бояться признания своих ошибок, не бояться многократного повторного труда и исправления их, — и мы будем на самой вершине" [1]).

С 1920 года прошло 7 лет, за это время наш высший и старший командный состав сильно поднялся во всех отношениях. Очень многие из него прошли и проходят через академии и высшие военные курсы, многие из тех оперативных ошибок, которые мы имели в 1920 году, нами осознаны и учтены. И это, конечно, явление отрадное.

[1]) Ленин, „Заметки публициста". „Правда", от 16-го апреля 1924 г.

Из каких же основных моментов оперативного порядка складывается правильность мысли В И. Ленина, что „в польской войне мы имели энергичную, смелую Красную армию, *но пошли несколько дальше, чем нужно—к воротам Варшавы,* а потом откатились к самому Минску“ (том XVIII, часть 1-я, стр. 92).

При исследовании положения этой мысли В. И. Ленина мы здесь опять остановимся и еще раз оттеним только основные вопросы организации управления и командования обеих сторон, которые имели место в июльско-августовской кампании.

1.

Выше мы видели, что после сосредоточения новых сил на правом фланге Западного фронта командующий фронтом решает 4-го июля начать второе наступление с целью *в первые же дни* операции найти живую силу противника и посредством комбинированного удара IV-й, XV-й и III-й армиями уничтожить или пленить его основную и главную группировку в районе Германовичи — Глубокое – Докшицы.

Этот смелый и решительный оперативный замысел командзапа тов. Тухачевского по взятию в клещи основных сил противника не удался, несмотря на наше *двойное превосходство* перед началом наступления.

Поляки фактически не приняли и не хотели принять [1]) такой бой, который дал бы нам возможность произвести стратегический охват. Кроме того, наши фланговые IV-я и III-я армии *слишком медленно* производили охватное движение, а удар XV-й армии *в центр* группировки противника был настолько сильным, что помог неприятелю быть *вытесненным из района охвата.*

Таким образом, с подходом охватывающих колонн IV-й и III-й армий к пунктам, где должно было бы замыкаться кольцо окружения, там противника уже не было, он находился западнее этих пунктов. В период с 4-го по 10-е июля потрепанный, *но не уничтоженный* противник был отброшен по всей линии Западного фронта.

2.

Начинается новый период операции — преследование потрепанных дивизий неприятеля с желанием найти его *живую силу.*

Основная оперативная идея у командующего Западным фронтом остается прежней, т.-е., упираясь правым флангом

---

[1]) См. директиву польского главного командования от 2-го июля 1920 г., приложение № 1.

в Литву и Восточную Пруссию, отбросить польские силы к болотистому Полесью.

Весь период наступления Западного фронта от линии старых германских окопов и до линии долины Бобра—верхнего течения Нарева и Западного Буга является периодом, когда противник, на короткое время задерживаясь на водных рубежах (Вилия, Неман, Шара и др.) и в районах железнодорожных узлов, продолжал непрерывный отход в западном направлении, т.-е. осуществлял в жизни оперативный замысел (потерять пространство — выиграть время) Пилсудского от 2-го июля.

3.

Командование Западным фронтом группировки своих сил не изменяет. Три армии продолжают движение на правом фланге, XVI-я и Мозырская группа ведут наступление с фронта.

Нависание над левым флангом поляков наших трех фланговых армий заставляет противника еще более ускорить свой бег к Нареву и Западному Бугу.

Это быстрое отступательное движение записывается ему в актив. Основные силы противника хотя и несут в боях эпизодического характера потери, но все-таки ускользают от боев, которые бы положили предел его дальнейшему отходу.

4.

19-го июля наше главное командование под впечатлением первых успехов отдает директиву, в коей говорится, чтобы армии Западного фронта *к 12-му августа* вышли к Висле и заняли Варшаву.

Повторяем, главные силы противника *не уничтожены*, а директива отдается за 23 дня вперед и в то время, когда красные войска находились еще в 300 километрах к востоку от линии Вислы. Опыт всех войн никогда не оправдывал и не может оправдывать такой прогноз.

Такая постановка задачи *с указанием* срока выхода на линию, которая еще весьма далека, а силы противника пока продолжают существовать, говорит о том, что не всегда такой математический подсчет с циркулем в руках может соответствовать реальной боевой обстановке, которая, как известно, на войне крайне изменчива.

Оперативный прогноз и оперативный оптимизм (или пессимизм), как показал опыт многих войн, есть такие две величины, которые вытекают одна из другой.

И плохо, когда эти две величины начинают действовать в разнобой и не дополнять друг друга.

Из следующих двух документов совершенно ясно вытекает, что у нашего главного командования после первых

успехов на Западном фронте оперативный оптимизм находился вне взаимной зависимости от оперативного прогноза. 21-го июля Главнокомандующий доносит зампредреввоенсовета тов. Склянскому: „Сейчас в Смоленске на обратном пути из Минска. В Минске видел Тухачевского. Там же отдал дальнейшую директиву [1]), которую, вероятно, вы уже получили. Самое существенное — это высокий подъем настроения в частях, гарантирующий возможность и дальше продвигаться, *не уменьшая энергии.* 16-го числа занято Гродно [2]), а вчера Слоним. Оба эти успеха свидетельствуют, что линия р.р. Немана и Шары прорвана и *теперь у противника нет на пути его отхода рубежей, на которых он мог бы рассчитывать задерживать нас.* Не исключена возможность закончить задачу в *трехнедельный срок.* Завтра будем в Москве. № 2155/оп. Каменев. Курский“ [3]).

О чем говорит эта телеграмма? Она говорит о том, что Главное командование рассчитывало в трехнедельный срок окончательно разгромить белопольские армии. Мало того, оно уверено в успехе настолько, что даже не считает возможным, что поляки могут оказать сопротивление на весьма сильном рубеже р.р. Бобра, Нарева и Зап. Буга. Вот этот-то оперативный оптимизм, впитавший в себя легкость предстоящей победы (без тщательного учета реальной обстановки, а именно, что живые силы врага еще целы), естественно, заставляет Главкома по приезде в Москву в своем докладе предреввоенсовета [4]) дать новую оперативную перспективу.

„Предполагаю, пишет тов. Каменев, на случай необходимости усилить войска, предназначаемые для борьбы с Румынией (если она выступила бы на стороне Польши *В. М.*), и задержать также продвижение XVI-й армии Западного фронта, наступающей через Барановичи на Волковыск.

Эта же армия явится резервом на случай выступления Латвии. При этом рассчитываю, что Западный фронт силами *остальных своих трех армий* справится с задачей окончательного разгрома Польши, если она не получит существенной поддержки сверх выступления Румынии и Латвии“.

Читатель видел, что сказала боевая действительность. Она ясно подчеркнула, что при условии, что Румыния и Латвия оставались нейтральными, тех сил, которые имел Западный фронт, нехватило для того, чтобы выиграть сраже-

[1]) Директива о взятии к 12-му августа Варшавы.

[2]) В телеграмме опечатка: Гродно взято 19-го июля, Слоним же 20-го июля.

[3]) Воен.-уч. архив, дело № 1856.

[4]) Воен.-уч. архив, дело № 1788.

ние на Висле. А из всего сказанного вытекает, что оперативный прогноз был неверен, он порождал несоответствующий реальной действительности оптимизм с преувеличением наших сил и возможностей и с *уменьшением* таковых для противника.

Оперативное решение польского командования от 2-го июля—не принимать больших боев на линии Западной Двины и Березины (учитывая невыгодное соотношение сил на этой линии, как 1 : 2, а также неудачи ко 2-му июля на Киевском направлении)—было и смелым и целесообразным.

Это решение, сложившееся под давлением боевой обстановки, говорит, что для Пилсудского было важным сохранить не пространство, а *живую силу армии* для будущих оперативных решений.

Пусть последняя будет отходить на линию Граево — Осовец — Брест-Литовск, пусть будет потеряно большое территориальное пространство, но ведь основная сила армии и тыловые учреждения (2-го июля было приказано их эвакуировать далеко на запад) будут сохранены.

Живая сила белопольской армии даст бои на Западном Буге в первых числах августа, а к этому времени и обстановка на Юго-Западном фронте, как полагал Пилсудский, должна измениться. Кроме того, польские армии отходили к своим жизненным центрам пополнений, к своим базам. В первой половине августа польское военное министерство эти пополнения вольет в армию, а базы будут пополнены попечением Антанты. Отсюда, давать решительное сражение на Западной Двине и Березине, при невыгодном соотношении сил, значит потерять шансы на будущее.

5.

К первым числам августа, несмотря на упорное пятидневное сопротивление противника, армии Западного фронта овладевают линией Бобра, Нарева и Западного Буга. На флангах этой линии мы занимаем два укрепленных района,—крепости Осовец и Брест-Литовск. Болотистая полоса, разделявшая весь Польский фронт на два участка (Западный и Юго-Западный), уже пройдена.

Отбросить главные силы поляков к болотам Полесья нам также не удалось, как не удалось и окружить неприятеля в период 4-го—10-го июля.

Позади красных армий Западного фронта осталось пройденное в весьма короткий срок расстояние почти в 500 километров.

До линии Вислы оставалось еще преодолеть пространство в 120 километров.

Тыловая гармоника армий Западного фронта растянулась до предела (см. главу 8-ю). Необходимые запасы

для жизни и боя красных армий не поспевают за войсками, последние же от непрерывных переходов не могли не утомиться.

С выходом и занятием района Брест-Литовска встал во весь свой рост кардинальнейший стратегический вопрос об оперативном взаимодействии Западного и Юго-Западного фронтов. В эти дни, когда главные силы поляков не были разбиты, а победитель находился в тяжелом положении, требовался *крутой поворот* в стратегии командования Западным фронтом.

В главе восьмой мы писали, что сигнал *к временной* остановке на линии Нарев и Западный Буг с ее укрепленными районами Осовца и Бреста был именно смелым крутым поворотом, ибо до „ворот Варшавы“ еще оставалось 120 километров тяжелого пути, а состояние наших армий и их тыла было совершенно другим, чем в начале или середине июля.

Сигнал же к дальнейшему непрерывному наступлению к линии Вислы превращал эту наступательную операцию в движение по инерции, где *быстрота* могла оказаться *не соразмеренной с натиском* на цитадель белой Польши — Варшаву.

Другими словами, широкий размах энергии в оперативном плане командзапа был обратно-пропорционален состоянию тыла его армий и хозяйственному положению страны, которая не могла своевременно материально обеспечить наши наступающие армии.

Наполеон говорил: „*Живая сила армии измеряется, как в механике, произведением массы на скорость*“.

Как известно, в механике эта зависимость выражается математической формулой $f=\frac{mv^2}{2}$, где f — *живая сила* — соответствует ударной силе армии; m — *масса* — соответствует количеству войск и v — *скорость* — соответствует подвижности этих войск.

Как видим, *скорость* входит в формулу во второй степени, а потому приобретает особо важное значение. *Отсюда, подвижность армии имеет первенствующее значение для ее ударной силы.* Эту мысль Наполеона и математическую формулу для расшифровки ее мы привели для того, чтобы *еще и еще раз подчеркнуть,* что необходимо всегда стремиться к тому, чтобы наступательная скорость частей армии была организована так, что *когда войска подойдут к району решительного удара, чтобы этот удар имел соответствующую силу, а не растерял ее по дороге к цели.*

Кроме того, приводя эту формулу, мы очень хорошо помним умную мысль Шлихтинга, что „теории присущ лишь логический путь, но на войне 2×2 не всегда равно 4“.

А ведь было бы хорошо, если бы мы стремились и научились делать так, чтобы для противника 2×2 было именно 3, а для нас 4.

К этому в своей сущности и сводится формула, высказанная крупнейшим *практиком* войны, каковым является Наполеон.

6.

Линия Бобра—Западного Буга была пройдена. Открылась новая страница в оперативной деятельности армий Западного фронта.

Появляется новый оперативный план у командзапа тов. Тухачевского по форсированию Вислы. В своем месте мы на нем останавливались подробно.

Противник также принимает новое решение. Его главнокомандующий Пилсудский 6-го августа приказывает всем польским армиям и группам отойти за Вислу. В районах Новогеоргиевск—Варшава и Ивангород—Люблин создаются две новых группировки для контр-наступления, при чем из 20-ти дивизий, которые должны были принять участие в решающем сражении, ³/₄ этих сил Пилсудский собирает в первом районе.

Такое оперативное решение основано на том, что группировка наших правофланговых армий для противника *вполне определилась*. Отсюда и решение против наших IV-й, XV-й, III-й и XVI-й армий в районах Новогеоргиевск—Варшава и Гура-Кальвария собрать 15¹/₂ белопольских дивизий.

Желание нашего главного командования нанести сокрушительный удар *на Западном Буге* или *восточнее Вислы* было неосуществимо.

Польские силы, выполняя директиву Пилсудского от 6-го августа, быстро *отходили за Вислу* в новые районы сосредоточения и не желали ввязываться в серьезное дело до Вислы, как не хотели и *создавать новую оперативную группировку на ходу,* во время отступления, имея у себя в тылу серьезный естественный рубеж в виде реки Вислы.

Кроме того, группировка сил, предложенная Главнокомандующим (см. чертеж № 3) для решительного сражения к востоку от Вислы с почти *равномерным* распределением сил по всему фронту, могла нанести только фронтальный удар со всеми вытекающими от такого удара последствиями.

7.

В главе девятой, при анализе оперативных планов сторон для сражения на Висле, мы резко подчеркнули, что эти планы были до предела наполнены и волей, и решимостью, и энергией, и особенно риском.

Мы говорили, что сущность оперативных замыслов у командования обеих сторон заострена настолько, что „один дюйм стратегической ошибки мог свести к нулю целые мили самых блестящих тактических успехов“.

Перейдем к рассмотрению этого „дюйма стратегической ошибки“ в сражении на Висле.

8.

Начиная с 4-го июля и до первых чисел августа, наше наступление Западного фронта отбросило главные силы противника.

Поляки, уже потеряв территориальное пространство, в процессе быстрого отхода сохранили свою основную живую силу и выиграли время для обороны линии Вислы.

Мало того, отойдя к своим базам и источникам пополнений, они реорганизовали свою армию, в то время как мы, уйдя от своих баз, были с подходом к Висле в значительной мере истощены.

Эти условия дают польскому командованию возможность построить оперативный план, который и складывается из пяти основных моментов:

а) новая жесткая мобилизация населения и набор добровольцев из шляхты, буржуазии и помещиков.

Материальная помощь Франции и Англии в виде различного вооружения, которое не только усилило войска фронта, но и вооружило добровольческие формирования [1]).

---

[1]) „Двумя факторами, пишет В. Фалевич, которые в тот исторический момент сыграли главнейшую роль и которые автор труда „1920 год“ без основания игнорирует, являются: 1) добровольческая армия и 2) приезд генерала Вейгана.

Безусловно в то время и с теми *ресурсами*, какими мы располагали, невозможно было организовать какую-либо вооруженную военную силу. Добровольческая армия была большим патриотическим лозунгом, которая создала атмосферу чрезвычайных усилий, отражавшуюся, как электрическая искра, на настроении армии. Это оздоровило нашу армию и спасло нас. Такое же значение имел и приезд генерала Вейгана. Армия наша потеряла веру в свое командование. *Сама весть, что приезжает к нам с помощью* французский генерал, видное лицо и ближайший помощник великого Фоша, убедительно повлияла на психологию масс—„этот научит, как нужно воевать“. Армия не знала и не пыталась узнать, какое место занимает ген. Вейган и какова его фактическая роль в отношении нашего командования. Самый факт его присутствия в Варшаве и слава его имени были достаточны, чтобы население и армия уверовали в победу. А этого было достаточно, что так и случилось“. — В. Фалевич, „Выводы из труда Иосифа Пилсудского „1920 год“. „Газета Варшавская“, №№ от 19, 21, 22 и 25 января 1925 года.

Выше мы видели (см. главу 9-ю), что Пилсудский категорически отвергает участие Вейгана в создании оперативного плана для

б) Хорошо оборудованная с помощью французских инструкторов-инженеров система укреплений на Висле в виде тет-де-понов у Плоцка, Новогеоргиевска, Варшавы и Ивангорода.

Все эти фортификационные сооружения были закончены к 13-му августа

в) Стратегический отход с линии Западного Буга за Вислу и Вепрж.

г) Отказ от кордонного расположения частей, которое на протяжении всех операций у поляков на Западном фронте было незыблемым.

Сосредоточение ударной группы в районе Ивангород—Люблин и эшелонирование этих лучших сил (подтянутых с Львовского направления) в глубину с большими перспективами для контр-маневра – „сюрприза“ и

д) Контр-наступление этой ударной группы под непосредственным командованием Пилсудского при всемерном боевом содействии армии Галлера по тылам нашего Западного фронта.

9.

Как же мы в оперативном отношении ответили на этот план польского главного командования? После форсирования Нарева и Западного Буга уже 3-го августа наше главное командование пришло к мысли, что настало время для тесного оперативного взаимодействия Западного и Юго-Западного фронтов.

11-го августа, а затем 13-го августа Юго-Западный фронт получает директивы о передаче XII-й и 1-й конной армий в подчинение командзапа тов. Тухачевского. Эти две армии должны были направить все свои усилия против собиравшейся группировки противника в районе Ивангород—Люблин. Эти директивы Главного командования *оттягивались в исполнении*, и к 12-му августа XII-я и 1-я конная армии не поступили в распоряжение Западного фронта.

Таким образом, вместо *оперативного взаимодействия*, получилось *оперативное расхождение* двух фронтов, где все усилия Западного фронта были сосредоточены в *Варшавско-*

сражения на Висле, который, как говорит Пилсудский, принял и создал лично он сам в ночь с 5-го на 6-е августа.

Мы не детализируем этого факта. Если это не так, то Вейган должен был бы ответить в печати и разъяснить те страницы, которые направлены против него в книге Пилсудского „1920 год“. Но все источники с польской стороны со всей ясностью подтверждают громадную оперативную роль, которую сыграл Вейган и его помощники в деле организации польских армий Северного фронта ген. Галлера и в вопросах непосредственной защиты линии р. Вкра, Новогеоргиевска и Варшавы.

Новогеоргиевском районе, в то время как армии Юго-Западного фронта главным образом группировались в направлении *Львова,* находившегося в 480 километрах от района Варшавы.

Кроме этого, необходимо указать, что Юго-Западный фронт имел еще *Крымское* направление (Врангель), которое считалось не менее важным, чем Львовское. Отсюда ясно, с момента форсирования линии Нарева и Западного Буга мы не имели одной главной цели в кампании на Польском фронте, т. к. оперативных направлений было три и все они считались важнейшими: *Варшавское, Львовское* и *Крымское.*

Тов. Тухачевский говорит: „Расхождение ко времени решительного столкновения почти под прямым углом главных сил Западного и Юго-Западного фронтов предрешило провал операции как раз в тот момент, когда Западный фронт был двинут в наступление за Вислу" („Поход за Вислу", стр. 54).

В своей книге „1920 год", стр. 127, Пилсудский пишет, что, ослабляя Львовское направление и перебрасывая в район Люблина силы с юга, он рисковал очень многим. „Можно ожидать, что в короткий промежуток времени я буду иметь на своих непосредственных тылах марширующую от Сокаля и Грубешова конную армию или *часть ее,* что в значительной степени может сделать напрасными все мои усилия по организации контр-маневра с линии Вепрж".

Как мы уже знаем, оперативный план командзапа рассчитывал на включение в Западный фронт XII-й и 1-й конной армий, которые должны были бы обеспечивать его левый фланг, а ударом в Люблинском направлении свести на-нет оперативный замысел Пилсудского по удару с линии Вепрж. Но этого не случилось.

Директива Главного командования от 11-го августа своевременно выполнена не была, несмотря на то, что она была одной из важнейших директив за всю июльско-августовскую кампанию. Юго-Западный фронт продолжал развивать операции на Львов и Крым.

Последнее направление не могло также не раздваивать внимания командующего Юго-Западным фронтом. А поэтому стратегическая обстановка диктовала, чтобы XIII-я армия, действовавшая на Крымском направлении, была изъята из Юго-Западного фронта и подчинена, как *отдельная армия,* непосредственно Главнокомандующему тов. Каменеву.

По условиям связи это сделать в то время было вполне возможно.

Выделение XIII-й армии из Юго-Западного фронта в *отдельную* дало бы возможность командующему тов. Егорову

яснее и точнее чувствовать биение стратегического пульса на всем протяжении Польского фронта.

Отдавая директиву от 11-го августа, наше главное командование правильно учитывало боевую ситуацию, которая складывалась на Польском фронте к этому моменту. Директива приказывала пока оставить Львовское направление, XII-й армии главными силами нанести удар на Люблин, 1-й конной армии выйти в район Замостье—Томашев—Грубешов.

Если бы эта перегруппировка началась 12-го—13-го августа, то не только был бы обеспечен левый фланг Западного фронта, но и удар Пилсудского из района Люблина был бы немыслим.

Ибо, повторяю ни один здравомыслящий полководец не рискнет наносить удар в северном направлении, в то время как у него на юге в непосредственном тылу наступают две неприятельских армии.

Таким образом, наше главное командование имело правильную, своевременную и весьма целесообразную оперативную идею, но у него не хватило воли, чтобы заставить провести эту идею в жизнь сейчас же после отдачи директивы.

10.

В своем месте мы говорили, что направление 1-й конной армии в рейд на Замостье *25-го августа* было стратегической ошибкой тех, кто этот рейд организовывал.

Раз до 17-го августа 1-я конная армия не вышла в район Люблина, то не следовало бы ее уже снимать с Львовского направления, так как от такой перегруппировки никакой уже пользы быть не могло.

Посылать 1-ю конную армию 25-го августа в рейд на Замостье, в то время как ударная группа Пилсудского и три армии Галлера уже подходили к границе Восточной Пруссии, а в Холмо-Грубешовском районе находились части 3-й польской армии,—было в стратегическом отношении совершенно бесцельным.

Поэтому содержание директивы предреввоенсовета тов Троцкого от 20-го августа (см. главу 13-ю) должно было быть другим.

Коль к 19-му августа части 1-й конной армии были в 5—6 километрах от Львова, а армии Западного фронта, получив удар с Вепржа, стали отходить к линии Западного Буга,—то директива предреввоенсовета, нам кажется, должна была содержать два момента:

1) Подчеркнуть командующему тов. Егорову его ошибку в неисполнении директивы Главного командования от 11-го августа и 2) поставить 1-й конной армии и другим армиям

Юго-Западного фронта задачу немедленного овладения районом Львова.

К 25-му августа наступление поляков против армий Западного фронта временно прекратилось. С подходом к границе Восточной Пруссии и к линии Августов—Соколка—Беловеж—Брест-Литовск их порыв выдохся. Учитывая наше превосходство в силах на Юго-Западном фронте, мы могли бы протянуть к 25-му августа линию фронта от Гродна—Бреста на Львов.

Занятие района Львова было бы значительным моральным и материальным ударом для белополяков. Факт занятия Львова заставил бы противника начать переброску своих сил с севера на юг, а этим облегчилось бы положение отступивших армий Западного фронта.

Вообще занятие района Львова *в этих условиях* к 25-му августа внесло бы некоторое стратегическое равновесие для обеих сторон.

И это решение было более целесообразным, чем двухнедельная тяжелая операция 1-й конной армии, т.-е. рейд на Замостье и отход от этого пункта в район Владимир-Волынский.

11.

Основной риск в оперативном плане командзапа тов. Тухачевского заключается в том, что он не обеспечил, как это следовало бы, своего *левого фланга*. Если, скажем, подъем кверху сил XVI й армии для форсирования этой армией реки Вислы севернее Варшавы (директива от 10-го августа) был основан на расчете, что с завязкой сражения на Висле XII-я и 1-я конная армии будут работать в Люблинском районе, то все же было в стратегическом отношении нецелесообразно так оголять свой левый фланг. Нельзя было рассчитывать на слабую Мозырскую группу. Последняя *не могла* обеспечить левого фланга, растянувшись своими $4^1/_2$ тысячами на 160-километровом участке фронта. XII-я и 1-я конная армии могли же и запоздать, симптомы такого запаздывания были к 10-му августа налицо и еще более увеличились после 10-го августа, *но, несмотря на это, план командзапа оставался тот же.*

12.

Мольтке-старший говорил: „Без большого риска большие успехи на войне невозможны“.

После форсирования линии Бобра—Нарева—Западного Буга эту мысль мы оправдали полностью. Оперативный замысел командзапа по нацеливанию IV-й, XV-й, III-й и XVI-й армий севернее в обход Варшавы, при учете реального соотношения сил сторон, был наивысшим пределом риска.

Такой оперативный замысел рассчитывал, что успех должен быть обеспечен посредством смелого маневра правого крыла. Здесь мы подходим к вопросу о *стратегической внезапности.* Но была ли реальной такая внезапность для противника? По-нашему, нет. Ведь мы на протяжении 600-километрового наступления основной группировки своих сил на Западном фронте не меняли, а поэтому за 40 дней она не могла не быть расшифрованной неприятелем. Пилсудский говорит, что *к 5-му августа* было совершенно ясно, что главные силы Западного фронта идут на Варшаву и что три наших армии группируются именно против его левого фланга.

За 30 дней получить представление о группировке наших сил, которая оставалась той же с 4-го июля, вещь совершенно естественная.

Вот почему $13^1/_2$ дивизий и были собраны польским командованием в районе Варшава—Новогеоргиевск. В задачу этих дивизий входило не допускать красных войск к Варшаве и не дать нам возможности форсировать реку Вкра, т.-е. обойти Варшаву с севера.

Таким образом, директива командзапа *от 10-го августа* рассчитывала на осуществление стратегической внезапности, в то время как к *6-му августа* противник уже расшифровал эту внезапность и три армии Галлера встретили нас во всеоружии.

Боевая действительность не дала возможности осуществить директиву командзапа от 10-го августа. К 14-му августа главные силы XVI-й армии и левый фланг III-й армии атакуют Варшавский тет-де-пон. Правый фланг III-й армии и вся XV-я армия борются на линии реки Вкра.

IV-я армия, продолжая выполнять директиву командзапа от 10-го августа, уходит своими главными силами на запад, в Данцигский коридор и к Нижней Висле, т.-е. далеко в сторону от района главной операции.

Ивангородское направление почти свободно от наших сил, т.-е. *левый фланг Западного фронта оголен.*

XII-я и 1-я конная армии направляют свои главные усилия на Рава-Русская — Львов. Все это говорит за то, что в силу наших оперативных промахов перспектива контрманевра с линии Вепрж для ударной группы Пилсудского по тылам армий Западного фронта была самой блестящей.

Резервов у командзапа тов. Тухачевского на случай стратегической неожиданности нет.

Желание командзапа в дальнейшем спустить на юг в район Лукова две дивизии осуществить не удается.

Таким образом, „дюйм стратегической ошибки“ по необеспечению левого фланга и просчет командзапа в подтяжке XII-й и 1-й конной армий съели все героические уси-

лия XVI-й, III-й и XV-й армий на подступах к Варшаве и Новогеоргиевску.

Эти армии боролись под Варшавой и на реке Вкра численно и материально сильно ослабленными. Подтянуть же из тыла как людской, так и технический (снаряды, винтовки, патроны и пр.) материал не было у Западного фронта ни средств, ни времени.

В силу этого все героические усилия трех правофланговых армий (XVI-й, XV-й и III-й) в дни 14-го—17-го августа оставались безрезультатными, т. к. более сильный численно и материально противник за счет нашей общей слабости должен был и здесь получить успех.

Отсюда вывод, *смелый по замыслу маневр только тогда может получить действительный и прочный успех, когда он хорошо продуман и материально обеспечен.*

13.

В. Фалевич [1]), критикуя оперативный замысел командзапа тов. Тухачевского по форсированию Вислы севернее Варшавы, дает другую схему для решения в период, когда красные армии подошли к Висле.

Он говорит, что до 14-го августа, несмотря на то, что XII-я и 1-я конная армии не перешли в Западный фронт, а остальные силы Западного фронта завязали бои у Варшавы, план у командзапа остается тот же, и он не чувствует, что надвигается угроза с юга

По мнению В. Фалевича, обстановка диктовала принять такое решение:

1) Направить кавалерийский корпус Гая в Плоцкий район с целью разведки и диверсии.

2) IV-й и XV-й армиями атаковать район Праги (предместье Варшавы).

3) XVI-ю армию и Мозырскую группу расположить фронтом к югу и тем обеспечить себя от возможных и ожидаемых оттуда действий поляков.

4) III-ю армию иметь в резерве.

Такое решение, говорит В. Фалевич, „во многом бы нам затруднило и оборону Пражского участка и операцию ударной группы с Вепржа".

Мы оставляем эту интересную схему без рассмотрения и предлагаем читателю после всестороннего изучения сражения на Висле сделать из нее самому соответствующие выводы.

---

[1]) В. Фалевич, „Выводы из труда И. Пилсудского „1920 год". „Газета Варшавская", №№ от 19, 21, 22, 25 января 1925 года.

14.

Командующий Западным фронтом в своей работе „Поход за Вислу“, стр. 54, считает, что, помимо расхождения под прямым углом главных сил Западного и Юго-Западного фронтов, к моменту завязки сражения на Висле еще были и другие причины, которые повлекли за собой гибель операции, как-то:

1) Недостаточно серьезное отношение к вопросам подготовки управления войсками и невнимательное отношение хотя и к незначительным, но все же имевшимся техническим средствам управления.

2) Неподготовленность некоторых высших начальников, которые не сумели на месте восполнить имевшиеся недостатки технического управления, неподготовленность командарма IV-й Шуваева [2]), армия которого выполняла на Висле чрезвычайно серьезную стратегическую задачу.

Вышеизложенный анализ нашего похода к Висле в полной мере подтверждает эти выводы тов. Тухачевского.

Постараемся коротко остановиться на оперативной работе некоторых руководителей армейскими соединениями.

Как 1-я армия Клука, так и IV-я армия Шуваева действовали на внешнем фланге стратегического фронта. Последнее обстоятельство в условиях ведения современной операции обязывает к очень многому. Помимо всего прочего, *разведка и связь* как с соседом, так и с командованием фронта при действиях армии на внешнем фланге фронта должны быть доведены до совершенства. И Клук, и Шуваев имели стратегическую конницу (Марвиц — Гай) и ни тот, ни другой не сумели использовать ее как следует.

Конница Марвица своевременно не определила Амьенскую группу Монури, проскочив перед ее фронтом, конница Гая была брошена к Влоцлавску, т.-е. в тот район, где она не могла принести пользы для развернувшихся операций в районах р. Вкра и Новогеоргиевска.

Клук мало заботился о своем соседе Бюлове, кроме того, он с завязкой сражения на Марне потерял связь с ген. Мольтке.

Шуваев также ушел к Нижней Висле от своего соседа — XV-й армии тов. Корка — и потерял всякую связь с командзапом тов. Тухачевским.

Но Клук был способнейший командарм, в то время как Шуваев нам не показал этих качеств в сражении на Висле.

---

[2]) Тов. Шуваев принял IV-ю армию от т. Сергеева 10-го августа, до этого он был в продолжение 2-х месяцев начальником штаба у тов. Сергеева.

Когда Клук, уйдя за Марну, получил от своего 4-го резервного корпуса донесение с Урка, что его атакуют значительные силы французов (Монури), Клук сразу же почувствовал угрозу своему флангу и тылу армии. Он совершает блестящий отступательный марш, в одни сутки перебрасывает несколько корпусов своей армии с южного берега Марны к Урку и наносит сильнейший удар армии Монури. Правда, он этим самым ставит в тяжелое положение правый фланг II-й армии Бюлова, но производство такого маневра не может не говорить о способности Клука быстро ориентироваться в обстановке и принять решение.

Если бы Шуваев взял пример с Клука и вместо прогулок к Плоцку, к Влоцлавску и по Данцигскому коридору потянул все свои силы к району Рационж и далее ударил в Плонском направлении, т.-е. в тыл 5-й польской армии, боровшейся с нами на р. Вкра, то этим самым он не только не потерял бы связи со своим соседом—XV-й армией, а через нее и с командзапом, но и принес бы громадную пользу нашей операции на р. Вкра.

В своем месте мы в достаточной мере подробно говорили о нецелесообразных оперативных действиях IV-й армии Шуваева.

Здесь мы хотим еще остановиться на двух моментах.

Мы видели, что в дни 16-го, 17-го, 18-го и 19-го августа командарм IV-й, пустив свои дивизии веером, продолжал разъезжать из штаба одной дивизии в другую.

Через штаб 18-й дивизии к 19-му августа он, видно, имел *кое-какое* представление о положении XV-й армии (см. главу 12-ю), т. к. он дает ориентировку, правда, далеко неверную, командиру кавалерийского корпуса Гая. Последний с большим трудом по телефону в этот день связался с Шуваевым. А после этого телефонного разговора, в коем лейт-мотив—положение XV-й армии сильно ухудшилось, IV-я армия должна отступать на Млаву и т. д., сам командующий IV-й армией садится в автомобиль и уезжает через Серпец—Дробин на Остроленку и далее в Гродно, т.-е. *покидает свою армию.*

Мы считаем, что последний поступок командарма Шуваева с точки зрения простой боевой этики никуда не годится.

В такие решающие и критические часы и дни в жизни армии полководец обязан свою личную безопасность отложить в сторону. Он должен был бы в такой обстановке все имеющиеся силы армии собрать вокруг себя в кулак.

Своим авторитетом, энергией и решимостью вызвать боевую бодрость у командного состава армии.

Поднять с помощью политического аппарата армии эту боевую бодрость до наивысшего напряжения и самоотверженности.

Со всеми шкурниками, которые, естественно, появляются в такие минуты в боевой жизни войск, поступить, как это требуют законы революционной армии.

Остаться с армией и приказать ей *пробиться к своим соседям или погибнуть честно всем...*

Командарм IV и 19-го августа, уезжая в Гродно, де-факто передавал дивизии армии *старшему командиру*, каковым являлся комкор 3-го — Гая [1]).

В разговоре по телефону он поставил задачу для тов. Гая прикрывать отход пехоты армии, которая начнет отступление на Цеханов — Млаву. Задача была поставлена 19-го августа, т. е. когда Цеханов уже был в руках 18-й польской дивизии, таким образом, вся IV-я армия должна была отходить на Млаву.

Тов. Сергеев [2]) пишет: „Пробиваться назад по той же дороге, по которой шли вперед,—явление психологически верное, и надо иметь ясное понятие об обстановке и твердую волю, чтобы резко изменить дорогу и пробиться по другому направлению.

Невольно напрашивается мысль: да было ли что-нибудь у поляков южнее линии Млава — Остроленка—Ломжа к 23-му августа?

Ведь если все вышло на прусскую границу, а часть сил в это время преследовала наши части за Бугом на северо-восток, то кому-либо в армии легко могло прийти в голову соображение, *что на Млаву и далее пробиваться не стоит*, что там все силы поляков; а если бы еще разведка, брошенная от Серпеца на Плонск—Пултуск, показала, что там или никого нет *или очень мало*, то ведь другое направление прорыва напрашивалось само: на *Серпец—Седлец—Брест*, даже при условии выставления заслона от Млавы до Вислы, такой заслон могла выставить только 5-я и, пожалуй, часть 1-й армии, а 2-я и 4-я были уже далеко за Наревом.

Что в армии не было недостатка в решительных людях—показывают прорывы у Млавы и Хоржеле. Возможно, что эти пункты легко было бы заменить на Плонск и Сероцк или Пултуск“.

Такой вариант отхода предлагает бывший командующий IV-й армией тов. Сергеев [3]) (см. чертеж № 6).

Появившиеся новые польские источники (см. Bellona, том XIX) подтверждают правильность этой мысли тов. Сергеева.

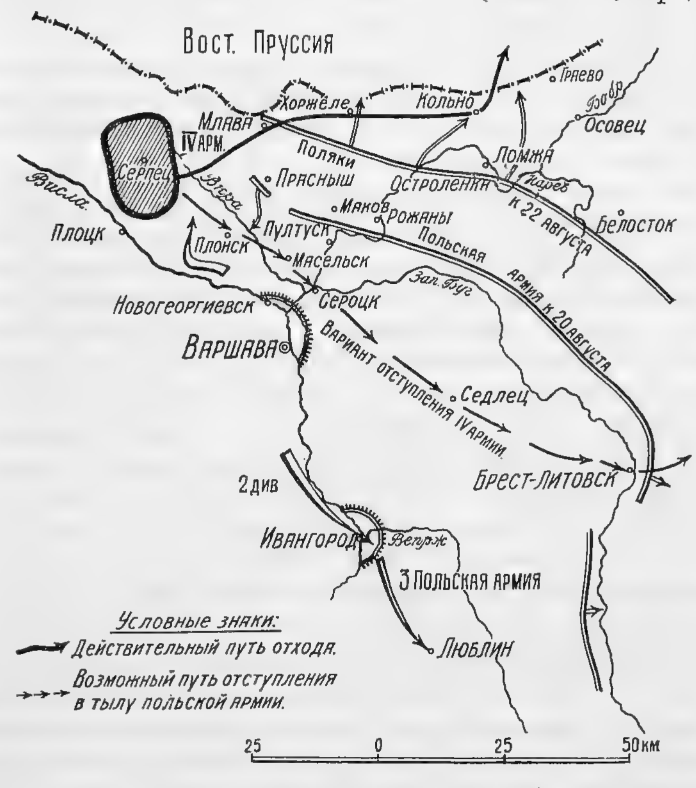
---

[1]) На самом деле он этого не сделал, и его отъезд в Гродно был совершенно неожидан и первое время непонятен для командиров дивизий и командира кавкорпуса т. Гая.

[2]) Е. Н. Сергеев, „От Двины к Висле“, стр. 103—104.

[3]) Автор настоящей работы был его помощником и провел совместно с ним всю майскую, июньскую и июльскую операции *до 6-го августа* включительно. Затем уехал на Врангелевский фронт. *В. М.*

Действительно, в IV-й армии было достаточное количество смелых и решительных людей—об этом говорят цифры. Армия шла все время уступом вперед и была передовым разведочным фонарем всего Западного фронта. И, несмотря на свою материальную слабость по сравнению, скажем, с XV-й и XVI-й армиями, за 40 дней похода (Дисна—Липно) пехота IV-й армии сделала 625 верст, а каждый всадник—1200 верст. Если выключить дни боев (Вилия—3, Гродна—

Черт. № 6.

Вариант отступления IV-й красной армии.

2, Ломжа—2, Остроленка—3 = 10 дней), то средний пробег конницы без боя будет около 40 верст в сутки. Пехота из 40 дней имела 20 дней боев, что дает цифру около 30 верст в сутки.

Таковы цифры, которые не уступают походу 1-й армии Клука, которая за 30 дней похода проделала 600 километров с боями (и там и здесь мы исключаем цифры, которые еще более бы увеличились, если взять расстояние *отступательного* марша).

Отход IV-й армии с 22-го августа *не на Млаву*, а на Пултуск или Сероцк—Седлец—Брест-Литовск хотя был и не легок, но возможен.

Конечно, это отступление по тылам поднимавшихся к границе Восточной Пруссии и Белостоку армий противника было бы во всех отношениях тяжелым.

Безусловно были бы бои, но и не труднее тех боев, которые были у Млавы, Хоржеле и Кольно, где, как Пилсудский пишет, *„IV-я армия защищалась, как загнанный лев“* („1920 год“, стр. 145).

Такой отход армии, которая, как видели, имела хорошее боевое прошлое, давал *больше* шансов на ее спасение, и это спасение должен был бы организовать лично командующий IV-й армией тов. Шуваев [1]).

Наша гражданская война имеет целый ряд блестящих прорывов из полного стратегического окружения, например, отход на соединение с красными войсками частей Блюхера, поход Таманской армии, отход южной группы Якира (части 58-й, 47-й и 45-й дивизий) по правобережной Украине и др.

Пилсудский характеризует свое контр-наступление с Вислы,—Вепржа, как хаотическое, бурное и плохо руководимое наступление (стр. 146-я его труда). Таковым был и отход наших армий Западного фронта.

Это обстоятельство, нам думается, еще более облегчало вопрос отхода IV-й армии в другом направлении, о котором мы говорили выше.

15.

При разборе похода германских армий к Марне мы говорили, что три правофланговых армии (Клук, Бюлов, Гаузен), наступая плечом к плечу, фактически образовывали сплошной оперативный фронт. Мы ставили в упрек ген. Мольтке, что он не объединил этих армий под одним командованием. В дальнейшем на берегах Марны отсутствие такого объединения воочию показало главному германскому командованию, что оно сделало ошибку, ибо такое объединение было бы крайне полезным для оперативных взаимоотношений и взаимодействий между этими тремя командармами. *И тогда вторая ошибка* ген. Мольтке, заключавшаяся в том, что с момента сражения на Марне его штаб и он сам нахо-

---

[1]) Пилсудский в своем труде „1920 год“, разбирая книгу тов. Сергеева „От двины к Висле“, продолжает везде говорить о нем, как о командующем IV-й армией, в то время как в дни отхода Сергеев уже не был командармом, ибо еще *10-го августа* сдал армию Шуваеву.

Пилсудский, верно, просмотрел примечание на стр. 83 книги Сергеева (она переведена на польский язык), где последний говорит о сдаче армии своему начальнику штаба Шуваеву.

дился в 230 километрах от района операций, *не была бы такой резкой*. Ибо ему было бы легче держать связь с одним лицом, объединявшим управление тремя армиями, чем с каждым командармом в отдельности.

Наши IV-я, XV-я и III-я армии, действовавшие на правом фланге Западного фронта, точно также образовывали единый оперативный фронт.

Численность наших армий была, конечно, другой, все три армии, взятые вместе, были по численности меньше любой из германских армий. Кроме того, связь между командзапом тов. Тухачевским и тремя нашими командармами до линии долины Бобра—Нарева и Западного Буга была вполне удовлетворительной. С проходом же этой линии связь со штабом фронта начала работать с перебоями.

В то время как ген. Мольтке за все время похода германских армий к Парижу ни разу не выезжал на фронт, командующий Западным фронтом это делал очень часто.

С подходом же наших правофланговых армий к реке Вкра и Варшавскому тет-де-пону командзап находился в штабе фронта в Минске, т.-е. в 480 клм. от боевой линии. Связь с III-й и XV-й армиями хотя и работала с перебоями, но все же была удовлетворительной, в то время как с IV-й армией была совсем скверной.

Действия XV-й и III-й армий на реке Вкра в оперативном отношении были вполне удовлетворительными. Слабая же численность этих армий, отсутствие необходимого количества вооружения и огнеприпасов, а также чрезвычайное утомление дивизий были основной причиной, что мы не могли преодолеть Новогеоргиевскую группу белополяков.

Положение этих двух армий неизмеримо бы облегчилось, если бы в полном взаимодействии с ними работала и IV-я армия Шуваева.

Нам думается, что последнее обстоятельство скорее было бы разрешено в нашу пользу, если бы в это время в районе решительной операции (скажем, в Пултуске или Венгрове) находился сам командующий Западным фронтом. Оперативная связь между командфронтом и его армиями была бы полней, и тов. Тухачевский сразу же мог *свернуть тот веер* из дивизий IV-й армии, который с 12-го августа начинал развертывать командарм IV-й.

Когда начинается сражение, на которое выпадает задача решить участь целой кампании, когда победа и поражение разложены на чашки весов, совершенно необходима *единая воля* в достижении поставленной оперативной цели.

Необходима *строгая централизация*, которая полнее определила бы оперативное взаимодействие в управлении армиями.

За эту высказанную нами мысль стоит опыт целого ряда кампаний из различных эпох и народов и особенно опыт мировой войны 1914—18 г.г. и войн гражданских до греко-турецкой (1918—1922 г.г.) включительно.

Пилсудский более удачно, чем мы, разрешил эту задачу. Наметив удар с Вепржа, он лично едет управлять собранной группой и остается при ней до тех пор, пока не определился значительный успех. Не менее целесообразно действует и ген. Галлер, который, имея штаб в Варшаве, выезжает с Вейганом 12-го августа в Новогеоргиевск к командующему 5-й польской армией и там санкционирует принятое последним решение относительно действий на р. Вкра, а также и операции против нашей IV-й армии (см. главу 11-ю).

16.

Выше мы видели, что невнимательное отношение к перехваченным приказам противника было громадной ошибкой с нашей стороны.

XII-я армия 12-го августа, а затем 14-го августа сообщала, что „захватили приказ противника, знаем его план“[1]). Приказ, захваченный XII-й армией, полностью раскрывал нам маневр противника, который он замыслил организовать с линии Вепрж. По этому поводу Пилсудский пишет следующее[2]): „У одного убитого где-то около Холма из наших офицеров противником был найден наш *приказ от 6-го августа*, содержащий распоряжения относительно новой группировки сил. Неосторожность эта, так часто повторяющаяся в истории войн и так сурово наказуемая всеми уставами всех армий, повторилась и у нас. *Она отдавала в руки Советов весь секрет наших движений.* В трудах г-на Тухачевского и г-на Сергеева я нахожу указание, что советское главное командование не придавало абсолютно никакой веры этому документу, так как из той же XII-й армии поступили донесения, что предназначавшиеся для атаки на севере 1-я и 3-я дивизии легионеров ведут успешные бои на юге под Грубешовом, а не где-то там в районе Любартова, куда приказывал их приказ от 6-го августа.

Г-н Тухачевский, который на 44-й стр. (неверно, на стр. 49. *В. М.*) заявляет, что он *имел по этому поводу спор* со своим старшим начальником (т.-е. тов. Каменевым. *В. М.*), *но со своей стороны не предпринял, однако, ничего, чтобы самому обеспечить находившиеся под угрозой свой левый фланг и тылы*“.

---

[1]) Из разговора 13-го августа между командзапом и Главкомом видно, что первый уже знал в это время о перехваченном приказе противника (см. приложение № 3).

[2]) Пилсудский, „1920 год“, стр. 126.

Действительно, перехваченные нами приказы за № 109 и № 110 (см. главу 13-ю), содержание которых своевременно было доложено Главному и фронтовому командованию, уже 14-го августа раскрывали нам стратегические карты, которые раскладывал Пилсудский против левого фланга Западного фронта.

И оказалось, нам был нужен удар противника с Вепржа, чтобы мы поверили, что эти приказы настоящие. Вывод для будущего в этом отношении настолько ясен, что мы распространяться о нем здесь не будем.

Действия XVI-й армии в районе Варшавского тет-де-пона *в тактическом отношении* были на должной высоте. Армия группировала свои главные силы к правому флангу, согласно директивы командзапа от 10-го августа, ее левый фланг был обеспечен фактически только одной 8-й дивизией, которая имела сильно растянутое расположение.

Материально и численно ослабевшая XVI-я армия не могла преодолеть сопротивление 1-й польской армии, которая в районе Варшавского тет-де-пона имела большие силы.

„XVI-я армия, пишет тов. Тухачевский [1]), продолжала свои безуспешные атаки севернее Варшавы. Обстановка слагалась так, что необходимо было усилить наш левый фланг и, вместе с тем, дать возможность XVI-й армии проявить себя на менее укрепленных противником направлениях. В связи с этим *14-го августа* командованием фронта отдается приказ о том, чтобы XVI-я армия искала переправы *южнее Варшавы* и чтобы одну стрелковую дивизию она выделила в резерв фронта в район Лукова, к выполнению чего и было приступлено“.

Но когда мы начинали осуществлять эту перегруппировку, то уже показались передовые части ударной группы Пилсудского с Вепржа. Было поздно.

Для командарма XVI-й удар с Вепржа был, как гром на безоблачном небе. О перехваченных приказах противника он ничего не знал. И ему пришлось считаться с той реальной обстановкой, которая с невероятной быстротой развивалась на его левом фланге, о чем мы уже говорили в главах двенадцатой и тринадцатой нашей работы.

Действия Мозырской группы заслуживают быть отмеченными в силу того, что, будучи весьма малочисленной и со смешанным составом, эта группа на протяжении всего похода успешно гнала перед собой в несколько раз превосходящего в силах противника, не отставая от других армий Западного фронта.

---

[1]) „Поход за Вислу“, стр. 50.

За первый день наступления с Вепржа все польские дивизии, участвовавшие в контр-маневре, сделали более 30 километров к северу.

„Главной загадкой, пишет Пилсудский, которую, пытался я разрешить, была тайна так называемой Мозырской группы. Собственно говоря, если не считать 57-й дивизии, этой группы совершенно не было, однако подобное суждение в корне противоречило создававшимся изо дня в день в течение целого месяца впечатлениям, полученным мною.

Ведь было же это какое-то апокалиптическое чудовище, перед которым в течение целого месяца отступали многочисленные дивизии. Казалось мне, *что я вижу сон*“ [1]).

А на самом деле это была самая реальная действительность. Прерывчатое расположение на 160-километровом фронте слабых сил Мозырской группы именно создавало такое впечатление, о котором пишет Пилсудский. Против Мозырской группы наступало 43.000 пехоты и 4.500 кавалерии при 179 орудиях и 800 пулеметах [2]). Ясно, четырехтысячная Мозырская группа должна была *раствориться* в этих неприятельских силах.

Пилсудский говорит дальше, что он и 17-го августа целый день искал части Мозырской группы, но так их и не нашел. Он думал, что для его ударной группы нами приготовлена „засада“, он приказывает 2-й дивизии легионеров немедленно сосредоточиться в районе Ивангорода на случай, если „засада“ действительно будет обнаружена.

Но все эти страхи оказались тщетными, т. к. Мозырская группа, получив сильный удар, стала отходить в район Брест-Литовска и далее за линию реки Западный Буг.

17.

При разборе оперативной работы главного германского командования перед сражением на Марне мы указывали, что Мольтке совершил большую ошибку, когда начал под влиянием побед *до Марны* рассасывать свою правофланговую маневренную группу армий. Отправка двух корпусов в Восточную Пруссию, выделение корпусов к Антверпену, к Мецу и т. д.—все это ослабляло правый фланг немецкого фронта, и это ослабление сил с главного направления в дни Марны имело для германцев свои последствия.

У нас также было несколько моментов, когда мы под влиянием блестяще развивавшегося наступления до линии Нарев—Западный Буг пытались ослабить и без того слабую правофланговую группировку армий Западного фронта (см. главу 10-ю).

---

[1]) Пилсудский, „1920 год“, стр. 131.
[2]) „Bellona“, том XIX. „Концентрация на Вепрже“, стр. 209.

Наше главное командование в конце июля и в первых числах августа послало несколько телеграмм командзапу тов. Тухачевскому с просьбой выделить для Врангелевского фронта сперва 48-ю дивизию, потом *еще две дивизии* без указания номеров из состава Западного фронта.

К счастью командующий Западным фронтом не согласился на это выделение, которое еще более бы его ослабило. Ответная телеграмма командзапа от 2-го августа, где он писал Главкому: „В виду усиливающегося сопротивления противника и постоянного его усиления частями, формируемыми в районе Варшавы из добровольческой армии, а также вследствие понесенных в беспрерывных боях потерь, общего утомления войск, считаю невозможным выделить из состава фронта две дивизии, указываемые Вашей телеграммой“,— положила конец этому вопросу.

Части же 48-й дивизии стали грузиться для отправки на Врангелевский фронт, но обстановка на Западном фронте изменилась не в нашу пользу, и двигавшиеся на юг эшелоны 48-й дивизии, согласно директивы командзапа от 20-го августа, должны были свернуть на запад. 48-й дивизии было приказано сосредоточиться в районе Пружан.

Как известно, два германских корпуса, отправленные в Восточную Пруссию, проболтавшись по Германии, не поспели туда, куда их направило главное германское командование, и отсутствовали там, где они были крайне нужны, т.-е. в сражении на Марне.

Мы же оказались более разумными и не ослабили своей основной группировки. Этот оперативный эпизод мы привели для того, чтобы еще раз подчеркнуть для будущего, что *никогда не следует ослаблять главное направление, его можно ослабить лишь тогда, когда определенный результат достигнут в решительной операции.*

18.

В своем месте мы в достаточной мере подробно останавливались на оперативном плане польского главного командования и на том, как этот план был осуществлен в жизни, здесь мы коснемся только некоторых сторон оперативной работы польского главного командования.

Как победа союзников на Марне, так и победа поляков на Висле *есть победа стратегическая.*

Как в сражении на Висле, так и в Марнском сражении многонедельный успех наступающего в конце концов привел к стратегической неудаче и отходу всех его армий.

Стратегическая дуга англо-французского фронта с крепостными районами на ее концах в виде Вердена и Парижа оказалась для Жоффра, в силу многих оперативных промахов германского командования, крайне удобной для производ-

ства контр-маневра с линии р. Урка во фланг и тыл наступающим германским армиям.

Стратегическая линия Польского фронта с крепостными районами в виде Новогеоргиевска—Варшавы и Ивангорода, а также плохая обеспеченность нашего левого фланга Западного фронта подсказали Пилсудскому испробовать последнюю меру сопротивления и организовать контр-маневр с линии Вепрж.

Как там, так и здесь оперативный замысел покоится на возможности и желании осуществить *стратегическую внезапность* для своего противника.

Последняя стара, как стара война. И Александр, и Цезарь, и Аннибал, и Наполеон всегда стремились осуществить *внезапность* удара, а Суворов говорил: „Удивить противника, значит победить его“.

Опыт прошедших войн нам напоминает, что против внезапности удара есть лишь одно средство—это „gouverner—c'est prévoir“, т.-е. управлять—это предвидеть. Но для правильного предвидения необходим план действий, в котором со всей ясностью и четкостью было бы выявлено, чего хотим и что в действительности можем [1]).

Что хотело польское командование и что оно могло предпринять в первых числах августа?

На первую часть вопроса ответ ясен, оно хотело с помощью Англии и Франции (для которых падение Варшавы было бы прелюдией к полному крушению Версальского договора в Европе) опрокинуть наш наступательный порыв.

И вот, будучи в первых числах августа у долины Бобра и верховьев реки Нарева и по реке Нурец, *оно начинает смелый маневр*, отрываясь от красных армий и группируясь по-новому для смелого и решительного контр - удара с берегов Вислы и Вепржа, для чего ослабляет Галицию и все силы подтягивает на Вислу.

Чем же мы ответили на это „хочу“ противника?

Во-первых—полной несоразмеренностью быстроты наступления с работой тыла наших армий, а отсюда—слабостью удара на главном направлении,

во-вторых — слишком смелым оперативным замыслом удара всеми силами севернее Варшавы, а отсюда—необеспеченностью пространства от Варшавы до Любартова (140 килом.),

в-третьих—расхождением к моменту завязки сражения на Висле Западного и Юго-Западного фронтов: на Варшаву и Львов, а отсюда—отсутствием твердого стратегического пути и твердого оперативного руководства.

---

[1]) Философ Сенека говорил: „Если не знаешь, в какую гавань направиться, не может быть и попутного ветра“ и был прав.

Таким образом, *общий вывод*, наше стратегическое „хочу“ *оказалось* обратно пропорциональным „могу“, в силу больших промахов чисто оперативного порядка.

Когда главному польскому командованию удалось осуществить стратегическую внезапность и когда последняя получила успех, мы видим, что самое руководство по контрнаступлению происходит стихийно и хаотически. Наступление на север от Вепржа доходит до 45 километров в сутки, а от Варшавы на северо-восток—до 25-30 километров. Состояние тылов маневрирующих польских частей ниже всякой критики [1]). Дело облегчается только тем, что тыловая гармоника (коммуникация армий) короткая. Связь польского командования с войсками неудовлетворительная.

В общем контр-наступление развивалось самотеком, а раз так, то оно и не могло быть длительным. И мы видим: *к 25-му августа* порыв польских армий выдыхается и они останавливаются на линии западнее Гродно — Волковыск — Беловеж—вост. Бреста и далее по Западному Бугу и зап. Грубешова, не имея уже сил продолжать дальнейшее наступление.

Таким образом, наша материальная и численная слабость и была нашим основным горем, не будь ее, а также наших оперативных промахов, мы выполнили бы свой исторический долг и передали бы столицу буржуазно-шляхетской Польши в мозолистые руки польских рабочих и крестьян.

„Основной вывод, говорит тов. Тухачевский, из нашей кампании 1920 года необходимо сделать тот, что ее проиграла *не политика, а стратегия* [2]). Политика поставила Красной армии трудную, рискованную и смелую задачу. Но разве может это означать неправильность?! Не было ни одного великого дела, которое не было бы смелым и не было бы решительным“. Вышеизложенное в достаточной мере говорило об оперативных промахах нашей стратегии, ошибки последней привели к гибели нашего замечательного похода на белую Варшаву.

Размах нашей военной операции на 600 килом. от исходной линии не был соразмерен с тем хозяйственным положением страны, в котором она находилась в 1920 году, а отсюда—крайняя бедность ресурсов для жизни и боя у наших наступавших армий.

С занятием линии Бобра с Осовцом—Нарева—Нурца и Зап. Буга с Брест-Литовском *стратегия* Западного фронта должна была бы детально ориентировать *политику* в том

---

[1]) См. Джонстон, „Операция под Варшавой“, The Army Quarterly. кн. 5, № 2, за 23 год, а также Bellona Tom XIX.

[2]) „Поход за Вислу“, стр. 53.

чисто военном соотношении сил и положении, в котором находились армии, проделавшие 500-километровый марш в 27 дней.

Международное значение нашего похода против буржуазно шляхетской Польши было огромно. Западно-европейский пролетариат великолепно видел, кто был наступательной стороной. Сказкам буржуазии, что мы вели завоевательную политику с целью уничтожения независимости Польши, пролетариат Европы не верил, напротив, он солидаризировался с нашим наступлением на белую Польшу, организуя „Советы Действия“ и препятствуя движению поездов и пароходов с вооружением для белопольской армии, которые посылала Антанта (см. главу 8-ю). Германский пролетариат видел в нашем наступлении к Варшаве начало крушения политики Франции, которая через Версальский договор построила государство-буфер—Польшу.

С победой пролетариата и крестьянства в Польше этот буфер был бы потерян для Франции, а германский пролетариат мог бы *не через* буржуазный буфер, *а прямо* протянуть свою руку рабочим и крестьянам Советской России. „Вопрос стоял так, говорит В. И. Ленин, что еще несколько дней победоносного наступления Красной армии, и не только Варшава взята (это не так важно было бы), но разрушен Версальский мир“ [1]). Но „у нас немного нехватило сил, чтобы дойти до Варшавы и передать власть варшавским рабочим, чтобы собрать Варшавские Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов, чтобы сказать им: „Мы шли вам помочь“; когда армия после неслыханных и невиданных героических усилий оказалась истощившей все свои силы,—наступило военное поражение“ [1]).

Подводя политический итог нашей войне с панской Польшей, тов. Ленин говорит: „Мы из войны вышли победителями. Мы в 1920 году предложили польским помещикам и буржуазии мир на условиях более для них выгодных, чем те, которые они имеют сейчас. Они тут получили урок, и весь мир получил урок, которого никто раньше не ожидал“ [2]).

Так закончился наш великий поход к Висле. Ошибки, которые имела наша военная стратегия в 1920 году, должны тщательно изучаться с целью избежать их в грядущих классовых битвах за мировую социалистическую революцию.

---

[1]) Собр. соч., том XVII, стр. 335 и 338.
[2]) Собр. соч., том XVIII, часть 1-я, стр. 92

Часть III.

СМИРНА.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Старая и Новая Турция.

Турция до мировой войны 1914—1918 г.г. *Черт. № 7.*

В XIX столетии Турция, или Оттоманская империя, по размерам своих территориальных владений и их богатству являлась одним из могущественных государств.

Ее государственная граница проходила по трем частям света.

В Европе Турция занимала всю площадь Балканского полуострова, т.-е. территорию современной Румынии, Юго-Славии, Болгарии, Албании и Греции.

В Азии в состав ее земель входили: вся Малая Азия с Курдистаном и Киликией, значительная часть Армении, Месопотамия, Сирия, Палестина и западная часть аравийского полуострова (Иемен, Асир, Геджас, Эль-Акаба).

В Африке она владела почти всей северо-восточной частью этого материка. Власть турецкого султана, или падишаха, с его резиденцией в Константинополе распространялась на все земли нынешнего англо-египетского Судана (Египет) с верхним течением Нила, западное побережье Красного моря, английскую часть Сомалийского полуострова, на итальянскую Эритрейскую колонию, на итальянскую Ливию (Триполи) и на нынешние французские колонии—Алжир и Тунис.

Таким образом, Оттоманская империя, благодаря своей непрерывной завоевательной политике, к началу XIX столетия захватила громадные земельные пространства с разнообразнейшими почвенными богатствами, к тому же населенные самыми различными народами и племенами.

Деспотическое правление и полное бесправие турецких султанов в занятых областях и беспощадные налоги и подати, которые ложились тяжелым бременем на население, были одной из основных причин, в силу которых вся история Турции XIX и XX столетий наполнена непрерывными войнами, которые в конце концов и опрокинули это непрочное могущество.

В результате различных восстаний (в Греции в 1821 г., в Боснии и Герцеговине летом 1875 г. и пр.), русско-ту-

рецкой войны 1877—78 г.г., колониальной политики Франции и Англии (захват Алжира 1830 г.; Туниса 1881 г.; Египта 1882 г., который в 1890 г. был превращен в обширное английское государство—колонию, под названием „Англо-Египетского Судана“), итало-турецкой войны 1911 г. (отторжение Триполи) и двух балканских войн 1912—13 г.г.— *произошел полный территориальный распад Турецкой империи.*

Вместо прежней обширной Оттоманской империи, ко второму десятилетию XX века, т.-е. перед мировой войной, территориальный состав Турции представлялся в следующем виде:

Таблица № 23.

НАИМЕНОВАНИЯ.	Таблицы Гюбнера.		Statesman's Yearbook.	
	кв. килом.	Жителей.	Англ. кв. миль (=2,59 кв. кил.).	Жителей.
Константинополь .	5.800	1.263.000	1.505	1.203.000
Чаталджа			733	60.000
Вся Европейская Турция	5.800	1.263.000	2.238	1.263.000
Малая Азия (с островным вилайетом)	501.400	9.089.200	197.711	10.509.200
Армения и Курдистан	186.500	2.470.900	71.990	2.470.900
Месопотамия . . .	419.100 [1])	1.498.200 [1])	143.250	2.000.000
Сирия	218.700	2.790.400	114.530 [2])	3.675.100 [2])
Аравия	441.100	1.050.000	170.300	1.050.000 [3])
Вся Азиатская Турция	1.766.800	16.898.700	697.781	19.705.200
Вся Турецкая империя	1.772.600	18.161.700	700.019	20.968.200

Примечания:

1) с Недждедом; 2) в том числе в Ливане 1.190 кв. миль и 200 тысяч жителей; 3) Геджас и Иемен.

Таким образом, за исключением незначительной провинции в Европе (восточная Фракия), весь Балканский полуостров был потерян Турцией.

Все ее владения в Африке, в виде колоний, перешли в руки Англии, Франции и Италии. В Азии после русско-турецкой войны 1877—78 г.г. она потеряла две области с городами Карсом и Батумом, которые перешли к царской России.

Автоматический территориальный распад Оттоманской империи в силу непрерывных восстаний и войн еще более усложнил обстановку в Турции, политическое, экономическое и культурное состояние которой и без того находилось в весьма тяжелом положении, благодаря абдул-гамидовскому режиму [1]).

[1]) Абдул-Гамид II—турецкий султан, царствовавший в продолжение 33 лет (1876—1909 г.).

Будучи убежден, что он является единственным наместником пророка Магомета, считал себя верховным повелителем правоверных мусульман во всей вселенной.

Весь период царствования этого султана есть сплошная черная страница в истории Турции.

Деспотическое управление страной при нем дошло до своего зенита. Хорошо зная, как легко совершаются в Турции дворцовые перевороты, Абдул-Гамид сейчас же по вступлении на престол стал проявлять сильнейшие опасения за него и за свою жизнь.

Ему всюду казались заговоры и измена. Не доверяя никому, окружив себя многочисленной стражею, он наводнил всю страну шпионами для политического сыска и тайной полицией, которая в эпоху Гамида получила всемирную известность.

Ни одна из обещанных реформ не была осуществлена. Цензура была доведена до крайних пределов, в силу чего печать была почти уничтожена. Сторонники реформ принуждены были или бездействовать или эмигрировать за границу.

Управление страной всецело перешло в руки невежественных и продажных чиновников. Торговля и промышленность пришли в упадок. Несмотря на то, что Турция—страна с большинством крестьян, земледелие находилось в жалком состоянии. Финансовая система и взимание налогов находились в хаотическом виде, а деньги, поступавшие в государственную казну, расходовались без контроля.

На народное просвещение отпускалось меньше одного процента всего государственного бюджета. Финансовая запутанность привела к тому, что в 1882 году Турция объявила себя банкротом и прекратила платить проценты по государственным займам.

Из этого хаоса, расстройства и разложения государственного организма резко выделялась одна лишь турецкая армия.

Абдул-Гамид видел в ней верную и твердую опору своему режиму, а поэтому и стремился ее поставить на ряду с западно-европейскими армиями. Все преобразование армии было поручено талантливому германскому генералу фон-дер-Гольц-паше, который и стремился ее построить по образцу германской армии. Турецкие офицеры, проходя через такую школу и получая образование от преподавателей и инструкторов-немцев, были самыми просвещенными и европейски-образованными людьми в Турции. С образованием младотурецкой либеральной партии „Единение и Прогресс“ многие из турецких офицеров вступили в нее и по поручению по-

Но несмотря на почти полное вытеснение к 1914 году Турции из Европы и на то, что великие европейские державы (Англия, Франция, Германия, Италия и пр.) объявили Оттоманскую империю „больным человеком", ее крайне выгодное географическое положение в *центре мировых торговых путей* заставило империалистические державы все чаще обращать взоры в сторону Переднего Востока.

Германский империализм, конкурируя до мировой войны с английским, стремился добиться не только экономического господства в Турции, но и распространить свои щупальцы в сторону Персии и Индии.

Германская идея постройки железной дороги Берлин—Константинополь—Багдад, которая в виде „пистолета была бы направлена в грудь Индии", и желание захватить Южную Персию, где официально с 1912 года господствовала Англия, не могли не вызвать на арене мировой политики состязания и упорной борьбы этих двух империализмов.

Французский империализм также не отставал. Он стремился к захвату богатейших рынков сбыта и сырья в Киликии и Сирии с Ливаном.

Царская Россия в своей ближне-восточной политике центр тяжести переносила на Балканский полуостров, на желание овладеть Дарданеллами и Босфором, а после захвата Константинополя, который, как известно, принадлежит турецкому народу с 1453 г., мечтала о водружении „святого креста на Софии".

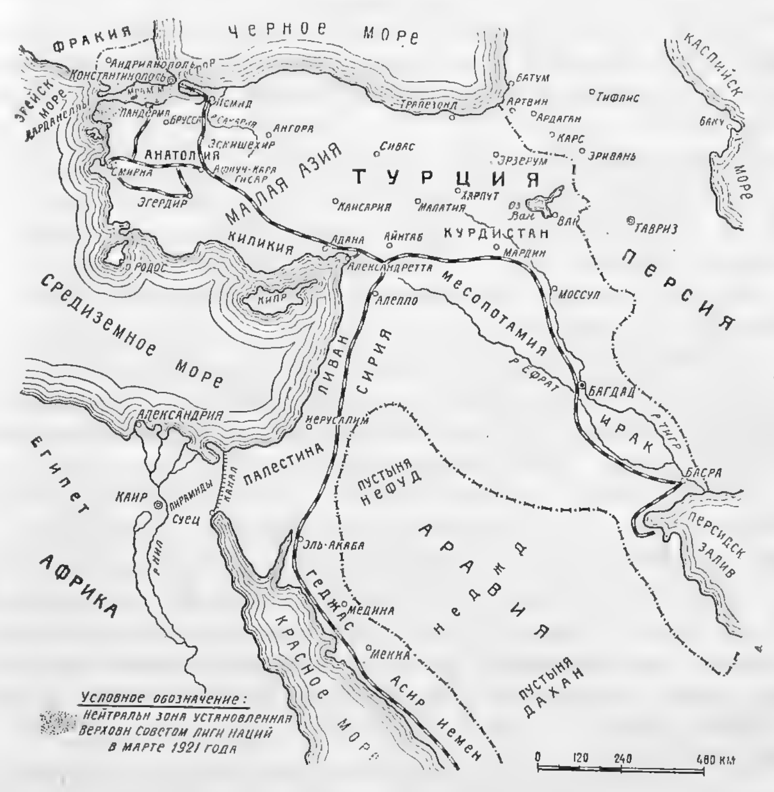
После овладения Италией африканскими землями Оттоманской империи (Триполи и Эритрейская колония— 1.234.000 кв. кил. с населением 979.200 жителей) *итальянский империализм,* не желая быть изолированным в политике великих держав на Ближнем Востоке, своей очередной задачей ставил овладение Смирнским вилайетом.

Таким образом, у этого „больного человека", все земли которого уже при его жизни были поделены на сферы и зоны влияния, оказалось весьма значительное количество совершенно посторонних наследников.

При чем для прочного овладения этими землями тормозом служило лишь то обстоятельство, что каждая из западно-европейских держав стремилась захватить себе наиболее выгодные политико-экономические и военно-стратегические

следней стали проводить агитацию в войсках за свержение абсолютизма Абдул-Гамида. Центральный комитет этой партии до 90 г. находился в Париже, откуда в турецкие части посылалась соответствующая литература. На следующий год после революции 1908 года младотурки свергают Абдул-Гамида, а на его место становится его брат под именем Магомета V, с правами конституционного монарха. Магомет V находился под полным влиянием германского империализма, умер в 1918 году, и его сын Магомет VI оказался последним султаном Турции.

области, пути и пункты и тем устранить других соперников, которые претендовали также получить преимущество в пределах Турции.

Черт. № 7.

Турция после мировой войны. Не успели еще замолкнуть выстрелы в тяжелой для турецкого народа балканской войне 1912—13 г.г., как Оттоманская империя снова была втянута в империалистическую войну 1914—18 г.г.

Участие Турции в мировой войне на стороне Германии было той последней каплей, которая переполнила чашу крайне сгущенной атмосферы на Ближнем Востоке.

Факт разгрома Германии и ее союзников к 1919 году открыл широкие двери для самой активной деятельности англо-французского империализма на Переднем Востоке [1].

[1] Следует указать, что, еще не дожидаясь окончательного исхода мировой войны, союзные державы приступили к реальному осуществлению плана захвата азиатских владений Турции. Так, например, 5-го ноября 1914 года Англия заявила, что окончательно при-

Англия с нетерпением ждала того момента, когда окончание мировой войны даст ей возможность более серьезно заняться ближне-восточной проблемой и встать твердою ногою в центре мировых торговых путей.

В своей речи в Палате Общин Ллойд-Джордж, не боясь открыть лейт-мотив этого большого политико-экономического плана захвата территории Турции, совершенно откровенно заявил всему миру, что *„великие державы до этого сохраняли однородность населения Турции не потому, что питали к ней какое-либо доверие, а потому, что они опасались результатов исчезновения турок. Война положила конец этому опасению, Турция раздавлена, и мы не имеем никакой причины теперь жалеть об этом“*.

Мировая война окончена. Союзные державы Антанты оказались победителями.

Как известно, в этой войне, не говоря уже о первом ее периоде (август—сентябрь 1914 г.), английские войска и их командование действовали в весьма значительном удалении от того момента, который определяет собой *подготовленность армии к современной войне*.

Но последнее обстоятельство абсолютно не мешает Англии извлечь *больше выгод*, чем кому-либо из союзников, при дележе полученного наследства в результате окончания войны. Это исключительное явление в истории последних столетий Англии стало явлением абсолютно нормальным.

Вот почему фраза: „Мы, англичане, проигрываем обыкновенно все сражения, *кроме последнего*, которое выигрывает войну и приносит победу государству“— имеет глубочайший смысл. В этой фразе вся сущность английского империализма.

Его принципы, в большинстве случаев, варварски просты, но они все же резко разнятся от той упрощенной, открытой политической тактики азиатского завоевателя Тамерлана, лейтмотивом которой было: „боже, избавь меня от друзей, а с врагами я сам расправлюсь“. Наоборот, английский империализм представляет собой высшую форму развития макиавеллизма [1]),

соединяет к себе остров Кипр, а 18-го декабря 1914 г. объявляет протекторат над Египтом. Далее, по секретному договору между Англией и Францией, подписанному Сайксом и Пико в 1916 году, о заключении которого, между прочим, не знали ни царская Россия, ни Италия, Франция получала Киликию (Аданский вилайет) и Сирию, а англичане Моссул и Месопотамию.

[1]) Как известно, политические поучения флорентийца Макиавелли, жившего в XV и начале XVI века, сводятся к политической системе без различия в выборе средств. Эта политическая программа требует не стесняться в средствах для достижения желательной цели: никогда не останавливаться перед притворством, вероломством, жестокостью, подкупом золотом, тайным убийством посредством яда или наемного убийцы и т. д. и подчинять политике все, не исключая религии и церкви.

посредством коей он стремится, чтобы и *друзья* и *враги* в одинаковой мере приносили необходимую пользу правящему классу Англии.

Английский империализм, который, начиная с XVII века и в течение трех столетий, дал своей незначительной островной метрополии [1]) возможность властвовать над 1/4 всей суши, население коей составляет 1/4 часть всех живущих на земном шаре,

Английский империализм, который превратил Англию в могущественную колониальную державу, занявшую во всех частях света наиболее выгодные политические, экономические и военно-стратегические области, пути и контрольные пункты,

Английский империализм, который в XIX веке вел ожесточенную борьбу сначала с Великой Французской Революцией, а затем и с наполеоновской Францией, нанеся *последней* смертельный удар по голове орла империи Наполеона I, а самого „бога войны“ сослав на отдаленный океанский остров Св. Елены, „великодушно“ предоставив ему право завещать „позор и ужас его смерти правящему классу Англии“ [2]),

Английский империализм, который, будучи и до сегодняшнего дня смертельным врагом Советской России, как известно, явился и является главным организатором в интервенционной политике во всех ее видах [3]) против С.С.С.Р.,— *заслуживает к себе большого внимания.*

Тщательное изучение этого крайне искусного [4]), ловкого и изворотливого империализма, имеющего уже громад-

---

[1]) Территория Англии (без Ирландии, которая с конца 1921 года, согласно англо-ирландского договора, является доминионом—dominion) равна 280.624 кв. кил. с 42.917.392 жителей по переписи 1921 года.

Общая же площадь всех колониальных владений Англии после всех приращений в результате последних войн, включая Ирландию, составляет по новейшим данным 37.234.715 кв. кил. с населением в 415.009.000 жителей. Это и составляет более 1/4 всей суши земного шара (146.993.000 кв. кил.) и около 1/4 его населения (1.711.802.000 жителей).

[2]) Из политического завещания Наполеона I.

[3]) Орган литовских фашистов „Tautos Valia“ от 14-го ноября 1926 г., зная план английской политики против СССР, откровенно еще до переворота в декабре писал: „Гораздо здоровее было бы, если бы наше правительство, вместо того, чтобы направить руль на восток (имеется в виду гарантийный договор СССР с Литвой о взаимном нейтралитете. *В. М.*) Европы, направило его на Запад, присоединясь к группе тех государств, которые под руководством Англии готовятся, собирают силы, чтобы сокрушить голову красному большевистскому чудовищу. Англичане готовятся к смертельной борьбе против большевизма, они собирают силы, группируют сторонников...“

[4]) Этим мы хотим сказать, что буржуазный и капиталистический строй Англии на протяжении последних двух столетий поддерживался далеко не бездарными людьми, напротив, он выдвинул целый

ный за собой опыт, представляет не только большой интерес, но и практическое значение. Ибо для того, чтобы окончательно победить этого беспощадного кровавого спрута человечества, надо хорошо его знать.

В нашу задачу не входит исторический анализ английского империализма, но мы уже выше видели, какую роль он играл в период подготовки к мировой войне, а также в нашей войне с белополяками в 1920 году.

Здесь мы постараемся в рамках нашей темы осветить его роль и значение в событиях на Ближнем Востоке и его деятельное участие, по старой традиции, в удушении всякого национально-революционного движения [1]).

Начало национально - революционного движения в Турции.

Для того, чтобы составить себе ясное и отчетливое представление о тех событиях, которые разыгрались в период 1919—22 г.г. на обширной арене Ближнего Востока, необходимо постоянно иметь в виду, что чем больше углублялись противоречия и чем больше росло соперничество между руководящими державами капиталистического мира, тем сильнее, шире и глубже развивалось национально-революционное движение в Турции.

В разрезе мировой политики стремление Англии и Франции [2]) окончательно взять под свою „твердую“ опеку все земли турецкого народа неизбежно вызывало страстное соперничество между ними на Переднем Востоке.

ряд выдающихся деятелей в политике и дипломатии (например, Роберт Питт (старший), Питт (младший), Гладстон, Дизраели, Ллойд-Джордж, Керзон и др.). Но надо иметь в виду, что для дальнейшего развития культуры и цивилизации все эти большие таланты были не даром для человечества, а сущим проклятием для него.

[1]) Как на характерное явление наших дней можно указать на проект раздробления национально-революционного движения в Китае, руководимого Гоминданом, с целью уничтожения этого движения по частям, с помощью подкупа китайских реакционных генералов.

[2]) Следует иметь в виду, что диалектический ход истории в некотором отношении как бы еще больше развязал руки у этих двух империализмов, в силу появления на мировой политической арене нового могучего фактора, в виде Октябрьской революции, которая, естественно, сразу *же отказалась продолжать всякую агрессивную политику царской России на Ближнем Востоке.* Наоборот, с началом национально-освободительного движения в Турции Советская Россия первая заявила, что она лучший и искренний друг этого движения и участвующих в нем турецких народных масс и что она будет непрерывно оказывать им свою мощную моральную поддержку. Что же касается Италии, то последняя ловким дипломатическим маневром Англии, как и в 1916 году (договор Сайкса и Пико), была устранена от участия в дележе малоазиатских владений Турции. Италии сперва был обещан Смирнский вилайет, но в дальнейшем по указанию Англии это место было занято Грецией.

Население же последнего, испытывая эту хищническую борьбу двух империализмов непосредственно на своих плечах, не могло не проникнуться глубочайшим отвращением к западно-европейским завоевателям, деятельность коих напоминала ему худшие времена из восточных деспотий турецких султанов - падишахов.

Упорная борьба Советской России со своей отечественной контр-революцией и с интервенцией западно-европейских капиталистических стран *по времени совпала* с трехлетней титанической борьбой турецкого народа за свою национальную независимость.

Наша борьба и наши успехи не только находили живой отклик в Новой Турции, но они были светлой путеводной звездой как для ее вождей, так и для широчайших турецких народных масс.

Молодая революционная Турция, как губка, впитывала большой кровавый опыт, параллельно с ее борьбой идущий из далекой Советской России, применяя этот свежий опыт *соответственно* с теми социально-бытовыми и политико-экономическими особенностями, в которых протекала борьба на Переднем Востоке.

1918-1919 г.г. Зарождение, процесс развития и роста национально-освободительного движения в Турции протекали в следующем виде:

30-го октября 1918 года[1]) Антанта заключает перемирие с Турцией в Мудроссе на судне „Сьюперб".

Главным организатором этого предварительного соглашения, а также и составления текста статей договора о перемирии была Англия.

Флот Антанты с преобладающим количеством морских судовых единиц Англии вошел в Дарданеллы, хотя это и не было фиксировано в статьях Мудросского соглашения. Прежде чем перейти к реальному осуществлению британизации всего Ближнего Востока, Англия решает оттеснить Францию и Италию на второй план.

Мировое могущество Великобритании на $^9/_{10}$ *зависит от ее прочного господства в Индии,* а поэтому все пути и подступы, ведущие к ней, должны быть в руках Англии. Это и есть основной лейт-мотив во всей мировой политике Англии за ее последние почти два столетия[2]).

---

[1]) 11-го ноября 1918 года открытая война была закончена, и было заключено перемирие на всех фронтах мировой войны.

[2]) День победы Кляйва при Плесси (23-го июня 1757 г.) считается началом британского владычества в Индии. С этого дня основная цель английской политики сводилась к сохранению, упрочению и расширению тех привилегий, которые приобрела в Индии Англия.

Гибралтар, Мальта, Кипр, Египет, Суэцкий канал, Южная Персия—все это отдельные звенья одной и той же цепи, идущей из Лондона в Бомбей и Калькутту.

С овладением проливами (Дарданеллы и Босфор) и Константинополем Англия еще более обеспечивает охрану своих торговых путей в Индию. Но быстрому осуществлению после Мудросского соглашения этого плана пока мешают Франция и Италия. После различных дипломатических ухищрений Англии Италия принуждена ходом событий оставить в покое мечты о захвате Смирнского вилайета. На место Италии эту задачу была призвана разрешить Греция[1]. Будучи всецело зависима в политическом и экономическом отношении от держав Антанты, как „держав покровительниц", и главным образом от Англии, Греция для английского правительства была наиболее выгодной по осуществлению ею интервенционного замысла. В дальнейшем мы увидим, что английское правительство не ошиблось в своем выборе и на протяжении всей трехлетней борьбы в Малой Азии Греция была верным и послушным орудием в сильных руках Англии.

14-го марта 1919 года верховный союзный совет, собравшись в Париже, на основании 7-й статьи Мудросского соглашения, в коей говорится об условиях оккупации турецких стратегических пунктов и позиций, санкционирует производство высадки в районе Смирны[2].

Эту высадку должны осуществить греческие войка при поддержке и охране с моря британского и французского флотов.

15-го мая 1919 года в Смирну вошли греческие войска, которые, не успев вступить на турецкую землю, начали избивать мусульманское население. Тысячи безоружных мужчин, женщин и детей были зарезаны и брошены в море. Командный состав союзного флота спокойно наблюдал эту беспримерную по жестокости бойню. В погромах в районе Смирны особым зверством отличилась 10-я греческая

---

[1]) Небезынтересно здесь указать на следующий момент. Для того, чтобы затушевать это поражение итальянской дипломатии, итальянский премьер-министр Нитти в начале 1920 года выступил с следующим характерным заявлением:

„У Турции отняли ее священный город Адрианополь; столица Турции Константинополь занята европейскими войсками; все турецкие порты и большая часть турецкой территории оккупированы иностранными армиями. Турецкий народ никогда не согласится санкционировать европейский трактат о таком расчленении Турции. Италия не даст ни одного солдата, ни одной лиры для поддержания такой авантюры". (М. Павлович, „Вопросы национальной и колониальной политики и III интернационал").

[2]) Ж. Кайзер, „Европа и Новая Турция", стр. 21.

дивизия, получившая от греческого главного командования „почетное“ звание „дивизии мщения и разрушения“ [1]).

Оккупация и беспримерные жестокости греческих войск над мирным мусульманским населением в Смирнском вилайете были сигналом для турецкого населения к началу организации самозащиты.

Появились первые партизанские отряды. Последние росли с большой быстротой, чему благоприятствовало то обстоятельство, что население уже знало, что союзники решили расчленить Турцию на мелкие районы и взять их под свою опеку. Смысл борьбы за независимость Турции начинает шириться и проникать в сознание широчайших турецких масс.

Появление Мустафы-Кемаля-паши и дальнейший ход событий до 10-го августа 1920 г.

Но для того, чтобы урегулировать начавшееся национально-революционное движение, ввести его в русло, придать ему целость и политическое оформление, — необходимы были руководители.

Вождем национально-освободительного движения явился Мустафа-Кемаль-паша, который в дальнейших событиях показал себя не только блестящим полководцем, но и крупнейшим политическим умом Новой Турции. Учитывая, что эта выдающаяся личность сыграла громадную роль в начавшемся движении, мы считаем необходимым остановиться на ее характеристике.

Сын стражника табачной монополии в Салониках Мустафа-Кемаль родился в 1879 году. Первоначальное образование он получал в Салониках, затем окончил военное училище в Константинополе. По окончании академии генерального штаба в Константинополе в 1904 году он был командирован в Германию для ознакомления с постановкой военного дела.

По возвращении из Германии Мустафа - Кемаль примыкает к политическому движению младотурок, принимая участие в редактировании нелегальной литературы буржуазной партии „Единение и Прогресс“. Тайная полиция Абдул-Гамида берет его под подозрение, затем вскоре после ареста он ссылается в Дамаск, откуда он продолжает поддерживать связь с комитетами младотурок.

Во время революции 1908 года Кемаль-паша не играет значительной роли. В дальнейшем он отходит от партийной работы и посвящает себя исключительно военному делу.

В 1910 году он присутствует на больших Пикардийских маневрах во Франции и в Германии в качестве официального представителя от турецкой армии, а затем организует

---

[1]) Там же, стр. 70.

новые военно-учебные заведения в Малой Азии, участвуя в проведении новых реформ в турецких войсках.

За время этой работы он сблизился с Энвер-пашой[1]).

С начала возникновения итало-турецкой войны 1911—12 г г. Мустафа-Кемаль и Энвер-паша тайно пробираются в Триполитанию, где становятся во главе вооруженного арабского населения. Мустафа-Кемаль командует отдельным отрядом, успешно теснит итальянцев и останавливает их продвижение во внутрь Киренаики, а колонну ген. Пекори Джеральди принуждает к беспорядочному отступлению.

В этих боях Кемаль-паша получает первый боевой опыт.

За время этой борьбы с итальянцами между Мустафой-Кемалем и Энвер-пашой происходят серьезные разногласия по основным методам ведения борьбы с итальянцами.

Последнее обстоятельство заставляет Кемаля еще до начала балканской войны покинуть Триполи.

В балканской войне Кемаль принимает участие в качестве начальника штаба булаирской армии, после же мира с Болгарией в 1913 г. он пробыл около года в Софии в должности военного атташе.

В период мировой войны 1914—18 г.г. Мустафа-Кемаль последовательно командовал 19-й дивизией, одной из круп-

---

[1]) Энвер-паша принадлежал к партии младотурок, активный участник установления в Турции конституционного строя (революция 1908 г.), а затем низложения султана Гамида (1909 г.). В этом же году был военным агентом в Берлине. 1911 г. — организатор и руководитель в триполитанской войне с итальянцами. Участвовал в войне 1912—13 г.г. против Болгарии, Сербии, Черногории и Греции в качестве начальника штаба и фактического командира 10-го корпуса, защищавшего Адрианополь, который капитулировал.

13-го января 1913 года сверг, посредством военного переворота, кабинет Киамиля-паши, который желал заключить мир. В январе 1914 года женился на племяннице султана и был назначен военным министром. Будучи ревностным сторонником союза с Германией, он пропустил „Гебен“ и „Бреслау“ в проливы.

В мировую войну был главнокомандующим всех сухопутных сил.

После поражения Турции в мировой войне Энвер-паша фактически сходит с широкой политической арены и начинает заниматься различного рода авантюрами.

Он бежит из Турции, правительство которой под давлением Антанты заочно приговаривает его к смерти.

После недолгого пребывания в Германии, где его теперь встретили весьма холодно, он в 1919 году приезжает в Советскую Россию. Осенью 1920 года он участвует на конференции мусульман в Баку. Затем он пробирается в Бухару, где пропагандирует идею сближения между Советской Россией, с одной стороны, и Турцией, Персией, Афганистаном—с другой.

В 1922 году неожиданно перекрашивается в другой цвет и становится во главе басмаческих банд, оперировавших в Туркестане. В этом же году он был убит в одной из схваток басмачей с красными отрядами.

ных групп на Кавказе, и даже целой армией в 150.000 человек. Успешные действия, приведшие к овладению турками Мушем и Битлисом еще больше упрочили авторитет Кемаля-паши. Вскоре он получает командование сначала над III-й армией, а затем переводится в Дамаск и принимает командование над войсками, оперировавшими в Сирии. Здесь под натиском англо французских войск генерала Алленби турецкие войска принуждены были к отступлению. Распорядительность, выказанная Кемалем во время тяжелых арьергардных боев с наступающим противником, снова выдвинула его на первое место в военных кругах турецкой армии.

В конце 1918 года ему был предложен пост главкома константинопольской армии, но Мустафа-Кемаль не принял этого назначения, не поехал в Константинополь, а, стянув все находившиеся в его распоряжении сирийские войска, остановился в Киликии (район Аданы) [1]).

Последнее обстоятельство совпало с моментом подписания константинопольским правительством—султаном Магометом VI—Мудросского соглашения с союзниками [2]).

После этого события пошли быстрым темпом. В мае 1919 года организуется из представителей анатолийских городов и организаций съезд в Исмиде, исполнительный комитет которого назначает Мустафу-Кемаля начальником восточных анатолийских войск. 15-го июля 1919 года открывается в Эрзеруме всеобщий конгресс под лозунгом „защиты национальных прав Восточной Анатолии“, на котором Мустафа-Кемаль фигурирует уже как вождь националистов. На Эрзерумском конгрессе Мустафа-Кемаль в присутствии делегатов и представителей ванского, битлисского, харпутского, сивасского, эрзерумского, диабекирского и трапезундского вилайетов публично отрекся от генеральства старой султанской армии и дал клятву работать вместе с трудовым народом для освобождения родины. Примерно, с этого же времени все государственные бумаги и боевые приказы Мустафа-Кемаль-паша подписывает без приставки „паша“.

---

[1]) Щепотьев, „Мустафа-Кемаль-паша“; Шеф, „Оккупация Смирны греками“; материалы Разведупра и „Воспоминания“ Кемаля и др.

[2]) В дальнейшем во время агитации против султаната в Турции, тон которой дал Мустафа-Кемаль, официоз „Хакимет-Миллие“ писал: „Среди турецких султанов бывали сумасшедшие, преступники, тираны. Но Магомет VI оказался изменником. Он и его правительство сдали грекам Смирну и вместе с греками воевали против турецкого народа, руководимого Мустафой-Кемалем и его товарищами.

Нация должна безоговорочно взять свою судьбу в собственные руки“.

В сентябре 1919 года в Сивасе, где Кемалем формировалось временное правительство, конгресс из представителей всех анатолийских вилайетов, а также азербайджанских турок выносит решение о продолжении борьбы с Антантой. Сивасский конгресс собрался под лозунгом „защиты прав Анатолии и Европейской Турции“. На нем же было положено начало образованию партии „Куа Милье“ (национальной силы). Был избран центральный исполнительный комитет партии, председателем которого был выбран Мустафа-Кемаль. В резолюциях Сивасского конгресса говорилось, что Анатолия объявляет войну Антанте, никакие соглашения между анатолийскими турками и константинопольским правительством Магомета VI недопустимы.

Немедленно должен быть созван турецкий парламент, не допускать никаких мандатов на Турцию со стороны Антанты.

Все турецкие силы, как оставшиеся от старой армии, так и партизанские части народной армии, находящиеся в Малой Азии, подчиняются Мустафе-Кемалю.

Новое турецкое правительство во главе с Мустафой-Кемалем переходит в конце 1919 года из Сиваса в центр Малой Азии—Ангору. Мустафа-Кемаль требует от султана созыва в Константинополе распущенного парламента.

Последний, собравшись в январе 1920 года по выборам, оказался совершенно неожиданным для султанского правительства[1]). (Из 120 членов—75 националистов и 25 младотурок).

28-го января 1920 года этот парламент принимает текст знаменитого „Национального Обета“, который был для кемалистов в то время основой всех требований, которые они предъявляли к Антанте. (См. приложение № 8).

Роль Англии. Британский империализм зорко следил за развивающимися событиями в Малой Азии.

Еще 12-го сентября 1919 года официальный представитель Англии, Черчилль, подписывает тайный договор с турецким великим визирем Дамад-Ферид-пашей, в котором говорилось:

„Англия обязуется гарантировать территориальную неприкосновенность Турции под ее мандатом; Константинополь будет резиденцией халифата, но проливы (Дарданеллы и Босфор) будут под наблюдением Англии. Султан предоставит к услугам Англии духовную и моральную силу

[1]) „В это время, пишет Кайзер, официально из Константинополя правил всей Турецкой империей бездарный великий визирь Дамад-Ферид, ставленник Англии, но в действительности он командовал только прислугой Высокой Порты“.

халифата для поддержания авторитета Англии в Сирии, Месопотамии и других территориях в сферах английского влияния“ [1]).

Принятие константинопольским парламентом „Национального Обета“ было сигналом к решительному выступлению Англии.

16-го марта 1920 года, несмотря на то, что Франция и Италия еще не дали своей санкции на оккупацию Константинополя, по приказу Ллойд-Джорджа, ген. Мильн занимает город, разгоняет турецкий парламент и дает директиву греческому командованию о начале его дальнейшего продвижения из района Смирны в глубь Малой Азии.

Последний акт английского империализма был сильным ударом по Франции, политика которой *разделилась пополам*—на Рейн против Германии и на Передний Восток, но с центром тяжести на Рейн. Франция Мильерана шла на уступки Ллойд-Джорджу, опасаясь потерять союз с сильной Англией и остаться изолированной на Рейне против Германии. Италия, как конкурент Англии, получила только роль наблюдателя.

Весна 1920 года для английского империализма—лучшая весна во всей его истории. Германия уничтожена. Франция на конференции в Сан-Ремо (18-го—21-го апреля 1920 года) принуждена была согласиться с фактом своего полного краха в политике на Ближнем Востоке.

Последний британизирован, Индия не имеет внешней опасности, ее внутренние национально-освободительные вспышки беспощадно пресекаются огнем и кровью.

Британский флот господствует почти на всех морях, его броненосцы спокойно режут обширные воды Средиземного, Эгейского, Мраморного, Черного, Каспийского, Красного морей и Индийского океана.

Константинополь, Иерусалим, Мекка, Багдад—эти древнейшие религиозные и политические центры Ближнего Востока—в руках Англии.

И вот в этот-то период апогея могущества британского империализма слабая и маленькая Анатолийская Турция объявляет беспощадную войну Англии.

Пути диалектического хода мировой истории, как всегда, для буржуазных политиков, экономистов и пр. кажутся нелепыми.

Но с точки зрения материалистического понимания развивающихся исторических событий, несмотря на их многочисленные зигзаги и извилины, они вполне ясны и понятны. Может-быть, для кого и странно, но дальнейший ход событий воочию убедил всех, что эта малышка—Анатолийская

---

[1]) Ж. Кайзер, „Европа и Новая Турция“, стр. 26.

Турция—победила и заставила отступить британского великана, несмотря на его фактическую гегемонию над рынками сбыта и сырья почти во всем Старом Свете, в период весны 1920 г.

Организация В. Н. С. Т. Разгон константинопольского парламента англичанами теперь уже не был страшен для Новой Турции. Ангорское правительство организовало новые выборы в Малой Азии и создало новое законодательное учреждение под названием Великого Национального Собрания Турции (В. Н. С. Т.), собравшееся 22-го апреля 1920 г. в Ангоре. „Избирательная система в В. Н. С. Т., говорит М. Павлович, была довольно запутанной. Многие депутаты были избраны по двухстепенной системе. От 2000 — 5000 избирателей-цензовиков избрали по одному выборщику, которые в свою очередь избрали делегата в В. Н. С. Т. (Меджлис). В среднем на 50.000 цензовиков приходилось по одному депутату. К выборам были привлечены провинциальные советы, муниципальные советы и члены комитета защиты прав Анатолии и Европейской Турции. В общем от каждого санджака было избрано по 5 человек“. Как видим, по классовому составу избранные в В. Н. С. Т. 300 депутатов являлись представителями цензовых элементов, т. е. купечества, средней буржуазии, духовенства, свободных профессий, при чем купцы, адвокаты и офицеры были большинством в В. Н. С. Т.

Председателем В. Н. С. Т. и главнокомандующим всеми турецкими вооруженными силами был избран Мустафа-Кемаль.

Таким образом, факт организации В. Н. С. Т. говорил, что появилось две Турции.

Одна в Константинополе, которая по приказанию англичан объявила Мустафу-Кемаля „вне закона“, как изменника, а все организуемое им национально-освободительное движение—мятежом.

И вторая—*Новая Турция*—в Ангоре, которая порвала всякую связь с правительством султана, находившегося под полной опекой союзников и главным образом англичан, и объявила войну западно-европейскому империализму с целью создать великую единую Турцию.

Севрский договор. Весь 1920 и 1921 годы были самыми тяжелыми, а временами и критическими годами для Новой Турции.

В эти годы английский империализм организует сильнейший нажим с целью ликвидировать правительство В.Н.С.Т.

Желание владеть Малой Азией у Англии исходило, конечно, не только потому, что она лежит в *центре мировых*

торговых путей, идущих в Индию, но и потому, что она является обширным рынком для сбыта изделий, которые обрабатывает западно европейская промышленность.

Значительные недренные богатства, зачаточное состояние отечественной промышленности, преобладание мелкого крестьянского хозяйства, еще весьма слабое развитие торговой буржуазии Турции и т. д.—все это было крайне положительной почвой для применения широких эксплоататорских способностей западно европейского капитализма.

10-го августа 1920 года произошло самое знаменательное событие в истории Турции за последнее столетие.

Константинопольское правительство султана подписывает мирный договор в Севре, выработанный союзными державами Антанты на конференциях в Спа и Сан-Ремо.

Учитывая, что Севрский мирный договор по своему объему крайне велик и содержит 433 статьи, кратко остановимся после его изучения на основных отдельных его моментах.

1) Согласно этого договора, политическая, государственная роль Турции сводилась к нулю, ее оставшаяся незначительная территория должна была бы играть роль этнографической единицы и не больше.

2) От Турции отторгались Сирия, Месопотамия, Киликия, Палестина [1]), Арабистан и Курдистан (последние две области объявляются самостоятельными под протекторатом союзников).

3) Смирнский вилайет фактически отходит к Греции, которой также передавалась Восточная Фракия с Адрианополем до Чаталджинской линии.

4) Константинополь, Дарданеллы и Босфор, Мраморное море с европейским и азиатским побережьем нейтрализовались и интернационализировались.

5) По 139-й статье Турция отказалась также „от всех прав суверенитета и юрисдикции над мусульманами, подчиненными суверенитету или протекторату всякого другого государства", т.-е. фактическое расчленение единства мусульманского мира.

6) Над оставшейся незначительной территорией на европейском берегу и в Малой Азии (Анатолия), где номинально должен был бы иметь власть турецкий султан, учреждалось „международное финансовое управление, а также международная жандармерия для поддержания внутреннего порядка.

---

[1]) Сирия и Киликия—мандат на управление был дан Франции, Месопотамия, Палестина—мандат Англии, т.-е. в общем в сферу британского влияния переходила половина оттоманской территории в 915 тысяч кв. километров с 4 миллионами населения.

Турецкая армия ликвидировалась под надзором международной контрольной комиссии“ [1]).

Таким образом, Севрский договор (по своему содержанию беспримерный в истории международной дипломатии за последнее время) оказался символом полной политической и экономической смерти для Турции.

Ангорское правительство В.Н.С.Т. целиком и полностью отвергло этот договор. Оно разъяснило всему турецкому народу смысл этого договора и объявило константинопольское правительство султана предателем интересов турецких народных масс. Между Старой и Новой Турциями образовалась непроходимая пропасть.

„Мы никогда еще не переживали большего несчастья и большего разгрома“,—сказал Мустафа-Кемаль при получении первых сведений о заключении Севрского договора. „Лучше умереть, чем примириться с таким унижением“,—говорили все националисты [2]).

---

[1]) Кроме того, Турция должна была признать независимость Армении и отказаться от своих прав на Эрзерумский, Ванский, Битлисский и Трапезундский вилайеты, которые целиком или частично должны были быть переданы новой „независимой Армении“, границы которой окончательно должен был определить президент С.-А. Соединенных Штатов.

[2]) Победоносная борьба Советской России с отечественной контрреволюцией и с поддерживающей последнюю Антантой возбуждала энтузиазм во всем турецком народе и внушала мусульманским массам уверенность в возможность успешной борьбы с мировым империализмом.

Отвечая именно этому настроению широких народных масс Турции и желая подчеркнуть перед всем миром дружеские отношения, соединяющие Турцию и Россию, Кемаль посылает 29-го ноября 1920 г. тов. Чичерину свое знаменитое письмо:

„Господин Комиссар,

Имею честь подтвердить получение Вашего письма от 2-го июля 1920 года, врученного мне советником Вашей миссии в Турции, и выразить Вам свою искренную благодарность за Вашу лестную оценку борьбы, которую мы ведем против коалиции западных империалистов.

Мне доставляет величайшее удовольствие сообщить Вам о чувстве восхищения, испытываемого турецким народом по отношению к русскому народу, который, не удовлетворившись тем, что разбил свои собственные цепи, ведет уже более двух лет беспримерную борьбу за освобождение всего мира и с энтузиазмом переносит неслыханные страдания ради того, чтобы навсегда исчезло угнетение с лица земли.

Наша нация вполне оценивает все величие жертв, на которые пошла русская нация ради спасения рода человеческого, т. к. она сама в течение веков боролась, отстаивая мусульманские страны, являющиеся объектом вожделений европейских империалистов. Я глубоко убежден, и мое убеждение разделяется всеми моими согражданами, что в тот день, когда трудящиеся Запада, с одной стороны, и порабощенные народы Азии и Африки, с другой, поймут, что в настоящее время международный капитал пользуется ими для взаимного уничтожения и порабощения, ради вящей пользы

Греческое наступление на Ангору и бои на реке Сакария.

Параллельно с этой политической и дипломатической работой британского империализма греческое правительство развернуло широкую деятельность в Малой Азии.

22-го июня 1920 года греческая армия переходит в решительное наступление с целью оккупировать всю Анатолию и занять столицу Ангору.

Эта почти двухсоттысячная армия, собранная по всеобщей мобилизации, прекрасно вооруженная и снаряженная на английские средства, двинулась в направлении двух основных железнодорожных магистралей: Смирна—Баликсер—Бандерма; Смирна—Ушак—Афиун-Кара-Гисар.

Мы не будем останавливаться на всех упорных боях, которые имели место на обширных и сильно пересеченных полях Анатолии, подчеркнем только, что еще мало организованная и слабо вооруженная армия Мустафы-Кемаля, которая в полном смысле слова строилась под огнем противника, с чрезвычайным ожесточением боролась за каждую пядь своей земли.

Греческая армия, в составе 11 пехотных и одной кавалерийской дивизий, двигаясь на восток, к концу июля 1921 года уже миновала линию Брусса—Ушак и Эскишехир—Афиун-Кара-Гисар.

Турецкие иррегулярные отряды, действуя в полном единении с присоединившимися еще ранее к ним дивизиями и корпусами старой турецкой армии, принуждены были под натиском превосходных сил противника отходить за реку Сакария, эту последнюю большую естественную преграду на пути к новой турецкой столице Ангоре.

14-го августа 1921 года три армейских корпуса трехдивизионного состава греков вновь переходят в наступление. Три греческих пехотных дивизии 3-го корпуса наступают вдоль железной дороги Эскишехир—Ангора и 7 пех. дивизий (1-й и 2-й корпуса) направляются к югу, в обход левого фланга турецкого расположения на Верхней Сакарии.

своих господ, и в тот день, когда сознание преступности колониальной политики проникнет в сердце трудящихся масс мира,—власть буржуазии кончится.

Высокий моральный авторитет правительства РСФСР в среде трудящихся Европы и любовь мусульманского мира к турецкому народу дают уверенность, что нашего тесного союза будет достаточно для того, чтобы объединить против империалистов Запада всех тех, кто до сих пор поддерживал власть покорностью, основанной на терпении и невежестве.

Примите, господин комиссар, искреннее уверение в моем глубочайшем уважении.

Председатель Великого Национального Собрания Турции Мустафа-Кемаль".

(„Турция в борьбе за независимость", изд. Научн. Ассоц. Востоковедения при ЦИК СССР).

Этот оперативный замысел расшифровывается турками посредством деятельно работавшей в эти дни авиоразведки и армейской кавалерии (кав. корпус Фахреддина).

Мустафа-Кемаль приказывает энергично оборонять всю линию реки Сакария и сосредоточить как можно больше сил к левому флангу против главной греческой группировки.

Это директивное указание выполняется, и собранные в направлении Катаранджи около 60 тысяч турок приостанавливают обходное движение греков.

Последние начинают энергичное фронтальное наступление по всему фронту. Части 3-го греческого корпуса имеют наибольший успех, они к 30-му августа с громадными трудностями продвигаются на 15 километров к востоку от Сакарии [1]).

Своевременный подвоз подкреплений с Восточного фронта (Кавказского), где командующий фронтом Киазим-Карабекир выказал большую распорядительность, окончательно сломил наступательный порыв греческой армии.

К 16-му сентября, понеся большие потери от непрерывных и ожесточенных боев, греческое командование отдает приказ об отходе. Турки продолжают неотступное преследование.

Отход греков продолжался до середины октября 1921 года. Большие потери, утомленность частей, а также наступающая зима заставили обе стороны прекратить активные действия.

Сакарийские бои были серьезным экзаменом для молодой турецкой армии. И этот экзамен она выдержала с большой кровью и с большим сознанием, за что она борется.

---

[1]) Подход греческих передовых честей, примерно, на 75 километров к западу от Ангоры был наибольшим продвижением за всю войну в Малой Азии.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Политическая и военная подготовка В. Н. С. Турции к наступательной операции в 1922 году.

Некоторые предпосылки.

Генеральное сражение в августе 1921 года на реке Сакария было закончено большой победой турецкой армии.

Стремление Греции и Англии захватить новую столицу Турции—Ангору и ликвидировать правительство Великого Национального Собрания Турции потерпело полную неудачу. Турецкое национально-освободительное движение оказалось слишком крепкой стеной, и все попытки греков протаранить в ней проход к Ангоре оказались тщетными. Тяжелые неудачи на фронте армии Мустафы-Кемаля и ее 520-километровый отход от Смирны до подступов к Ангоре не сломили морального состояния турецкой армии, а наоборот—еще более воодушевили турецких аскеров, которые с честью выполняли лозунг В.Н.С.Т. о „твердой защите каждого клочка свободной Анатолии".

Усилия по всемерной поддержке со стороны Англии, которая регулярно снабжала оккупационную греческую армию всеми видами вооружения и снаряжения и предоставляла греческому правительству необходимые денежные займы, с целью скорейшего захвата греками Ангоры,—не оправдали надежд английского правительства.

Ходом боевых действий главное греческое командование принуждено было отказаться от дальнейших наступательных операций. Оно отдает своей сильно растянутой и понесшей большие потери в Сакарийских боях армии приказ о быстром отходе в западном направлении с целью удержаться на линии Эскишехир—Афиун-Кара-Гисар.

Греки приводят в оборонительное состояние указанную линию, и крупные операции на всем протяжении стратегического фронта замирают на несколько месяцев.

Весь смысл авантюристического похода греческой армии, действовавшей по директиве Англии, может быть охарактеризован двумя документами.

От имени Великого Национального Собрания Турции Мустафа-Кемаль с целью еще раз подчеркнуть, за что бо-

ролась на р. Сакарии молодая турецкая армия, в обращении к турецкому народу сказал:

„В течение двадцати одного дня и двадцати одной ночи идея национальной независимости Турции стояла против хищнического инстинкта захватов“. Как известно, более чем 3/4 территории, по которой прошла от Смирны до Сакарии греческая оккупационная армия, населена исключительно турецким населением, а поэтому смысл слов Мустафы-Кемаля становится понятным.

В это же время греческий король Константин с целью затушевать перед общественным мнением тяжелое поражение на подступах к Ангоре, где неизмеримо более сильная греческая армия была опрокинута еще мало организованной национальной турецкой армией, обратился к своим войскам с следующим, весьма характерным воззванием:

„Вы оказались достойными всех героев, порожденных нашей нацией, и история впишет нашу эпоху золотыми буквами. Вы показали, чего мы стоим, мы, эллины, и что мы можем совершить, когда беспрекословно слушаемся голоса родины. Вы ударили в самое сердце неприятеля, вы пролили свою кровь, драгоценную кровь эллинов, чтобы освободить ваших порабощенных братьев и вернуть цивилизацию в страну, где наши предки совершали великие деяния, и для того, чтобы этого достигнуть, вы привели к благополучному концу великое дело там, где никакая другая армия не могла бы совершить подобного подвига. Я слышал, как вы кричали: „В Ангору“!, *но я не хотел вас туда пустить*, чтобы вы вновь не утомились и не приносили новых жертв, раз дело, вами доселе совершенное, достаточно для нашей цели. Я убежден что вы прочно сохраните вашими силами страну, которую вы освободили. Когда вы закончите то немногое, что вам остается сделать, вы вернетесь к вашим семьям, счастливые и гордые тем, что возвеличили и еще более прославили нашу дорогую родину,

Порыв, направляющий ваши штыки, дал тяжелый урок неприятелю; но последний, сломленный напором ваших усилий, насторожился и надеется, что вы устанете и тогда он сможет вырвать у вас то, чем вы владеете. Покажите же ему, что эллин не утомляется, когда он борется за родину, и, выставив вперед штыки, крикните ему: *Попробуй возьми*“!

Как видим, текст воззвания обращен к весьма древнему периоду человеческой истории, т.-е. чуть ли не к античному периоду ионической культуры с его Илиадой и Одиссеей Гомера и к эллиническому периоду от времен Александра Македонского до завоевании Греции римлянами. История древне-греческой культуры и история ее более позднего времени, как известно, наполнена и хорошим и плохим.

Но эллинизм периода 1918—1922 годов, т.-е. греческая культура, цивилизация и гуманность выразились на территории турецкой Анатолии только в следующем:

Турецкие села стонали под гнетом систематических реквизиций и поборов. Грабежи и мародерство переходили всякие границы.

С горькой и злобной иронией каждый анатолийский крестьянин вспоминает постоянные слова греческих солдат при нашествии: „Юг юмурта бир таук, чабук, чабук“ (Три яйца, да курицу—скорей, скорей)! Так рассказывает тов. Астахов.

При изгнании из Малой Азии греки сильно хлопнули дверью. „Все, без преувеличения, села и города по пути отступления они сжигали. Сжигали систематически при помощи специальных отрядов, обливая керосином дома и бросая ручные гранаты.

В Ушаке цинизм дошел до того, что греческий комендант заблаговременно предупредил директора оттоманского банка Баладур о том, что „город будет сожжен“. Практичный француз своевременно эвакуировался.

В городе Ала-Шехире из 4.500 домов случайно уцелели лишь 2—3 дома; приезжали американцы с целью „убедиться“. Сначала сомневались. Потом осмотрели развалины, поговорили с жителями и „убедились [1])“.

Вот в этом-то, в систематическом истреблении всех городов и сел Анатолии и выразился эллинизм XX века. Вопрос другой, что этим эллинизмом руководил английский империализм.

Мы полагаем, дальнейших комментариев данное воззвание не требует. Мы привели его целиком еще потому, что оно является и политическим документом.

Ниже мы увидим, как оправдала греческая оккупационная армия последние слова из воззвания главы своего государства.

Мероприятия В.Н.С.Т. в области внешней политики.

Наступившее затишье на фронте открыло возможность как правительству В.Н.С.Т., так и его армии энергично приняться за всестороннюю подготовку к будущему наступлению, которое обеспечило бы переход всей Анатолии обратно в руки турок.

Таким образом, весь этот период затишья в военных действиях явился для турецких националистов самой напряженнейшей работой по разрешению всестороннейших вопросов обороны своего молодого государства. И следует указать, что успехи за эти 10 месяцев напряженного труда как в области политико-экономической, так и в военной дали весьма значительные результаты.

Умная политика ангорского правительства за эти 10 месяцев постепенно подготовила почву для полного краха англо-греческой интервенции в Турции. С целью выявить кризис Антанты на Ближнем Востоке турецкая дипломатия напрягает все усилия, чтобы изолировать Францию от Англии.

---

[1]) Астахов, „От султаната к демократической Турции“, стр. 93.

Момент выбран крайне удачно, т. к. империалистическая политика Франции и Англии в это время на Ближнем Востоке резко разошлась. Захватнические успехи Англии начинали отодвигать на второй план Францию, у которой дела в Киликии и Сирии были весьма неважные.

С целью локализировать эти обстоятельства Франция начинает решительно менять свою политику по отношению к Турции. 20-го октября 1921 года Франция заключает договор с ангорским правительством [1]), в силу которого она „отказывается от Киликии, предоставляет Турции ряд льгот на Сирийской границе [2]) и признает ангорское правительство“. *Это уже была большая политическая победа Новой Турции.*

---

[1]) Следует здесь указать, что политические мотивы, в силу которых Франция подписывает договор с Ангорой, более глубоки, чем кажется на первый взгляд. Говорить, что здесь играло роль „великодушие“ французского империализма по отношению к Турции, значит совершенно не понять действительной сущности вещей.

А сущность заключалась в следующем:

1. В эти дни французский империализм был поглощен разрешением более для него важного вопроса—*германского*, и он вел интенсивную подготовку к оккупации Рура.

2. Перед этим большим политико-экономическим вопросом стушевывались многие другие, и в частности *участие* как в борьбе против Турции, так и в тех событиях, которые разыгрывались в Передней Азии.

3. Действовать успешно в двух направлениях французский империализм не мог, так как в Малой Азии он сталкивался с более сильным империализмом Англии. Последнее обстоятельство заставляет Францию направить все усилия в главном направлении—против Германии (Рейнская область с ее богатейшим каменно-угольным бассейном—Руром)—и быть наблюдателем в Малой Азии.

4. Кроме того, деятельность французского генерал-губернатора Сирии генерала Гуро была настольно усердной, что восстание населения в Киликии потребовало новых вооруженных сил, а их надо было французскому империализму беречь для Рура.

5. Совокупность этих фактов наглядно говорит, что непрерывное соперничество двух империализмов (Франции и Англии) родило договор Франции с Ангорой от 20-го октября 1921 года, который был весьма кстати для Турции и которым Франция хотела уколоть Англию за то, что последняя стала хозяином Константинополя и Малой Азии, через греческую оккупационную армию.

[2]) По этому соглашению Франция уступает Турции в северной Сирии территорию, включающую в себе Айнтаб, Урфа и Мардин, площадью в 25—30 т. кв. клм., в том числе большую часть морского побережья Александреттского залива, где турецкая граница начинается в 20 клм. севернее г. Александретты. Самый город Александретта остается за Сирией, но Франция попрежнему обязуется ввести в нем специальный административный режим, с предоставлением жителям турецкой национальности права культурного самоопределения и с признанием турецкого языка официальным, наряду с арабским и французским. Кроме того, г. Александретта объявляется свободным портом для ввозимых транзитом товаров, следующих далее по Багдадской железной дороге. Наконец, Франция согласно договора должна была немедленно вывести все свои оккупационные войска из Киликии. (Ден, „Новая Европа“, стр. 73).

Как известно, Киликия (Аданский вилайет) и смежная с ней территория Кайсария—Харпут—Айнтаб—Мардин была занята Францией, когда еще не было Версальского и Севрского договоров, которые после победы над центральными державами явились главными факторами по дележу между странами Антанты наследства, полученного в результате мировой войны 1914—1918 г.г.

Как в политико-экономическом, так и в стратегическом отношении отдать обратно Киликию Турции безусловно являлось для французского империализма большой жертвой, т. к. владеть Киликией желала любая современная *империалистическая* держава. Ибо владеть Киликией значит владеть ключом к Багдадской железной дороге. Отсюда отходят магистрали на Сирию, Месопотамию и малоазиатскую Турцию. Не безызвестно, сколько в свое время германский империализм положил сюда средств и сил, чтобы иметь свое влияние в той же Киликии.

Кроме того, Киликия является одной из богатейших областей Малой Азии (хлопок, крупнейшее месторождение различных руд—хромовых, золотоносных, серебро-свинцовых, цинковых и железных). Помимо этого, владея Киликией, Франция не только имела возможность эксплоатировать эту область, но, при соответствующем здесь количестве французских войск, еще лучше гарантировала французские колониальные интересы в Сирии[1]).

Этот договор, заключенный Францией с ангорским правительством, вызвал бурю негодования в Англии. „Последняя обрушивается на Францию за заключение этого „изменнического“ договора, благодаря которому Англия остается изолированной на Ближнем Востоке“. Далее „начинается длинный период переписки, дипломатических переговоров и бесконечных конференций, который не приводит решительно ни к каким результатам, благодаря упорству Греции и Англии и твердости Турции“.

Дипломатия последней, одержав серьезный успех над Францией (которая уже теперь в силу договора не может открыто действовать вместе с Англией), направляет свои

---

[1]) В экономическом отношении Киликия для французских интересов в Сирии служила следующим образом. Весь ввоз и вывоз г. Алеппо идет через крупнейший порт Киликии—Александретту, которая является наилучшей гарантией на Ближнем Востоке. Ее оборот еще до мировой войны в круглых цифрах был равен 60.000.000 франков. Однако самое крупное значение для Франции, как владельца Сирии, Александретта приобретает с открытием Багдадской железной дороги. Весь ввоз для Анатолии, Месопотамии, Арабистана и даже для самой Сирии перешел бы к Александретте и другим портам Киликии. Таким путем Алеппо подпадает под определенное влияние Александретты.

усилия против Великобритании, но пока до будущих военных побед по линии наименьшего сопротивления.

Ангорское правительство В.Н.С.Т. имело вполне определенные данные, что его национально-освободительная борьба вызывает полное сочувствие во всем магометанском мире от Марокко до окраин Китая.

Англо-греческая интервенция в турецкой Малой Азии вызвала решительный протест населения Марокко, Египта, Аравии, Персии, Афганистана, т.-е. тех стран, где политические щупальцы английского империализма с давних пор имели тенденцию играть главнейшую роль.

По этим-то английским щупальцам с успехом и наносит удар ангорское правительство.

Египет и Аравия резко подчеркнули, что их симпатии на стороне новой национальной Турции.

Индия посылает к Ллойд-Джорджу делегацию, которая протестует против Севрского договора, „провожающего Турцию в могилу похоронным звоном и ставящего всех мусульман в необходимость выбрать одно из двух: или повиноваться заповедям своего пророка или выполнять приказания земных правительств“ (из декларации индусской делегации).

Как видим, престиж Англии в этих странах перед переходом турецкой армии в решительное наступление начинает стушевываться, а это также являлось большой моральной победой в этот тяжелый период жизни для Новой Турции.

Далее „Персия расторгла договор, связывавший ее с Англией, и, освободившись от давившего ее ига, предложила Мустафе-Кемалю свое полное содействие“ [1]).

Афганский эмир Аманулла-хан подписывает с ангорским правительством договор, который „превращает моральное единение и естественные узы, давно связывающие два народа, в материальный и официальный союз“.

Взаимоотношения Ангоры с Советской Россией к этому времени уже носили самый дружественный характер.

Еще 27-го февраля 1921 года на пленуме Московского Совета Р. и К. Д., в виду начавшихся работ советско-турецкой конференции в Москве, Ленин говорил, что факт начавшихся переговоров необходимо особенно приветствовать, ибо он верит, что начала сближения и дружбы будут достигнуты „*не дипломатическими ухищрениями, а тем, что оба народа претерпели от империалистических держав в последние годы неслыханно и невиданно много*“.

Далее тов. Ленин сказал: „Один из предыдущих ораторов говорил здесь о вреде изолированности (отделения) от

---

[1]) Кайзер, „Европа и Новая Турция“, под ред. Ф. Ротштейна.

империалистических стран. Но когда волк нападает на овцу, то овце говорить о том, чтобы не быть изолированной от волка, не приходится. И если народы Востока до сих пор были только овечками перед империалистическим волком, то Советская Россия первая показала, что, несмотря на ее неслыханную военную слабость, протянуть к ней когти и зубы не так-то легко.

Этим примером Советской России заразились очень многие народы, независимо даже от их сочувствия или несочувствия „большевистским шептунам“. Об этих „шептунах“ во всем свете много говорят, и нас даже называют зловредными шептунами по отношению к Турции. Уж, конечно, мы до сих пор в этой области ничего сделать не могли, а, тем не менее, турецким рабочим и крестьянам удалось показать, что отпор современных народов против хищничества—вещь, с которой надо считаться, и тот грабеж, на который империалистические правительства осудили Турцию, вызвал отпор, заставивший самые мощные империалистические державы убрать руки прочь.

Вот вещь, которая заставляет эти переговоры с турецким правительством считать очень крупным достижением.

Никакими ухищрениями мы не задаемся. Мы знаем, что эти переговоры пройдут в рамках очень скромных, что они важны тем, что сближение трудящихся масс рабочих и крестьян всех народов идет, несмотря на отчаянные препятствия, вперед и вперед, и это не надо забывать при оценке переживаемых нами трудностей“. (Том XVIII, ч. 1-я, стр. 89—90).

16-го марта 1921 года был подписан русско-турецкий дружественный договор. Последний еще раз подчеркнул полное право восточных народов на свободу и независимость и на избрание формы правления, согласно их желаниям [1]).

Кроме того, этот договор отменил все прежние договоры между царской Россией и Турцией (ст. VI), а также режим капитуляций, несовместимые, по словам договора, с свободным национальным развитием всякой страны с полным осуществлением ее суверенных прав (ст. XVIII).

Советско-турецкий договор 1921 года, отказавшийся от долгов царской России и признавший силу турецкого национального акта 28-го января 1920 года [2]), оставивший за Турцией Карс, Ардаган и Артвин, установивший автономию Батума с беспошлинным транзитом для турецких товаров и передававший вопросы о проливах на рассмотрение стран Черноморского побережья, — был безусловно самым дружественным и братским договором для молодой национальной

---

[1]) Годовой отчет Н.К.И.Д. за 1920—1921 г.г.
[2]) День принятия „Национального Обета“.

Турции в самый тяжелый период ее государственной жизни.

Моральное и бескорыстное значение этого договора усугубляется еще тем обстоятельством, что он был подписан в то время, когда турецкая армия националистов отступала к Ангоре, а результаты боев на Сакарии еще не были известны.

В эти самые тяжелые дни борьбы турецкого национально-освободительного движения с англо-греческим и французским империализмами пролетариат Советской России и протянул руку дружбы своим турецким братьям.

Негодование английского империализма, узнавшего факт подписания этого договора, а также договоров с Францией, Персией и Афганистаном достигло своего высшего напряжения. Английский империализм объявляет настоящий „крестовый“ поход против Ангоры.

Английский премьер-министр Ллойд-Джордж „поклялся уничтожить Турцию, он поддерживает и снабжает греков в борьбе с националистами Ангоры всем могуществом своей империи, всем ее золотом и всем своим авторитетом“[1]).

На эту агрессивную политическую формулировку английского правительства националисты Ангоры ответили, что английский империализм является не только непримиримым врагом Новой Турции, но он „злейший враг мусульманства, который не успокоится, пока не уничтожит весь мусульманский мир“.

Этот ответ по своей сущности был призывом к „священной войне“ против англичан и их наемной греческой армии, и ангорское правительство В.Н.С.Т. поставило своей ближайшей целью полное освобождение от оккупантов Малой Азии и уничтожение Севрского договора. В этом и заключается сущность Национального Обета для всех турецких граждан Анатолии.

Мероприятия В.Н.С.Т. в области внутренней политики.

Одновременно с разрешением важнейших вопросов внешней политики ангорское правительство В.Н.С.Т. сочло необходимым принять целый ряд решений и в области внутренней политики Здесь мы остановимся только на тех, которые непосредственно касаются нашей темы.

Прежде всего правительство В.Н.С.Т. направило все свои усилия к тому, чтобы втянуть в борьбу все население Анатолии. Ангорское правительство великолепно понимало

---

[1]) Кайзер, „Европа и Новая Турция“, стр. 60. Следует еще указать, что в это время Ллойд-Джордж потребовал от правительства гарантировать Греции заем в 15 млн. фунтов стерл., несмотря на то, что Греция была уже должна англ. казне 21.655.000 фунтов стерлингов

что *каждый успех* в его борьбе есть удар по главному врагу—английскому империализму, а в случае победы на боевом фронте и разгрома греческой армии этот успех перепутает все карты европейского империализма, аппетит которого будет сведен до минимума, и тем даст возможность правительству В.Н.С.Т. перейти к закреплению своих побед на фронте мирного строительства.

Лозунг В.Н.С.Т. о скорейшем освобождении всей Анатолии от противника имел глубокий не только политический, но и экономический смысл, в котором было кровно заинтересовано большинство слоев турецкого населения.

Таблица № 24.

Национальный и классовый состав населения по данным к 1924 году.

Националь-ность.	Человек.	% общ. числа населе-ния.	Классовый состав.	% %	Числен-ность.
Армян	125.000	1%	Крестьян	85%	10.596.463
Греков	400.000	3,2%	Рабочих	4%	603.411
Курдов . . .	1.600.000	12,8%	Прочих	11%	1.384.380
Разн. национ.	300.000	2,5%			
Турок	10.390.000	80,5%			
Всего .	12.815.000	100%			

Примечание: Таблицы №№ 24, 25, 26 заимствованы из работы тов. Погорелова М. М., „Турция".

„Хозяином земли в Турции, говорил Мустафа-Кемаль, является крестьянин. Плуг, это перо, которым сейчас пишется история Новой Турции". И действительно, мы видим, что 85% населения Турции составляет крестьянство, для которого хлебопашество, скотоводство и садоводство являются единственными средствами к существованию [1]).

Богатейшими областями в Турции по запасам хлеба являются Анатолия и Фракия.

Отсюда, турецкий *крестьянин* должен был стремиться к скорейшей победе с тем, чтобы избавиться от гнета иноземной эксплоатации. Победа на фронте должна была принести экономическое развитие для всей страны и тем дать возможность крестьянину более выгодно сбывать продукты

[1]) В приморских районах широко развито рыболовство.

его труда и взамен получать то, что он считал для себя нужным.

Он верил, что правительство В.Н.С.Т. не допустит ввоза отбросов, которые империалистический Запад имел обыкновение ввозить в колониальные и полуколониальные страны [1]).

Таблица № 25.

ТОРГОВЛЯ.

Ввоз и вывоз в миллионах турецких лир (бумажных).

Годы.	Ввоз.	Вывоз.	Общ. торг. баланс.	Превышение ввоза над вывозом.	Примечание.
1913—14 [1])	40.809.680	21.436.560	62.246.240	19.373.120	1) В золотых лирах.
1920	169.396.267	47.625.882	217.022.149	121.770.385	Statesman's Year-book.
1921	121.329.572	30.379.842	151.709.414	90.949.730	
1922	67.884.181	23.405.296	91.289.477	44.478.885	
1923	144.788.671	84.651.190	229.439.861	60.137.481	Дан. Гл. Тамож. упр.

Курс золотой лиры по отношению к бумажной.

В 1915 г. 1 зол. лира = 100 бум. пиастр.
„ 1920 г. „ „ „ = 537 „ „
„ 1921 г. „ „ „ = 658 „ „
„ 1922 г. „ „ „ = 730 „ „
„ 1923 г. „ „ „ = 780 „ „

Прим.: Цифры даны в среднем за весь год.

Несмотря на то, что в Турции обрабатывающая промышленность всегда была развита весьма слабо, в силу отсутствия местного капитала и невозможности конкурировать с дешевыми продуктами иностранных фабрик, все же турецкий *рабочий* чувствовал, что освобождение Анатолии от греков должно принести экономическое развитие стране. А последнее обстоятельство повысит спрос на рабочую силу в промышленных предприятиях (маслобойни, мукомольни, сукновальни, ковровые мастерские, хлопко-шелкопрядильни и т. д.).

„Будучи пока кровно связан с деревней—говорит т. Астахов—турецкий *рабочий* в значительной мере был проникнут теми же чувствами, что и *крестьянин*“.

---

[1]) Позднее на Смирнском экономическом конгрессе отчетливо слышится наш советский мотив. Мустафа-Кемаль сказал: „Нам нужны капиталы, мы готовы дать им необходимые гарантии, при условии, чтобы они действовали по нашим законам. Прежде же иностранный капитал занимал у нас привилегированное положение. Правительство султана было жандармерией иностранных капиталистов“.

Таблица № 26.

Промышленность.

(Добывающая).

Уголь.	Медь.	Свинец.	Серебро.	Железо.	Соль.	Хром, бура, наждачный камень, морская пенка, сера и пр.
Страна богата углем и лигнитом; уголь разрабатывается только в Гераклийском бассейне. Максимальн. выработка угля в 1911 г.— 903.000 тонн. Добыча в 1924 году— 360.000 тонн.	Страна богата медью: два медных района: 1) Кварцханский и 2) Аргана Мадена. В 1913 г. добыто 60.000 тонн руды. В настоящее время не разрабатывается.	Страна богата свинцом. В 1902 г. добыто 272 тонны, в 1912— 2 тонны. Разработка почти прекращена.	Страна богата серебром. В 1904 году добыча 1000 тонн. В 1912—4 тонны.	Больших месторождений не найдено. В 1924 г. —40.000 тонн руды.	Богатейшие и многочисленные залежи соли—выработка в 1924 г. 200.000 тонн.	Обнаружены залежи во многих местах, разрабатывается ничтожное количество.

Нефть обнаружена в районе Мардина — Моссула.

(Обрабатывающая).

Данные 1921 г.

Отрасли промышленности.	Количество.	Число рабочих.	%%	Примечание.
Текстильная	20.057	35.316	46,34	Данные неполные. Константинополь не вошел. 50.000 веретен.
Кожевенная	5.344	17.964	23,57	Военные фабрики и заводы не вошли в это число; они круглым числом занимают 4.000 рабочих и отчасти солдат.
Металлическая	3.272	8.021	10,52	
Пищевая	1 270	4.493	5,89	
Деревообделочная	2.067	6.007	7,88	
Каменно-лесная и строительная	704	3.612	4,74	
Химическая	337	803	1,06	
ИТОГО	33.051	76.216	100%	

Как известно, Смирна является главным торговым портом Передней Азии, к которому тянутся из внутренней Анатолии железные дороги. Захват Смирны греками нанесил тяжелый удар торговой буржуазии Турции. Айдинский вилайет, Брусса и Бандерма, как наиболее развитые в экономическом отношении, также были в руках греков.

А поэтому только что начинавшая развиваться торговая буржуазия была также сильно заинтересована в победе В.Н.С.Т., ей „необходимо было выбить более развитую греческую буржуазию Анатолии с тех высот, которые эта последняя успела захватить ранее, пользуясь немощью турецкого феодализма и поддержкой западных держав“.

Учитывая вышесказанное, ангорское правительство В.Н.С.Т. и направило свою агитацию по этим трем основным политико-экономическим каналам — линиям. И несмотря на то, что страна была крайне истощена мировой войной 1914—1918 г.г. и трехлетней борьбой за национальную независимость, все эти группы населения лойяльно откликнулись на призыв В.Н.С.Т.

„Единодушие всех слоев Турции в организации победы — пишет тов. Астахов — объясняется тем, что эта война была первой в истории Турции борьбой, носившей поистине освободительно-оборонительный характер и в то же время глубоко национальный характер, вмещавший в себя также черты своеобразного восточного интернационализма, поскольку в конечном успехе этой борьбы были заинтересованы в той или иной степени все народы Востока“ [1]).

И смысл этой заинтересованности вполне понятен, ибо эпоха, в которой начинает жить теперь Восток, совершенно иная, чем была до сих пор. Утонченный гнет и беспощадная эксплоатация со стороны империалистических держав Европы и Америки стали совершенно невыносимы для туземного населения колоний и полуколоний, в которых правит капиталистическая буржуазия.

Эту эпоху тов. Ленин характеризует так: „*Революция в России, Персии, Турции, Китае, войны на Балканах,— вот цепь мировых событий нашей эпохи, нашего Востока. В этой цепи событий только слепой может не видеть пробуждения целого ряда буржуазно-демократических, национальных движений, стремлений к созданию национально-независимых и национально-единых государств*“. (Том XIX, стр. 107).

Внутренняя политика В.Н.С.Т. в этот период может быть охарактеризована полной приостановкой общественной

---

[1]) Астахов, „От султаната к демократической Турции“. Автор этой работы в это время находился в Турции, а поэтому его сборник статей представляет большой интерес.

жизни государства и мобилизацией всех сил, средств и ресурсов страны исключительно на военные нужды [1]).

Все съезды и конференции были запрещены. Ранее разрешенное открытие 1-й конференции „народно-коммунистической партии“ было также отменено. Следует указать, что последнее мероприятие было большой ошибкой В.Н.С.Т., т. к. ангорское правительство великолепно видело, что вся подготовка к этой конференции проходила под знаком полного доверия к правительству и полной поддержки Национального Обета, который выдвинуло В.Н.С.Т.

И ясно, работа конференции была бы крайне полезной для дела обороны государства, т. к. она еще больше спаяла бы идеи национально-освободительного движения Анатолии с пролетарскими массами всего мира, которые еще ранее начали борьбу с западно-европейским империализмом.

Таким образом, за исключением незначительного количества феодалов и крупного духовенства, для которых судьба султана-халифа была выше всякой национально-освободительной войны, все остальные группы населения Анатолии в это время сплотились вокруг В.Н.С.Т. и готовы были вести борьбу до конца.

Поездка Фетхи-бея в Лондон.

Реорганизация турецкой армии перед решительным наступлением, как мы видели, проходила при весьма благоприятных условиях, благодаря затишью на фронте.

Ангорское правительство и главное турецкое командование были уверены в том, что очищение Анатолии от греческих войск и пересмотр Севрского договора не могут осуществиться мирным путем. Ибо английское правительство никогда не могло пойти на такой шаг, который должен был бы ликвидировать все огромные средства, затраченные Англией на оккупацию Передней Азии. Империалистические интересы Англии в Малой Азии были несовместимы с решением турецкого вопроса мирным способом; наоборот, она напрягала все силы и методы своей испытанной

---

[1]) В этот 10-ти месячный период затишья на фронте В.Н.С.Т., всецело поглощенное вопросами подготовки к наступлению, принуждено было отложить разрешение целого ряда назревших вопросов в области внутренней и внешней политики, как-то: законопроект о волостном самоуправлении, о финансово-административных реформах в деревне, о султанате-халифате, о деловых взаимоотношениях с иностранным капиталом и о месте последнего в экономической жизни нового турецкого государства, о Константинополе и проливах и т. д., — все эти важнейшие вопросы международной и внешней политики должны были сейчас же встать во весь свой гигантский рост после очищения от греков Передней Азии и после утверждения турецких дивизий на берегах Эгейского и Мраморного морей.

в течение последних столетий завоевательной политики с целью разгромить турецкое национально-освободительное движение и покончить с ненавистным ей ангорским правительством.

Но для того, чтобы еще раз подтвердить перед общественным мнением всего мира, что Новая Турция готова разрешить конфликт мирным путем, по уполномочию В.Н С Т. в Лондон выехал министр внутренних дел Фетхи-бей. Недолгое пребывание Фетхи-бея в Лондоне вполне оправдало предположения турецкого правительства и высшего командования.

Прием, оказанный Фетхи-бею, и затем речь, произнесенная Ллойд-Джорджем в парламенте, еще раз подчеркнули, что английское правительство и слышать не желает о требовании В.Н.С.Т. по очищению греками Малой Азии.

Даже завуалировать посредством дипломатических ухищрений жестокую ненависть к Ангоре Англия на этот раз не пожелала.

И создавшаяся политическая обстановка заставила Фетхи-бея сообщить правительству В.Н.С.Т., что *„национальные идеалы Анатолийской Турции могут быть достигнуты исключительно посредством военных действий. Другому решению нет места“*. Это был последний сигнал из Лондона к началу новой боевой страды для турецкого народа и его армии.

Но следует заметить, что эта политическая поездка Фетхи-бея оказала немалую услугу для турецкого главного командования.

Во-первых, эта поездка, организованная в период за три месяца до наступления, дала возможность выиграть время для продолжавшейся энергичной и всесторонней подготовки турецкой армии к наступательным действиям,

во-вторых, она затушевывала оперативные намерения турецкого главного командования от греческой армии, которая, видя, что турки поехали „на поклон“ к английскому правительству, еще раз была убеждена в слабости турецкой армии.

Стратегическое положение сторон в августе 1922 года. *Схема № 10.*

Величайшая историческая задача — освобождение страны от англо-греческой оккупации, которую должна была разрешить в ближайшие месяцы турецкая армия, заставила высший командный состав напрячь все силы с целью реорганизовать армию, которая с честью могла бы выполнить эту большую проблему.

И следует указать, что эволюция вооруженных турецких сил в лучшую сторону ее организации в это время не отставала от тех мероприятий в области внешней и внутренней политики, которые были проделаны В.Н.С.Т.

Организация и устройство сухопутных турецких сил к августу 1922 года совершенно преобразились.

На место мало подготовленных и организованных в военном отношении различных отдельных отрядов и соединений были созданы новые обученные и сплоченные организационно-оперативные соединения с хорошо работающими штабами.

Эти новые полки и дивизии, сведенные в корпуса и армии, теперь уже могли смело выступить против греческой армии [1]).

Для руководства операциями на всем громадном протяжении фронта от берегов Мраморного моря до Афиун-Кара-Гисара и далее по р. Мендерес до Эгейского моря был организован *Западный фронт.* В состав Западного фронта вошли I-я и II-я турецкие армии и Коджа-Илийская группа, которая в оперативном отношении была подчинена командующему II-й армии.

В первых числах августа *II-я армия* занимала фронт от Ялва на берегу Мраморного моря до железной дороги Афиун-Кара-Гисар—Акшехир.

I-я армия от Акшехир—Динар по реке Мендерес до Эгейского моря.

Передовую линию фронта в период затишья занимали незначительные турецкие части, остальные силы группировались на небольшом удалении на второй оборонительной линии, как показано на схеме № 10, где в резерве производилось интенсивное обучение частей.

Состав и расположение турецких сил Западного фронта в августе видны из таблицы, приведенной на стр. 384.

Как видим, большее количество турецких сил Западного фронта входило в состав II-й армии, которая к этому времени имела 12 пехотных и 1 кавалерийскую дивизию (каждая пех. дивизия насчитывала 5 тыс. чел.; кавалерийская—3 тыс. чел.) с основной оперативной задачей прикрывать восточное направление на Ангору.

[1]) Ранее практиковавшийся метод комплектования армии добровольцами теперь был заменен правильным приемом на службу по мобилизации.

Высшие командные должности были заняты офицерами генерального штаба, преданными идее национального освобождения, а также выдвинувшимся во время борьбы командным составом. В большей своей части эти офицеры генштаба прошли школу германской армии. В Ангоре было организовано военное училище, давшее несколько выпусков. Несмотря на недостатки обмундирования, все-таки удалось перед наступлением снабдить части всем необходимым. Обувь и шинели были выданы из имевшихся запасов, а также усилены местным производством. Дисциплина в частях, несмотря на товарищеские отношения между высшими и нижними чинами (комсостав и аскеры), стояла на высоте.

Таблица № 27.

Расположение частей Западного фронта армии Мустафы-Кемаля в первых числах августа 1922 года.

Наименование и состав.	Район расположения.	Примечание.
А) **Коджа-Илийская группа** (штаб Лефке). (18-я пех. див. и два пех. батальона, 1 кав. эск.)	Ялва—Изник—Лефке—вост. Биледжик—р. Сакария.	Кроме того, вдоль реки Мендерес до Эгейского моря были расположены небольшие охраняющие отряды.
Б) **II-я армия** (штаб Болвадин). III-й корпус (1-я, 61-я, 41-я пех. див.).	От левого берега р. Сакария на Уюз-Тепе—Махмудийе—Чифтелер.	
II-й корпус (3-я, 4-я, 7-я пех. дивизии и сводная кав. дивизия).	От Хосров-Паша-Хан до Сендлер Султан (искл.).	
VI-й корпус (16-я, 17-я пех. див.).	От Сендлер-Султан до Чабанлар.	
IV-й корпус (5-я, 11-я, 12-я пех. див.).	В резерве в районе Болвадин.	
В) **I-я армия** (штаб Чай) 1) I-й корпус (15-я, 23-я, 57-я пех. див.).	В резерве в районе Ашиклар-Чай.	
2) 8-я отд. пех. дивизия.	В районе Коджа-Тепе.	
3) 6-я отд. пех. дивизия.	В районе Сандыклы.	
4) 14-я отд. пех. дивизия.	Район Бозан-Даг.	
5) Динарийский отряд (2 пех. полка).	На фронте Чивриль—Ишиклар.	
6) 3-я отд. кавдивизия.	В районе Серай-кей—Денизли.	
Г) 1-й кав. корпус (1-я, 2-я, 14-я кав. див.).	Район Акшехир—Ильгин.	

Таблица № 28.

Расположение греческой армии в Малой Азии в первых числах августа 1922 года.

Наименование групп и состав.	Район расположения.	Примечание.
А) Северная группа.		
1) 11-я отд. пех. дивизия и отд. пех. полк.	Гемлик—Ени-Шехир—Биледжик.	Учитывая, что турецкие топографические названия часто искажаются по греческим источникам, на протяжении всего исследования мы оставляем турецкую форму, так напр.: Кей—селение. Даг—гора. Тепе—высота. Эйрен—развалины. Кедик — пролом. Шехир—город. Чешме — фонтан. Пунар—источник. Куйю — колодец. Ин—пещера. Гисар — крепость и т. д.
2) Сводный отряд (2 баталиона, арт. батарея и кав. эскадрон).	В окрестностях Сюгюд.	
3) 3-й корпус (3-я, 10-я, 15-я пех. див. и отд. полк.).	Восточнее Боз - Даг—Кыргыз - Даг — вост. Сейид-Гази—вост. Ак-Ин. Штаб корпуса — Эскишехир.	
Б) Южная группа.		
1) 2-й корпус (7-я, 9-я, 13-я пех. див.).	В резерве в районе Алтун-Таш—Дюнер. Командир корпуса ген. Денис. Штакор—Алтун-Таш.	
2) 1-й корпус (1-я, 4-я, 5-я, 12 я пех. див. и отд. полк).	На линии западнее Сендлер-Султан — вост. Афиуна—Танас - Тепе—Токлу-Сиври. Командир корпуса ген. Трикопис. Штаб—Афиун.	
3) 2-я отд. пех. дивизия.	Ислам - Кей—Ишиклар — Чивриль — Шейхельван-Даг.	
4) 1-я отд. кав. дивизия.	Район Ушака.	
В) Охраняющие отряды.		
1) Три отдельных пех. полка.	Начиная от Чивриль и до устья реки Мендерес.	
2) Один пех. полк.	Охрана жел. дороги Бандерма — Смирна и Бандерма—Ушак.	
3) Один пех. полк.	Кутахия.	
Штаб греческого главного командования.	Смирна.	

I-я армия, состоящая из 5 пехотных и 4 кавалерийских дивизий (три кавалерийских дивизии в глубоком резерве в районе Ильгин — Акшехир), группируя бо́льшую часть своих сил к правому флангу, имела задачу содействовать II-й армии и охранять фронт р. Мендерес — Денизли – Динар Чай.

Греческая армия после поражения на р. Сакария, отойдя по всему фронту в западном направлении, утвердилась на линии: Гемлик — Изник — Алту — Афиун-Кара-Гисар — Ишиклар и далее по реке Мендерес до Эгейского моря.

На всем протяжении фронта греками были возведены полевые укрепления, а линия Гемлик — Афиун-Кара-Гисар была приведена в сильное оборонительное (прерывчатое) состояние.

Весь стратегический фронт греческой армии опирался на *два укрепленных, мощных железнодорожных узла* — Эскишехир и Афиун-Кара-Гисар.

Отсутствие боевых действий и долгое стояние на месте начинало вносить в греческую армию элемент разложения и желание у солдат скорее вернуться на родину. Но материальное положение греческой армии было вполне удовлетворительным, ибо англичане „любезно“ удовлетворяли как деньгами, так и снаряжением и вооружением все требования главного греческого командования.

Таблица на стр. 385 говорит о составе и расположении греческой оккупационной армии (см. схему № 10).

Такое расположение греков в первых числах августа вполне соответствовало сложившейся обстановке на фронте.

Прерывчатое расположение частей на линии Алту—Афиун-Кара-Гисар должно было в случае изменения обстановки восполниться введением в дело дивизий 2-го резервного корпуса.

Скорость переброски частей на нужное направление обеспечивало наличие железной дороги Афиун-Кара-Гисар—Эскишехир. Командование 1-го, 2-го и 3-го корпусов было непосредственно подчинено греческому главнокомандующему, штаб которого находился в Смирне. 11-я и 2-я пехотные дивизии на флангах, а также кавалерийская дивизия (в Ушаке) держали оперативную связь с 1-м и 3-м корпусами, но подчинялись Главкому.

Всего на всем протяжении стратегического фронта у греков было 12 пехотных и 1 кавалерийская дивизии и несколько отдельных полков (каждая пех. дивизия насчитывала около 10 тыс. чел.; кавалерийская—около 3 тыс. чел).

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Оперативный план Мустафы-Кемаля.

Сущность оперативного замысла.

В основу своего оперативного плана наступления турецкое главное командование положило *уничтожающее сражение.*

По замыслу Мустафы-Кемаля оно должно было складываться *из полного разгрома живой силы греческой армии после непосредственного перехода в общее наступление,* а затем из решительного *преследования* до берегов Эгейского и Мраморного морей остатков греческих войск с целью занятия Смирны и освобождения Малой Азии от противника.

После того, как была посредством всесторонней разведки установлена линия фронта неприятеля, его укреплений и группировки сил, было приступлено к анализу направлений для сосредоточения турецких сил с целью нанесения главного удара.

После детального учета общего стратегического положения сторон таких основных оперативных направлений было намечено три (см. схему № 11):

1) *Эскишехирское* (левый фланг греческой армии).
2) *Сейид-Гази—Дюнер* (центр) и
3) *Афиун-Кара-Гисарское* (правый фланг).

Каждое из указанных направлений имеет следующие характерные особенности[1]).

Эскишехирское направление.

Здесь главный объект действий—Эскишехирская группа противника. Это оперативное направление является направлением *по линии наименьшего сопротивления,* ибо, после сосредоточения турецких сил на этом участке и наступления их южнее и севернее реки Пурсук, которая делит пополам этот район, в лучшем случае ударная турецкая группа овладела бы районом Эскишехир и отбросила бы левый фланг греческой армии на Кутахию, т.-е. в направлении главной группировки и резервов противника. Последний, пользуясь

---

[1]) Джевдет-Керим, „История освободительной войны Турции“ (на турецком языке).

средствами сообщения (жел. дорога Эскишехир — Афиун-Кара - Гисар), находящимися в его руках, имел бы полную возможность ударом с юга и севера (Брусса) уничтожить прорвавшуюся на Кутахию турецкую ударную группу. В случае же задержки в операциях этой главной ударной группы в направлении сильно укрепленного эскишехирского железнодорожного узла греческое командование, владея желдорогой Афиун-Кара - Гисар — Эскишехир и Биледжик—Эскишехир, имело бы возможность быстро перебросить свои резервы в этот район действий и оказать упорное сопротивление наступлению.

При неудаче турецкого наступления в этом направлении и в случае, если его ударная группировка потерпела бы поражение, турецкое командование оказалось бы в тяжелом положении, ибо дорога на столицу Новой Турции— Ангору была бы для греков открыта. Кроме того, Эскишехирское направление имело следующие существенные недостатки для сосредоточения на нем крупных сил:

а) Открытый характер местности с малым количеством населенных пунктов не дал бы возможности скрыть от воздушной разведки противника процесс сосредоточения турецких сил к району наступления.

б) Главная артиллерийская подготовка перед наступлением протекала бы в крайне трудных условиях в силу отсутствия господствующих пунктов для наблюдения и удобных артиллерийских позиций, которые в этом районе были как раз в руках греческой армии, и

в) Снабжение всем необходимым для жизни и боя сосредоточенной ударной группы протекало бы в крайне ненормальных условиях, т. к. подвоз опирался бы на одну со слабой пропускной способностью железнодорожную магистраль Ангора—Эскишехир, а отсутствие достаточного количества населенных пунктов оставляло вопрос утилизации местных средств неразрешенным.

Учитывая вышеуказанные условия, а также лейт-мотив, положенный в оперативный план Мустафы-Кемаля — уничтожающее сражение, это направление могло быть только *вспомогательным*.

Направление Сейид-Гази—Дюнер. Это оперативное направление приходилось как раз в центр стратегического фронта греческой армии.

Учитывая лесисто-гористый характер местности к востоку от Сейид-Гази, здесь представлялась возможность в более скрытом виде произвести сосредоточение ударной группы, но отсутствие более или менее удовлетворительных дорог для передвижения крупных войсковых единиц и их тыловых учреждений в значительной мере затрудняло

сосредоточение необходимой массы сил. Кроме этого, наступательные перспективы из этого района в весьма малой степени отличались от Эскишехирского направления. Как уже было установлено разведкой, главные силы противника и его резервы группировались в районах Афиун-Кара-Гисар и Дюнер—Алтун-Таш. Удар в центр стратегического фронта противника в данных условиях был бы как бы *по линии среднего сопротивления* с теми выгодами, что отсюда он мог бы быть направлен с юга против Эскишехирской группировки противника с одновременным ударом в направлении Дюнера, с целью обхода с севера Афиун-Кара-Гисарского района.

Имея в виду относительно равную численность сторон и лучшую возможность в отношении перебросок войск с одного направления на другое [1]) у греческой армии,—это направление опять было мало пригодным и не давало твердого стратегического пути.

По достижении ударной массой турецких сил района Дюнера и при достижении успеха в Эскишехирском направлении, в руках противника опять остался бы фланговый удар с юга, со стороны сильнейшего Афиун-Кара-Гисарского укрепленного района. А в случае неуспеха наступательных действий в Эскишехирском направлении и занятия Дюнера без уничтожения резервов противника ударная турецкая группировка могла оказаться под угрозой как с севера (Эскишехир), так и с юга (Афиун-Кара-Гисар).

Отсюда ясно—при всех благоприятных условиях операция ударной турецкой группы из центра не могла дать уничтожающего сражения при равной общей численности сторон и лучшей возможности для маневрирования (дороги) у греков.

Кроме того, стремительность операций ударной турецкой группы была бы сильно затруднена в силу отсутствия хороших дорог и трудно-проходимой лесисто-гористой местности к востоку от линии Сейид-Гази—Дюнер.

Наступление из центра при всей его внезапности и решительности и при отходе противника на линию Кутахия—Афиун-Кара-Гисар все равно в дальнейшем должно было бы вылиться в форму фронтального столкновения в силу невозможности посредством стремительного удара покончить с основной группировкой противника, находящейся в районах Алтун Таш—Афиун-Кара Гисар.

Имея в виду сказанное, это направление могло играть роль также *вспомогательного*.

---

[1]) Железнодорожная дуга Эскишехир—Кутахия—Афиун-Кара-Гисар и лучшая сеть грунтовых дорог.

Афиун - Кара-Гисарское направление.

Это направление, по данным турецкой разведки, было наиболее сильным, благодаря тем укреплениям, которые были возведены греками в этом районе.

Укрепления носили в районе железнодорожного афиун-кара-гисарского узла кольцеобразный характер и состояли из различных сильно укрепленных железо-бетонных полевых построек с ходами сообщения, обнесенных тремя рядами колючей проволоки. Подступы к этому району имели опорные пункты и находились под наблюдением греческой артиллерии. Противник придавал этому району наибольшее внимание, здесь же он группировал свои главные силы и на этом же направлении держал свои резервы.

Особенно хорошо были укреплены высоты, расположенные к западу и юго-западу от Афиун-Кара-Гисара, как-то: Танас-Тепе, Белен-Тепе, Каледжик, Сиври, Эрикмен-Тепе (см. чертеж № 8 на стр. 403).

Эти высоты были превращены греками в сильнейшие опорные пункты.

За исключением характера местности, находящейся к востоку и юго-востоку от Афиун-Кара-Гисара, которая здесь была открытой, весь другой участок от железной дороги Афиун-Кара-Гисар—Акшехир до Сандыклы представлял собой весьма удобный район для скрытого сосредоточения ударной турецкой группы. Кроме того, последний участок местности давал возможность организовать хорошее наблюдение для турецкой артиллерии и найти для нее удобные позиции.

Наступление главной группировки с востока в лоб афиунскому укрепленному узлу отпадало по той причине, что это наступление было бы заранее определено противником (открытая местность) и привело бы к фронтальному столкновению. Сосредоточение и развертывание ударной массы турецких сил в районе юго-западнее Афиун-Кара-Гисара давали возможность нанести скрытый и внезапный удар.

Ведя наступление из района Сандыклы в северном направлении, турецкие войска выходили в тыл афиунскому укрепленному району и далее, перерезая железную дорогу Афиун - Кара - Гисар — Ушак и тем самым ввязываясь в бой с основной группировкой противника, а в случае успеха на этом направлении отрезая путь отступления южной греческой группировке на Смирну. Кроме того, этот мощный удар с юга во фланг и тыл неприятелю не мог не потрясти всего основного стратегического фронта греческой армии. Несмотря на то, что такое наступление велось бы *по линии наибольшего сопротивления*, все же в оперативном отношении оно было *важнейшим*, т. к. открывало прямую возможность найти *живую силу* врага и

в одном уничтожающем сражении покончить с главной группировкой неприятеля. Но, имея в виду сильные укрепления у греческой армии в этом районе и то *особо-важное значение, которое греки придавали Афиун-Кара-Гисарскому направлению*, организация турецкого наступления с юга на север была наиболее трудной, так как, если бы греки своевременно определили с помощью воздушной разведки и агентуры накапливание в районе Сандыклы значительных турецких сил, они, обладая сильно укрепленной полосой и подбросив к ней части из резерва, спокойно могли бы встретить удар турок. Последнее обстоятельство не только сводило на нет внезапность турецкого удара с юга, но и самый успех контр-наступления со стороны турок становился бы проблематичным.

Отсюда ясно, группировка ударной турецкой группы к юго-западу от Афиун-Кара-Гисара могла иметь успех лишь только тогда, когда сосредоточение [1]) было бы произведено *скрытно, удар носил бы характер полной неожиданности для противника.*

Скрытное сосредоточение необходимой массы сил и внезапность удара в направлении главной группировки противника открывали широкие двери для уничтожающего сражения, а в случае, если последнее будет искусно проведено главным турецким командованием и его непосредственными высшими частными начальниками, то полный разгром греческих сил был бы вполне реален.

Группировка турецких сил по оперативному плану Мустафы-Кемаля. *Схема № 11.*

После детального обсуждения главного турецкого командования с командующим Западным фронтом Исмет-пашей и его командармами этих трех вариантов для решительного наступления большинство [2]) приняло южное направление, которое выдвинул и горячо защищал Мустафа-Кемаль.

По замыслу Кемаля в предстоящем генеральном сражении должны были принять участие не менее $18^1/_2$ пехот-

---

[1]) Состояние и количество дорог для подвоза в этом районе предстоящего наступления были наиболее выгодными по сравнению с другими вышеуказанными районами.

[2]) Командующий II-й армией не совсем был согласен с наступательными действиями с юга из Афиунского района, т. к. он считал, что направление рискованное и опасное. Он говорил, что в случае неудачи восстановленное могущество турецкой армии будет нарушено и потребует *опять* громадных усилий и расходов, чтобы вернуть то же состояние армии, в котором она находится сейчас. Он выдвигал более осторожные соображения, предлагая переход в решительное наступление из района II-й армии в центр стратегического фронта греческой армии, нанося удар в общем направлении на Дюнер.

ных и 5 кавалерийских дивизий, размещенных в четырех оперативных группах.

а) На севере должна была действовать *смешанная группа,* в составе не более $1^1/_2$ дивизий, с задачей демонстративными атаками приковать к своему фронту греческие силы.

б) В центре должна была оперировать *вспомогательная группа,* в составе $5^1/_2$ пехотных и 1 кавалерийской дивизий, с основной задачей удержать на своем фронте части противника, если последние перейдут в наступление на восток, и при первой же возможности переходом в наступление перерезать железную дорогу Афиун-Кара-Гисар—Эскишехир в районе Дюнера.

в) В задачу *южной ударной группы,* в составе 11 пехотных и 3 кавалерийских дивизий, войдет энергичное наступление с юга на север с целью при поддержке турецкой *вспомогательной группы* окружить и уничтожить греческие силы, группировавшиеся в районе Алтун-Таш—Домплу-Пунар—Афиун-Кара-Гисар.

г) В задачу *четвертой группы* (1 кавалерийская дивизия и 2 пехотных полка) войдет совместно с одной пехотной дивизией (район севернее Чивриль) вести активное обеспечение левого фланга турецкого стратегического фронта.

Распоряжения о перегруппировке корпусов и оперативные задачи для I-й и II-й турецких армий.

Расположение турецких сил на всем протяжении стратегического фронта, которое установилось к началу августа 1922 года, не могло соответствовать тем задачам и оперативным целям, которые намечал осуществить наступательный план Мустафы-Кемаля, а поэтому вышеизложенный план решительной операции с главным ударом из района Афиун-Кара-Гисар—Сандыклы потребовал от турецкого генерального штаба и командования Западным фронтом принятия соответствующих мер по перегруппировке и распределению сил для предстоящих действий на главном и вспомогательном направлениях. К 6-му августа все расчеты по передвижению дивизий в новые районы были закончены и переданы в войска. На последние ложилась ответственнейшая задача детализировать эти инструкции и произвести соответствующие рекогносцировки путей с целью достигнуть в период передвижений максимальной скрытности намеченной перегруппировки.

В это же время командование Западным фронтом отдает ряд директив, в которых разъясняется оперативный замысел главного турецкого командования и намечаются пути к его первоначальному выполнению.

„Нами решено, говорит в них Исмет-Паша, немедленно приступить к организации наступательной операции по всему фронту и тем предупредить греческое командование,

которое в настоящее время формирует новые силы во Фракии с целью переброски их в Анатолию.

После всестороннего рассмотрения направлений для главного удара Главное командование совместно с командованием фронта решило таковой организовать на участке между Аккар-Чай—Ахур-Даг в районе 1-й армии.

Цель наступления заключается в том, чтобы, начав генеральное сражение между Афиун-Кара-Гисаром — Ахурскими горами и их продолжением, разбить главные силы греческой армии и отбросить их к северу (см. схему № 12).

Задача I-й армии [1]) (I-й II-й, IV-й стрелковые и кавалерийский корпуса) — развить решительное наступление между Аккар-Чай—Ахур-Даг и ударом с юга на север при поддержке левого фланга II-й армии с запада окружить греческие дивизии, группирующиеся в районе Афиун-Кара-Гисара.

С момента начала наступления необходимо удержать противника на фронте 2-й греческой дивизии, а также и те силы, которые могут появиться из района Ушака к району главной операции ударной группы I-й армии.

Кавалерийский корпус, нащупав плохо защищенные проходы в Ахур-Даге, ударит в тыл основной неприятельской группировке и тем нарушит ее связь с сообщениями к западу.

Задача II-й армии (III-й, VI-й стрелковые корпуса и Коджа-Илийская группа). С целью создания главной группировки к юго-западу от Афиун-Кара-Гисара она передаст II-й и VI-й стрелковые корпуса в распоряжениие I-й армии.

С началом решительного наступления, посредством активной операции, притягивает к своему фронту возможно большее количество противника.

Переход к наступлению частей II-й армии необходимо начать ранее I-й армии с целью отвлечь внимание греческого командования от главной ударной группы турок, которая соберется юго-западнее Афиун-Кара-Гисара. Удар наносит в направлении на Дюнер с целью перерезать железнодорожную линию Афиун-Кара-Гисар—Эскишехир.

На случай перехода главных сил противника в контрнаступление на восток (участок от р. Пурсук до р. Аккар-Чай) в задачу II-й армии должно войти твердое охранение (севернее линии реки Аккар-Чай) правого фланга наступающей I-й армии и, в случае необходимости, медленный, планомерный отход с боями на восток с целью выиграть

---

[1]) Следует указать, что как здесь, так и в предыдущем изложении мы после проработки обширного сырого оперативного материала часто вкладываем его в директивные формы для того, чтобы достигнуть большей сжатости и ясности изложения. *В. М.*

время для выяснения результата удара главной турецкой группировки I-й армии.

Коджа-Илийская группа демонстративными атаками приковывает на своем участке 11-ю пехотную дивизию и отдельные отряды греков. Кроме того, организует короткие удары на неприятельские сообщения с Мраморным морем.

Мендересский отряд ведет демонстративное наступление с основной задачей произвести возможно бо́льшие разрушения в тылу противника к западу от железной дороги Ушак—Смирна.

Командующие армиями, командиры корпусов и дивизий должны непрерывно иметь в виду, что в основу плана решительного наступления положены *полная скрытность всех предстоящих перегруппировок и внезапный мощный удар главных сил с юга на север.*"

Большинство оперативных распоряжений Исмет-паши кончалось указанием, что моральное и материальное[1]) превосходство на главном направлении при соблюдении полной скрытности смысла начатых перегруппировок даже от своих частей, затушевывая его различными способами пропаганды, даст успех и генеральное сражение будет выиграно.

Мероприятия турецкого командования по прикрытию подготовки к решительному наступлению.

Окончательное решение Главного командования о переходе в ближайшие дни в наступление вызвало у высшего командного состава турецкой армии большое воодушевление. Разгромить неприятеля и освободить турецкое население городов, сел и деревень Анатолии от беспощадного гнета греческой оккупационной армии было заветной мечтой последних 2-х лет у турок. Непрерывные военные действия сильно обескровили молодую Новую Турцию, а экономическое положение ее уже властно требовало скорейшего прекращения военных действий и перехода к мирному строительству.

Командующие армиями, командиры корпусов и дивизий, получив директивные указания ген. Исмета, приступили к энергичной подготовке предстоящей операции[2]).

---

[1]) В организации службы тыла перед наступлением было все тщательно продумано и соразмерено с характером предстоящей операции. Главное направление было усилено снаряжением и продовольствием частью за счет средств II-й армии, а также подвозом из глубокого тыла. Была отдана инструкция, как эксплоатировать средства у местного населения.

[2]) В это время начальник генерального штаба Февзи-паша выехал из Ангоры на фронт с целью произвести всестороннее инспектирование турецких частей. Им был обследован весь фронт от р. Пурсук ардо Серай-кей. Было определено, что материальное положение армии на фронте вполне удовлетворительно, а моральное состояние войск весьма высокое. Февзи побывал почти во всех штабах ди-

Все эти многочисленные мероприятия могут быть кратко охарактеризованы следующим образом:

1) За две недели до 25-го августа было организовано тщательное и непрерывное наблюдение за деятельностью греческой армии, для чего были предприняты всевозможные меры, как-то: авиоразведка, агентурная работа как в пределах оккупации, так и заграницей. Эта энергичная деятельность турецкой разведки дала возможность работу греческой и иностранной (главным образом английской) шпионских организаций свести почти к нулю.

2) Всякое сообщение Анатолии с внешним миром за эти две недели до наступления было совершенно прекращено. Это разумное мероприятие турецкого правительства большинством иностранных государств и Грецией расценивалось, как желание Мустафы-Кемаля и его сподвижников скрыть начавшееся в тыловых частях турецкой армии и у населения восстание с целью освободить Анатолию от кемалистов и опять восстановить свергнутую власть султана.

3) Было приказано все передвижения частей в новые районы сосредоточения производить исключительно в ночное время.

Внутри самой армии турецким командованием были распространены слухи, что все передвижения частей происходят благодаря полученным сведениям, что греки предполагают, в ближайшие дни перейти в наступление из района Афиун-Кара-Гисар, для этого усиливается южное направление, чтобы во всеоружии встретить врага.

И следует указать, что все передвижения на этом большом пространстве были турецкими войсками выполнены настолько искусно, что частые вылеты греческой авиации в эти дни и ее продолжительные полеты над территорией турецкого расположения остались для греческого командования почти безрезультатными. Участники этой перегруппировки говорят, что днем на дорогах, где ночью проходили целые дивизии, не было оставлено ни одного отставшего, ни одного сломанного колеса от прошедших тысяч повозок. С рассветом каждого дня все движение прекращалось, и

визий, корпусов и армий, ведя продолжительные беседы с командным составом. Особенно тщательно были обследованы южный и восточный районы Афиун-Кара-Гисара, т. е. район будущего решительного наступления. Здесь это инспектирование доходило до самых передовых линий. Февзи в этом районе проводил бо́льшую часть ночей в караулах передовых постов. Через 15 дней он возвратился в Ангору, где сделал подробный доклад Главкому Мустафе-Кемалю. Основной вывод, который вынес из поездки начальник ген. штаба, сводился к тому, что армия морально и материально вполне подготовлена к новым серьезным испытаниям.—Джевдет-Керим. „История освободительной войны Турции“ и доклад Кемаля в В.Н.С.Т.

части рассредоточенно и укрыто располагались в селениях или в лесах и ущельях гор.

„Все приготовления к перегруппировке и сами переходы,—пишет Джевдет-Керим,—фактически были произведены вблизи фронта и на глазах у противника. И несмотря на это, неприятель только рано утром 26-го августа, проснувшись от беспощадного огня наших орудий, смог понять, в чем дело. Главный успех нашего наступления объясняется тем, что наш план операции был скрыт от неприятеля до самого момента его осуществления.

Конечно, если бы греки своевременно узнали хоть частично этот план, то наше наступление было бы затруднено“.

К 25-му августа все передвижения турецких дивизий были закончены. *Фронт принял совершенно иной вид,* чем он был несколько дней тому назад (сравни схемы №№ 10 и 12). Таблица, приведенная на стр. 397 и 398, наглядно показывает, какая грандиозная работа была проделана молодой турецкой армией.

24-го августа главное командование и штаб Западного фронта из Акшехира перешли в Шухуд, где и было решено общее наступление начать утром 26-го августа.

25-го августа начальник генерального штаба Февзи вместе с комиссией, составленной из представителей всех родов оружия, еще раз проинспектировал войска I-й армии, останавливая особое внимание на дивизиях I-го и IV-го стрелковых корпусов.

Соотношение сил сторон перед наступлением.

Основная группировка корпусов греческой армии (после перегруппировки турок) осталась неизменной, турецкая разведка донесла, а новые пленные подтвердили, что в районе Балмахмуда (см. чертеж № 8) появились части из 7-й резервной дивизии, в дальнейшем изложении мы найдем объяснение этому незначительному усилению фронта I-го греческого корпуса.

Следующая таблица говорит о соотношении сил сторон перед турецким наступлением:

Таблица № 30.

НАИМЕНОВАНИЕ.	Пехота.	Конница.	Артиллерия.		Самолеты.	Автомобили.
			Лег.	Тяж.		
Греки	12 дивизий 120.000	1 дивизия 3.000	300	70	30	500
Турки	18 дивизий 90.000	5 дивизий 15.000	310	40	20	150

Таблица № 29.

Распределение турецких сил к 25-му августа 1922 года по оперативному плану Кемаля-паши.

(После перегруппировки).

Армии.	Наименование и состав.	Район расположения.	Оперативное назначение.	Примечание.
Вторая армия.	**Коджа-Илийская группа.** 18-я пех. дивизия и 2 отд. батал.+1 кав. эск.	Ялва—Изник—Лефке и далее по реке Сакария.	Демонстративные атаки на фронт пр-ка с указанной линии расположения.	1) Штаб Главного командования и командования Западным фронтом в 15 клм. южнее Афиуна (Коджа-тепе) в долине в палатке. 2) 7 запасных полков (около 30 тысяч) были разделены на три категории, первая, частично вооруженная, вместе с командным составом была выдвинута к фронту для немедленного пополнения потерь; две других также стояли на очереди.
	III-й стр. корпус. Пурсукский отряд (61-й пех. полк+батарея).	Восточнее Эскишехира (на фронте 3-й и частью 10-й греч. дивизии) от лев. берега Сакария до направления Кыргыз-Даг.	Этот незначительный отряд своими демонстративными действиями сумел в течение продолжительного времени удержать на пространстве 50 клм. почти две греч. дивизии.	
	41-я пех. дивизия	Юго-восточнее Сейид-Гази против частей 15-й гр. див.	Приковать к занимаемому фронту части 15-й греч. дивизии.	
	61-я пех. див.	Юго-зап. Хосров-Паша-Хан.	Атака холма Каз-Учуран.	
	1-я пех. див.	Чифтелер.	В резерве комфронта.	
	Сводн. кав. дивизия	Япылдак	Наступление в Дюнерском направлении.	
	VI-й стр. корпус. 16-я и 17-я пех. дивизии . .	Таказ—Феллели.	Атака неприятельских позиций восточнее Афиуна.	

Армии.	Наименование и состав.	Район расположения.	Оперативное назначение.	Примечание.
Первая армия.	**IV-й стр. корпус.** 8-я пех. дивиз. 5-я „ „ 11-я „ „ 12-я „ „	Беюк-Каладжик — Ашиклар – Агзы.	Контр-удар в северном направлении.	
	I-й стр. корпус. 23-я пех. дивиз. 15-я „ „ 14-я „ „ 57-я „ „	Белен-тепе—Танас-тепе—Нухс.		
	II-й стр. корпус. 3-я пех. дивиз. 4-я „ „ 7-я „ „	Тют-Агач—Эфе-Султан—Базлар.		
	I-й кав. корпус. 1-я кав. дивиз.	Чукурджа.		
	2-я и 14-я кав. див.	Сандыклы.		
	6-я отд. пех. див.	Козлуджа—Ходжалар – Салтык.	Обеспечение левого фланга ударн. группы 1-й армии.	
	Отряд Мендересского района. 3-я отд. кав. див.	Денизли—Чал.	Наступление в Гобекском направлении.	
	Два пех. полка и неск. отрядов.	59-й пех. полк, сводный полк и несколько мелких отрядов—вдоль реки Мендерес.	С начала наступления южной ударной группы демонстративные атаки в северном направлении на тыл противника.	

Как видим, общее превосходство в силах на стороне греческой армии, но если мы учтем произведенную перегруппировку турецких дивизий, то на главном направлении (район Афиун-Кара-Гисар-Сандыклы) турки обладали большим количеством сил. Соотношение сил сторон здесь, примерно, будет следующее: у *турок* — 15 пехотных (75 тысяч чел.) и 4 кавалерийских (12 тысяч) дивизий; у *греков* (I-й греческий корпус) — 5 пехотных (50 тысяч) и 1 кавалерийская (3 тысячи) дивизий.

Кроме этих сил, турецкое командование сосредоточило в районе главной ударной группы $^{2}/_{3}$ своей тяжелой и легкой артиллерии (по 1000 снарядов на каждое орудие) [1]. И если ко всему этому прибавить высокое моральное состояние турецких войск и их непреклонную ненависть к греческой оккупационной армии за те беспримерные избиения, насилия и поджоги, которые беспрерывно проделывали греки над беззащитным турецким населением в районе оккупации, то эта ненависть будет вполне оправдываема.

Таким образом, все сказанное нами со всей определенностью говорит, что формы смелого оперативного замысла главного турецкого командования были *всемерно* наполнены моральным и материальным содержанием. Этот оперативный план весьма близко подходит к классическому учению Шлиффена об „уничтожающем сражении". Как там, так и здесь мы видим непреклонное стремление к полному уничтожению сил неприятеля, против которого направлена операция. Предстоящее сражение не будет обыкновенным, греческая армия не только будет отброшена, но ее живая сила должна быть или взята в плен или уничтожена. Цель поставлена, и „по пути к ней следует итти, не останавливаясь ни перед каким риском, требуя от войск самых необыкновенных усилий". Турецкие армии будут стремиться к макси-

---

[1]) Имея в виду, что после успешно проведенного уничтожающего сражения вставал вопрос о преследовании остатков противника, занятии Смирны и полном очищении Анатолии, этот вопрос 13-го августа 1922 года Главнокомандующим Кемалем, совместно с начальником генерального штаба Февзи и командующим Зап дным фронтом Исмет, был всесторонне обсужден. Учитывая опыт прошлых боев на Сакарии, когда противник при отступлении до основания разрушал железные дороги и беспощадно сжигал все села и города, была не исключена возможность, что он поступит таким же образом при отступлении к Смирне. „А поэтому,— говорит Джевдет-Керим,— были приняты мер к ежедневной доставке не менее 24.800 пудов (400 тонн) различного груза из окрестностей Акшехира к северной половине оз Эгердир (наз. оз. Хопран) и далее при помощи моторных лодок, заготовленных на этом озере до гор. Эгердира. Пропускная способность Эгердир-Айдинской железной дороги была доведена до пределов. нужных к перевозке грузов, и, таким образом, была частично разрешена задача снабжения армии снаряжением и продовольствием при наступлении к Смирне".

мальным достижениям, и только тогда „победа получит необыденные, а чрезвычайные размеры". Весь наступательный план Мустафы-Кемаля и все оперативные мероприятия турецкого командования для осуществления в жизни этого плана лишний раз говорили, что в эти ответственные дни в жизни молодой Турции военное искусство турок не будет заключаться в том, чтобы „обменять рану на рану". Напротив, оно должно состоять в том, чтобы уничтожить главные силы греческой армии и остатки их сбросить в воды Эгейского и Мраморного мерей. И этот успех турецкого оружия должен будет показать всему миру и в первую очередь правительству Великобритании, что Новая Турция, отвергнувшая позорный Севрский договор, имеет еще много энергии и сил, чтобы после побед заняться мирным строительством и окончательно залечить раны, нанесенные англо-греческой оккупацией.

И рано утром 26-го августа 1922 года сильный гул турецкой артиллерии возвестил всему миру, что новая молодая столица Ангора вступила в тяжелое и смелое единоборство за свою национальную независимость с древними Афинами и Лондоном.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Переход турецкой армии в решительное наступление.

Расположение греческой южной группы (1-й корпус) к 25-му августа. *Черт. № 8.*

К моменту сосредоточения ударной турецкой группы юго-западнее Афиун-Кара-Гисара 1-й греческий корпус ген. Трикописа, в составе 1-й, 4-й, 12-й и 5-й пехотных дивизий, занимал линию Кари-Араслан-Тепе—Чукур-Кей—Кая-Деби—Доклу-Сиври.

На протяжении этого фронта греками были возведены несколько сильных оборонительных узлов, которые делались еще более мощными благодаря трудно доступной гористо-лесистой местности в районе их расположения.

Особенно сильно были укреплены высоты: Каледжик-Сиври (1550 м.), Эрикмен-Тепе (1310 м.), Белен-Тепе и Танас-Тепе. Последняя высота (Танас-Тепе) считалась ключем всех греческих позиций, расположенных юго-западнее Афиун-Кара-Гисара. Данная укрепленная линия была опоясана проволочными заграждениями в несколько рядов (от 2-х до 3-х).

Главное греческое командование возлагало на Афиунский район важнейшую задачу по охране основной коммуникационной линии Афиун-Кара-Гисар—Смирна, этим и объясняется смысл возведения прочных фортификационных сооружений в районе 1-го греческого корпуса.

Следует указать, что турецкое наступление 26-го августа из района юго-западнее Афиун—Сандыклы не было *полной неожиданностью* для греческого командования.

Генерал Трикопис в период 21-го—22-го августа имел весьма счастливый случай узнать, что происходит перед южным участком его корпуса.

За три дня до наступления был взят в плен турецкий солдат из 8-й пехотной дивизии, который сообщил, что в район южнее Афиуна пришло большое количество новых турецких сил.

Командованием и разведывательными органами 1-го греческого корпуса было определено, что прибыли новые 57-я и 23-я пехотные дивизии, а также значительное количество ка-

валерии. Пленный сообщил, что турки намерены в скором времени перейти в наступление.

„Получив эти сведения,—пишет Трикопис,—я приказал усилить деятельность разведывательной авиации. Эта разведка в своих донесениях насчитала 15.000 новых турецких сил. Было замечено 24-го августа, что перед нашим южным фронтом турки проявляют большое оживление и проводили новые дороги для артиллерии. Наши шпионы, работавшие в Афиун-Кара-Гисаре, донесли, что часть населения города, которая была на стороне Кемаля, ожидает на-днях наступления турок“ [1]).

Но эти важные для греческого командования данные оказались запоздалыми, ибо время для серьезной перегруппировки было уже потеряно.

Все эти новые разведывательные сведения были ген. Трикописом немедленно переданы по телеграфу в Смирну в штаб главного греческого командования.

Не получив до вечера 25-го августа от Главкома Хаджи-Анастиса никакого ответа, ген. Трикопис начинает действовать самостоятельно.

Он связывается с командиром 2-го греческого корпуса ген. Денисом и просит последнего перебросить в район Балмахмуда всю 7-ю пехотную дивизию.

Генерал Денис, не имея указаний из главной квартиры, 26-го соглашается на переброску одного пехотного полка 7-й дивизии. Такая бездеятельность главной греческой квартиры была весьма полезной для турок и роковой для 1-го греческого корпуса в первые же дни турецкого наступления [2]).

Операция I-й и II-й турецких армий в Афиунском районе.

В три часа утра 26-го августа Главнокомандующий Мустафа-Кемаль, совместно с командующим Западным фронтом Исметом и начальником генерального штаба Февзи, направился на наблюдательный пункт I-й армии в Коджа-Тепе.

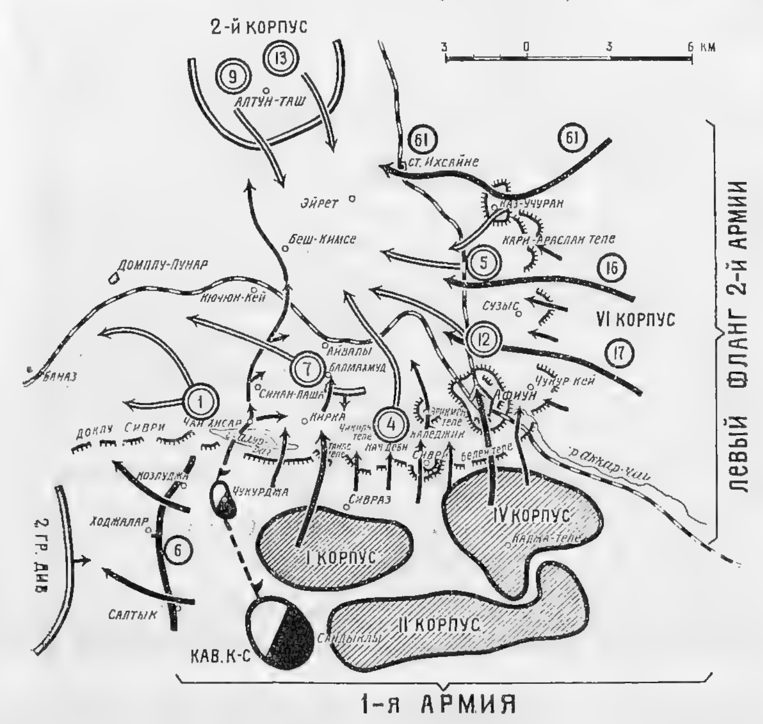
[1]) Трикопис, „Воспоминания“, стр. 5 (на турецком языке) и материалы греческой следственной комиссии об операциях в Малой Азии.

[2]) Следует указать, что в период 18-го—23-го августа незначительные турецкие части переправлялись через р. Мендерес у Денизли, нападали на греческие посты и два раза рвали связь, идущую вдоль железной дороги на Айдин.

24-го августа 18-я турецкая дивизия повела наступление в район Биледжик, но, в силу энергичной контр-атаки греков, части этой дивизии отошли в исходное положение.

В районе Коджа-Илийской группы турки усиленно распространяли слухи, что из этого района скоро начнется большое наступление Мустафы-Кемаля. Эти слухи были подхвачены греческой и английской прессой.

С рассветом был отдан приказ ударной турецкой группе открыть артиллерийский огонь. После $1^1/_2$-часового ураганного артиллерийского огня, направленного, главным образом, на высоты Танас-Тепе, Белен-Тепе и Каледжик-Сиври, части 1-й армии перешли в наступление [1]).

Черт. № 8.

I-й и IV-й турецкие корпуса, под прикрытием огня своей артиллерии, подходят к проволочным заграждениям греческой укрепленной линии. Дружная атака имеет полный успех.

Преодолев упорное сопротивление частей 1-й и 4-й греческих дивизий, а также нескольких полков из 13-й и 7-й пехотных дивизий, переброшенных к вечеру 25-го августа из района Алтун-Таш, турецкие корпуса к 9 часам утра прочно занимают укрепленную линию Каледжик-Сиври—Белен-Тепе—Танас-Тепе—Чикиль-Тепе. До полудня 26-го августа

---

[1]) В этот момент Мустафа-Кемаль посылает в Ангору приветственную телеграмму президиуму меджлиса, а также отменяет почти двухнедельное запрещение о связи Анатолии с внешним миром.

бой носил крайне ожесточенный характер. Например, высоты Танас и Белен переходили несколько раз из рук в руки. Греки с особым упорством защищали эти высоты, непрерывно бросая к ним новые силы из резервов.

Сильно укрепленный опорный пункт высоты 1310 пока остался в руках греков.

Командир 1-го греческого корпуса ген. Трикопис, видя все более усиливающийся натиск турецких сил, с согласия комкора 2-го ген. Дениса, сосредоточивает остальные два полка 7-й дивизии в районе Балмахмуда.

Но ни этой запоздалой перегруппировкой сил, ни переброской частей из 9-й греческой дивизии для усиления расположения 5-й пехотной дивизии не суждено было остановить наступательный порыв ударной турецкой группы.

Переход в наступление в тыл греческого стратегического фронта кавалерийского корпуса Фахреддин-паши [1]) еще более осложняет обстановку на фронте 1-го греческого корпуса.

Взятие после полудня 26-го августа Фахреддином Чай-Хисара и далее выход кавкорпуса (передовых частей) на железную дорогу Афиун—Ушак не только нарушает связь с тылом и тем дезорганизует управление, но и вносит панику в греческие части ген. Трикописа, которые почувствовали, что им отрезан отход на запад.

Части II-й турецкой армии начали наступление одновременно с I-й и к 18 часам 26-го августа вошли в тесное боевое соприкосновение с противником.

На флангах турецкого стратегического фронта энергичные демонстративные атаки частей Коджа-Илийской группы

---

[1]) Турецкий кавалерийский корпус пятью переходами (делая по 25 километров в ночь) из района Ильгина к 25-му августа сосредоточился в районе Сандыклы—Чукурджа. 6-я пехотная дивизия была в оперативном отношении подчинена Фахреддину, последний поставил ей задачу обеспечивать до начала наступления левый фланг корпуса.

Ранее произведенной разведкой было установлено, что некоторые проходы в Ахур-Даге остались открытыми. Они были взяты на учет, и это счастливое обстоятельство дало возможность кавалерийскому корпусу сразу же двинуться в направлении Чай-Хисар в тыл 4-й и 1-й греческим пехотным дивизиям.

Согласно директивы по 1-й армии, кавкорпусу было приказано в ночь с 25-го на 26-е войти в проходы Ахур-Даг, которые господствовали над равниной Синан-Паша, с задачей к утру 26-го занять последнюю и атаковать во фланг и тыл неприятельские силы, расположенные против 1-го турецкого корпуса, разрушить, кроме этого, в нескольких местах железную дорогу и не допустить кавалерию противника, находящуюся в районе Ушака, к району операции 1-го греческого корпуса.

Вначале турецкое командование предполагало пустить конницу после пехотной атаки, но незанятые некоторые проходы в Ахур-Даге дали возможность использовать кавалерию одновременно с пехотными атаками I-го и IV-го турецких корпусов.

и Пурсукского отряда и отряда Мендересского района (3-я отдельная кавалерийская дивизия и несколько пехотных полков) также имеют полный успех. Они приковывают к фронту своего расположения греческие части, при чем 3-я отдельная кавалерийская дивизия, сосредоточившись в Чал (Демирджи-Кей), перешла в наступление в Гобекском направлении.

На другой день, 27-го августа, продолжая развивать наступление, ударная турецкая группа I-й армии занимает все укрепленные линии, расположенные к югу и юго-западу от Афиуна [1], при чем 8-я пехотная дивизия IV-го корпуса к 5 часам вступает в Афиун.

Захват Афиун - Кара - Гисара передает в руки турок большое количество греческого вооружения (22 орудия разных калибров, пулеметы, винтовки и огнеприпасы), а также склады снаряжения и продовольствия, которые греки не смогли своевременно эвакуировать.

I-й турецкий корпус, выйдя на фронт Балмахмуд—Айвалы, отбрасывает 1-ю и 7-ю греческие дивизии, которые понесли за эти два дня боев большие потери, в западном направлении на линию Домплу-Пунар—Доклу-Сиври.

Турецкий кавалерийский корпус, продвигаясь с непрерывными боями в северном направлении, целиком врезался в тыл и центр греков, заняв район Кючюк-Кей и Беш-Кимсе. Господствуя над железной дорогой Афиун—Ушак, он останавливает греческие части, пытавшиеся пробиться в район Ушака, и тем заставляет их группироваться в треугольнике Дюнер—Домплу-Пунар—Афиун.

---

[1]) 27-го августа 57-я дивизия, в виду превосходства греков, не могла овладеть районом Чикиль-Тепе, командир дивизии Решшад-бей, известный по прошлой боевой службе в Муше и Сирии, как ценный командир, во время боя был лично запрошен Мустафой Кемалем (по телефону), „почему до сего времени дивизия не выполнила поставленной ей задачи".

„Через полчаса все будет исполнено", ответил Решшад-бей.

Но через полчаса задача оставалась невыполненной.

Кемаль вторично спросил по телефону, но ему уже прочли последние слова Решшад-бея: „В виду неисполнения в течение обещанного мною времени захвата позиций противника, свое дальнейшее существование считаю недостойным".

Когда же умирал этот командир, турецкие части 57-й дивизии заняли район Чикиль-тепе, смерть достойного и отважного командира огорчила всех его боевых товарищей.

Случай этот Мустафа-Кемаль в дальнейшем доложил Великому Национальному Собранию Турции, как пример самоотверженности и понимания ответственности в решительный момент операции у командного состава молодой армии.

Он не поощрял этого поступка, наоборот, он говорил, что подобные действия для турок совершенно неприемлемы. Но все же этот поступок, говорил он, трудящиеся массы Турции должны помнить, что его молодая армия выполняет приказы старших безоговорочно, как обязанность, диктуемую собственной честью и достоинством.

В это время, обеспечивая операцию слева ударной турецкой группы, 6-я отдельная пехотная дивизия 26-го августа успешно сковала действия 2-й греческой дивизии и 27-го перешла в энергичное наступление в Баназском направлении.

VI-й турецкий корпус и действующая на его правом фланге 61-я пехотная дивизия, преодолев сопротивление 5-й и 12-й греческих дивизий, а также частей 9-й греческой дивизии, переброшенных для усиления первых двух дивизий, отбрасывают греков за железную дорогу Дюнер—Афиун.

Таким образом, за два дня операции I-й и II-й турецких армий вся южная группировка греков, потерпев полную неудачу, оказалась разбитой по частям. Три сильно потрепанных греческих дивизии (1-я, 2-я и 7-я) отступили на запад в Ушакском направлении, а остальные пять дивизий (4-я, 5-я, 9-я, 12-я, 13-я) со штабами 1-го и 2-го греческих корпусов принуждены были группироваться к северу от железной дороги Афиун—Ушак, пытаясь задержаться на линии холмов Халмы - Ресиль-Баба—Кючюк-Кей—Домплу - Пунар (схема № 13).

Как видим, оперативный замысел, положенный в наступательный план Мустафы - Кемаля, развивался вполне успешно.

В первый же день активных действий ударная турецкая группа I-й армии, несмотря на сильное сопротивление, занимает важнейшие укрепленные линии и опорные пункты южного греческого фронта и тем заставляет рассосаться по частям дивизии 2-го резервного греческого корпуса ген. Дениса.

В силу указанного этот корпус, разбросав по различным направлениям части своих дивизий, уже с 26-го августа не мог влиять на ход сражения, как целая организационно-оперативная единица. И если ген. Трикопис имел к 23-му августа сведения об усилении турок на фронте его корпуса, *то такой широкий размах турецкого наступления оказался полной неожиданностью* как для командования 1-го и 2-го греческих корпусов, так и для греческого главного командования.

Последнее уже к вечеру 26-го августа полностью передает инициативу действий в руки турок.

Основная причина столь тяжелого положения, в котором оказалось греческое командование и его корпуса, заключается в том, что на хорошо задуманный план турецкого командования оно ответило полным неумением правильно организовать у себя вопросы управления.

Штаб главного греческого командования с первого же момента перехода в наступление турок перестает влиять на ход и развитие операций на фронте.

Будучи удаленным на 320 километров от фронта и находясь в Смирне, греческий главком генерал Хаджи-Анастис руководит операциями посредством радио [1]) и аэроплана связи, в силу чего все его распоряжения запаздывают и не соответствуют быстро менявшейся боевой обстановке на фронте.

Как видим, здесь прямая противоположность методам управления у турецкого командования, которое все время находилось в непосредственной близости от наступающих армий.

26-го августа фактическим командующим южной группой греческих сил (1-й и 2-й корпуса) оказался комкор 1-го ген. Трикопис, который, держа тесную связь с ген. Денисом, отдавал нужные распоряжения с целью объединить операции 1-го и 2-го корпусов и восстановить пошатнувшееся положение на фронте.

Все его запросы в Смирну, в ставку Главного командования, или оставались без ответа, или же, когда приходило от Главкома распоряжение, оно оказывалось устаревшим. Главное греческое командование, находясь в большом удалении от операций своих частей, на 26-е и 27-е августа не стремится объединить командование 1-м и 2-м корпусами, а благодаря этому генералу Трикопису приходится не приказывать, а упрашивать ген. Дениса помочь той или другой переброской частей из резерва на фронт.

Лишь только поздно вечером 27-го августа Главком Хаджи-Анастис прислал ген. Трикопису согласие о подчинении 2-го корпуса и кавалерийской дивизии 1-му корпусу.

Стремительное и непрерывное наступление днем и ночью I-го и IV-го турецких корпусов, а также успешные и энергичные действия кавалерийского корпуса не только уже к вечеру 26-го августа разорвали фронт 1-й и 4-й греческих дивизий и принудили рассредоточить части 2-го резервного корпуса, но и полностью к 27-му августа нарушили управление всеми дивизиями южной греческой группы.

В этой обстановке генерал Хаджи-Анастис в 18 часов 27-го августа приказывает: 1-му корпусу вернуть потерянные позиции, а при невозможности задержаться на линии Халмы-Ресиль-Баба 2-му корпусу подчинить себе 12-ю дивизию, 28-го августа перейти в контр-наступление, с целью восстановить положение; 3-му корпусу, в случае необходимости, отходить на Бруссу.

Получив данную директиву, командир 2-го корпуса ген. Денис посылает своего начальника штаба к ген. Трикопису с просьбой передать последнему, что данную директиву

---

[1]) Телеграфная связь с тылом была нарушена турецким кавалерийским корпусом и 3-й отдельной кавалерийской дивизией.

Главного командования 2-й корпус выполнить не может и что на 28-е августа ген. Денис отдает приказ о сосредоточении 5-й дивизии на высотах Халмы-Ресиль-Баба [1]), 9-й дивизии—в Улуджаке и 13-й—в Эйрете. Штаб корпуса будет в Улуджаке. Командир 1-го корпуса генерал Трикопис, разделяя распоряжение ген. Дениса, приказывает своим дивизиям (1-й, 7-й, 4-й,) отходить на Домплу-Пунар.

Но этого приказания 1-я и 7-я дивизии [2]) не получили, т. к. офицер связи не мог найти их место расположения, а 4-я дивизия, в коей осталось всего лишь 500 штыков, наступлением турок с юга была отброшена к северу в район Улуджак.

Начало окружения южной греческой группы. *Схема № 13.*

Учитывая создавшееся общее стратегическое положение на фронте, главное турецкое командование приказывает I-й и II-й армиям сосредоточить усилия, с тем чтобы в ближайшие дни окончательно окружить противника на юге и не дать ему отойти к Смирне.

С целью разобщить операцию южной греческой группы от северной (3-й греческий корпус) и тем не допустить грекам перебросок на юг, III-му турецкому корпусу приказано ударом на Кутахию обойти 3-й греческий корпус с юга и отбросить его к северу.

28-го августа пять греческих дивизий сосредоточились в районе Эйрет—Улуджак—Халмы-Ресиль-Баба. Командир 1-го корпуса ген. Трикопис, прибыв в Улуджак, объединяет руководство этими 5 дивизиями, численность коих доходила до 45 тысяч человек.

Он приказывает этим силам на 29-е августа двигаться через Кючюк-Кей, с целью сосредоточиться в районе Домплу-Пунара.

Это приказание ген. Трикописа нельзя считать нецелесообразным. Он в это время получил сведения, что группа из 1-й и 7-й дивизий под командованием ген. Франгу отошла в район Домплу-Пунара. А поэтому он и приказывает своим пяти дивизиям итти на соединение с ген. Франгу с целью организовать в районе Домплу - Пунара общее управление и оборону.

К этому времени турки своей сводной кавалерийской дивизией заняли Дюнер (схема № 14).

61-я пехотная дивизия и VI-й корпус вышли на линию железной дороги Афиун—Дюнер и заняли Ихсайне;

---

[1]) 5-я дивизия была распоряжением ген. Хаджи-Анастиса передана 2-му корпусу ген. Дениса.

[2]) Начиная с 27-го августа, ген. Трикопис окончательно теряет связь с этими двумя дивизиями.

II-й корпус выдвинулся к Чифлик-Араблы и, атаковав арьергарды 12-й греческой дивизии, отбросил их к холмам Халмы-Ресиль-Баба. IV-й корпус вышел на линию Кючюк-Кей, а I-й корпус переменил направление на запад с целью закрыть Домплу-Пунарское направление и не дать грекам достигнуть этого района.

Кавалерийский корпус продолжал движение днем и ночью по тылам противника и, врезаясь в его колонны, беспощадно рубил их, внося панику и дезорганизацию в греческие части.

28-го августа кавалерийский корпус был в районе к западу от Улуджак, а 29-го сосредоточился в районе Беш-Карыш-Уюк—Кюрд-Кей, т.-е. севернее группы дивизий Трикописа. 28-го августа пять дивизий генерала Трикописа со штабами 1-го и 2-го корпусов двинулись в направлении Кючюк-Кей—Эйдже с задачей пробиться к Домплу-Пунару и соединиться с 1-й и 7-й дивизиями генерала Франгу. Но, подходя к Кючюк-Кей, они были частями 1-й армии отброшены к северу и принуждены изменить направление на Чал-Кей. Бросив всю тяжелую артиллерию и неся потери от непрерывного боевого соприкосновения с турецкими дивизиями, к 30-му августа пять греческих дивизий сосредоточились в районе Ада-Тепе. Положение ген. Трикописа оказалось критическим, т. к. левый фланг II-й армии (61-я пех. див. и VI-й корпус), проделав большой переход, к 30-му августа занял район Чал-Кей.

Окружение и разгром группы ген. Трикописа.

Желая как можно скорее покончить с живой силой противника и тем облегчить момент преследования остатков вплоть до Эгейского моря, Главнокомандующий Мустафа-Кемаль приказывает дать генеральное сражение в районе Ада-тепе и взять в клещи пять греческих дивизий, сосредоточившихся в этом районе.

Для того, чтобы окружение греческих сил получило более законченную форму, а в действиях турецких корпусов было больше согласованности, главное турецкое командование выехало из Афиуна непосредственно к войскам. Начальник генерального штаба Февзи, посетив командарма II-й ген. Якуб-Шевки и комкора кавалерийского Фахреддина, разъяснил последним замысел Главнокомандующего. Мустафа-Кемаль вместе с командующим Западным фронтом Исметом отправился в штаб 1-й армии в район Асыханлар.

По замыслу главного турецкого командования в операции по окружению должны были принять участие семь пехотных дивизий (3-я, 5-я, 11-я, 16-я, 17-я, 23-я и 61-я) при содействии частей кавалерийского корпуса, который к 30-му ав-

густа, форсировав реку Кызыл-Даш в районе Кечилер, должен был не допустить противника пробиться на запад по долине Кызыл-Даш.

К утру 30-го августа сосредоточение в Адатепинском районе было закончено. „Усталость турецких частей от непрерывных переходов и крайне неудобная местность не дали возможности, пишет Джевдет-Керим, достаточно хорошо зажать кольцо окружения, и небольшая часть его в Кызыл-Дашском направлении оказалась открытой".

Генерал Трикопис еще не знал, что он уже окружен со всех сторон. Утром 30-го августа часть греческих сил намеревалась двинуться из района Ада-Тепе к Домплу-Пунару, но, пройдя незначительное расстояние, она столкнулась с 23-й турецкой дивизией, которая отбросила ее к Ада-Тепе. К утру турецкому командованию удалось подтянуть к району сражения всю тяжелую и легкую артиллерию IV-го и VI-го корпусов, которая и открыла убийственный концентрический огонь по расположению греческих дивизий. Под прикрытием артиллерийского огня в 12 часов турецкие дивизии перешли в наступление. „Первой завязала бой, пишет ген. Трикопис, 13-я дивизия, развернувшись фронтом на восток. Постепенно в бой вступили и другие дивизии. В этот момент дорога на Баназ и Домплу-Пунар была закрыта. 12-я дивизия развернулась фронтом на север, а 9-я дивизия заняла южные высоты. Части 5-й дивизии расположились фронтом на запад, 4-я — между 5-й и 9-й. Бой продолжал усиливаться, и меткие попадания неприятельской артиллерии показали, что турки обладали хорошими наблюдательными пунктами. Большинство позиций обстреливались с фронта, флангов и тыла. Это обстоятельство заставляло части часто менять свои позиции. Многие наши батареи приводились в молчание или разрушались через минуту после открытия ими огня. Перевозочные средства и автомобили подверглись большому разрушению. Войска были буквально раздавлены неприятельским огнем".

Наступление турецких частей продолжалось, они все сильнее и сильнее сдавливали свои огненные клещи.

В это время генерал Трикопис получил от пробравшегося греческого офицера сведения, что отряд Пластираса (один пехотный полк) и некоторые части 1-й и 7-й пехотных дивизий находятся на высотах к западу от Домплу-Пунара, что у этих частей нет ни продовольствия, ни боевых припасов и что Домплу-Пунар занят турками.

„К 19 часам, пишет Трикопис, наш фронт начал колебаться, во многих местах началась паника. Солдаты бросали позиции, и их с трудом удавалось собирать. Турки продолжали сжимать наше расположение, сильно давя с севера и юга".

Греческая разведка нащупала свободный от турецких дивизий северо-западный участок фронта.

Ген. Трикопис желает использовать этот единственный путь отхода. Он приказывает с 20 часов начать отступление на Баназ через Кечилер.

Но это приказание было выполнено только некоторыми частями. Ночью эти незначительные силы вместе с Трикописом и Денисом вышли из окружения и направились по долине р. Кызыл-Даш. Не имея карт и не зная дорог, они сбились с пути и принуждены были блуждать в горах и лесах Мурад-Дага до тех пор, пока не наткнулись на части кавалерийского корпуса, которому и сдались в плен 2-го сентября [1]).

Следует подчеркнуть, что намерение ген. Трикописа в период с 29-го по 30-е августа пробиться в Домплу-Пунарском направлении на соединение с 1-й, 2-й и 7-й пехотными греческими дивизиями и отдельной кавалерийской дивизией и отрядом Пластираса не могло осуществиться по следующим причинам.

В то время как происходила операция по окружению в Адатепинском районе 5-ти греческих дивизий, в этот момент части I-го корпуса, заняв Домплу - Пунар, уже вошли в боевое соприкосновение с греческой группой ген. Франгу [2]).

---

[1]) Распоряжением греческого правительства ген. Трикопис был назначен 1-го сентября Главнокомандующим вместо ген. Хаджи-Анастиса. Таким образом, момент этого назначения как раз совпал с моментом его пленения. Джевдет-Керим следующим образом описывает встречу в Ушаке Мустафа-Кемаля с генералами Трикописом и Денисом, куда привезли последних.

„Мустафа-Кемаль-паша принял двух пленных генералов в присутствии Февзи и Исмет-пашей в большом зале турецкого дома, выкрашенного внутри голубой и белой краской. Этот дом был только недавно отделан для греческого главнокомандующего Хаджи-Анастиса.

Трикопис был на вид крепкий и молодой, Денис выглядел более пожилым. Мустафа-Кемаль, задав им несколько вопросов и выяснив обстановку последних дней, спросил греческих генералов: „Что же это за управление и командование, которое привело к поражению греческие армии. У вас были различные варианты для действий, почему же вы ни одним не воспользовались“. Далее, разъясняя обстановку по карте, он задал еще ряд важных вопросов. Ген. Денис пил свой кофе и молчал. Трикопис же очень жаловался на свое правительство и на Главкома Хаджи-Анастиса. После краткого разговора в таком же духе Мустафа-Кемаль сказал им: „Даже самый знаменитый полководец в мире, Наполеон I, попал в плен, не огорчайтесь, вы устали и идите отдохнуть“. Ген. Трикопис, выходя, просил дать знать семье, что он жив и здоров“.

[2]) Греческий главком Хаджи - Анастис, потеряв в это время связь с ген. Трикописом и Денисом, 30-го августа назначил командира 1-й дивизии ген. Франгу командующим группой (в которую вошли 1-я, 2-я, 7-я пехотные дивизии, части отдельной кавалерийской дивизии и отряд Пластираса).

К 30-му августа четыре (15-я, 14-я, 57-я, 6-я) турецких дивизии, развернувшись к востоку от Домплу-Пунара, с утра 31-го повели энергичное наступление на фронт Халладжлар—Беюк—Отурак—Капланлы-Даг и южнее последнего пункта с целью овладеть районом Ушака. II-й турецкий корпус в составе 4-й, 8-й, 7-й пехотных дивизий оставался в районе Домплу-Пунар. Отбросив группу ген. Франгу, части I-го турецкого корпуса 1-го сентября заняли район Ушака.

Таким образом, стремительное наступление ударной турецкой группы I-й армии при активном содействии VI-го корпуса и 61-й пехотной дивизии II-й армии, беспрерывно продолжавшееся 5 суток, окончилось полным разгромом южной греческой группы и пленением пяти греческих дивизий [1]).

30-го августа Мустафа-Кемаль совместно с Февзи и Исметом отправились в Домплу-Пунар, где выработали дальнейший план преследования противника к Смирне. 1-го сентября Кемаль обратился к турецкому народу и армии со следующим воззванием:

„Великая турецкая нация, начатое нами 26-го августа наступление продолжалось непрерывно 5 суток и сопровождалось большими боями в районе Афиун-Кара-Гисар—Алтун-Таш—Домплу-Пунар.

Главные силы врага уничтожены. Вся армия от высших командиров до простого солдата (аскера) готова умереть, выполняя обязанность, возложенную на них нацией.

Обнаруживаются результаты борьбы, которая продолжается $3^1/_2$ года. Это доказывает, что всякое дело, опирающееся на волю и мнение родного народа, приносит добро и счастье. Будущность нашей нации, победа нашей армии обеспечены.

Армия В.Н.С.Т! Я вместе с вами, я непрерывно слежу за вашим искусством и самоотвержением.

В Анатолии еще предстоят полевые бои. Требую от всех товарищей движения вперед. Продолжайте также отдавать все свои силы, энергию и воодушевление для победы.

Наша основная и конечная цель—Средиземное и Мраморное море. Вперед!

Председатель Великого Национального Собрания Турции
и Главнокомандующий *Мустафа-Кемаль*".

Операция в Эскишехирском районе.
Схема № 14.

Как мы уже говорили, в задачу I-й (при содействии левого фланга II-й) армии входило энергичным наступлением с юга на север не только как можно скорее покончить с 1-м и 2-м греческими корпусами (7 пехотных и одна кавалерийская дивизии), но и изолировать эти силы от трех дивизий Эскишехирской группы греков.

---

[1]) Сражение в Адатепинском районе получило наименование „сражения Главнокомандующего", т. к. Мустафа-Кемаль лично руководил этим сражением и непрерывно находился при 11-й пехотной дивизии.

В период сражения в районе Афиуна боевые действия в районе Эскишехира протекали следующим образом:

Согласно директивы командующего Западным фронтом ген. Исмета, III-й корпус II-й турецкой армии с 28-го августа должен был ударом с юга, с линии Сейид-Гази—Дюнер—Кутахия, отбросить на север дивизии 3-го греческого корпуса и далее при активном содействии Пурсукского отряда с востока произвести охват Эскишехирской группы греков.

Такая задача вполне соответствовала сложившейся к 28-му августа обстановке на всем стратегическом фронте турок. Учитывая тот момент, что 2-й греческий корпус к 28-му августа уже разбросал свои дивизии по разным направлениям к югу от Дюнера, оперативная задача, данная III-му турецкому корпусу, при ее разрешении должна была протекать в более или менее благоприятных условиях.

Занятие 28-го августа района Дюнера сводной кавалерийской дивизией имело большое оперативное значение для турецкого командования, т. к. с овладением этим районом железная дорога Афиун-Кара-Гисар—Эскишехир была перерезана. Таким образом, при создавшихся условиях ожидать поддержки с юга 3-й греческий корпус уже не мог и принужден был действовать самостоятельно. Кроме того, большие неудачи в операциях 1-го и 2-го греческих корпусов в период с 26-го по 28-е августа в Афиунском районе еще более осложнили обстановку для операций на севере. Сосредоточение к 28-му августа пяти греческих дивизий ген. Трикописа в районе Эйрет—Улуджак—Халмы-Ресиль-Баба и дальнейшее стремление этих сил отходить в Ушакском направлении не могли говорить, что греки думали установить оперативную связь с Эскишехирской группой. Скорее это обстоятельство подчеркивало, что ходом боевых действий греческий стратегический фронт расколот *на две части*, где в дальнейшем каждая из этих частей будет действовать самостоятельно.

Как увидим ниже, 3-й греческий корпус, получив еще до развития активных действий на своем участке фронта разрешение от 27-го августа генерала Хаджи Анастиса „в случае необходимости отходить на Бруссу“, скорее был расположен выполнить именно это директивное указание своего главного командования, чем действовать активно и тем повлиять своими свежими тремя дивизиями (более 30 тысяч человек) на ход операций, развивавшихся на южном греческом фронте.

Таким образом, 3-й греческий корпус не мог ждать поддержки с юга и сам не думал поддержать южное направление, а 1-й и 2-й греческие корпуса под непрерывными ударами турок не только не могли выделить что-либо на север, но и не располагали желанием пойти на соединение с 3-м греческим корпусом, а стремились на запад, к Домплу-Пунар-

ским и Ушакским позициям, с целью отсюда перейти в контрнаступление.

Боевые действия в районе Эскишехира не представляют собой чего-либо примечательного. 3-й греческий корпус, несмотря на свое превосходство в силах, окончательно отколовшись от южной греческой группировки (1-й и 2-й корпуса) и передав полностью инициативу действий в руки турок, все свои оперативные усилия направил к тому, чтобы как можно удачнее и скорее отойти в район Бруссы и к побережью Мраморного моря.

Турецкое командование полностью воспользовалось этим обстоятельством.

Одновременный переход в наступление 28-го августа дивизий III-го турецкого корпуса с юга и Пурсукского отряда с востока заставил греков быстро отходить в район Эскишехир—Ин-Оню.

Преследуя противника в западном направлении, 1-я пехотная дивизия турок 28-го августа заняла Дюнер. Сводная дивизия 30-го августа занимает Кутахию.

Разгром северной греческой группы.

Согласно директивного указания главного турецкого командования от 31-го августа, преследование противника на севере должно было развиваться таким образом:

1) *Коджа-Илийская группа* оставляет заслон на линии Ени-Шехир—Биледжик, главные силы сосредоточивает в районе Ялва с целью вести наступление через Гемлик на Бруссу.

2) *Пурсукский отряд*, с выделенным полком 41-й пехотной дивизии, продолжив фронт к югу до района Сейид-Гази, теснит противника с фронта.

3) *III-му корпусу* настигнуть и разбить Эскишехирскую группу неприятеля, отступающую к Ин-Оню, для чего наступать 1-й пехотной и сводной кавалерийской дивизиями и охранным батальоном меджлиса по направлению Дюнер—Кутахия—Ин-Оню; с занятием 30-го августа сводной кавалерийской дивизией Кутахии, эта дивизия на следующий день предполагала двинуться на север к Ин-Оню. Но в это время разведчасти донесли, что части 15-й греческой дивизии, отделившись от Эскишехирской группы, двинулись в южном направлении на Кедос.

51-й и 53-й греческие полки, вступив в ущелье Гелинкая, оказались окруженными, т. к. в это время к району Алаюнд подошли отдельный батальон меджлиса, а из района Дюнера—1-я пехотная дивизия турок.

Неся большие потери, остатки греческих сил отступили на Симав. Пурсукский отряд 1-го сентября занял Эскишехир, противник, отступая, поджег и разрушил этот город.

3-го сентября сводная кавалерийская дивизия, 1-я пехотная дивизия, отдельный батальон меджлиса настигли отступающие две дивизии противника в районе Ин-Оню. На подступах к последнему греки дали бой, продолжавшийся до позднего вечера. Турки преодолели сопротивление и, нанеся сильное поражение грекам и заняв город, отбросили остатки противника к северу на Назарджак и Аксу.

С подходом частей III-го корпуса к последним пунктам два полка, оставленные Коджа-Илийской группой в районе Ени - Шехир—Биледжик, присоединились к III-му корпусу.

Греки отошли на Брусские позиции, опираясь правым флангом на Кешим-Даг и левым на озеро Изник. Эта позиция была создана в течение 2-х летней оккупации и была окружена несколькими рядами проволоки, за эти позиции и отошли части 3 й и 10-й греческих дивизий, встав против 18-й турецкой дивизии. У Гемлика находились 11-я греческая дивизия и отдельный полк. На этих позициях 9-го сентября произошел ряд боев ожесточенного характера.

10-го сентября турки заняли Бруссу, противник своей 11-й пехотной дивизией отошел к Мудании, где 1-го октября была целиком захвачена в плен 11-я пехотная дивизия греков (4 полка) с 200 офицерами и более 6.000 солдат.

Части 3-й и 10-й греческих дивизий от Бруссы отошли на Бандерму. Заняв позиции к югу от Бандермы по линии оз. Маният—Караджа-Бей, греки оказали на этой линии сильное сопротивление. Зная, что им придется все равно бросить все снаряжение, они подвезли все имеющиеся у них орудия и снаряды и открыли ураганный огонь, не жалея огнеприпасов.

Весь день шел сильный бой, грекам оказывал значительную помощь огонь из военных судов, стоявших в Бандермском заливе.

Усилиями подошедшей к этому району 18-й турецкой дивизии и частями III-го корпуса 17-го сентября турками была занята Бандерма, а к 18-му сентября весь северный район был очищен от противника.

Весьма незначительным частям из 3-й и 10-й греческих дивизий удалось совершить посадку на суда, остальные были взяты в плен. Здесь в руки турок попали весь автотранспорт, орудия и другая военная добыча.

Таким образом, и северная группа противника была почти целиком уничтожена, т. к. были взяты в плен главные силы 3-й, 10-й, 11-й и 15-й греческих дивизий [1]).

---

[1]) Два полка 15-й пехотной дивизии, оторвавшись от своего 3-го корпуса и понеся сильные потери в районе Алаюнд и Кедос, двинулись на Сому—Митилену. Потеряв в пути часть сил, они остатками в последнем пункте погрузились на суда.

Преследование группы ген. Франгу от Ушака к Смирне.

Уничтожающее сражение, данное турками в районе Афиун-Кара-Гисар — Алтун-Таш — Домплу-Пунар, закончилось полным разгромом южного фронта и пленением главных греческих сил.

Боевая песня аскеров—„мы перейдем непроходимые горы, переправимся через бурные реки, но выполним Национальный Обет“—в первые же дни наступления получила дополнение в виде конкретных лозунгов: „На Смирну“ и „На Бруссу“.

После взятия района Ушака к 1-му сентября перед турецким главным командованием встал вопрос о скорейшем очищении Малой Азии от тех незначительных неприятельских сил (1-й, 2-й и 7-й пехотных и кавалерийской дивизий), которые в период 27-го – 28-го августа, отклонившись от своего корпуса, под ударами 1-й турецкой армии с юга были отброшены в Ушакском направлении.

31-го августа Главное командование, приказывая на севере покончить с Эскишехирской группой противника, одновременно ставило для I-й и II-й армий следующую задачу:

II-й армии (VI-й корпус и 61-я пехотная дивизия [1]) развить наступление севернее Мурад-Даг на Кедос—Силинти—Мермере.

I-й армии—на Ушак – Ала - Шехир—Салихли—Таргублу, а отсюда, разделившись на две части, более сильной наступать на Магниса—Менемен, а другой частью сил на Ниф—Смирна.

Кавалерийскому корпусу неотступно преследовать противника, действовать на его тылы и, разрушая железную дорогу Ушак—Смирна, не давать отходящему противнику с помощью железнодорожного транспорта избежать окончательного разгрома и пленения.

Отряду Мендерesского района (два полка), сосредоточившись в районе Серай-Кей, наступать к северо-западу от данного пункта.

В последующие дни стремительного преследования эти директивные задачи главного турецкого командования были выполнены I-й и II-й армиями полностью, т. к. дивизии группы генерала Франгу были настолько деморализованы, что оказать более или менее серьезное сопротивление уже не могли [2]).

---

[1]) 41-я дивизия, оставив один полк в Сейид-Гази, остальными силами должна была перейти в Кедос; 3-я отдельная кавалерийская дивизия 1-го сентября была своими частями западнее Ушака.

[2]) Следующее донесение ген. Франгу от 1-го сентября на имя главного греческого командования характеризует состояние группы из 1-й, 7-й и 2-й пехотных и кавалерийской дивизий:

„Жестокие бои последних дней настолько подействовали на моральное состояние солдат, что теперь они похожи на толпу людей,

После пленения ген. Трикописа и главных сил греческой армии авторитет главного греческого командования совершенно упал. Значение этого поражения определялось, как „греческий Седан“. Просьба штаба главного греческого командования к своему правительству организовать новые силы с целью их отправки в виде подкреплений к группе генерала Франгу, а также обеспечить последнюю снабжением, в виду сильного истощения этой группы, не имеет успеха. Попытка перебросить из Фракии свежие греческие части в Смирну не удалась, т. к. предназначенные для этой цели греческие полки взбунтовались и отказались выполнить приказание своего командования.

Стремление ген. Франгу организовать в районе Токмака сопротивление переходящим в наступление турецким корпусам окончилось неудачей.

Сильная утомленность турецких частей от непрерывных переходов и боев в период с 26-го по 31-е августа не мешает им напрячь всю энергию с целью скорейшего занятия Смирны и очищения от греков всей Анатолии.

Донесения об успехах III-го турецкого корпуса в районе Эскишехира еще более вдохновляют дивизии I-й и II-й армий, и они приступили к выполнению последней директивы своего главного командования.

Учитывая, что включительно до берегов Эгейского моря боев значительного характера фактически не было, здесь нам остается только кратко остановиться на основных этапах преследования.

Для овладения районом Смирны турецким дивизиям предстояло проделать марш в 280 километров. *Но после того, как уничтожающее сражение было выполнено, этот переход уже не представлял собой больших трудностей*, если не считать тех коротких остановок, чтобы лишний раз опрокинуть задерживающегося противника на том или ином рубеже.

Таблица, приведенная на стр. 418, говорит о новом организационном составе I-го, II-го и IV-го турецких корпусов и о занятии важнейших пунктов, согласно директив Мустафы-Кемаля.

в беспорядке бегущих и неподчиняющихся распоряжениям своих офицеров. Боеспособность совершенно пала. Это положение заставляет избегать соприкосновения с неприятелем для того, чтобы не вызвать окончательного развала группы“. Главный греческий штаб дал следующий ответ на это донесение: „Т. к. вы находитесь на месте, то лучше знаете положение частей группы. Имея в виду новую реорганизацию армии, для того, чтобы выиграть пространство и время, организуйте отход на линию Кула—Токмак“.

Таблица № 31.

Наименование соединения и состав.	Занятие важнейших пунктов и районов.	Примечание.
II-я турецкая армия: VI-й корпус (16-я и 17-я пех. див.) и 61-я пех. дивизия.	Кедос (1/IX) — Силинти (3/IX) — Адала (7/IX) — Мермере—Акхисар—Сома — Баликсер — побережье Эгейского моря (с 8/IX по 16/IX).	1) Штабы Главного командования и Зап. фронта— Ушак (2/IX)— Ала-Шехир (6/IX)—Смирна (9/IX).
I-я турецкая армия: I-й корпус (15-я, 14-я, 57-я и 6-я пех. див.). II-й корпус (7-я, 8-я и 4-я пех. див.). IV-й корпус (5-я, 11-я, 23-я и 3-я пех. див.).	Ушак (1/IX) — Токмак (3/IX) — Ала-Шехир (5/IX). Салихли (6/IX) — Таргублу (8/IX) — Магниса—Менемен (с 9/IX по 16/IX) — Ниф—Смирна (с 9/IX по 10/IX).	2) 1-й пех. полк и арт. батарея 61-й пех. дивизии 2/IX двинулись на Симав за отступающими частями 15-й греческой дивизии к Митилене. 3) 3-я отд. кав. дивизия 10/IX подошла к Смирне и вошла в состав кавалер. корпуса.
Кавалерийский корпус (1-я, 2-я и 14-я кав. дивизии).	Кедос (1/IX)—Силинти (3/IX) — Магниса — Смирна (10/IX)—Чишма (16/IX). 2-я кав. дивизия (Дербент — Кула) (4/IX) — Смирна (9/IX).	

В период преследования Мустафа-Кемаль, Февзи и Исмет непрерывно следовали в непосредственной близости от частей и регулировали развитие наступления I-й и II-й турецких армий и кавалерийского корпуса ген. Фахреддина. Отступающие части группы ген. Франгу дали короткий бой в районе Токмака и на подступах к Смирне.

Во время этого отхода греческие части беспощадно опустошали и разрушали западную Анатолию; они сжигали все деревни, села и города, такие районы, как Токмак—Салихли—Ала-Шехир, были совершенно уничтожены огнем.

Следующий текст обращения от 7-го сентября 1922 года В.Н.С.Т. к правительству и народам Советской России, с целью мобилизовать общественное мнение наших трудящихся масс для протеста, полностью характеризует наемников английского империализма—эллинов 1922 года.

„Великое Национальное Собрание Турции, созванное в целях обеспечения нашей независимости внутри наших национальных границ, изгоняя из Анатолии греческую армию, проникшую до сердца турецкого отечества в то время, когда мы были обезоружены в результате всемирной войны, только что нанесло поражение неприятелю, благодаря армии, которую оно сумело организовать.

Совершая свое отступление, побитая неприятельская армия продолжает, как она до сих пор делала, всюду разрушать города и деревни. Она запирает мусульман в мечетях и домах и там сжигает их заживо. Она уничтожает все исторические памятники и образцовые произведения архитектуры.

Эскишехир, Афиун-Кара-Гисар, Ушак, Ала-Шехир и их окрестности, взятые обратно у неприятеля, превращены греками в дымящиеся развалины.

Великое Национальное Собрание Турции было глубоко опечалено и содрогнулось от ужаса при известии о последних неслыханных жестокостях греков.

В заседании от 7-го сентября вопрос о систематических разрушениях, совершенных неприятелем, подвергся особому рассмотрению и Собрание поручило своему председателю протестовать от имени Собрания перед всем цивилизованным миром против деяний греческого правительства и его армии, чтобы защитить от опустошения такие исторические города, как Брусса и Смирна, которые скоро будут взяты обратно, и довести до сведения всего мира, что турецкий народ никогда не простит этих актов вандализма“.

Мустафа-Кемаль.

Энергичное преследование турецкой армии и кавалерийские налеты на тылы бегущих греков окончательно дезорганизовали и распылили греческие части.

1-я, 2-я и 7-я пехотные дивизии, кавалерийская дивизия и отряд Пластираса группы ген. Франгу превратились в деморализованную толпу, которая сотнями людей сдавалась в плен.

Части 2-й кавалерийской дивизии Закки-бея 9-го сентября первыми вошли в город Смирну, затем ее сменила 8-я пехотная дивизия (т.-е. та дивизия, которая 27-го августа заняла Афиун-Кара-Гисар).

Главное турецкое командование во главе с Мустафой-Кемалем въехало в Смирну на другой день, 10-го сентября [1]).

К 16-му сентября вся Анатолия была очищена от неприятеля. В этот день был отдан приказ по армии:

„Великая Нация! Наша армия освободила Смирну и Бруссу. Вражеские командиры находятся у нас в плену. Греческий главком со своим штабом и остатками войск, испробовав все способы спасения, сдался нам. Если греческий король не попал в плен, то это лишь потому, что венценосцы всегда привыкли делить с народом лишь его радости, а в дни печали думают лишь о своих дворцах.

---

[1]) В этот день, когда уже вся Смирна была занята турками, в южной части города послышалась сильная перестрелка. Мустафа-Кемаль отдает срочное указание выяснить, в чем дело. В дальнейшем выяснилось, что это подходили к Смирне 2 греческих полка из Мендересского района, которые преследовала 3-я отдельная кавалерийская дивизия. Они не предполагали, что Смирна уже занята турками. Произошла перестрелка, и эти 2 полка сдались в плен.

Некогда мощная греческая армия превратилась в стадо. На нашей земле осталось 2/3 ее боевых припасов. Наши потери не превышают 10 тысяч. В течение 14 дней наша армия уничтожила большие силы врага, преследуя его на расстоянии 400 километров.

Наша нация теперь ничего не имеет с теми политическими группами, которые 3½ года тому назад сдали врагу Смирну.

Освобождение отечества началось с того момента, когда воля турецкого народа стала господствовать".

Мустафа Кемаль.

Так закончилась эта трехнедельная блестящая операция.

12 греческих дивизий полностью разгромлены, 3/4 всей артиллерии, 70 тысяч винтовок, 10 самолетов, 200 грузовых автомобилей и огромное количество другого военного имущества, некогда купленного грекам английскими лордами и шахтовладельцами, теперь заслуженно осталось в руках трудящихся масс Новой Турции.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Выводы.

Вышеизложенные операции турецкой армии в августе—сентябре 1922 года, представляя собой большую поучительность, в достаточной мере ясно говорят о причинах успехов националистов на полях Малой Азии.

Здесь нам остается еще раз кратко оттенить и подчеркнуть те основные моменты в вопросах организации управления и командования обеих сторон, которые повлекли за собой быструю и блестящую победу для армии Мустафы-Кемаля и которые принесли полное поражение для греческой оккупационной армии.

Победа турецкой армии складывается из следующих основных моментов:

1.

Хорошо продуманная политическая подготовка, которая заняла целый период времени перед началом решительного наступления на всем протяжении стратегического фронта [1]).

2.

Тщательный и всесторонний предварительный сбор сведений о неприятельских силах и их расположении, а отсюда строгое сообразование будущих боевых действий и искусное использование характера местности, которая на всем театре военных действий была крайне неудобной для широкой маневренной войны.

3.

Численное превосходство сил противника, характер его оборонительных линий на всем фронте и возможность сильного сопротивления греческой армии заставляют турецкое командование с большим терпением и вниманием отнестись ко всем сложнейшим вопросам по организации подготовки к наступлению. Оно заблаговременно реорганизует свою ар-

---

[1]) О политико-экономических результатах победы турецкой армии мы будем говорить ниже.

мию, старается еще выше поднять и без того хорошее ее моральное состояние, усиливает обучение живой силы и приводит в порядок имеющиеся технические средства.

Кроме того, посылает авторитетную инспекцию во главе с талантливым начальником турецкого генерального штаба Февзи.

Последний в продолжение 15 дней осматривает армию, входит во все мелочи ее повседневной жизни, дает соответствующие указания и на месте разрешает назревшие вопросы.

И когда внутреннее состояние армии становится для турецкого главного командования ясным, оно детализирует намеченный план решительной операции.

Положив в основу своего оперативного плана „уничтожающее сражение", турецкое командование намечает только ближайшие основные цели, не расписывая всех дальнейших, которые, естественно, будут зависеть от обстановки.

Основное стремление, это—дать уничтожающее сражение сразу же после перехода в наступление, с тем чтобы для преследования остались незначительные греческие силы.

4.

Искусная и скрытая перегруппировка дивизий в районах I-й и II-й турецких армий, с целью всемерно усилить главное направление и получить возможность нанести внезапный удар с юго-запада от Афиун-Кара-Гисара в северном направлении.

5.

Сосредоточение 17 дивизий в районе Сандыклы—Шухуд—Таказ фактически повлекло за собой перемену коммуникации для основных сил турецкой армии с востока на юг.

Эта тонкая и быстро (5 дней) проделанная сложная операция, естественно, должна была ввести в заблуждение греческое командование относительно тыла турок и их слабых районов, в направлении которых греки могли бы нанести контр-удар.

6.

Идея „уничтожающего сражения" была подкреплена мощным ударом 15 турецких дивизий по линии наибольшего сопротивления, и этот удар при поддержке левого фланга II-й армии (3 дивизии) не только потряс весь стратегический фронт греков, но и расколол его на две части, причем Эскишехирская группа (3-й греческий корпус) принуждена была действовать изолированно от главной группировки греческой армии (1-й и 2-й корпуса).

7.

Оперативная целеустремленность турецкого главного командования (сначала разгромить южную греческую группу из 1-го и 2-го корпусов) совершенно парализовала вредный момент „зараз смотреть на много хороших вещей“.

И мы видели, как ударная турецкая группа 1-й армии и левый фланг II-й армии действовали *при полной поддержке* Мендересского и Пурсукского отрядов и Коджа-Илийской группы.

Такой стратегический план, где *решительность* соединилась с разумной *осторожностью* и где эти подчеркнутые два фактора превратились в гармоническое сочетание и непрерывно господствовали на протяжении ответственнейших дней с 26-го по 31-е августа,—не мог не дать большой победы для турецкого оружия.

8.

Стремительный и ошеломляющий удар превосходными силами (1-я турецкая армия) с охватом противника (левый фланг II-й армии) дал возможность захватить инициативу действий с самого начала операции. Кроме того, мастерское умение прочно сохранить это господство над волею и умом противника на протяжении всей кампании.

9.

Массирование $^3/_4$ имеющейся артиллерии в районе ударной турецкой группы I-й армии не только усилило мощность первоначального удара, но и обеспечило проведение в жизнь важнейшего фактора на войне—*правильного взаимодействия пехоты и артиллерии.*

10.

Смелое использование конного корпуса Фахреддина, который с 26-го августа и по 1-е сентября непрерывно действовал сильным кулаком на тылы и фланги главной греческой группировки, (1-й и 2-й греческие корпуса), а после уничтожения последней деятельно преследовал греков от Кедоса до Смирны [1]).

[1]) Фахреддин-паша говорит, что за 25 дней марша (21 день наступления и 4 дня переход в район Сандыклы) каждая кавалерийская дивизия преодолела 900 километров. Особенно тяжелыми оказались последние дни похода. Снабжение с тыла стало крайне затруднительным. Все населенные пункты по пути преследования были сожжены или разграблены греками, турецкое население убежало в горы. Наступающие войска в питании перешли на изюм и фиги. Подвоз боевых припасов не мог восполнить необходимой потребности. Комдив доносит, что у него патроны на исходе, где взять новых. Фахреддин отвечает коротко: „Саблей“. Останавливаться было

11.

Своевременный и удачный удар турок в район Кючюк-Кей парализовал стремление Трикописа соединиться с группой ген. Франгу, и этот удар отбрасывает неприятельские силы в Адатепинский район.

Этот маневр турецких сил, положивший начало окружению южной группировки греков, лишний раз подчеркнул умение турецкого командования „не делать того, что хочет неприятель, и только потому именно, что он хочет".

12.

Разгром и окружение группы Трикописа, а также нанесение сильного комбинированного удара на Эскишехир дали возможность развить с громадной быстротой беспрерывное преследование разбитого врага на Бандерму (более 280 километров) и Смирну (более 400 километров).

Результатом непрерывных ударов турецких преследующих частей была следующая телеграмма Пангалоса на имя начальника греческого главного штаба малоазиатской армии: „На запад движется деморализованная греческая масса, которая в своем движении ничего другого, как Смирны, и знать не желает" (материалы следственной комиссии о военных действиях греков в Малой Азии).

13.

Наконец, обращает на себя внимание способ в подборе лиц для сконструирования высшего командования. Исключительно крупный, исключительно способный полководец и политический деятель Новой Турции —Мустафа-Кемаль— умело подобрал себе и хороших помощников в лице выдающихся по своим способностям и энергии Февзи и Исмета.

Эти люди (триумвират) сильного и твердого характера умели искусно использовать чужие познания и силы в пользу общей борьбы.

Пользуясь громадным авторитетом у всей армии и будучи всегда вместе с ней и перенося все тяготы боевой жизни наравне с простыми аскерами, эти люди правильно поняли характер национально-освободительной войны. Обладая этими высокими качествами, столь необходимыми для военачальников, они умели свободно вызывать у своей армии часто нечеловеческие усилия и подвиги.

Вот по этому-то вылитому из весьма прочного и устойчивого материала триумвирату старались равняться и

нельзя, чтобы не упустить остатков противника. Физическое утомление у войск было сильное, конский состав поредел от непрерывных переходов.

другие войсковые начальники, как-то: Нурреддин (командарм 1-й), Якуб-Шевки (командарм II-й), блестящий кавалерийский начальник Фахреддин и др., которые, будучи также тесно спаянными со своей молодой армией, старательно и с полной ответственностью выполняли оперативные замыслы своего Главнокомандующего, ведя войска к победе.

Таким образом, начиная с простого солдата и кончая Главнокомандующим, вся армия была проникнута одним непреодолимым стремлением окончательного разгрома англо-греческой интервенции, а через эту победу—освобождения страны от империалистического ига так называемых „великих держав".

14.

Прежде чем перейти к разбору греческой стороны, нам хотелось бы указать на следующий момент:

Перед турецким наступлением греческое правительство и его высшее командование было занято вопросом о создании во Фракии сильной армии, с целью наступления к Босфору для занятия Константинополя [1]).

Для этого, учитывая затишье на Анатолийском фронте, было предположено перебросить отсюда часть сил во Фракию.

[1]) В вопросе о Константинополе и проливах у Англии и Греции было полное согласие. Старая idée-fixe британского империализма—сделать из Дарданелл второй Гибралтар. Британия готова была отдать Константинополь Греции, зная заранее, что этот город все равно будет за Грецией числиться только номинально. Это обстоятельство заставляло английское правительство Ллойд-Джорджа всемерно поддерживать в вопросе о Константинополе греческого короля Константина, который продолжал утверждать, что „разрешение пресловутого восточного вопроса может быть основано только на суверенитете греков в Константинополе". Греческая официальная пресса, обрабатывая общественное мнение, в это время писала: „Почему мы все еще не наступаем на этот город,—предмет старых мечтаний эллинов, который, хотя и стал для теперешних христиан „славной столицей оттоманов", для нас все же остается вечной столицей эллинов". Несмотря на то, что Константинополь принадлежит Турции с 1453 года, архиепископ никейский Василий, защищая точку зрения греков, в беседе с представителем международного красного креста, швейцарским гражданином Гери, который констатировал большое избиение греческими оккупантами беззащитного турецкого населения в Константинопольском и Исмидском районах, заявил последнему: (Кайзер, „Европа и Новая Турция", стр. 70) „Греческая армия была слишком мягка в репрессиях. Я человек не военный, а *духовное лицо*, но я хотел бы, чтобы истребили всех турок до одного". Как видим, это духовное лицо, елейно и мягко проповедуя учение Христа, обладает столь кровожадным аппетитом, что ему может позавидовать любая военная организация империалистических армий.

Но если эту операцию грекам не удалось полностью осуществить [1]), благодаря переходу турок в наступление, то этот план все-таки должен был отвлекать внимание греческого командования в сторону Константинополя и проливов.

Последнему обстоятельству безусловно способствовала поездка Фетхи-бея в Лондон, которая усыпила бдительность греческого командования, т. к. эта поездка уверила греков, что турки еще верно долгое время будут неспособны к активным действиям.

Из каких же основных причин складывается поражение греческой армии? И здесь мы остановим внимание читателя на следующих моментах:

15.

Наличие слишком большой удаленности (450 километров) Главного командования от боевой линии фронта и невыезд из Смирны к району действий южной группы ни Главкома Хаджи-Анастиса, ни кого-либо другого из ставки в период активных операций.

Срочные и тревожные донесения ген. Трикописа о начале турецкой перегруппировки (усиление турок, прорыв 1-го греческого корпуса) и далее донесения о факте перехода турок после сильной артиллерийской подготовки в наступление, как мы видели, больше, чем спокойно, были встречены в штабе греческого главного командования.

16.

Неурегулированность вопросов управления 1-м и 2-м корпусами и неустановление бо́льшей оперативной связи с 3-м греческим корпусом.

Оставление status quo подчинения каждого корпуса непосредственно Главнокомандующему, который продолжал находиться в Смирне, не могло не создать перебоев в управлении.

Сведения о быстро менявшейся обстановке на фронте передавались по телеграфу, провода которого часто прерывались турками. Это обстоятельство заставляло греческое главное командование находиться в неведении о том, что делается на фронте, и отдавать оперативные распоряжения, которые не могли выполняться в силу их устарелости.

17.

Греческий главком, получив через командира 1-го корпуса 23-го августа телеграмму относительно усиления турками района к югу от Афиун-Кара-Гисара, где ген. Трикопис

---

[1]) Были только частичные переброски из нескольких полков.

просил усилить расположение 1-го корпуса частями, взятыми из 2-го резервного корпуса, не принимает никаких решений.

18.

Нежелание греческого главнокомандующего сразу же после 26-го августа подчинить комкора 2-го ген. Дениса Трикопису. Последнее, как мы видели, все равно произошло стихийно под давлением боевой обстановки.

19.

Директива от 26-го августа Главкома Хаджи-Анастиса „во что бы то ни стало удержать линию фронта“, занимаемую 1-м корпусом, наглядно говорит, что греческое главное командование было не в курсе оперативных дел, которые развивались на 450 километров впереди его. Боевая обстановка скорее требовала не удержания, а, наоборот, приказа о быстром отходе 1-го и 2-го корпусов хотя бы на линию Токлу-Сиври — Домплу - Пунар — Кутахия, с тем чтобы здесь не только перегруппироваться для обороны или контр-удара, но и восстановить оперативную связь с правым флангом Эскишехирской группы.

20.

Полная оперативная изолированность Эскишехирской группы (3-й корпус) в ответственнейший период боевых действий с 26-го по 30-е августа и непосредственное подчинение ее командованию в Смирне были также одной из причин, которая облегчила туркам возможность окончательно расколоть греческий стратегический фронт на две части.

Фактически уже к 30-му августа все силы греческой оккупационной армии, в силу умелых и энергичных ударов турок, были расколоты на три группы (Трикопис, Франгу, Эскишехирская) и принуждены были гибнуть по частям.

Но этого могло и не случиться, если бы Главное командование было крепче связано с фронтом, а командование корпусами — между собою.

21.

Внезапность перехода в общее наступление, а главное — неожиданность мощности турецкого удара с юга, оказались настолько непредвиденными для греков, что в первые же дни (до 29-го августа) мы видим, как греческое командование и его управление (за исключением ген. Трикописа) было парализовано.

Его оперативная деятельность как бы окаменела, а у частей появилось непреодолимое желание скорее скинуть с себя этот гнет турецкого наступления посредством быстрого отхода в Смирнском направлении.

22.

Греческое командование вполне могло бы не дать туркам возможности расколоть их стратегический фронт на части Как один из выходов для этого, ген. Трикопис и Денис должны были бы главными силами отойти в направлении Кугахия и образовать заслон в Ушакском направлении. На этой линии была возможность организовать оборону. А подход подкреплений из той же Фракии, Смирны и Греции дал бы возможность грекам перейти в контр-наступление. Кроме того, такой маневр греков, организованный в период 27-го—30-го августа, должен был поставить турецкое командование и его наступательный план в трудное положение по вполне понятным причинам.

Во всяком случае у греческого командования было несколько оперативных вариантов, чтобы избегнуть полного разгрома, но, чтобы этими вариантами воспользоваться, требовалось более соответствующее командование.

Состояние и численность греческой армии, как это показывают упорное сопротивление и бои с 26 го августа по 1-е сентября, вполне соответствовали принятию более смелых решений.

Неумение провести последние в жизнь повлекло за собой не только крупные потери, но и полный разгром.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Политико-экономические выводы в результате победы турецкой армии.

Окружение главных сил греческой армии в Адатепинском районе, полный разгром Эскишехирской группы греков и стремительное преследование остатков неприятельских частей к Смирне было проделано армией Мустафы-Кемаля с громадной быстротой. Менее трех недель потребовалось турецкому командному составу и аскерам, чтобы полностью очистить территорию размером около 100 тысяч квадратных километров и совершенно уничтожить живую силу англо-греческой интервенции.

Такой героический поход с громадными материальными успехами для ангорского правительства В. Н. С. Т., естественно, в корне должен был изменить политическую ситуацию, которая сложилась на Ближнем Востоке с момента подписания Севрского договора константинопольским правительством султана.

Момент занятия кемалистами Смирны, Бандермы, Мудании и Бруссы не только говорил, что написанный в канцеляриях империалистических держав Севрский договор смело перечеркнут оружием национальной армии, но эта победа потребовала новой постановки пресловутого „ближневосточного“ вопроса, который опять стал центральным вопросом в мировой политике держав Антанты [1]).

Непосредственными политическо-экономическими результатами для Турции, вызванными победой ее армии, были две конференции в Мудании и позже в Лозанне. На них мы и остановимся, чтобы показать читателю, какие политические выгоды получила Новая Турция в результате своих военных успехов.

---

[1]) Следует указать, что победа турецкой армии вызвала бурный восторг у населеня стран Ближнего Востока.

Сирийская, месопотамская, египетская, персидская и др. пресса того времени писала, что „победы турок обеспечивают не только их собственную свободу, но требуют ее для всего Востока и для мусульманского мира“... Или „Мустафа-Кемаль опрокинул жадную империалистическую политику Европы и положил предел порабощению угнетенного Востока Европой“... и т. д.

Конференция в Мудании.

Продвижение турецких частей к нейтральной зоне, установленной союзными державами в проливах, в направлении Чанак—Дарданеллы и Исмид—Скутари—Босфор, вызвало большое волнение у держав Антанты.

К первым числам октября 1922 года турки могли сосредоточить достаточно сил из Смирнского, Муданийского и Бандермского районов, чтобы развить активную операцию на Босфоре и Дарданеллах.

Англия оказалась в весьма затруднительном положении; ее командующий оккупационной союзной армией ген. Гаррингтон обращается в Ангору с просьбой остановить наступление к проливам. В телеграмме, адресованной Мустафе-Кемалю, он убеждал последнего не нарушать пока нейтральной зоны проливов. Это обращение Гаррингтон заканчивал следующими словами:

„Я с удовольствием принял к сведению Ваше торжественное заявление относительно свободы проливов, к которому вполне присоединяются с своей стороны союзные державы. Я разделяю Ваше желание приступить возможно скорее к переговорам, которые приведут к столь желательному для всех миру. В виду этого я еще раз самым настоятельным образом прошу Вас, во избежание возможных инцидентов, устранить всякую видимость угрозы для моих войск в Чанаке и проливах. В случае каких бы то ни было недоразумений, я готов встретиться с Вами в любом месте, которое мы могли бы назначить по взаимному соглашению.

Я пользуюсь случаем, чтобы заявить Вам от имени британского правительства, что посланные мне подкрепления имеют единственной целью интересы мира, как я не преминул заявить в опубликованном мною недавно сообщении.

Поэтому я с чувством глубокого облегчения узнал от Вас, что вы не имеете агрессивных намерений против моих войск".

Комментировать этот документ мы считаем излишним. Обстановка резко изменилась. Англия великолепно учла, что система угроз теперь не может дать реальных результатов. Захват же турецкой армией проливов, где Англия была на протяжении четырехлетней интервенции в Передней Азии фактическим хозяином, явился бы сильнейшим ударом по ее мировому престижу и по всей ее ближне-восточной политике.

В силу этого английское правительство решает срочно послать лорда Керзона в Париж для переговоров с Пуанкаре и итальянским министром иностранных дел Сфорца.

К 23-му сентября была составлена нота на имя В.Н.С.Т. Полный крах интервенции Антанты в Малой Азии и боязнь, что победоносные турецкие войска силой займут Константинополь и Фракию, заставляют лорда Керзона просить составить ноту в миролюбивых тонах. Недавняя политика полного истребления Новой Турции, которую открыто проповедывало английское правительство, теперь приняла совершенно иной оборот.

По своему содержанию нота носит необычайно любезный тон и по своему характеру она коренным образом отличается от всех решений союзников и их нот, которые касались турецкого вопроса, начиная с 1918 года. Учитывая большое историческое значение этой ноты, мы приведем ее полностью.

„Три союзных правительства просят правительство Великого Национального Собрания сообщить им, согласится ли оно послать немедленно уполномоченного представителя на конференцию, на которую будут также приглашены уполномоченные представители Англии, Франции, Италии, Японии, Румынии, Юго-Славии и Греции. Эта конференция будет созвана сейчас же после того, как будут приняты необходимые меры со стороны заинтересованных правительств, и поставит себе целью выработать и заключить окончательные мирные договоры между Турцией, Грецией и союзными государствами. Три союзных правительства пользуются случаем, чтобы заявить, что они относятся благожелательно к стремлению Турции получить обратно Фракию до Марицы и Адрианополь, под условием, что ангорское правительство не двинет свою армию во время мирных переговоров в зоны, временная нейтрализация которых была установлена союзными правительствами.

Три союзных правительства охотно согласятся предоставить Турции законные границы. Разумеется, впрочем, что заодно будут приняты меры к гарантированию в этих переговорах интересов Турции и ее соседей и демилитаризации, в целях сохранения мира, некоторых подлежащих определению зон, к обеспечению мирного восстановления турецкой власти и, наконец, к обеспечению при содействии Лиги Наций свободы Дарданелл, Мраморного моря и Босфора, а также защиты национальных и религиозных меньшинств.

Три правительства охотно будут поддерживать предложение о принятии Турции в Лигу Наций. Они единогласно повторяют свое утверждение, сделанное ими в марте с. г., что союзнические силы будут отозваны из Константинополя сейчас же, как только договор войдет в силу.

Три союзных правительства используют свое влияние, чтобы добиться, до открытия конференции, отозвания греческих сил до линии, которая должна быть определена союзными командованиями, в согласии с турецкими и греческими военными властями.

В обмен за это посредничество, ангорское правительство возьмет на себя обязательство не направлять, ни до открытия конференции, ни во время ее, свои войска в зоны, которые были временно объявлены нейтральными, и не переходить проливы и Мраморное море.

С целью определения вышеупомянутой линии, союзные генералы могут сейчас же встретиться с Мустафой-Кемалем в Мудании или Исмиде.

Союзнические правительства убеждены, что их призыв будет услышан и что они сумеют работать в сотрудничестве с Турцией, как союзницей, в целях восстановления мира, к которому стремится все культурное человечество“.

Сфорца, Керзон оф-Кеддльстон, Пуанкаре.

Мы полагаем, что и эта нота комментариев не требует. Она целиком вскрывает внутренние пружины английского империализма. История последнего наглядно говорит, что, когда он убеждается в своем бессилии или когда успех его сомнителен, этот властелин Индии, Египта, Австралии и Ирландии старается быть мягким и любезным, с целью или

выиграть небольшое количество времени, или, отказавшись на продолжительный срок от решения какого-либо вопроса, перенести свой империалистический огонь в другом направлении—более выгодном [1]).

В данном случае было то и другое—выиграть время для того, чтобы постараться стянуть войска и флот к Дарданеллам (которые для Англии за эту четырехлетнюю интервенцию в Малой Азии были своего рода вторым Гибралтаром) и продиктовать затем Ангоре свою волю. А если это политически не удастся, то в дальнейшем посредством экономической блокады, организации восстаний внутри страны, натравливания соседей и т. д. замедлить восстановительный процесс Новой Турции.

Кроме того, эта нота, касаясь вопроса о проливах, как видим, совершенно игнорирует Советскую Россию. Последняя принуждена была послать свой категорический протест Англии, Франции, Италии и др.

А в ноте от 13-го сентября 1922 года сов. правительство еще раз со всей откровенностью и ясностью указало, как оно смотрит на политику империализма на Ближнем Востоке (см. приложение № 9).

2-го октября ангорское правительство В.Н.С.Т. дает согласие на созыв военной конференции в Мудании. В качестве своего представителя оно посылает командующего Западным фронтом Исмета. К 3-му октября союзные генералы Гаррингтон, Момбели и Шарпи (Harrington, Mombelli, Charpy) прибыли в Муданию.

В процессе работ конференции было много весьма острых моментов, когда казалось, что она окончится безрезультатно.

Командующий оккупационной союзной армией ген. Гаррингтон, желая вызвать уступки от Исмета, начал намекать о мощи английского флота, собранного в проливах, и о ещё бо́льших союзных силах, которые уже в пути к Константи-

---

[1]) Небезынтересно здесь указать, что содержание вышеприведенной ноты по своему стилю весьма напоминает ноту лорда Керзона Советской России в апреле 1920 г., где он говорил, что английское правительство будет счастливо передать английскому народу, что русское правительство из-за соображений человеческой гуманности и справедливости амнистирует армию Врангеля. Как известно, это посредничество английского правительства продолжалось *ровно столько времени*, сколько было необходимо для французского правительства снабдить Врангеля всеми необходимыми средствами к переходу в наступление. *Второй пример*: Красная армия приближается к Варшаве. Английское правительство посылает советскому правительству ноту, в коей просит последнее быть гуманным и остановить столь бурное наступление. Но вот по обстоятельствам оперативного порядка Красная армия принуждена отойти от Варшавы. Английское правительство сейчас же создает такие условия для нашего официального представителя в Лондоне т. Каменева, что последний принужден выехать обратно в Советскую Россию.

нополю [1]), и т. д. В ответ на это Исмет, в согласии с ангорским правительством, предложил пункт о полной передаче Фракии не позднее чем через месяц после подписания договора, составленного в Мудании.

На это категорическое требование Исмета союзные генералы заявили, что это вопрос не столько военный, *сколько политический* и что они уполномочены вести переговоры по вопросу о прекращении военных действий, об условиях же очищения греческими войсками Восточной Фракии и контроля над этой провинцией окончательное решение вынесет мирная конференция.

Переговоры прерываются. Союзные генералы демонстративно уезжают в Константинополь. Исмет отдает войскам приказ о переходе в энергичное наступление к проливам. Турецкие дивизии продвигаются вперед и уже вступают в нейтральную зону. Это наступление турок заставляет ген. Гаррингтона и др. немедленно вернуться в Муданию (6-го октября). *Переговоры теперь начинают носить абсолютно миролюбивый характер.*

Союзные генералы, учтя опыт предыдущих дней, соглашаются со всеми предложениями, выдвинутыми Исметом. В 7 часов 11-го октября военное соглашение подписано обеими сторонами, и конференция заканчивает работы. Восточная Фракия, включая Адрианополь, передается Турции в 30-дневный срок. (См. приложение № 10). Константинополь переходит в руки турок. Султан Магомет VI отрекается от престола. В.Н.С.Т принимает отречение султана к сведению и объявляет все договоры, соглашения и декреты, подписанные его константинопольским правительством после 16-го марта 1920 года, т.-е. после подписания Севрского договора, *недействительными.*

Положение в Греции.

Тяжелое поражение греческой армии в Малой Азии не прошло даром для греческого правительства. Все войска, находившиеся на территории Греции, и морской флот восстали против правительства Гунариса и потребовали отречения короля Константина. Последний 27-го октября соглашается передать престол в пользу диадоха (наследный принц Георг). Вся государственная власть переходит к революционному комитету, который сформировал новое правительство. Все министры

---

[1]) Ко 2-му октября 1922 года англичане в Дарданеллах и Босфоре, за исключением морского флота, располагали следующими силами: 11 бат-нов, 12 арт. батарей, 3 авиоэскадрильи; из этих сил в районе Чанака было 6 пех. бат-нов, 9 арт. батарей, 2 авиоэскадрильи. Общая численность равнялась 18 тыс. человек; в ближайшие дни было намечено довести эту цифру до 25 тыс. человек. (Poidevin, „L'offensive turque de 1922", Revue Milit. Franç., № 28, 1923 г.).

старого кабинета следственной комиссией приговариваются к смертной казни, и 27-го ноября премьер-министр Гунарис и министры Протопопадокис, Стратос, Театокис, Балтацци и главнокомандующий Хаджи-Анастис были *расстреляны.* В дальнейшем, несмотря на то, что на политической арене снова появился Венизелос, его партия (венизелисты), как самая сильная буржуазная и роялистская, теряет авторитет, и верх берет диктатура Панаголоса, который при полной поддержке Англии делается президентом греческой республики.

Лозаннская конференция. После политической победы ангорского правительства В.Н.С.Т. на военном совещании в Мудании явилась возможность созвать мирную конференцию по турецким делам в Лозанне.

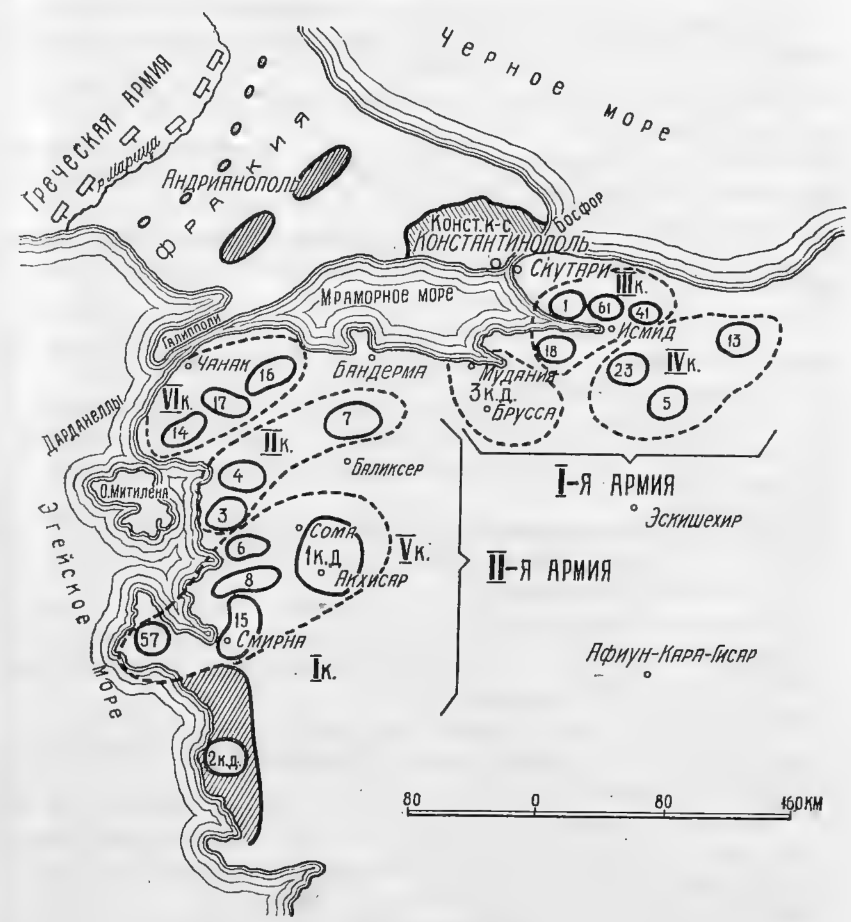
Последняя начала свои работы в декабре 1922 года и продолжалась в течение восьми месяцев. И в то время, когда конференция решала важнейшие политические вопросы и готова была несколько раз прервать свои работы, благодаря взаимной неуступчивости союзников и турок в вопросах кардинальнейшего порядка (вопрос об уплате оттоманского долга, проливах, Моссульской провинции, капитуляциях и т. д.), — главное турецкое командование произвело перегруппировку частей своей армии.

Эта концентрация крупных турецких сил в районе Смирны и под Дарданеллами и Босфором в период заседаний в Лозанне красноречиво говорила союзным державам, что правительство В.Н.С.Т. готово каждую минуту защищать свои права и политические интересы кровью турецкого народа. И следует указать, что эта перегруппировка и сосредоточение в важнейших направлениях главных сил армии Мустафы-Кемаля имели свое моральное влияние на ход работ Лозаннской конференции (см. чертеж № 9).

24-го июля 1923 года был подписан договор в Лозанне. Военные успехи армии Мустафы-Кемаля в Передней Азии укрепили развивавшееся национальное движение в Турции и на Ближнем Востоке, ряд же политических побед турок на Лозаннской конференции заставил представителей союзных держав открыть новую страницу в истории Турции, которая носит название: *начало экономического развития и восстановления Новой Турции после империалистической войны и тяжелой четырехлетней англо-греческой интервенции.*

Несмотря на то, что некоторые из требований турецкой делегации в Лозанне удовлетворены не были, все же этот договор был значительной политической победой турецкого народа.

На этой конференции Новая Турция еще раз убедилась в полной искренности дружбы к ней Советской России. Де-

Черт. № 9.

Расположение турецкой армии в период Лозаннских переговоров.

легация последней напрягла все силы, чтобы добиться максимальных успехов для турецкого трудового народа [1]).

---

[1]) Советская Россия героически боролась на конференции против устанавливаемой союзниками „свободы проливов", угрожающей в первую голову безопасности СССР, а также и Турции, разоруженной в проливах и могущей легко превратиться в игрушку в руках Антанты. Бессилие в этом вопросе Турции свело на нет все усилия советской дипломатии. После упорной борьбы, отмеченной кровавым эпизодом убийства т. Воровского, Советская Россия принуждена была подписать конвенцию, исходя из двух предпосылок: 1. Желания так или иначе ликвидировать ближне-восточный конфликт. 2. Намерения путем участия в международной комиссии „устранить по мере возможности угрозу безопасности советских республик".

Политические, экономические, финансовые и юридические победы Турции в Лозанне кратко могут быть охарактеризованы следующим образом:

1. Полное господство турецкого народа на всей территории Малой Азии.

2. Переход обратно в руки турок Константинополя и Дарданелл в качестве безусловной составной части Турецкой Народной Республики.

3. Получение территории Восточной Фракии и Адрианополя, как выход в Европу и участие в вопросах политической жизни на Балканах.

4. Полная отмена установленного европейскими империалистическими державами режима капитуляций, который беспощадно эксплоатировал Турцию.

5. Сокращение оттоманского долга и пропорциональное распределение этого долга между всеми территориями, которые отошли от Турции в результате балканской и мировой войн.

Таковы политические результаты военной победы турок, где, как видим, большинство статей Севрского договора окончательно перечеркнуто.

Тяжелое экономическое положение страны в силу непрерывных войн в течение ряда последних лет заставило В.Н.С.Т. уступить в Лозанне два больших политических вопроса в пользу Антанты.

А именно, право Англии проводить свои военные суда через Босфор и Дарданеллы и отторжение от Турции Моссульского вилайета.

Первый вопрос, учитывая размеры военного флота Англии, а отсюда ее влияние в водах Черного и Мраморного морей, есть вопрос, который затрагивает не только интересы Турции, но и С.С.С.Р.

Второй вопрос является кардинальнейшим вопросом в колониальной политике Англии Ибо, владея Месопотамией, не иметь богатейшего нефтяного Моссульского вилайета—значит для Англии потерять один из важнейших путей между Египтом и ее основной базой в ее мировом могуществе—Индией.

В заключение можно сказать, что Лозаннский договор не только явился новой политико-экономической эрой в истории Турции, но он оказался после Октябрьской рево-

---

Свое согласие советское правительство обусловило, однако, правом внесения в будущем необходимых изменений, а также правом полного отказа от конвенции, если выяснится, что ею „недостаточно гарантированы интересы торговли советских республик и всеобщего мира". (См. приложение № 11). „Турция в борьбе за независимость", изд. Научной ассоциации востоковедения при ЦИК СССР, 1925 г., стр. 113.

люции в России вторым мощным побудительным стимулом к национальной независимости для всех стран колониального и полуколониального Востока.

Победные сигналы В.Н.С.Т. в Малой Азии, Мудании, Лозанне над военно-морской и финансово-экономической мощью англо-французского империализма нашли свой отзвук в угнетенных странах Ближнего и Дальнего Востока [1]).

И события последних лет говорят, что дальнейшее широкое развитие национально-революционного движения на Востоке будет естественным явлением в истории всего XX столетия.

* * *

Читатель видел, что в своем исследовании мы коснулись событий на Переднем Востоке только в период 1918—1923 г.г. С момента окончания победоносной национально-освободительной войны прошло пять лет. Мустафа-Кемаль и его ближайшие помощники, которые были с ним в дни национально-революционной борьбы, продолжают управлять турецким государством. Пять лет, это уже такой срок, который может со всей наглядностью показать, на какую почву упали плоды победы турецкого крестьянина. Размеры нашего труда не позволяют нам разобрать политические и экономические мероприятия, которые осуществляются в Турции в настоящее время. Читатель это может найти в ряде изданных работ по Турции и в частности в интересных статьях тов. Ферди, помещенных в журнале „Коммунистический Интернационал“, №№ 16, 21 и 27 за 1927 г.; тов. Китайгородского, журнал „Большевик“, № 18 за 1927 г.; тов. Зарифина, „Четвертая годовщина Турецкой республики“, „Правда“ от 29/X 1927 г. и др. Во всех этих работах дается анализ национально-демократической революции в Турции, ее дальнейшего развития после Лозанны и той роли, которую играет в этой революции по сей день анатолийская буржуазия. В области внутренней политики за последние годы турецким правительством разрешен целый ряд важнейших вопросов, как, например: а) уничтожены султанат и халифат и изгнаны из Турции все члены Оттоманской династии, б) закрыты духовные школы, монастыри и кельи отшельников, упразднены дервишские ордена, в) судебное законодательство, в значительной степени основанное на шариате, заменено новыми

---

[1]) Основными причинами полного краха англо-греческой и французской интервенции в Передней Азии следует считать:

а) Противоречия в империалистической политике Англии и Франции, в силу чего последняя открыто переходит на сторону ангорского правительства В.Н.С.Т.

б) Греция не могла рассчитывать на поддержку других балканских государств, т. к. этого не допускала Франция, которая в период 1919—22 г.г. имела преобладающее влияние в странах Балканского полуострова.

в) Севрский договор, который фактически являлся политическим детищем английского правительства, ни в какой мере не мог интересовать Италию, т. к. он не давал ей никаких политических выгод, в силу чего последняя не считала возможным принять активное участие в греко-турецкой войне.

Помощь Италии Греции отпадала благодаря тому, что первая давно стремилась захватить Смирнский вилайет, но его ранее с помощью Англии оккупировала Греция.

кодексами, г) постановлено аннулировать статью конституции, в коей говорится, что мусульманство является государственной религией Турции, д) отменен средневековой налог „ашар“, который собирался через откупщиков и разорял крестьянское хозяйство, и другие мероприятия, направленные в сторону защиты политической и экономической независимости Турции. Но, на ряду с этими весьма полезными и необходимыми мероприятиями, мы видим в жизни рабочих и крестьян Новой Турции целый ряд отрицательных явлений, которые создаются в силу все более и более беззастенчивых эксплоататорских экспериментов и нажимов анатолийской буржуазии.

Мустафа-Кемаль и его ближайший политический антураж очень часто говорят, что благосостояние народа есть сущность всех политико-экономических мероприятий турецкого правительства. Как мы знаем, 90% населения Турции составляют крестьяне и рабочие, кровью и громадными лишениями которых достигнута победа в дни 1918—22 г.г. Это необходимо постоянно помнить тому, кто 29-го ноября 1920 года в своей политической декларации (каковой фактически является письмо к тов. Чичерину) писал: „Я глубоко убежден, и мое убеждение разделяется всеми моими согражданами, что в тот день, когда трудящиеся Запада, с одной стороны, и порабощенные народы Азии и Африки, с другой,—поймут, что в настоящее время международный капитал пользуется ими для взаимного уничтожения и порабощения, ради вящей пользы своих господ, и в тот день, когда сознание преступности колониальной политики проникнет в сердце трудящихся масс мира,—*власть буржуазии кончится*“. (См. стр. 366).

Комментируя эти последние слова Мустафы Кемаля, мы с полной уверенностью и знанием настроений рабоче-крестьянских масс Новой Турции говорим, что последние хорошо *поняли* и *знают* настоящую цену не только английской, французской, итальянской, греческой, но и турецкой *буржуазии*. А поэтому, чем скорее турецкая национально-демократическая революция перерастет в революцию пролетарскую, тем лучше будет для широких рабоче-крестьянских масс Турции.

Общее заключение.

Итак, краткое исследование в политико-стратегическом разрезе и под углом зрения организации управления и командования трех крупнейших сражений последнего десятилетия нами закончено.

Мысль, которая в продолжение трех лет неотступно владела нами, а именно— рассмотреть, проанализировать и сопоставить эти три замечательных события в жизни современного человечества, посильно осуществлена.

С чувством глубокого удовлетворения мы кладем перо, так как полагаем, что на *канве всего вышеизложенного* другим товарищам представляется возможность расширить исследование еще многих *отдельных* вопросов, *как, например* (и здесь мы укажем только несколько основных вопросов, которые прямо вытекают из нашей работы, которые мы в своем месте рассмотрели, но которые в одном труде детально исследовать невозможно):

1. Об оперативном *плане войны* (кампании и операции отдельного фронта, армии), который должен быть *прямо пропорционален* политическому, экономическому и хозяйственному положению той страны, в которой этот план разрабатывается, а также вопрос о *политическом обеспечении* операции и о политической *обработке* занятых областей.

И если, как мы видели выше, про оперативный план Мольтке-младшего мы можем сказать словами Маркса: „он сеял драконов, а сбор жатвы дал ему блох“, то отнюдь этого не скажешь про оперативный план Мустафы-Кемаля.

2. О стратегическом развертывании и об организации стратегического маневра, с целью достигнуть действительного успеха над живой силой противника по возможности *в первые же дни* решительного наступления.

Как мы видели, ни в Марне, ни в Висле этого сделать не удалось, несмотря на большое стремление к этому у командования.

Но турецкое главное командование это умело сделало и получило действительный успех, а после преследования *остатков* противника совершенно уничтожило неприятеля и победоносно в 14 дней закончило начатую кампанию против англо-греческой интервенции.

3. О *продолжительности* непрерывного наступления (возможная дальнобойность современной операции), с влиянием этой продолжительности похода на пехоту, конницу, артиллерию, технические войска *и на работу тыла* наступающей армии.

В Марне и Висле стратегический лук был перетянут, *крутой поворот* для новых решений своевременно произведен не был, а поэтому к району решительного удара армии подошли со своими истощенными войсками и сильно ослабленными запасами боевых припасов, в то время как противник, потеряв *пространство*, выиграл *время* для своего всестороннего усиления и тем трансформировал свое недавнее поражение в победу

Отсюда же встает вопрос о термине „стратегия сокрушения" (которая с указанным выше характером наступления, конечно, ничего общего не имеет, так как лейт-мотив в стратегии сокрушения *это—не останавливаться ни перед чем, но лишь при условии подготовленного успеха)* и „стратегия ва-банк", как мы ее именовали.

4. О быстром отрыве от противника, с целью, в обмен на проигрыш пространства, сохранить живую силу своей армии и выиграть в дальнейшем оперативную свободу действий.

5. О целесообразном использовании конных масс (стратегическая конница).

6. О значении крепостей в современной войне, когда они действуют в полном взаимодействии с полевой армией.

7. О железнодорожном марш-маневре.

8. О значении резервов на случай стратегической неожиданности во время завязки решительной операции.

9. О значении стратегической разведки (всех видов), которая посредством своей правильной организации была бы действительным помощником командованию, а не наоборот (например, вопрос с перехваченными польскими приказами, которые полностью раскрывали нам идею контр маневра противника из района Люблина и которые мы не сумели использовать, или неудовлетворительная работа разведки у французского командования в пограничном сражении — уменьшение численности немецких сил вдвое, отсюда эфемерные планы наступления Жоффра; фальшивое стратегическое положение, в коем оказались правофланговые немецкие армии, благодаря своевременно необнаруженной Амьенской группе Монури, отходившей к Парижу на фланге 1-й армии Клука, и т. д.).

10. О теории „Канн", которая, превратившись в *канноманию* со всеми вытекающими отсюда преувеличиваниями и упущениями, кроме вреда командованию, ничего не принесла. Продолжительный опыт войн настойчиво подчеркивает, что война, как живое дело, не терпит ни шаблонов, ни трафаретов.

Достаточно прочитать стр. 213-214 „Канн“ Шлиффена, чтобы убедиться, что перевоплощение стратегических Канн в современных условиях дело весьма трудное, если совсем не безнадежное (как это показал опыт мировой войны 1914—1918 г.г.).

Здесь мы только остановимся на основном выводе, который делает Шлиффен. „Совершенное воплощение,—говорит он,—сражения при Каннах очень редко встречается на страницах военной истории. Для него необходимы, с одной стороны, Ганнибал, а с другой—Теренций Варрон, которые оба по-своему содействуют достижению великой цели.

В результате получилось, что если, исключая Седана, и не было совершенных „Канн“, то все же можно найти целый ряд сражений (см. „Смирну“. *В. М.*), приближающихся по типу к полному разгрому противника, и *таковые находятся как раз на поворотных пунктах истории.*

11. Об оперативном взаимодействии командования фронтами и армиями и о твердых вожжах управления и руководства у Главного командования.

12. О методах выбора и отбора даровитых, знающих, решительных и смелых помощников командованию, т. к. в современной войне *отдельная личность*, как бы она умна ни была, многого не сделает,—это азбука [1]). Нам же необходимо иметь в виду, что успех в будущих классовых войнах помимо всего прочего будет обеспечен и тем, что *командир* (в полном смысле этого слова), являясь членом многомиллионной партии пролетариата, будет считать жизнь партии выше своей личной жизни.

Помимо этих двенадцати вопросов, прямо вытекающих из сказанного выше, конечно, есть много и других, но на них мы сейчас останавливаться не будем.

Читатель ясно видел, что мы взяли под критический анализ эти три сражения *не для того, чтобы искать в них тождественность, а для того, чтобы показать их исключительную поучительность.*

Было бы полнейшей и вреднейшей абстракцией, если бы кто-либо сказал, что эти три сражения, сложившиеся из многих отдельных операций, имеют тождественность. Да, в *Марне* была стратегическая дуга с крепостями Париж—Верден и с рекой Урк, откуда был произведен контр-маневр; в *Висле* были крепости Новогеоргиевск—Варшава и Ивангород с рекой Вепрж, откуда также последовал контр-маневр; в греко-турецкой войне 1922 года были укрепленные районы Афиун-Кара-Гисар и Эскишехир, а фланговый контр-удар Мустафы-Кемаля был произведен из рай-

[1]) В настоящее время мы работаем над монографией, в коей разбирается и анализируется вопрос о полководце современной революционно-классовой войны. *В. М.*

она Афиун-Кара-Гисар; была и армейская конница: Марвица, Гая и Фахреддина, которая действовала на флангах наступающих армий; был и командарм Шуваев, повторивший многие ошибки Клука, а Хаджи-Анастис еще раз повторил ошибки Клука и Шуваева, взятых вместе, и т. д. и т. п. *Но ведь из этого отнюдь не следует тождественность или аналогия.*

Нет, тождественности не было, но громадная поучительность была и есть.

Тому, кто изыскивает аналогии в исторических явлениях (есть еще такие ..), мы говорим, что он их никогда не найдет,—это аксиома истории. Для тождественности событий и их аналогии нужно то, чего на самом деле никогда нет, т.-е. одинаковые *люди, средства, живые силы* и пр. В разобранных же сражениях и в *предшествующих* этим трем сражениям событиях, как мы видели, все совершенно разное.

Основная поучительность Марны, Вислы и Смирны заключается в том, что значением *маневра,* значением *сосредоточения* к полю решающего сражения всех или подавляющей части наличных *сил,* необходимостью *рисковать* второстепенным в пользу решающего и т. д. наполнены до предела эти три сражения.

Факторы оперативной победы и поражения, как нигде, с полной ясностью вытекают из этих трех сражений. Эти вопросы о значении *сосредоточения сил, о производстве маневра,* об оперативном риске и т. д. суть те основные вопросы военного искусства, которые существовали и раньше. Именно о них говорил Наполеон, что „они блестят в истории военного искусства, как солнце на горизонте, тем хуже для слепцов, не способных их видеть“ [1]).

И действительно, откуда же, как не из опыта прошлого, взята мысль, что перед началом кампании или решительной операции необходимо крайнее напряжение всех сил для скорейшего достижения цели, или, что армия противника, его *живая сила* есть главный фактор на войне, а следовательно, и главный предмет действий для ее уничтожения, политического разложения и пленения; или вопрос о внезапности удара, который дает громадные преимущества тому, кто искусно его произведет, и т. д. и т. п.

Читатель уже видел, как наш великий стратег классовой борьбы В И. Ленин расценивал значение исторического метода исследования форм и средств борьбы (см. эпиграф на стр. 1-й нашего труда), но не менее кате-

---

[1]) Наличие основных положений, *отнюдь не вечных и неизменных,* которые оставляет нам опыт войны, не есть привилегия только военного дела, они имеются во всех областях человеческого знания, т.-е. в музыке, скульптуре, живописи, художественной литературе, технике и пр.

горически он подчеркивал и указывал на необходимость знать то, что было до прихода пролетариата к государственной власти, т.-е. знать сущность старой капиталистической культуры. Он говорил, что нужно овладеть „всем тем, что человеческой мыслью было создано". Людей, которые не желают этого понять, Ленин определял, как праздных болтунов. „Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, писал Ленин, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор.

Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего господства, чиновничьего общества" (том XVII, стр. 317).

Мольтке говорил, что „на в йне все сводится к тому, чтобы, отнюдь не связывая себя неизменными общими правилами, в каждом отдельном случае поступать целесообразно".

Мысль правильна, т. к. форма и способы меняются в зависимости от новых различных средств (вооружение, техника во всех видах и пр.), которые изменяют и дополняют старые формы и приемы управления войсками. И эта мысль в своей сущности подтверждает то, о чем мы говорили раньше, т.-е., *чтобы опыт прошлого умело работал на настоящее и будущее.* Или, как говорил Маркс, *история не назад, а вперед.*

„Поскольку нам, революционерам, пишет М. Павлович, приходится вести войны и вырабатывать правила тактики и стратегии, мы должны и в этой области придерживаться марксистского метода, не признающего никаких окаменелых систем, никаких шаблонов. Так, Маркс никогда не стремился к открытию экономических законов, общих различным социальным эпохам, совершенно несходным по своей экономической структуре. Он ограничивал рамки своего исследования изучением определенной фазы в развитии человечества. В отличие от Мальтуса и других подобных экономистов и моралистов, устанавливавших какой-то абсолютный закон населения, порождаемый физиологическими причинами и действующий, якобы, при всяких условиях общественного развития,—Маркс доказывал, что абстрактный закон народонаселения существует только для растений и животных, да и то лишь до тех пор, пока они не подвергаются историческому влиянию человека, что вообще всякому особому историческому способу производства свойственны свои особенные законы народонаселения, имеющие историческое значение".

В чем сущность этой мысли покойного М. П. Павловича? А в том, что все наше военное строительство должно быть неразрывно связано с нашей классовой идеологией, с марк-

систским научным мировоззрением, в коем диалектический метод анализа и исследования играет первенствующую роль. Марксистский метод исследования, примененный при изучении истории войн и военного искусства, со всей наглядностью покажет, что никаких постоянных и вечных законов тактики и стратегии не существует, что каждому историческому способу производства, каждой фазе в развитии производительных сил, а отсюда и техники, будут соответствовать свои способы ведения войны, свои правила тактики и стратегии. Но опять же, для того, чтобы хорошо уметь разбираться в настоящем, а тем более желать видеть перспективу будущего, необходимо знать прошлое.

Когда Наполеон говорил: „читайте и перечитывайте походы великих полководцев, сообразуйтесь с ними (modelez-vous sur eux)—это путь, чтобы проникнуть в сущность военного искусства“, то этот большой практик войны хотел подчеркнуть, что к *ценному прошлому* надо подходить с таким расчетом, чтобы взять из него все то, что способствует сформированию не простых ремесленников-кустарей, а квалифицированных мастеров-художников, без которых немыслимо успешное ведение современной войны.

История предоставила нашему классу временную „передышку“ перед великими трудностями и боями.

В период гражданской войны мы действовали неплохо, за это конечный результат войны 1917—22 г.г.

Но все это вовсе не значит, что мы эту „передышку“ не используем для приобретения знаний, знаний и еще раз знаний.

Нет, как раз мы это старательно делаем и добьемся, что два глагола „знать“ (теория) и „мочь“ (практика) у нас будут работать в непрерывной и полной взаимной зависимости и взаимодействии. А отсюда, мы будем во всеоружии военного знания для будущих классовых битв.

Достаточно ознакомиться с теми *выводами*, которые мы сделали из Марны, Вислы и Смирны [1]), чтобы заметить, какое громадное количество различных вопросов заключают в себе эти сражения, явившиеся ничем иным, как *следствием* всех тех событий политического и военного порядка, которые предшествовали этим трем решающим сражениям.

И в Марне, и в Висле, и в Смирне (для греков) мы видели, как многодневный успех наступающего в конце концов закончился стратегической катастрофой, и вот для того, чтобы разобраться и понять *причины* этого замечательного явления, следует их внимательно изучить.

---

[1]) Операции турецких армий мы назвали Смирной, потому что последняя являлась основной и конечной целью всех операций турок, в то время как решительный разгром греческой армии, как уже знает читатель, произошел в треугольнике района Афиун—Дюнер—Домплу-Пунар.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Приложение № 1.

Директива Пилсудского командующему северо - восточным фронтом Шептицкому от 2-го июля 1920 года.

„1. Быстрая концентрация значительных советских сил на северо-восточном фронте указывает на намерения противника перейти здесь в ближайшее время в решительное наступление.

2. Установленные советские силы превышают численно находящиеся здесь польские силы, как 2:1.

3. Главком не располагает сейчас резервами, чтобы уравновесить это численное соотношение. Серьезное укрепление фронта как резервами, так и укомплектованием возможно лишь в первой половине августа, т.-е. после ликвидации Буденного, что предполагается к концу июля путем выдвижения против него группы конницы, и после окончания организационной работы, связанной с призывом и вербовкой добровольцев.

4. Соглашаясь с предложением командующего сев. вост. фронтом, главком не препятствует против того, чтобы встретить наступление противника на занимаемых позициях, однако его численный перевес повелевает считаться с возможностью прорыва нашего фронта и может вынудить нас к отходу. В этом случае командующий фронтом должен иметь в виду следующее:

а) Выиграть время собственными силами по крайней мере до 10-го августа, при чем крайняя линия отхода намечается: Брест-Литовск—р. Лесная—Беловежская Пуща—Белостокские леса до Кнышина и далее на Осовец—Гродно.

б) В случае отхода на указанную линию армий северо-восточного фронта, линия эта будет являться исходным положением для наступательных действий, к которым предполагает перейти главное командование после сосредоточения здесь свежих сил, взятых с южного фронта, которые могут быть влиты в первых числах августа.

в) Военное министерство приступает к укреплению указанной линии с тем, чтобы к моменту подхода к ней армии сев.-вост. фронта могли выделить в резерв возможно большее количество частей с целью их реорганизации и отдыха.

г) Не ожидая результатов боя, немедленно, сейчас же приступить к эвакуации пространства, лежащего к северу и востоку от указанной линии.

д) 7-я армия [1]) расформировывается 4-го июля, а ее части и штабы с этого дня переходят в распоряжение командующего фронтом.

Что касается поведения литовцев, то последние обязались перед союзниками соблюдать нейтралитет. Границу можно наблюдать

---

[1]) В состав 7-й армии входила литовско-белорусская дивизия (2.700 штыков) и другие незначительные части (См. Пилсудский, „1920 год“, стр. 84).

этапными батальонами, сменяя стоящую там 2-ю литовско-белорусскую дивизию" [2]).

В развитие этой директивы ген. Шептицкий отдает *5-го июля* приказ 1-й армии стянуться в район Вильна—Нарочь; 4-й—в район Молодечно — Сморгонь. Группе Ржендковского сдерживать красные войска на Сморгоньском направлении. Полесской группе удержать Лунинец до 20-го июня и Пинск до 25-го июля (Беллона, том XVIII, кн. 3, стр. 280—283).

---

[2]) В своей работе „1920 год" Пилсудский рассматривает эту директиву в главах IV—VII.

(Беллона, том XVIII, кн. 3, 1925 г.—статья майора Завадского „Растянутость фронтов и возможности маневренной обороны" стр. 277).

Приложение № 2.

Справка о переброске войсковых частей и пополнений на Крымский участок Юго-Западного фронта.

Неблагоприятно сложившаяся для нас обстановка на Польском участке Юго-Западного фронта в мае месяце не давала возможности настолько усилить наш Крымский участок, чтобы получить резкое преобладание численности наших войск. Тем не менее Главнокомандование учитывало вероятность развития действий со стороны противника в районе Крыма и принимало все меры к усилению наших войск этого участка, посылая сюда вначале, главным образом, пополнения, которых за период с начала наступления поляков до перехода в наступление войск Врангеля (с 24-го апреля по 6-е июня) поступило до 25.000 человек. 23-го мая сюда же была направлена с Кавказского фронта 15-я стрелковая дивизия, численностью 5.740 штыков и 520 сабель, которая в первые дни наступления Врангеля была уже введена в бой. Кроме того, директивой от 2-го июня за № 3242/564/ш. было приказано принять исчерпывающие меры к приведению 13-й армии в порядок. Указанное количество пополнения, однако, не дошло по назначению в полном числе, так как значительная часть его распоряжением фронта была повернута на другие участки, и в результате к 6-му июня на Крымском участке Юго-Западного фронта мы имели 18.650 штыков и 2.400 сабель против 19.000 штыков и 5.700 сабель Врангеля.

Неудачи 13-й армии, в связи с выяснившейся в первых же боях необходимостью противопоставить преобладающей коннице Врангеля достаточные силы того же рода войск с нашей стороны, вызвали со стороны Главнокомандования распоряжение о переброске сюда конницы, а также и новых стрелковых частей. 8-го и 11-го июня с Кавказского фронта спешно были сняты 40-я стрелковая дивизия с двумя кавбригадами, сводная бригада (3 полка 9-й армии) и конный корпус Жлобы; кроме того, из Москвы был отправлен отдельный 5-й Латышский полк, что, увеличив численность 13-й армии еще на 6.500 штыков и, главное, 7.500 сабель, давало, казалось бы, достаточные средства для успешной борьбы с Врангелем, тем более, что приток маршевых частей пополнения, высылаемых центром, шел также интенсивно: в течение июня Юго-Западному фронту для этого участка было отправлено еще 25.250 человек.

Учитывая возрастающую в дальнейшем потребность в коннице, а также и необходимость достигнуть решительного перевеса сил, Главнокомандованием 28-го и 29-го июня направлены с Кавказского фронта еще одна кавдивизия (16-я кавалерийская), сюда же предполагалось перебросить 9-ю стрелковую дивизию и из Заволжского округа— 23-ю стрелковую дивизию и 9-ю кавалерийскую. В предвидении возможности повторения противником десантных операций не только на северном, но и на восточном берегу Азовского моря, 9-я стрелковая дивизия временно была задержана в районе Ростова. Для удобства управления две последних дивизии сводились в новую армию,

сформировать управление которой поручено было Заволжскому военному округу 28-го июня.

Конный корпус не оправдал возложенных на него надежд, и с его поражением снова возник вопрос об усилении частей 13-й армии. 4-го –9-го июля, распоряжением Главнокомандования, в эту армию были направлены еще две стрелковых дивизии (1-я и 51-я), три стрелковых бригады (8-я и 9-я запасные и добровольческая) и 4 маршевых эскадрона. Пополнений за период с 1-го по 12-е июля на этот участок было направлено 24.300 человек.

12-го июля членом РВС Юго-Западного фронта тов. Сталиным были предъявлены пожелания об усилении Крымского участка фронта, но вышеуказанные меры, принятые Главнокомандованием, явились почти исчерпывающими. Во исполнение потребности, заявленной тов. Сталиным, нужно было отправить на этот фронт только бригаду курсантов в составе 2.500 бойцов, что и было выполнено 14-го июля.

Таким образом, Главнокомандование, считаясь с обстановкой, создавшейся на Крымском участке, своевременно дало фронту достаточные с точки зрения последнего силы для решения вопроса по ликвидации наступления Врангеля, всего за период с 1-го мая по 14-е июля для этого участка было дано 63.200 бойцов пехоты, 12.000 бойцов кавалерии и 75.550 человек пополнения. Однако для положительного решения этой задачи указанных сил оказалось все же недостаточно, и Главнокомандование, со своей стороны, направило еще 11-ю запасную стрелковую бригаду (23-го июля) и 6.000 человек пополнений (за 12-е—31-е июля) и принимает меры к подготовке новых сил для переброски на этот участок (еще 2 стрелковых дивизии и одну запасную кавалерийскую бригаду — более 10.000 бойцов пехоты и 1.000 бойцов кавалерии и 31.800 человек пополнений).

Усиление 13-й армии техническими средствами за период с 4-го июля выразилось отправкой распоряжением Главнокомандования а) авиационных средств: 1 истребительный дивизион, 1 истребительный авиоотряд и 3 авиоотряда, б) броневых частей: 8 бронепоездов, 11 бронеотрядов и 2 танковых отряда и в) 3 зенитных батарей.

По данным к 1-му августа на этом участке мы имеем 59.000 бойцов пехоты и 8.000 кавалерии против 33.000 бойцов пехоты и 15.000 кавалерии армии Врангеля.

Наштареввоенсовет *Лебедев.* Военком штаба *Клим.*

Приложение № 3.

Воен.-уч. архив, дело № 1856.

Разговор Главкома с командзапом по прямому проводу 13-го августа 1920 г.

Главком: Относительно Юго-Западного фронта Егоров настаивает дать ему 6-ю кавалерийскую дивизию от Буденного для работы на Перекопском направлении; т. к. этот участок переходит к Вам, я и хотел бы предварительно переговорить с Вами. Конная армия, столкнувшись с довольно значительной массой пехоты, стала топтаться на месте, и все мое желание поставить вместо нее пехоту, затем дать ей передышку и далее пустить в соответствующем направлении, где бы Буденный мог развить свою деятельность, свелось к нулю. Конная армия и поныне перед стеною, которую пока что сокрушить не удалось. Но зато она достаточно истощилась, и вывод конной армии из боя попрежнему остается необходимым. Таким образом, все равно конную армию временно придется извлечь с боевой линии, что можно сделать. *Если в дальнейшем уже не смотреть на конную армию, как на таран, без которого быть-может мы все равно решим свою задачу, то 6-ю кавдивизию можно перекинуть на Врангеля,* если же есть опасения, что наша задача может сорваться, то этот таран следует держать как резерв на тот случай, что Ваш кулак ослабнет. *Надо учесть, что необходимо нам Врангеля ликвидировать столь же быстро, как и решить Вашу задачу.* С этой точки зрения необходимо усилить Врангелевский фронт за счет Вашего фронта, а так как Вы *от передачи 2-х дивизий пехоты с главного направления отказались,—то может-быть правильно взять одну кавдивизию со второстепенного галицийского участка.* Приступили к отправке 48-й дивизии? *Каменев.*

Командзап: 1) Я считаю, что 6-ю кавдивизию снять нельзя, это равносильно *расформированию конной армии,* без которой нам обойтись нельзя, так как Юго-Западный фронт еще не ликвидировал противника. *Между прочим, по перехваченному приказу 3-я польская армия собирается перейти в наступление и даже опрокинула одну бригаду Хвесина.* В общем, южнее Холма еще придется много действовать, и я не решусь на ослабление. Обстановка требует от меня немедленного принятия южных армий. Это промедление меня волнует. Я прошу 12-ю и 1-ю конную армии в оперативном отношении подчинить сейчас же, а также 14-ю армию. Но на первое время всю ответственность за снабжение возложить на Юго-Западный фронт. Это хотя и не нормально, но необходимо. 2) 48-я дивизия начинает посадку 13-го августа. *Тухачевский.*

Главком: С 6-й кавдивизией согласен. Сейчас Егоров отдал 12-й армии распоряжение наступать на Рава-Русская, т.-е. совсем не то, что я все время приказывал, думаю, что это какое-то недоразумение. *Относительно 3-й польской армии — согласно ее приказа, поляки, наоборот, отходят за Вислу, и это подтверждается фактами.* Относи-

тельно Галицийского участка—поляки, повидимому, снимают и 18-ю дивизию для переброски ее на Варшаву. *Каменев.*

Командзап: Как с подчинением в оперативном отношении южных армий, если предписать Юго-Западному фронту временно исполнять обязанность передаточного пункта, то я мог бы справиться. Посылаю туда Ермолина (пом. нач. штаба Запфронта). Необходимо произвести заново всю группировку на Юго-Западном фронте для достижения большего взаимодействия. *Тухачевский.*

Главком: Совершенно согласен. Считаете ли себя ознакомленным с этим фронтом и какого числа считаете вступление в командование. *Каменев.*

Командзап: Могу вступить в 24 часа 13-го августа, а еще лучше в 12 часов 14-го августа, до этого времени окончательно войду в курс дела, но только Ермолин приедет позднее. *Тухачевский.*

Главком: Хорошо. С Киевом связь имеете? *Каменев.*

Командзап: Имеем. Все. *Тухачевский.*

Приложение № 4.

Воен.-уч. архив, дело № 1742.

Командармам XII-й, I-й конной и XIV-й армий, г. Александровск, 13-го августа 1920 года.

Согласно директивы Главкома от 13-го августа за № 4774/оп 1052/ш *приказываю:*

1) XII-й и I-й конной армиям без 8-й кав. див. червонных казаков с 12 часов 14-го августа поступить в оперативное подчинение командзапу. Впредь до организации Западным фронтом непосредственного снабжения, передаваемые армии остаются на всех видах довольствия равно и в отношении пополнения при Юго-Западном фронте. Для связи со штабом Западного фронта распоряжением последнего в Киеве будет установлен оперативный пункт. До его организации командармам XII-й и I-й конной держать связь со штабом Зап. фронта (Минск), через который и будут даваться армиям командзапом все оперативные задачи.

2) Командарму I-й конной с 12 часов 14-го августа передать 8-ю кавдивизию червонных казаков в полное распоряжение командарма XIV-й.

3) Командарму XIV-й впредь до выяснения задачи I-й конной армии, какую она получит от командзапа, иметь 8-ю кавдивизию на своем правом фланге, задача армии по директиве моей за № 771/сек./ 4647/оп.

4) Наштаюгозап принять к неуклонному исполнению изложенное в пункте втором директивы № 4774/оп 1052/ш Главкома. № 776/сек. 4654/оп.

Командъюгозап *Егоров.* Член РВС *Берзин.* Наштаюгозап *Петин.*

Приложение № 5.

Архив Красной армии, дело № 43831.

Перехваченный приказ по 3-й польской армии № 109 от 8-го августа 1920 года.

1) Свежая польская армия сосредоточивается в районе Люблин, чтобы перейти в наступление и ликвидировать неприятеля на северном участке.

2) Заданием 3-й армии является как можно дольше задерживать противника, продвигающегося к р. Вепрж, по крайней мере до 18-го августа.

3) 3-я пех. дивизия должна выслать одну бригаду на Белополье, чтобы ударить во фланг наступающего противника на г. Холм, вторая бригада сосредоточивается в Красноставе для обороны этого участка.

4) 7-я пех. дивизия занимает район Холма с целью задержать противника, продвигающегося к реке Вепрж, через действия частей в северо восточном направлении.

5) 6-я пех. украинская дивизия занимает район Седлище для обороны этого участка.

6) Группа майора Гозера занимает Парчев, обороняя его и железнодорожную линию: Парчев—Любартов—Люблин, т. к. железнодорожная линия служит для концентрации наших войск на 17-е августа.

7) Группа ген. Балаховича остается возможно долго на участке, прилегающем к реке Вепрж, и, благодаря действиям в тылу противника, задерживает его дальнейшее наступление. База группы—Парчев. Район действий—треугольник: Влодава—Холм—Парчев.

8) 1-я пех. дивизия должна сосредоточиться в районе Сокаль, откуда перейдет в Люблин, пространство между Бродами и Красноставом будет охраняться группой Язды.

9) Обозы спешно выступают в Люблин.

Генерал-поручик *Зелинский.*

Примечание: Настоящий приказ командарма 3-й польской 14-го августа был взят частями XII-й армии от убитого польского майора *Драевского* (комбата охотничьего полка) у деревни Дубенка.

В. М.

Приложение № 6.

Приказ по XII-й армии.

13-го августа 20 г. 12 час. № 02716. Комдивам 58. 7. 44. 25. 24 и группе Голикова, копия Командъюзу и Главкому.

Из перехваченного приказа 1 див. легионеров от 8 августа № 997/оп видно, что против нашей армии действуют группа майора Гозера и 3 польская армия в составе 7, 11 пех. дивизий, Украинской, 3-й дивизии легионов и 2 полков (уланских). Польской армии приказано отойти „сжатыми колоннами, дабы сконцентрироваться на новой линии сильными частями, чтобы можно было вести подвижной бой". Группе Гозера отойти двумя колоннами — северная на Парчев—Фирлей, южная на Сосновицы—Остров. 7 дивизия двумя колоннами — северная на Ленчна, южная на Холм — Бискупице. 6 Украинская — одной колонной на Красностав. 3 див. двумя колоннами—одной на Грабовец и другой на Тышовцы. Для связи 11 с 1 дивизией легионов 3 и 7 уланские полки на Скоморохи—Павловице. 1 див. легионов — одной колонной на Скоморохи, другой на Тартакуе. Наконец, еще южнее 1 кавдив. 6 армии отходит Радзихов. На Западном фронте нами взяты г.г. Млава, Цеханов, Маков, Седлец. Нашей армией Влодава — Грубешов. Конная армия 13 августа перешла в решительное наступление на Львов. Во исполнение директив К. Ю.-З. №№ 762/сек/4619/оп, 763/сек/4625/оп и 764/сек/4626/оп приказываю 1) 58 див. с 24 час. 12 авг. перейти в подчинение Комгрупп Мозырской. 2) Дивизиям в кратчайший срок и не позже 24 часов 15 авг. выйти на линию, указанную в приказе № 64/оп (пункт № 6). 3) Комгруппы Голикову по занятии района Томашев—Рава-Русская, передав командование пехотными частями дивизии своему заместителю, соединить под своим начальством 25 кавбригаду, Башкавбригаду и кавполки 7 и 44 див., совершить глубокий рейд для быстрого захвата переправ через р. Сан на участке Синява. Радымно. 4) Дивизиям направить свои ударные группы на стыки ударных групп противника и энергичными ударами во фланг и тыл этим группам не допустить их соединения и разбить. 5) Разграничительные линии с Западным фронтом— Домбровица—Ратно—Опалин—Бискупице—Глуск—Опале—Солец (на реке Висле 30 в. ю.-з. г. Ново-Александровск). Все пункты для нас исключительно. Между дивизиями прежние 24 див. с Конной армией — Здолбуново—Млынов Берестечко — Добротвор — Магирув (все пункты, кроме первого, для 24 див. вкл.). 6) В остальном руководствоваться приказом 6419, телеграммами от 9 авг. № 0258/оп и 0254/пол от 9 авг. № 0248/п и 0254/пол.

Командарм XII *Васканов.* Член РВС *Аралов.* Начполештарма *Бурмистров.*

Приложение № 7.

Воен.-уч. архив, дело № 1783.

Телеграмма командарма XII-й.

Командъюгзапу тов. Егорову и Главкому. г. Ровно 13 августа 1920 г.

Только что вернулся из объезда фронта и выслушал личные доклады всех начдивов, обрисовывающие положение армии по вопросу ее численности и вооружения.

Вследствие безостановочных боев, движения, плохого снабжения и пополнения дивизии, входящие в состав XII армии, по своему состоянию требуют экстренных мер. Перечислять подробно недостачи считаю ненужным, так как дивизии абсолютно во всем нуждаются.

Для иллюстрации докладываю о следующих фактах:

1) Сведения о боевом составе дивизий далеко не соответствуют действительности, так, например: 7 стр. дивизия по оффициальным донесениям к 1/VIII имеет 2.317 бойцов, в действительности 11/VIII по личному докладу начдива и комбригов в полках всего 30—40 штыков, и вся дивизия насчитывает всего 700 штыков. Башбригада—300 сабель, 2 кавбригада—200 сабель, не лучше обстоит дело и в остальных дивизиях.

Причина несходства сведений—слишком большая отдаленность полковых и бригадных канцелярий и основных штабов от своих частей и чуть ли не ежедневные переходы, не позволяющие вести регулярную работу по учету людского и конского состава.

Для примера укажу, что 8 августа хозяйственную часть 59 стр. полка встретил в Сарнах, в то время как полк находился на линии р. Зап. Буг.

2) Вследствие участия малочисленных полков в частых боях получается большая потеря в комсоставе, так, напр., в 25 стр. див. за два боя выбыло ранеными 7 комполков.

3) Дивизии имеют малое количество винтовок, напр., в 44 и 7 стр. дивизиях 50% невооруженных, а в 15 стр. дивизии—25%. № 306/пол.

Командарм XII *Васканов.*
Член РВС армии *Аралов.*

Приложение № 8.

Национальный Обет.

„Оттоманский парламент.

Депутаты оттоманского парламента, одобрив и подписав Национальный Обет, заявляют, что положения, высказанные в нем, заключают максимум возможных жертв, на которые турецкая нация может пойти для гарантии справедливого и прочного мира.

Статья 1.

Судьба территорий Оттоманской империи с преобладающим арабским населением, находящихся под оккупацией неприятельских войск с момента перемирия 30-го октября 1918 года, должна быть урегулирована свободно выраженной волей местного населения.

Части империи, расположенные вне черты перемирия, где большинство населения составляют мусульмане-оттоманы, где основные элементы населения, связанные религиозными и культурными узами и движимые одним и тем же идеалом, преисполнены взаимным уважением к своим народным правам и своим социальным условиям, составляют одно общее целое, которое не допускает под каким бы то ни было предлогом никакого разделения, ни фактического, ни обусловленного правом.

Статья 2.

Что же касается трех санджаков: Карского, Ардаганского и Батумского, где население с момента своего освобождения заявило в торжественном голосовании о своем желании вернуться к матери-родине, депутаты, принявшие настоящий Обет, допускают возможность, в крайнем случае, вторичного плебисцита, при условии свободной подачи голоса.

Статья 3.

Юридический статут Западной Фракии, который был составлен применительно к миру Турции, должен основываться на свободно выраженной воле ее населения.

Статья 4.

Безопасность Константинополя, столицы империи, резиденции халифата и оттоманского правительства, а также безопасность Мраморного моря должны быть защищены от всякого посягательства.

Раз этот принцип установлен и принят, подписавшиеся готовы согласиться на всякое решение, которое будет принято с общего согласия императорским правительством с одной стороны, и заинтересованными державами — с другой, в целях обеспечения открытия проливов для мировой торговли и международных сношений.

Статья 5.

Права меньшинств будут нами утверждены на той же основе, как и права, установленные в пользу меньшинств в других странах заключенными с этой целью соглашениями между державами Антанты, их противниками и некоторыми из их союзников.

Статья 6.

Для обеспечения нашего национального и экономического развития и в целях установления в стране упорядоченной и более современной администрации, подписавшиеся под настоящим Обетом считают полную независимость и свободу действий необходимым условием национального существования.

Поэтому мы восстаем против какого бы то ни было юридического или финансового ограничения, могущего мешать нашему национальному развитию.

Условиями регулирования обязательств, которые будут на нас возложены, не должны итти в разрез с этими принципами.

Константинополь, 28 января 1920 года".

Приложение № 9.

Перевод ноты заместителя Народного Комиссара по иностранным делам тов. Л. М. Карахана министру иностранных дел Великобритании Керзону оф Кеддльстон.

„Российское правительство, направляя свой протест от 19-го июля с. г. державам, господствующим в Босфоре и Дарданеллах, менее всего имело в виду незакономерные действия Греции. Если относиться серьезно к тем признанным правилам ведения войны, которые применялись успешно и в мирное время, и были нарушены всеми европейскими державами в войне 1914 года, то не только Греция, но и все поддерживающие ее должны быть подвергнуты строжайшему осуждению.

Великобританское правительство должно согласиться с тем, что последние события так ослабили значение Греции на Ближнем Востоке и угрозу нарушения ею мира на Черном море, что детальное обсуждение нарушений Грецией признанных правил войны не имеет особого значения. Российское правительство менее всего склонно осуждать Грецию и ее народ за то, что, неся тяжелое бремя войны, возложенное на ее слабые плечи Европой, она в состоянии отчаяния нарушает международные законы, впрочем и до нее немилосердно нарушенные самой Европой.

Протест Российского правительства в ноте от 19-го июля имел в виду не Грецию, а был направлен против действий европейских держав, господствующих в результате военной победы в Константинополе от которых зависит фактическое установление того или иного режима в проливах. Российское правительство считает державы Антанты ответственными за то, что они, пропустив греческий военный флот через проливы, нарушили мирное положение в Черном море и нанесли существенный ущерб нормальной экономической жизни и торговым отношениям государств, расположенных у Черного моря.

Одновременно Российское правительство считает необходимым коснуться великобританской точки зрения на режим проливов. Россия не может согласиться с тем, что проливы открыты для военных судов всех наций, и особенно с тем, что Великобритания с союзниками берет на себя регулирование режима проливов, вопреки желаниям тех государств, чьи жизненные интересы связаны с Черным морем и голос коих должен быть решающим при разрешении судьбы проливов. Разумеется, все довоенные соглашения о проливах ныне потеряли свою силу. Но все они были установлены при участии России, а следовательно, всякий новый порядок, хотя бы уже фактически установленный в проливах помимо России, Российским правительством признан не будет.

Единственный международный акт после войны 1914 г., регулирующий вопрос о проливах, есть русско-турецкий договор, заключенный в Москве в 1921 г. По этому договору предусмотрен свободный проход через проливы судов всех народов лишь для

торговых целей. Право на окончательную выработку международного статута проливов признается русско-турецким договором лишь за прибрежными государствами Черного моря. Положение это ныне признано всеми странами, расположенными у Черного моря, кроме Болгарии и Румынии, официальная точка зрения которых мне неизвестна, но которые едва ли согласятся с отстранением их от решения вопроса о проливах. Россия, Турция, Украина и Грузия, охватывающие почти все побережье Черного моря, не могут ни за кем признать права вмешиваться в разрешение вопроса о проливах. Они останутся при этой точке зрения даже в том случае, если точка зрения противоположная будет обосновываться на военно-морском превосходстве. Великобритания должна согласиться с тем, что если обескровленные, дезорганизованные войной, европейские державы хотят подлинного мира, то они должны разрешать международные проблемы не по праву силы, а путем мирного соглашения с теми народами, чьи жизненные интересы затрогиваются данными проблемами. Любой иной способ разрешения международных вопросов не будет иметь никакой силы, выразится лишь в бессильном бумажном акте, подобно некоторым послевоенным договорам, и сам по себе послужит источником новых конфликтов и затруднений в дружественных отношениях между государствами. Обращая особое внимание на это последнее соображение, в связи с созываемой в Венеции конференцией по ближне-восточному вопросу, где будет уделено внимание и проливам, Российское правительство заявляет заранее, что не признает ни одного решения, противоречащего изложенной выше точке зрения, тем более, что Россия в числе участников конференции не находится.

Что же касается замечания г-на Бальфура о том, что в российской ноте от 19-го июля нет указаний на то, что Россия стремилась помешать ангорскому правительству продолжать военные операции, то это удивительное замечание обнаруживает лишь полное непонимание нашего отношения к ближне-восточному конфликту и к героической борьбе турецкого народа. Я очень благодарен г-ну Бальфуру за интерес, проявленный к этому вопросу, хотя это лишний раз убеждает, что европейские державы имеют самое смутное представление о действительном отношении России к Турции и к создавшемуся на Ближнем Востоке положению. Российское правительство рассматривает войну, которую ведет Турция, как борьбу турецкого народа за свое существование и независимость против Севрского договора, отдавшего Турцию, суверенное государство, в политическое и экономическое рабство европейским державам. В этой борьбе все симпатии русского народа на стороне Турции. Россия не только не в праве, но и не хочет мешать турецкому народу защищаться. Наоборот, Россия с величайшим интересом следит за развертыванием этой борьбы и радуется успехам, одержанным Турцией в Малой Азии.

Российское правительство не может скрыть удивления по поводу того, что Великобритания, снабжающая Грецию всем необходимым для ведения войны и помогающая ей военными и дипломатическими средствами, упрекает Россию в том, что она не мешает защищаться Турции. Россия готова была бы сделать все, чтобы содействовать прекращению войны, бесцельно истребляющей два народа. Но все попыт и Российского правительства в этой области были категорически отклонены именно Великобританией. Дважды Российское правительство делало предложение о приглашении Турции на Генуэзскую конференцию, но Велокобритания со своими союзниками дважды эти предложения отклоняла. Между тем, Генуэзская конференция, вынесшая постановление о ненападении, была наиболее подходящим местом для обсуждения возможного умиротворения на Ближнем Востоке. Усилия России привести

к миру между Турцией и Грецией были отвергнуты, и греко-турецкая война была предоставлена самой себе.

Последние сообщения свидетельствуют о том, что мир, одинаково необходимый турецкому и греческому народам, близится к осуществлению, благодаря военным успехам Турции Россия сейчас же, как и раньше, не сомневается в том, что необходимы непосредственные переговоры с турецким правительством в Ангоре на основе отказа от севрской политики.

В этом случае условия, достойные турецкого народа и его независимости безусловно дадут положительный результат. Исходя из своих братских чувств к турецкому народу, Россия готова приложить все усилия, чтобы привести к соглашению между Турцией и враждебными ей державами.

Последние дни турецкий народ дал достаточно доказательств всем сомневающимся в том что он может отстоять права на условия мира, заключенного с ним не как с побежденным, а как с равным. К сожалению, политика держав Антанты дает мало оснований рассчитывать на ее серьезное намерение мирным путем разрешить ближне-восточный конфликт и ликвидировать последний остаток мировой войны, обескровливающей одинаково турецкий и греческий народы".

Заместитель Народного Комиссара
по Иностранным Делам **Карахан.**

Москва, 13 сентября 1922 г.

Приложение № 10.

Конференция в Мудании.
Текст военного соглашения между союзными державами и правительством Великого Националь ного Собрания Турции.

„Союзные правительства решили передать правительству Великого Национального Собрания Восточную Фракию со включением Адрианополя. Конференция преследовала следующие цели: 1) установить линию отхода греческих войск из Восточной Фракии: 2) определить условия эвакуации греческих войск и греческой администрации и введения в управление этой территорией турецких должностных лиц и жандармерии; 3) обеспечить контроль над этой областью для поддержания общественного порядка и безопасности в течение переходного времени.

Делегаты пришли к соглашению по следующим пунктам: 1) враждебные действия между турками и греками прекращаются с момента вступления в силу настоящего соглашения; 2) линия, за которую предлагается греческим войскам во Фракии отойти с момента вступления в силу настоящего соглашения, проходит по левому берегу Марицы от ее впадения в Эгейское море до места пересечения ее с болгаро-фракийской границей; 3) во избежание могущих возникнуть осложнений до заключения мира, правый берег Марицы. включая Кара-Агач, будет оккупирован союзными войсками в пунктах, которые будут указаны союзниками; 4) часть железнодорожного пути вдоль правого берега Марицы от Свиледред до Мустафа—Паша и Кюлелю—Бургас будет охраняться, согласно условия особого соглашения, которое будет выработано смешанной комиссией. состоящей из трех делегатов — одного от трех союзных держав, одного от Великого Национального Собрания Турции и одного от Греции, для поддержания свободного сообщения в этой части железнодорожного пути, открывающей доступ к Адрианополю; 5) Эвакуация Восточной Фракии греческими войсками начнется в возможно кратчайший срок. Эвакуация распространяется на армии в собственном смысле, на обслуживающие части и на различные военные формирования с их различными транспортными средствами, а также на амуницию, склады военных материалов. военного снабжения и продовольственные склады. Эвакуация должна быть выполнена в двухнедельный срок. 6) Греческие гражданские власти, включая и жандармерию, должны быть эвакуированы в наикратчайший срок. По мере того. как греческие власти будут очищать административные округа, функции гражданского управления будут передаваться союзным властям. которые, по возможности в тот же день, будут передавать их турецким властям. Окончательная передача Фракии должна закончиться максимум в 30-ти дневный срок по очищении ее греческими войсками“.

Приложение № 11.

Конвенция о проливах.

Данная конвенция была заключена в Лозанне отдельно от общего договора. Здесь мы приводим ее важнейшие постановления:

1) Во время мира проливы открываются („днем и ночью") для военных судов всех наций, с единственным ограничением, что тоннаж вводимых какой-либо державой в Черное море военных судов не должен превышать тоннаж сильнейшего из черноморских флотов прибрежных черноморских государств. Однако союзники оставили за собой право иметь, во всяком случае, в Черном море три судна до 10 000 тонн каждое. Условием соблюдения этого ограничения является представление всеми черноморскими государствами сведений (2 раза в год) о числе их военных судов на Черном море.

2) Во время войны (с участием или без участия Турции) торговое мореплавание, соблюдающее правила о военной контрабанде и пр., гарантируется против каких бы то ни было стеснений; при участии Турции в войне, она сохраняет право бороться законными мерами против военной контрабанды. Если Турция не участвует в происходящей войне, то военные суда воюющих (и нейтральных) стран беспрепятственно проходят проливы, соблюдая в зоне их правила о нейтралитете (XIII-й Гаагской конвенции 1907 г.); указанное выше ограничение входящих в Черное море сил в этом случае теряет свою силу.

3) Разоружается и демилитаризуется прибрежная полоса вдоль проливов (шириной в 15—20 километров), все острова Мраморного моря, Лемнос, Имброс, Тенедос и Симофракия с прилегающими мелкими островками; во всем этом районе не допускается сооружение укреплений, устройство баз для подводных лодок, а также прохождение турецких сухопутных сил и пребывание турецкого военного флота; Константинополь сохраняет арсенал, морскую базу и гарнизон не свыше 12.000 человек.

4) Наблюдение за осуществлением постановлений конвенции возлагается на особую Международную Комиссию из представителей Англии, Японии, России, Румынии, Болгарии, Греции, королевства Сербо-Хорвато-Словенского и Турции (делегат от последней председательствует).

5) Уравнявши, таким образом, в правах Турцию и Россию с королевством Сербо-Хорвато-Словенским и Грецией, Англия и Франция (вместе с Италией и Японией) объявили себя гарантами „свободы проливов", принимающими, в случае надобности, те или иные меры, почетное же право обсуждать последние принадлежит Совету Лиги Наций.

6) Советская делегация в Лозанне во главе с Г. В. Чичериным громко заявила, что новый режим проливов выгоден одной Великобритании, в виду ее гегемонии на море.

Советская делегация подписала эту конвенцию с оговоркой, что „советское правительство оставляет за собой право—как только обнаружится на практике опасность ее для всеобщего мира и интересов советских республик—поднять вопрос о прекращении ее действия".

Конвенция советским правительством до сих пор не ратифицирована.

(Е. А. Адамов, „Дипломатия и мировая война").

ИСТОЧНИКИ.

1. **Н. Ленин (В. Ульянов).** Собрание сочинений, т. т. VII-й, XIII-й. XIV-й, ч. 1-я и 2-я, XV-й, XVI-й, XVII-й, XVIII-й, ч. 1-я и 2-я, XIX-й, Москва, 1923 г.
2. **Н. Ленин.** О войне 1914—1918 г.г. Москва, 1924 г.
3. **Ф. Энгельс.** Статьи о войне 1870—71 г.г. Москва, 1924 г.
4. **Ф. Энгельс.** Статьи и письма по военным вопросам. Москва, 1924 г.
5. **Сталин.** О Ленине и ленинизме. Москва, 1924 г.
6. **Г. Плеханов.** К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Москва—Петроград, 1922 г.
7. **Антонио Лабриола.** Исторический материализм (очерки материалистического понимания истории). Петроград, 1922 г.
8. **Н. Бухарин.** Экономика переходного периода. Москва, 1920 г.
9. **Руд. Гильфердинг.** Финансовый капитал. Москва, 1912 г.
10. **М. Нахимсон (Спектатор).** Мировое хозяйство, т. т. 1 и 2. Москва, 1926 г.
11. **М. Павлович.** Империализм. Москва, 1923 г.
12. **Эрнст Гюнтер.** Die internationale Stellung der deutschen Eisenindustrie, Schmollers Jahrbuch, 38 Jahrgang, 1914, Heft 3. (Международная позиция германской железоделательной промышленности).
13. **Херншоу.** Европейские коалиции, союзы и согласия, начиная с 1792 года, под ред. Ротштейна. Москва, 1924 г.
14. **Гер. Гортер.** Империализм, мировая война и социал-демократия. Москва, 1920 г.
15. **Гракх.** Война и революция. Москва, 1926 г.
16. **Артур Дикс.** Война и народное хозяйство по опыту Германии в мировую войну. Москва, 1926 г.
17. **Л. Троцкий.** Война и революция, т. 1. Петроград, 1922 г.
18. **Зиновьев.** Война и кризис социализма. Петербург, 1920 г.
19. **Клаузевиц** О войне (Vom Kriege), изд. 1902 года.
20. **Гельферих.** Накануне мировой войны, под ред. Ротштейна. Москва. 1924 г.
21. **Der Weltkrieg 1914—1918.** Bearbeitet in Reichsarchiv, т. т. I и II и т. III. Die Marneschlacht. Berlin, 1925—26 г.
22. **В. Новицкий.** Боевые действия в Бельгии и Франции осенью 1914 г. Москва, 1920 г.
23. **В. Новицкий.** Мировая война (кампания 1914 г. в Бельгии и Франции), т. I. Москва, 1926 г.
24. **Куль.** Германский генеральный штаб. Москва, 1922 г.
25. **Corda.** La guerre mondiale 1914—1918. Chapitre I. Paris, 1922.
26. **Мозер.** Краткий стратегический обзор мировой войны 1914—18 г.г. Москва, 1923 г.
27. **Foerster.** Graf Schliffen und der Weltkrieg. Berlin, 1921.
28. **Дюпон.** Высшее германское командование. Москва, 1923 г.
29. **Lanrezac.** Le plan de campagne français et le premier mois de la guerre, Paris. 1921.
30. **Карл Эгли.** Стратегическое развертывание и наступление армий Франции, Бельгии и Англии на Западном театре военных действий в период до 23-го августа. Москва, 1919 г.

31. **Art. Boucher.** Les doctrines dans la préparation de la grande guerre, Paris, 1925 г.
32. **Polat.** La grande guerre sur le front occidental. Paris, 1917.
33. **Edmonds. S. E.** Military operations in France and Belgium. 1914. History of the Great War based on official documents by direction of historical section of the commites of imperial defence. London, 1922.
34. **Жоффр.** Подготовка войны и ведение операций. Москва, 1923 г.
35. **К. Майер.** Германская военная доктрина и мировая война. Журн. „Война и Мир", кн. № 6. Берлин, 1923 г.
36. **Kluck, A.** Der Marsch auf Paris und die Marneschlacht. 1920.
37. **French.** „1914". London, 1919.
38. **Баумгартен.** Deutsche Heerführung im Marnefeldzug. 1914.
39. **Reventlow.** Deutschlands auswärtige Politik.
40. **Rousset.** Le haut commandement allemand en 1870—1871.
41. **Bülow.** Mein Bericht zur Marneschlacht. Berlin, 1919 г.
42. **Hanotaux, Gabr.** La bataille de la Marne и его же L'armée Fosch à la bataille de la Marne. Paris. Librairie Plon.
43. **Ле Энаф и Борнек.** Французские железные дороги и война. Москва, 1923 г.
44. **Саджент.** Стратегия на Западном фронте 1914—1918 г.г. Москва, 1923 г.
45. **Cartenbild** des Marnefeldzuges und der Marneschlacht vom 28 August bis 10 September 1914. Berlin, 1927.
46. **Jean Pierrefeu** G. Q. G. (главная квартира). Paris, 1922, и его же Plutarque a menti. Paris, 1923.
47. **Gallieni** Mémoires—Défence de Paris. Paris, 1920.
48. **Tappen.** Bis zur Marne 1914. Berlin, 1920.
49. **Риттер.** Критика мировой войны. Петроград, 1923 г.
50. **Пюжан.** Разрыв между армиями Клука и Бюлова, Revue Militaire Française № 17, 1922.
51. **Фрейтаг-Лорингофен.** Выводы из мировой войны. Москва, 1923 г.
52. **Бушри.** История кавкорпуса Сорде. Париж, 1924 г.
53. **Позек.** Германская кавалерия во Франции и Бельгии в 1914 г. Берлин, 1922 г.
54. **Ж. Рейнак.** Война на Западном фронте. Петроград, 1916 г.
55. **Сайдмонс.** Великая война. Петроград, 1915 г.
56. Ген. **Гофман.** Война упущенных возможностей. Ленинград, 1925 г.
57. **Бетман Гольвег.** Мысли о войне. Москва, 1925 г.
58. **А. Зайончковский.** Мировая война 1914—1918 г.г. (общий стратегический очерк). Москва, 1924 г.
59. **Бюа.** Германская армия в период войны 1914—18 г.г. Париж, 1922 г.
60. **Бисмарк.** Вильгельм II. Москва, 1923 г.
61. **2-й Конгресс Коммунистического Интернационала** (стенографический отчет). Петроград, 1921 г.
62. **Годовой отчет** Народного Комиссара по Иностр. Делам. Москва, 1921 г.
63. **Вестник Н.К.И.Д.** №№ 3, 4—5, 8, 9—10 за 1920 год и №№ 5—6 за 1921 г. Бюллетень НКИД № 16 за 1920 г.
64. **Будкевич.** Польша. Москва, 1924 г.
65. **Павлович.** Советская Россия и Франция. Москва, 1924.
66. **Феликс Кон.** Современная Польша. Москва, 1924 г.
67. **Мархлевский.** Статьи в журн. „Коммунистического Интернационала" за 1919—1920 г.г.
68. **Н. Какурин и В. Меликов.** Война с белополяками. Москва, 1925 г.
69. **М. Тухачевский.** Поход за Вислу. Смоленск, 1923 г.
70. **Б. Шапошников.** На Висле. Москва, 1924 г.
71. **Пилсудский.** 1920 год. Москва, 1926 г.
72. **Е. Сергеев.** От Двины к Висле. Смоленск, 1923 г.
73. **В. Путна.** К Висле и обратно. Москва, 1927 г.

74. **Ст. Кюнстлер.** Наше августовское наступление. Bellona, № 7, 1921 г.
75. Лейт. **Джонстон.** Операция под Варшавой. Кн. 5, № 2, 1923 г.
76. Capit. **Kuntz.** L'offensive militaire de l'Etoile Rouge contre la Pologne. Paris, 1922.
77. **Завадский.** Растянутость фронтов и возможности маневренной обороны. Bellona, т. XVIII, кн. 3.
78. **Юзеф Заенц.** Сражение 5-й армии на р. Вкра. Bellona, т. XIX, 1926 г.
79. **Перкович.** Сражение под Варшавой. Bellona, т. XIX, 1926 г.
80. **Баркевич.** Концентрация на Вепрже. Bellona, т. XIX—1926 г.
81. **Л. Ф.** Варшавское сражение. Revue Militaire Franç. №№ 8 и 9 за 1923 г.
82. **Историческо-стратегический очерк XVI армии.** Могилев, 1927 г.
83. **В. Фалевич.** Выводы из труда Иосифа Пилсудского. „Газета Варшавская" от 19, 21, 22, 25 января 1925 года.
84. **Л. Клюев.** I конная армия на польском фронте в 1920 г. Ленинград, 1925 г.
85. **Пузыревский.** Польско-русская война 1831 г. С.-Петербург, 1890 г.
86. **Степанов, И.** С Красной армией на панскую Польшу. Москва 1921 г.
87. Отчет об операциях I-й конной армии (дела ВИО штаба РККА).
88. Отчеты об операциях Красной армии и флота за 1920 г. Изд. полевого штаба РВСР, 1920 г.
89. **В. Триандафиллов.** Взаимодействие между Западным и Юго-Западным фронтами во время летнего наступления Красной армии на Вислу в 1920 году. (Журн. „Война и Революция", кн. 2, 1925 г.).
90. **Araслан.** Современная Турция. Москва, 1923 г.
91. **Кайзер Ж.** Европа и Новая Турция, 1925 г.
92. **Турция в борьбе за независимость.** Изд. Научн. Ассоц. Востоковедения при ЦИК СССР. Москва, 1925 г.
93. **Н. Корсун.** Турция. Москва, 1923 г.
94. **Астахов.** От султаната к демократической Турции. Москва, 1925 г.
95. **Сборник.** Аравия и европейские державы, под ред. Ротштейна. Москва, 1924 г.
96. **Шеф.** Оккупация Смирны греками (журн. „Армия и Революция" № 5, 1922 г.).
97. **Джевдет Керим.** История освободительной войны Турции. Константинополь. 1925 г. (на турецком языке).
98. **Трикопис.** Воспоминания. Константинополь, 1923 г. (на турецком яз.).
99. L'opération du corps de cavalerie turque pendant la guerre de l'independance par le géneral Fakher-ed-Din; traduction et notes du commandant Larcher. (Revue de cavalerie—сент.—окт. и ноябрь—дек. 1925 г.)
100. Com. **Poidevin.** L'offensive turque de 1922 и capit. **Rinieri.** D'Orkhan el Ghazi à Mustapha Kemal-Pacha. Revue Militaire Franç. № 28, 1923 г.
101. **Материалы** греческой следственной комиссии о военных операциях в Малой Азии.
102. **Доклад Мустафы-Кемаля-паши** на заседании ВНСТ в 1923 году об операциях в Малой Азии.
103. **Шлиффен.** Канны. Москва, 1923 г.
104. **Людендорф.** Мои воспоминания о войне 1914—18 г.г., т.т. I и II. Москва, 1923 г.
105. **Мольтке.** Военные поучения, изд. Главн. Упр. Ген. Штаба, 1913 г
106. **Фр. Бернгарди.** Современная война, т.т. I и II. Петербург, 1912 г.
107. **Свечин, А.** Стратегия. Москва, 1927 г.
108. **Стратегия** в трудах военных классиков, т.т. 1 и 2. Москва, 1924—26 г.г.

109. **Б. Шапошников.** Мозг армии. Москва, 1927 г.
110. **А. Зайончковский.** Подготовка России к мировой войне в международном отношении. Москва, 1926 г.
111. Проф. **Ден.** Новая Европа. Петербург, 1922 г.
112. **Culmann.** Stratégie. Paris, 1924.
113. **Серриньи.** Размышления о военном искусстве. Ленинград, 1924 г.
114. **Крейтер.** От Седана к Марне. Военный сборник, кн. 3. Белград, 1922 г.
115. **Ф. Каузлер.** Правила и мысли Наполеона о военном искусстве, военной истории и военном деле. С.-Петербург, 1842 г.
116. **Correspondance de Napolèon I** (так говорил Наполеон), т.т. I и II, пер. Кудрявцева. Тифлис, 1909 г.
117. **В. Марушевский.** Управление войсками на театре войны и на поле сражения. С.-Петербург, 1912 г.
118. **Военная энциклопедия,** т.т. I—XVIII, изд. Сытина, 1911 г.
119. **Энциклопедический словарь Гранат,** т.т. 46 и 47.
120. **Влад. Меликов.** Хроника гражданской войны. Журнал „Красная армия“ № 13, изд. ВНО, 1922 г.
Его же. Борьба за Верхнюю Силезию. Журн. „Красная армия“ № 10—11, изд. ВНО, 1922 г.
Его же статьи в „Правде“, Европа и Верхняя Силезия—№ 179 от 4/VIII 1921 г.; Ангора и Афины—№ 242 от 27/X 1921 г.; Дарданеллы и Босфор—№ 225 от 6/X 1922 г. Старая и Новая Европа—№ 175 от 3/VIII 1924 г.
121. **Материалы архива Красной армии** (номера дел штабов армий, фронтов и полевого штаба РВСР указаны подстрочно).

---

4 р. 50 к.

Схема № 1.
План Шлиффена
Голландия
Бельгия
Швейцария
Северная группа
18 к-сов
Главная масса
35½ к-сов 8 кав. див.
16 бр. ланд.
Ср. гр.
Южная группа
Остальные силы
5 к-сов. 3 кавд.
4½ бр. лнд.
Вспомог. группа
7 к-сов
Антверпен
Гент
Брюссель
Дюнкерк
С. Омер
Лилль
Льеж
Намюр
Мобеж
Ландреси
Абевиль
Амьен
Перонн
Ляфер
Лаон
Мезьер
Монмеди
Люксембург
Диденгофен
Мец
Страсбург
Верден
Реймс
Ретель
Шампань
Суассон
Париж
Труа
Туль
Эпиналь
Бельфор
Безансон
Базель
Крефельд
Ахен
р. Маас
р. Марна
р. Сена
р. Сомма
р. Мозель
р. Рейн
р. Шельда
7 рз. к-сов
10 бр. лнд.
5 р. к-сов
1 бр. лнд.
3½ бр. лнд.
3 к. д.
К-с из Лотарингии
40 вер. 0 40 80 вер
16 0 16 32 48 64 80 клм
N.
S.

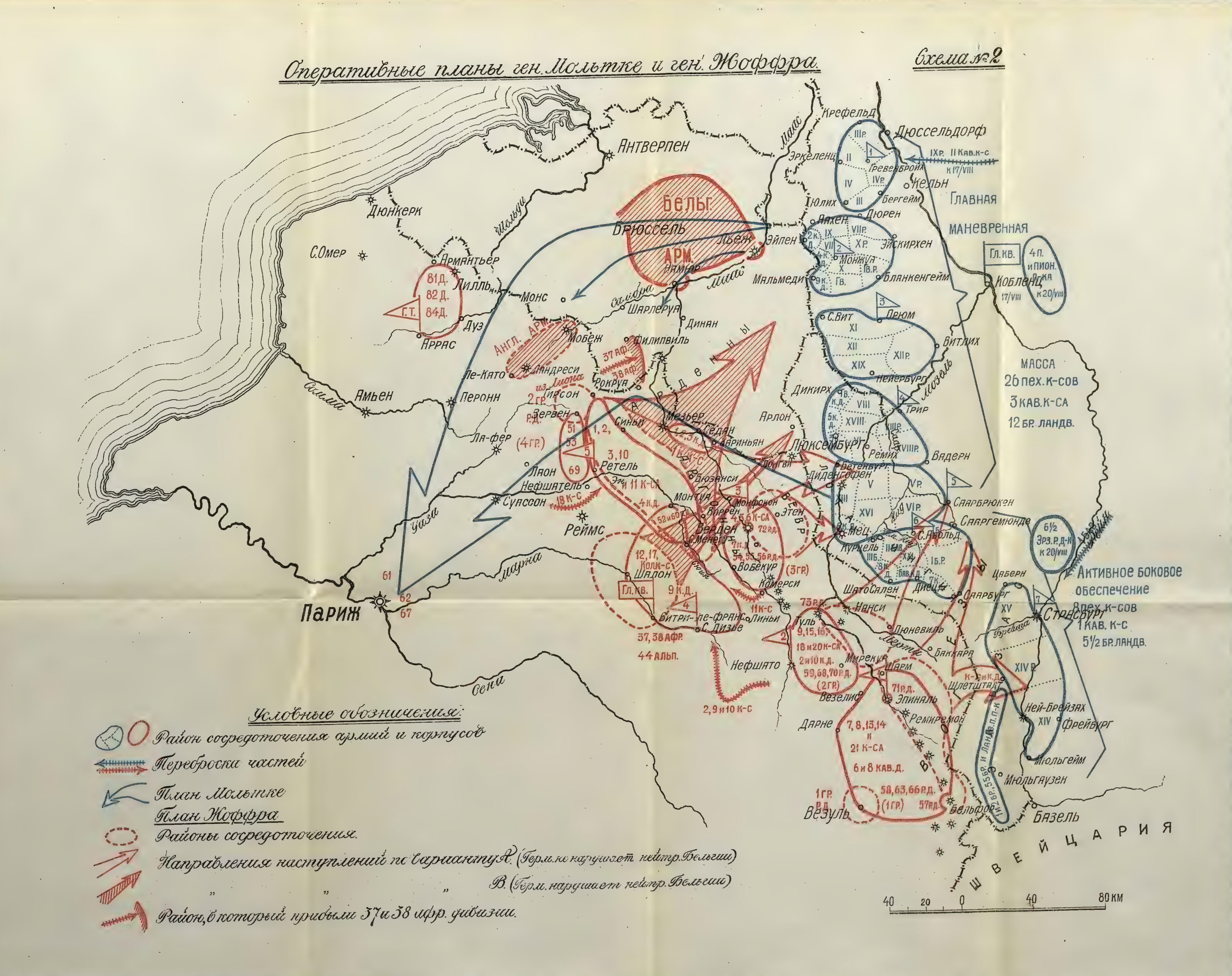
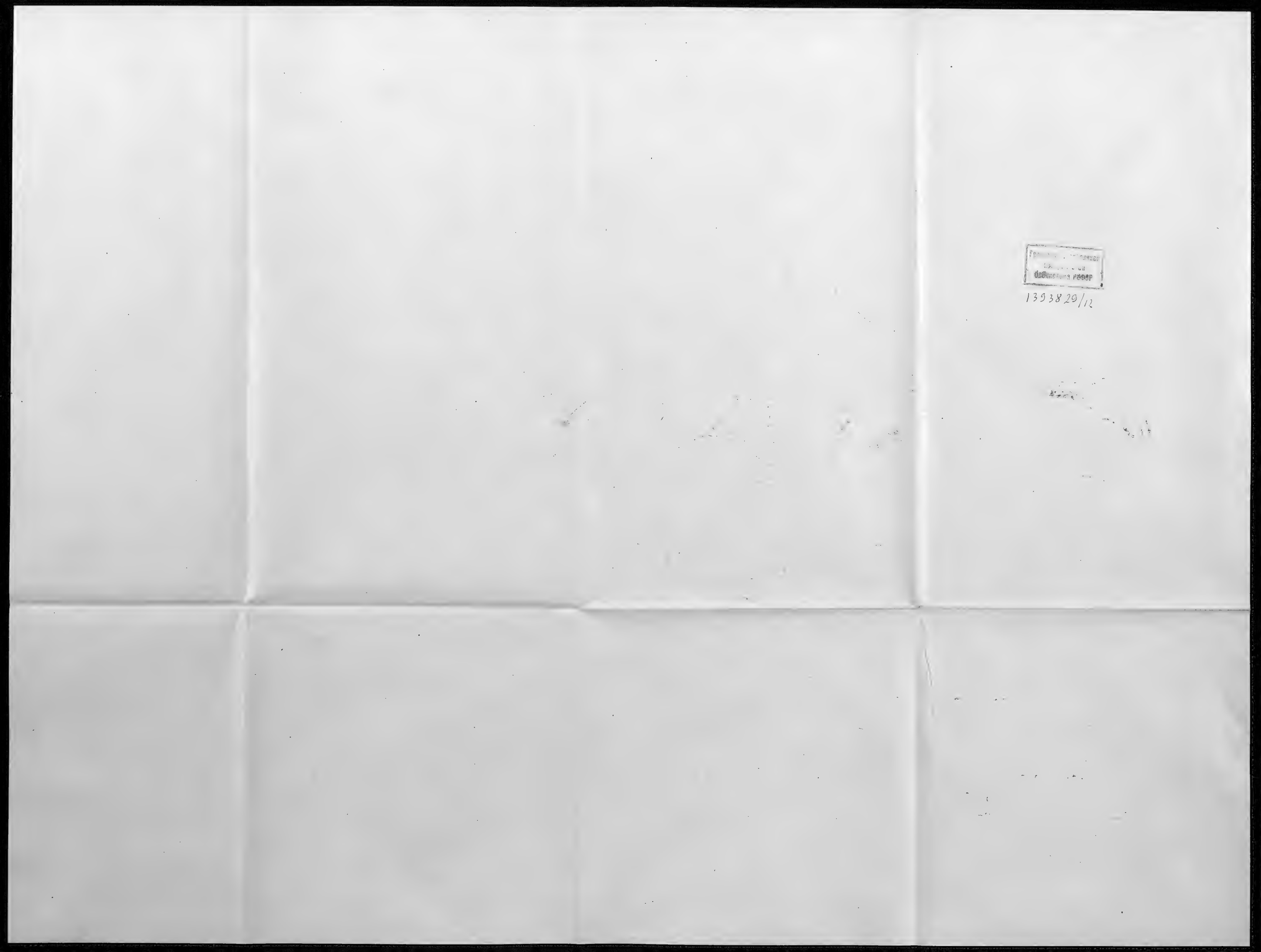

Оперативные планы ген. Мольтке и ген. Жоффра.
Схема № 2
Условные обозначения:
Район сосредоточения армий и корпусов
Переброска частей
План Мольтке
План Жоффра
Районы сосредоточения.
Направления наступлений по варианту А. (Герм. не нарушает нейтр. Бельгии)
В. (Герм. нарушает нейтр. Бельгии)
Район, в который прибыли 37 и 38 афр. дивизии.
Главная маневренная масса 26 пех. к-сов 3 кав. к-са 12 бр. ландв.
Активное боковое обеспечение 8 пех. к-сов 1 кав. к-с 5½ бр. ландв.
Париж
Брюссель
Антверпен
Бельг. арм.
Англ. арм.
Швейцария
40 20 0 40 80 км

Схема № 3
Марш-маневр германских армий к Марне в августе-сентябре 1914 года
ГОЛЛАНДИЯ
БЕЛЬГИЯ
ФРАНЦИЯ
ГЕРМАНИЯ
ЛЮКСЕМБУРГ
ШВЕЙЦАРИЯ
Антверпен
Гент
Брюссель
Лувен
Вавр
Первец
Льеж
Ахен
Кельн
Крефельд
Эмих
Людендорф
Намюр
Шарлеруа
Динан
Монс
Мобеж
Камбре
Ландреси
Ле-Като
Перонн
С. Кентэн
Гиз
Рокруа
Мезьер
Седан
Амьен
Нойон
Ля-Фер
Лаон
Компьен
Клермон
Суасон
Ретель
Реймс
Монмеди
Лонгви
Диденгофен
Мец
Верден
С. Менегу
Шато-Тьери
Эперне
Шалон
Монмираль
Ребе
Мо
Париж
Версаль
Мелин
Фонтенебло
Провен
Ножан
Мери
Труа
Ромильи
Сезанн
Витри-ле-Франсуа
Бар-ле-Дюк
Туль
Нанси
Люневиль
Баккара
С. Дие
Эпиналь
Саарбург
Страсбург
Кольмар
Ней-Брейзах
Мюльгаузен
Бельфор
Базель
Группа Д'Амада
1 АРМ.
2 АРМ.
3 АРМ.
4 АРМ.
5 АРМ.
6 АРМ.
7 АРМ.
8 КАВ. Д.
Гв. Р. К-С
XI
Сена
Марна
Сомма
Маас
Мозель
Рейн
НА 5/IX
3-13 VIII
32 24 16 8 0 32 64 КМ
Условные обозначения:
21-25 авг. (пограничное сражение)
Линия предполагаемого перехода в наступление; район сосредоточения 6 армии; направление наступления ман. группы.
Инструк. Жоффра 25/VIII № 2.
Корпуса и дивизии, отправляемые в Вост. Пруссию
Корпуса, задержанные в тылу.
29 августа (сражение у С. Кентэна)
Направление наступления по приказу Мольтке 27/VIII
4/IX (после отхода французов за Марну)
Направление наступления и фронт, который должны занять армии по двум директивам Мольтке 4/IX.
Переброски войск.

Условные обозначения

Положение 5 сентября

Направление наступления по приказу Сарайля на 6 сентября

Изменение в положении 6 сентября

" " 7 "

" " 8 "

Конная завеса

Положение 9 сентября

Отступление по приказу Главного Командования

Положение к вечеру 9 сентября (Английская армия)

Линия достигнутая армией Фоша к вечеру 10 сентября.

Переброска войск.

Положение 16 сентября

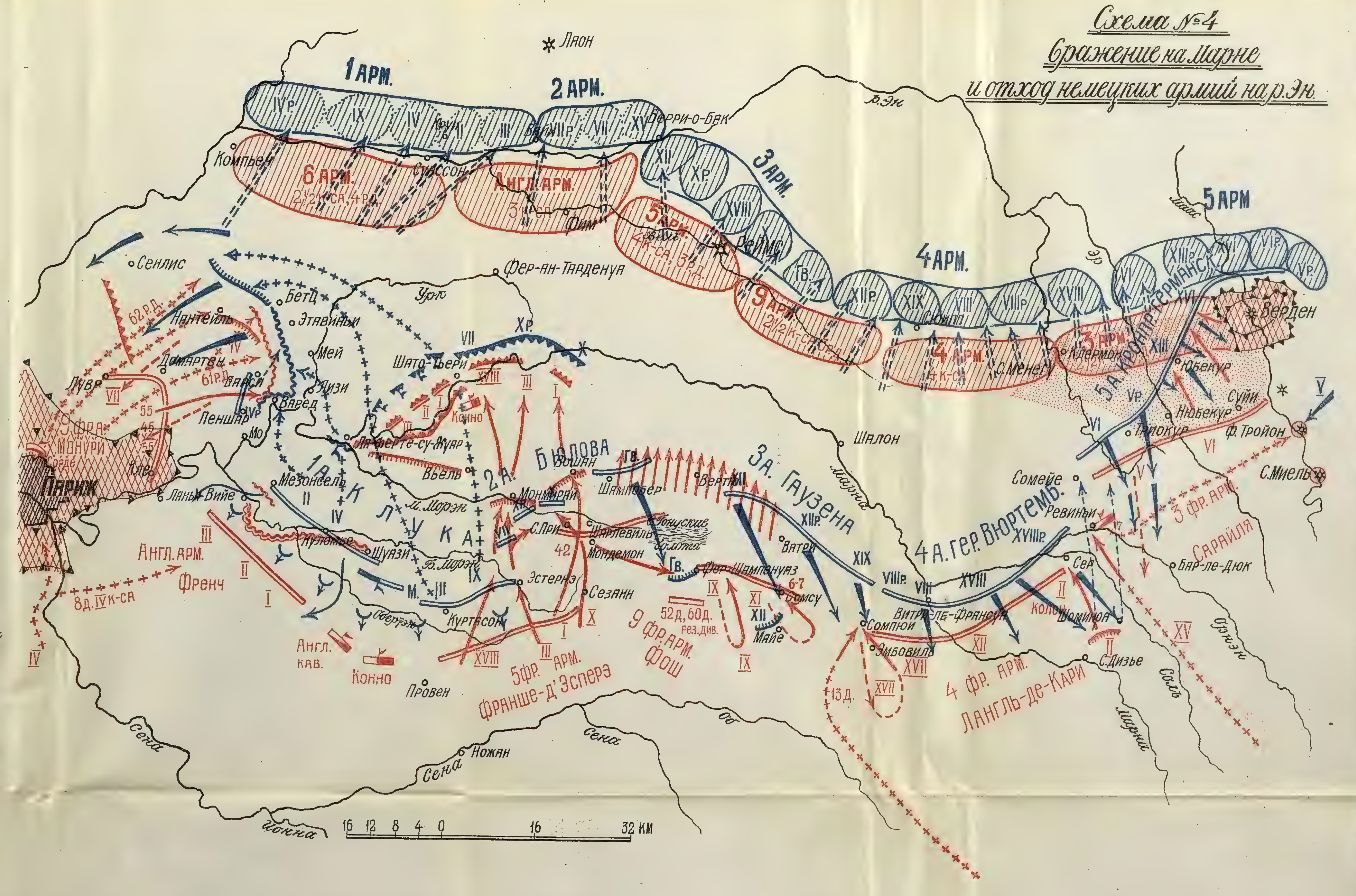

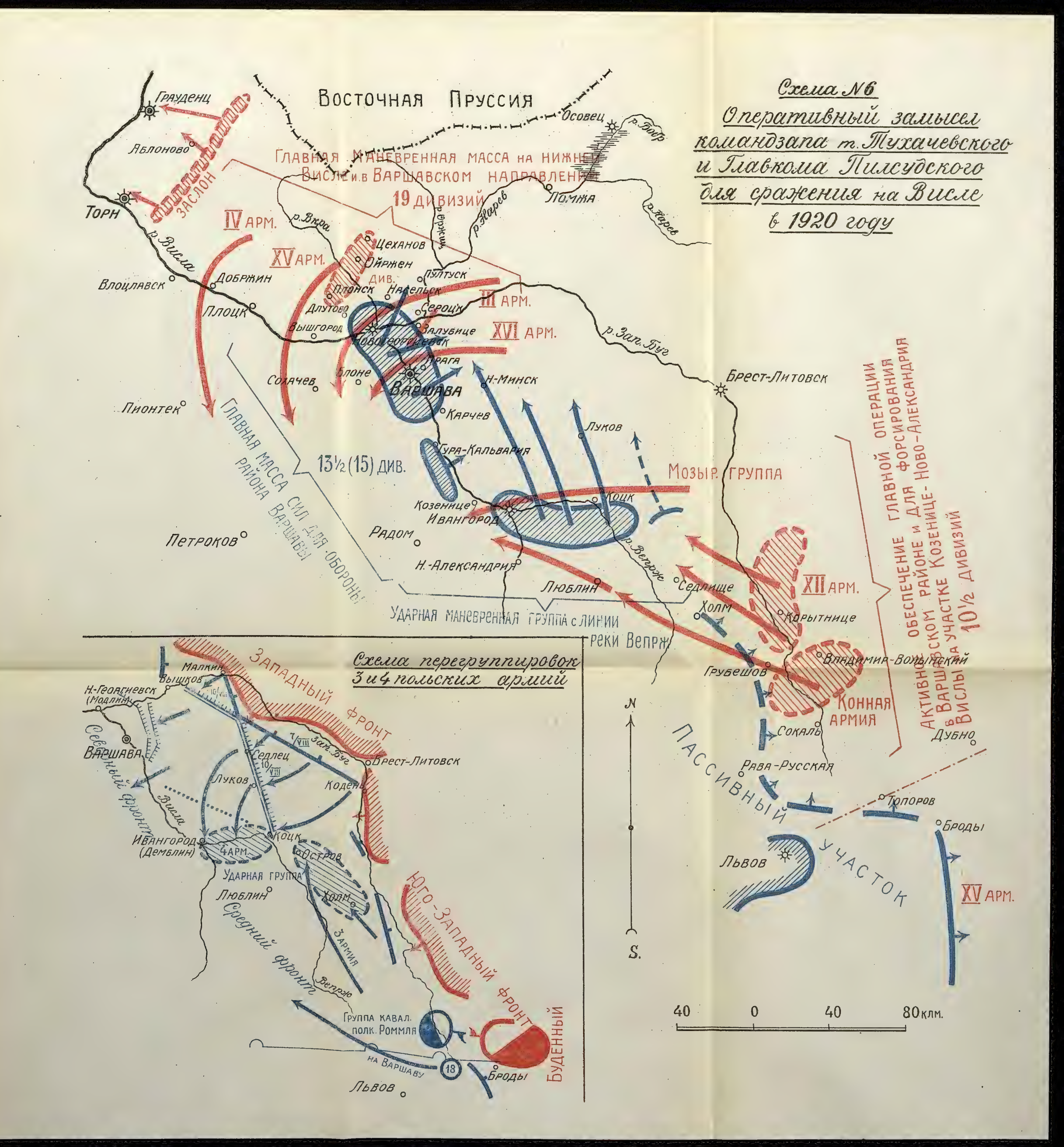
Схема № 5.

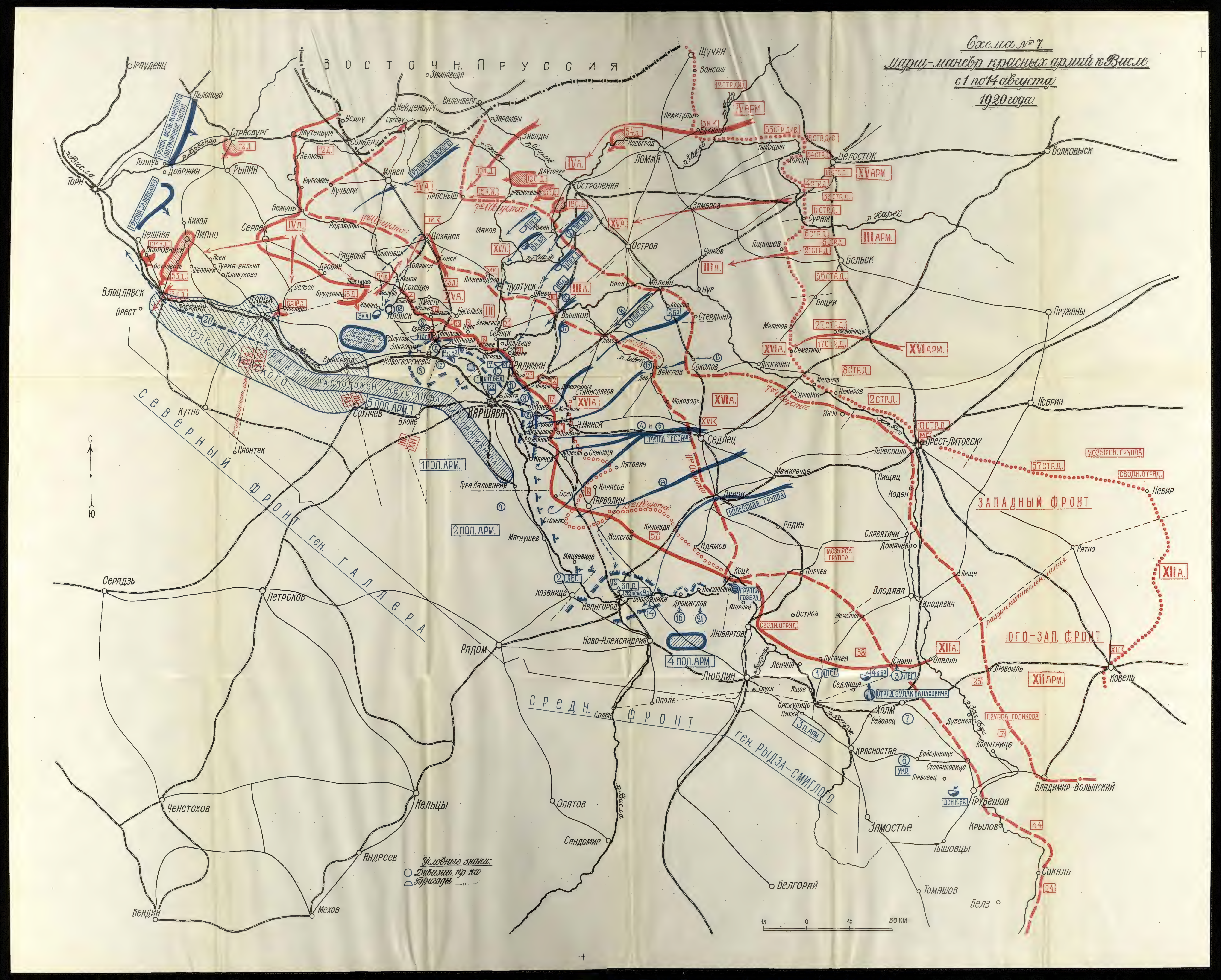
Преследование бело-польских армий к Висле в июле-августе 1920 года

ЛИТВА
Данциг
Кенигсберг
Гумбинен
Ковно
Вержболово
Мариенвердер
ВОСТ. ПРУССИЯ
Летцен
Сувалки
Грауденц
Страсбург
Лаутенбург
Сольдау
Иоганисбург
Щучин
Млава
Кольно
Липно
Серпец
Остроленка
Ломжа
Осовец
Гродно
Лида
Вильно
Свенцяны
Двинск
З. Двина
Полоцк
Витебск
Лепель
Молодечно
Вилейка
Борисов
Минск
Орша
Могилев
Игумен
Новогрудок
Неман
Белосток
Нарев
Плоцк
Висла
Плонск
Пултуск
Ново-Георгиевск
Сохачев
Лович
ВАРШАВА
Яловка
Волковыск
Слоним
Барановичи
Бельск
Клещели
Дрогичин
Пружаны
Слуцк
Бобруйск
Жлобин
Седлец
Гарволин
Каменец-Литовск
Брест-Литовск
Полесская группа
Луков
Козенице
Ивангород
Радом
Ново-Александрия
Любартов
Влодава
Пинск
Лунинец
ст. Мозырь
Мозырь
Гомель
Речица
Кельцы
Люблин
Замостье
Сандомир
Ковель
Сарны
Грубешов
Крылов
Томашов
Владимир-Волынский
Луцк
Лежайск
Ярослав
Унув
Сокаль
Рава-Русская
Кав. группа Карницкого
Коростень
Новоград-Вол.
Перемышль
Львов
Самбор
Шепетовка
Житомир
Киев
Стрый
Проскуров
Станиславов
Винница
Залещик
Каменец-Под.
р. Днестр
Днепр
IV АРМ.
XV АРМ.
III АРМ.
XVI АРМ.
Зап. фронт
Моз. гр.
XII АРМ.
1 КОН. АРМ.
XIV АРМ.
Юго-Зап. фронт
1 П. АРМ.
4 П. АРМ.
1 АРМ.
4 АРМ.
Укр. арм.

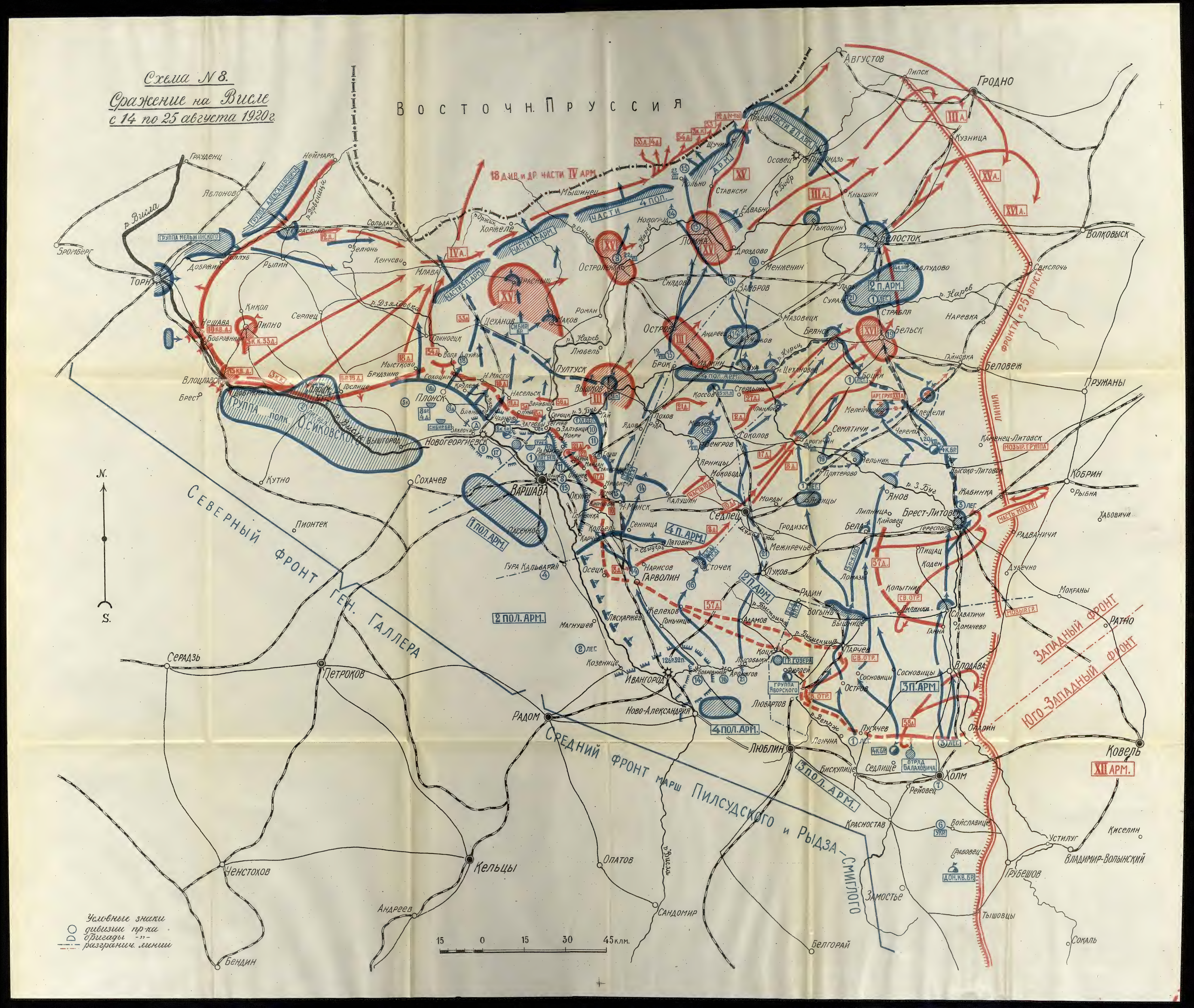
Линия Керзона

60 0 60 120 КМ

Схема № 6
Оперативный замысел командзапа т. Тухачевского и Главкома Пилсудского для сражения на Висле в 1920 году
Восточная Пруссия
Грауденц
Яблоново
Торн
ЗАСЛОН
Главная маневренная масса на нижней Висле и в Варшавском направлении
19 дивизий
Осовец
р. Бобр
Ломжа
р. Нарев
IV АРМ.
XV АРМ.
III АРМ.
XVI АРМ.
Цеханов
Ойржен
Пултуск
Плонск
Насельск
Длутово
Сероцк
Вышгород
Залубице
Новогеоргиевск
Влоцлавск
Добржин
Плоцк
р. Висла
р. Вкра
р. Зап. Буг
Брест-Литовск
Прага
Блоне
Варшава
Сохачев
Н-Минск
Пионтек
Карчев
Луков
Гура-Кальвария
Главная масса сил для обороны района Варшавы
13½ (15) див.
Мозыр. группа
Козенице
Ивангород
Коцк
Петроков
Радом
р. Вепрж
Н.-Александрия
Люблин
Седлище
XII АРМ.
Холм
Корытнице
Ударная маневренная группа с линии реки Вепрж
Активное обеспечение главной операции в Варшавском районе и для форсирования Вислы на участке Козенице - Ново-Александрия 10½ дивизий
Грубешов
Владимир-Волынский
Конная армия
Сокаль
Дубно
Рава-Русская
Пассивный участок
Топоров
Броды
Львов
XV АРМ.
N
S.
40 0 40 80 клм.
Схема перегруппировок 3 и 4 польских армий
Малкин
Вышков
Н-Георгиевск (Модлин)
Варшава
Северный фронт
Западный фронт
Седлец
Зап. Буг
Брест-Литовск
Луков
Коденъ
Висла
Ивангород (Демблин)
4 АРМ.
Коцк
Остров
Ударная группа
Люблин
Холм
3 армия
Средний фронт
Вепрж
Юго-Западный фронт
Группа кавал. полк. Роммля
на Варшаву
18
Броды
Львов
Буденный

Схема № 7.
Марш-маневр красных армий к Висле
с 1 по 14 августа
1920 года.
ВОСТОЧН. ПРУССИЯ
СЕВЕРНЫЙ ФРОНТ ген. ГАЛЛЕРА
СРЕДН. ФРОНТ ген. РЫДЗА-СМИГЛОГО
ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ
ЮГО-ЗАП. ФРОНТ
ГРУППА ПОЛК. ОСИНСКОГО РАЙОН РАСПОЛОЖЕН. НЕУСТАНОВЛ.
IV АРМ.
XV АРМ.
III АРМ.
XVI АРМ.
XII АРМ.
МОЗЫРСК. ГРУППА
СВОДН. ОТРЯД.
ГРУППА ГОЛИКОВА
1 ПОЛ. АРМ.
2 ПОЛ. АРМ.
4 ПОЛ. АРМ.
5 ПОЛ. АРМ.
3 П. АРМ.
ГРУППА ТЕССАРО
ПОЛЕССКАЯ ГРУППА
ГРУППА ГОЗЕРА
ОТРЯД БУЛАК БАЛАХОВИЧА
ГРУППА ЗАЛЕВСКОГО
ВАРШАВА
Условные знаки:
Дивизии пр-ка
Бригады

Схема № 8.
Сражение на Висле
с 14 по 25 августа 1920 г.
Восточн. Пруссия
Августов
Гродно
Липск
Кузница
Осовец
Граево
Щучин
Кольно
Стависки
Едвабно
Кнышин
Тыкоцин
Белосток
Волковыск
Заблудово
Свислочь
Ломжа
Дроздово
Менженин
Замбров
Снядово
Остроленка
Мышинец
Новогруд
Хоржеле
Сольдау
Млава
Цеханов
Красныш
Маков
Роман
Пултуск
Любель
Остров
Брок
Андреев
Нур
Цехановец
Мазовецк
Сураж
Брянск
Бельск
Стрябля
Наревка
Гайновка
Беловеж
Пружаны
Вышков
Косов
Стердынь
Бойки
Мелейчицы
Клещели
Семятичи
Дрогичин
Соколов
Венгров
Ядов
Лохов
Ярницы
Мокободы
Калушин
Седлец
Морды
Лосицы
Янов
Плятерово
Бельник
Высоко-Литовск
Каменец-Литовск
Жабинка
Кобрин
Рыбна
Брест-Литовск
Тересполь
Бела
Липница
Кийовец
Межиречье
Гродизск
Радваничи
Хабовичи
Пищац
Коден
Луков
Радин
Сточек
Лятович
Гарволин
Осецк
Нарисов
Ломазы
Дубечно
Мокраны
Колытница
Вогынь
Вишнице
Славатичи
Домачево
Ратно
Адамов
Железов
Гоньчице
Лясхарцев
Коцк
Парчев
Фирлей
Сосновицы
Влодава
Любартов
Остров
Опалин
Пугачев
Ленчна
Ковель
Люблин
Бискупице
Седлище
Холм
Рейовец
Красностав
Войславице
Устилуг
Киселин
Владимир-Волынский
Грубешов
Замостье
Тышовцы
Сокаль
Белгорай
Грабовец
Ивангород
Козенице
Ново-Александрия
Радом
Магнушев
Гура Кальвария
Варшава
Окунев
Н. Минск
Колбель
Сенница
Новогеоргиевск
Плонск
Насельск
Сероцк
Загробы
Закрочим
Сохачев
Кутно
Пионтек
Серадзь
Петроков
Кельцы
Опатов
Сандомир
Андреев
Ченстохов
Бендин
Влоцлавск
Брест
Добржин
Торн
Бромберг
Нешава
Бобровники
Кикол
Липно
Серпец
Рыпин
Зелюнь
Кенчево
Голуб
Яблоново
Грауденц
Неймарк
Бродница
Глиноецк
Воля Длужье
Мыстково
Брудзино
Сохоцин
Н. Място
Кр. Слупа
Дробин
Выштород
Группа Мельжинского
Группа Александровича
Группа полк. Осиковского
1 пол. арм.
2 пол. арм.
4 пол. арм.
3 пол. арм.
2 П. арм.
3 П. арм.
4 П. арм.
части 2 п. арм.
части 4 пол.
части 5 п. арм.
части 1 п. арм.
1 лег.
2 лег.
3 лег.
5 лег.
6 укр.
4 кбр.
Гр. Гозера
Группа Яворского
Отряд Балаховича
Дон. кв. бр.
Сибир. бр.
IV А.
III А.
XV
XVI
III
XV А.
XVI А.
XII арм.
18 д. кв. и др. части IV арм.
Мозыр. группа
Мозыр. гр.
часть Моз. гр.
Св. отр.
57 д.
58 д.
8 д.
2 д.
27 д.
21 д.
17 д.
10 д.
54 д.
53 д.
4 д.
33 д.
12 д.
18 д.
56 д.
Линия фронта к 25 августа
Западный фронт
Юго-Западный фронт
Северный фронт ген. Галлера
Средний фронт марш Пилсудского и Рыдза-Смиглого
р. Висла
р. Нарев
р. Бобр
р. Буг
р. З. Буг
р. Вкра
р. Оржиц
р. Дзялдовка
р. Свидерь
р. Вепрж
р. Вистула
р. Вилла
15 0 15 30 45 клм.
N.
S.
Условные знаки
дивизии пр-ка
бригады -"-
разгранич. линии

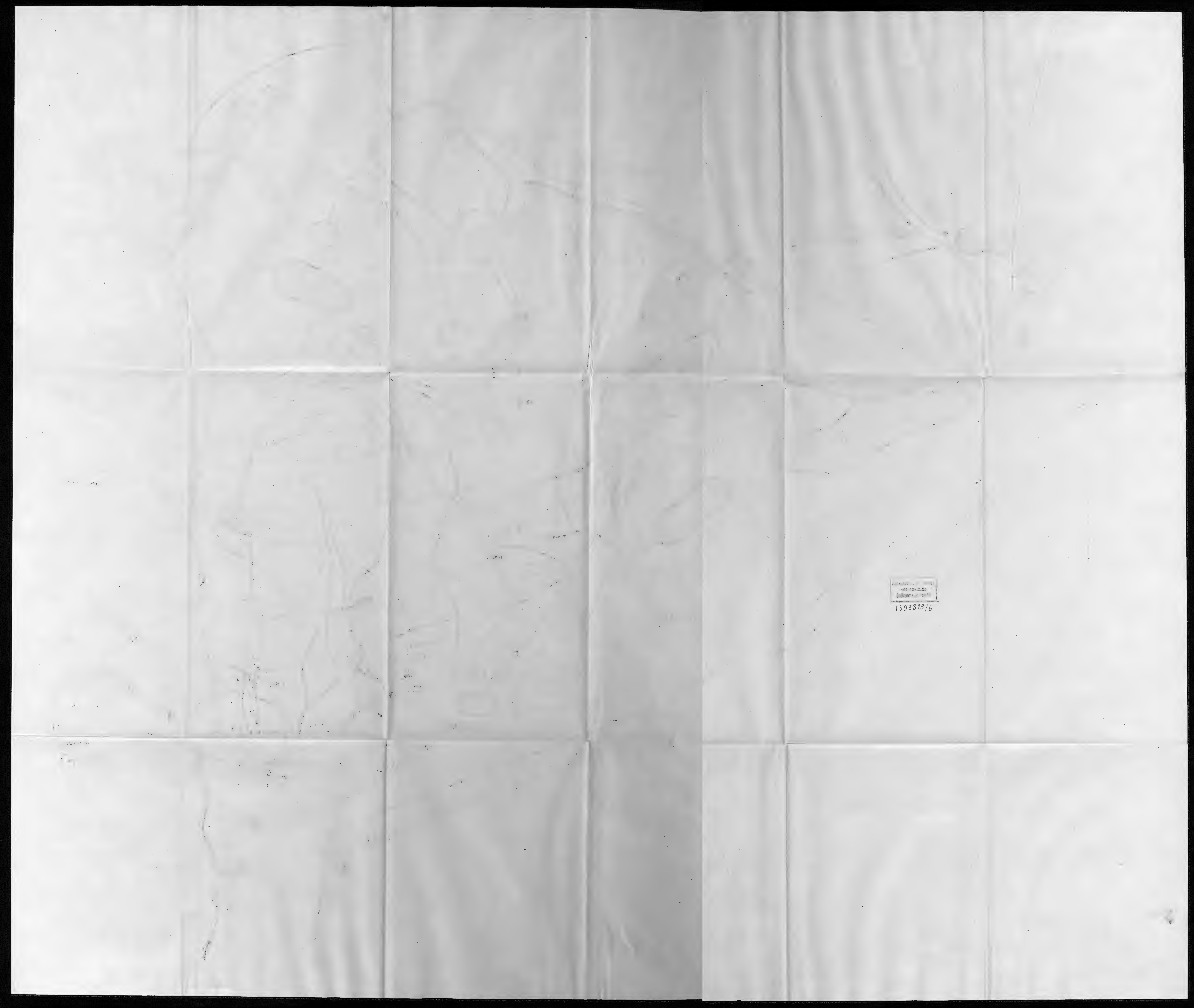

1393829/6

Схема № 9.

Операция в Холмо-Грубешовском районе и рейд 1-й конной армии на мест. Замостье.

Схема № 10.

Расположение греческой и турецкой армий в Малой Азии в начале августа 1922 г.

Мраморное море
Исмид
Ялва
Коджа-Илийская группа
Муданья
Гемлик
Изник
Изник
ГР
Лефке
Бандерма
Брусса
Отд. пех. п-к
Ени-Шехир
Биледжик
2 пех б-на (эск)
р. Сакария
Сюгюд
Сводн. отряд
Отд. пех. полк и 1 батарея
N.
S.
Балия
Баликсер
Северная группа
3
Алту
Уюз-тепе
р. Пурсук
Эскишехир
III К-С
Ангору
Отд. полк
3 К-С
Кыргыз-Даг
Махмудийе
Сиври хисар
Кутахия
Сейид-Гази
Ак-ин
Чифтелер
Джандыр
1 полк охрана желдороги
Сома
Бергама
2 К-С
Дюнер
Хосров-паша-хан
II К-С
II Армия
Демирджи
Кедос
Алтун-таш
Азизийе
Сводн. к.д.
Южная группа
Мурад-Даг
1 К-С
Сендлер-султан
VI К-С
IIА
IV К-С
Силинти
Ислам-кей
Афиун
Болвадин
Ушак
Токлу-сиври
Танас-тепе
Гисар
Чабанлар
IА
Магниса
1 полк охрана желдороги
Ходжа тепе
Ашиклар
Чай
Глав.
1 отд. к.д.
Сандыклы
I К-С
Смирна
Бозан-даг
3. ФР
Ала-шехир
Ишиклар
Акшехир
Чиврили
I кав. к-с
Ильгин
Шейхельван-Даг
Тарбалы
Одемиш
Динарийский отр.
Два пех. полка
Три пех полка охрана фланга
Динар
Демирджи-кей (Чал)
оз. Эгердир
Айдин
Эгердир
р. Мендерес
Серай-кей
Бузточан
Денизли
3. кав. д
I Армия
Спарта
15 0 15 30 клм

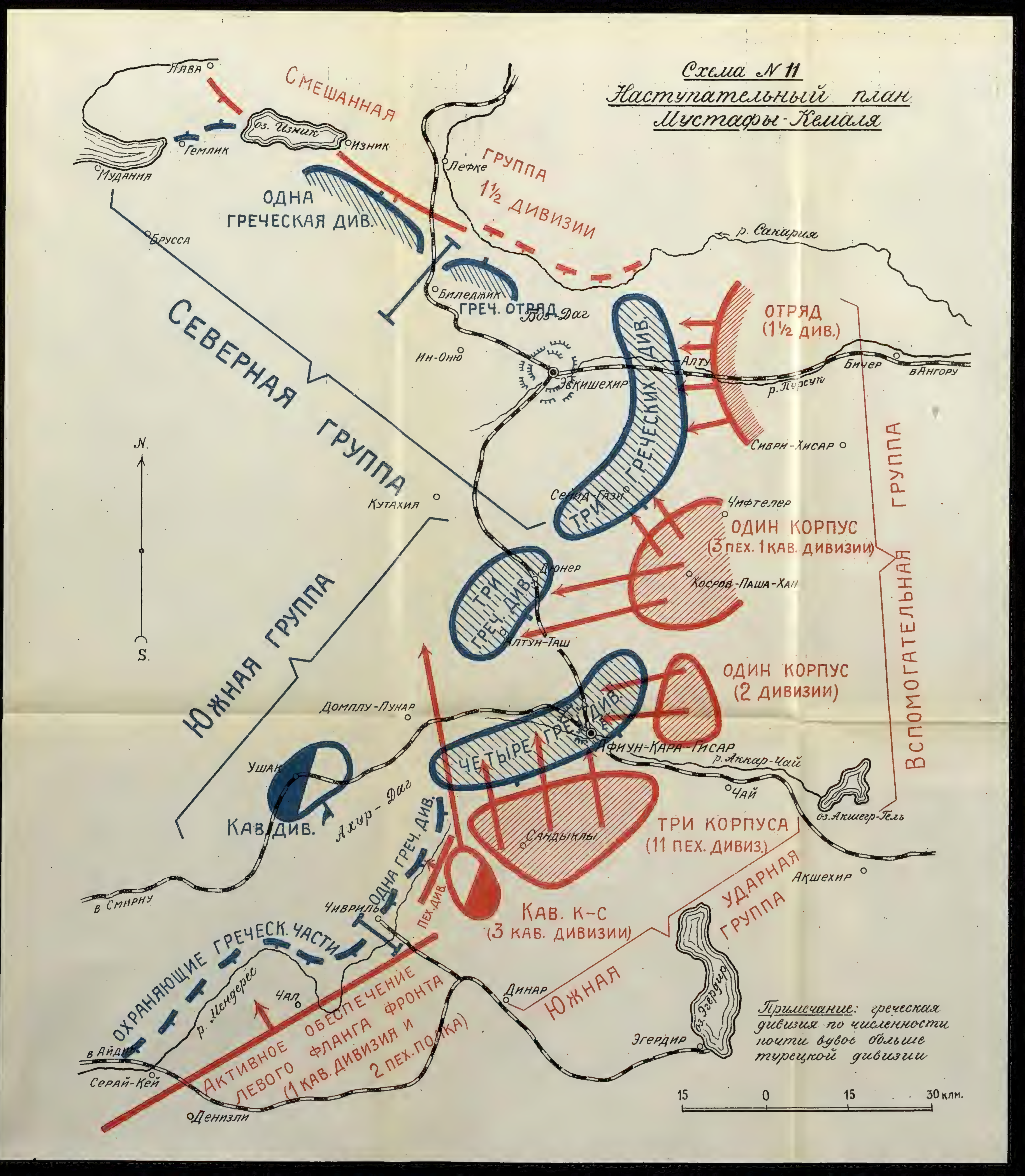

Схема № 11
Наступательный план
Мустафы-Кемаля
Ялва
Смешанная
группа
1½ дивизии
оз. Изник
Изник
Гемлик
Мудания
Лефке
Одна
греческая див.
Брусса
р. Сакария
Биледжик
Греч. отряд
Боз-Даг
Отряд
(1½ див.)
Ин-Оню
Алту
Бичер
в Ангору
Эскишехир
р. Пурзук
Три греческих див.
Северная группа
Сиври-Хисар
N.
S.
Кутахия
Сеид-Гази
Чифтелер
Один корпус
(3 пех. 1 кав. дивизии)
Дюнер
Хосров-Паша-Хан
Три греч. див.
Алтун-Таш
Вспомогательная группа
Южная группа
Один корпус
(2 дивизии)
Домплу-Пунар
Четыре греч. див.
Афиун-Кара-Гисар
р. Аккар-Чай
Ушак
Чай
Ахыр-Даг
оз. Акшегр-Гель
Кав. див.
Одна греч. див.
Сандыклы
Три корпуса
(11 пех. дивиз.)
Ударная группа
Акшехир
в Смирну
Пех. див.
Кав. к-с
(3 кав. дивизии)
Чивриль
Охраняющие греческ. части
Южная
Динар
оз. Эгердир
Чал
р. Мендерес
Активное обеспечение левого фланга фронта
(1 кав. дивизия и 2 пех. полка)
Эгердир
в Айдин
Серай-Кей
Денизли
Примечание: греческая дивизия по численности почти вдвое больше турецкой дивизии
15 0 15 30 клм.

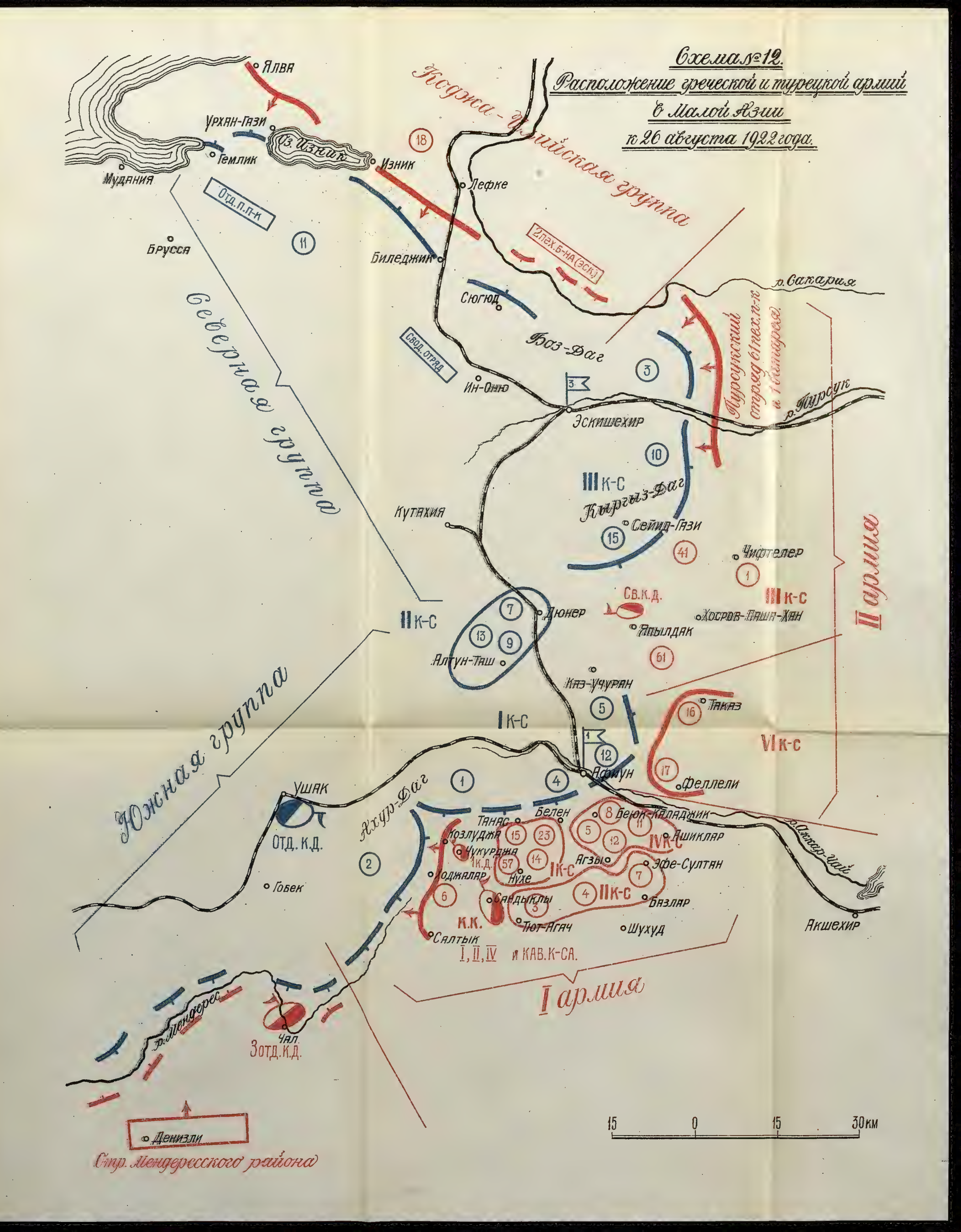

Схема № 12.
Расположение греческой и турецкой армий в Малой Азии к 26 августа 1922 года.
Коджа-Элийская группа
Северная группа
Южная группа
II армия
I армия
Ялва
Урхан-Гази
Оз. Изник
Изник
Темлик
Мудания
Брусса
Отд. п.п-к
Лефке
Биледжик
2 пех. б-на (3 эск.)
Сюгюд
Своднотряд
Боз-Даг
Ин-Оню
Эскишехир
р. Сакария
р. Пурсук
Пурсукский отряд 61 пех. п-к и 1 батарея
III к-с
Кыргыз-Даг
Сейид-Гази
Кутахия
Чифтелер
Св. к. д.
Дюнер
Хосров-Паша-Хан
Ялыдак
II к-с
Алтун-Таш
Каз-Учуран
Таказ
I к-с
VI к-с
Афиун
Феллели
Ушак
Отд. к. д.
Ахыр-Даг
Белен
Танас
Беюк-Каладжик
Козлуджа
Чукурджа
1 к. д.
Ходжалар
Нухе
Агзы
Ашиклар
Эфе-Султан
IV к-с
I к-с
II к-с
Сандыклы
Бязлар
Гобек
К. К.
Тют-Агач
Шухуд
Салтык
I, II, IV и кав. к-са.
р. Акшар-Чай
Акшехир
р. Мендерес
Чал
3 отд. к. д.
Денизли
Стр. Мендересского района
15 0 15 30 км

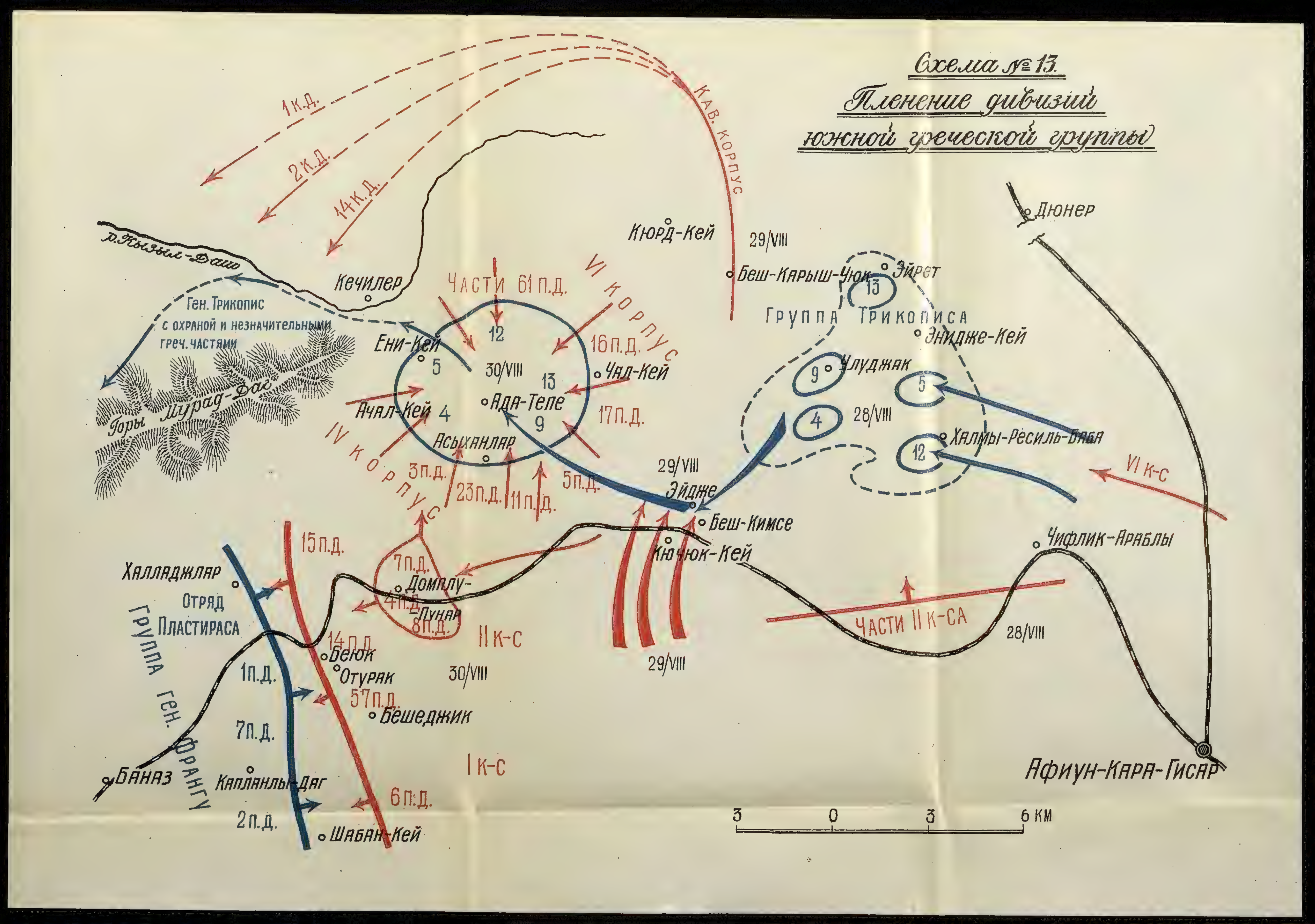

Схема № 13.
Пленение дивизий южной греческой группы
1 к.д.
2 к.д.
14 к.д.
Кав. корпус
р. Кызыл-Даш
Кечилер
Кюрд-Кей
29/VIII
Беш-Карыш-Чюк
Эйрет
13
Группа Трикописа
Энидже-Кей
Улуджак
9
5
4
28/VIII
Халмы-Ресиль-Баба
12
VI к-с
Дюнер
Части 61 п.д.
VI корпус
Ген. Трикопис с охраной и незначительными греч. частями
Ени-Кей
12
5
30/VIII
13
16 п.д.
Чал-Кей
Ада-Тепе
Ачал-Кей
4
9
17 п.д.
Асыханлар
Горы Мурад-Даг
IV корпус
3 п.д.
23 п.д.
11 п.д.
5 п.д.
29/VIII
Эйдже
Беш-Кимсе
Кючюк-Кей
Чифлик-Араблы
15 п.д.
Халладжлар
Отряд Пластираса
7 п.д.
Домплу-
4 п.д.
-Лунар
8 п.д.
II к-с
Части II к-са
28/VIII
29/VIII
14 п.д.
Беюк
Отурак
30/VIII
1 п.д.
57 п.д.
Бешеджик
Группа ген. Франгу
7 п.д.
I к-с
Баназ
Капланлы-Даг
6 п.д.
2 п.д.
Шабан-Кей
Афиун-Кара-Гисар
3 0 3 6 км

Схема № 14.

Преследование греков к Мраморному и Эгейскому морям.

